

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

CONSTRUCTION LINGUISTICS

Ekaterina V. Rakhilina (ed.)

Азбуковник
Москва, 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

ЛИНГВИСТИКА КОНСТРУКЦИЙ

Ответственный редактор
Е. В. Рахилина

Азбуковник
Москва, 2010

ББК 81.2Рус-5
УДК 811.161.1'37
P27

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16210д*

*Данное исследование было выполнено по проекту
«Конструкции и динамика текста» в рамках Программы ОИФН РАН
«Текст во взаимодействии с социокультурной средой:
уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»*

Рецензенты:

доктор филологических наук Анна А. Зализняк
доктор филологических наук Д. О. Добровольский

Редакционная коллегия:

Е. В. Рахилина (отв. ред.)
Т. И. Резникова

Е. В. Рахилина

P27 Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. —
М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. — 584 с.
ISBN 978-5-91172-032-2

В монографии представлены исследования лексических и синтаксических явлений русского языка (в ряде случаев в сопоставлении с другими языками), выполненные в рамках теории «Грамматики конструкций» — бурно развивающегося в настоящее время направления лингвистического анализа, которое позволяет представить синтетическую картину многих языковых фактов. В книге показано также, что многие черты Грамматики конструкций — например, установка на объяснение, содержательный семантический анализ синтаксических явлений и др. — находят прямые параллели в российской лингвистической традиции.

ББК 81.2Рус-5
УДК 811.161.1'37

ISBN 978-5-91172-032-2

© Коллектив авторов, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие составителя	13
Благодарности.....	16
Введение. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи (<i>Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова</i>)	18
Вводные замечания.....	18
§ 1. Конструкции в Грамматике конструкций.....	19
§ 2. Чарльз Филлмор: путь к созданию Грамматики конструкций	24
§ 3. Ученики и последователи	30
3.1. А. Голдберг: конструкции и аргументная структура	30
3.2. А. Стефанович и С. Грис: коллострукционный анализ.....	34
3.3. М. Томаселло и А. Голдберг: конструкции в детской речи.....	46
§ 4. В окружении близких идей	49
4.1. Русская традиция	49
4.2. CxG & CG.....	58
§ 5. Оппоненты.....	67
Заключение и — предварение.....	75

Часть I. Конструкции в действии

Глава 1. <i>Тушат-тушат — не потушат</i> : грамматика одной глагольной конструкции (<i>В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина</i>)	83
§ 1. Вводные замечания.....	83
§ 2. Семантика конструкции: общие свойства и ограничения.....	87
2.1. «Прерывистая длительность»	88
2.2. Отнесенность к прошлому	89
2.3. Заключительная ситуация: семантика «нарушенного следствия».....	91
Глава 2. <i>По колено, до плеча</i> : конструкции уровня в типологической перспективе (<i>О. Ю. Шеманаева, Е. В. Рахилина</i>)	95
Введение	95
§ 1. Измерение уровня: фрейм	99
§ 2. Измеряемый объект (X) и параметр измерения (Y).....	100

§ 3. Глагольные конструкции уровня и ограничения на глагол (V)	102
§ 4. Базовый компонент конструкции: PREP и его аналоги	106
4.1. Конструкции с двойными предлогами	106
4.2. Падежные и предложные / послеложные конструкции	113
4.3. Именные атрибутивные конструкции и сложные слова	115
§ 5. К типологии эталонных уровней (Z): части тела и другие части	121
5.1. Общие замечания	121
5.2. О прототипических и непрототипических маркерах уровня	122
5.3. Фронтальность измерения и фасадность	124
5.4. Асимметричность измерения: верхняя vs. нижняя зона	125
5.5. Эталоны и измеряемые объекты	127
5.6. Эталон и проблема номинации	128
5.7. Внутренние органы как эталоны	130
5.8. Другие типы эталонных уровней (Z)	132
§ 6. Заключение	135
Глава 3. Анекдот как конструкция	
(Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян)	138
§ 1. Введение	138
§ 2. Каламбур как игра конструкций	140
§ 3. Как совмещаются конструкции?	142
§ 4. Каламбурные анекдоты как лингвистические задачи	147
§ 5. Заключение	154

Часть II. Грамматика конструкций и модели языка

Глава 1. Русские депиктивы	
(Ю. Л. Кузнецова, Е. В. Рахилина)	159
§ 1. Введение	159
1.1. Опыт формально-синтаксического подхода	161
1.2. Опыт семантического подхода	162
§ 2. Депиктивная конструкция с творительным	167
2.1. Семантика	167
2.2. Ограничения на глагол	170
§ 3. Конструкция с согласованным определением	176
§ 4. Прилагательные и глаголы	179
§ 5. Заключение	180
Глава 2. Русская конструкция с предлогом <i>по</i>	
и проблема неаккузативности (Ю. Л. Кузнецова)	184
§ 1. Постановка задачи	184
§ 2. Неаккузативность и конструкция с <i>по</i>	187
2.1. О теории неаккузативности	187

2.2. Диагностики неаккузативности в русском языке	189
2.3. Не-неаккузативность: реальная картина употребления дистрибутивов	192
2.4. Числительные в дистрибутивной конструкции: особое поведение?	194
§ 3. Дистрибутивная конструкция и дистрибутивная ситуация	199
3.1. О структуре дистрибутивной ситуации	199
3.2. Счетность множества выбора	201
3.3. Дистрибутивность и устойчивые отношения	203
§ 4. Заключение	217
Глава 3. А был ли концепт? Контейнер и содержимое в русском языке (<i>Е. В. Рахилина</i>)	
§ 1. Постановка задачи	219
§ 2. Атрибутивная конструкция с <i>глубокий</i>	222
§ 3. Конструкции с предлогом <i>в</i>	225
§ 4. Конструкция с предлогом <i>с</i> (комитатив)	229
§ 5. Несколько слов о множественной классификации	233
§ 6. Генитив меры	238
6.1. О терминологии	238
6.2. О семантической доминанте	241
§ 7. Заключение	245
Глава 4. Конструкция с русским родительным и ее формальная интерпретация (<i>Е. В. Рахилина</i>)	
Введение	247
§ 1. Формальный подход к генитивной конструкции	247
§ 2. Прилагательное <i>favourite</i> 'любимый'	249
§ 3. Постановка задачи	251
I. Генитив с именами деятеля	252
§ 1. О семантической структуре имен деятеля	252
§ 2. Ограничения на генитив	254
§ 3. Анализ и объяснение	255
§ 4. Результаты	266
II. Другие генитивные конструкции	268
§ 1. Генитив меры	269
§ 2. Генитив времени	272
§ 3. Части-целые	274
§ 4. Генитив места	276
§ 5. Генитив изображения	278
Заключение	282

Часть III. Конструкции и проблемы описания аргументной структуры

Глава 1. Конструкция с дательным посессивным (<i>Е. В. Рахилина</i>)	289
§ 1. Дательный посессивный падеж и ограничения на его употребление	290
§ 2. Методика исследования глагольных ограничений на употребление ДП	294
§ 3. Семантический анализ глаголов, не допускающих ДП	298
3.1. Глаголы психической каузации	298
3.2. Глаголы адресации	301
3.3. Глаголы восприятия	302
3.4. Глаголы приобретения	302
Послесловие 2010 года	309
 Глава 2. Вечная загадка <i>промахнуться</i> (<i>Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян</i>)	309
§ 1. Введение: постановка задачи	309
§ 2. Глаголы движения: прагматика	310
§ 3. Ситуативная семантика: <i>выиграть</i> и <i>проиграть</i>	312
§ 4. Антирезультативы	312
§ 5. Заключение	317
 Глава 3. Новая загадка <i>хватать</i> (<i>Е. В. Рахилина, И. Кор Шаин</i>)	318
§ 1. Введение: постановка задачи	318
1.1. <i>Хватать</i> как многозначный глагол	318
1.2. Конструкции с <i>хватать</i>	319
§ 2. Семантика конструкций и сочетаемостные ограничения	321
2.1. POSS	321
2.2. DAT	323
§ 3. Загадка отрицания	326
3.1. Семантика «дополнения» Y' в DAT	327
3.2. Семантика «дополнения» Y" (POSS) в сопоставлении с Y' (DAT)	328
§ 4. О запретах	320
§ 5. Заключение	331

Часть IV. Грамматикализация, лексикализация и ребрендинг — способы образования новых конструкций

Глава 1. Новые конструкции как хорошо забытые старые (<i>О. Н. Ляшевская, Е. В. Рахилина</i>).....	333
§ 1. Постановка задачи	333
§ 2. О семантике конструкции	338
§ 3. Механизмы заимствования и дискурс.....	343
§ 4. Заключение.....	348
Глава 2. О категории лексической множественности (<i>Е. В. Рахилина, Ли Су Хён</i>).....	350
§ 1. Введение: понятие количественного квантификатора	350
§ 2. Грамматикализация количественных лексем.....	356
§ 3. Семантика количественных значений: ‘БОЛЬШЕ’ из ‘ВЫШЕ’?.....	360
§ 4. Другие регулярные механизмы метафоризации количественных значений	366
4.1. Еще одна статическая метафора: источник — вместилища	366
4.2. Динамическая метафора: источник — движущиеся массы	372
§ 5. Значения лексической множественности в русском языке	381
§ 6. Заключение.....	391
Глава 3. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг (<i>Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, О. С. Карпова</i>).....	396
§ 1. Введение: о задаче	396
§ 2. Метафоры и метонимии в прилагательных	400
2.1. Общие представления	400
2.2. Метафора.....	401
2.3. Метонимия	404
§ 3. Семантические сдвиги в прилагательных.....	409
3.1. Метафоры прилагательных.....	409
3.2. Метонимия в прилагательных	413
§ 4. Метафора и метонимия в действии: семантические сети	422
§ 5. Ребрендинг.....	426
5.1. <i>Грубый</i>	427
5.2. <i>Дикий</i>	428
5.3. <i>Активный</i>	430
5.4. <i>Дружный</i>	430
5.5. <i>Богатый</i>	431
5.6. <i>Здоровый</i>	433
5.7. <i>Густой</i>	436

5.8. <i>Бледный</i>	438
5.9. <i>Противный</i>	439
5.10. <i>Редкий</i>	442
5.11. Другие иллюстрации и типы ребрендинга	443
5.12. Механизм ребрендинга: особенности.....	445
§ 6. Грамматикализация — как ребрендинг	450
§ 7. Вместо заключения.....	453
Глава 4. Типология преобразования конструкций:	
предикаты боли (<i>Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова,</i> <i>А. А. Бонч-Осмоловская</i>)	456
§ 1. Введение. О задаче.....	456
§ 2. О материале и методике его сбора	460
§ 3. Конструкции с собственно-болевыми глаголами	463
3.1. Глаголы локальной боли VS. глаголы плохого самочувствия	463
3.2. Способы лексикализации.....	465
3.3. Стативность как свойство болевой зоны.....	467
3.4. Синтаксические свойства собственно-болевых предикатов.....	468
§ 4. Семантические источники предикатов боли и потери функциональности.....	476
4.1. Боль и потеря функциональности	476
4.2. Горение	477
4.3. Разрушение и деформация.....	478
4.4. Звук	479
4.5. Движение и каузация движения	480
4.6. Потеря функциональности.....	481
4.7. Боль и эмоции	483
4.8. О классификации полей-источников физической боли	484
§ 5. Морфологические механизмы стативизации	486
5.1. Общие замечания	486
5.2. Дуративная стратегия.....	487
5.3. Результативная стратегия	488
5.4. Перестройка парадигм	489
5.5. Дуративы или результативы? — проблема выбора.....	491
5.6. Дуративно-результативная шкала	493
5.7. Некоторые уточнения к структуре шкалы: таксономия и акциональность.....	496
5.8. Проспективная стратегия.....	499
5.9. Морфологическое маркирование: итоги	502
§ 6. Морфосинтаксис: смена лексико-грамматического класса как средство стативизации.....	503
6.1. Общие замечания.....	503

6.2. Отглагольные прилагательные (причастия)	504
6.3. Отглагольные существительные	507
6.4. Номинализация в японском: особый путь эволюции	510
§ 7. Синтаксические инструменты стативизации	512
7.1. Предварительные замечания	512
7.2. Тип (a): Source _{intrans} → Goal _{intrans}	516
7.3. Тип (b): Source _{trans} → Goal _{trans}	518
7.4. Тип (c): Source _{trans} → Goal _{intrans}	520
7.5. Тип (d): Source _{intrans} → Goal _{trans}	522
7.6. Эффекты вариативности синтаксического оформления	523
7.7. Синтаксическое маркирование: итоги	526
§ 8. Механизмы семантического сдвига: ребрендинг	527
8.1. Вводные замечания	527
8.2. Метафора и метонимия в болевых конструкциях	528
8.3. Не-метафора и не-метонимия: ребрендинг	530
8.4. О градуальности изменений болевой зоны	532
8.5. Итоги и перспективы: глагольный ребрендинг за пределами болевой зоны	535
§ 9. Выводы	539
Вместо заключения	541
Литература	542
Указатель терминов	573
Summary	582

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга составлена из работ, так или иначе связанных с лингвистическим описанием особых единиц языка: конструкций. Особенность их в том, что они не элементарны, то есть состоят из нескольких более простых единиц, а функционируют как единое целое. Весь прошлый век лингвистика была сосредоточена на поиске своих «элементарных частиц» — фонем, морфем, аргументных отношений, сем и т. д. В то время казалось, что именно они представляют главную загадку — сложные же единицы образуются композиционно: как сумма простых с учетом их синтаксических отношений. Но сложные единицы оказались сложнее и интереснее. Оказалось, они образуются не взаимодействием, а *взаимопроникновением* своих составных компонентов. Как именно это происходит? Вот этой проблеме книга и посвящена.

Теоретические ее основания составляют все те теории, в которых конструкциям уделялось внимание. Прежде всего это теория Грамматики конструкций Ч. Филлмора, которая успешно развивается во всем мире с середины 1980-х и в которой конструкция является главным объектом описания. Между тем, сам Ч. Филлмор нередко ссылается на российские работы — прежде всего, касающиеся описания так называемых лексических функций. И действительно, в рамках модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» в свое время были сделаны интереснейшие наблюдения над этим классом языковых явлений — хотя и под другими именами (фразема, модель управления, параметр и др.) и построен целый ряд их классификаций. Но термин «конструкция» гораздо старше — с некоторой долей условности можно считать, что он использовался в лингвистике всегда. Так, если говорить о традиционной русистике, то понятием «конструкция» всегда оперировала, например, Академическая грамматика, да и сама Н. Ю. Шведова посвятила конструкциям книгу («Очерки по синтаксису русской разговорной речи») — трудно поверить — 1960 года.

Конечно, всегда важно, что именно вкладывается в данный термин. Между тем, как кажется, его общая идея от автора к автору не меняется: в семантике этого слова как бы заложена идея цельности, единства, а это и есть главное. И все-таки, развернутую теоретическую интерпретацию этому свойству конструкций, по-видимому, дал именно Ч. Филлмор. Он объяснил, что не только рекурсия, но и ожидаемое заполнение переменных представителями того же синтаксического класса на материале конструкций невозможно: и в употреблении конструкции, и при заполнении любой ее переменной нас ждут самые неожиданные (на первый взгляд) ограничения, обусловленные как раз результатом взаимодействия компонентов на всех уровнях — от просодического до лексико-семантического и прагматического. А так как конструкциями пронизан весь язык, и всё в нем — конструкции, если только это не обрывок словосочетания или предложения и не осколок — недорасслышанное или недопроизнесенное слово, то вся эта тематика приобретает особенную остроту.

Практика такова, что сегодня конструкциями занимаются тысячи лингвистов в самых разных странах мира. Достижения в этой области уже нельзя игнорировать — их приходится встраивать во все лингвистические теории, независимо от их исходных постулатов, смиряясь с тем, что факты требуют признать теснейшую связь языковой семантики и языковой формы и поступиться принципами (и даже параметрами). Проще всего специалистам по семантике — и в особенности лексикологам: они всегда, что называется, «говорили прозой». Поэтому несколько статей, включенных в этот сборник, в своем начальном варианте были написаны еще до официального «открытия» теории Грамматики конструкций или по крайней мере до того, как эта теория стала известна их авторам. С другой стороны, в рамки Грамматики конструкций хорошо вписывается и философия корпусных исследований — а это работы самого последнего времени, и они тоже вошли в этот сборник.

Честно говоря, мне давно хотелось сделать такую книгу — о конструкциях, что называется, «в действии» (ср. «Constructions at work» — заглавие известной монографии Адель Голдберг, одного из теоретиков Грамматики конструкций нового поколения), и при этом на материале русского языка. Но не просто составить сбор-

ник описаний конкретного языкового материала, который укладывается в новую теорию, а выбрать такие описания, где бы поднимались существенные для лингвистики в целом теоретические вопросы и развивался другой взгляд на них — сквозь призму конструкций. Таких работ, по-видимому, уже довольно много — может быть, нужен не один сборник, а целая серия? Пока это сборник работ, которые я сама хорошо знаю — моих собственных, моих учеников и коллег по совместным проектам. Некоторые из этих статей были в разное время в каком-то варианте опубликованы — по большей части в малодоступных изданиях. Собранные под одной обложкой, они, как мне кажется, дополняют и проясняют друг друга, соединяясь в целое, и если использовать лингвистическую метафору, то, наверное, тоже образуют конструкцию :).

Е. В. Рахилина

БЛАГОДАРНОСТИ

Как инициатор проекта этой книги и ее составитель, я хотела бы поблагодарить всех, кто причастен к ее созданию.

Во-первых, ее авторов — и моих соавторов — за то, что было так интересно и радостно работать с ними рядом и учиться у них: Юлию Кузнецову, Татьяну Резникову, Ольгу Ляшевскую, Анастасию Бонч-Осмоловскую, Ирину Кор-Шаин, Ли Су Хён, Ольгу Шеманаеву, Ольгу Карпову, а также моего мужа В. А. Плунгяна.

Во-вторых, всех участников коллективных проектов, работа над которыми так или иначе отражена в этой книге: это проекты NSF под руководством Барбары Парти, проект INTAS под руководством Марии Копчевской-Тамм, мой собственный проект РФФИ по семантике прилагательных, проекты РГНФ и РФФИ по типологии глаголов боли А. А. Бонч-Осмоловской и А. В. Костыркина (подробные ссылки даны при соответствующих главах).

В-третьих, официальных рецензентов книги, Анну А. Зализняк и Д. О. Добровольского, а также анонимных экспертов РГНФ, рекомендовавших ее к печати — и всех тех, кто заинтересованно обсуждал и критиковал идеи, здесь изложенные, читая первые варианты статей, превратившихся потом в ее главы, или слушая в разные годы доклады по отдельным ее разделам на конференциях и московских семинарах под руководством Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Т. М. Николаевой, а также на Летних типологических школах в Литве под руководством Акселя Хольвута. В особенности хочу поблагодарить С. С. Сая, Ю. Д. Апресяна, Б. Х. Парти, В. Б. Борщева, Е. В. Падучеву, Г. И. Кустову, Ю. А. Ландера, П. В. Гращенкова, А. Э. Гращенкову, С.М. Толстую, А. С. Архипову, В. А. Успенского, Д. А. Паперно, А. Д. Шмелева, а также Э. Даля, М. Копчевскую-Тамм, Э. Траугот, М. Хаспельмат, Т. Кутеву, С. Лёбнера, М. Бауерман, Л. Янду и Т. Нессета. Благодаря их критике и замечаниям удалось исправить многие ошибки и улучшить текст.

А еще мне хотелось бы сказать спасибо студентам, аспирантам и просто участникам моих семинаров в РГГУ и МГУ: это то научное и человеческое общение, которое всегда доставляло мне радость и вдохновляло и меня, и других авторов этой книги.

Особенное спасибо — моей семье: маме, мужу и детям, стойко поддерживавшим меня весь долгий период работы над рукописью. Моя старшая дочь Надя сделала иллюстрации и обложку — с фрагментами из чертежей моего папы, который тоже занимался конструкциями — только самолетов «Ил».

У этой книги есть редактор: это один из моих соавторов, сотрудников, друзей (и даже, наверное, соратников) — Таня Резникова. Она проделала огромную работу, чтобы рукопись стала книгой и очень помогла мне. Спасибо ей большое.

Книга сверстана В. Ю. Гусевым, который делает макеты так же легко, красиво и профессионально, как и свои собственные лингвистические проекты.

Я благодарю издательство «Азбуковник», терпеливо дожидавшееся рукописи.

Введение

ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ: ТЕОРИЯ, СТОРОННИКИ, БЛИЗКИЕ ИДЕИ

Вводные замечания

Эту — первую — часть книги можно с некоторой долей условности считать обзорной. В ней пойдет речь о разных концепциях, описаниях и теориях языка, так или иначе обсуждающих проблематику конструкций, — и прежде всего о теории Грамматики конструкций, родоначальником которой, как уже было сказано в предисловии, является хорошо известный российскому читателю лингвист Чарльз Филлмор. Его концепцию, как главный объект нашего обзора, мы рассмотрим максимально подробно — сначала в целом (§1), затем в контексте других идей Филлмора (§2), в отдельных аспектах, отраженных в трудах учеников и последователей (§3), в сопоставлении с близкими традициями (§4), а также в отзывах оппонентов (§5). В Заключении мы обозначим те положения этой теории, которые затем представим подробнее и проиллюстрируем новым языковым материалом — в следующих главах этой книги.

Теория Грамматики Конструкций (или Construction Grammar, а сокращенно CxG ¹) была предложена в конце восьмидесятих годов — именно с этого времени данный термин начинает фигурировать в лекциях и публичных выступлениях ее автора, однако он сам пока не выпустил монографии с подробным описанием своей новой теории ². Но Ч. Филлмор — особый человек. Он и вообще пишет довольно мало — например, у него практически нет книг. Другое дело, что несколько лет назад издательство The University

¹ Об этом сокращении см. также ниже раздел 4.2.

² Работу Fillmore, Kay 1992, на которую иногда ссылаются, можно рассматривать исключительно как самое простое методическое пособие в помощь начинающим.

of Chicago Press объявило о скором выпуске в свет монографии под названием «Construction Grammar», в создании которой кроме Чарльза Филлмора будут участвовать Пол Кей, Айвен Саг и Лора Микаэлис³, но пока эта книга еще не вышла. Поэтому в основном информация о СхG исходит от учеников и последователей Ч. Филлмора, посвятивших свои работы тому или иному аспекту теории, или из его собственных кратких статей, представляющих конкретные ее результаты, то есть описания отдельных конструкций английского языка, ср., например, Croft 2001; Fried, Östman (eds.) 2004; Fried, Boas (eds.) 2005; Goldberg 1995, 2006; Östman, Fried (eds.) 2005; Tomasello 2003 и мн. др., а также Fillmore 1986, 1988, 1989, 1999 и др.; ср. также ниже.

§ 1. Конструкции в Грамматике конструкций

Итак, основной единицей языка, согласно СхG, является конструкция, в частности конструкция оказывается в центре внимания при изучении синтаксиса и семантики. При этом под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей»⁴. Конструкциями считаются языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения — в рамках СхG есть работы, описывающие дативные, каузативные, залоговые, предложные, приставочные

³ П. Кей известен прежде всего как исследователь цветообозначений, ср. знаменитую работу Berlin, Kay 1969, положившую начало семантической типологии цвета; А. Саг — профессор Стенфордского университета, который в соавторстве с Томасом Васовым является автором другой известной лингвистической теории — вершинной грамматики составляющих (HPSG); Л. Микаэлис — профессор университета Колорадо, ученица Филлмора, которая исследует взаимодействие между словами и конструкциями в диалоге, в частности способы выражения в языке времени и вида.

⁴ Ср.: «C is a CONSTRUCTION iff_{def} C is a form-meaning pair $\langle F_i, S_i \rangle$ such that some aspect of F_i or some aspect of S_i is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions» (Goldberg 1995:4); см. также обзорную статью Рахилина 2002.

конструкции и т. д. Одной из самых известных статей, посвященных конструкциям, является статья Fillmore et al. 1988. В ней на примере английского *let alone* (на русский это выражение можно перевести фразеой ‘не говоря ⟨уж⟩ о’) авторы продемонстрировали, как, с их точки зрения, должен проводиться анализ конструкции в качестве единицы грамматического описания.

На **синтаксическом** уровне компонент *let alone* связывает две синтаксически равноправные единицы (А и В) и задает соотношение между ними. Однако для появления всего этого комплекса в тексте необходим еще один элемент (С), отрицающий пропозицию в подчиненном предложении, ср., например, *I doubt* ‘я сомневаюсь’:

I doubt (С) *he made colonel* (А) *let alone general* (В).

‘Я сомневаюсь, что он стал полковником, не говоря уж о генерале’.

Семантически конструкция *LET ALONE* подразумевает шкалу, на которой расположены варианты развития событий, причем первая пропозиция (А) представляет более слабое предположение, чем второе (В). Следовательно, ее семантику можно описать приблизительно так: ‘каковы бы ни были наши причины сомневаться в истинности А, причины не верить в В еще более серьезны’.

С **прагматической точки зрения** здесь отвергается более слабое (т. е. более вероятное) предположение, чем то, в котором заинтересован говорящий, — и как следствие, пропозиция, о которой идет речь (‘он является генералом’) отвергается с большей экспрессивной силой, чем если бы она оказалась в сфере действия простого отрицания.

Подробный разбор свойств *LET ALONE*, представленный в статье, является своего рода мастер-классом по анализу языковых выражений. На этом примере можно видеть, что элементы и значения каждого из участвующих в данной конструкции уровней существуют не по отдельности, а в тесной взаимосвязи друг с другом: более слабое предположение, отвергающееся на прагматическом уровне, располагает объекты, появляющиеся на синтаксическом уровне, на шкале, действующей на семантическом уровне. Таким образом, элементы разных уровней не просто свя-

заны — они неотделимы, и интерпретируются во взаимодействии друг с другом. Нередко в «одной упряжке» могут оказаться не только семантико-синтаксические (и прагматические), но и морфологические, и даже фонетические свойства отдельных составляющих⁵. Цельность, единство конструкции как языкового знака, иначе говоря, то, что объяснение одного класса свойств, т. е. ограничений одного уровня, невозможно без обращения к другим уровням, является центральной идеей всей теории СхG. Это положение очень важно, несмотря на свою предельную простоту. Принятие его имеет ряд существенных последствий.

— В первую очередь обратим внимание, что фактически в таком случае речь идет о невозможности автономного синтаксиса (точно так же, как и автономной семантики или морфологии). Все уровни являются взаимосвязанными в том смысле, что никакие элементы или операции не функционируют только на одном из них. Например, нельзя сказать, что данный элемент важен только на синтаксическом уровне, а после того, как заканчивается синтаксическая обработка и начинается, скажем, семантическая, он уже не нужен.

Очень важным для СхG является идея, что анализ на различных уровнях происходит не последовательно, а одновременно, и элементы одного из уровней постоянно доступны и могут взаимодействовать с элементами другого уровня. Более того, очень часто мы не можем формулировать ограничения на компоненты конструкции, делая это последовательно, для каждой переменной отдельно — так сказать, по очереди, потому что взаимосвязанность ее фрагментов на всех уровнях предполагает, что свойства одного компонента выбираются *в зависимости* от каждого из остальных. Это значит, что, теоретически, каждый набор свойств данного компонента определяет для его соседа свой круг ограничений. Новая его реализация — с другим набором свойств — может потребовать эти ограничения радикально пересмотреть — в то время как сама конструкция останется при этом неизменной⁶.

⁵ Такого рода случай обсуждается, например, в Главе 3 Части I (§2).

⁶ Ясную иллюстрацию к этому тезису см. в Главе 1 Части II.

- Другое важное следствие — в том, что форма высказывания оказывается мотивированной. Именно семантика определяет (но не предсказывает) его состав и наполнение, поскольку главное в каждой конструкции — ее значение. Парадокс, однако, состоит в том, что — согласно теории СхG — это значение не складывается непосредственно из значений составляющих единиц и синтаксических связей между ними, как того требует принцип композициональности в том прямом и строгом смысле, в котором его представляли себе логики — Г. Фреге или Р. Монтегю (см. также Partee 1995, Богуславский 1996) — ведь оно, как мы уже говорили, образуется не соположением, т. е. простой суммой, а сложным взаимодействием множества свойств отдельных компонентов. Так что, образно говоря, конструкция похожа на сложенный пазл или решетку sudoku, в которых целое предстает как неделимое, но одновременно и как собранное из отдельных фрагментов: все дело опять-таки в том, что и значение целого, и значение каждого отдельного фрагмента зависимо от серий параметров многих других частей.
- Понятно, что такого рода языковые единицы должны быть индивидуальны, специфичны для конкретного языка и их нельзя штамповать набором простых универсальных правил. Одновременно они и универсальны — в том смысле, что пронизывают весь и всякий естественный язык: все человечество говорит конструкциями. В какой степени конструкции разных языков различны и сходны — по-настоящему, это еще только предстоит выяснить, однако уже сейчас видно, что врожденной грамматикой тут явно не обойтись. По представлению теоретиков СхG, простые конструкции запоминаются целиком, так что, вообще говоря, было бы правильно для каждого языка создавать не только словарь слов, но и словари конструкций⁷. Сложные — получаются при взаимодействии простых и в результате операций над ними, но не на базе жестких универсальных правил, а с

⁷ Ср. здесь проект «Constructicon», представляющий именно такой словарь для английского языка в рамках проекта Framenet, подробнее см. Fillmore 2008.

- опорой на общезначимые принципы, причем такие, которые носителю языка не надо специально учить: он осваивает и применяет их в любой когнитивной деятельности.
- Близкие конструкции устроены похоже — чтобы их легче было запоминать и употреблять. Таким образом, в языке конструкции существуют целыми семействами. Нам привычны семейства каузативных конструкций, пассивных, результативных, реципрокальных, но есть и конструкции скорости, дистанции, длительности, затруднения деятельности и др., и внутри каждого такого семейства обнаруживается существенное «семейное» сходство⁸ — опять-таки потому, что их внешнюю оболочку определяет общая семантика. Такое сходство всегда неполно: оно ограничено обязательными семантическими различиями внутри семейства.
 - Между тем семантика языковых единиц, как хорошо известно, изменчива. Это касается и конструкций: понятно, что они тоже должны меняться — причем меняться в целом, т. е. не только семантически, но и морфологически, и синтаксически. Это значит, что грань между синхронией и диахронией, на которой так настаивал структурализм и которая до сих пор существенна для формальных теорий, оказывается настолько зыбкой, что в рамках данного подхода впору о ней забыть: даже если мы занимаемся конструкциями сегодняшнего дня, нам поневоле приходится заглядывать и в прошлое, и в будущее, обращая внимание как на утраты, произошедшие в данном семействе конструкций, так и на новые, только рождающиеся возможности его развития. (Заметим, что специалисты по диахронии, которые по необходимости всегда опирались в своих исследованиях на данные древних языков, то есть, фактически, на корпусные данные, отмечали, что именно в рамках конструкций происходит и должен описываться наиболее значительный процесс языковых изменений — грамматикализация, см. об

⁸ Подробнее см., например, в статье Croft 2009; ее краткий обзор дается в §5 настоящего Введения. На русском материале эта проблема рассматривается в Главе 1 Части IV этой книги на примере семейства конструкций с семантикой затруднения (*проблема с* и др. под.).

этом в обзоре Майсак 2005, а также Bybee et al. 1994, Dahl 2004/2009 и др.)

Получается, что именно изменчивая природа конструкций как раз и дает возможность языку гибко и плавно изменяться, не теряя связи со своим предшествующим временным срезом. С лингвистической точки зрения очень важно знать, какие именно свойства языка это движение захватывает, как в точности происходит такая перестройка, насколько она связана с такими известными типами семантических переходов, как метафора или метонимия, — и здесь мы делаем пока первые шаги⁹.

Однако все эти аспекты языка остаются очень мало изученными, поскольку лингвисты в большинстве своем осваивали пока лишь внешние атрибуты языка — так сказать, «фасад» этого известного «черного ящика»: фонетические особенности, грамматические показатели, порядок слов, согласование, сложные и простые предложения, но постепенно, к концу XX века, пришло время все эти сведения объединить и связать. И тут оказалось, что поиск ответов на многие вопросы упирается в наше незнание семантики языковых единиц — начиная с морфем, слов, неоднословных фразеологизмов и заканчивая семантическими принципами построения предложений и текстов самого разного типа, т. е. того, что называется дискурсивной семантикой.

Сказанное верно для истории лингвистики в целом. Но ведь есть и исключения — например, сам Чарльз Филлмор.

§ 2. Чарльз Филлмор: путь к созданию Грамматики конструкций

Научная жизнь ученого, как правило, длиннее жизни научной парадигмы. Парадигма меняется относительно быстро: двадцать лет — небольшой срок, а потом открываются новые факты и области исследования, выдвигаются новые теории и — складывается новая парадигма. Есть два способа на это реагировать: или радикально менять «текущую теорию», без сожаления отказываясь

⁹ В нашей книге специально обсуждению этой проблемы посвящена Глава 3 Части IV, а также, на другом языковом материале, Глава 4 этой же части).

от того, чем занимался сначала в 20, потом в 40, потом в 60..., или оставаться верным себе, пытаясь облечь новый материал в старые формы. Хомский, скорее, выбрал первый путь. Мельчук — скорее, второй. А вот Филлмору ничего не пришлось выбирать, как если бы он знал заранее, в каком направлении будет развиваться наука: его старые идеи никак не противоречат теориям сегодняшнего дня.

В 60-е годы он придумал глубинные падежи и падежные рамки (Fillmore 1968a). Сегодня это азы синтаксической семантики: аргументная структура (Grimshaw 1990, Dowty 1989, Jackendoff 1990, Ackema, Moog 2001), тета-роли (Chomsky 1981), глубинный синтаксис Московской семантической школы (Мельчук 1974, Апресян 1974, Mel'čuk 2004) — и, конечно, основа описания любой предикатной конструкции. Потом, в 70-е, он много сделал (ср., например, Fillmore 1971, 1985), чтобы в лингвистический оборот вошли пресуппозиции (или, в другой терминологии, презумпции) и ассерции как простейшее средство ранжирования информации в структуре толкования. При этом он не просто заимствовал эти понятия у логиков, для которых важнейшим в определении пресуппозиции был тест на сферу действия отрицания: ассерция — то, что подпадает под отрицание, а пресуппозиция — то, что не попадает¹⁰. По отношению к естественно-языковому материалу такое определение явно недостаточно, поэтому, сохранив название, Филлмор практически переосмыслил эти понятия, применяя их к неотрицаемым выражениям (которых в языке, в отличие от логических форм, довольно много), таким как *land* или *ground* ('земля'), *shore* или *coast* ('берег') [1982, 1985]¹¹. Та-

¹⁰ Ср. хрестоматийные примеры типа *не нашел свои очки*: 'не верно, что **нашел**' (это — ассерция, которая, по определению, подпадает под отрицание), но при этом '**искал**' (это тоже компонент смысла того же высказывания, но он не отрицается и имеет статус презумпции).

¹¹ Оказалось, что английский концепт земля-*land* входит во фрейм, связанный с водой (а значит, если бы мы решили искать ему лексическое соответствие в русском языке, это была бы «суша»), тогда как земля-*ground*, будучи противопоставлена воздуху, принадлежит совершенно другому фрейму (и соответственно, на русский не может переводиться как «суша», только как «земля»). Со своей стороны, берег-*shore* противопоставлен воде, тогда как берег-*coast* концептуализуется как крайняя, ближняя к воде часть суши (что в переводе на русский можно

ким образом, из логических конструкторов, полученных в результате действия одного частного оператора, пресуппозиция и ассерция в этом расширенном понимании превратились в важнейший инструмент (коммуникативной) организации семантической информации в толковании — не правда ли, это очень современный взгляд на вещи?

А еще на счету его научных открытий — глагольный дейксис: знаменитая проблема различий между английскими *come* и *go* (а также французскими *aller* и *venir* или русскими *приходить* и *уходить* и под.); первые его публикации на эту тему датируются 60-ми годами (Fillmore 1968b), ср. также Fillmore 1975 и 1983, а небольшая книжечка лекций о дейксисе в красивом переиздании вышла гораздо позднее (Fillmore 1997). В семантике этих глаголов, помимо движущегося субъекта, исходной и конечной точки движения, «обнаружился» говорящий, или его двойник — *viewer*, *observer*, ср. также термин *vantage point* (в русской традиции — *наблюдатель* — термин, независимо введенный в лингвистическую практику Ю. Д. Апресяном, см. ниже), который «следил» за движением либо из его начальной, либо из его конечной точки, в зависимости от лексемы. Таким образом, получилось, что предикатная структура таких глаголов включает в себя не только «глубинные падежи», ранг которых в дополнение к семантике самих падежных ролей определен еще и презумптивно-ассертивной структурой, но вдобавок и дополнительного участника — наблюдателя, который, имея несколько другой статус, легко в нее встраивается, правда, несколько усложняя предикатную конструкцию. Эта идея Ч. Филлмора широко обсуждалась и уточнялась, ср., например, Wilkins, Hill 1995 и цитируемую там литературу, так что в целом понятие наблюдателя утвердилось в лингвистике¹², хотя, видимо, и по сей день недооценено.

передать как «побережье»). Эти скрытые в семантике лексем противопоставления содержат очень существенную информацию, она никуда не утрачивается ни при действии отрицания, ни других операторов и представляет ясный и живой пример лингвистической презумпции в непредикатной лексике (о других, более «стандартных» применениях этого термина см., например, в Падучева 1985/2010).

¹² Для иллюстрации к сказанному приведем, например, следующую цитату из материалов обычного американского университетского курса

Как кажется, наибольшее (и в очень значительной степени самостоятельное) развитие оно получило как раз в Московской семантической школе. В пионерской работе Ю. Д. Апресяна, опубликованной в журнале «Семиотика и информатика» в 1986 году (Апресян 1986), обсуждалось, в частности, взаимодействие этого типа дейктической информации с грамматическими значениями. Еще раньше (Апресян 1980) Ю. Д. Апресян ввел в лингвистический обиход русскоязычной читательской аудитории примеры типа *дорога неожиданно повернула*, с не статичным, как у Филлмора, а движущимся наблюдателем, как бы идущим по дороге и отслеживающим изменения ее траектории. Другой его знаменитый пример — *на дороге показался всадник*, — с обязательным для успешности высказывания «обычным» наблюдателем-зрителем, расширил круг «дейктических» предикатов. Его идеи затем развивались — прежде всего в работах Е. В. Падучевой (ср. Падучева 1996), в том числе при формализации конструкции с родительным субъекта и объекта под отрицанием (Падучева 1997 и др.), а также Г. И. Кустовой (2004). Если принять точку зрения этих исследователей, то она, с одной стороны, отдалит лингвистическую семантику от своего источника — логики предикатов, а с другой — сделает ее описание более цельным, так как в конечном счете именно наблюдатель расставляет в предикации коммуника-

(автор — преподаватель университета в Северной Каролине William G. Lycan):

«And some locutions presuppose a kind of **vantage point**, often distinct from the place of actual utterance, that can shift even within a single sentence (Fillmore 1975; Taylor 1988). Take

(A) i. *Zonker went to Uncle Duke's party.*

ii. *Zonker came to Uncle Duke's party.*

(B) *I'm going out to clean the pasture spring; ... — You come too* (Robert Frost, "The Pasture")

(A.i) and (A.ii) can have the same truth condition, but (A.ii) can be said properly only by a speaker whose assumed vantage point is the party location itself. (Note too that what counts is the vantage point at the time of the party under discussion, not at the time of utterance; this is yet another context variable, usually called the reference time.) In (B), the vantage point shifts fluidly from the place of utterance to the pasture spring, or at least to somewhere along the journey at which the speaker is pictured as being ahead of the hearer».

тивные оценки, именно он ранжирует участников ситуации — по своему усмотрению.

Впрочем (и это тоже отмечал в свое время Ч. Филлмор), наблюдатель может присутствовать и в семантическом представлении непредикатных имен — потому что семантически свойства лексики, конечно, едины. Речь идет о признаке, который в работах Ю. Д. Апресяна (см., например, Апресян, 1969а, 1974/1995: 110, 1980/1995: 40), со ссылкой на Fillmore 1969, получил название «фасадность» и который присутствует в семантике многих конкретных имен. Он заставляет нас описывать эти имена как пространственно асимметричные, имеющие разные торцовые поверхности — лицевую, т. е. фасадную, и заднюю, нефасадную. Физические свойства этих поверхностей могут быть совершенно тождественны — несимметричность им обеспечивает фиксированная позиция воображаемого наблюдателя (не всегда совпадающего с говорящим), встроенного в семантику такого рода имен, которая отражается в их лингвистическом поведении, ярче всего — в предложных контекстах, ср. *перед домом*, т. е. ‘с лицевой, фасадной, наблюдаемой стороны’ VS. *за домом*, т. е. ‘с нефасадной, «невидной» наблюдателю задней стороны’.

Для сегодняшней лингвистики развитие темы дейксиса, отраженного в лексике, грамматике и в конструкциях в целом чрезвычайно актуально. Основываясь на достижениях Филлмора и его последователей, мы обнаруживаем новые и новые факты, открывающие роль дейксиса в самых разных слоях языка (ср., например, Апресян 2009: 84 и след., см. также Главу 2 Части IV этой книги). Наблюдатель, как оказывается, «прячется» буквально в каждой конструкции — чтобы организовывать высказывание коммуникативно, т. е. чтобы из текста рождался дискурс.

Из всего сказанного видно, что Филлмор как теоретик никогда не был структуралистом или генеративистом, как того требовало его время и окружение, и тем более не пытался вписаться в какие-то новые тренды типа минимализма — у него получалось идти своим путем, всегда чуть-чуть опережая свое время. Можно сказать, что этот «маршрут» привел его к Грамматике конструкций. А можно — что он выбрал конструкции как объект исследования с самого начала, а потом, когда пришло время, просто сформулировал некоторые свои теоретические идеи. Удача состо-

ит в том, что его (в сущности, тихий) голос всегда был слышен в общем лингвистическом хоре и сразу подхватывался. Очевидно, впрочем, что здесь сыграла роль не только удача: сами идеи были слишком нестандартны и привлекательны.

Для понимания связи работ Филлмора разных периодов важно, что любая его статья всегда представляет новый нестандартный языковой материал — языковые факты занимают его в гораздо большей степени, чем абстрактные построения. Поэтому так естествен был его энтузиазм в наступившую корпусную эпоху (ср. Fillmore 1992): мгновенно оценив новые возможности, он тут же принял участие в корпусных словарных проектах (ср. Fillmore, Atkins 1992; 1994), а затем предложил и свой проект, развивающийся по сей день: это FRAMENET, посвященный созданию корпуса с размеченными семантическими ролями, см. <http://framenet.icsi.berkeley.edu>; ср. также Lowe et al. 1997 — и таким образом, здесь опять «старые» теоретические разработки Филлмора соединились с «новыми», причем уже прикладными. Сегодня FRAMENET строится не только для английского, но и для других языков — французского, немецкого, чешского, испанского и др. — с тем, чтобы с помощью анализа глагольных конструкций сравнивать лексику разных языков — теперь это направление исследований называется лексической типологией (ср. Майсак, Рахилина (ред). 2007, Koptjevskaja-Tamm 2008), но в 2000-м году, когда вышла статья Fillmore, Atkins 2000, этого термина в современном семантическом понимании, пожалуй, еще не было¹³. Между тем на самом деле эта небольшая по объему статья, построенная всего лишь как описание одного английского глагола (*crawl* ‘ползти’) в сравнении с французским, предлагает алгоритм лексико-типологических исследований, основанный на сравнении конструкций как поверхностных реализаций набора элементарных для данной предметной области фреймов. Именно набор конструкций дает представление о «семантическом объеме» лексемы в выбранном языке, о том, богата или бедна в нем данная лексическая зона (подробнее см. Рахилина, Плунгян 2007).

¹³ Статья К. Леманна под названием «Towards lexical typology» (Lehmann 1990) апеллировала не к семантическим параметрам, а к синтаксическим, частеречным свойствам лексики.

Мы говорили о лингвистических идеях Ч. Филлмора и их связи с Грамматикой конструкций. И получилось, что с самого начала пойдя, что называется, своим путем, развивая свои собственные идеи и постепенно расширяя поле их применения, вводя в оборот новый языковой материал, Филлмор предложил концепцию практически универсального лингвистического инструмента, который пригодится и при построении грамматик, и при составлении словарей, и в типологии, и при обучении иностранному языку, и при работе с детской речью, и в прикладных разработках, связанных с автоматическим анализом текста. За ним, как мы видели в §1, стоят совершенно ясные теоретические постулаты и представления о языке, и он имеет немало последователей-теоретиков. Некоторые из них уже внесли в теорию настолько существенный вклад, что с их именами СхG связана теперь уже не менее тесно, чем с именем Филлмора.

§ 3. Ученики и последователи

3.1. Адель Голдберг: конструкции и аргументная структура

Монография ученицы Ч. Филлмора *Адели Голдберг* (Adele E. Goldberg, Принстонский университет, США) под названием «Конструкции: взгляд на аргументную структуру с позиций Грамматики конструкций» (Goldberg 1995) по-прежнему является наиболее авторитетным введением в СхG, хотя и вышла в 1995 году. Продолжение и развитие (в том числе и на материале исследований по детской речи) идеи этой книги получили в Goldberg 2006 (об этой книге см. также в разделах 3.3, 4.2 и § 5). Главная и наиболее революционная с точки зрения лингвистической традиции мысль автора этих работ такова: именные группы, относящиеся к участникам ситуации, должны, вопреки утверждению большинства современных теорий, описываться не как актанты глагола, а как элементы глагольных конструкций. Наравне с ними, точно таким же элементом конструкции, по мнению А.Голдберг, является и сам глагол. Подобная точка зрения действительно хорошо укладывается в концепцию СхG, как она была изложена выше, потому что идея взаимозависимости ограничений на разные компоненты конструкции ставит их, так сказать, в равные условия, ли-

шая глагол главенствующей роли, а описание глагольной конструкции — глаголоцентричности.

В большинстве канонических случаев предлагаемый Голдберг анализ простого предложения дает результат, в принципе, сопоставимый с традиционным описанием. Однако есть и такие языковые эффекты, которые гораздо легче описать, находясь в рамках СхG, и прежде всего это касается вариативности управления, как в: *ударить кулаком по столу* и *ударить в барабан* или: *бросать камни* и *бросать камнями*.

Действительно, если, следуя глаголоцентричной точке зрения, считать, что актанты задаются глаголом, то самым последовательным решением будет постулировать в такого рода случаях по два разных глагола с разными моделями управления — но это решение далеко не всегда соответствует интуиции носителя языка. Так, для приведенных конструкций с *ударить* и в самом деле можно было бы предложить разные толкования глагола, если принять, что в *ударить кулаком по столу* употреблен глагол контакта, сопровождающегося звуковым эффектом, а в *ударить в барабан* — глагол специального способа игры на музыкальном инструменте, сопровождающейся контактом с поверхностью инструмента. Однако для пары *бросать камни* — *бросать камнями* подобное решение уже гораздо менее убедительно: здесь значение самого глагола в обоих употреблениях практически одинаково, и различается только оформление его актантов. Особенность СхG состоит в том, что в рамках этой теории нет необходимости словарно разделять употребления с разным оформлением актантов: словарно разделяются конструкции, и речь идет об использовании одного и того же глагола — просто в разных конструкциях. Тогда и про глагол *ударить* в приведенных выше примерах можно сказать, что он имеет одно значение, но в первом примере был употреблен в конструкции со значением контакта, а во втором — в конструкции со значением извлечения звука.

Важнейший класс случаев, в котором теория грамматики конструкций демонстрирует явные преимущества перед традиционным глаголоцентричным описанием, это частотные окказиональные употребления лексем. Всем известно, что многие глаголы могут время от времени встречаться вместе с такими актантами, которые никак не соответствуют их модели управления — напри-

мер, русский глагол *гулять* окказионально употребляется в каузативном значении, ср. *гулять собаку*. Вообще говоря, у самого глагола *гулять* нет валентности, позволяющей присоединить дополнение в винительном падеже, он непереходный, — тем не менее, примеры его переходного употребления типа приведенного выше хорошо засвидетельствованы и понятны любому носителю русского языка. Точно так же устроен английский пример неканонического употребления исходно непереходного глагола *sneeze* ‘чихать’, ставший классическим после выхода книги Голдберг: *to sneeze the napkin off the table* ‘счихнуть салфетку со стола’. Опять-таки, если придерживаться буквы глаголоцентричной теории, нужно завести по две словарные статьи и для русского, и для английского глаголов, в одном случае как для непереходного, а в другом — как для переходного.

Однако очевидно, что носитель языка не противопоставляет эти употребления так радикально, как это вынужден делать словарь. Скорее, говорящий опирается на некоторый общий механизм, позволяющий ему и порождать, и анализировать такие примеры — и теория СхG легко может их объяснить, апеллируя к специфическим свойствам конструкций. Необычность этих примеров (ведь они, хотя и совершенно понятны, все равно являются окказионализмами) объясняется тем, что ни русская, ни английская каузативные конструкции обычно не допускают употребления подобных лексем, потому что они нарушают ограничения на семантический тип глагола. Однако, по мнению Голдберга, эти нарушения не произвольны, они подчиняются общей стратегии построения конструкций: «нарушители» имеют возможность окказионально употребляться в конструкции, **перестроив** свою семантику так, чтобы она стала соответствовать ее общему значению. Теоретики говорят, что такая перестройка *вынуждается* конструкцией [= *is coerced*], ср. здесь термин *coercion*, который широко используется в литературе по СхG¹⁴. В частности, глагол

¹⁴ Согласно одному из главных сторонников и пропагандистов СхG, Л. Микаэлис (см. Michaelis 2004 и 2005), этот термин пришел из работ Р. Джекендоффа (Jackendoff 1990) и Б. Парти (Partee 1986), где также использовался для описания изменений в поведении языковой единицы под воздействием контекста; ср. также Partee 1995 и 2007.

sneeze может специально для переходных употреблений активировать идею перемещения воздуха при чихании как причину каузации — и благодаря этому «вписаться» в конструкцию каузации движения. Таким образом, СхG берется не только объяснять, но и предсказывать возможность нарушения ограничений со стороны той или иной языковой единицы.

Наконец, есть еще одна проблема, связанная с аргументной структурой, которую Голдберг тоже предлагает решать, опираясь на СхG. Известно, что одна и та же синтаксическая конструкция может быть грамматически правильной или неправильной в зависимости от того, какие слова в ней употреблены. Ср. следующие примеры из Goldberg 1995:

- (1) a. *Sam carefully broke the eggs into the bowl.*
‘Сэм аккуратно разбил яйца в миску’.
- b. **Sam unintentionally broke the eggs onto the floor.*
‘Сэм случайно разбил яйца на пол’.
- (2) a. *This room was slept in by George Washington.*
‘В этой комнате спал Джордж Вашингтон’.
- b. *?This room was slept in by Mary.*
‘В этой комнате спала Мэри’.

Подобные пары представляют довольно сложную проблему для генеративного подхода, в рамках которого допустимой или недопустимой может быть только сама синтаксическая структура: если она выводима при помощи заданного набора правил, то и все варианты ее лексического заполнения должны быть одинаково приемлемы. Однако, как мы видим, реальные примеры — как, например, пары, похожие на (1)—(2), не всегда этому соответствуют.

В то же время, в рамках модели, которую предлагает СхG, зависимость степени приемлемости конструкции от ее лексического состава абсолютно естественна. Действительно, если признать, что общая семантика конструкции, представленной в (1), связана с целенаправленной деятельностью, то семантика ее локативного участника должна отражать в себе идею цели действия: это место должно быть выбрано намеренно, как в (1a). Однако наречие со значением ‘случайно’, да и слишком обширная поверхность (‘пол’) не соответствуют данной конструкции, поэтому замена, произведенная в примере (1b), оказывается невозможна.

Для успешности второй конструкции важно, чтобы в результате описанного в ней действия произошло существенное изменение референта, заполняющего первый слот. Так, предложение *The bed was slept in* может быть использовано, например, в контексте криминального романа: 'Простыня смята, значит в этой кровати кто-то спал'. Ночевка Дж. Вашингтона (2a), бесспорно, превращает данную комнату в достопримечательность, т. е. производит с ней значительные изменения, тогда как факт, что в комнате ночевала Мэри (2b), ничего в ее статусе не меняет. Таким образом, общая семантика конструкции и условия ее успешности в целом непосредственно связаны с выбором существительного, которое заполняет в ней одну конкретную переменную.

Анализируя примеры такого рода, Голдберг приходит к выводу, что конструкции как инструмент описания предложения оказываются более гибкими, чем традиционная глаголоцентричная модель. Они лучше «справляются» с проблемами, связанными с «нештатными ситуациями», возникающими в зоне аргументной структуры, — будь то смена глаголом модели управления или стилистически маркированные и другие окказиональные употребления, в которых глагол отклоняется от своего стандартного синтаксического поведения.

3.2. *Анатолий Стефанович и Стефан Грис:* *коллострукционный анализ*¹⁵

В последнее время теоретические построения А. Голдберг, касающиеся зависимости компонентов конструкции от ее общего значения и их взаимозависимости друг от друга, получили мощную поддержку в виде статистической базы — методов и методик, по которым такие зависимости можно оценивать математически. Популярность статистики в рядах сторонников СхГ стремительно растет: хорошим примером здесь служит «коллострукционный анализ» — исследовательское направление, созданное **Стефаном Грисом** (Stefan Gries, университет Калифорнии в Санта-Барбаре, США) и **Анатолем Стефановичем** (Anatol Stefanowitsch, университет Бремена, Германия).

¹⁵ Первоначальный вариант этого раздела опубликован в *Вопросах языкознания*, № 6, 2010.

Термин «коллострукция» (collostruction) происходит от сложения двух слов: *collocation* ‘коллокация’ и *construction* ‘конструкция’. В теоретическом плане коллострукционный анализ опирается на теорию Грамматики конструкций, а в практическом включает в себя три основных метода исследования, находящихся на стыке лингвистики и статистики:

- а) **колексемный анализ**, служащий для измерения степени притягивания / отталкивания данной леммы слотом конструкции;
- б) **различительный колексемный анализ**, измеряющий, какую из двух функционально схожих конструкций предпочитает данная лексема;
- в) **ковариация колексем** — метод, позволяющий измерить, насколько часто одна лексема в одном из слотов употребляется одновременно с определенными лексемами в других слотах.

Рассмотрим возможности каждого из этих методов на конкретных примерах.

А. Колексемный анализ

В одной из своих работ А. Стефанович и С. Грис (см. Stefanowitsch, Gries 2003) применяют метод колексемного анализа к прогрессиву в английском языке (конструкции *be + V-ing*). Если составить обычный конкорданс глаголов в прогрессивной форме, такой список просто отразит частотность глагольных лексем: самыми частыми в этом списке будут самые частотные глаголы. Интересно понять, однако, какие глаголы **тяготеют** к данной форме, то есть встречаются в этой форме чаще, чем предсказывало бы ее распределение в корпусе. Для этого необходимо узнать, сколько в целом в корпусе встречается глагольных форм и какую долю от них занимают формы прогрессива. Эти цифры необходимо сравнить с количеством форм данного глагола и долей в них прогрессива. Если доля прогрессива для исследуемого глагола будет выше среднестатистической, то такой глагол «притягивается» к прогрессивной конструкции, если ниже — «отталкивается».

Коэффициент силы взаимодействия определяется при помощи теста, известного как точный критерий Фишера. Этот критерий

используется для оценки взаимодействия двух факторов — в качестве таких факторов могут служить, например, лексема и грамматическая форма глагола. Покажем действие данного критерия на русском материале.

В таблице 5 приведены данные из Национального корпуса русского языка, характеризующие употребление глагола *сказать* в прошедшем времени. Цифры в первом столбце показывают, сколько всего глаголов встречается в корпусе и сколько из них употреблены в форме прошедшего времени. Цифры во втором столбце характеризуют употребления глагола *сказать*: сколько раз этот глагол встречается в корпусе и сколько раз он встречается в форме прошедшего времени. Сравнив первую пару цифр, мы видим, что в среднем прошедшее время глагола занимает 52% от всех форм глагола, т. е. чуть больше половины. Если глагол *сказать* употребляется в форме прошедшего времени среднестатистически, то для этого глагола должно быть верно такое же процентное соотношение, то есть формы прошедшего времени должны занимать 52% от всех форм глагола *сказать*. Данный глагол представлен в корпусе 421 203 раза. 52% от этого числа — это 218 832. Сравнивая это число с реальным употреблением форм прошедшего времени 284 115, мы видим, что глагол *сказать* употребляется в прошедшем времени чаще, чем среднестатистический глагол в корпусе — в 67% случаев, то есть глагол *сказать*, в терминологии А. Стефановича и С. Гриса, «притягивается» к конструкции прошедшего времени. Это легко объяснить: ведь глагол *сказать* в прошедшем времени часто употребляется для оформления прямой речи в тексте.

Таблица 1

Данные для точного критерия Фишера: глагол *сказать*

	все глаголы	<i>сказать</i>
V	27 616 742	421 203
V, praet	14 348 054	284 115

Маловероятно, однако, что какой-нибудь глагол будет представлен в корпусе в прошедшем времени в точности в 52% случаев. Но тогда какое отклонение от этого значения следует считать

значимым? Например, если бы глагол *сказать* встретился в форме прошедшего времени 218 800 раз (т. е. на 32 примера меньше, чем 52%), то была ли бы разница в 32 примера достаточным основанием для того, чтобы говорить о серьезном отличии от среднестатистических 52%? На этот вопрос и помогает ответить точный критерий Фишера. Этот критерий предсказывает, какова вероятность того, что наблюдаемое распределение получилось случайно, т. е. того, что два сравниваемых параметра независимы. Например, если бы в Таблице 1 стояло число 218 800, то вероятность независимости факторов была бы 0.94, а значит, очень близка к единице. Для Таблицы 1 в том виде, как она представлена выше, вероятность независимости факторов равна нулю, то есть притягивание глагола *сказать* к конструкции прошедшего времени является статистически значимым¹⁶. Таким образом, мы видим, что результаты критерия Фишера хорошо соотносятся с нашей интуицией. В случаях, когда нам кажется, что отличие от предсказанной цифры невелико, названный критерий дает вероятность независимости, близкую к единице. В случае же, если отличие кажется нам существенным — вероятность независимости, согласно критерию Фишера, низкая. Итак, согласно методике Стефановича-Гриса, мерой силы притягивания и отталкивания является вероятность независимости факторов, полученная в результате применения указанного критерия.

Возвращаясь к прогрессивной конструкции в английском языке, попробуем выяснить, какие глаголы должны притягиваться, а какие — отталкиваться от нее.

Как известно (см., например, Jespersen 1949: 178; Dowty 1979: 145 и мн. др.), эта конструкция соотносится с ситуацией, находящейся в процессе развития. Значит, стативные глаголы встречаются в данной форме очень редко и только в специальных контекстах (ср., например, Lakoff 1970: 121): ведь они обозначают ситуации, которые не могут развиваться. В таблице 2 представлены лексемы, «притягивающиеся» к прогрессивной форме (левая колонка) и «отталкивающиеся» от нее (правая колонка), и можно

¹⁶ Обычно о статистической значимости говорят, если вероятность того, что такое распределение получилось бы случайным образом, меньше, чем 0.05.

видеть, что результаты коллострукционного анализа именно таковы, как предсказывает традиционный анализ: 30 глаголов, которые сильнее всего отталкиваются конструкцией, — это стативы, и лидирует среди них «самый стативный» глагол — *be* ‘быть’.

Таблица 2

Прогрессивная форма:
притягивающиеся и отталкивающиеся коллексы

attracted		repelled	
Collexeme (n)	Collostruction strength	Collexeme (n)	Collostruction strength
talk (234)	1.32E-94	be(448)	0
go (640)	1.08E-89	know(31)	1.01E-63
try (282)	8.86E-84	think (160)	4.05E-34
look (371)	4.41E-77	see (72)	6.36E-31
work (250)	2.14E-68	have (247)	1.93E-29
sit (100)	2.55E-57	want (44)	6.51E-21
wait (88)	6.17E-38	mean (15)	7.72E-17
do (539)	2.16E-36	need (5)	1.11E-14
use (264)	3.18E-29	seem (3)	1.02E-10
come (348)	9.65E-26	believe (11)	3.44E-09
run (113)	1.75E-25	call (30)	3.32E-08
move (104)	5.8E-19	put (93)	6.7E-08
live (101)	1.97E-17	remember (12)	9.49E-08
deal (57)	2.19E-16	find (56)	4.58E-07
walk (55)	9.34E-16	include (6)	2.76E-06
watch (46)	2.00E-15	agree (9)	4.45E-06
wear (48)	3.76E-14	base (2)	2.94E-05
write (123)	1.58E-13	set (34)	3.39E-05
listen (42)	2.18E-12	sound (6)	3.55E-04
seek (48)	8.66E-11	concern (3)	3.92E-04
fight(32)	2.63E-10	imagine (2)	4.97E-04
stand (57)	4.97E-10	let (10)	5.83E-04
study (31)	1.67E-09	mention (8)	1.04E-03
plan (28)	1.87E-09	exist (4)	1.13E-03
increase (54)	2.36E-09	get (294)	1.13E-03
sing (25)	3.54E-09	regard (2)	1.27E-03
approach (25)	5.13E-09	require (12)	1.3E-03
depend (43)	6.21E-09	marry (1)	1.86E-03
speak (71)	1.24E-08	stop (7)	2.12E-03
sell (38)	1.46E-08	indicate (3)	2.29E-03

В этой таблице и далее число в скобках сразу после лексемы указывает точное количество ее искомых форм, найденных в корпусе. Можно видеть, что само это число мало связано с притягиванием или отталкиванием — так, форма *being* была обнаружена в прогрессивной конструкции 448 раз, однако в сравнении с общим количеством употреблений глагола *be* это так мало, что вероятность того, что при случайном распределении из всех употреблений глагола *be* только 448 окажутся формами прогрессива, равна нулю (см. в колонке справа от лексемы число, которое характеризует силу наблюдаемого взаимодействия — притягивания или отталкивания). В результате глагол *be* охарактеризован как отталкивающийся от прогрессивной конструкции, несмотря на 448 встретившихся примеров употреблений. Коэффициент силы взаимодействия представлен в следующем формате: слева от символа E находится коэффициент, который необходимо умножить на 10 в степени, указанной справа от символа E. Так, например, 1.86E-03 следует читать, как $1.86 \cdot 10^{-3} = 0.00186$. В таблице 2 можно видеть, что самыми сильно притягивающимися к прогрессивной конструкции являются лексемы *talk* и *go*. Первая встретила в прогрессивной конструкции 234 раза, а вторая — 640 раз. Вероятность случайности такого результата в обоих случаях очень близка к нулю, то есть мы имеем дело со статистически значимым притягиванием.

В. Различительный колексемный анализ

Другим интересным применением коллокационного анализа является сравнение двух близких конструкций. С. Грис и А. Стефанович (2004а) среди других примеров разбирают две известные конструкции английского языка: так называемую дитранзитивную конструкцию (3а) и конструкцию с *to* (3b), ср.:

- (3) а. *John sent Mary the book.*
 б. *John sent the book to Mary.*
 ‘Джон послал Мэри книгу’.

Во многих работах утверждается, что эти конструкции различаются только синтаксически (см., например, Burt 1971) или только на уровне информационной структуры (ср. Erteschik-Shir

1979: 443, 449; Thompson 1990: 245) — с точки же зрения семантики между этими двумя конструкциями нет различия: и та, и другая означает передачу объекта адресату. В других исследованиях отстаивается семантическая природа различий между ними: предлагается считать, что дитранзитивная конструкция используется при малой дистанции между субъектом и адресатом, а конструкция с *to* — при большой дистанции (Thompson, Koide 1987: 400). Иногда дается уточнение этого различия: дитранзитивная конструкция означает ‘X заставляет Y получить Z’, в то время как конструкция с *to* означает ‘X заставляет Z переместиться к Y’ (ср. Goldberg 1995: Section 2.3.1, Chapters 5–7; Pinker 1989, Gropen et al. 1989: 243).

Изучив, какие лексемы притягиваются к этим двум конструкциям, можно выяснить, какова природа различия между ними. Если различие только в синтаксической структуре или только в информационной структуре, то набор притягивающихся лексем должен быть одинаковым в обоих случаях. Если же различие семантическое, то лексемы, притягивающиеся к конструкциям, будут разными и отразят семантические ограничения каждой из конструкций. В этом отношении показательна Таблица 3:

Таблица 3

Лексемы, притягивающиеся к дитранзитивной конструкции
и конструкции с *to*

Ditransitive (N=1,035)		To-dative (N=1,919)	
Collexeme	Distinctiveness	Collexeme	Distinctiveness
give (461:146)	1.84E-120	bring (7:82)	1.47E-09
tell (128:2)	8.77E-58	play (1:37)	1.46E-06
show (49:15)	8.32E-12	take (2:29)	0.0002
offer (43:15)	9.95E-10	pass (2:29)	0.0002
cost (20:1)	9.71E-09	make (2:23)	0.0068
teach (15:1)	1.49E-06	sell (1:14)	0.0139
wish (9:1)	0.0005	do (10:40)	0.0151
ask (12:4)	0.0013	supply (1:12)	0.0291
promise (7:1)	0.0036	read (1:10)	0.0599
deny (8:3)	0.0122	hand (5:21)	0.0636
award (7:3)	0.0260	feed (1:9)	0.0852

В этой таблице после каждой лексемы в скобках указано количество ее употреблений в обеих исследуемых конструкциях: сначала в составе дитранзитивной конструкции, а затем в конструкции с *to*. В шапке таблицы приведено количество найденных примеров обеих конструкций. Можно видеть, что в исследуемом корпусе было обнаружено 1 035 случаев употребления дативной конструкции и 1 919 — конструкции с *to*, то есть среднестатистическое соотношение между конструкциями составляет примерно 1:2. Глагол *give* имеет значительный «перекос» в сторону дативной конструкции как самый яркий ее представитель: соотношение двух типов употреблений здесь — приблизительно 4:1. Если бы у глагола *give* было среднестатистическое распределение, то на 461 пример дативной конструкции приходилось 855 (а не засвидетельствованные 146!) примеров конструкции с *to*. Таким образом, мы видим, что глагол *give* действительно статистически значимо притягивается к дитранзитивной конструкции¹⁷.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что между конструкциями есть семантическое различие: списки притягивающихся к ним глаголов не совпадают друг с другом. Видно и то, что список лексем, предпочитающих дитранзитивную конструкцию, согласуется с семантическим анализом, о котором мы говорили. В дитранзитивной конструкции предпочитают глаголы, означающие ситуации непосредственного контакта: *give* ‘дать’, *tell* ‘сказать’, *show* ‘показать’, *offer* ‘предложить’ и т. д. Напротив, в списке глаголов, предпочитающих конструкцию с *to*, лидируют глаголы дистантной передачи объекта, такие как *bring* ‘приносить’, *pass* ‘передавать’ и т. п.

С. Ковариация колексем

Этот интересный пример применения коллокационных методик касается лексем и конструкций, в которых семантические ограничения затрагивают несколько слотов одновременно. Рассмотрим

¹⁷ Сила притягивания следующего за ним глагола — *tell* менее значительна только потому, что в корпусе встретилось меньше примеров этого глагола, а с чем меньшим количеством примеров имеет дело тест Фишера, тем выше получается вероятность того, что наблюдаемое распределение получилось в результате случайности.

рим каузативную конструкцию с *into* в английском языке, описанную в работах (Gries, Stefanowitch 2004b, Stefanowitch, Gries 2005), ср. пример (4):

- (4) *Newley had been **tricked into revealing** his hiding place* (BNC GUU).

‘Ньюли обманом заставили выдать его укрытие’.

В свое время А. Вежбицка (Wierzbicka 1998) обнаружила, что эту конструкцию можно использовать только в таких ситуациях, в которых объект каузации не хочет выполнять действие, однако каузатор преодолевает его сопротивление, обычно при помощи давления или нечестной уловки. Данное описание предсказывает, какие глаголы притягиваются к обоим интересующим нас слотам конструкции. Первый слот должны занимать глаголы, которые означают давление на контрагента или нечестную уловку. Ко второму слоту будут притягиваться глаголы со значением действия, неприятного или нежелательного по мнению исполнителя. Это предсказание во многом оправдывается. В самом деле, список лексем, притягивающихся к первому глагольному слоту, состоит из глаголов уловки (*trick* ‘заставить обманом’, *fool* ‘одурачить’, *mislead* ‘вводить в заблуждение’ и т. д.) и глаголов давления (*coerce* ‘вынудить’, *force* ‘заставить’, *bully* ‘заставить силой’ и т. д.). Среди притягивающихся ко второму слоту конструкции есть глаголы, называющие однозначно неприятные действия (*misbehave* ‘плохо себя вести’, *misrecognize* ‘неправильно опознать’, *betray* ‘предать’), однако в этом списке появляются и предикаты, означающие действия, не связанные с чем-либо неприятным, такие как *think* ‘думать’, *believe* ‘верить’, *reveal* ‘выказать’, *prove* ‘доказать’, *buy* ‘купить’, *purchase* ‘приобрести’.

Для того чтобы объяснить, почему подобные глаголы оказываются тем не менее частотными во втором слоте каузативной конструкции этого типа, необходимо рассмотреть фреймы, которые они описывают: вероятно, в этих случаях с чем-то нежелательным ассоциируется не данный глагол, но ситуация в целом. Это означало бы, что два слота конструкции связаны друг с другом и в ее реализациях представлено не просто случайное перемножение глаголов: тех, что притягиваются первым слотом, с теми, которые характерны для второго. И действительно — не-

верно, что любой глагол из первого списка одинаково часто встречается с любым глаголом из второго списка. Для того чтобы статистически выявить связь, которая может быть установлена между двумя представителями обсуждаемых списков, необходимо измерить взаимное притяжение лексем к этим двум слотам, или, в терминологии А. Стефановича и С. Гриса, ковариацию коллексем. Для этого необходимо взять вероятность появления глагола₁ в первом слоте конструкции и глагола₂ в ее втором слоте. Если бы эти два события были независимыми, то вероятность появления одновременно глагола₁ в первом слоте и глагола₂ во втором слоте была бы равна произведению этих двух вероятностей. Сравнив это число с реальным количеством пар глагол₁-глагол₂ в конструкции, мы можем сказать, что данная пара глаголов притягивается к конструкции, если реальная вероятность выше предсказанной, и отталкивается, если ниже. Результаты такого анализа представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Наиболее значимые коллексемные комбинации
в каузативной конструкции с *into*

Attracted covarying-collexeme pairs in the into-causative		Repelled covarying-collexeme pairs in the into-causative	
<i>fool into thinking</i>	30.06	<i>force into thinking</i>	2.554
<i>mislead into thinking</i>	12.755	<i>coerce into thinking</i>	1.421
<i>mislead into believing</i>	8.355	<i>trick into making</i>	0.945
<i>deceive into thinking</i>	5.651	<i>push into thinking</i>	0.794
<i>trick into parting</i>	5.248	<i>trick into accepting</i>	0.717
<i>encourage into framing</i>	4.652	<i>bully into believing</i>	0.716
<i>dragoon into serving</i>	4.652	<i>talk into believing</i>	0.671
<i>aggravate into producing</i>	4.28	<i>trick into thinking</i>	0.634
<i>panick into seizing</i>	4.078	<i>lead into believing</i>	0.561
<i>seduce into misbehaving</i>	3.966	<i>talk into making</i>	0.536
<i>delude into believing</i>	3.952	<i>force into giving</i>	0.497
<i>torture into revealing</i>	3.75	<i>tempt into thinking</i>	0.42

В ней, как и в предшествующих, отражается сила притягивания/отталкивания пары лексем по отношению к конструкции, измеренная при помощи точного критерия Фишера. Однако, в отличие от предыдущих случаев, здесь приводится не сама вероятность независимости факторов, а $\log_{10}$ этого числа. Таким обра-

зом, значение 30.06 (= сила притягивания компонентов словосочетания *fool into thinking* к конструкции) следует читать как Е-30, то есть очень маленькое число, что говорит о статистически значимом притяжении этого словосочетания к конструкции. Заметим, что в списке отталкивающихся словосочетаний только первые два отталкиваются со статистически значимой силой.

Как можно видеть, результаты коллострукционного анализа выделяют несколько важных для этой конструкции фреймов. Первые четыре примера иллюстрируют соотношение между уловкой в первом слоте конструкции и знанием/верой в ее втором слоте. Отметим, что другой класс глаголов, часто появляющихся в первом слоте, — глаголы давления — не участвует в этом фрейме. Это подтверждается тем, что пары *force into thinking* ‘заставить думать’, *coerce into thinking* ‘вынудить думать’, *bully into believing* ‘заставить верить силой’ отталкиваются от конструкции. Приведенные соотношения отражают культурные представления говорящих о том, как одни люди влияют на мысли других людей: такое влияние часто производится при помощи уловок, но редко — при помощи насилия.

Другой интересный фрейм, который встречается в рамках этой конструкции — это фрейм, представленный парой *torture into revealing* ‘вынудить рассказать под пытками’¹⁸. В нем, напротив, в первом слоте преобладают глаголы физического давления: именно физическое давление используется для того, чтобы вынудить человека рассказать информацию, которую он хочет скрыть. В качестве результата в этом фрейме часто выступают другие глаголы сообщения информации: *admit* ‘признать’, *confess* ‘признаться’, *prove* ‘доказать’.

Еще один фрейм, выявляемый коллострукционным анализом в каузативной конструкции, связывает между собой глаголы уловки и глаголы коммерческих операций. Проанализировав расширенный вариант таблицы 4, А. Стефанович и С. Грис выявили частотные употребления каузативных конструкций, в которых второй слот занимали глаголы коммерческих операций: *buy* ‘по-

¹⁸ Интересно, что для выражения этого фрейма в русском языке используется другая конструкция: **пытать рассказать*, аналогичное вполне допустимому в русском *вынудить считать*, не является приемлемым.

купать', *purchase* 'приобретать', *overpay* 'переплачивать', *pay* 'заплатить', *sell* 'продать'. Проследим, какие глаголы при этом будут заполнять первый слот конструкции. Результат такого анализа можно видеть в колонке «CAUSE» Таблицы 5. Легко видеть, что этот фрейм выявляет культурное знание о действиях продавца: нередко покупатель оказывается вовлечен в ситуацию покупки вопреки собственной воле под влиянием нечестной уловки со стороны торгового агента.

Таблица 5

Лексемы, заполняющие первый слот конструкции
при глаголах коммерческих операций

RESULT	CAUSE
<i>buy</i>	<i>mislead, hoodwink, lure, entice, boss, pester, diddle, guilt-trip, scare, nag, pressure, steer, tempt, fool</i>
<i>purchase</i>	<i>mislead, lure</i>
<i>pay</i>	<i>con, dupe, harass, intimidate, scare, blackmail, tie, panick, mislead, shame</i>
<i>overpay</i>	<i>dupe</i>
<i>sell</i>	<i>panick, force, entrap, terrify</i>

Таким образом, можно видеть, что изучение ковариации коллексем — взаимного распределения слов, заполняющих разные слоты конструкции, — выявляет, что в рамках одной конструкции, например каузативной, с семантикой каузации неприятного действия, могут скрываться несколько культурно значимых фреймов, классифицирующих случаи, в которых одно лицо может заставлять другое выполнять такие действия. В рамках каждого из таких фреймов имеются дополнительные семантические ограничения на переменные. Например, во фрейме «нечестной продажи» участвуют главным образом глаголы уловки в первом слоте и глаголы коммерческих операций — во втором. Коллострукционный анализ позволяет легко увидеть такие взаимные предпочтения, что, в свою очередь, помогает обнаружить фреймы, важные для данной конструкции.

Приведенные здесь примеры дают представление о методах и возможностях коллострукционного анализа и о той пользе, кото-

рую он может принести для решения самых разных лингвистических задач, устанавливая условия притяжения, отталкивания и взаимного распределения языковых единиц в контексте конструкций разной структуры.

И еще об одном преимуществе данного метода — его независимости от исходных теоретических предпосылок. Действительно, как правило, статистические методы существенно опираются на изначальные предположения исследователя, и в этом их слабость: если какой-то важный параметр почему-либо оказался не включен в изначальный список, следы его влияния невозможно обнаружить в результатах исследования. Коллострукционный анализ не имеет такого недостатка. Действие этого метода целиком базируется на корпусной и статистической информации и не зависит от заранее сформулированных гипотез. Поэтому для лингвистов коллострукционный метод может стать по-настоящему действенным методом независимой проверки предположений относительно изучаемой конструкции — и одновременно своего рода троянским конем, «внедряющим» философию СхG в другие лингвистические теории.

3.3. Майкл Томаселло и Адель Голдберг: конструкции в детской речи

Среди известных сторонников теории Ч. Филлмора невозможно не упомянуть *Майкла Томаселло*, который работает в крупнейшем европейском центре когнитивных исследований — в Лейпциге, в Институте им. Макса Планка. Он использует СхG для решения традиционных проблем психолингвистики, и прежде всего для описания детской речи. В своей книге Tomasello 2003, посвященной усвоению языка, Томаселло противопоставляет СхG современным теориям развития речи, основанным на генеративной теории, и доказывает, что нет необходимости постулировать врожденную универсальную грамматику, как это делает Н. Хомский и его сторонники. Главных аргументов у него два; начнем с того, который непосредственно связан с СхG.

Сторонники генеративной теории убеждены, что ребенок не способен изучить правила языка, — при этом под правилами они подразумевают порождающую грамматику. Представить, каким

образом ребенок овладевает порождающими правилами, действительно, не так просто. В то же время, если, вслед за автором, предположить, что конечной целью ребенка является овладение правилами как набором конструкций, свойственных данному языку, и что дети могут изучать эти конструкции последовательно, переходя от более простых и конкретных к более абстрактным и сложным, — тогда возникает возможность отбросить гипотезу о врожденности чисто синтаксических правил, потому что все, что необходимо ребенку для усвоения языка, доступно ему непосредственно из окружающей его речи.

Другой его аргумент касается известной гипотезы о недостаточности данных, которую обычно используют для защиты идеи универсальной грамматики и врожденности языковых механизмов. М. Томаселло показывает, что эта гипотеза основывается на предположении, что дети изучают язык, пассивно слушая конструкции, которые произносят взрослые — между тем, современные психологические исследования выявили, что ребенок способен не только воспроизводить «взрослые» конструкции (от простых к сложным), но и следить за фокусом внимания взрослого и понимать цели говорящего, причем такие навыки развиваются у ребенка в возрасте примерно одного года. Он считает, что именно эти способности, а вовсе не простое воспроизведение речи, играют ключевую роль в усвоении языка детьми, и его точка зрения хорошо согласуется с тем фактом, что дети начинают говорить именно в этом возрасте.

Аргументацию М. Томаселло подтверждает и уже упоминавшаяся книга Goldberg 2006, которая посвящена, в частности, и проблеме усвоения конструкций. Результаты проведенных А. Голдберг экспериментов показывают, что в возрасте пяти лет дети способны усваивать неизвестные им до этого абстрактные конструкции. Так, в одном из своих экспериментов она предложила детям примеры искусственной конструкции со структурой: *Субъект — Место — Глагол*. В предложениях, которые слышали дети, использовались несуществующие глаголы, семантика которых не могла повлиять на восприятие конструкции. Поскольку все элементы конструкции были переменными и все глаголы были ранее детям неизвестны, то в случае успеха эксперимента испытуемые должны были приписать обнаруженную семантику конструкции

в целом. Исследование А. Голдберг показывает, что дети способны это делать уже в возрасте пяти лет.

Эксперимент включал в себя несколько стадий. На первой стадии испытуемым предъявлялся зрительный образ ситуации, в которой объект появляется в некотором месте, и изображение сопровождалось фразой, построенной по шаблону: *Субъект — Место — Глагол*. Например, ребенку показывали видеоклип, в котором на носу короля появляется пятно, и одновременно зачитывали предложение: *The spot the king moopos* ≈ 'Пятно король мупит'. Всего на первой стадии дети слышали 16 предложений, в которых использовалось несколько разных глаголов такого рода.

На второй стадии детям предъявлялось сразу две ситуации — т. е. два клипа одновременно, причем в одном из них объект сначала не виден: он появлялся потом, а в другом — виден в течение всего ролика. В это время голос за кадром произносит фразу, соответствующую конструкции *Субъект — Место — Глагол*. В этой части эксперимента также употреблялись слова, которые его участники никогда не слышали, причем это были совершенно новые глаголы, а не те, которые использовались на первой стадии. На базе полученной информации дети-испытуемые решали своеобразную лингвистическую задачу: они должны были выбрать ситуацию, т. е. видеоклип, соответствующий произнесенной при них фразе, проинтерпретировав ее одним из двух способов: либо как рассказ о появлении нового объекта, либо — как описание объекта, уже находящегося в поле зрения.

Выясняется, что дети выбирают «правильный» по отношению к соответствующему значению конструкции видеоклип с вероятностью значительно выше случайной. Таким образом, результаты эксперимента показывают, что ребенок способен вычленив значение конструкции, даже если она имеет структуру, которая никогда до этого ему не встречалась и содержит глаголы, ему неизвестные, — что уж говорить о более простых случаях.

В качестве такого «более простого», т. е. более близкого к реальной ситуации освоения языка, можно рассматривать следующий вариант того же эксперимента, который описан в Goldberg 2006. В нем сохраняются все исходные условия, кроме количества задействованных глаголов: если в первом варианте эксперимента детям предлагалось восемь глаголов, и каждый из них по-

вторялся два раза, то во втором вместо восьми их было пять — соответственно, четыре из них использовались по два раза, а один повторялся восемь раз. Результаты второго эксперимента значительным образом отличались от первого, хотя в обоих случаях использовались несуществующие, а значит, новые для детей глаголы. Выяснилось, что если один из глаголов фигурирует много чаще других — скажем, в половине случаев, — семантика конструкции усваивается гораздо лучше: во втором эксперименте испытуемые чаще выбирали правильный видеоклип, чем в первом. Отсюда А. Голдберг делает вывод, что существование прототипического (т. е. более частотного и естественного для данной конструкции глагола) облегчает усвоение конструкции в целом.

Между тем и в реальных языках у конструкций, как правило, имеется прототипический предикат. Например, если взять все употребления английской дитранзитивной конструкции, то окажется, что больше половины из них приходится на глагол *give*, тогда как примеры вроде: *She baked him a pie* 'Она испекла ему пирог' окказиональны. Получается, что сначала ребенок осваивает значение того глагола, который прототипичен для данной конструкции, а потом на этой основе учится использовать саму конструкцию, свободно меняя ее наполнение.

Таким образом, предположения сторонников Грамматики конструкций о том, что дети способны усвоить неизвестную им конструкцию, правильно уяснить ее значение и правильно ее использовать — а значит, что конструкции действительно могут составлять основу процессов, связанных с освоением языка, — находят убедительное экспериментальное подтверждение.

§ 4. В окружении близких идей

4.1. Русская традиция¹⁹

Поскольку термин «конструкция» в лингвистической практике используется давно и очень широко, для авторов теории, которая делает конструкции основой описания языка, с этим обстоятельством, конечно, связана определенная проблема: необходимо ка-

¹⁹ Первоначальный вариант этого раздела опубликован как часть статьи Рахилина, Плунгян 2010.

ким-то образом пояснить, что нового дает подход СхG по сравнению с традиционным. Ведь и в русской традиции термин «конструкция» встречается часто, в том числе и в основных грамматиках русского языка, причем даже в 1960-е годы он использовался именно для описания сложных языковых единиц, функционирующих в речи как целое. Многие работы были нацелены на поиск как раз такого рода единиц, составление их списков, классификацию, описание поведения в тексте.

Сказанное прежде всего можно отнести к двум ранним монографиям по синтаксической семантике русского языка: Шведова 1960 и Апресян 1967; обе они были опубликованы много раньше самых первых упоминаний о СхG. «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» Ю. Д. Апресяна значительно более тесно связано с идеологией СхG, чем работы его современников, и поэтому заслуживает подробного обсуждения. Надо сказать, что для такого обсуждения есть и другая причина (и о ней мы уже неоднократно писали раньше): эта книга оказалась незаслуженно недооцененной, будучи совершенно заслонена вышедшей через несколько лет и сразу ставшей знаменитой «Лексической семантикой».

В «Экспериментальном исследовании...», как известно, предложена классификация русских глагольных конструкций, построенная на материале моделей управления примерно полутора тысяч наиболее продуктивных глагольных лексем²⁰. Основной объект анализа в ней — ядерные глагольные конструкции, т. е. те, в которых нет «лишних», сирконстантных позиций и в которых поэтому «отражены синтаксические свойства глагола и только они» (с. 48). Их описание подчинено строгим формальным принципам, как это было в то время принято: строятся трансформационные классы, деревья, иерархические классификации и т. д. За всем этим стоит огромная и трудоемкая работа с русской глагольной лексикой (ведь об автоматизации труда лингвиста тогда можно было только мечтать). Не входя в подробности этих операций,

²⁰ Список этих лексем дается в конце книги и представляет самостоятельную ценность: в частности, один из авторов настоящего обзора до появления Национального корпуса русского языка многие эксперименты с русской глагольной лексикой проводил, опираясь именно на этот список.

попробуем оценить базовые постулаты, которые легли в основу данного исследования.

Прежде всего, это прямая связь синтаксиса и семантики, ср.: «Подобно тому, как внутренние (психические) состояния проявляются физиологически, «внутренние состояния» (значения) элементов текста проявляются в их синтаксическом поведении, доступном наблюдению» (с. 24).

Уже вводная часть книги («Предмет и методы современной семантики») содержит раздел, в котором обсуждается, с одной стороны, унификация синтаксиса под давлением семантики, т. е. выравнивание по аналогии (с. 27—29), а с другой — давление синтаксиса на семантику (с. 29—32), или, в терминологии СхG — эффект *coercion* (см. подробнее выше, раздел 3.1).

Первое иллюстрируется (с. 28) диахроническими примерами перестройки устаревшей модели управления глагола под влиянием более продуктивных представителей той же семантической группы, ср. *сожалеть кого* (как в: *сожалеть моего героя*) → *сожалеть о ком* (ср. *беспокоиться, горевать, тосковать о ком-л.*), а также случаями характерных речевых ошибок по причине синтаксической контаминации с семантически близким словом, ср. *коснуться о чем-л.* по аналогии с *говорить о чем-л.*

Второго рода явление также подробно объясняется и иллюстрируется, ср. с. 29: «в языке существуют группы слов, помещение которых в несвойственный им синтаксический контекст может окказионально изменить их значение»; в подтверждение этому далее рассматриваются глаголы *валять, драть, дуть, жарить, катать, резать, садить, сыпать, хватить, чесать*. Они имеют способность приобретать одно из следующих четырех исходно несвойственных им значений ('бить', 'идти, бежать', 'говорить, писать', 'играть, плясать'), если их поместить в соответствующий каждому из этих значений синтаксический контекст, ср. *дуть в штаб на дрезине* или *жарить что-л. на гармошке* (с. 30). Далее (с. 124 и след.) речь идет об интерпретации выделенных ядерных конструкций и их трансформов. Выделяются классы фраз со значением беспорядочного движения, мнения, предназначения объекта для некоторой цели и т. д. и т. п. Легко видеть, что и по своей идеологии, и по степени внимания к языковому материалу «Экспериментальные исследования...» вполне вписываются в круг

работ, представляющих СхG. Собственно, последние примеры прекрасно дополняют и иллюстрируют десятками разнообразных конструкций общие положения, изложенные А. Голдберг лишь 30 лет спустя (причем на гораздо более ограниченном материале), так что в данном отношении эти книги хорошо сопоставимы. Более того, довольно близкими к СхG оказываются в Апресян 1967 не только идеи, но и сами формулировки, ср. следующий фрагмент на с. 26: «связь [между семантическими и синтаксическими признаками] кажется особенно ясной тогда, когда использование той или иной конструкции связано с четкими лексическими ограничениями на словарный материал, который может ее заполнять, например, *Мне влетело (досталось, попало) от отца*. <...> В действительности связь между семантическими и синтаксическими свойствами слов имеет место и в тех случаях, когда лексические ограничения на словарный материал, способный заполнять ту или иную конструкцию, кажутся менее четкими». Последнее положение иллюстрируется классом глаголов, которые могут управлять и дательным падежом, и предложным падежом с предлогом *в*. Класс глаголов, способных появляться в такой конструкции, весьма однороден по своему составу: *виниться кому-либо во всем, исповедаться кому-либо в своих сомнениях, каяться кому-л. в прегрешениях* (всего приводится 15 глаголов). Таким образом, все глаголы, попадающие в этот список, имеют общий компонент в своем значении — именно то, что позволяет говорящему объединить эту серию конструкций и оформить ее единообразно²¹.

Обратим внимание и на небольшое замечание в заключении (пункт 7 на с. 233). В принципе, вне сопоставления с СхG оно может пройти совершенно незамеченным — между тем, оно прямо оппонирует порождающей грамматике именно с тех позиций, которые впоследствии «открыла» СхG: «Хотя в данном исследовании не ставилась задача построения порождающей грамматики в смысле Н. Хомского, из рассмотренного в нем материала можно сделать вывод, имеющий принципиальное значение для нее». Речь фактически идет о взаимозависимости ограничений внутри

²¹ Об условиях, допускающих трансформацию одной модели в другую, см. подробнее Кузнецова, Ляшевская 2010.

конструкции, т. е., в контексте рассматриваемого материала, о том, что «каждый класс глагольных значений требует особой классификации существительных, потому что различия между существительными, важные для одного класса глагольных значений, оказываются несущественными для другого и наоборот». Другими словами — прямо связывающими эту работу со всеми последующими книгами Ю. Д. Апресяна, — «мир существительных предстает перед нами по-разному в зависимости от точки зрения, которую мы выбираем, а точкой зрения часто является узкий класс глагольных значений».

На наш взгляд, это очень важное теоретическое положение, касающееся природы языковых правил: и традиционные, и формальные теории исходят из того, что ограничения на употребления, которые составляют основу правил, даже такие, которые учитывают возможность появления одного и того же ограничения в силу разных причин (ср., например, «сверку признаков» (feature checking) в минимализме), представляют собой *сумму* условий, действующих для каждой из переменных. Так, для двучленной конструкции (например предикатно-аргументной, вида *глагол + существительное*) обычно формулируются две группы ограничений — отдельно на глаголы и на существительные, каждое из которых, как считается, накладывает «вето» на существование конструкции в целом. Между тем, описанный выше альтернативный подход обращает внимание на *взаимодействие* условий, относящихся к каждой из переменных конструкции, поскольку случаи простого суммирования ограничений крайне редки. Следовательно, языковые правила должны строиться по более сложным принципам и с учетом того, что требования к разным элементам конструкции могут изменяться, дополняя друг друга и — благодаря этому — удовлетворяя ограничениям на употребление конструкции в целом.

Получается, что еще в 1967 г. Ю. Д. Апресяном были в явном виде сформулированы по крайней мере некоторые ключевые положения SxG: взаимовлияние семантики и синтаксиса (перестройка синтаксических моделей по аналогии и семантические сдвиги типа coercion), а также взаимозависимость ограничений на разные переменные в конструкции. Однако мы хорошо знаем, что развитие семантико-синтаксических исследований в Московской

семантической школе (да и в целом в отечественной лингвистике) в последующие годы в целом пошло по другому, совсем не похожему на СхG, пути. Действительно, ни одна задача из тех, о которых мы говорили в связи с глагольными конструкциями, на русском материале до сих пор не решена: нет полных списков исторически сменившихся моделей управления (с объяснением причин изменений), нет перечня моделей, подверженных действию аналогии, неизвестны ни конструкции, способные оказать давление на семантику глаголов, т. е. склонные к *coercion*, ни глаголы, которые легко (или с трудом) подпадают под это давление в тех или иных условиях²². Почему так получилось?

По-видимому, одна из лингвистически существенных «внутренних» причин этого в том, что первый опыт работы с лексической семантикой большого массива глаголов ясно продемонстрировал автору, что в процессе поиска общих правил, на которые была нацелена книга, обнаружилось слишком много исключений. Так, на с. 190 и след. подробно рассматривается — правда, на примере предикатных имен, а не глаголов — семантическая подоплека синтаксических различий между квазисинонимами *закон*, *правило*, *просьба*, *рекомендация*, *совет*, *требование*. И каждый раз — вопреки общей стратегии книги — обращается внимание на «штучность» такого рода различий, на новые и новые факты, противоречащие непосредственной, буквальной, системной связи синтаксиса и семантики: «описание значений синтаксиса не решает всех проблем семантики» (ср. с. 32 и далее).

В каком-то смысле здесь мы видим столкновение двух противоположных точек зрения на синтаксическую семантику. Интересно, что обе они получили развитие в последующих работах Ю. Д. Апресяна и его учеников, но источник этого развития, по нашему мнению, — именно в книге 1967 г.

В самом деле, в «Лексической семантике» (1974) и в «Типах информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл ⇔ Текст”» (1980) собраны описания самых разных свойств лексем и грамем, прежде всего глагольных. Здесь и об-

²² Отметим, впрочем, шаг в этом направлении, сделанный в книге Розина 2005 в связи с исследованием семантико-синтаксического поведения нескольких групп глаголов в литературном языке и в сленге.

щие, и индивидуальные свойства, и свободное владение этим бесценным материалом отражает огромный практический опыт автора, который позволил ему затем осуществить множество новаторских словарных проектов, таких как Англо-русский синонимический словарь (Апресян и др. 1979), Русско-венгерский словарь глагольного управления (Апресян, Палл 1982), Большой англо-русский словарь (Апресян и др. 1993—1994) и, наконец, большой лексикографически и теоретически значимый проект Нового объяснительного словаря синонимов (НОСС 1997—2003, 2004). С одной стороны, всё это — включая работу над системами автоматического перевода — заставляло заниматься лексикой в постоянной связи с грамматикой и сочетаемостью, а значит, фактически описывать конструкции (ср. очень характерный опыт комплексного описания русских конструкций вида *негде спать* в работе Апресян, Иомдин 1989)²³. С другой стороны, то внимание, которое приходилось проявлять к деталям, нюансам и всем типам «штучного» поведения лексем в 1967 году, теперь удвоилось, утроилось и удесятерилось.

Сегодня мы можем анализировать результаты, полученные Ю. Д. Апресяном в работе с лексикой, опираясь на теоретическое обобщение его лексикографического опыта в первом томе недавно вышедших «Исследований по семантике и лексикографии» (2009). Интересно рассмотреть некоторые из этих обобщений на фоне его же идей 1967 г. и под углом современной Грамматики конструкций.

Прежде всего: Ю. Д. Апресян, точно так же, как и авторы СхG, настаивает на системном, идеографическом подходе к лексике — как к сложно организованному множеству классов; это ясно и из работы 1967 года — верно и теперь. В таком случае для него конструкции предстают как *диагностики* этих классов. Таких конст-

²³ Вообще, в Московской семантической школе наиболее плодотворным оказалось изучение таких конструкций, свойства которых оказались связаны со свойствами небольших лексических групп или даже единичных лексем. Именно для таких типов конструкций — в терминологии СхG, «синтаксических идиом» — был введен термин «синтаксическая фразема», или «фразеосхема» (ср. определение, воспроизведенное в книге Апресян 2009), а в дальнейшем на его основе разработано очень емкое понятие «малого синтаксиса» (ср. Иомдин 2003).

рукций-диагностик в книге обсуждается множество — хватило бы на целую конференцию по СхG. Вот лишь некоторые примеры:

- глагольная конструкция с предлогом *в* vs. *за* (*упрекать в чем-л / за что-л*), с. 88;
- предложная конструкция *в* + S₀ (*в беспокойстве*) vs. *с* + S₀ (*с беспокойством*), с. 90;
- словообразовательные глагольные конструкции с суффиксами *-нича-* (ср. *вредничать*), с. 91 и *-и-* (ср. *толстить*), с. 95;
- знаменитый русский генитив с отрицанием, с. 104—108;
- противительная конструкция не X, а какой-то Y (не мать, а какая-то ведьма), с. 117;
- риторический и экзаменационный вопросы как конструкции, с. 117;
- конструкция «холистической интерпретации», или, как ее еще называют, «полного охвата» (*намазать масло на хлеб — хлеб маслом*), с. 130—131;
- конструкция с намеренным творительным (*уколоть палец иголкой — ср. об иголку*), с. 131;
- каузатив обслуживания (*стричься у кого-л.*), с. 135;
- конструкции кратного движения *из угла в угол, из стороны в сторону* и под., с. 154;
- творительный транспорта (*ехать поездом*), с. 159;
- *ходить по грибы / *по орехи*, с. 160.

Этот список можно многократно увеличить (к большому сожалению, издатель «Исследований по семантике и лексикографии» сэкономил и не приложил к первому тому книги ни одного указателя, полностью «забыв» неудачный опыт первого издания «Лексической семантики»). Понятно, что будучи лишь диагностиками, сами конструкции не являются в книге специальным предметом описания, хотя анализируются довольно подробно. Автора, как лексиколога и лексикографа, интересуют совсем другие сюжеты, связанные с методиками и теоретической базой новых словарей: метаязык толкований, лексикографическая терминология, порядок следования значений в словарной статье, противопоставление значений и употреблений и др., но среди прочего — принципы базовой классификации лексики.

Крайне существенно, что, по мнению Ю. Д. Апресяна (см., например, с. 39 или с. 191), классификация лексики не может быть

жесткой, т. е. классы неизбежно пересекаются, и одна и та же лексема может попасть одновременно в несколько классов. В этом смысле «искать надо не столько классы, сколько семантические классификаторы» (с. 39) — т. е. те устойчивые параметры, по которым противопоставляется лексика. Другими словами, искать нужно *систему противопоставлений*. Здесь Ю. Д. Апресян ссылается на давнюю работу Э. Кинэна (Keenan 1976/1982) о диагностиках определения подлежащего — между тем, такая позиция по отношению к лексике очень близка идеям А. Голдберга, а по отношению к грамматическим значениям ту же позицию защищает В. Крофт; ср. также Bybee, Dahl 1989. Легко видеть, что в этом случае мы опять сталкиваемся с очевидным совпадением точек зрения Ю. Д. Апресяна-лексикографа и СхГ. Однако в целом общая задача лексикографа имеет другие приоритеты, чем приоритеты грамматистов, и прежде всего это приоритет лексикографического портрета над лексикографическим типом (с. 161), несмотря на признание системности лексики и языка в целом. Лексикограф считает, что у каждой лексемы много индивидуальных и не всегда мотивированных свойств, которые проявляются в разных конструкциях-диагностиках, и все они — при условии хоть малейшей их нерегулярности и непродуктивности — должны быть отражены именно в словаре.

На первый взгляд, и здесь нет противоречий, как если бы Ю. Д. Апресян и СхГ двигались навстречу друг другу, решая одну и ту же задачу с разных концов — он описывает лексику через конструкции, а они — конструкции, опираясь на поведение в них лексики: в частном случае конкретные результаты вполне могут совпасть. Однако нельзя быть уверенным, что у этих подходов одна и та же философия. Для СхГ (как и для большей части западной лингвистики) традиционен интерес к онтологической природе языка, с которым (а не, например, с «внутренними» лингвистическими задачами) принято соотносить многие частные проблемы описания. Поэтому в рамках СхГ совершенно естествен и однозначен ответ на важный в современной лингвистике вопрос о врожденности языка. По отношению к этой проблеме лингвисты делятся на два противоборствующих стана: сторонники генеративных моделей считают, что выделяемые лингвистами признаки врожденные, в то время как сторонники функциональ-

ных подходов, и в том числе СхG, считают, что носитель языка осваивает их в процессе обучения. Из материала Ю. Д. Апресяна, с одной стороны, следует, что огромный пласт признаков антропоцентричен, а значит, они подчиняются более общим, чем язык, когнитивным правилам. С другой стороны, он же настаивает на обилии исключений, способ освоения которых носителем, вообще говоря, неясен, а кроме того, на такой степени сложности взаимодействия правил внутри лексемы, что она сама превращается в не просто некомпозиционную, но высоко идиоматизированную конструкцию — в смысле СхG ²⁴.

4.2. СхG & CG

Если, существуя глубоко внутри российской традиции, СхG можно просто не заметить, то в западной лингвистике так не получится: слишком популярным стало это новое направление, завоевывающее все новых и новых сторонников, прежде всего внутри когнитивного направления (но, впрочем, и за его пределами). Дело в том, что и по духу, и по вниманию к семантике, СхG и в самом деле ближе всего когнитивистам — Дж. Лакову, Л. Талми, Р. Лангакеру, рядом с которыми Ч. Филлмор в свое время работал в Калифорнии в рамках большого общего проекта Berkeley Cognitive Science Program (подробнее см. Östman, Fried 2005). Долгое время в этой среде на статус «всеобщей теории» претендовала Когнитивная грамматика Р. Лангакера — «Cognitive Grammar», чью аббревиатуру неудачно повторила теория Construction Grammar. Поскольку Когнитивная грамматика имеет большую традицию ²⁵, Грамматике конструкций пришлось с этим считаться: буквальное пословное сокращение CG по-прежнему соот-

²⁴ Ср. сноску 15 на с. 118: «Морфологические, синтаксические, сочетаемостные и коммуникативно-просодические связи лексемы, не говоря уж о ее семантических связях в словаре, очень часто бывают семантически мотивированными. Но совокупность ее лингвистически существенных свойств не выводима по общим правилам ни из значения лексемы, ни из каких-либо других единиц языка».

²⁵ В 1987 году, когда Ч. Филлмор со своими соавторами еще дописывал статью про *let alone*, первый том с теоретическими предпосылками для Cognitive Grammar (Langacker 1987) уже вышел в Стэнфорде.

ветствует теории Р. Лангакера, а теория Ч. Филлмора получила в своей аббревиатуре дополнительный соединительный символ. Возможно, что теперь расстановка сил изменится, и CG, не имеющая столь мощной и харизматической поддержки в молодом поколении, как CxG, уступит первенство. Но близость этих теорий — мнемоническая, географическая, а главное, идейная — сохраняется: не случайно Р. Лангакер, в разъяснение своей позиции по сравнению с точкой зрения последователей CxG²⁶, уже написал несколько статей (ср., например, Langacker 2005, 2009). Ниже мы изложим и прокомментируем его точку зрения.

Прежде всего обратим внимание, что Р. Лангакер сам указывает на существенное сходство своей теории с CxG, причем во многих аспектах (Langacker 2005: 158). Он говорит, что в обоих случаях объектом описания являются не правила, как в формальном синтаксисе, а пары типа форма-значение, т. е. конструкции. Согласно обеим теориям, конструкции образуют систему: они связываются в семантические сети, наследуя свойства друг друга. И CG, и CxG согласны, что в каждой конструкции соединены лексика и грамматика, так что ее грамматическая правильность — это результат одновременного удовлетворения всех типов сочетаемостных ограничений, в том числе лексических и грамматических. Отдельные части конструкций взаимодействуют друг с другом по определенным, как считает Р. Лангакер (но не CxG!), композициональным, правилам, однако многие (хотя, по мнению Р. Лангакера, далеко не все) конструкции идиоматичны — тогда композициональность нарушается. В более общем виде сходство подходов он формулирует в заключении к этой статье (Langacker 2005: 186). Там речь идет о единой позиции CG и CxG по отношению к статусу, роли и месту семантики в языке — в противопоставлении идее автономного синтаксиса, признающего только автономную и недоступную анализу «атомизированную» семантику. Отвергая такое представление, Р. Лангакер настаивает на том, что семантика сложна и состоит не только в статическом значении отдельных единиц, но прежде всего в их взаимодейст-

²⁶ Правда, спорит он с CxG, опираясь исключительно на книги Адель Голдберг (1995 и 2006) — как он сам говорит (Langacker 2005: 158), «for sake of manageability» — т. е. для простоты.

вии; это взаимодействие обращает на себя внимание при любом глубоком лингвистическом анализе.

Такое представление о семантике объединяет CG и CxG — перед лицом ясного общего «внешнего врага». Тем более интересны различия между ними — и о них тоже подробно говорит Р. Лангакер в своих работах. На наш взгляд, все они вытекают из его «лингвистического прошлого»: ведь Р. Лангакер начинал как представитель формального направления (см., например, Langacker 1969, 1973a,b и др.), и поэтому ему в принципе трудно принять некомпозициональность языковых выражений, на которой настаивает CxG — ну разве что в отдельных идиомах. В его модели высказывание складывается из отдельных единиц как из кубиков — и роль конструкций в этой операции достаточно периферийна, потому что сама операция происходит, что называется, по заранее составленному плану. В этом нетрудно убедиться, обратившись к устройству CG.

Действительно, в CG модель языка состоит из множества конструкций (они называются там символическими структурами — *symbolic structures*), которые представляют пары из семантической и фонологической структур. В свою очередь, семантическая структура состоит из двух компонентов: содержательного (*content*) и интерпретационного (*construal*). Первый отвечает за число участников описываемой ситуации и проходящее с ними в рамках этой ситуации; второй моделирует нашу способность по разному представлять одно и то же содержание, меняя перспективу и степень выделенности (*prominence*) участников ситуации. Основной механизм, отвечающий в модели CG за этот род задач — профилирование (*profiling*): для того чтобы поменять перспективу или семантически выделить тот или иной фрагмент ситуации, ее нужно перепрофилировать.

Роль интерпретационного компонента (*construal*) в семантическом представлении CG легко понять, если обратиться к соответствующим ему зрительным эффектам в семантических образных схемах, которые широко используются Р. Лангакером. Как известно, в его школе принято «рисовать семантику», и для этого разработан достаточно простой изобразительный язык (подробнее см., например, наши обзоры в Рахилина 1996, 2000a, 2002): в его небольшой «словник» входят специальные кружочки, квадра-

тики, соединительные линии, стрелки и т. п., которые призваны иконично отобразить *содержание* высказывания, а жирность (т. е. зрительная выделенность) отдельных фрагментов картинке указывает на (уже семантико-прагматическую) выделенность (или, другими словами, *профилированность*) соответствующего фрагмента высказывания при его *интерпретации*. Правда, противопоставление участников в CG может обеспечиваться не только профилированностью, но и особым ролевым статусом: наиболее значимый участник называется *trajector* (траектор, или движущийся объект), наименее значимый — *landmark* (ориентир), они маркируются на схемах, соответственно, как TR и LM.

Известный пример, в котором, по мнению Р. Лангакера, языковые выражения имеют одно содержание, профилируют одно отношение, но различаются соотношением ролей участников, это пара английских предлогов *above* — *below* (для удобства читатель может заменить их русскими коррелятами *над* — *под*). Согласно его анализу, члены этой пары в сущности описывают одно и то же: два предмета, один из которых расположен над другим, так что схема-картинка, представляющая образ семантического содержания, для обоих этих отношений будет в CG одинаковой: два кружочка как два участника, соединенные вертикальной линией, см. Рис. 1. Единственная разница между ними, с точки зрения CG, в том, что в структуре *above* (*над*) верхний кружочек будет помечен как TR (траектор), а кружочек под ним — как LM (ориентир), а в структуре *below* (*под*) ориентир (LM) будет наверху, а траектор (TR) — внизу.

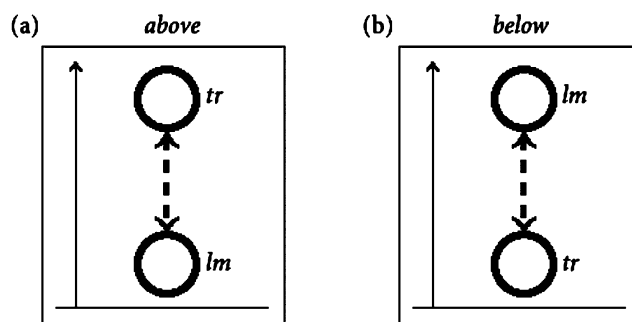

Рис. 1

Вот и всё. Никаких других механизмов или художественных средств, способных отразить более глубокие различия в семантике этих предлогов, в СГ нет. Между тем сами различия есть — иначе бы *дождь над городом* и *город под дождем* значило бы почти одно и то же — с точностью до ролей субъектов. Но, по мнению специалистов (Пайар, Плунгян 2000, Плунгян, Рахилина 2000, Плунгян 2004), ‘над’ и ‘под’ противопоставлены по интенсивности взаимодействия между траектором и ориентиром: в случае с ‘под’ она сильнее. Вообще во всяком языке, как показывает опыт типологов, соответствующие слова будут иметь свою собственную специфику, отразить нюансы которой схемой СГ пока не могут. В этом смысле у СхГ есть очевидные преимущества: она не ограничена жестким метаязыком, как СГ: в ее рамках поиск семантических ограничений может производиться сколь угодно глубоко, с опорой на все возможные и невозможные примеры.

Кстати о невозможных, т. е. грамматически неправильных, примерах. СхГ использует примеры со звездочками очень широко. По замечанию давней сторонницы СхГ К. Бругман²⁷, которое цитирует и Р. Лангакер, СхГ объясняет и грамматически правильные, и грамматически неправильные конструкции, тогда как СГ ищет правила только для образования допустимых выражений (Brugman 1988: 15). Впрочем такие претензии можно предъявить очень широкому кругу исследователей когнитивного направления. Например, Дж. Лаков, исследуя принципы построения метафоры, никогда не задавался вопросом о том, где проходит граница возможного в этой области: какого рода метафоры точно будут отсутствовать во всех языках (или хотя бы в одном, данном языке). Тот же вопрос напрашивается и к авторам теории *blending* (совмещения ментальных пространств, см. подробнее Часть I, Глава 3, а также Часть IV, Глава 3) — Ж. Фоконы и М. Тернеру: есть ли такие пространства, которые в принципе (или в определенных условиях) не могут быть совмещены — в работах этих авторов (Fauconnier, Turner 1996, 1998) на него также нет ответа.

²⁷ Клаудия Бругман известна прежде всего своей диссертацией, а затем и книгой (Brugman 1988) о семантике английского предлога *over*, написанной под руководством Дж. Лакова, подробнее см. Lakoff 1987/2004.

Что же касается Р. Лангакера (который очень энергично возражает против такого «обвинения»), то здесь как раз несколько сложнее: Р. Лангакер первым выдвинул идею модели языка, основанной на реальных, а не сконструированных употреблениях (так называемая *usage-based model*), см. Langacker 1988b, 1991a,b, 1999 и др., и таким образом дал «теоретический» зеленый свет корпусным исследованиям. Корпус же представляет очень интересную проблему с точки зрения грамматически неправильных примеров. С одной стороны, в корпусе практически нет запретов: на любой запрет можно найти пример, его нарушающий. Таким образом, получается, что в корпусе нет информации о грамматической правильности. С другой стороны, корпус отражает предпочтения в употреблении языковых единиц, измеряемые статистически, и эти предпочтения должны были бы учитываться при любом подходе к материалу: ведь одно дело получить 20 тысяч примеров, и совсем другое — на том же массиве получить всего 20. Любопытно однако, что, в то самое время как Ч. Филлмор, А. Голдберг и многие другие теоретики СхG давно и широко использовали корпусный материал, в том числе и для экспериментов с грамматической правильностью, классические работы Р. Лангакера (80-х — 90-х годов) опирались на искусственные примеры.

Если внимательно читать полемику Р. Лангакера с А. Голдбергом, обнаруживается разница лингвистических приоритетов CG и СхG. СхG акцентирует внимание на системном взаимодействии семантики лексем (и грамем) при сочетании их в частные конструкции — это естественно, если родоначальник теории является специалистом по лексической семантике. CG (автор которой «пришел» к когнитивизму из формальных теорий) акцентирует внимание на общих логических правилах перестройки значений, прежде всего перепрофилирования языковых единиц разных типов. Для СхG конструкция важна, потому что именно она требует искомого семантического взаимодействия, которое часто приводит к сдвигу исходных значений (*coercion*). Для CG конструкция в филлморовском смысле вторична, периферийна, потому что в рамках этой теории она в общем случае ничего не добавляет в семантику исходного слова: в его семантической сети обычно уже задана, существует заранее та ветвь-значение, которая будет за-

тем реализована в данной конструкции. Примеры типа *sneeze*, таким образом, с точки зрения СГ, являются довольно редкими, но возможными исключениями, для анализа которых уместен расширенный по сравнению с СГ инструментарий СхГ.

Интересно, что здесь Р. Лангакер невольно встает на жестко лексикографическую позицию Ю. Д. Апресяна, который безусловно согласился бы с ним в этом пункте, так как для лексикографа слово первично, его семантика задана заранее и раз и навсегда описана в словаре, так что возможны лишь ее окказиональные сдвиги. С другой стороны, интерес СГ к правилам организации семантической сети очень близок, иногда почти что с точностью до терминологии, к подходу Е. В. Падучевой и ее сотрудников, реализованному в системе «Лексикограф», см. <http://lexicograf.ru/>, а также Падучева 2004, Кустова 2004 и др. Обсуждая природу метонимии, Е. В. Падучева и Г. И. Кустова говорят об «уходе аргумента на периферию», «смещении акцентов», «переходе с периферии в центр» и под., а Р. Лангакер — о перепрофилировании участников ситуации или крупных фрагментов семантического представления. И это сходство тоже объяснимо: предсказуемые правила перехода одного значения в другое возможны только в метонимических переходах — метафоры труднее поддаются систематизации. Поэтому правила интерпретации содержательного компонента СГ моделируют исключительно метонимические процессы (как и, по преимуществу, правила смещения семантических акцентов в системе «Лексикограф») — для анализа метафор Р. Лангакер вынужден обращаться к «смежникам»: Дж. Лакову, Ж. Фоконье и др.

Р. Лангакер упрекает теорию СхГ в том, что в ней не определено место такого рода когнитивных процессов, как если бы они не были ей интересны — но это совсем не так. Просто в этом отношении СхГ имеет возможность быть шире, чем СГ: перестройка значений внутри конструкции, которая занимает сторонников СхГ, происходит не только по законам метонимии, но и по законам метафоры, и даже метафоры и метонимии вместе — в разных последовательностях и комбинациях (подробнее см. в Главах 3 и 4 Части IV этой книги). Фиксируя условия таких переходов (как того требует практика описания конструкций), специалисты СхГ могут в процессе их классификации опираться на теоретический

опыт предшественников, в том числе и CG — здесь нет никаких формальных ограничений. В то же время, весьма вероятно, что столь подробное изучение контекстного поведения лексики даст новый мощный импульс этой области семантики — и тогда CxG сама продвинет теорию.

Что же касается системных метонимических процессов, то при всем внимании к ним CG практически игнорирует проблему их конкретного лексического наполнения (в особенности по сравнению с Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой, но также — хотя, конечно, в меньшей степени — и Г. Радденом и З. Кевечешем, см. Radden, Kövecses 1999, И. Пирсманом и Д. Герартсом, см. Peirsmann, Geeraerts 2006a и др., подробнее см. Главу 3 Части IV) — и это тоже можно расценивать как дань формальному прошлому: как если бы речь шла об общих правилах, только не над синтаксическими, а над семантическими структурами. Напротив, все описания сдвигов значения в рамках CxG (даже и в высокотеоретических работах А. Голдберга) всегда непосредственно привязаны к лексическим классам. Этот интерес понятен: по их теории, разные классы слов по-разному встраиваются в разные конструкции, так что изучение закономерностей такого рода входит в проблематику CxG.

В число таких лексических классов входят и части речи, но вся логика CxG ведет к тому, что их лингвистическое поведение может оказаться негомогенно, причем не только внутри языка в разных конструкциях, но и между языками. Строго говоря, в рамках CxG может идти речь только о прототипических (и периферийных) существительных, глаголах, прилагательных и т. д. (или, точно так же, о прототипических — и периферийных — подлежащих, прямых объектах и под.) и о конструкциях как диагностиках их определения. Однако для CG, ориентированной, как мы уже говорили, на достаточно общие семантические правила, нужны ясные «точки опоры» для этих правил — поэтому имена, глаголы, подлежащие, прямые объекты и проч. рассматриваются в CG как синтаксические примитивы — и Р. Лангакер удивляется, что в CxG их нет.

Наконец, самая существенная претензия CG к CxG: Р. Лангакер считает, что, в отличие от CG, CxG не описывает языковые выражения, структура которых полностью предсказывается —

иными словами, композициональные, сосредоточившись на узком классе идиом типа *let alone*. Расхождение здесь настолько фундаментально, что Р. Лангакеру даже не приходит в голову, что авторы СхГ всерьез верят в то, что ВСЕ без исключения конструкции, вплоть до конструкций с прямым объектом, содержат невыводимые семантические компоненты, которые обеспечивают их неполную композициональность. И надо честно сказать, что пока это только предмет веры — успешных попыток доказать это на материале сверхпродуктивных конструкций вроде глагольных переходных еще нет. С другой стороны, ясно, что при внимательном рассмотрении некомпозициональными оказываются далеко не только те языковые выражения, которые содержат устойчивые сочетания — взять хотя бы атрибутивную или предикативную конструкции, об особой семантике которых так много написано, кстати, независимо от теории СхГ (подробный обзор на эту тему со ссылками на Bolinger 1967, Bhat 1994, 1999 и мн. др. см. в Рахилина 2000а/2008: с. 107—110).

Подведем итоги.

С некоторым огрублением можно сказать, что СГ ищет общие и довольно формальные (т. е. в слабой степени апеллирующие к конкретным языковым ограничениям) и опирающиеся на универсальные (когнитивные) принципы организации языка правила, которые действуют в семантическом компоненте языковой структуры — точно так же, как формальные синтаксисты ищут универсальные (правда, *не* когнитивные) правила организации синтаксического компонента языка. СхГ тоже ищет правила — но это механизмы взаимодействия синтаксиса и семантики, в сочетании со словоизменением, словообразованием, прагматикой — всего со всем. Таких механизмов много, они не универсальны, а разнообразны; универсальны же — принципы, по которым они строятся, и основной, с точки зрения СхГ, принцип состоит в том, что в каждом таком «сплаве» всего со всем главное — это значение целого, которое определяет устойчивость полученного в результате «языкового организма» и возможности его языковой «жизнедеятельности». В этом постулате отражено и сходство с СГ — приоритет семантики, и расхождение — вера в собственное, некомпозициональное значение конструкции.

§ 5. Оппоненты

В первом номере журнала «Когнитивная Лингвистика» («Cognitive Linguistics») за 2009 год была опубликована уникальная дискуссия, касающаяся теории и практики Грамматики конструкций. Поводом для такого обсуждения стала уже упоминавшаяся в этом обзоре последняя по времени книга А. Голдберг (2006). Ее основные положения были изложены автором в небольшой статье, открывающей дискуссию, и затем обсуждались в семи рецензиях, написанных представителями самых разных лингвистических направлений. Здесь были и специалисты по генеративному синтаксису — Стефан Крейн и Розалинда Торнтон (Университет Маккари, Австралия), Дру Хленцос (Университет Новой Англии, Австралия), Роберт Борсли (Университет Эссекса, Великобритания), Фредерик Ньюмайер (Вашингтонский университет, США / Университет Британской Колумбии и Университет им. Саймона Фрейзера, Канада), и специалисты по развитию речи (Джеффри Лидз и Александр Вильямс, Университет Мэриленд, США, Елена Ливен, Институт им. Макса Планка, Германия), и даже соратники А. Голдберг, разделяющие конструкционный подход — Роналд Лангакер (Университет Сан Диего, США), Вильям Крофт (Университет Нью-Мексико, США). Самое интересное в том, что А. Голдберг имела возможность в заключительной статье ответить на все вопросы и замечания своих сторонников и противников. Тем самым, читатели этого журнала как бы присутствовали на настоящем состязательном процессе, напоминающем диссертационную защиту. А главную интригу всех защит всегда, как известно, составляют оппоненты. Значительная часть их претензий к СхG состоит в том, что эта теория удобна для анализа узко-лексикализированных конструкций, как *let alone* и ей подобные, — попытки же описать в рамках СхG более абстрактные синтаксические единицы, такие как пассив, слишком немногочисленны и малоубедительны. Именно так, по мнению оппонентов, можно квалифицировать и анализ английской инверсии, приведенный в книге, а затем в статье самой А. Голдберг. А. Голдберг рассматривает довольно известный феномен английского языка — инверсию подлежащего, которая может встречаться в общих вопросах, частных вопросах, предложениях с начальным отрицательным

наречием (5), проклятиях и пожеланиях (6), контрфактических условиях (7), восклицаниях (8), компаративах (9), предложениях с отрицательным союзом (10) и подтверждениях (11).

- (5) *Never have I seen such a sight* 'Никогда такого не видел!'
- (6) *May a million fleas infest his armpits!* 'Пусть миллион блох наводнят его подмышки!'
- (7) *Had she gone, they would be here by now* 'Если бы она уехала, они бы уже были здесь'.
- (8) *Boy did she go!* 'И как она пошла!'
- (9) *He was faster at it than was she* 'В этом он был быстрее, чем она'.
- (10) *Neither do they vote* 'И не голосуют'.
- (11) *So does she* 'И она тоже'.

Анализ А. Голдберг обнаруживает общее свойство всех таких конструкций, а именно, их непрототипичность. С ее точки зрения, прототипическое предложение является декларативным, имеет позитивную ассерцию, а информационная структура (в отечественной терминологии — коммуникативная организация) выделяет в нем предикат; к тому же прототипическое предложение является синтаксически независимым, то есть может употребляться отдельно, а не только в составе другого. Формулируя эти условия, А. Голдберг нащупывает семантику, стоящую за таким, казалось бы, абстрактным явлением, как инверсия подлежащего и глагола: она утверждает, что любое предложение с инверсией непременно нарушает все сформулированные условия или хотя бы некоторые из них.

Интересно, что реакция на это предложение А. Голдберг была отчасти сходной в обоих лагерях — и в лагере сторонников SxG, и в лагере ее оппонентов. И когнитивист В. Крофт (Croft 2009), и формалисты Р. Борсли и Ф. Ньюмайер (Borsley, Newmeyer 2009) указывают на один и тот же существенный недостаток этого решения: говоря об инверсии, мы, безусловно, имеем дело с целым набором различных конструкций, у каждой из которых имеется своя семантика и свои ограничения. Эти конструкции могут быть объединены на том основании, что все они используют инверсию, но утверждение, что это всё примеры одной конструкции — слишком сильное. Однако, если Р. Борсли и Ф. Ньюмайер ограни-

чиваются этим замечанием, то В. Крофт предлагает свое решение, которое оказывается вполне в духе самой СхG, акцентируя важное свойство конструкций: конструкции могут объединяться и часто объединяются в семейства. У представителей одного семейства может частично совпадать форма и частично пересекаться семантика, так что внутри семейства конструкции связаны между собой как радиальная категория, в которой общее для данного семейства свойство выражено в большей или меньшей мере. Такое семейство можно представлять себе как взаимодействие одной более абстрактной конструкции, обладающей своей семантикой, (в нашем случае инверсии подлежащего и вспомогательного глагола) с набором более лексикализованных структур, таких как конструкция с отрицательным наречием или конструкция подтверждения. Таким образом, конструкции не существуют в языке бессистемным набором, а объединяются в более крупные единицы, и анализ этих более крупных единиц возможен в рамках СхG.

Другая важная точка расхождения между А. Голдберг и ее оппонентами касается универсальной грамматики и врожденности языковых параметров. Эта проблема тесно связана с вопросом о степени уникальности усвоения языка на фоне других человеческих навыков, таких, например, как составление математических задач или выполнение арифметических операций. Действительно, если мы признаем, что языковые параметры не врожденны, наше объяснение процесса обучения языку должно согласовываться с нашими знаниями о том, как ребенок приобретает другие навыки. А. Голдберг экспериментально показывает²⁸, что при обучении языку дети опираются на некоторые механизмы статистического характера, и благодаря этому могут усваивать достаточно абстрактные конструкции. И тогда можно не принимать гипотезу о врожденности языка, раз имеющихся у ребенка механизмов достаточно для того, чтобы языку обучиться. Однако оппоненты А. Голдберг не согласны с предлагаемой интерпретацией экспериментальных данных: Дж. Лидз и А. Вильямз утверждают, что эксперименты А. Голдберг демонстрируют только то, что дети

²⁸ Один из ее экспериментов, касающийся конструкции *Субъект — Место — Глагол*, описан в этом обзоре в разделе 3.3.

усвоили связь между последовательностями X-Y-V и значением 'появление в некотором месте' (см. Lidz, Williams 2009). По их мнению, неизвестно даже, «считают ли дети, что такая последовательность является предложением, не говоря уже о том, воспринимают ли они его как предложение английского языка» (с.180). С одной стороны, эта претензия правомерна: действительно, в таком эксперименте дети находятся в обстановке, которая не совсем похожа на ту, в которой они обычно обучаются языку. Вряд ли в обычных условиях им придется столкнуться с новой конструкцией, да еще с новыми глаголами, которых они никогда не слышали, причем 16 раз подряд. Так что в любом случае выходит, что такой эксперимент создает искусственную, а не моделирует естественную ситуацию обучения. Но с другой стороны, если мы хотим экспериментально показать, что дети и в самом деле могут изучить новую конструкцию, не пользуясь информацией о семантике глаголов, пожалуй, единственное, что мы можем сделать, это использовать в нашем эксперименте и конструкцию, и глаголы, которых в реальном языке нет. Не так уж существенно, что такой эксперимент не будет в точности воспроизводить естественные условия обучения ребенка — ведь это возражение применимо почти к любой экспериментальной ситуации. Как кажется, сам факт, что дети способны усвоить некий фразовый шаблон и соотнести его с определенной предикативной семантикой, не пользуясь при этом информацией о значении глагола, является крайне важным для понимания принципов, на которые опирается ребенок при обучении языку в обычной обстановке.

Среди замечаний к статье А.Голдберг встречается еще одно, часто фигурирующее в спорах по поводу Грамматики конструкций. В журнале «Когнитивная Лингвистика» оно сформулировано в статье С.Крейна, Р. Торнтон и Д. Хленцоса (Crain, Thornton, Khlenzoz 2009) в виде следующего вопроса: можно ли в рамках CxG описать глобальные языковые закономерности, которые действуют во всех или практически во всех языках?» В качестве примеров такого рода явлений авторы предлагают Принцип С в теории связывания и нисходящее следование в семантической теории. Остановимся чуть подробнее на каждом из них.

Принцип С задает соотношение между местоимением и референциальным выражением в рамках одного предложения. Согласно

принципу С, референциальные выражения предложения (= именные группы, не выраженные местоимениями) не могут быть связаны, т. е. не могут отсылать к другому элементу в том же предложении. Это существенным образом отличает их от местоимений, которые, наоборот, обычно связаны, т. е. должны быть кореферентны другому элементу данного предложения.

Кореферентность в теории связывания описывается через отношения командования. Группа X командует группой Y, если в синтаксическом дереве предложения первый ветвящийся узел, доминирующий над X, доминирует также и над Y. Таким образом, пользуясь данным термином, можно сформулировать принцип С следующим образом: не может быть такой ситуации, что некая группа командует референциальным выражением и кореферентна ему.

Действие принципа С хорошо иллюстрирует, например, предложение (12a): именно этот принцип запрещает такую интерпретацию этого примера, в которой *Max* и *he* относились бы к одному лицу. Примеры (12b) и (12c) не подпадают под действие принципа С, потому что в этих случаях местоимение *he* не командует именной группой *Max*, т. е. не располагается выше нее в синтаксической структуре.

- (12) a. *He_i said Max_{*i, j≠i} was drinking wine* ‘Он сказал, что Макс пил вино’.
 b. *Max_i said he_i was drinking wine* ‘Макс сказал, что он пил вино’.
 c. *When he_i walked in, Max_i was drinking wine* ‘Входя, Макс пил вино’.

Принцип С действует во многих языках мира, между тем представить себе процедуру его усвоения ребенком довольно сложно: ведь для того, чтобы им овладеть, необходимо понять, какие интерпретации возможны, а какие — невозможны, а такая информация отсутствует в тех языковых данных, которые ребенку доступны. Но тогда — заключают С. Крейн, Р. Торнтон и Д. Хленцос, — вероятнее всего, принцип С является врожденным.

В ответной реплике А. Голдберг можно выделить две основные идеи. Первая касается самого аргумента, который используют ее оппоненты, а именно, их рассуждения по поводу процесса

изучения языка вообще. По мнению А. Голдберг, в ходе овладения языком дети очень часто имеют дело с отсутствием интерпретаций. Например, при овладении лексикой (процесс, который явно не является врожденным, а напротив, специфичен для каждого языка) дети вынуждены сталкиваться с тысячами полисемичных слов и способны сами выделить разные значения и правила, по которым каждое из них должно использоваться.

Второй аргумент А. Голдберг касается универсальности принципа С. Она обращает внимание на то, что принцип С не объясняет всех случаев употребления местоимений и референциальных выражений в тексте. Например, Маквинни (MacWhinney 2005) приводит примеры (13a) и (13b), которые, согласно теории связывания, должны вести себя одинаково, а именно запрещать кореферентную интерпретацию, как это происходит в (13a) — тем не менее, (13b) ведет себя совершенно иначе, хотя отличается от (13a) только временем. Действительно, (13a) запрещено в соответствии с Принципом С, а (13b) разрешено и тем самым его нарушает.

Между тем, чуть более глубокий анализ этой пары ставит все на свои места: нарушение принципа С в (13b) вызвано тем, что в нем иначе взаимодействуют два описываемых события: в (13a) они параллельны, а в (13b) первое служит фоном для второго, что и позволяет интерпретировать местоимение в фоновой ситуации как кореферентное именной группе в основной.

- (13) а. **She_i came back from vacation when Mary_i saw a stack of unopened mail piled up on her front door* ‘Она_i приехала из отпуска, когда Мэри_i увидела стопку неоткрытых писем перед дверью’.
- б. *She_i had just come back from vacation when Mary_i saw a stack of unopened mail piled up on her door* ‘Ø_i Приехав из отпуска, Мэри_i увидела стопку неоткрытых писем перед дверью’.

Еще одну (в некотором смысле, противоположную примеру 13) иллюстрацию недостаточности (а значит, неуниверсальности) принципа С дает пример (14):

- (14) #*She_i called. Mary_i came in.* ‘Она_i позвала. Мэри_i пришла’.

(14) не противоречит принципу С, ведь во втором предложении никакие элементы не связывают именную группу Мэри. Тем не менее, сочетание первого и второго предложения невозможно, потому что по отношению к одному и тому же лицу недопустимо употребление местоимения в первом предложении и имени собственного во втором. Мы видим, что здесь взаимодействие именных групп происходит уже на уровне нескольких предложений, так что принципа, действующего только в рамках одного предложения, недостаточно, чтобы описать запреты такого рода.

Таким образом, взаимодействие между местоимением и референциальным выражением не описывается одним только принципом С: для того, чтобы полностью описать все возможные и невозможные предложения с этими элементами, необходимо в значительной мере затронуть коммуникативную структуру, причем не только одного предложения, но и текста в целом. Получается, что явление, казавшееся оппонентам А. Голдберга одним из наиболее сложных и универсальных принципов языка, оказалось значительно более похожим на те феномены, с которыми обычно имеет дело Грамматика конструкций, чем могло показаться вначале.

Второй пример универсального принципа языка (хотя и другой природы, чем принцип С), предлагаемый С. Крейном, Р. Торнтон и Д. Хленцосом, — это нисходящее следование (downward entailment). Авторы удивлены тем, что в рамках СхG нисходящее следование не обсуждается, и настаивают на необходимости его интерпретации в этой теории, поскольку считают, что оно имеет широкий круг языковых проявлений.

Коротко напомним его суть. Хорошо известно, что при добавлении элементов к базовому выражению включается механизм семантического следования: из производного выражения семантически следует базовое. Например, БЫСТРО БЕЖИТ получается из базового выражения БЕЖИТ. Отношение следования проявляется здесь в том, что все ситуации, которые можно описать как БЫСТРО БЕЖИТ, можно описать и как БЕЖИТ. Таким образом, из БЫСТРО БЕЖИТ всегда следует БЕЖИТ, в то время как из БЕЖИТ может и не следовать БЫСТРО БЕЖИТ. Между тем, существуют такие выражения, которые, присоединяясь к базовому, вызывают следование в противоположном направлении: не от получившейся фразы к базовой, а, наоборот, от базовой к получившейся. Примерами таких выражений может служить НИКТО: если верно, что НИКТО НЕ БЕЖИТ, то верно и что НИКТО НЕ БЕЖИТ БЫСТРО. Поскольку

на самом деле похожи на явления, описываемые СхG, и «входят в круг ее интересов», другие же являются общими для человеческого сознания в целом, а их проявление в языке — всего лишь частный случай функционирования этих более общих когнитивных механизмов.

Заключение и — предварение

Наш обзор завершен. Мы показали, что СхG — это новое, но заметное, быстро растущее и интересное течение в современной лингвистике. Во-первых, потому что у его истоков стоит крупный и неординарный ученый — Чарльз Филлмор. Во-вторых, потому что за короткий срок оно завоевало в мире большую популярность и приобрело немало активных и ярких сторонников, публикующих книги, организующих журналы, конференции, школы, мощные международные проекты и мастер-классы²⁹. Теперь это лингвистическое направление известно, оно привлекает внимание, в том числе — оппонентов. В-третьих, СхG ориентирована на изучение и описание реального естественного языка, причем в любых аспектах и срезах и на любых уровнях. Эта теория — для практики: словарной, грамматической, практики корпусного анализа, экспедиционных работ и типологических исследований — одним словом, теория для дескриптивной лингвистики (последняя в ее контексте не имеет никакого пейоративного привкуса). Поэтому она и устроена так, что умеет «впитывать» лингвистические традиции в любых оболочках, в том числе, и прежде всего, в образе Московской семантической школы. Вот почему нам, воспитанным в этой школе, так привлекательна СхG: с ней легко работать творчески, объединяя собственный опыт и знания с ее потенциалом в любой области лингвистической деятельности, — ее

²⁹ Регулярно проводятся международные конференции, посвященные СхG (International conference on Construction Grammar) — в 2010 году эта конференция проходит уже в 6 раз; с 2009 г. в издательстве Benjamins выходит журнал «Constructions and Frames», ориентированный на конструкционный подход к языку, при университете Дюссельдорфа издается электронный журнал «Constructions», успешно развивается международный проект Framenet (<http://framenet.icsi.berkeley.edu>) и т. д. и т. п.

можно и интересно допридумывать, развивать самому и открывать в ней новые глубины.

Это было **заключение** к вводной части.

Теперь — **предварение**: о том, что будет дальше. А дальше мы будем испытывать СхG «на прочность», применяя ее к самому разному языковому материалу, в основном русскому.

Первая часть воспроизводит название книги А. Голдберг «Constructions at work», о которой так много было уже сказано, и называется «Конструкции в действии», потому что в ней мы действительно рассмотрим (с точки зрения СхG), как действуют и взаимодействуют в русском языке самые разные конструкции.

Начинается эта часть с давней, еще «докорпусной» (1996 г.!) статьи, которая описывает русскую конструкцию с удвоением типа *тушат-тушат — не потушат* и воспроизводится в Главе 1 почти без изменений. За ней (Глава 2) следует разбор так называемых конструкций уровня: *грязи по колено, волосы до плеч* и др. — в типологической перспективе. Он опирается на материал диссертации О. Ю. Шеманаевой, которая была защищена в 2008, уже в корпусную эпоху, и поэтому широко использует данные корпусов сразу целого ряда языков. Наконец, в Главе 3 аппарат СхG применяется к нестандартному материалу: это анализ каламбурных анекдотов. На первый взгляд, тексты анекдотов могут стать предметом только общелингвистического или — максимум — прагматического анализа. Мы покажем, что СхG позволяет обнаружить в этих текстах сугубо лингвистические задачи, касающиеся морфологии, синтаксиса, лексики и др.

Вторая часть тоже описывает русские конструкции — но только те, к которым раньше применялись другие, прежде всего формальные, модели, так что здесь мы ставили задачу раскрыть не просто возможности СхG, но ее преимущества, так сказать, в конкурентной лингвистической борьбе.

Эта часть начинается с того, что на основе положений СхG пересматривается описание депиктивной конструкции (*пришел усталый / усталым*), которая давно привлекала внимание сторонников формальных теорий как нетривиальный пример вторичной предикации (Глава 1). Мы покажем, что неудачи формального подхода, при котором большая часть фактов, касающихся этой

конструкции, оказывалась «за бортом», связаны как раз с тем, что ни формальный синтаксис, ни формальная семантика не могут, в силу предпосылок, заложенных в этих теориях (в частности идеи композициональности), охватить конструкцию целиком, в семантико-синтаксическом взаимодействии ее компонентов, — и рассматривают разные условия ее употребления как не связанные друг с другом. В Главе 2 подвергается сомнению знаменитое явление неаккузативности, одной из основных диагностик которого для русского языка в формальном синтаксисе признана конструкция с распределительным *по* (*детям дали по яблоку*). Вместо этого предлагается семантико-синтаксический анализ материала, основанный на природе дистрибутивной ситуации и ее свойствах.

Следующий сюжет «затрагивает интересы» когнитивного подхода и рассматривает в свете СхG понятие концепта — на примере такого общезначимого понятия, как контейнер. С одной стороны, согласно когнитивным представлениям, столь значимой группе объектов в языке должен соответствовать ясный и универсальный концепт. С другой стороны, чем более значимо понятие, тем в большем числе конструкций оно задействовано, а значит, как показано в этой работе, тем меньше есть возможностей для единого концепта. Именно это противоречие и обсуждает в Главе 3 под провокационным названием «А был ли концепт?».

Конструкции могут служить не только своего рода инструментом разрушения концепта — подробный анализ серии конструкций может привести и к унифицирующей гипотезе. О таком описании русского приименного генитива идет речь в Главе 4 — в свете формальной модели генитива, предложенной Б. Парти и В. Борщевым. Их модель сводится к тому, что есть определенная корреляция между возможностью употребить генитив и наличием у имени аргументного отношения, т. е. его реляционностью. В нашем исследовании подробно рассматриваются все разновидности этой конструкции (ср.: *фильм Феллини*, *строитель завода*, *бочка огурцов*, *портрет Пушкина* и др.), а также все запреты на переход в них предметных имен в реляционные — и в качестве результата предлагается общее значение для конструкции в целом.

Третья часть специально посвящена проблемам описания аргументной структуры: ведь, как мы помним из обсуждения работ А. Голдберг (см. раздел 3.1), аргументная структура — настоя-

ший «конек» для СхG. Между тем, в Московской школе эта проблематика в свое время обсуждалась довольно широко, ср. прежде всего классические работы 70-х гг. Апресян 1974, Мельчук 1974, а кроме того дискуссию в 90-х, см. СиИ 36³⁰, ср. также Mel'šuk 2004 и Иорданская, Мельчук 2007. Так что открывает эту часть (Глава 1) старая забытая статья «тех времен», которая, тем не менее, сегодня тоже оказалась актуальной в связи с СхG — об актантах и сирконстантах в конструкции с дательным посессивным. Глава 2 тоже отсылает нас к прошлому: к знаменитой в свое время проблеме с глаголом *промахнуться*, которая была поднята в знаменитом же 1974 году; это попытка посмотреть на нее иначе. Новый материал вводит последняя — третья — глава Части III: в нем речь пойдет об удивительных семантико-синтаксических эффектах, которые проявляются в конструкциях с глаголом *хватать* и касаются аргументной структуры этого глагола.

Четвертая часть — о судьбе конструкций в языковой системе, т. е. о том, как они возникают, живут, меняются, исчезают, перестраиваются, превращаются в другие единицы и т. п. Здесь мы будем подробно, на реальных примерах, отслеживать судьбу каждой конкретной конструкции или их семейства.

В этой части четыре сюжета. Первый посвящен переходу конструкций из языка в язык: речь пойдет о конструкции *проблема с* (*отцом, финансированием, статьей ...*), которая, по мнению многих исследователей, была целиком заимствована в русский из английского в постперестроечную эпоху. Глава 1 занимается «корпусным исследованием» этого вопроса. Второй сюжет — о переходе свободных сочетаний в связанные фраземы с квазиграмматическим значением и статусом; этот переход рассматривается на материале семейства конструкций «лексической множественности» (*куча народу, бездна проблем, арсенал средств, вагон друзей*) во второй главе. Третий сюжет — о стандартных и нестандартных семантических переходах в адъективных и адвербиальных конструкциях с качественными прилагательными и наречиями, ср. *чистый дом, круто повернуть* и под. Это Третья глава, в

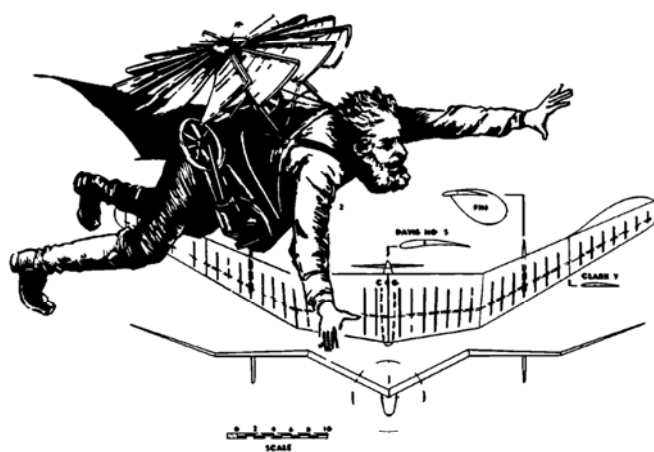
³⁰ В особенности работы Е. В. Муравенко, В. А. Плунгяна & Е. В. Рахилиной, В. С. Храковского, А. Д. Шмелева и др.; подробное изложение этой дискуссии см. в Тестелец 2001: 181—187.

ней подробно разбираются представления о таких важных для языка сдвигах значения, как метонимия и метафора, и описывается новый, «неучтенный» класс семантических преобразований в лексике, который получил название «ребрендинг».

Типологический взгляд на ребрендинг дает последний, четвертый сюжет. Он построен на широком и разнообразном типологическом материале и обсуждает так называемые «метафоры боли», ср. русск.: *бок колет, глаза жжет, носки кусают* и мн. др. Здесь тоже происходит переход конструкции, в данном случае из одной лексической зоны в другую: в основном из физической в физиологическую. Иногда для этого, как мы увидим, действительно достаточно метафоры, а иногда требуется более серьезная реструктуризация исходного значения, которую как раз предполагает ребрендинг. Однако и здесь, в полном согласии с СхG, действуют строгие механизмы построения и перестройки конструкций. Если продолжить естественную в контексте конструкций строительную метафору, можно сказать, что эти «ремонтные нормы» нельзя ни изменить, ни нарушить. Глава 4 как раз и будет рассказывать о том, как они устроены.

Но сначала — первая часть.

Часть I

Конструкции в действии

Глава 1

«ТУШАТ-ТУШАТ — НЕ ПОТУШАТ»: ГРАММАТИКА ОДНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

§ 1. Вводные замечания

Современная лингвистика уже давно подошла к осознанию того факта, что описание грамматики языка не исчерпывается описанием его грамматических категорий; более неожиданным открытием последних лет становится понимание того, какие нетривиальные связи существуют в действительности между двумя зонами языка, которые принято называть лексической и грамматической. Насколько грамматическая зона оказывается подвержена влиянию индивидуальных отклонений, идиоматичности и непредсказуемости (связываемых обычно с лексикой) — настолько же и лексическая зона обнаруживает тенденции к системному устройству и регулярности (приписываемые обычно грамматике); иное дело, что в каждом из этих случаев указанные механизмы не находятся на поверхности, их обнаружение — задача специального анализа.

Как представляется, сейчас в русистике (если, в частности, говорить о русском языке) накоплено и обработано достаточно материала, чтобы описание этих тонких закономерностей взаимодействия двух систем языка стало реальной задачей.

Одной из таких «контактных» зон, в которых указанная двойственность дает себя знать, может быть, с наибольшей очевидностью, являются конструкции. Устройство и семантическая интерпретация конструкций подчиняются заведомо более жестким ограничениям по сравнению с фрагментами «обычных» предложений; вместе с тем, конструкции отличаются и от идиоматических сочетаний — в первую очередь тем, что задают некоторый тип высказываний: конструкция имеет определенное значение (которое, как правило, сходно с грамматическими значениями данного

языка), но, кроме того, на все ее элементы накладываются сильные ограничения (главным образом, семантического или лексического порядка). Можно сказать, что конструкции — это своего рода грамматическая периферия, создаваемая почти исключительно лексическими средствами; это лексика, стремящаяся стать грамматикой (или, если угодно, маскирующаяся под грамматику).

Предметом настоящего исследования будет одна из русских глагольных конструкций «с удвоением», т. е. содержащая полный повтор глагольной словоформы — того типа, который представлен в заглавии главы (его формальные характеристики будут уточнены ниже). Вообще, различные виды удвоения — один из самых распространенных формальных приемов образования конструкций (как глагольных, так и именных) в русском языке¹. На их разнообразие и высокий удельный вес прежде всего в устной речи обращалось внимание еще в известной работе Н. Ю. Шведовой [1960], где представлен обширный материал такого рода (некоторые наши примеры заимствованы из этого очерка). На первый взгляд кажется, что удвоению могут подвергаться любые словоформы — ср. такие примеры, как *красный-красный*, *близко-близко*, *ждет-ждет*, *только-только*, *знаю-знаю*. Но помимо того факта, что удвоение в разных случаях сопровождается разными семантическими эффектами (как следует, в частности, и из приведенных примеров), крайне существенно и то, что на самом деле такое удвоение допустимо отнюдь не во всех случаях — ср. *??стол-стол*, *??вместе-вместе*, *?сияет-сияет* и др. под. Именно это обстоятельство и заставляет в первую очередь считать, что в подобных случаях мы имеем дело с «конструкциями», каждая из которых передает особое значение и образуется в соответствии с нетривиальными правилами; традиционное представление об этом типе конструкций как о «лексически неограниченных сочетаниях однозначных слов» (ср. Шведова 1960: 31—32) нуждается в уточнении.

¹ Ср. наблюдения в Шведова 1960. Специально об одном из видов глагольного удвоения (с участием инфинитива) см. также Пайар, Плунгян 1993, где более подробно рассматриваются конструкции типа *съесть-то он съест, да кто ж ему даст*.

Приведем еще несколько примеров интересующей нас конструкции:

- (1) *Перед ними — дверь дубовая, на двери — кольцо. Стали они за кольцо тянуть — дверь не открывается. Дернули посильней — не поддается. **Дергали-дергали** они дверь — совсем из сил выбились.*
- (2) *Ночью тихо, ни звука, ни скрипа, ни шороха. Только филин изредка прокричит, да мышь в углу возится: **поскребется-поскребется** — и затихнет.*
- (3) *{— А гербарий-то мой где? — спрашиваю,
— Какой гербарий? Там куча сена на полу лежала, так я ее давно уж выкинула...}
— Это что же получается? Человек **собирал-собирал**, старался, а ты все взяла, да и выкинула?*

Конструкция состоит из двух частей, каждая из которых содержит самостоятельную предикатную вершину (конструкция в целом часто оформляется как сочинительная): вершиной первой части являются две одинаковые личные глагольные словоформы, вершиной второй части — любой предикат (о лексических и семантических ограничениях на этот предикат см. ниже). Характерным формальным признаком данной конструкции является также ее особое просодическое оформление (в орфографии обычно передаваемое дефисом между удвоенными глагольными словоформами): удвоенные словоформы составляют одно фонетическое слово (с главным ударением на первом компоненте)² и произносятся с особой интонацией.

Указанные внешние характеристики полезно принимать в расчет для отделения данного типа от других (весьма многочисленных в русском языке) глагольных конструкций, также содержащих повтор глагольной словоформы. В частности, фонетическая

² А. М. Пешковский говорит об «особой ритмической цельности соединенных элементов», а Н. Ю. Шведова — о «слитном и убыстренном произнесении обеих форм с подчеркнутым акцентированием первого слова». Интересно, что указанная просодия характерна и для одной неглагольной конструкции (с близкой семантикой) — мы имеем в виду конструкцию *нет-нет, да и* + [V св. През.] (ср.: *нет-нет, да и скажет*, и т. п.). См.: Шведова 1960: с. 32—33 et passim.

слитность удваиваемых словоформ отсутствует в конструкциях, выражающих повышенную (по сравнению с ожидаемой) длительность действия или процесса, например:

- (4) *Уже давно стемнело, очертания дороги были едва заметны, а он все шел, шел [= все шел и шел], почти механически переставляя ноги.*

Ср. ту же пару словоформ в интересующей нас конструкции:

- (5) *Что же это получается? Шел-шел, полцарства обошел, сапоги железные износил — а пришел, выходит, не туда?*

С другой стороны, удвоенные словоформы, также составляющие одно фонетическое слово — однако с главным ударением не на первом, а на втором компоненте! — широко используются, например, в ответах на вопрос; в этом случае удвоение передает, в первом приближении, значение повторного и «самоочевидного» подтверждения (такому «модальному» удвоению могут подвергаться отнюдь не только глагольные словоформы, ср.: *знаю-знаю, сюда-сюда, конечно-конечно* и мн. др.). Анализ всех этих случаев не входит в нашу задачу.

Таким образом, за пределами нашего исследования остается много интересных аспектов, связанных с семантикой русского удвоения в целом (как именного, так и глагольного), а также с семантикой глагольных конструкций, включающих полностью или частично удвоенные лексемы — ср., например, помимо уже приведенных выше, очень своеобразные конструкции типа *глядит-поглядывает*, засвидетельствованные, кроме русского, и в других славянских языках ³.

³ Ср., например, следующий отрывок из македонского текста (Б. Конески):

*Шуми езеро, играј езеро,
летај галепче белокриесто,
летај долетај мене на рака,
да те затоплам на бели гради!*

Букв.: «Шуми, озеро, играй, озеро, лети, белокрылая чайка; лети-прилетай ко мне на руку, чтобы я согрела тебя на белой груди» (цитируется по изданию: R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic languages. Columbus (OH), Slavica, 1980, pt. 1, p. 229).

К сожалению, мы не имеем возможности рассмотреть здесь все эти проблемы и вынуждены ограничиться только одним явлением, быть может, несколько произвольно выделяя его из большой и достаточно гомогенной зоны.

§ 2. Семантика конструкции: общие свойства и ограничения

Рассматривая интересующую нас конструкцию (*тушат-тушат — не потушат, шел-шел — а пришел не туда*, и т. п.) с точки зрения того общего значения, которое передают все ее разновидности, мы можем выделить следующие основные семантические компоненты.

А. Удвоенный глагол описывает длительную ситуацию (действие или процесс). Ее длительность при этом носит особый характер — ситуация либо имеет разную степень интенсивности на разных этапах, либо (чаще) ситуация является прерывистой, т. е. состоит из многих последовательно возобновляемых одинаковых «порций». (У действий частым прагматическим следствием такой прерывистой структуры является конативность, т. е. значение повторяющихся попыток совершить не реализованное до конца действие: об этом см. подробнее ниже.)

Б. Длющаяся ситуация относится к прошлому (о возможном при этом употреблении удвоенных форм в презенсе см. ниже).

В. Длющаяся ситуация в целом имеет место раньше некоторой другой ситуации (вводимой во второй части конструкции), которая также относится к прошлому⁴.

Теперь мы рассмотрим каждое из перечисленных свойств более подробно, уделяя особое внимание тем семантическим ограничениям, которые в связи с этими свойствами накладываются на элементы конструкции.

⁴ Заметим, что свойства «б» и «в» сближают нашу конструкцию с тем, что обычно называют плюсквамперфектом, т. е. с граммемой, совмещающей временное («прошлое») и таксисное («предшествование») значения. В нашем случае, однако, на эту плюсквамперфектную семантику накладывается еще много дополнительных ограничений (см. ниже).

2.1. «Прерывистая длительность»

Первое из сформулированных нами свойств задает аспектуальную характеристику ситуации, квалифицируя ее как длительную и/или повторяющуюся. Такая комбинация признаков крайне типична для русской грамматической системы, и ограничения, вытекающие из этого свойства, оказываются вполне естественными. Они касаются прежде всего невозможности употребления форм СВ, обозначающих недлящиеся, «точечные» события (**съел-съел*, **взял-взял*, **упал-упал* и т. п.).

Употребление же «точечных» глагольных лексем возможно в нашей конструкции только с отчетливо выраженным итеративно-дистрибутивным значением, при котором глагол обозначает множество точечных событий, последовательно распределенных во времени и заполняющих некоторый временной интервал, в течение которого происходит смена участников ситуации, ср. *бросал-бросал камни*, *брал-брал книги в библиотеке* и т. п. (всякий раз имеется в виду новый камень или новая книга). В этом случае весь интервал, занимаемый однородными точечными событиями, приравнивается к прерывистому процессу. Ср. запрет на ?*бросал-бросал камень*, ?*брал-брал книгу*, где единственное число объекта препятствует дистрибутивному осмыслению точечного события. В соответствии с хорошо известной и не раз отмечавшейся для русского языка закономерностью, такое переосмысление ситуации влечет смену СВ на НСВ в удваиваемых словоформах⁵.

Но, помимо точечности, существуют и менее тривиальные семантические ограничения на участие в конструкции, обозначающей прерывистую длительность. Эти ограничения связаны с тем, что семантика прерывистой длительности предполагает, хотя бы отчасти, возможность визуально зафиксировать «пунктирный» характер ситуации. Между тем, далеко не все ситуации, в принципе имеющие временную протяженность, являются настолько конкретными, чтобы допускать в сознании говорящих такую сегментацию. Мы уже предлагали ранее (в связи другими задачами)

⁵ Специально о связи итеративности-дистрибутивности с НСВ в славянских языках см., в частности, Князев 1989.

выделять класс глаголов, называемых «абстрактными». В первом приближении, абстрактные глаголы (например, *мстить*, *воспитывать*, *начинать* и др.), в отличие от конкретных (например, *бежать*, *запирать*, *скоблить* и др.) не предполагают указания на конкретные фазы, которые проходит ситуация, описываемая данным глаголом (подробнее см. Плунгян, Рахилина 1990). Оказывается, что абстрактные глаголы, будучи «неразложимы» на строго определенные этапы, не допускают и конструкций со значением прерывистой длительности, ср. *мстил-мстил*, *начинал-начинал* и т. п. при допустимом *запирал-запирал*, *скоблил-скоблил* и т. п. Только в последнем случае составляющие ситуации жестко фиксированы, так что она — как и предполагается семантикой конструкции — может прерваться и продолжиться, завершиться и повториться с точностью до деталей.

Показателен в этой связи пример глагола *воспитывать*, который может участвовать в конструкции с удвоением только в своем производном (и при этом как раз конкретном) значении «ругать, заниматься нравоучениями»: *Он меня воспитывал-воспитывал, а я не выдержал, да и говорю ему...* Ср. невозможность употреблений типа: **Воспитывает-воспитывает он детей три года*, где глагол используется в своем стандартном значении.

2.2. Отнесенность к прошлому

Тот факт, что ситуация, обозначаемая удвоенным глаголом, относится к прошлому, легко объясняет невозможность употребления в составе конструкции форм аналитического будущего времени НСВ, имеющего в русском языке наиболее отчетливую не-презентную семантику, ср.: **будет бежать-бежать*. (Заметим, что удвоения других семантических типов с этой граммемой вполне совместимы, ср.: *будет бежать и бежать*, и т. п.)

Несколько сложнее, однако, обстоит дело с формами презенса СВ и НСВ. Формально, в нашей конструкции презентные формы не запрещены — более того, они даже встречаются довольно часто; ср. примеры типа (2) или следующего:

- (6) *Бежит-бежит заяц, не оглянется, а волк его уже за кустом поджидает.*

Однако с семантической точки зрения перед нами в этих случаях не «чистый» презенс, а та интерпретация этой граммемы, которая полностью соответствует семантике конструкции — так называемое настоящее историческое, т. е. презенс, описывающий (с особым эффектом «соучастия») события в прошлом. В этом смысле *бежит-бежит* как бы равнозначно *бежал-бежал*. Соотнесенность презентных форм с планом прошедшего становится очевидной и при погружении их в более широкий контекст. Рассмотрим, например, такой контекст для нашей «эталонной» конструкции *тушат-тушат — не потушат* (К. Чуковский, «Путаница»); он с однозначностью свидетельствует о том, что описываемая ситуация имеет место в прошлом и презенс не передает идею соотнесенности с моментом речи:

- (7) (...) *Приплывали* два ерша — *поливали* из ковша. (...) *Тушат-тушат — не потушат*, заливают — не залиют. Тут бабочка *прилетала*, крылышками *помахала*, *стало* море *потухать* — и *потухло*.

Указанная интерпретация граммемы презенса (с синонимией форм настоящего и прошедшего времени) наиболее характерна для глаголов НСВ. Что же касается глаголов СВ, то здесь соотношение несколько иное. Формы СВ прошедшего времени, как мы уже говорили, по большей части запрещены в конструкциях с удвоением, так как обозначают точечные события. Исключением здесь являются только делимитативные глаголы с приставкой *по-* (*попел*, *посмотрел* и т. п.), семантика которых («порция» действия, ограниченная небольшим временным интервалом) не противоречит общей семантике конструкции с удвоением, ср. примеры типа *попел-попел* (и *перестал*). Соответственно, возможен и презенс делимитативных глаголов (ср. пример 2), имеющий (*mutatis mutandis*) ту же непрезентную интерпретацию, что и презенс глаголов НСВ.

Что касается других презентных форм СВ, то в современном языке их употребление представляется в целом ненормативным. Однако такие примеры встречаются, например, у авторов XIX века, ср.⁶:

⁶ Примеры даются по Шведова 1960: 41—42.

- (8) (...) *Лежит как мертвая; **опомнится-опомнится**, да опять глаза заведет* (А. Н. Островский).
- (9) *И все-то мне мило — и пашня, и соха, и борона, и дровни; и телушка... Все — точно родные, друзья дорогие, кровные. **Гляну-гляну** — страсть какое разорение, а у меня только дух бодрей* (Г. Успенский).

Значение этих форм в принципе не отличается от значения презентных форм НСВ — следующие друг за другом «порции» точечного действия; однако в современном языке ограничения на комбинацию значений точечности (в рамках граммы СВ) и повторяемости становятся более строгими, и подобные употребления практически исключены⁷.

2.3. Заключительная ситуация: семантика «нарушенного следствия»

Наиболее существенной, однако, для понимания смысла конструкции в целом является семантика заключительной ситуации, т. е. той, которая вводится в конструкцию после ситуации, описываемой комплексом из удвоенных глаголов. Слушающий уже отчасти подготовлен к восприятию этой заключительной ситуации самим характером исходной ситуации, предполагающей известную незавершенность (Н. Ю. Шведова, например, говорит в этой связи о семантике уступительности). Исходный глагольный комплекс провоцирует у слушающего определенные ожидания: если ситуация неоднократно возобновляется, то это должно иметь, во-первых, свои причины и, во-вторых, свои следствия.

Начнем со следствий, которые представляются более важными. Будем исходить из допущения, что относительно всякой ситуации существует представление о ее естественном завершении или о совокупности естественных, нормальных следствий из нее.

⁷ В этом можно видеть отражение более общей тенденции к сужению «несобственных» употреблений СВ (и, напротив, к расширению таких употреблений у НСВ), характерной для последнего периода развития русской глагольной системы; ср. более подробно относительно НСВ в Князев 1989, относительно СВ — в Зализняк 1990.

В этом случае мы можем констатировать, что заключительная ситуация, во-первых, *прекращает* исходную, а во-вторых, *противоречит* ее нормальным следствиям. Таким образом, аномальной длительности исходной ситуации сопутствует аномальное же ее завершение.

Этот эффект нарушенного следствия проявляется несколько по-разному у результативных и нерезультативных ситуаций. Для результативных ситуаций наиболее обычным аномальным завершением является отсутствие результата (или невозможность его получения); поэтому среди примеров этого типа так велика доля конструкций, содержащих во второй части отрицание: *тянул-тянул, да так и не вытянул*. Возможны, разумеется, и менее тривиальные варианты, но все они сводятся, в конечном счете, к той или иной ситуации, отменяющей естественный результат или противоречащей ему. Отметим в этой связи невозможность таких комбинаций, как **тянул-тянул, и стал тянуть сильнее*, или **тянул-тянул, а мимо шли люди*.

Интересно, однако, что в некоторых случаях ситуацией, прерывающей действие или процесс, все-таки оказывается сам результат — но результат внезапный, неожиданный, и в этом смысле тоже как бы противоречащий естественному ходу вещей и отменяющий «настоящий», естественный результат (наступление которого ожидается позже). Поэтому возможна последовательность типа: *тянул-тянул, да вдруг и вытянул* (говорящий не ожидал, что это произойдет вообще или что это произойдет «так сразу»). С другой стороны, в тех случаях, когда наступление «внезапного результата» невозможно, «результативная» ситуация в качестве завершающей оказывается неприемлема, ср.: **собирался-собирался, и собрался* или *собирался-собирался, да (и) пришел*. Правильным продолжением здесь может быть только нечто вроде: *собирался-собирался, да так и не пришел*.

Говоря о результативных глаголах, следует рассмотреть часто возникающее значение конативности — попытки совершить (до тех пор не реализованное) действие. Конативность — естественное следствие повторяющегося характера всей ситуации, одно из наиболее вероятных его прагматических переосмыслений. Если действие приходится постоянно возобновлять, постоянно к нему возвращаться — это значит, что предыдущие его реализации бы-

ли для субъекта неудовлетворительны. Действительно, примеры типа *открывал-открывал, да так и не открыл* предполагают именно такую «причинную» интерпретацию (поддержанную и завершающей ситуацией). Интересно, что в некоторых случаях в составе конструкции с удвоением конативное значение могут иметь и те глаголы НСВ, которые в современном русском языке его в других контекстах уже не способны выражать, ср. известную фразу из сказки о курочке-рябе:

(10) *Дед бил-бил — не разбил, баба била-била — не разбила.*

Глагол *бить* сам по себе конативности в современном языке выражать не может: более стандартным было бы употребление лексемы *разбивать*, ср.: *Он долго разбивал (*бил) яйцо, но так и не разбил его.*

Что касается нерезультативных, но контролируемых ситуаций (т. е. действий типа *бежать* или *думать*), то правильная интерпретация конструкций с их участием предполагает обращение к более общим понятиям, чем лексикографически детерминированный результат⁸ — например таким, как «прагматически естественный финал» этих ситуаций, или (прагматическая) цель, которой руководствуется их субъект. Заключительная ситуация оказывается противоречащей именно этой прагматической цели: таким образом осмысляются предложения типа (6) и многие другие.

Неконтролируемые и нерезультативные процессы и состояния, в силу сказанного, не могут иметь ни естественного прагматического финала, ни, тем самым, и его естественного отрицания. Поэтому конструкции типа *?являлся-являлся почетным гражданином (а потом перестал)*, *?влияла-влияла на него погода*, *?весил-весил 50 кило* и т. п. в стандартном контексте недопустимы. Важно отметить, что возможность простого прекращения (существующая для очень многих типов ситуаций, в том числе и для только что упомянутых) сама по себе еще не гарантирует возможности их участия в конструкции: это должно быть именно такое прекращение ситуации, которое возникает вопреки прагматической цели ее субъекта.

⁸ О различии между лексикографически детерминированными и недетерминированными (прагматическими) результатами см. также Плунгян 1989.

Однако интересным пограничным классом оказываются глаголы, обозначающие неконтролируемые процессы, связанные с расходом некоторого вещества: *кипеть, гореть, течь* и т. п. Эти процессы не являются полностью гомогенными, им свойственна определенная внутренняя динамика и прагматический финал, состоящий в прекращении процесса в силу исчерпания ресурса. Эта динамика и обуславливает возможность употребления данных глаголов в составе нашей конструкции — возможность, строящуюся на игре с ожидаемым/не ожидаемым прекращением процесса, ср. *кипел-кипел, да и выкипел, горел-горел, да и выгорел* — или, с другой полярностью: *течет-течет — не вытечет, бежит-бежит — не выбежит* (русская народная загадка о речной воде). Возможно и обратное соотношение, основанное на ожидании не конца, а начала никак не начинающегося процесса, ср.: *не кипел-не кипел, да вдруг как закипит; вода не текла-не текла, да вдруг как хлынет!* В этом случае отрицание как бы создает особую ситуацию (не-Р), получающую своего рода прагматический финал в виде ситуации Р.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что конструкция с удвоением глагольной словоформы рассмотренного нами типа выражает сложный идиоматический смысл, который сводится к противоречию между неоднократными попытками совершения [контролируемого] действия в прошлом (или неоднократным возобновлением [неконтролируемого] процесса) и наступившей после этого ситуацией, прямо или косвенно сводящей указанные попытки на нет. Этот смысл имеет также сильную экспрессивную составляющую (что объясняет особую частотность наших конструкций в разговорной речи и устных фольклорных жанрах), которая касается нарушенных ожиданий говорящего (ср. передающие близкий эмоциональный комплекс выражения типа *вот те раз!* и др.).

Глава 2

ПО КОЛЕНУ, ДО ПЛЕЧА: КОНСТРУКЦИИ УРОВНЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Введение

Настоящее исследование посвящено конструкциям с очень специальным пространственным значением — его можно определить как *значение уровня*. В русском языке оно выражается двумя конструкциями: с предлогом *по*, как в *снега навалило по колену*, и с предлогом *до*, как в *он едва доставал мне до плеча*; разные аспекты первой (а, в качестве фона для них — и второй) подробно рассмотрены в работах Шеманаева 2006, 2008a,b. Опираясь на них, мы рассмотрим теперь это значение с типологической точки зрения.

Материалом исследования послужили данные более 20 языков; среди них: славянские (русский, польский, болгарский, чешский, сербохорватский), германские (английский, немецкий, нидерландский, шведский, датский, исландский), балтийские (латышский и литовский), романские (французский, итальянский, испанский), а также хинди и армянский; из неиндоевропейских: грузинский, агульский, эстонский, венгерский, финский, кхмерский, японский и баскский. Цитируемые примеры получены из двуязычных, толковых и фразеологических словарей, из электронных корпусов текстов, а также в ходе работы со специально составленной анкетой¹. Использовались также переводы «Маленького

¹ Мы выражаем искреннюю благодарность всем своим информантам, в особенности Э. де Рон Хертоге, М. де Ваану, А. Назарову, В. Лоо-ману (нидерландский); Р. Бодену (французский); И. Держанскому, Д. Моновой (болгарский); А. Луни (английский); А. Чуткерашвили, С. Саникидзе (грузинский); Э. Карделли (итальянский); М. Сливинскому, М. Ткачук (польский); С. Мердановой (агульский); В. Хуршудян (армянский); Н. Мадариага Писано (баскский); А. Джавиджаю (хинди); М. Пентусу (эстонский), а также П. М. Аркадьеву, А. В. Архипову, А. С. Бердичевскому, О. А. Герасименко, С. Ю. Дмитренко, М. В. Копотеву, А. Б. Летучему, П. Ю. Новичкову, А. С. Паниной, Е. Ю. Протасо-

принца» А. де Сент-Экзюпери на английский, болгарский, чешский, русский и другие языки. Для экономии места примеры глоссировались только при необходимости, в большинстве случаев мы ограничивались добавлением буквального перевода.

Значение уровня можно квалифицировать как дименсивное, т. е. размерное². Действительно, выражения размера и уровня тесно связаны друг с другом: уровень — это тоже размер, только вертикальный, причем его значение метонимически определяется предельной точкой, ср.: *высокая трава* (размер) VS. *трава* (высотой) *⟨мне⟩ по пояс* (уровень). Однако в ряду дименсивных конструкций уровневая, безусловно, занимает особое место, так как сама ситуация измерения в случае уровня оказывается сложнее обычной.

Дело в том, что уровень не измеряется в абсолютных величинах (*метр, сажень, миля*). Он измеряется относительно: путем сравнения измеряемого объекта с ориентиром. Таким образом, в отличие от канонических размерных конструкций (атрибутивной — *высокий дом*, предикативной — *дом слишком высок* и именной — *высота дома 23 метра*), в канонической конструкции уровня всегда есть три объекта: измеряемый (**X**) и тот, с которым его сравнивают (**Q**); в процессе измерения уровня (**Z**) происходит соотнесение их размеров.

Отношение **X** к **Q** можно описывать в традиции когнитивной грамматики в терминах *траектор* — Trajector (TR) и *ориентир* — Landmark (LM), ср. Langacker 1988a и Введение, раздел 4.2. Объект, размеры которого нам нужно определить (как и движущийся объект в ситуации перемещения в пространстве или в ситуации абстрактного движения), называется *траектором*, а тот объект, с которым мы сравниваем, называется *ориентиром*. В терминологии Л. Талми вместо траектора и ориентира используются близ-

вой и Л. В. Хохловой за помощь в сборе анкетных данных. Мы хотели бы также поблагодарить В. Ю. Гусева, Д. О. Добровольского, Т. А. Майсака, С. И. Переверзеву, А. Ч. Пиперски, В. И. Подлесскую, Н. Р. Сумбатову, В. В. Файера, А. В. Циммерлинга, С. И. Юшманову и особенно Т. И. Резникову и В. А. Плунгяна за комментарии к примерам и замечания к работе.

² Именно как дименсивные соответствующие конструкции описываются для русского языка в Золотова 1988.

кие понятия *фон* и *фигура* (Talmy 1985: 25). Тем самым, ситуация измерения (в нашем случае, измерения уровня) укладывается в общую схему для пространственных, временных, причинно-следственных и других отношений — и при этом по своей структуре отличается от классической схемы описания (абсолютного) размера.

Справедливости ради отметим, однако, что относительное измерение используется и для невертикального размера, правда, в достаточно редких и, в общем, маргинальных конструкциях, ср. сравнительную конструкцию *репка с голову теленка* как (неканонический) способ выражения дименсивного значения — к ней применимо все только что сказанное³.

В ситуации относительного измерения огромную роль играет ориентир, определяющий систему мер. Поскольку язык антропоцентричен, ориентиром — своего рода «мерой вещей» — обычно является человек. Само по себе это не удивительно: хорошо известно, что в языках существуют эталоны точных мер, созданные на основе частей тела (прежде всего рук, ступней или частей руки) и расстояний между ними. Эти эталоны давно вошли в обиход и стали такими же точными мерами, как метр и сантиметр. Таковы англ. *foot* ('фут', 'ступня' = 30,48 см), *hand* ('рука' = 10,16 см), *nail* ('ноготь' = 5,7 см), франц. *pouce* ('большой палец' = 2,7 см), русск. *вершок* ('верхняя фаланга указательного пальца' = 4,45 см) и мн. др.⁴ Однако система измерения, которая используется в конструкции уровня, не совпадает ни с официальной общепринятой (*метры, сантиметры*), ни с традиционной (*сажени, вершки*), исторически связанной с частями тела. В качестве коли-

³ См. об этих конструкциях подробнее в Шеманаева 2006 (на материале русского языка), Шеманаева 2008b (в типологическом аспекте).

⁴ В некоторых языках такие меры более употребительны, чем метры и сантиметры. Большое внимание использованию частей тела при измерении уделяется в исследованиях А. В. Дыбо (1989, 1995, 1996 и др.). Она проанализировала группу названий верхних конечностей в алтайских языках и показала, что исторические изменения в значении слова возникают не случайно, а внутри той подсистемы (в данном случае — названий частей руки), к которой оно принадлежит. О русских антропоцентричных мерах подробнее см. Романова 1995.

чественных маркеров — эталонов размера — в рассматриваемой конструкции используются значимые части ориентира — прежде всего, части тела человека, но также некоторых животных и артефактов. Исследование того, какие именно части тела и части артефактов способны быть эталонами размера и какие именно объекты становятся в таком случае ориентирами, по нашему мнению, может служить существенным «синхронным» дополнением исторических работ, посвященных когнитивно релевантным антропоцентричным мерам. К описанию самих ориентиров мы еще вернемся — здесь хотелось бы обратить внимание на тот факт, что эталоны, свойственные уровневой конструкции, т. е. конструкции вертикального размера, не совпадают с теми, которые определяют размер невертикальный — даже если принять во внимание уже упомянутые сравнительные конструкции, также использующие антропоцентричный ориентир, ср.: *высотой* / **длиной по колено* VS. *длиной* / **высотой с палец*.

Как видим, и синтаксически, и семантически интересующая нас конструкция действительно нетривиальна и выпадает из общего дименсивного ряда. Задача этой работы — последовательно описать типологически значимые ограничения на каждый из слотов конструкции уровня и выяснить, в какой степени переменные и ограничения на них определяют семантику конструкции в целом и в какой степени она идиоматична (в соответствии с теорией СхG).

Глава состоит из шести параграфов. В первом вводится фрейм, соответствующий ситуации измерения уровня. Во втором рассматриваются измеряемый объект и параметры измерения. В третьем анализируются глагольные конструкции, соответствующие этому фрейму, и ограничения на глагол. В четвертом исследуется базовый компонент конструкции — предлоги, падежи и в целом типы семантико-синтаксических структур, в том числе и безглагольных, с помощью которых выражается идея уровня. Пятый посвящен «единицам измерения» в антропоцентричной модели: значимым частям объектов, которые используются как маркеры вертикального размера или предела; основное внимание мы уделим здесь частям тела. Шестой параграф — заключение, где подводятся итоги и обсуждается конструкция в целом.

§ 1. Измерение уровня: фрейм

Итак, мы начнем с того, что определим потенциальные компоненты уровневой конструкции, проиллюстрировав их пока русскими примерами. Прежде всего, это измеряемый объект (**X**) и уровень (**Z**): *трава_X по колено_Z*. Обычно (**Z**) — часть, и чаще всего — часть тела, поэтому существен ее посессор (**Q**), который, как мы уже говорили, можно считать своеобразным ориентиром измерения: *вода_X поднялась_V ему_Q по грудь_Z*, ср. также: *снега_X навалило_V по самую крышу_Z <дома_Q>*. Кроме главных участников ситуации измерения (**X**, и **Z** и **Q**), в конструкции уровня возможно, но не обязательно выражение параметра измерения (**Y**), обычно вертикального (ср.: *высотой_Y до пояса_Z*), и предиката (**V**): в числе прочего, он может уточнять условия, при которых происходит измерение: *шел_V по колено_Z в грязи_X*.

Описанному фрейму соответствуют две коммуникативные структуры и, соответственно, два разных типа конструкций. Первый обозначает состояние измеряемого объекта X (часто — субстанции), локализуя его в пространстве относительно ориентира Q через уровень Z (обычно — часть Q), которого он в данный момент достиг. Второй тип конструкций ставит в центр внимания сам ориентир Q и описывает пространственные характеристики Q — а именно, степень исчезновения этого объекта из вида: какая часть его оказывается закрыта от наблюдателя субстанцией X. Поскольку во втором случае «уровень исчезновения» Q измеряется относительно самого Q и его собственных частей, соответствующий тип конструкций можно, вслед за С. Линднер, назвать *рефлексивным*⁵. В таком случае первый, в котором ориентир

⁵ С. Линднер впервые обратила внимание на ситуации, когда траекторы являются своими собственными ориентирами, рассматривая английские адвербиальные конструкции, такие как:

The syrup spread out ‘Сироп растекся’;

We rolled out the carpet ‘Мы развернули ковер’,

и назвала подобные отношения между траектором и ориентиром рефлексивными, см. Lindner 1981, 1982, см. также обзор Филипенко 2000. В Lakoff 1987/2004: 556—557 рассматривался подтип рефлексивных отношений, когда одна часть целого объекта выполняет роль траектора, а сам объект или другие его части являются ориентиром, ср.: *Turn the*

является отдельным обособленным объектом, оказывается *нерефлексивным*. Различия в структуре этих конструкций — на русских примерах — видны при сопоставлении строк (1) и (2) Таблицы 1.

Таблица 1

Структура конструкции уровня

	N _X	O	V	Y	PREP	N _Z	N _X
(1) <i>нерефл.</i>	<i>Трава</i>	<i>мне</i>	<i>была</i>	<i>⟨высотой⟩</i>	<i>по</i>	<i>пояс</i>	
(2) <i>рефл.</i>		<i>Я</i>	<i>был</i>		<i>по</i>	<i>колено</i>	<i>в снегу</i>

На каждый из обозначенных нами слотов в конкретной конструкции в каждом языке накладываются свои ограничения — вплоть до того, что некоторые из слотов не выражаются вовсе. Ниже мы рассмотрим их последовательно. Проще других с точки зрения ограничений устроены (X) и (Y), т. е. измеряемый объект и параметр.

§ 2. Измеряемый объект (X) и параметр измерения (Y)

Хороший пример языка с содержательными ограничениями на X представляет русский. Русские конструкции уровня (прежде всего с *по*, хотя и *до* склонно к тому же сценарию) «измеряют» уровень только «динамических» объектов, т. е. таких, чей размер меняется, ср. ситуацию погружения человека в вещество (*провалиться по грудь в болото*) или высоту растущих слоев (*снегу насыпало по пояс*). Поэтому в русском измеряемые объекты (X) представляют таксономические классы из практически закрытого списка: ‘слои’, ‘волосы / борода’, ‘растения’, ‘люди’; к ним при-мыкает также класс ‘одежда / обувь’.

В остальных обследованных языках конструкции уровня допускают и не изменяющие вертикального параметра объекты — такие как предметы в доме, стены или статичные природные объекты, как камни или скалы, ср. в англ.:

paper over ‘Переверни газету’ (страница переворачивается относительно остальных страниц этой же газеты).

- (1) а. ⟨...⟩ *lizard froze atop a **waist-high** pink rock*. (M. Cunningham)
 ‘ящерица застыла на розовом камне по пояс высотой (букв. ‘пояс-высокий’)’.

Что касается параметров (Y), то, как и при любом измерении, их названия восходят к параметрическим прилагательным, описывающим максимальный размер, ср.: *глубина* (от *глубокий*), *ширина* (от *широкий*) и др. Это известный метонимический принцип, согласно которому верхушка шкалы используется для обозначения всей шкалы, см. Апресян 1974: 64—65, 92—93, Кустова 2004: 356, Radden, Kövecses 1999. Ограничения на выбор Y, по-видимому, универсальны: как мы уже говорили, в конструкциях уровня речь всегда идет о вертикальных параметрах — высоте (ср. высота растений или рост человека), длине «свисающих» объектов, связанных с человеком (волос и одежды) и глубине / высоте слоя⁶.

Именно в силу своей предсказуемости Y не так часто выражается поверхностно, а во многих случаях, например с именами лиц, в силу избыточности может быть просто запрещен, как в: **сестра была мне высотой / ростом по плечо*. И в целом по запросу на сочетания *высотой / глубиной по* в НКРЯ выдаются единичные примеры⁷, ср.:

- (2) *В Шатурском районе, например, палят траву **высотой по колено**, а глава администрации этой проблемой вообще отказался заниматься*. (Труд-7, 2004.05.12)
 (3) *Те, кто лазил знакомиться с военной тайной в 1986—1991 годах, натыкались обычно на водную преграду **глубиной по щиколотку** и рассеянные по ее поверхности пучеглазые противогазы*. («Столица», 1997.10.13)

⁶ Отметим, что в типологическом исследовании Журинский 1971: 115 вертикальные параметры признаются главными, а (не встречающиеся в конструкции уровня) ширина и толщина — второстепенными.

⁷ Между тем, в ответ на обычный запрос *по* + существительное со значением часть тела в винительном падеже по основному корпусу выдана составляет свыше 4,5 тыс. контекстов.

Гораздо чаще параметры выражаются в безглагольных конструкциях — в частности, они обязательны в сложных словах, о которых пойдет речь в разделе 4.3.

§ 3. Глагольные конструкции уровня и ограничения на глагол (V)

Глагольное место в конструкции уровня могут занимать бытийные глаголы, глаголы позиции, движения, погружения, прибытия, контакта и каузативы к ним. Они отражают разную концептуализацию ситуации измерения или «добавляют» к ней дополнительные условия.

Самый нейтральный, простой «взгляд» на вещи описывают **бытийные глаголы**: в этом случае всего лишь констатируется определенная пространственная соотнесенность между измеряемым объектом и той частью ориентира, которая служит для него мерой, ср.:

- (4) литовский

Brolis man buvo iki pečių.
 брат мне был до плечо:GEN.PL
 ‘Брат был мне по плечо’.

- (5) турецкий

dizine kadar ot var.
 колено:3SG:POSS:DAT до трава есть
 ‘Трава по колено’.

В той же функции выступают глаголы **позиции** — ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: они тоже описывают положение в пространстве — прежде всего людей (в рефлексивных конструкциях), ср. русск.: *стоял / сидел по пояс в воде*. В этом случае они значительно более предпочтительны, чем бытийные. В то же время предикаты позиции встречаются и в нерефлексивных контекстах с подвижными слоями, такими как вода, снег, грязь и т. д., где, наоборот, преобладают бытийные глаголы, и позиционные оказываются более редкими:

- (6) немецкий

Wenn einem das Wasser bis zum Hals steht, dann sollte man den Kopf nicht hängen lassen. (J. Becker)
 ‘Когда вода стоит до горла, нельзя вешать голову’.

К бытийной группе, куда, как мы видели, входят и позиционные глаголы, примыкают глаголы **горизонтального движения**, описывающие движение субъекта (обычно человека или транспортного средства) в какой-то среде — воде, грязи, песке, тумане и проч.; попутно при них может отмечаться уровень, которого соответствующая среда достигает относительно частей движущегося объекта, ср.:

(7) немецкий:

fußtief im Schmutz waten

‘брести по щиколотку в грязи’ (букв. ‘стопа-глубоко’)

Легко видеть, что здесь представлен тот же «простой» случай соотносительного измерения, что и в статичной ситуации (описываемой бытийным предикатом) — но осложненный поступательным движением субъекта.

Отдельную группу представляют глаголы, в семантику которых входит компонент ‘начать находиться где-либо’ — в нашем случае, в какой-то среде, уровень которой затем может измеряться, ср. предикаты типа ‘зайти’ или ‘войти в’:

(8) исландский

vaða upp að hnjam

идти-вброд вверх к/до колен

‘зайти в воду до колена’

Внимание здесь фокусируется не на процессе, связанном с достижением результата (целенаправленном движении), а на самом результате (нахождении где-либо), по известной метонимии процесс — результат (подробнее об этом типе метонимии см. Главы 3, 4 Части IV). Особенно частотны среди глаголов этого типа предикаты движения вниз разной семантики, и прежде всего, конечно, **погружения** — в воду, грязь, снег и под. Заметим, что, как и следовало ожидать, они встречаются только в рефлексивных конструкциях. Эти предикаты тоже акцентируют внимание не на самом погружении субъекта, а на его результирующем местонахождении. Если погружение неполное, то с семантической точки зрения значение уровня и соответствующий ему аргумент оказываются обязательными:

- (9) немецкий
*Ich saß auf dem Balken und steckte **bis zur Brust** im Schutt.*
 (C. Nöstlinger).
 ‘Я села на балку и провалилась **по грудь** в строительный мусор’.
- (10) болгарский
*Човекът затъна **до глезените** в кал*
 букв. ‘Человек утонул **по щиколотки** в грязи’.
- (11) японский
*ката га хиэтари катакори-гими но токи ва, сайго ни сик-
 кари **ката мадэ** цукаттэ ататамэмасу*
 ‘Если плечи застужены или немеют, то под конец надо по-
 грузиться **по плечи** и как следует согреться’.

Однако в языках есть и особые глаголы погружения, еще лучше согласующиеся по своей семантике с конструкцией уровня: речь идет о предикатах, описывающих «всегда-неполное» погружение, как русск. *увязнуть, погрязнуть*. Они, по понятным причинам, сильнее выделяют конечную точку ситуации, чем обычные глаголы погружения, тогда как предшествовавшее движение субъекта вниз становится для них, напротив, практически незначимо, ср. (12), а также, метафорически, (13—14):

- (12) хинди
*maiⁿ **kamar-kamar tak** kiicar meⁿ*
 я талии-талии до = «по самую талию» грязи в
dhansaa thaa
 увязнуть:PST
 ‘Я по самую талию увяз в грязи’.
- (13) литовский
Iki ausų rūpesčiuose iklimpes
 до ухо:GEN.PL забота:LOC.PL увязший
 ‘по уши в заботах’
- (14) латышский
iekerties līdz ausīm
 ‘влюбиться (букв. ‘застрять’) по уши’

В нерефлексивной ситуации аналогом глаголов погружения выступает другой подкласс глаголов **прибытия**: он описывает движение субстанций относительно человека, и тоже с акцентом

на конечной точке — т. е. на уровне; понятно, что субстанции по отношению к человеку (который в них погружается или проваливается) движутся вверх, а не вниз — ср. здесь русск. *доходить до*, а также примеры из других языков с ясными маркерами движения-подъема:

(15) английский

The only mountains he had ever known were the three volcanoes, which came up to his knees.

‘Единственные горы, которые он знал, были три вулкана, которые достигали его колен (букв. ‘доходили’)’;

(16) нидерландский

a. *mijn zus kwam tot aan mijn borst* ‘моя сестра доходила до моей груди’;

b. *Met lange of korte mouwen <...>, tot aan het middel komend of tot op de dijen of tot aan de knieën.* ‘С длинными или короткими рукавами, доходящими до пояса или до бедер или до колен’.

В отличие от германских языков, во французском и итальянском глаголы прибытия используются без маркеров движения вверх:

(17) французский: *arriver à l'épaule* ‘доходить <букв. прибывать / приезжать> до плеча’;

(18) итальянский: *arrivare* ‘прибывать, приезжать, доставать до’, ср.: *mio fratello mi arrivava alla spalla* ‘брат был мне по плечо’

Еще раз обратим внимание на очень частотный и естественный метонимический перенос в этой конструкции — от значения реального движения (ср. русск. *вода дошла до отметки / достигла отметки*) к значению достижения результата, которое в контекстах актуально неподвижных измеряемых объектов оказывается значением контакта (ср. *волосы доходят мне до плеч / волосы достигают колен*). Как видим, глаголы движения употребляются и в прямом, и в переносном — метонимическом — значении, которое можно было бы отнести к контактными.

Между тем, у группы глаголов ‘достижения’ контактное значение в конструкции уровня — единственно возможное:

(19) польский: *Siostra siegała mi do piersi* ‘Сестра доставала мне до груди’;

(20) венгерский

A fü a váll-á-ig ér.

DEF трава DEF плечо-3SG-TERM достигать

‘Трава доходит ему до плеч’ (пример из Апресян, Палл 1982).

(21) агульский

čakma-jar q'aq'-ar.i-l danan ruq'aa

сапоги-PL колено-PL-SUPER до достигать

‘Сапоги доходят до колен’.

§ 4. Базовый компонент конструкции: PREP и его аналоги

Для предельного значения важны две составляющих — направление (оно выражается директивом) и локализация. Каждой из них может соответствовать свой маркер — так устроены (по крайней мере некоторые) конструкции уровня с двойными предлогами⁸; возможно и совмещение этих значений в одном предлоге / послелого / падеже; наконец, третий путь — морфосинтаксическое объединение того и другого в сложном слове. Все эти возможности реализуются в языках мира, мы рассмотрим их последовательно в следующих разделах.

4.1. Конструкции с двойными предлогами

В нашей выборке случаи, в которых терминатив⁹ раскладывается на два показателя, составляющих сложную предложную или наречно-предложную группу, представлены прежде всего гер-

⁸ Отметим, что предельное сочетание из трех показателей тоже возможно, хотя и редко: нам оно встретилось пока только в датском языке: *tíl op óver órene* ‘до вверх над уши’ = ‘по уши’.

⁹ Терминатив — это комбинация грамлемы пространственного падежа и локализации, которая уточняет взаимную конфигурацию ориентира и объекта (движущегося или покоящегося). Сочетание локализации АПУД ‘пространство рядом с ориентиром’ и падежа ДИРЕКТИВ составляет значение ‘ориентир, по направлению к которому движется объект’, см. Плунгян 2000: 177.

манскими языками — английским, немецким, нидерландским, шведским, исландским и датским — на материале этих языков и строится данный раздел (ср. также отдельные примеры из итальянского и французского). Двойные предлоги в германских языках являются довольно распространенным (хотя и не единственным¹⁰), способом выражения предела направленного движения и различаются по тому, какой именно компонент этого значения кодируется каждой из составляющих. Всего обнаружилось два основных типа распределения:

- 1) 'направление' + 'предельность';
- 2) 'предельность' + 'направление / локализация';

Во втором случае речь идет о контаминации смыслов 'направление' и 'локализация', так что обе пары, как легко заметить, достаточно иконично распределяют сложный смысл конструкции по составляющим. Иллюстрации к ним будут представлены в 4.1.1—4.1.2.

4.1.1. «Направление движения + достижение предела»

Комбинация «направление + предел» реализуется, например, в английском, шведском и исландском языках: первая часть выражает идею направления движения, а вторая — достижение предела ('до'):

- (22) исландский: *upp að eyrum* букв. 'вверх к ушам(DAT)' = 'по уши'
- (23) шведский: *Ni går ut tills vattnet når er upp till halsen* букв. 'Вы идете, пока вода не становится вам вверх по горло'.
- (24) английский: *up to the waist* 'по пояс', *naked down to the waist* 'голый по пояс'¹¹.

¹⁰ Наряду с двойным предлогом, германские языки используют и одиночный предлог с терминативным значением, а кроме того, специальные атрибутивные конструкции, см. ниже.

¹¹ О семантических ограничениях на участников этой конструкции в английском языке см. Апресян 1995а, Т. II: 297: «Рассмотрим, например, ряд *bare*, *naked* и *nude*. Как мы помним, *bare* предполагает отсутствие одежды на части тела, *naked* — на всем теле или тех его частях, которые, по общепринятым правилам, должны быть прикрыты, а *nude* — от-

Первая часть двойного предлога может выражать движение как вверх (если речь идет о слоях и о погружении — например, в воду или снег), так и вниз (если речь идет о длинной одежде и волосах). В случае, если направление задано в самом глаголе — например, ‘свисать’ (сверху вниз), «направительные» наречия опускаются как избыточные, ср. англ. (27) в отличие от (25—26):

- (25) *They waded out till the water was up to Sybil's waist.*
(J. Salinger)

‘Они брели вперед, пока вода не стала Сибилле по пояс’.

- (26) *It [a shirt] ... reached down to the floor.* (T. Pratchett)

‘Она [рубашка] ... спускалась до пола’.

- (27) *her grey fur coat hung to her knees...* (J. Galsworthy)

‘Ее серая шуба свисала до колен’.

В нашей выборке встретилось и сочетание вида «направление + локализация», но только в шведском и только в метафорах: с показателем направления *upp* ‘вверх’ здесь сочетается локативное *över* со значением ‘над’:

- (28) *Jag sitter upp över öronen i arbete*

букв. ‘Я сижу вверх над ушами в работе’;

- (29) *Där träffar han Samantha och blir upp över öronen förälskad.*

‘Там он встречает Саманту и влюбляется по уши’ (букв. ‘становится вверх над ушами влюбленным’).

4.1.2. «Предельность + направление / локализация»

Двойные предлоги такого типа обнаружались, в частности, в немецком и нидерландском языках. Ср. следующие примеры, где первый предлог выражает предельность, а второй может рассматриваться как направительный или локативный ¹²:

сутствие одежды на всем теле. Поэтому *bare* и *naked* способны управлять формой *to smth*, обозначающей границу обнаженного участка тела, а *nude* — нет: *bare / naked to the waist*, но не **nude to the waist*.

¹² Как в немецком, так и в нидерландском, второй компонент таких двойных предлогов при самостоятельном употреблении может обозначать и направление, и местоположение. При этом в немецком директивные контексты с предлогами *an*, *über*, *unter* противопоставляются лока-

(30) немецкий

Schnee, Schnee bis an die Knie, Schnee bis an die Nasenspitze, Schnee bis an die Zipfemütze

‘Снег, снег до колена (букв. ‘до до/на колени’), снег до кончика носа, снег до шапочки с кисточкой’;

(31) нидерландский

...waar het gras op sommige plekken tot aan het middel stond...

‘где трава на некоторых участках стояла по пояс’ (букв. ‘до до/на пояс’).

Эта конфигурация дает интересные семантические результаты, когда в качестве второго элемента конструкции выступает направление / локализация со значением ‘под’ или ‘над’. В первом случае (‘под’) движение оказывается **ограничено** уровнем Z, а во втором (‘над’) — **переходит через** него.

Рассмотрим сначала случай ‘под’. В нашей выборке эта структура встретилась только в немецком языке и в буквальном переводе выглядит как ‘до’ + ‘под’ + ‘уровень’¹³, ср.: *bis unter das Dach* букв. ‘до под крышу’ = ‘до самой крыши’. Обычно такие

тивным по падежному маркированию имени (соответственно, аккузатив VS. датив: ср. *an die Wand* (ACC) ‘на стену’ — направление VS. *an der Wand* (DAT) ‘на стене’ — местоположение). В конструкциях уровня имя выступает в аккузативе, так что можно говорить о направительной семантике второго предлога. В нидерландском, где директивное и локативное значение предлога в существительном не различаются, трудно однозначно определить семантику второго компонента в интересующих нас двойных предлогах, поэтому здесь мы будем говорить об общем — директивном-локативном значении.

¹³ Интересно, что в русском языке можно употребить (одинарный) предлог местонахождения *под* в сходном предельно-аппроксимативном значении (≈ ‘почти достигнуть уровня Z’): в идиоматичных выражениях *ростом под потолок* (‘очень высокий’) и *набит под завязку* (‘полностью заполнен’). Завязывают обычно мешок, но последнее выражение метафорически применяется и по отношению к другим объектам класса «контейнеры» — так можно сказать и о переполненном вагоне или машине. То же предельное значение *под* проявляется и во временном контексте, ср. *под утро* / *под вечер*, где *утро* и *вечер* маркируют границу дня и ночи (**под день* / **под ночь*), см. Зализняк, Шмелев 1997.

конструкции имеют дополнительное значение, метафорически выражая большой размер или количество:

- (32) *Die Bücherläden sind vollgestopft bis unter das Dach und man fühlt sich wie in einem von Charles Dickens beschriebenen Laden.* (Интернет)

‘Книжные магазины набиты битком по крышу (букв. до под крышу), и ты ощущаешь себя в них как в магазинах, описанных Диккенсом’.

Идея большого размера или количества возникает потому, что в таком контексте уровень является настолько недостижимым максимумом, что даже нахождение в его окрестности уже свидетельствует о большом размере объекта:

- (33) ‘Книжный шкаф набит по крышу’ = ‘В книжном шкафу очень много книг’.

Отметим, что *bis unter* применяется к уровням с особыми топологическими (пространственно-геометрическими) характеристиками: этот топологический тип условно можно назвать «свод», или «купол» — ср. пространство под крышей дома / автомобиля (свод), или подмышка (свод руки):

- (34) *Ich hatte keine Asbesthandschuhe mit Stulpen bis unter die Achseln.* (C. Nöstlinger).

букв. ‘У меня не было асбестовых перчаток с отворотами до под подмышки’¹⁴.

- (35) *Der Boden ist bis unter das Dach mit Heu gefüllt.*

букв. ‘Пол до под крышу завален сеном’¹⁵.

¹⁴ Ср. также похожую конструкцию в исландском языке:

hann stóð í vatni upp undir hendur
он-NOM стоял в воде(DAT) вверх под руки(ACC)
букв. ‘он стоял в воде вверх по руки’.

¹⁵ Любопытный пример употребления *bis unter* встретился нам в предложении, описывающем лежачего человека, которому натягивают одеяло до носа, т. е. буквально ‘до под нос’: *Omas, die Märchen erzählen und einem die Decke bis unter die Nase ziehen* (Ch. Zocchi) ‘Бабушки, которые рассказывают сказки и натягивают вам одеяло до носа’. Физически пространственная ориентация человека в такой ситуации, конечно,

Таким образом, *bis unter* тяготеет к выражению уровня во внутреннем пространстве ('дом забит книгами / вещами, заставлен полками'), а не во внешнем (типа: 'дом засыпан снегом по крышу').

В случае 'над' происходит превышение установленного предела:

(36) немецкий: *bis über die Knie* букв. 'до выше колен'.

Интересно, что подобные примеры в нашей выборке встретились чаще, чем 'под', и не только в немецком, но и в других языках.

В принципе, в основном двойной предлог такого типа предполагает измерение снизу вверх и буквально переводится на русский как 'до' + 'над / выше / через' + 'уровень'. Однако в сочетании с классом «одежда» возможно и движение сверху вниз, ср. в нидерландском языке: *een jurk tot over de knieën* 'юбка до через колени' = 'юбка ниже колен' VS. *een jurk tot boven de knieën* 'юбка до выше колен' = 'юбка выше колен'. Волосы растут сверху вниз, поэтому и для этого класса объектов конструкция вида 'до' + 'через' + 'уровень' всегда означает 'ниже уровня', а не 'выше уровня': *haar tot over de schouders* 'волосы до через плечи' = 'волосы ниже плеч'.

Несмотря на то, что в случае с 'под' предел не достигается, а с 'над' — превышает, семантика этих вариантов конструкции уровня очень близка, особенно в метафорах. Дело в том, что в обоих случаях ориентиром является максимум: даже если он почти достигнут, как при 'под', это все равно много больше нормы — и тем более, если превышен, как при 'над':

горизонтальная — но конструкция, подразумевающая вертикальный размер, апеллирует здесь не к физической, а к канонической ориентации человеческого тела — а она, конечно, вертикальна.

Обратим внимание и на другой — тоже не вполне стандартный, но тем не менее конвенционализированный в немецком свод: дело в том, что сочетание предлогов 'до' + 'под' в немецком языке может обслуживать устойчивое выражение 'вооруженный до зубов': *Links und rechts des Gates eines Fluges nach Islamabad standen zwei bis unter die Zähne bewaffnete Bobbies*. 'Слева и справа от выхода из самолета в Исламабад стояли двое до зубов вооруженных солдат'. Таким образом, зубы (а точнее, видимо, верхний ряд вместе с верхним небом) тоже концептуализуются как свод / купол.

- (37) немецкий
Auch die Limburger Jugendherberge ist bis unter das Dach ausgebucht. (Интернет)
 ‘И лимбургский хостел весь забит постояльцами’ (букв. ‘до под крышу’);
- (38) нидерландский
tot over zijn oren in het werk ‘до через уши в работе’, *tot over zijn oren verliefd* ‘до через уши влюблен’, *tot over zijn oren in de schulden* ‘до через уши в долгах’;
- (39) итальянский
(avere il) lavoro (che arriva) fin sopra i capelli букв. ‘(иметь) работу (которая прибывает) до над волосами’.

Кроме уровня ‘уши’, в немецком и датском языках встречается маркер, «осложненный» интенсификатором *beide / begge* ‘оба’ — ‘оба уха’ (с другими парными частями в конструкции уровня этот интенсификатор не употребляется):

- (40) датский: *være forelsket til op over begge æren* ‘быть влюбленным по уши’ (букв. ‘до вверх над оба уха’), *han er i gæld til op over begge øren* ‘он по уши в долгах’;
- (41) немецкий: *...war unser Reisender nun also bis über beide Ohren* ⟨...⟩ *verliebt.* (Th. Mann)
 ‘... наш путешественник был теперь влюблен по уши’ (букв. до над оба уха)¹⁶.

Частотным в немецкой конструкции уровня является двойной предлог *bis zu*, вторая часть которого в современном языке полифункциональна, но с определенными оговорками может быть квалифицирована как директивно-локативная:

- (42) *Jetzt waren ihre Haare offen und hingen bis zu den Hüften.*
 (C. Nöstlinger).
 ‘Ее волосы были сейчас распущены и свисали ниже пояса’
 (букв. ‘до бедер’).

¹⁶ Ср. русское *оба* в аналогичной роли интенсификатора в устойчивых выражениях: *уписывать за обе щеки, хромать на обе ноги, глядеть в оба*. Заметим, что в русском в той же функции интенсификатора используется и слово *весь*, и тоже с парными частями тела — при том, что их количество известно, ср.: *он мне все уши прожужжал / все ноги оттоптал; все глаза проглядел*. Ср. в том же ряду и *самый* (по самые уши).

(43) *Manchmal erschien es als alter Mann <...> dessen weißer, wallender Bart **bis zur Brust** reichte.*

‘Иногда он появлялся как старичок с белой бородой по грудь’.

(44) *Auf den Wiesen lag ein dichter Bodennebel, der den Kindern **bis zur Brust** reichte...*

‘На полях лежал плотный туман, который был детям по грудь’.

Русским аналогом этой немецкой конструкции является наречено-предложное сочетание *вплоть до* — однако в русском первую, наречную, часть можно опустить: (*вплоть*) *до пояса*, в немецком же языке предлог *bis* является обязательным, как и первые части соответствующих двойных предлогов во французском (*jusqu'à*) и итальянском (*fino a*) языках:

(45) французский: *cheveux jusqu'aux épaules* ‘волосы по плечи’.

4.2. Падежные и предложные / послеложные конструкции

Теперь рассмотрим менее иконичные конструкции, в которых базовым элементом является предельный предлог (как в русском) или послелог. Как правило, этот же элемент обслуживает и временную зону, т. е. достижение предела во времени.

В языке могут сосуществовать несколько предельных предлогов / послелогов. Так, в славянских языках встречаются предлоги, родственные русским *по* и *до*, причем в болгарском есть только *до*: *кал до глезените* ‘грязь по щиколотки’; в словацком только *по*: *stát po pás vo vode* ‘стоять по пояс в воде’; а вот в польском и *до*, и *по*: *trawa do kolan / po kolana* ‘трава до колен’, но *по* более ограничен в сочетаемости¹⁷, в белорусском (*на, да*) и в русском языках функционируют оба предлога.

В финском языке в предельной зоне конкурируют три послелога: *asti, saakka* и *myöten*: *polvia myöten / asti / saakka* ‘колено по’, ср.:

¹⁷ По нашим данным, польский предлог *po* тяготеет к метафорическим контекстам, таким как *zakochany po uszy* ‘влюблен по уши’ / *po uszy w długach* ‘по уши в долгах’, а предлог *do* — к пространственным: *woda do kolan* ‘вода по колено’ / *broda do piersi* ‘борода по грудь’.

- (46) *vyötäröä myöten lumessa*
 пояс.PART по снег.INN
 ‘в снегу по пояс’;
- (47) *ruoho oli polviin asti*
 трава была колено.ILL.PL по
 ‘трава была по колено’;
- (48) *kuraa nilkkoihin saakka.*
 грязь.PART щиколотка.ILL.PL по
 ‘грязь по щиколотку’.

Подробное сопоставление различий в поведении синонимичных показателей позволило бы выявить противопоставления в зоне предельности и семантические параметры, по которым соответствующие показатели могут в принципе различаться. Так, по нашим данным (Шеманаева 2007, 2008b), для русского языка *по* значительно более антропоцентрично, чем *до*: можно было бы сказать, что русское *по* «выбирает» для измерения объекты, сравнимые с человеком, тогда как *до* применим, в общем, к любым объектам; кроме того, как мы уже упоминали, *по* предпочитает измерять объекты переменного размера. Из более «прозрачных» противопоставлений между *по* и *до* отметим различие точной (*по*) / неточной границы (*до*), включение (*по*) / невключение (*до*) конечной точки, а также большую склонность *по* к обозначению статичного результата движения, а *до* — самого движения по направлению к пределу.

Предельность может маркироваться и синтетически — падежным показателем, который присоединяется к эталону уровня. Ср. терминатив в финно-угорских языках (эстонский, венгерский, удмуртский) или лимитатив в калмыцком:

- (49) эстонский
ja need ulatusid talle põlvini.
 и они достигали ему колено:PL:TERM
 ‘И они <побеги> доходили ему до коленей’.
- (50) венгерский
(Hegy-i) vezet-ő-nk térd-ig [derék-ig,
 гора-ADJ вести-PRT.PRS-1PL колено-TERM [поясница-TERM
mellé-ig] bele-süllyed-t a (sziklá-k
 грудь-TERM] PREV-погрузиться-PST DEF (скала-PL

- között-i)* *repedés-be.*
 между-ADJ) трещина-ILLAT
 ‘Наш проводник по колено / по пояс / по грудь провалился
 в трещину’.
- (51) калмыцкий
Модн *тана* *толһа-ца* *бол-ж*
 дерево.NOM ваш (= вы.GEN) голова-LIM стать-CONV.IPFV
урһ-ж.
 расти-RES
 ‘Дерево выросло до вашей головы’.

В осетинском языке предельность маркируется аллативом:

- (52) осетинский ¹⁸:
 а. *Лаппу-тæ* *бацыд-ысты* *дон-ы*
 мальчик-PL войти-3PL.PST.ITR вода-INESS
сæ астау-т-æм
 их поясница-PL-ALL
 ‘Мальчики вошли в воду по пояс’.
- б. *Сывæллон* *ауггът-а* *дон-ы* *йæ*
 ребенок опустить:PST-3SG.PST.TR вода-INESS его
къах-тæ уæрджы-т-æм
 нога-PL колено-PL-ALL
 ‘Ребенок опустил ноги в воду по колено’.

4.3. Именные атрибутивные конструкции и сложные слова

Конструкция, использующая именные атрибутивные сочетания или сложные слова той же структуры, встретила нам в германских языках, она имеет вид:

[‘часть тела’ + ‘измеряемый объект’]_N

Значение уровня в ней выражено либо при помощи существительного или отыменного прилагательного перед определяемым существительным, либо как первая часть сложного слова, так что первый слот такой конструкции обозначает уровень, а второй — измеряемый объект:

¹⁸ Примеры Д. А. Эршлера.

- (53) английский: *ankle socks / boots* букв. ‘щиколотка носки / ботинки’ = ‘носки / ботинки по щиколотку’;
- (54) немецкий: *Kniehose* букв. ‘колено-брюки’ = ‘брюки до колен’, *Kniebild* букв. ‘колено-портрет’ = ‘портрет с изображением человека до колен’;
- (55) нидерландский: *kniekous* букв. ‘колено-чулок’ = ‘гольфы’; *lieslaarzen* ‘пах-сапоги’ = ‘болотные сапоги’.

Эта конструкция обслуживает нерелексивные ситуации — дело в том, что в релексивных ситуациях типа ‘я по колено в снегу’ должны обязательно присутствовать три участника: ориентир, среда и уровень, а в данной конструкции есть всего два свободных слота. Поэтому в ней можно выразить только измеряемый объект и маркер его вертикального размера — всегда часть тела, чтобы была возможность по умолчанию восстановить ориентир-посессор.

Как видим, структура конструкции такова, что уровень и измеряемый объект просто соплагаются без дополнительных показателей, а параметр измерения (длина / высота), как и направление движения, опускаются, так как они легко восстанавливаются в зависимости от типа измеряемого объекта. В таком случае сама предельность — в отличие от только что рассмотренных предложных конструкций в тех же германских языках — никакого поверхностного маркера не имеет.

Любопытно, что под такое описание подпадает русское сочетание *поясной портрет*, где уровень выражается прилагательным *поясной*, а *портрет*, хотя и не входит в стандартный класс измеряемых объектов (слои, одежда, волосы и др.) — тем не менее в данном случае выступает именно в этом качестве: измеряется, конечно, не сам портрет, а — метонимически — уровень, по который виден человек, на нем изображенный. Благодаря метонимии, все условия употребления конструкции оказываются соблюдены: обязательная нерелексивность (ср. **поясной князь Голицын* VS. *поясной портрет князя*) и постоянный размер объекта (см. ниже), ср. запрет на сочетание *поясной* с именами изменяющихся слоев: **поясной сугроб*, **коленная грязь*.

Обратим внимание, что в германских предложных конструкциях маркер уровня является ремой и, как правило, в соответствии с порядком развертывания ситуации, занимает крайнюю правую позицию: сначала вводится измеряемый объект-траектор (X),

затем ориентир измерения (Q), потом предикат, задающий общую ситуацию измерения, направление реального или виртуального движения ($V + Y$), показатель предельности — и, как результат всего этого — уровень (Z), которого достигает траектор. В композитах, которые гораздо более идиоматичны, порядок следования компонентов меняется. В частности, показатель уровня Z оказывается, наоборот, в крайней левой, т. е. тематической, а не рематической позиции. Этот в буквальном смысле сдвиг отражает (как и положено в SxG) сдвиг в семантике конструкции: тематизация Z связана, в частности, с полной потерей им референтности. Действительно, если аналитическая конструкция может в каких-то случаях апеллировать к части тела определенного ориентира — как маркера уровня (ср.: *the water came up to his knees*), то в сложных словах это совершенно невозможно: уровень-часть тела здесь является абстрактным эталонным объектом, не связанным ни с каким конкретным человеком.

В связи со всем сказанным, данный способ кодирования годится не для всех измеряемых объектов — и это подтверждает материал рассмотренных нами языков. Он хорош для предметов, у которых измеряется их **постоянная длина** — поэтому лучше всего в такую конструкцию встраиваются представители именного класса «одежда и обувь», ср.: 'брюки / платье / сапоги **длиной до колена**'. Правда, в немецком нам встретился один пример с объектом из класса «растения», для которого измерялась высота: *Kniebusch* = 'кустарник **высотой по колено**', букв. 'колено-куст'. Однако здесь имелся в виду особый низкорослый тип растений, обладающий постоянной высотой и именно благодаря этому имеющий такое название, — а не любой невысокий кустарник, размер которого случайно оказался бы по колено проходившему мимо человеку. Понятно, что такие классы, как «волосы», «люди» и «слои» не могут обслуживаться данной конструкцией, ср.: **shoulder hair*, **waist man* или **ankle mud*.

Для измерения объектов из этих классов (но также и одежды — см. ниже) в германских языках используется другая конструкция. Ее основой тоже служат композиты — на этот раз сложные прилагательные, первая часть которых по-прежнему обозначает уровень (с помощью какой-то части тела), но вторая (она выражена прилагательным) — уже не измеряемый объект, а пара-

метр, т. е. длину, ширину, высоту или глубину. Такое прилагательное служит определением к существительному со значением переменного вертикального размера¹⁹: [‘часть тела’ + ‘параметр’_{ADJ}]_{ADJ} + ‘измеряемый объект’_N.

(56) английский

a. *knee-high grass* букв. ‘колено высокий трава’ = ‘трава по колено’;

b. *Snow was <...> already ankle-deep about his boots.* (J. R. R. Tolkien);

‘Снега было уже по щиколотку’ (букв. ‘щиколотка-глубокий’);

(57) немецкий

Sie trug einen knielangen Rock.

‘На ней была юбка по колено’ (букв. ‘колено-длинная юбка’);

(58) шведский: *knähög snö* ‘снегу по колено’ (букв. ‘колено-высокий снег’).

Заметим, что все участвующие в конструкции параметрические прилагательные — ‘высокий’, ‘длинный’, ‘глубокий’ — обозначают наивысшее значение признака, вершину шкалы, как и всегда — названия общих эталонных параметров (ср. ‘длина’, ‘высота’, ‘ширина’ и под., но не *‘короткость’, *‘мелкость’ и др.), ср. выше § 2. Единственное встретившееся нам исключение — пример из немецкого языка: *kniekurz*, букв. ‘колено-короткий’ (т. е. ‘длиной / высотой по колено’) как характеристика одежды.

Интересно, что и такого рода сложные прилагательные, обозначающие уровень, «реагируют» на степень постоянства признака, который в них встроен: они употребляются в атрибутивной конструкции, если обозначают постоянный уровень (например, для класса «одежда и обувь»), и в предикативной конструкции,

¹⁹ Здесь нужно учитывать возможность метонимического переноса с такого объекта на место, где он находится, ср. *pavement* ‘тротуар’ как местонахождение слоя пыли в следующем английском примере:

Under his feet the pavements were ankle-deep in grey dust from the volcano. (S. Faulks)

‘Под его ногами тротуары были по щиколотку покрыты серой пылью (букв. ‘были щиколотка-глубоко в серой пыли) от вулкана’.

если обозначают переменный уровень слоев или временное состояние объекта. Высота травы, как мы видим из английских примеров, приведенных выше, является более постоянным признаком, чем глубина слоя снега, ср.: ‘высокая по колено трава’ (атрибутивная позиция, см. пример 56a), но: ‘снег высокий по щиколотку’ (предикативная позиция, см. 56b).

Между тем, в английском языке есть еще одна разновидность конструкции со сложным словом, «специализирующаяся» на определении размера одежды и обуви, а также длине волос. Ее особенность в том, что вторая часть — параметр — выражена в ней существительным (а не прилагательным), и, соответственно, все сложное слово тоже является существительным, несогласованно определяющим измеряемый объект: [‘часть тела’ + ‘параметр’_N]_{ADJ} + ‘измеряемый объект’_N.

Эта конструкция значительно уже, чем предыдущие: единственным параметром, который в ней может выступать, является ‘длина’ (*length*), ср.: *knee-deep* ‘колено-глубокий’, *knee-high* ‘колено-высокий’, но *knee-length* ‘колено-длина’, а не **knee-long* ‘колено-длинный’²⁰, ср. также:

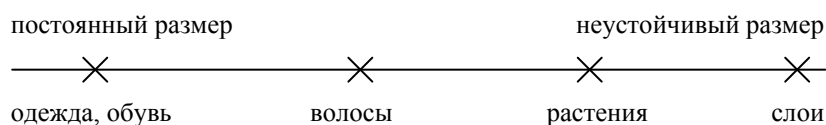
(59) *knee-length skirt* ‘юбка длиной до колена’, *waist-length silver hair and beard* ‘серебристые волосы и борода длиной до пояса’.

(60) *He (...) had the most interesting haircut (...) since it consisted of a shoulder-length fringe of hair all round.* (T. Pratchett)
‘У него была самая интересная прическа, так как она состояла из челки до плеч (букв. ‘плечо-длина’) по всей голове’.

Таким образом, для германских языков, и прежде всего английского, где есть несколько вариантов идиоматичной уровневой конструкции со сложными словами, важнейшим параметром для выбора такой конструкции и для выбора внутри этой группы служит степень изменчивости результата измерения. По этому параметру выстраивается целая шкала: на одном полюсе — абсолют-

²⁰ Для точности укажем, что примеры конструкции **Z-long X** в принципе встречаются, но не в конструкции уровня, и с другими эталонами, ср. со значением размера: *mile-long road* ‘дорога длиной в милю’. Ср. также построенное по той же модели, но с временным значением *agelong* ‘длинною в век’.

но устойчивого, постоянного размера — находятся предметы одежды и обуви, на другом — максимально неустойчивого — подвижные слои (как снег). Между ними — но, видимо, ближе к устойчивому максимуму — волосы, затем — растения (например трава):

Уровень, которого достигает одежда и обувь, как наиболее статичный, может быть номинализован — в идиоматичной словообразовательной конструкции вида:

[‘уровень’ + ‘измеряемый объект (одежда)’]_N.

И одежда-обувь, и волосы, длина которых и физически меняется не так быстро, как, скажем, у слоев, и более стабильна в силу культурных и психологических обстоятельств (в той или иной культуре принято — или тому ли иному индивиду свойственно — носить волосы или бороду определенной длины) возможны в другой, менее идиоматичной и менее номинализованной, но все же именной конструкции с несогласованным определением:

[‘уровень’ + ‘длина’]_N + ‘измеряемый объект’_N.

Все объекты — в том числе и с менее устойчивым размером — «измеряются» атрибутивными конструкциями, в целом менее стативными, чем номинализованные:

[‘уровень’ + ‘параметр’]_{Adj} + ‘измеряемый объект’_N.

Однако, как мы видели, и здесь возможна градация по степени постоянства признака размера, которая отражается в выборе атрибутивной VS. предикативной формы данной конструкции.

В заключение этого раздела обратим внимание на то, что по крайней мере в английском языке сложные слова вида «уровень-параметр» могут быть не только прилагательными, но и наречиями, которые способны синтаксически связываться с такими не вполне стандартными для конструкции уровня предикатами, как

держат, *поднять* и др., и поэтому в принципе могут относиться к любым объектам, ср.:

(61) *to lift the baby shoulder-high_{ADV}* (J. Wallace) ‘поднять ребенка вверх (букв. ‘плечо-высоко’)’.

(62) *She took a skirt <...> and held it waist-high_{ADV} in front of her...* (C. Sittenfeld)

‘Она достала юбку <...> и держала ее на уровне пояса (букв. ‘пояс-высоко’) перед собой’.

В русском соответствующее расстояние по вертикали — при отсутствии непосредственного контакта объекта с ориентиром — передается другой конструкцией: (*держат* / *повесить* / *прибить*) *на уровне глаз* / *на уровне груди*.

§ 5. К типологии эталонных уровней (Z): части тела и другие части

5.1. Общие замечания

Как мы помним, в русском языке есть две уровневые конструкции: с *по* и с *до*. Их требования к уровню Z различаются: предлог *по* вводит более антропоцентрическую конструкцию, где уровень сравним по размерам с человеком (*по колено*, но не **по потолок*, **по звезды*), а *до* — более абстрактную предельную конструкцию приближения к конечной точке, общую и для пространства, и для времени (*до колен* / *до потолка* / *до полуночи* / *до заката*). В отличие от русского, в других проанализированных нами языках обычно нет такого противопоставления, предельные показатели в целом более универсальны и конструкции больше похожи на русскую с предлогом *до* — тем не менее и в других языках основные функциональные уровни, обозначающие количество вещества и степень погруженности в ту или иную среду, в первую очередь маркируются все-таки частями тела. Причем поскольку выбор способа заполнения слота в конструкции, согласно СхG, в принципе не может быть **абсолютно** свободным, в этих языках тоже есть свои предпочтения и ограничения. Прежде всего они касаются зоны частей тела, которой, как наиболее значимой, мы уделим основное внимание в этом параграфе.

5.2. О прототипических и непрототипических маркерах уровня

Прототипический маркер уровня представляет из себя видимую значимую границу, топологически — линию или выступ. Лучше всего этому условию соответствуют ‘щиколотка’, ‘колено’, ‘пояс’ и ‘плечо’, — тогда как поверхности и внутренние органы как показатели уровня заведомо периферийны, а в русском, например, просто невозможны, причем независимо от типа уровневой конструкции **по спину* / **до спины*, **по сердце* / **до сердца* и др. (см. однако 5.7). По большей части это выступы: настоящую, протяженную, «границу» (линию) представляет из них только ‘пояс’, однако обратим внимание на парность остальных прототипических частей: парные части легко объединяются воображаемой прямой, которая и осмысливается как уровневая граница — если речь идет об употреблении во множественном числе, ср. в русск. *плечи*, *щиколотки* и др. (О числовом поведении слова *плечо* см. в 5.5).

В таблице 2 приведены основные названия частей тела, способные выступать в качестве показателей уровня в базовых языках исследования. Плюсами отмечены пары, примеры на которые встретились в корпусах, проверены с информантами или зафиксированы в словарях. Минус ставился, если соответствующие примеры были отвергнуты информантами.

З а м е ч а н и е. Редкие и менее значимые для наших контекстов лексемы в таблице не представлены. Не включены в нее и табуированные (для русского языка) обценные лексемы, которые как раз достаточно частотны; ср. также аналогичные конструкции с эвфемистической заменой типа *до фи́га*. Существенно, что в русском они выступают не в буквальном пространственном значении, а исключительно как интенсификаторы со значением большого количества (у них этих компьютеров до фи́га), ср. ниже, 5.4. Обратим внимание, что выражения с предлогом *по* со значением ‘все равно’ (*мне это по фи́гу*, в редуцированном варианте *по фи́г*) представляют другую, не уровневую конструкцию, с другим падежным маркированием.

Как можно видеть, по сравнению с русским, список «уровневых» частей тела для других языков нашей выборки оказывается существенно шире: в него, в частности, входят такие уровни, как ‘губы’, ‘зубы’, ‘челюсть’, ‘глаза’, ‘подмышки’, ‘пупок’, ср.:

(63) французский: *rougir jusqu'aux yeux* ‘покраснеть до глаз’.

Таблица 2

Части тела как маркеры уровня

	русский	английский	немецкий	нидерландский	болгарский	польский	чешский	агульский	французский	кхмерский	грузинский	японский	финский	литовский
Щиколотка	+	+	+	+	+	+			-	+	+	+	+	+
Лодыжка	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
Икра	-	+	+						+					
Колено	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пояс	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	+
Живот	+								+					
Пупок	-							+						
Грудь	+	+	+	+	+	+		+	-	+	+	+	+	+
Подмышка		+	+					+						
Плечо	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Шея	+	+	+	+	+	+		+		+		+		+
Горло (внутр.)	+					+	+				+			
Подбородок	+	+												
Губы	-	+												
Зубы	-	+												
Глаза	+							+				+	+	
Уши	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+		+	+
Макушка	+													
Локоть	+	+		+	+	+	+		+					
Запястье	+	+												

(64) агульский

čī za-s ʔač'.a-n urk'-ar.i-q
 сестра я-DAT подмышка-GEN яма-PL-POST
 'сестра мне до подмышек';

(65) турецкий:

sakalı göbeğine kadar
 борода:POSS3SG пупок:POSS3SG:DAT до
 'борода до пупка'.

Обратим внимание на то, что по своим топологическим характеристикам они ничуть не уступают «классическим границам».

Действительно, как маркеры уровня, 'подмышки' или 'глаза' совершенно не хуже 'коленок' и 'щиколоток': они тоже соотносятся с видимыми и парными частями тела.

Другое дело — 'живот': в русском этот маркер возможен только применительно к животным — причем таким, у которых он расположен горизонтально и может маркировать уровень (лошадям, собакам и др.), — уже в соответствии не с антропоцентрической, а с так называемой «пастушеской» моделью мира, см. Heine 1989, Svorou 1994; подробнее см. Шеманаева 2007, 2008b. Своеобразным исключением здесь служит французский, который тем не менее задействовал «человеческий», «вертикальный» живот в уровневой конструкции. Правда, это не полное исключение, потому что во французском здесь добавляется искусственная граница: 'половина', ср.: *jusqu'à mi-ventre*, букв. 'до половины живота', т. е. 'по пояс (о человеке)', в том же контексте во французском возможны 'икра' и 'бедро'. (Заметим, что и живот, и икра, и бедро могут топологически рассматриваться как выступы.)

«Половинный уровень» можно считать маргинальным, пока кроме романских языков (французского и латыни — *media tenuis alvo*, 'до половины живота') он нам нигде не встретился, но в этих языках он довольно распространен, ср. франц. *à mi-mollet* 'до половины икр', т. е. 'выше щиколотки'; *à mi-jambe* 'до половины ноги', т. е. 'по колено'; *à mi-cuisse* 'до половины бедра'; *à mi-corps* 'до половины туловища', т. е. 'по пояс'. Обращает на себя внимание и то, что если в артиклевых языках эталоны уровня употребляются, как правило, с определенным артиклем (или дейктически с притяжательными местоимениями *мой, твой, его*) — англ. *up to the waist* 'по пояс', нем. *bis an den Hals* 'по горло', исп. *hasta la cintura* 'по пояс' и т. д., то во французском эти особые «половинные» уровни не предполагают артикля, ср.: *jusqu'à mi-mollet* / *jusqu'à mi-ventre*.

Таблица 2 позволяет сделать некоторые наблюдения о когнитивных основаниях для выбора эталона уровня в зоне частей тела — они приводятся ниже, в 5.3—5.7. Другие типы эталонов обсуждаются в 5.8.

5.3. Фронтальность измерения и фасадность

Фронтальная область более важна для человека, чем другие: измеряется предмет (или слой вещества), находящийся *перед* че-

ловеком, т. е. в его поле зрения. Поэтому для измерения выбираются фронтальные, фасадные части. Причем, даже если речь идет, в терминологии, предложенной в работе А. Н. Журина (1971), о *мгновенной* ориентации человека — т. е. ориентации в момент речи, это не меняет структуры конструкции уровня: даже когда говорящий видит человека, погруженного в воду, со спины, он все равно использует выражения типа *стоит по шее / по грудь* (а не: **по затылок / лопатки*) в воде.

Таким образом, в терминологии Ч. Филлмора (1969, см. подробнее Введение, § 2), конструкция уровня обладает *абсолютной* ориентацией — как *верх* шкафа не перестает быть *верхом*, даже шкаф перевернут (см. Апресян 1974/1995: 110), так и *по колено* обозначает определенный уровень вне зависимости от того, где находится наблюдатель.

Тот факт, что измерение происходит спереди, не случаен: прототипически общение людей и вообще их повседневная деятельность связана с пространственной областью, расположенной *перед* человеком, и эта область более важна для него, в отличие от зон за спиной или сбоку. Другими словами, человеческому телу свойствен признак фасадности; им обладают все предметы, у которых функциональной, т. е. предназначенной для использования, является какая-то одна сторона и, соответственно, она тем или иным способом выделена в языке.

5.4. Асимметричность измерения: верхняя vs. нижняя зона

Между тем, как известно (см., например, Miller, Johnson-Laird 1976), тело человека асимметрично не только в отношении фасадной и нефасадной зон, т. е. его вертикальных поверхностей, — в нем еще противопоставлены верхняя и нижняя зоны, ср. Svorou 1994: 76. Наша конструкция подтверждает релевантность противопоставления верхней (от головы до плеч) и нижней (от бедер до ступней) зон — у соответствующих частей тела в ее контексте оказываются прототипически разные функции: нижняя зона — от колен — служит в основном для пространственных уровней, а верхняя — выше плеч — для метафорических (см., однако, Замечание в 5.2).

Метафорические конструкции такого рода, преимущественно использующие в качестве маркера уровня 'шею/горло' и 'уши',

реже — ‘глаза’, выражают значение большого количества или интенсивности, ср. следующие примеры из английского:

- (66) *She was **up to her neck** in misery* ‘Она была глубоко несчастной’ (букв. ‘по шею’).
 (67) *She is **up to her ears** in marriage proposals* ‘Женихов у нее хоть отбавляй’ (букв. ‘по уши’).
 (68) *I’ve been **up to my eyes** in family secrets, tears, break-ups and make-ups.* (C. Ahern) ‘я уже вся была в семейных секретах, слезах, ссорах и примирениях’ (букв. ‘по глаза’).

А также:

- (69) французский: *être dans les ennuis **jusqu’au cou*** ‘быть в неприятностях по шею’;
 (70) польский: ***po uszy** w długach* ‘по уши в долгах’;
 (71) сербский / хорватский: ***Do grla** su mi ove svakodnevne vožnje vozovima*, букв. ‘До горла мне эти ежедневные поездки на поездах’ (Из Jachnow 2005);
 (72) грузинский: ***q’elamde valebši*** ‘по горло в долгах’.

З а м е ч а н и е. Тем не менее надо признать, что в отдельных случаях в метафорическом значении большого количества могут выступать и уровни нижней зоны. Так, в английском ‘по колено’ регулярно означает переизбыток, причем обычно чего-то плохого и неприятного, ср.:

- (73) *...I got home and found my answerphone **knee-deep** in angry messages...* (BNC)
 ‘...я вернулась домой и обнаружила, что автоответчик забит сердитыми сообщениями’ (букв. ‘по колено в сердитых сообщениях’);
 (74) *...now she didn’t feel **knee-deep** in anything but annoyance.* (BNC)
 ‘...она ничего не чувствовала, кроме раздражения’ (букв. ‘чувствовала себя по колено только в раздражении’);
 (75) *You’re **knee-deep** in relatives, while I haven’t a clue whether I possess any at all.* (BNC)
 ‘У тебя куча родственников (букв. ‘ты по колено в родственниках’), в то время как я понятия не имею, есть ли они у меня вообще’.

Другим неверхним метафорическим уровнем, правда, имеющим очень узкую область применения, являются ‘локти’ — так может описываться большое количество работы, ср. англ. *up to the elbows in work*, аналогично в польском: *urobiony po łokcie* ‘за-

работавшийся по локти'. Значение высокой степени в таких контекстах 'локоть' приобретает потому, что служит функциональной границей рабочей и нерабочей частей руки.

5.5. Эталоны и измеряемые объекты

Существенно, что предпочтения и запреты на эталоны часто связаны со значением других переменных конструкции — прежде всего типом измеряемого объекта и направлением измерения. Для определения длины волос подходят такие уровни, которые, как правило, не используются для описания высоты слоев: например, в английском языке только для волос уровнями могут служить 'челюсть', 'щека', 'ключица', 'подбородок': *jaw-length* 'длинной по челюсть', *cheek-length* 'длиной по щеку', *collar-length* 'длиной по ключицу', ср.:

(76) ...*her chin-length hair was blond*... (C. Sittenfeld)
'ее волосы, длиной до подбородка, были светлыми'.

Заметим, что 'челюсть', 'щека' и 'ключица' могут быть уровнями только в специальной конструкции — в составе сложного слова с параметром «длина», но не в остальных модификациях конструкции уровня в английском языке: **up to the jaw*, **up to the collar in water*:

(77) *We cut her hair into a jaw-length bob* (BNC)
'Мы постригли ее волосы в прическу-боб длиной до челюсти' (букв. 'челюсть-длина').

В русском 'плечи' во множественном числе измеряют длину волос — как бы со спины, ср.: *волосы до плеч*, а в единственном — как бы сбоку — служат характерным уровневый эталоном для измерения роста человека: *он мне по плечо* (Шеманаева 2007). В агульском же, как выяснилось, эталонным уровнем измерения роста служит 'шея'.

Для волос, бороды и одежды «хорошим» уровнем является 'пояс', ср. англ.: *waist-length*. Кстати говоря, для пояса не важно, с какой стороны производится измерение: с фронтальной или нет, в этом отношении 'пояс' — универсальный маркер уровня. Для одежды и обуви самые естественные уровни — это 'щиколотка' и

‘колено’, встречаются также ‘икра’ и ‘бедро’ (англ.: *ankle-length, knee-length, calf-length, hip-length, thigh-length*).

Направление измерения для выбора эталона тоже очень существенно — ведь с каждым направлением измерения связаны и определенные классы измеряемых объектов: так, в английском языке объекты класса «слои», «растения», «обувь» измеряются предположной группой *up to*, а объекты класса «одежда» и «волосы» — *down to*, ср. в русском *по уши, по макушку* (только снизу вверх), *до пят* (только сверху вниз), агул. ‘до подмышек’ (только снизу вверх) и др., а также за пределами частей тела:

(78) английский

*It [a shirt] was tight across the chest but reached **down to** / ***up the floor**.* (T. Pratchett)

‘Она (рубашка) была ему тесна в груди, но спускалась до пола’.

В редких случаях используется невертикальное направление — например в ситуациях, которые описываются предикатами ‘накраситься’ / ‘покраснеть’ / ‘улыбнуться’ / ‘засмеяться’ и в которых нужно выделить пространство на человеческом лице. Оказывается, что границы в этом случае во многих языках (русском, болгарском, чешском, словацком, французском, турецком) задают уши, ср. русск. *улыбка до ушей*, франц. *rougir jusqu’aux oreilles* ‘покраснеть по уши’ (русский аналог *покраснеть до кончиков волос* отражает ситуацию вертикального движения, когда краснота от щек поднимается выше лба). Ср. также турецкий пример:

(79) турецкий

kulaklarına kadar kıpkırmızı oldu
уши:PL:3SGPOSS:DAT до красный-красный стать:3SG:PST
‘Он покраснел по уши’.

5.6. Эталон и проблема номинации

Любопытные расхождения в интерпретации конструкции уровня могут возникать между языками (да и внутри одного языка) ввиду того, что одна и та же часть тела по-разному концептуа-

лизуется и получает разные номинации. Две характерные пары здесь — это ‘пояс’ VS. ‘талия’ и ‘шея’ VS. ‘горло’.

Что касается первой, то в ней противопоставлены два названия одной части тела, которые характеризуют ее по-разному: с функциональной (*пояс*) и эстетической (*талия*) точек зрения. По свидетельству Iordanskaja, Rapetto 1996, в русском языке есть запрет на нефункциональную номинацию в конструкциях уровня.

Второе противопоставление в целом гораздо более значимо для языков. Оно маркирует различие между внешним и внутренним органом, — последние, как мы помним, в конструкции уровня вообще не участвуют (см. также 5.7). В этом отношении ‘горло’ особенно, так как является повсеместно распространенным исключением. Тем не менее, по нашим данным, если в языке внешний (‘шея’) и внутренний орган (‘горло’) лексически различаются, то есть представляют собой два разных слова (как в русском), они имеют разный круг употреблений: обычно внешний уровень тяготеет к пространственной конструкции, а внутренний — к метафорической, ср. в русском: *по шею в воде / работы по горло*²¹.

То же распределение представлено в крымско-татарском, ср.:

(80) *боюн кьадар су ичинде*

шея до вода внутри

‘по шею в воде’;

(81) *иши богъурдакъ-тан*

работа трахея-ABL

‘дел по горло’

Однако еще в XIX веке русское выражение *по горло* могло употребляться, как и *по шею*, в пространственном значении, ср.:

²¹ Любопытно, что метафоризовываться в языке может (хотя, видимо, и реже), наоборот, преимущественно наружный орган. Именно так устроена уровневая конструкция в болгарском, где есть два слова — *гърло* ‘горло’ и *ишия* ‘шея’, но именно поверхностный уровень выступает в качестве метафорического: *затънал съм до ишия* ‘утонул до шеи’ (в работе). В словацком языке наблюдаем ту же картину: из двух слов *hrdlo* и *krk* слово, обозначающее шею как наружный орган, используется в метафорических контекстах: *som najedený až po krk* ‘сыт по горло’, *už mám tvojích výčitiek po krk* ‘я сыт по горло твоими упреками’.

- (82) *На середине ручья холодная, как лед, вода была ему по горло*
[Г. П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)].

В нашей выборке оказалось несколько языков, где помимо собственно ‘шеи / горла’ есть еще и специальное название для задней части шеи (ср. русское *загрибок*), использующееся как маркер уровня — причем только в буквальном, а не метафорическом значении, ср. следующие примеры:

- (83) литовский
Ilgais plaukais. Na, ne per ilgais.
 длинными волосами ну не слишком длинными
Iki sprando.
 до шеи (задней части)
- (84) хинди
Topii gardan tak phailii thii
 шапка шеи (задней части) до распространиться:PST

5.7. Внутренние органы как эталоны

В Таблице 2 (Части тела как маркеры уровня) внутренние органы, если не считать горла, не фигурировали: в неметафорических конструкциях уровня на материале наших языков они не встретились как ненаблюдаемые.

Тем не менее внутренние органы все же используются для обозначения предела — как метафоры высокой степени:

- (85) армянский
Rozettan minč'ev ugn u cucə kronaser ēr
 ‘Розетта была глубоко (букв. ‘до мозга костей’) религиозна’.

Конструкция с предельным предлогом или послелогом в этом случае выражает идею движения вглубь, а не вертикального движения — этот вариант предельных метафор мы называем **конструкцией проникновения**. Семантически она соотносится со степенью проявления физических ощущений (*промерз до костей*) или ментально-эмоциональных состояний и свойств (*француз до мозга костей, усвоить до мозга костей*). Из физических ощущений это главным образом сырость и холод: при этом метафорическим уровнем для проникновения воды в человеческое тело во многих языках оказывается кожа:

- (86) нидерландский: *tot op de huid nat worden* букв. 'до кожи мокрым стать';
 (87) латышский: *izmirkt līdz ādai* 'промокнуть до кожи';
 (88) сербский / хорватский: *pokisnuti do (gole) kože* 'промокнуть до (голой) кожи'²² (из Jachnow 2005).

В той же роли часто выступает одежда, ср. в нидерландском языке *tot op het hemd nat* 'до рубашки мокрый', ср. также семантически менее прозрачное русское *до нитки* — по-видимому, метонимическое обозначение одежды из: *до последней нитки*.

Для выражения ощущения сильного холода кожа является «недостаточным пределом». Типологически релевантнее в этом контексте более глубокий уровень — 'кость/кости', 'мозг костей' и 'мозг':

- (89) узбекский: *совуқ миёғача чиқади* букв. 'холод до мозга достает';
 (90) английский: *He was chilled to the bone and hungry...* (J. R. R. Tolkien)
 'Он промерз до костей (букв. 'до кости') и был голоден'.

То же касается эмоциональных и ментальных состояний: они также предпочитают самый глубокий уровень и обычно, как и физические, связаны с отрицательной оценкой. Ср.:

- (91) английский: *I was shocked to my marrow to see the front page of the Sunday Mirror...* (S. Townsend) 'Я был шокирован до мозга костей, увидев первую страницу газеты Сандей Миррор'.
 (92) немецкий: *sich bis auf die Knochen blamieren* 'осрамиться до костей';
 (93) французский: *j'ai encore peur jusqu'aux os...* (G. de Maupassant) 'еще я боюсь до мозга костей'.

Однако той же конструкцией проникновения иногда может описываться высокая степень нейтральных или даже положительных состояний — как физических, ср. *пропариться до костей*, так и психических:

- (94) немецкий: *j-m treu bis in die Knochen sein* 'быть верным кому-л. до костей'.

²² По данным информантов, *pokisnuti do gole kože* предпочтительнее, чем *pokisnuti do kože*.

- (95) сербский / хорватский: *Pošten je do srži, smiješ mu povjeriti šta hoćeš* ‘Он честный до мозга костей, ты можешь ему доверить что угодно’ (из Jachnow 2005).

5.8. Другие типы эталонных уровней (Z)

Наряду с частями тела в конструкции уровня могут использоваться другие стандартные эталоны:

- (1) части тела животных;
- (2) земля или пол;
- (3) части артефактов;
- (4) одежда и ее части.

(1) Части тела животных

Если субъектом являются животные, круг допустимых в конструкции частей тела расширяется, ср.: в русском *по морду лошади, мокрые по щетки ноги лошадей* и т. д., а также:

- (96) нидерландский: *tot aan zijn bek* ‘по морду’, *tot aan zijn kop* ‘по голову (башку, применительно к человеку только в сниженных контекстах)’;
- (97) английский: *...Jo's too-laiden horse plunged through the sand and sinking fetlock deep...* (E. Thompson Seton)
 ‘...переутомленная лошадь Джо проваливалась в песок на каждом шагу’ (букв. ‘по волосы-за-копытом глубоко’) (пер. Н. Чуковского)

(2) Земля или пол

Этот уровень является естественным пределом при измерении сверху вниз и как таковой особенно релевантен для измерения длины одежды и волос.

- (98) японский:
ками но сосин-сама — има хидза мадэ но ками га дзимэн мадэ цукимасу ё:ни!
 ‘О бог-предок-покровитель волос, пусть волосы, которые сейчас до колен, достанут до земли!’

(3) Части артефактов

Для артефактов частотными маркерами уровня служат части средств передвижения, зданий или оружия, ср.:

— части средств передвижения

(99) русский: *машина завязла по бампер*;

(100) нидерландский: *tot aan de bumper in de modder* ‘по бампер в грязи’;

(101) венгерский:

*A kerek-ek **tengely-ig** süllyed-t-ek a sár-ba.*

DEF колесо-PL ось-TERM погрузиться-PST-3PL.S DEF грязь-ILLAT
‘Колеса ушли в грязь по самые оси’ (пример из Апресян, Палл 1982)

— части зданий

(102) русский: *по самые окна в снегу*;

(103) нидерландский: *tot de nok toe* ‘по крышу’ (*de nok* ‘конек крыши’) *De kerk was tot de nok toe gevuld met gelovigen* ‘церковь была полностью заполнена верующими’; *tot aan het dak* ‘до крыши’, *tot aan het plafond* ‘до потолка’;

(104) венгерский:

*A kunyhó (egészen) **ablak-párkány-á-ig** süllyed-t*

DEF избушка (совсем) окно-карниз-3SG-TERM погрузиться-PST

a föld-be [az agyag-ba]

DEF земля-ILLAT [DEF глина-ILLAT]

‘Избушка ушла в почву [в глину] по окна’ (пример из Апресян, Палл 1982)

— части оружия

(105) болгарский: *нож, забит до дръжката* ‘нож, воткнутый по рукоятку’;

(106) английский: *to the hilt* ‘по рукоятку’ (о кинжале).

Заметим, что части артефактов могут использоваться и в метафорических контекстах со значением высокой степени:

(107) английский: *up to the hub* ‘в значительной степени, глубоко (вовлеченный в какую-либо деятельность)’ (ср. *a hub* ‘ступица колеса, втулка’);

- (108) амер. английский: *He was enjoying himself **up to the handle***
 ‘Он веселился от всей души’ (ср. *a handle* ‘рукоятка’).

(4) Одежда / обувь

В случае, когда субъект ситуации — человек, уровнем могут быть его одежда или обувь²³. Эти артефакты настолько релевантны для человека, что используются при измерении так же, как и части тела. Обувь (измеряемая снизу вверх) метонимически обозначает свой верхний, а одежда (измеряемая сверху вниз) — свой нижний край, ср.

- (109) английский: ... *jutting-jawed fly fisherman who was **up to his waders** in a river*. (S.Townsend)

‘...ловкий рыбак с квадратной челюстью, который был по болотные сапоги в реке’.

- (110) *As the snow even in the yard was more than **boot-deep**, they were thankful that their skirts and petticoats were pinned well up out of the wet snow*. (BNC)

‘Так как снег даже во дворе был более чем по ботинок глубиной, они были рады, что их юбки и пальто были подколоты наверх, подальше от мокрого снега’.

Ср. также метафорический болгарский пример, в котором козырек головного убора служит верхним уровнем, таким как уши, горло или макушка, и выражает большую степень: *зает до козирката* ‘занят до козырька’.

В следующем примере, где в качестве уровня выступает одежда — килт, происходит дополнительный сдвиг, при котором вместо человека субъектом ситуации является страна:

- (111) *Everywhere else there was snow. Scotland was **kilt-deep** in it; it was up to the lorry-axles on Shap, up to the bus-steps in London. At Old Trafford it was wicket-high, and in Sussex it was up to the Downs*. (BNC)

‘Везде был снег. Шотландия была по килт²⁴ в снегу; он был по оси грузовиков в Шепе, по ступеньки автобуса в

²³ Заметим, что такое употребление нехарактерно для русского языка.

²⁴ Килт — короткая юбка в складку или плед вокруг бедер, национальная одежда мужчин в Шотландии.

Лондоне. В Олд Трэффорд снег был высотой с калитку, а в Сассексе — по холмы Даунс’.

§ 6. Заключение

Рассмотрев конструкцию уровня в вариантах, свойственных разным языкам, мы убедились, что все они связаны и образуют семейство, каждый член которого обладает главным с точки зрения СхG свойством — семантической цельностью. Вопрос, который часто в связи с этим задают типологии: как тогда проводить типологический анализ, если во всех языках обнаруживаются собственные и самостоятельные «члены семейства»? Самый общий ответ простой — так же, как типологи сравнивают, например, маркеры грамматических значений: ведь известно, что, вообще говоря, у них от языка к языку семантическое наполнение тоже меняется.

Для общей лингвистической теории, бесспорно, важно, что в некоторой семантической зоне имеется когнитивно релевантное значение (или группа значений), потребовавшее сразу во многих (а может быть, и во всех) языках особых морфосинтаксических средств выражения. В данном случае это ситуация измерения некоторого вертикального размера объекта (уровня), прототипически — меняющегося, причем измерения относительного, при котором мерой выступает либо другой вертикальный объект, либо часть самого измеряемого. Мы показали, что эта ситуация действительно выражается (пусть несколько разными способами) во всех рассмотренных нами языках — и видимо, во многих других тоже — из этого следует, что она действительно когнитивно значима.

Когнитивная значимость косвенно связана с антропоцентричностью — наша конструкция ориентирована на человека и мир человека: она не только выбирает непосредственно связанные с ним объекты измерения (слои, растения, одежду), но и ситуации измерения, часто предполагающие актуальный контакт с предметом (ср.: ‘провалился в снег, болото’ — ‘по пояс’, ‘погряз в песке’ — ‘по щиколотку’, ‘вошел в воду’ — ‘по колено’, ‘отрастил волосы / бороду’ — ‘до пят’ и под.).

Понятно, что в таком случае носителям требуются языковые средства, более или менее идиоматичные, чтобы передать такой

смысл. Этот смысл сложный, отработанных методик для сравнения его выражения по языкам пока нет²⁵, и мы не претендуем на то, что построили полное типологическое описание уровневой конструкции: данную главу можно рассматривать только как предварительные материалы к нему.

Тем не менее, пользуясь этим относительно небольшим материалом, наблюдая и изучая важнейшие свойства данной конструкции (точнее, группы конструкций), можно сформулировать хотя бы некоторые из базовых постулатов, на которые пошагово опиралось наше исследование и которые мы потом будем использовать применительно к конструкциям боли в Главе 4 Части IV.

Как кажется, они дают ключ к методам построения типологического исследования в целом в рамках СхG.

(1) В основе всей философии СхG лежит идея фрейма, именно фрейм задает структуру конструкций — какие бы разные поверхностные воплощения она ни принимала. Структура фрейма определяется «когнитивной задачей», которую решает данная серия конструкций — в данном случае, это (относительное) измерение объекта внешнего мира. В этой узкой семантической зоне мы можем выделить языки «более иконичные» — в них число поверхностных участников соответствующих конструкций совпадает с тем, который определен фреймом (ср. русск. *Сугробы_х были высотой_у по поясу_z*), и более идиоматичные, «с пропуском участников» или их нестандартным кодированием (ср. англ. *ankle_z socks_x* ‘носки по щиколотку’).

(2) Для участников, которые в данном языке в данной конструкции выражаются поверхностно, мы ищем ограничения: они всегда есть для любого слота. Ограничения объясняются нюансами данного варианта конструкции и помогают построить точное толкование. И хотя от языка к языку заполнение слотов варьирует, как мы наблюдали на примере эталонных уровней (*Z*), в целом они остаются в рамках общей стратегии. Например, уровень обычно представляет класс наблюдаемых границ, и нарушения этого правила обычно мотивированы (см. поведение уровня ‘живот’ во французском).

²⁵ Среди частных исследований по типологии конструкций отметим прежде всего Haspelmath, Buchholz 1998.

(3) Бывает, что фреймовый участник поверхностно не может быть выражен в данной конструкции — как ориентир или направление измерения в английских сложных словах (ср. англ.: *knee-length skirt* ‘юбка длиной до колена’ или нем.: *Kniehose* букв. ‘колено-брюки’, ‘брюки до колен’): в таких случаях нужно выявить правила, по которым реконструируется семантика, связанная с имплицитным участником.

(4) Ясно, что при таких «жестких» требованиях к степени подробности сведений о поведении компонентов конструкции нужен последовательный (по возможности, корпусный анализ) всех ее слотов для каждого языка и работа с информантом-экспертом по определению запретов на их заполнение.

(5) Важно, что один и тот же элемент смысла может, в зависимости от языка, в близких конструкциях разной структуры обнаруживаться в разных составляющих. В семействе конструкций уровня так вел себя признак «переменного / устойчивого» размера: он мог выражаться в самом измеряемом объекте, в глаголе, в предлоге, в типе сложного слова. Таким образом, «присутствие» общей семантики конструкции может обнаружиться в разных ее компонентах в разных языках.

(6) Однако и в конкретном языке, в рамках конкретной конструкции, — семантика конструкции часто оказывается «разлита» по разным ее компонентам и может усиливаться в одном, ослабляясь в другом. Поэтому в каждой конструкции всегда есть взаимозависимость элементов: нельзя определить или исчислить, например, эталоны уровня, без «привязки» к объекту измерения (слои, волосы и др.) и направлению измерения. Соответственно, и теория SxG, и методика исследования конкретных конструкций, и типологические анкеты для сопоставления их вариантов в разных языках строятся с учетом этого эффекта.

Глава 3

АНЕКДОТ КАК КОНСТРУКЦИЯ¹

§ 1. Введение

В этой Главе мы рассмотрим СхG как инструмент дискурсивного анализа. Если признать, что дискурс строится не из слов, а из конструкций, то можно проследить и описать, как в реальном тексте конструкции вкладываются одна в другую, контаминируются одна с другой и сложным образом взаимодействуют. Текстовое поведение *конструкций*, а не только слов и морфем, становится в этом случае специальным предметом лингвистического исследования. Особенно показательным примером взаимодействия конструкций являются *каламбурные* тексты; их ярким и культурно значимым для русского языка подклассом являются каламбурные анекдоты, которые и будут материалом настоящих заметок.

По определению В. З. Санникова (1999: 490), «*каламбур* — это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию. Это забавная ненормальность, вроде двухголового теленка в кунсткамере». В американской традиции в сходных случаях используется термин *blending* (см., например, Tuggy 2007), который применяет Ж. Фоконье в своей теории «ментальных пространств» (ср. Faconnier 1997) для моделирования сдвигов значения. На русский язык тер-

¹ Впервые эта работа была напечатана по-французски в сборнике: R. Roudet & Ch. Zarembo (eds.), *Questions de linguistique slave : Etudes offertes à Marguerite Guiraud-Weber*. Aix-en-Provence : U. De Provence, 2008, 235—248. (La construction des «anecdotes» du point de vue de la Grammaire des constructions). Ее русский вариант опубликован в Изв. РАН, СЛЯ, 2009, т. 68, № 5, с. 47—54 («Конструкция анекдота с точки зрения грамматики конструкций»).

мин *blending* перевести очень трудно², ближе всего ему соответствует понятие *совмещения* значений — именно оно встречается в работах Перцова 1988, Анна Зализняк 2006а: 27—30 и др. при описании семантических сдвигов, в том числе и в контексте каламбура.

В этой работе эффект совмещения-*blending* нас будет интересовать не в контексте «естественного» сдвига значения (прежде всего, метафорического), а исключительно как художественный прием: в рекламе, в шутках, в анекдотах и т. п. Рекламный материал труднодоступен, для изучения его особенностей нужен специальный корпус, поэтому пока мы оставим его в стороне и обратимся к анекдотам. Действительно, в отличие от рекламы, русским анекдотам уже посвящена большая литература, они хорошо отобраны и расклассифицированы — см. прежде всего книгу А. Д. Шмелева и Е. Я. Шмелевой (2002) «Русский анекдот» (на собранный там корпус мы во многом опираемся) и цитируемую там литературу, но в целом, как кажется, пока они описаны с несколько иной точки зрения³.

Итак, что такое каламбурный анекдот? Это такой анекдот, который строится на совмещении внешних сторон языковых единиц, ср. пример из Шмелева, Шмелев 2002:

- (1) — *У вас есть дикая утка?*
— *Нет, но можем разозлить домашнюю.*

В этом тексте говорящий имеет в виду *дикий* в прямом значении (оно реализуется, например, в сочетании *дикое животное*), а слушающий использует то же прилагательное в переносном значении, ср. *дикий крик* или *дикий поступок*. Сокращенно это можно записать так:

² Подробнее об этой проблеме и о теории Фоконье см. обзор Рахилина 1998, некоторые ее аспекты отражены также в Главе 3 Части IV настоящей книги.

³ Наиболее близкий нам подход представлен в диссертационном исследовании Архипова 2003, специально посвященном анализу анекдотов про Штирлица — но, как показано в работе самой А. С. Архиповой, каламбурные анекдоты про Штирлица — это особый тип текстов, и для них многие интересующие нас лингвистические аспекты просто нерелевантны (см. подробнее ниже).

Совмещение: дикое <животное> & дикий <крик>

А вот пример некаламбурного (хотя и в определенном смысле лингвистического) анекдота (там же):

- (2) *Приехал чукча в Москву, поехал на такси. Вдруг дорогу перебегают старушка. Таксист хочет ее объехать, а старушка заматалась: таксист налево — и старушка туда же, таксист направо — и старушка тоже. И, как ни старался таксист, все же задел ее. Расстроился, а чукча и говорит ему: «Твоя плохой охотник, если бы я дверцу не открыл, ушла бы».*

Обратим внимание, что этот анекдот тоже строится на совмещении — но не языковых единиц, а ситуаций: таксист имеет в виду избежать аварии, а чукча считает, что он охотится на старушку:

Совмещение ситуаций: ‘избежать аварии’ & ‘охотиться на старушку’.

Нас в качестве исследовательского материала будут интересовать только те тексты, в которых совмещаются языковые единицы, а не ситуации в целом — их мы будем, как это и принято, считать каламбурными.

§ 2. Каламбур как игра конструкций

Обычно, обсуждая каламбурные эффекты, в том числе и в анекдотах, исследователи говорят о взаимодействии значений *слов*. В частности, в энциклопедической статье «Анекдот» в книге Руднев 1997 сказано (со ссылкой на семиотическую работу Налимов 1979): «У слова много значений, одни из них прямые, другие — переносные, косвенные. Чем более значение удаляется от прямого, тем менее оно вероятно, неожиданно. <...> Как в любом сюжете, в анекдоте используется то, что одно значение слова можно принять за другое». Эту идею разъясняет В. З. Санников (1999: 491) на примере диалога из пьесы И. Бабеля «Закат»:

- (3) [Разговор жениха и невесты]:
Двойра. И потом я хочу, чтобы вы меня немножко любили, Боярский.

Боярский. *А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей богу!*

В. З. Санников считает, что «обыгрываются два разных значения глагола *любить*, соответствующие двум сторонам любви — духовной и физической» (там же), которые теоретически оба возможны в данном прагматическом контексте.

Более того, например, Анна А. Зализняк (2006а: 26) пишет, со ссылкой на Ю. Д. Апресяна (1974: 180—187), что сама «возможность возникновения *неоднозначности* (прежде всего, каламбура) является наиболее очевидным свидетельством *многозначности* данной языковой единицы. Другими словами, если употребление некоторого слова в некотором контексте создает эффект каламбура, сталкивающий два различных понимания, это означает, что эти два понимания соответствуют двум разным значениям этого слова. Возможность столкновения, противопоставления некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте».

Между тем, по нашим наблюдениям, в подавляющем большинстве случаев при каламбурном совмещении речь должна идти не о словах, а о конструкциях — в смысле Ч. Филлмора. В частности, в примере из Бабеля в языковой игре участвует конструкция *немножко любить*, которая возможна только в применении к духовной, но не физической любви. Рассмотрим следующий пример:

- (4) (Персонажи детской передачи «Спокойной ночи, малыши»)
— *Степашка, где же Хрюша?*
— *Хрюша не придет, у него свинка.* [Шмелева, Шмелев 2002]

На первый взгляд, здесь происходит совмещение двух значений слова *свинка*: ‘домашнее животное женского пола’ и ‘детская болезнь’. В действительности же, совмещаются две близкие, но не тождественные разновидности посессивной конструкции с предлогом *у*: конструкция «болезни» (*у Х-а тиф, корь, грипп...*) и конструкция «актуальной занятости» вида *у меня гости* (ср. *Не беспокойте Ивана Ивановича — у него посетитель*). О том, что семантика их различается, свидетельствует, в частности, разная «ре-

акция» этих конструкций на возможность лексического выражения актуального момента времени — так, возможно: *у меня сейчас посетитель / гости* и неестественно ^{??}*у меня сейчас тиф / грипп*.

Семантическое противопоставление близких конструкций, игра на нем, конечно, не исключает того, что одновременно значения «ключевого» слова могут тоже противопоставляться и совмещаться — ясно, что в примере (4) происходит и то, и другое, и это самая распространенная для каламбурного анекдота ситуация. Но — не обязательная. Так, в примере (5) значение ключевого слова не меняется вовсе — вся игра строится на значениях близких конструкций:

- (5) *Обморок хозяина. Кричат: «Воды! Воды!».* Хозяин открывает глаза и говорит: *«Кому воды, а мне водки»*. [Шмелева, Шмелев 2002]

В этом анекдоте используется партитивная конструкция, и создается иллюзия совмещения двух ситуаций: обморока и выбора напитков ⁴ (обратим, однако, внимание, что языковая конструкция типа «Воды! Воды!» естественна только в ситуации адресной помощи лицу (ср. также: *Сердечных капель!* и др.) — в ситуации выбора напитков она выглядит более странно: ^{??}*Официант, воды!* — вместо: *Официант, две бутылки / стакан воды*). Так или иначе, значение «ключевого слова» в обеих интерпретациях остается неизменным — значит, дело, действительно, в конструкциях, а не в словах.

§ 3. Как совмещаются конструкции?

Когда говорят о совмещении значений одного слова, механизм такого совмещения понятен, он основан на том, что внешняя форма у этого многозначного слова одна. С конструкциями сложнее: поскольку обычно они состоят из нескольких компонентов и, как правило, из нескольких слов, добиться полного поверхностного совпадения двух конструкций практически невозможно. Поэтому так часто каламбурный анекдот строится на редуцированных конструкциях, ср. (6):

⁴ Подробнее см. Шмелева, Шмелев 2002: 13.

- (6) — *Василий Иванович, белые в лесу!*
— *Не до грибов, Петька, не до грибов.* [Шмелева, Шмелев 2002]

Внешне здесь как будто бы достигнуто полное совмещение — за счет того, что не выражен предикат, опущено имя и субстантивировано прилагательное — в полном виде схема совмещения выглядела бы так:

Совмещено: *белые* [войска] (*расположились* в лесу) & *белые* [грибы] (*обнаружились* в лесу).

Рассмотрим, однако, данную конструкцию подробнее. Для ее понимания крайне существенно, что фразовое ударение находится на ее первом элементе, т. е. на слове *белые*⁵. При такой просодической структуре (6) может пониматься только как комплексная рема, т. е. как сообщение о том, «что случилось»: произошло (неожиданное) появление субъекта X в месте Y. Но это гораздо лучше согласуется с первой интерпретацией (*белые* как войска): войскам свойственна агентивность, и именно их появление может быть внезапным; грибы же, в отличие от войск, не склонны к стремительным передвижениям. Если говорящий хочет сообщить нечто, напоминающее по смыслу (6), о грибах, то он сделает коммуникативный акцент на их наличии в месте X (например, по сравнению с другими местами или другими моментами времени); а такой смысл требует совсем другой конструкции: с обязательной тематизацией локативной группы и ее выносом в начало и с употреблением ненулевого локативного предиката: *в лесу* (*сейчас*) *есть белые*. Проблема противопоставления конструкций с нулевой и ненулевой связкой достаточно много изучалась в русистике: подробнее о порядке слов в локативных конструкциях и о правилах выбора локативного предиката см., например, Арутюнова, Ширяев 1983, а также Янко 2001 и цитируемую там литературу.

Как видим, полное совмещение на самом деле не достигнуто даже и в случае с редукцией: одна конструкция (с комплексной

⁵ Иная просодическая структура соответствовала бы пониманию ‘белые войска, за передвижениями которых мы долго следили, теперь расположились в лесу’, что в (6), конечно, не может иметься в виду даже для войск, а уж тем более для грибов.

ремой) оказывается правильной, а вторая (с локативной темой) — все-таки нет.

То же верно и для примера (5), разобранного выше: мы уже говорили о том, что представленная в тексте партитивная восклицательная конструкция (с опущенным предикатом) является «правильной» только в ситуации адресной помощи, но не, например, выбора напитков. Среди прочего, такая однозначность обеспечивается особой интонацией, которая такой конструкции свойственна.

С другой стороны, фонетика в каламбуре может использоваться и для сближения конструкций, ср. (7):

- (7) — *Это правда, что пианистом нужно родиться?*
 — *Правда. Не родившись, невозможно играть на рояле*
 [Шмелева, Шмелев 2002].

Действительно, в этом анекдоте сделана попытка совместить две морфологически, синтаксически и семантически разные конструкции: *Х-ом нужно родиться* — *Х-у нужно родиться*, которые, однако, фонетически достаточно близки за счет редукции именного окончания: *-ом* или *-ам*. Фонетическая редукция делает эти конструкции на слух почти тождественными — так что можно было бы считать, что слушающий ошибся просто потому, что не разобрал окончание и считал, что ему задали глупый вопрос, на который есть само собой разумеющийся ответ. Но дело обстоит сложнее: при более внимательном анализе оказывается, что этот «глупый» вопрос все-таки должен был бы быть задан иначе, в частности, в контексте одушевленного субъекта в дательном падеже предикат *нужно* понимается как выражающий намерение (ср. более уместное в таком случае *пианистам нужно было бы сначала родиться*).

Таким образом, при совмещении конструкций для достижения каламбурного эффекта полного совмещения почти никогда не достигается: обычно с языковой точки зрения безупречной является только одна конструкция, а другая должна так или иначе «подстроиться под нее» — при этом, как правило, нарушаются важные исходные условия, обеспечивающие согласованное функционирование ее элементов. С точки зрения теоретической, этот эффект вполне объясним: полисемия — это словарное свойство слова, она возможна только вне контекста; в дискурсе полисемия

легко разрешается (вспомним знаменитые примеры типа: *кондитер жарит хворост на газовой плите*). Конструкции и есть часть дискурса, они сами вводят контекст — значит, в абсолютно подавляющем большинстве они однозначны.

Особый случай представляет собой цикл анекдотов про Штирлица, упоминавшийся выше: как правило, в них имитируется совершенно определенный, нестандартный вид дискурса. Он не содержит свойственный обычному анекдоту естественный диалог, в котором говорящий и слушающий плохо понимают друг друга, а представляет собой монолог «за кадром» (по образцу комментариев Копеляна к происходящему в фильме), автор которого говорит на другом, чем обычно, несколько искусственном русском языке — короткими простыми предложениями с почти фиксированным порядком слов, совершенно не характерном для разговорной речи, и т. п. Именно на пародировании свойств этого особого дискурса, как хорошо показано в Архипова 2003, и строится их комический эффект — тоже несколько другой, чем в обычном анекдоте. В частности, ввиду того, что анекдоты про Штирлица ориентированы на искусственный текст, они широко эксплуатируют «искусственные» каламбуры, в которых вторая конструкция опирается на несуществующие слова (скажем, такое имя лица, как румынский разведчик *Спозаранку* или агент неизвестной национальности *Ногу За Ногу*) или на часть устойчивого неразложимого оборота (ср. *кислая мина*). За счет небольшого набора подобных приемов — намеренно тривиальных и поэтому далеко не всегда смешных — во многих случаях достигается абсолютная точность каламбура, практически невозможная в обычном языке, ср.:

(8) *Штирлиц заложил ногу за ногу. На следующее утро Ногу За Ногу взяли.*

(9) *Штирлиц сидел с кислой миной. Мина взорвалась.*

Поскольку наш анализ каламбуров ориентирован на выявление свойств реальных, а не искусственных конструкций, большая часть анекдотов о Штирлице для нас не представляет интереса.

Показательно, что к лингвистически «неинтересным» с точки зрения нашей задачи в первую очередь относятся как раз те, где совмещение (и совпадение) конструкций абсолютно точно — это верно для всех каламбуров, но за пределами класса анекдотов про

Штирлица таких, как мы говорили, значительно меньше. Само по себе данное обстоятельство заслуживает внимания: ведь в каких-то случаях можно специально «исправлять» каламбур и добиваться «оптимизации» условий употребления второй конструкции — но сам жанр каламбура к такому формальному совершенству, как ни странно, не стремится. Дело в том, что с точки зрения правил языковой игры, несовершенство каламбура (т. е. не полное совпадение реально встречающихся в языке форм) не только допускается, но и, так сказать, «включено» в эти правила. Недаром буквально все исследователи (в первую очередь В. З. Санников и Е. Я. и А. Д. Шмелевы, но и другие) отмечают, что естественным атрибутом каламбурной ситуации являются «не вполне обычные говорящие — иностранцы, дети, русские, плохо владеющие литературным языком» — как Василий Иванович с Петькой или новые русские и т. п. Именно плохое владение языком, которое приводит к взаимному непониманию участников диалога, т. е. к нарушению условий коммуникативного акта, вызывает комический эффект.

Следовательно, обычное представление о том, что «каламбур — это прием, в котором говорящий ⟨...⟩ намеренно порождает неоднозначное высказывание» (Падучева 1982: 85), вообще говоря, не вполне верно, хотя верно другое (тоже общепринятое): «назначение такого высказывания ⟨...⟩ в том, чтобы обратить внимание слушающего на игру смыслов друг с другом» (там же). С этой точки зрения, «исправлять» неточный каламбур нет никакого смысла: наоборот, будет не смешно.

В подтверждение сказанного, приведем яркий пример каламбура, в котором *обе* совмещаемые конструкции неправильно построены.

(10) *Штирлиц склонился над картой. Его неудержимо рвало на Родину.* [Шмелева, Шмелев 2002]

Совмещается: *его неудержимо рвало [на Родину] & *его рвало на карту

Для первого сочетания правильным было бы *неудержимо тянуло*. В принципе, *тянуло* содержит корень, который выступает как квазисиноним к *рвать*, но только в форме возвратного глагола, ср. близкое по смыслу *он рвался к знаниям* — *он тянулся к знаниям* (в то же время: *он рвался / ?тянулся в бой*). Между тем,

если конструкция с возвратным *тянуться* (*он тянулся*) семантически близка к безличной (*его тянуло*), то для *рвать* соответствующие конструкции строго разведены. Таким образом, глагол *рвать* мог бы сочетаться с наречием *неудержимо* только в форме *рваться*: *он неудержимо рвался на родину*. Вторая конструкция имеет в виду физиологический глагол *рвать*, который, вообще говоря, предпочитает локативное обстоятельство при употреблении в форме СВ (*вырвало на что-л.*), причем сочетание с наречием *неудержимо* для этого глагола тоже неприемлемо. Нормально лишь: *не удержался, и его вырвало*.

Этот анекдот взят из серии про Штирлица, где, как мы уже говорили, искусственно порождается и эксплуатируется языковая неправильность. Но каламбуров, в которых смещено употребление обеих конструкций, не так уж мало — другое дело, что правильность может быть в них не так заметна, ср. (11):

- (11) — 01? *Приезжайте скорее, у меня пожар.*
— *А как до вас доехать?*
— *Конечно, на большой красной машине.* [Шмелева, Шмелев 2002]

Здесь совмещены вопрос о маршруте (ср. в качестве возможного ответа: *По Минскому шоссе до поворота на Рузу*) и о транспортном средстве (ср.: *Как до вас лучше / быстрее доехать? — Лучше на метро*). Важно, что в последнем случае транспорт, в отличие от примера (11), имеется в виду только общественный; с другой стороны, и как вопрос об адресе в данном контексте эта конструкция тоже мало уместна: в такой форме вопрос обычно задает человек, который, скорее всего, не очень торопится.

§ 4. Каламбурные анекдоты как лингвистические задачи

И все-таки, более «классическим» является каламбурный анекдот, содержащий одну совершенно правильную конструкцию и совмещаемую с ней неправильно построенную, порожденную «неправильным» говорящим, по каким-то причинам плохо знающим русский язык. В таком случае анекдот можно рассматривать как своего рода лингвистическую задачу: в тексте анекдота скрыта языковая ошибка, ее требуется обнаружить, т. е. выяснить, что

с чем говорящий перепутал, или, другими словами, какая близкая по форме конструкция была бы в данном случае уместна. Кроме того, нужно объяснить, какие правила русского языка нарушает «неграмотная» конструкция. При этом правила могут нарушаться как самые простые, хорошо известные — и тогда текст анекдота становится прекрасной иллюстрацией для грамматики, своеобразным наглядным учебным пособием, но могут быть и совершенно нетривиальными — значит, анализ анекдота выявляет новые языковые факты и ставит задачу их интерпретации. И в том, и в другом случае лингвистическая ценность такого материала бесспорна.

В этом разделе мы рассмотрим несколько задач подобного рода.

Задача № 1

- ◆ — *Знаете, что вас ожидает за дачу ложных показаний?*
— *Да. Мне обещали «Жигули».*

В современном русском языке предпочтительная конструкция — конструкция «возмездия»: *за X тебя ожидает Y*, где X — проступок, а Y — вид наказания⁶. Ср. похожие ограничения на Y: *за это тебе грозит Y*, но здесь в самом *грозит* выражена отрицательная оценка, и такое ограничение для него, в отличие от нейтрального *ожидать*, предсказуемо. Нарушение правильности в том, что слушающий расширяет употребление данной конструкции и на случай вознаграждения, но такое расширение неоправданно, ср.: *??за победу на Олимпиаде спортсменов ожидает премия* (правильно было бы: *спортсменам положена / обещана пре-*

⁶ В языке XVIII в., по-видимому, было иначе: этой структуре могла соответствовать и конструкция «вознаграждения». В более поздних текстах она исчезает — об этом свидетельствуют данные НКРЯ, ср. устар.

- *Большая часть из собрания известны уже были, в котором числе и Алим, какого награждения за то ожидает от них Кидал, то есть увенчания любви его получением Плакеты в супружество.* [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766—1768)]
- *За чем бедность других подкреплять, и самому чрез то делаться бедным, когда еще не известно, должно ли мне за то какой ожидать награды?* [архиепископ Платон (Левшин). Предисловие на учение катихизическое (1757)]

мия — кстати, обратим внимание, что специализированного глагола «ожидания награды» в русском языке, кажется, нет). В принципе, такого ограничения на *Y* могло бы и не быть — ср. близкую по смыслу и по форме конструкцию, безразличную к способу заполнения *Y*: *за это тебе будет выволочка / поощрение*.

Дополнительным «стимулом» для ошибки является не только обещанная машина, но и то, что в русском есть стандартный оборот *вас ожидает машина* — с совершенно другим значением ⁷.

Задача № 2

◆ В тюремной камере:

— *Ты из-за чего сюда попал?*

— *Из-за насморка.*

— *Как это?*

— *Очень просто. Я чихнул, а сторож проснулся.*

Совмещены две конструкции, обе причинные. Первый говорящий хочет спросить о причине наказания (в виде тюремного заключения) — и мы ожидаем услышать ответ именно такого рода, несмотря на то, что он сделал ошибку: в русском языке вопрос о причине наказания задается не с помощью обычного *почему* или *из-за чего*, а с помощью специальной предложной конструкции *за что* ⁸, о русских причинных конструкциях см. Иорданская, Мельчук 1996, НОСС 2004: 430—437. Слушающий же отвечает буквально на вопрос о причине возникшей ситуации.

Задача № 3

◆ — *Мужики, вы откуда будете?*

— *Мы-то? Да мы хоть из горла будем!*

⁷ В частности, этот оборот используется диспетчерами таксопарков в переговорах с клиентами в значении ‘за вами прибыло такси’.

⁸ Обратим внимание на лексическую выделенность наказания за проступок: она явно перекликается с лексическим ограничением, которое мы обсуждали в связи с предыдущей задачей — очень интересно, насколько такое противопоставление распространено и релевантно типологически.

Здесь перепутаны два типа вопросов об исходной точке: со специальным вопросительным словом *откуда* и с предложным сочетанием *из чего*. При обычных глаголах движения используется вопрос с *откуда*: *откуда пришел / прыгнул / вылез* и под. Это верно и для «простых» каузативов от них, когда каузатор перемещается вместе с объектом, ср.: *откуда везешь / несешь*. В тот же класс попадают и вопросы «о происхождении»: *откуда взялся, откуда родом* — ср. правильное *откуда дровишки?* Заданный вопрос должен интерпретироваться по этому правилу — с учетом редукции: *откуда будете?* = *откуда будете родом?*

В то же время при тех каузативных глаголах движения, где перемещается только объект движения, а каузатор остается неподвижен, возникает две исходные точки: место нахождения каузатора в момент начала движения объекта и место исходного нахождения движущегося объекта, ср. *ловить рыбу с берега / из пруда; доставать чемодан с табуретки* (= ‘находясь на табуретке’) / *с антресолей* и под. Выбор вопросительной конструкции не так уж тривиален, ср.: *Откуда будешь ловить рыбу? — с берега / *из пруда VS. Откуда будешь доставать чемодан? — *с табуретки / с антресолей*, и эта проблема пока не имеет четкого решения в русистике (отдельные замечания по этому поводу содержатся в нашей работе Рахилина 1990).

Впрочем, достаточно часто местоположение каузатора оказывается не важно для ситуации в целом — это верно и для глагола *пить*, который слушающий по ошибке восстанавливает вместо опущенного наречия *родом*. В таких случаях в принципе должна выбираться предложная конструкция, ср. *из чего пил* или *ел*, но точный список подобных предикатов пока неизвестен. Обратим внимание и на то, что проблема выбора между предложной и специальной вопросительными конструкциями касается и других вопросительных слов, ср. *где VS. под чем / на чём / в чём; куда VS. на что / во что* и под.

Задача № 4

- ◆ Таможенник поднимается на корабль для досмотра.
— *Наркотики есть?*
Хозяин корабля отвечает:

— *Есть. Вот, пожалуйста (достает чемодан). Вот героин, вот кокаин. Все аккуратно упаковано, вот шприц готовый.*

Таможенник, вытаращив глаза:

— *А может, и оружие есть?*

Хозяин (достает другой чемодан):

— *Вот макаров, вот калашник, вот патроны к ним. Все как надо.*

Таможенник с усмешкой:

— *Наверное, и валюта есть?*

Хозяин достает третий чемодан:

— *Вот миллион долларов, пожалуйста.*

Таможенник, ничего не понимая:

— *И это все ваше?*

Хозяин:

— *Нет, это ваше. Мое в трюме.*

В этом анекдоте происходит игра на актуальной и потенциальной посессивности: правильным ответом капитана таможеннику была бы конструкция с дательным падежом, выражающая в русском языке потенциальную посессивность (*это вам*), а не конструкция с посессивным местоимением *ваше* — просто капитан хотел, чтобы к моменту произнесения его фразы сделка уже состоялась и посессивное отношение превратилось из потенциального в актуальное⁹.

Задача № 5

♦ Партийный дирижер, назначенный для укрепления оркестра:

— *А вы, товарищ барабаник, плохо работаете. Стукнули два раза — и всё: стучать надо чаще!*

В предложении *Стучать надо чаще* глагол *стучать* выступает как в известном переносном значении 'доносить', так и в значении 'бить в барабан'. Правильным употреблением глагола является, однако, только первое: по-русски говорят не **стучать в барабан*, а *бить*, и грамматически правильной интерпретацией

⁹ Подробнее о случаях противопоставлении актуальной и потенциальной посессивности в русском языке см. Часть II, Гл. 4, 5.2 (*Замечание*), а также статью Рахилина 2001.

конструкции — только та, согласно которой дирижер советует чаще доносить.

Действительный лингвистический интерес, между тем, здесь представляет другой запрет, не содержащийся в материале задачи в явном виде — а именно, запрет на совмещение *стучать* ‘доносить’ и обычного (уже немзыкального) значения *стучать* — как в случае *стучать в дверь*, который неожиданно проявляется в контексте наречия *чаще*. Казалось бы, мультипликативный глагол *стучать* ‘ударять’ должен легко сочетаться с таким наречием, по крайней мере, его поведение не должно отличаться от *стучать* в значении ‘доносить’. Тем не менее, *стучать надо чаще* выглядит нелепо не только по отношению к барабанщику, но и по отношению к гостю, который не может дозваться хозяев — но не по отношению к доносчику.

Оказывается, что в адвербиальной конструкции с *часто*, по крайней мере для некоторых мультипликативных предикатов, измеряется встречаемость не единичных актов в единицу времени, а серии событий в целом, ср. *часто прыгает*, *часто жует*, *часто чихает* и др. — в эту группу глаголов попадает и *стучать*. При этом частотность серий выглядит для этого глагола естественной только в значении ‘доносить’ (в этом случае серия как раз образует единое событие), но не для стука в дверь.

Существенно, что так себя ведут не все мультипликативы, ср. *часто моргает*, *перебирает ногами*, *сопит*, *машет* и др., для которых *часто* может пересчитывать и единичные акты: ни один из этих глаголов не мог бы стать основой для подобного анекдота. Вопрос о классификации мультипликативов, учитывающей данное свойство, по-видимому, открыт.

Задача № 6

- ◆ *Новый русский покупает замок. Продавец говорит:*
 - *Это очень старинный замок, первая половина 16 века.*
 - *Слушай, мужик, — говорит новый русский, — а где же вторая половина?*

Совмещено: *половина века и половина замка.*

Атрибутивная конструкция с числительным *первая* при *половина* возможна только для периодов времени: *первая половина го-*

да / дня / часа ..., потому что время с точки зрения языковой картины мира движется, и его периоды как бы следуют друг за другом (ср. здесь: *первый вагон, второй вагон — о поезде*).

Что касается статичных артефактов (как замок), их половины противопоставляются иначе — говорят: *одна и другая*. Интересно, что вместо *другая* возможно и *вторая* (ср.: *одна половина стола заставлена, вторая — пустая*), но вместо *одна* никогда не скажут: *первая*.

Задача № 7

♦ *Грузин пишет письмо домой:*

— *Папа, учусь в институте. Все ездят на занятия на автобусе, а я в такси.*

Отец пишет ответ сыну:

— *Сынок, зачем выделяться. Купи автобус и ездь, как все.*

Совмещено: ‘на общественном транспорте’ (имеется в виду говорящим) и ‘на индивидуальном транспорте’ (так понял слушающий).

Между тем в распределительном контексте (с множественным субъектом) эти значения выражаются в русском языке по-разному: в случае индивидуального транспорта для транспортного средства обязательно множественное число, ср.: *на велосипедах, в каретах, на лодках* — каждый на своей; ср. также *поехали кататься на лошадях / *на лошади*.

Если транспорт общественный, число должно быть единственным: *на автобусе, на трамвае, на электричке, на поезде* — как для родового значения ‘вид транспорта’, так и для референтного значения ‘все на одном автобусе’. Ср. также контекст *мы добираемся до дачи на трех автобусах*, где нельзя опустить числительное: странно звучит ^{??}*мы добираемся до дачи на автобусах* (такая фраза приемлема только в ситуации, когда народу так много, что нужно несколько машин)¹⁰.

¹⁰ Отметим здесь интересные наблюдения об именных группах со значением ‘транспортное средство’ в русском языке — правда, без учета грамматического числа — в Апресян 2009: 158—159.

Задача № 8

- ♦ *Встречаются два одноклассника: новый русский и инженер, расспрашивают друг друга о жизни. Новый русский рассказывает про дачу на Канарах, дом в Париже...*

А инженер говорит:

— Я уже полгода зарплату не получаю. Вот уже три дня ничего не ел.

— Ну нельзя так, — сочувствует новый русский. — Надо себя заставлять.

Совмещено: констатация совершившегося факта, над которым у говорящего нет контроля (*не ел*) — этот смысл обычно выражается в русском языке прошедшим временем несовершенного вида — и продолжающееся в момент речи подконтрольное говорящему состояние (*не курю; пью горькую вторую неделю; худею, ничего не ем* и проч.) — этот смысл обычно выражается настоящим временем.

Понятно, что говорящий-инженер имел в виду первую интерпретацию — поэтому он и употребил прошедшее время. Однако его двоюродник-одноклассник, превратившийся в нового русского, «перепутал» соответствующую конструкцию с другой, а значит, приписал ей другую семантику.

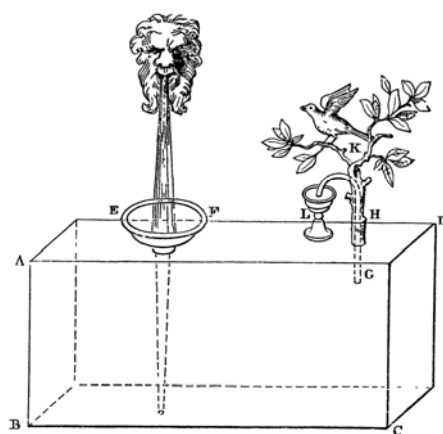
Обратим внимание, что в данном примере речь вообще не идет ни о каких лексемах — а только о видо-временных формах, на смешении которых и строится весь каламбурный эффект. В то же время, если бы мы захотели для этого случая сформулировать сколько-нибудь точно лингвистическое правило, понадобилось бы учесть класс глагола, а может быть и уточнить роль семантики частиц *вот уже*, ср., например, невозможность в данном случае **Вот уже три дня не надеюсь / *не надеялся*.

§ 5. Заключение

Все сказанное свидетельствует о том, что перед нами конструкции в смысле Ч. Филлмора, т. е. цельные языковые блоки, в которых лексическое наполнение, семантика, морфология, синтаксис отдельных составляющих, и даже в некоторых случаях,

как было показано на примерах в начале главы, и фонетика «спаяны», будучи жестко мотивированы общим значением целого. «Вклад» каждой из них лингвистически значим, он может быть оценен и, как мы видели, превращен в лингвистическое правило. Поэтому изменения в таком цельном блоке не могут касаться его конституирующих частей (ср. в последнем примере — времени глагола): как только это происходит, общее значение конструкции тут же меняется. И наоборот, для того, чтобы получить другую интерпретацию для той или иной конструкции, например, с целью достичь каламбурного эффекта, практически всегда нужно изменить в ней хотя бы одну составляющую. По нашему мнению, все разобранные в данной главе каламбурные примеры об этом свидетельствуют как нельзя лучше, подтверждая, тем самым, главную идею теории СхG.

Часть II

**Грамматика конструкций
и модели языка**

Глава 1

РУССКИЕ ДЕПИКТИВЫ *

§ 1. Введение

С точки зрения композиции книги, эта глава имеет промежуточный статус: ее можно было бы поместить и в первую, и во вторую часть. Как и главы первой части, она имеет существенную дескриптивную составляющую: в ней представлен сравнительный анализ двух русских конструкций в рамках СхG. В то же время здесь этот анализ строится не независимо, а, так сказать, «в противовес» предложенным ранее сторонниками формально-синтаксического и формально-семантического подходов. Поэтому в данном случае мы хотели бы не только дать альтернативное, более полное и непротиворечивое описание, но и наглядно продемонстрировать преимущества СхG как теории, способной, благодаря своему особому взгляду на языковые единицы, такое описание строить.

Речь пойдет о русской *депиктивной конструкции* (DepC) с прилагательным в творительном падеже — мы рассмотрим ее, как это обычно делается в литературе по русистике, на фоне ближайшего квазисинонима, а именно, *атрибутивной конструкции с согласованным определением* (AgrC): принято считать, что они очень близки семантически, но существенно различаются в том, что касается ограничений на наполнение, — собственно, это и составляет в данном случае суть обсуждаемой лингвистической загадки. Начнем с «классических» примеров, иллюстрирующих наши конструкции, по возможности расширяя материал за счет данных НКРЯ. Первые пять примеров демонстрируют DepC:

- (1) *Я же предпочитаю **есть** фрукты_{ACC.PL} **свежими**_{INS.PL}, прямо с дерева, *разумеется* выплевывая косточки.* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)]

* Первоначальный вариант этой главы был опубликован как Kuznetsova, Rakhilina 2010.

- (2) Эдуард_{NOM.SG} **рос застенчивым**_{INS.SG} и **нервным**_{INS.SG}. [Владимир Абаринов. Хайль Виндзор! (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.04]
- (3) Он_i_{NOM.SG} **встретил** его_j_{ACC.SG} **пьяным**_{i,j}_{INS.SG}.
- (4) Старшая дочь, когда подросла, уговорила мать устроить ей встречу с отцом. Михаил **встретил ее** **пьяным**_{INS.SG}, *говаривал ерунду. Больше у дочери желания видеть папу не возникало.* [Еженедельная газета «Мещерская сторона» www.mesherka62.ru/rubrics/detail/section139/id920/]
- (5) *Переехал к ней по весне, и вот уже* **встречаю** его **пьяным**_{INS.SG}, *а ее с фингалом.* [А пес ее знает... // Вечерний Северодвинск 17 мая 2005 г.]

Из примеров видно, что эта конструкция включает в себя подлежащее в именительном падеже, глагол, переходный, как в (1), или непереходный, как в (2), и прилагательное в творительном падеже. При переходных глаголах помимо подлежащего есть еще и прямое дополнение в винительном, и такие контексты создают дополнительную коллизию: поскольку падеж прилагательного (творительный) не совпадает ни с одним из падежей существительных (именительный и винительный), то в подходящем семантическом контексте у прилагательного есть возможность интерпретироваться как несогласованное определение и к тому, и к другому, как в примере (3), ср. примеры (4) и (5), в первом из которых прилагательное в творительном падеже интерпретируется как определение к субъекту, а во втором — как определение к объекту.

АgrC тоже состоит из подлежащего в именительном падеже, переходного с прямым дополнением (6) или непереходного (7) глагола и прилагательного — но здесь прилагательное согласуется по падежу, принимая, соответственно, номинатив (7) или аккузатив (6), а значит, семантически соотносится либо с субъектом, либо с объектом, ср. пару (8—9):

- (6) <...> они **ели** оленину_{ACC.SG}, **свежую**_{ACC.SG} или **вяленую**_{ACC.SG}, *одевались с ног до головы в оленьи шкуры, спали на полу, застланном такими же шкурами, обеспечивавшими тепло и сухость, и даже чумы свои строили из оленьих шкур.* [Александр Гордницкий. «И жить еще надежде» (2001)].

(7) Ребенок_{NOM.SG} **рос нервный**_{NOM.SG}, просыпался от каждого шороха, не говоря уж... [Аркадий Инин. Секс как таковой (1989)]

(8) Он_i **встретил** его_j **пьяный**_{i,*j NOM.SG}

(9) Он_i **встретил** его_j **пьяного**_{*i,j ACC.SG}

В общем виде структуру этих конструкций можно представить в виде следующих таблиц, прекрасно отражающих их внешнее сходство (см. Схема 1), а пары (1)—(6), (2)—(7) и (3)—(8/9) свидетельствуют о возможности их тождественного лексического наполнения и общей семантической близости: с ходу определить разницу в значении между этими предложениями не так-то просто. Тем более интересны случаи, когда DepC и AgrC оказываются невзаимозаменяемы. Обычно их исследование ведется с одной из двух позиций: синтаксической или семантической. Наш собственный анализ мы начнем с того, что рассмотрим вкратце каждую из этих точек зрения.

DepC:

X _{nom}	V	(Y _{acc})	A _{ins}
Он	ел	овощи	сырыми

AgrC:

X _{nom}	V	(Y _{acc})	A _{nom/acc}
Он	ел	овощи	сырые

Схема 1. Структура конструкций

1.1. Опыт формально-синтаксического подхода

Формально-синтаксический подход представляет недавняя статья Bailyn 2001. Дж. Бейлин считает (с. 2), что выбор между согласуемой и несогласуемой формой падежа прилагательного обеспечивается исключительно синтаксическими факторами, подразумевая, что семантически эти конструкции тождественны и что разница в значении возникает между ними только в тех случаях, когда обе формы синтаксически возможны.

С точки зрения подхода SxG такая «расщепленная» природа правил для этой зоны представляется мало естественной. Описание выглядело бы более цельным, если бы предлагало единую систему закономерностей независимо от того, есть ли у говорящего выбор между двумя конструкциями или такого выбора у него нет. Причем раз даже в синтаксической концепции Бейлина

есть зона, для которой релевантны семантические противопоставления, следовательно, такого рода единые правила, конечно, будут иметь семантическую, а не чисто синтаксическую (как он полагает) основу — к доказательству этого мы приступим в § 2.

Впрочем, данное возражение имеет довольно общую, философскую природу — а есть и другие, более практические. Например, следующее. В рамках синтаксической модели, которую защищает Дж. Бейлин, DerC и AgrC являются результатом синтаксической деривации: использование в них прилагательных есть продукт вторичной предикации, надстроенной над первичной и представленной глаголом. Это значит, что каждое предложение должно иметь исходную структуру с одной главной предикацией, как (11) для (10):

(10) *Иван Иванович **пришел трезвым***_{INS.SG} *⟨постоял там у дверей и, слегка смущаясь, решительно отказался вступать в КПСС⟩* [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

(11) *Иван Иванович **пришел**.*

Ср. здесь пример (12), у которого нет пары, подобной (11), так как (13) грамматически неправильно:

(12) ...*Фельдшер **казался равнодушным***_{INS.SG} [Василь Быков. Болото (2001)]

(13) **Фельдшер казался.*

Следовательно, (12), в отличие от (10), результатом синтаксической деривации считаться не может, а значит, при таком подходе нет возможности объединить эти случаи. Таким образом, синтаксистам приходится исключать из рассмотрения предложения типа (12). Между тем, как мы покажем в этой работе, сравнение (10) и (12) обнаруживает в них множество общих свойств, как семантических, так и сочетаемостных, и существенно продвигает анализ материала: получается, что гораздо выгоднее признать эти случаи представляющими одну, а не разные конструкции.

1.2. Опыт семантического подхода

Если рассматривать семантический подход к описанию депиктивов в целом, то он апеллирует к семантике прилагательных, опираясь на идею, предложенную еще в 60-е годы В. И. Борков-

ским и П. С. Кузнецовым, о том, что DepC предполагает «возникший и проявляющийся в течение определенного отрезка времени», а не постоянный признак — см. Борковский, Кузнецов 1965/2006: 335, а также Nichols 1981, Strigin, Demjjanow 2001, Timberlake 2004 и др. В формальной семантике этому противопоставлению соответствуют термины *stage-level predicates*, в противовес *individual-level predicates*, введенные Г. Н. Карлсоном (Carlson 1977/1980); в русской терминологии — стадиальные и индивидуальные предикаты (или: предикаты стадиального и индивидуального уровня)¹. Имеется в виду, что предложения типа *он увидел его чистым* более естественны (временный, эпизодический — или стадиальный признак), чем **он увидел его деревянным* (постоянный, устойчивый — или индивидуальный признак). В целом это наблюдение верно, хотя, как видно уже из парных примеров (1—7), такое описание довольно огрублено и бесспорно требует уточнений; кроме того, небезынтересен вопрос о причинах данного ограничения.

Некоторые уточнения этого общего правила предлагаются в Hinterhoelzl 2001: бинарное противопоставление *stage-level / individual-level* заменяется в этой работе на трехчленное по степени ограниченности признака (*boundedness*). Согласно Hinterhoelzl 2001: 103, свойство Р признается ограниченным в том случае, если и до, и после него имеет место не-Р. В русском языке ограниченность диагностируется контекстами с *еще не* и *уже не*, и в результате автор получает следующие 3 класса прилагательных:

- а. прилагательные, способные употребляться в обоих контекстах, как *больной, пьяный, сердитый* — они обозначают **ограниченный** признак: *еще не / уже не больной, пьяный, сердитый*;
- б. прилагательные, способные употребляться только в одном контексте, как *спелый, молодой*, — **частично ограниченные** признаки: *еще не спелый, *молодой / уже не молодой, *спелый*;

¹ Заметим, что традиционное противопоставление качественных и относительных прилагательных, основанное на морфологических критериях (считается, что первые, в отличие от вторых, образуют степени сравнения и имеют краткую форму), семантически достаточно близко к обсуждаемому. Действительно, прототипические качественные прилагательные, такие как *чистый*, обозначают временный градуируемый признак, а относительные, как *деревянный*, — постоянный и неградуируемый.

- с. прилагательные, не способные употребляться ни в одном из контекстов, как *умный*, *глупый* — **неограниченные** признаки: **еще не* / **уже не умный, глупый*.

Автор считает, что принадлежность прилагательного к тому или иному классу коррелирует с его способностью употребляться в наших конструкциях: ограниченные возможны и в DerC, и в AgrC, частично ограниченные — в DerC, но не в AgrC, а неограниченные — ни в одной из них.

По нашему мнению, классификация, предложенная Р. Хинтерхёлцлем, безусловно заслуживает внимания, даже и вне связи с рассматриваемыми конструкциями. Эта классификация является расширением для русского языка типологии прилагательных А. Крузе (Cruse 1986), исходно ориентированной на английский язык. Однако предложенное Р. Хинтерхёлцлем правило все-таки не дает полностью адекватного результата. Возьмем хотя бы прилагательное *нервный* в примерах (2) и (7): в отличие от *пьяный* — см. (3) и (8/9), оно вряд ли может квалифицироваться как ограниченное, ср. *”еще не* / *”уже не нервный*, а между тем допускает обе конструкции. Точно так же, обе конструкции допускает и *свежий*, — см. (1) и (6) — при его явной семантической принадлежности к классу частично ограниченных: *уже не свежий* вполне допустимо, а **еще не свежий* крайне сомнительно. В то же время уточнения, которых Р. Хинтерхёлцлю удалось добиться своей классификацией, по нашему мнению, могут быть объяснены и более общими эффектами, связанными с семантикой контраста, которая, как мы покажем, заложена в DerC (см. ниже раздел 2.1).

То, что прилагательные во многих случаях ведут себя не так, как ожидается, нарушая общеизвестные семантические ограничения, заметила и Ханна Филип (Filip 2001). В частности, она обратила внимание на то, что индивидуальные прилагательные часто возможны в DerC, причем их интерпретация при этом меняется на стадиальную. Этот эффект она объясняет влиянием творительного, который в обычном случае и в сочетании с обычным для себя предикатом несет значение изменения (там же, с. 209). Надо сказать, что такое объяснение лежит совершенно в духе логики SxG — несмотря на то, что Филип не принадлежит к ее сторон-

никам. Оно проливает свет на связь семантики DepC с другими конструкциями с творительным падежом (если, конечно, согласиться с тем, что общим значением русского творительного является значение изменения²) — или по крайней мере ставит такую задачу. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что простой апелляции к семантике творительного здесь явно недостаточно, поскольку одно и то же прилагательное оказывается приемлемо или неприемлемо в зависимости от лексического наполнения других слотов конструкции, ср. ниже примеры (50) и др. Единственно возможный выход, на наш взгляд, — идти дальше этим путем, используя в своем анализе и другие элементы конструкции — тогда появится возможность отразить в результирующем правиле все нюансы их взаимодействия.

Но такое решение отражает «оптимистический» взгляд на язык, заложенный, в частности, и в природе SxG: различия квазисинонимов, в том числе и квазисинонимических конструкций, мотивированы, а значит, разницу между депиктивами и атрибутивами можно описать. Однако есть и такие исследователи, которые придерживаются «пессимистического взгляда» — по крайней мере относительно различий между DepC и AgrC, причем опираются они на статистику. Так, в работе Krasovitsky et al. 2008 общее правило зависимости выбора между DepC и AgrC от значения временности / постоянства признака было проверено статистически на примере употребления с глаголом-связкой *быть*. По их данным, такая зависимость действительно хорошо прослеживается на текстах XIX века; в текстах же XX века они отмечают общую, причем, как им кажется, чисто синтаксическую тенденцию к перемещению всех прилагательных, которым раньше была свойственна вариативность, в зону DepC, т. е. значительное повышение частотности творительного, ср. рис. 1.

Мы предполагаем оспорить и эту точку зрения: случаи вариативности, как мы увидим, есть не только в примерах XIX, но и в примерах XX века, а за экспансией творительного стоят все-таки семантические, а не синтаксические факторы.

² Другие точки зрения на значение русского творительного см. Jakobson 1936/1985, Панов 1999, Wierzbicka 1980, Janda 1993, Рахилина 2000a/2008, Rakhilina, Tribushinina in press; см. также ниже Заключение.

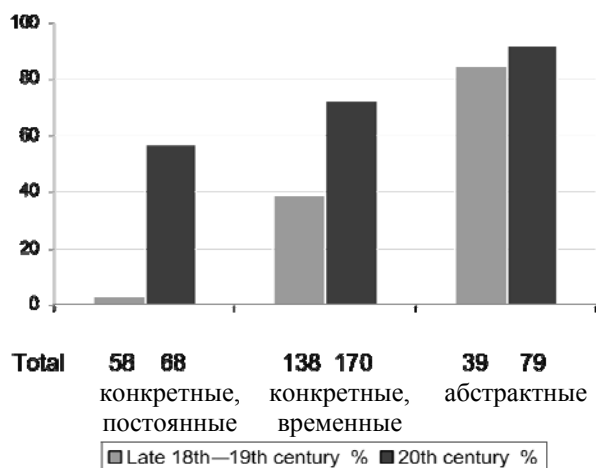

Рис. 1. Рост числа употреблений творительного падежа со связкой в XIX и XX веках (Krasovitsky et al. 2008: 101)³

* * *

Теперь, после краткого обзора имеющихся на сегодняшний день описаний DepC и AgrC, приступим к их анализу в рамках СхG и покажем, что эта теория дает существенные преимущества перед всеми, уже опробованными предшественниками. Задачи наши будут такие:

- а) определить общее значение DepC так, чтобы оно предсказывало ее сочетаемостные свойства (раздел 2.1);
- б) показать значимость глагола для описания этой конструкции (раздел 2.2);
- в) сравнить ограничения, выявленные для DepC, с ограничениями на AgrC (§ 3);
- г) Исследовать взаимодействие глагола и прилагательного в конструкции: показать, что «поодиночке» ни свойства глагола, ни свойства прилагательного не могут объяснить особенностей ее функционирования (§ 4).

³ В XIX в. в творительном падеже стоят 3% от всех имен, выражающих постоянное свойство (58 употреблений), и 39% от всех имен, обозначающих временное свойство (всего 138 употреблений). В XX в. происходит значительный рост употреблений творительного падежа: в данной форме стоят уже 57% от всех имен, выражающих постоянное свойство (всего 68 употреблений), и 72% имен, обозначающих временное свойство (170 употреблений).

§ 2. Депиктивная конструкция с творительным

2.1. Семантика

Поскольку, согласно СхG, именно семантика конструкции полностью определяет ее лингвистическое поведение, мы начнем с того, что сформулируем общую идею, лежащую в основе значения DepC:

‘субъект, как в (2), или объект, как в (1), в момент, описываемый предикатом V, характеризуется некоторым временным значением неустойчивого признака A’.

Обратим внимание, что, хотя мы и используем временный признак, предложенный еще В. И. Борковским и П. С. Кузнецовым (и тем самым, до некоторой степени соглашаемся с ними), наше определение существенно отличается от введенного ими тем, что речь здесь идет не об ингерентном свойстве прилагательного, а о семантике конструкции в целом. Как мы увидим, такое уточнение в корне меняет дело, поскольку значение конструкции может формироваться не только за счет лексической семантики атрибутива, но и за счет семантики других, соседних с ним элементов.

Между тем, временность значения A может возникать по одной из двух причин: либо ввиду контраста с прошлым — т. е. с его обычным, ожидавшимся значением, либо ввиду контраста с последующей ситуацией, в которой значение признака аннулировалось, изменившись на противоположное, ср. пример (14) и две его интерпретации, соответственно, (a) и (b)⁴:

(14) *Ребенок пришел чистым:*

- a) ‘обычно [т. е. раньше] он приходил грязным’ <контраст с ожиданиями>
- b) ‘пришел-то чистым, но говорящий сейчас видит его уже грязным’ <контраст с последующей, уже наступившей, ситуацией>

Если рассматривать с точки зрения этого условия прилагательные разных семантических классов, то, действительно, стадийные прилагательные (как *голый*, *пьяный*, *сердитый*, *больной* и под.)

⁴ Как мы увидим далее, в определенных контекстах возможен и еще один тип контраста — «контраст миров», подробнее см. 2.2.

ему соответствуют, потому что обозначают признак, который легко меняет значение, а исходная семантика прилагательных, которые относят к индивидуальным, такова, что плохо удовлетворяет такому значению конструкции, потому что они, как правило, описывают постоянный признак. Сказанное согласуется с общетипологической картиной для депиктивных конструкций: как отмечается в Himmelmann, Schultze-Berndt 2005, стадийные прилагательные встречаются в них много чаще, чем индивидуальные, ср. английский (Stump 1985), испанский (Ardid-Gumiel 2001), голландский (Barbiers 2000).

Заметим, что классификация Hinterhoelzl 2001 для нашего определения удобнее других, потому что предлагаемый в этой работе тест на «семантическую пригодность» прилагательного использует ясный языковой критерий (конструкции *еще не* и *уже не*) для возможности интерпретаций (a) и (b), ср. (15):

- (15) *Из ванной Олег вышел чистым и белым, словно статуя Давида в Пушкинском музее.* Александр Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001).

= ‘а вошел туда (т. е. был раньше) грязным и черным’; здесь можно добавить наречие *уже*, ср.: *вышел уже чистым* — значит, в данном случае, это интерпретация (a), противопоставляющая настоящее состояние предыдущему. Поскольку в принципе (хотя и с большими затруднениями) в том же контексте допускается и наречие *еще*, ср.: *из ванной Олег вышел еще чистым и белым*, (‘а потом стал грязным и черным’), можно заключить, что интерпретация (b) не запрещена, а значит, прилагательные *чистый* и *белый* являются ограниченными признаками. Аналогичным образом в примере (16) мы имеем дело с ограниченным признаком *инертный*, в этом предложении реализуется интерпретация (b), ведь бывшая сначала инертной публика постепенно начнет с интересом следить за исполнительницей:

- (16) *Постепенно я приходила к убеждению, что петь нужно только о том, что у тебя болит или что тебя очень радует. Когда ты искренне об этом поешь — публика, какая бы она ни была, поймет тебя. Сначала она **будет инертной**. Это надо не заметить — «гореть» дальше.*

А потом публика станет с интересом следить за тобой.
[Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994—2003)]

Иное поведение демонстрирует *длинный* в (17—17а):

(17) *Из ванной вышел длинный подросток...*

(17а) **Из ванной он **вышел длинным***⁵.

Действительно, в понимании Хинтерхёлцля, *длинный* является неограниченным признаком (**уже не* / **еще не длинный*) и не может иметь ни интерпретации (а), противопоставляющей признак предыдущему состоянию, ни интерпретации (b), противопоставляющей его состоянию последующему. Таким образом, в (15—17) тест Хинтерхёлцля дает «правильные» результаты, однозначно предсказывая поведение прилагательных в нашей конструкции.

Тем не менее, в связи с классификацией Hinterhoelzl 2001, обратим внимание на два обстоятельства.

Первое. Языковые диагностики, которые так широко используются, в особенности в формальных подходах, в принципе часто дают сбои, — диагностика Хинтерхёлцля не является здесь исключением (см. с. 164 о прилагательном *свежий*). С точки зрения СхГ это вполне понятно: диагностики — это такие «контрольные конструкции», а конструкция — многофакторна, так что в каждом случае диагностирования все ее компоненты вступают во взаимодействие с новым лексическим элементом — трудно представить, чтобы для больших классов слов (в нашем случае — прилагательных) результат был бы совершенно единообразным.

Второе замечание касается взаимодействия диагностики с контекстом. Например, предложение (18):

(18) *Домой ребенок **пришел несчастным*** [Н. Чередова. Школьная краля // «Сельская новь», 2003].

⁵ Из 23 опрошенных носителей русского языка 20 признали этот пример не вполне удовлетворительным, из них 7 — полностью неприемлемым, а 13 — сомнительным. Единственная возможная интерпретация, предлагавшаяся информантами, сводилась к тому, что за время нахождения в ванной человек каким-то образом смог подрасти — тем самым, прилагательное *длинный* переводилось ими в класс временных признаков в полном соответствии с общим правилом.

не так уж легко поместить в контекст *уже не* или *еще не*: критерий Хинтерхёлцля ориентирован только на изолированное прилагательное, взятое вне контекста. Однако признак может менять статус с *временного* на *постоянный* и наоборот — под влиянием контекста, т. е. объекта, к которому данный признак применен, — значит, роль контекста существенна. Ср. *белый* в примере (15) как *контекстно-временный* признак, при том что в большинстве случаев, по-видимому, цвет объекта является, скорее, *постоянным* и *неограниченным*, а не *временным* (и *ограниченным*), ср. *еще / уже белая бумага / красный флаг / синий ковер* и др. Ср. также ниже примеры (49) с прилагательным *длинный*.

Все сказанное касалось «вклада» прилагательных в семантику депиктивной конструкции и в целом (с некоторыми важными, на наш взгляд, уточнениями) повторяло уже известные результаты. Между тем, «вклад», который вносит в семантику *DepC* глагол, до сих пор полностью игнорировался — по нашему мнению, задача его описания нетривиальна и требует подробного обсуждения.

2.2. Ограничения на глагол

Если согласиться с представленным выше определением *DepC* и считать, что эта конструкция вводит субъект или объект с *временным* признаком, то как естественное следствие такого определения нужно принять и то, что наиболее прототипическими для *DepC* являются не предложения типа (1—10) — *рос застенчивым, пришел пьяным* и под., которые традиционно рассматриваются в соответствующих лингвистических работах, а примеры типа (12) — *Фельдшер казался равнодушным*, которые, напротив, из рассмотрения принято было исключать как не представляющие собой случай вторичной предикации. Между тем, именно этот класс примеров оказывается, во-первых, наиболее частотным по данным корпуса, а во-вторых, наиболее близким к *DepC* по семантике главного предиката, который имеет обязательную валентность на признак с *переменным* значением и представляет один из четырех классов глаголов — двух *непереходных* и двух *переходных*, каузативов к первым.

Непереходными глаголами с валентностью на переменный признак являются глаголымены состояния, как *стать*, см. (19) и глаголы оценочного (т. е. не точного, не буквального) восприятия действительности, как *казаться*, *считаться* или *представляться*, см. (20—21):

- (19) *Держать на огне, пока подливка не **станет** однородной.* [Рецепты национальных кухонь: Франция (2000—2005)].
- (20) *Проблема, которая **кажется неразрешимой**, исчезнет сама, если проявить выдержку и спокойствие* [Твой гороскоп. // «Даша», № 10, 2004].
- (21) *Сбор лечебных трав, в этот день особенно полезных и душистых, был обязательным. Травники, знахарки, целители умудрялись собирать их на целый год. Даже роса в этот день **считалась лечебной**: избавит от любых болячек на лице.* [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», № 1, 2004]

В обоих случаях связь семантики глагола с общим значением конструкции довольно прозрачна. Действительно, для предикатов изменения состояния соответствующее свойство или состояние является обязательным участником обозначаемой ситуации и заполняет обязательную синтаксическую валентность на признак. Эта валентность, в полном соответствии с условиями DerC, выражается творительным падежом — ср. в (19) *станет **однородной***. Кроме того, сам глагол требует, чтобы этот признак был переменным — т. е. чтобы он появлялся или исчезал — и это также в точности соответствует семантике DerC, в рамках которой такое изменение интерпретируется как контраст между исходной (начальной) и измененной (конечной) ситуацией, ср. в (19): ‘до t_1 : подливка неоднородна’ $\Rightarrow$ ‘ t_0 — t_1 : держали на огне нужное количество времени $\Rightarrow$ ‘после t_1 : подливка однородна’.

Особого упоминания в этом контексте заслуживает глагол *быть*, который способен вводить по сути постоянные признаки, как *деревянный* или *мудрый*:

- (22) *Все остальные дома Ильинской, как Вы помните, **были деревянными** и все выгорели без следа.* [В. М. Глинка. Из неопубликованного (1976—1982) // «Звезда», 2003]

- (23) *Благодаря этому волосу ребёнок **будет мудрым**, как сам Гай.* [Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца (1912)]

Обозначая неизменное состояние в настоящем времени, в прошедшем и будущем *быть* может классифицироваться как глагол изменения состояния (признака), потому что форма прошедшего времени означает, что этот признак больше не существует в данном значении, а форма будущего — что такое его значение пока не имеет места. Тем самым, в этих формах глагол *быть*, в полном соответствии с семантикой DerC, противопоставляет прошедшее тому, что имеет место сейчас, или настоящее тому, что наступит потом. И, что интересно, именно в этих формах он управляет творительным падежом, представляя DerC: глагол-связка в настоящем времени не сочетается с формами творительного падежа:

- (24) **Все остальные дома Ильинской, как Вы помните, **деревянными/есть деревянными**.*
 (25) **Благодаря этому волосу ребёнок **мудрым/есть мудрым**, как сам Гай.*

У глаголов оценочного восприятия валентность на признак тоже обязательна — она вводит воспринимаемый образ, ср. *казаться неразрешимой* в (20) и *считаться лечебной* в (21), и тоже выражается творительным. Неустойчивость признака здесь столь же необходима, только связана она не с временным контрастом (т. е. контрастом между настоящим и прошлым или будущим состоянием описываемого объекта), а с контрастом (его можно было бы назвать «контрастом миров») между тем образом ситуации, который возникает в восприятии говорящего, и тем, какова эта ситуация на самом деле: предикаты этого типа предполагают обязательную дистанцию в мировосприятии говорящего от реального мира. Так, в примере (20) говорится, что проблема *кажется* неразрешимой, и тут же выясняется, что на самом-то деле она разрешима, нужны лишь выдержка и спокойствие; в примере (21) роса, выпавшая в день Ивана Купалы, *считалась* лечебной, но ясно, что так считают не все, а только знахарки и целители, отмечающие этот день как особенный. Как видим, дезавуирование субъективной оценки не просто имплицитно предполагается, но часто происходит эксплицитно, в пределах того же или соседнего предложения.

Каузативными коррелятами к только что описанным классам являются, соответственно, глаголы *каузации мены состояния*, как *сделать*, см. (26) и глаголы *мнения*, как *считать*, см. (27):

(26) *Это сделало их знаменитыми.*

(27) *Я считаю его легкомысленным.*

Легко видеть, что и здесь в обоих случаях есть валентность на признак с переменным значением, которая, как и ожидается, требует творительного падежа. В случае с каузацией мены состояния вводится результирующий признак, как и в некаузативных коррелятах типа *стать*, ср. в (26): ‘до t_1 : не знаменитый’ $\Rightarrow$ ‘ t_0 — t_1 : каузация’ $\Rightarrow$ ‘после t_1 : знаменитый’. У глаголов мнения этой валентностью вводится образ, навязываемый ситуации воспринимаящим ее субъектом, но не совпадающий с истинным (ср. здесь некаузативные корреляты типа *казаться*). Таким образом, если, как в (27), вершинным является глагол мнения (*считать*, *полагать* и под.), то говорящий подчеркивает, что реальное значение признака, скорее всего, отличается от того, которое введено этим предикатом: ‘я считаю его легкомысленным, (но другие не считают, и велика вероятность, что он не является таковым)’⁶.

Как видим, глаголы всех только что рассмотренных нами групп жестко навязывают обязательному для них признаку свойство неустойчивости, временности, склонности к перемене значения — т. е. те самые характеристики, которые крайне уместны и востребованы в контексте DepC. А значит, действительно у нас есть все основания считать их прототипическими предикатами для DepC.

Между тем в контексте этой конструкции встречаются и непрототипические предикаты. Они не имеют обязательной валентности на признак, эта валентность при них факультативна, так что они могут употребляться «изолированно», без всякого признака, ср.: *он рос послушным* VS. *он рос*, ср. также выше пару (10—11). Таким образом, синтаксически они устроены иначе, чем глаголы изменения состояния, оценочного восприятия или мнения. Но семантически они к ним очень близки, потому что, как и глаголы основных — прототипических — групп, содержат либо

⁶ О свойствах глаголов мнения см. подробнее Арутюнова 1989, НОСС, Апресян 2009, Анна Зализняк 2006а.

идею изменения ситуации, как *начать* (28) или *задушить* (29), либо идею восприятия, как *видеть* (30) или *встретить* — с сильным компонентом воспринимаемого зрительного эффекта (32=3), а значит, имеют возможность выразить при себе признак, причем переменный:

- (28) *Свою политическую деятельность Богданов **начал** совсем **молодым** — еще в далеком 1990 году он стал активистом районной организации ДПР.* [Наталия Антипова. Один шанс на шестерых // Известия, 24.12.2007]
- (29) *Лучше бы я **задушил** тебя **маленьким**.* [Вячеслав Дурненков. Внутренний мир (2002)]
- (30) *Я говорю: «необычное», потому что не помню, чтобы когда-нибудь **видел** отца **смущённым**.* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Любопытно, что переходные глаголы с обязательной валентностью на признак допускают только один способ его интерпретации — как свойство прямого объекта, ср. (31), тогда как глаголы с факультативной валентностью способны иметь два понимания: либо носителем признака является объект, либо им является субъект, ср. (32=3):

- (31) *Он_i **считал** его_j **пьяным**_j.*
 (32 = 3) *Он_i **встретил** его_j **пьяным**_{i,j}.*

В теоретическом плане такая асимметрия в поведении этих групп глаголов может служить дополнительным аргументом в пользу того, чтобы признать первые прототипическими для DepC, а вторые — нет, поскольку, как известно (ср., например, Bybee 2007), вариативность является свойством скорее периферии, нежели центра.

Еще одно различие между прототипическими и непрототипическими глаголами состоит в том, что первые, концентрируя идею изменения и контраста в собственной семантике, не устанавливают строгих ограничений на исходное значение прилагательного, допуская семантику не только временного (stage-level), но и постоянного свойства (individual-level), см. похожие замечания в Filip 2001. Дело в том, что идея контраста между разными

значениями признака, заложенная в их собственной семантике, настолько сильна, что в таком контексте практически любой признак переосмысливается как временный. Так, глагол изменения состояния *выйти* (в значении ‘получиться’ в ситуации создания нового объекта — например, вязания) прекрасно сочетается с постоянным для большинства предметов свойством размера (*длинный*), ср. (33)а. В то же время, при непрототипическом *прийти* требуется признак более лабильный, ср. здесь прилагательное *переполненный* (33)б:

- (33) а. Носок **вышел длинным**: *пришлось половину распустить*.
 б. Поезд **пришел *длинным / !переполненным**.

Точно так же глагол восприятия *казаться* легко допускает относительное прилагательное *деревянный*, играя на контрасте между иллюзорным и реальным образом кувшина, а непрототипическое *покрасить* — нет, см. (34б):

- (34) а. ...Сухой заплесневелый кувшин, **кажущийся деревянным**, как перезрелая дыня, какими полон сад. [Николай Климонтович. Фотографирование и прочие Игры (1988—1990)]
 б. *Он **покрасил** кувшин **серебристым**.

Непрототипические глаголы допускают почти исключительно прилагательные со значением переменного признака. С одной стороны, именно за счет таких прилагательных можно обеспечить соответствие сочетания в целом семантическим условиям DerC. С другой стороны, собственное значение этих глаголов, в отличие от прототипических, недостаточно определено, чтобы реинтерпретировать в контексте DerC постоянные признаки как переменные. Ср. (35—38):

- (35) Он **написал эту работу молодым**. (переменный признак);
 (36) ??Он **начал эту работу рыжим**. (постоянный признак);
 (37) Чаще всего дрова **продаются сырыми**. (переменный признак);
 (38) *Чаще всего дрова **продаются березовыми**. (постоянный признак).

Что касается глаголов других типов, не связанных с идеей изменения, имеющих принципиально иные семантические характе-

ристики (и не способных перестроить свою семантику таким образом, чтобы стать максимально похожими на прототипические классы), то они недопустимы в контексте DepC, потому что их семантика не провоцирует контраста. Таковы, например, переходные глаголы с презумпцией существования субъекта — типа *вертеться*, *жить*, *весить* или *ухмыляться*, ср. (39—41):

(39) *Собака **вертелась** вокруг нас **тощей**.

(40) ??Наши соседи **жили** **голодными**.

(41) *Староста **ухмылялся** **плутоватым**.

Не провоцируют контраста и переходные глаголы обработки, не связанной с созданием нового объекта, как *читать* (*читал книгу *толстой / интересной*), *открывать* (*дверь *тяжелой / тугой / сырой*), *трогать* (*ее руку *холодной / больной / нежной*) и др.

Итак, подводя итоги нашего анализа депиктивной конструкции, мы можем сказать, что главное для нее — это возникновение некоторого значения признака, составляющего контраст с другим допустимым для него значением. Возможность такого контраста достигается, так сказать, совместными усилиями глагола и прилагательного. В простом, прототипическом случае выбирается глагол изменения состояния или восприятия, который, как было показано, целиком обеспечивает соответствие этой пары семантике DepC независимо от того, какое используется прилагательное. В непрототипическом — семантика глагола связана с изменением состояния или восприятия в более слабой степени, и тогда требуемый DepC контраст между разными значениями признака обеспечивается за счет прилагательного — уже не любого, а обозначающего переменный признак.

Теперь посмотрим, насколько релевантны ограничения, свойственные DepC, для ее ближайшего лингвистического конкурента: AgrC.

§ 3. Конструкция с согласованным определением

Прежде всего определим общее значение конструкции AgrC: по нашему мнению, она означает применение к объекту некоторого признака. В этом смысле AgrC, так же как и DepC, может

описывать контраст. И хотя это контраст не между разными значениями признака, а между отсутствием признака и его наличием, грань между этими ситуациями может оказаться незаметной, — тогда мы обнаруживаем сходство в поведении AgrC и DepC.

В то же время, если в значении DepC контраст акцентируется и, как мы видели, является обязательным, в семантике AgrC главное — факт приписывания признака, создания связи между признаком и объектом. Это различие хорошо иллюстрирует пара (42=1) и (43=6):

(42=1) *Я же предпочитаю **есть** фрукты **свежими**, прямо с дерева* <...>

(43=6) <...> *они **ели** оленину, **свежую** или **вяленую**, одевались с ног до головы в оленьи шкуры* <...>

В обоих случаях используется один и тот же глагол *есть* и одно и то же прилагательное *свежий*. При этом в первом примере из пары речь идет о свежих фруктах (т. е. только что сорванных, — *прямо с дерева*), в противопоставлении несвежим, уже лежалым. Во втором примере, где речь идет про оленину, просто указывается признак, имеющийся у этого объекта — *свежая*, не только без контраста, но даже в сочинении с другим признаком (*вяленая*). Таким образом, основное отличие между DepC и AgrC в том, что для DepC идея противопоставления, по сути дела, является главной, а для AgrC она, вообще говоря, несущественна.

В соответствии с общей концепцией SxG, семантика конструкции должна мотивировать ограничения на возможности ее лексического наполнения, т. е. прилагательные и глаголы. Начнем с прилагательных. Раз суть AgrC в том, что объекту действительности приписывается некоторый признак, ясно, что это новый для него признак, а значит, он не может быть его постоянным свойством (individual-level) и следовательно, описывает переменную характеристику, ср. (44):

(44) *Поезд **пришел чистый** / ***новый** / ***длинный**.*

Обратим внимание, что это обстоятельство, хотя и совершенно естественно вытекает из всего только что сказанного и полностью подтверждается языковыми данными, совершенно игнорируется

в имеющихся описаниях, которые делают акцент на предпочтениях переменного признака для DerC, имплицитно противопоставляя ее ArgC, но не замечают, что данное свойство верно и для ArgC (см., например, Nichols 1981, Filip 2001, Strigin, Demjjanow 2001).

Теперь о глаголах. Как и у DerC, у ArgC есть прототипические и непрототипические глаголы. Однако если у DerC в класс прототипических входят две главные группы, а именно, глаголы изменения состояния и восприятия (а также каузативы к ним), то для ArgC глаголы восприятия, в семантике которых так силен наблюдаемый контраст между разными значениями одного признака, запрещены, потому что эта конструкция, как мы помним, не предусматривает никакого противопоставления значений, ср.:

(45) **Дверь выглядит железная.*

Что касается глаголовмены состояния, то они в контексте ArgC допустимы, правда, не все, а только те, которые не акцентируют контраст между начальным и результирующим состоянием, ср. (46) и (47):

(46) *Снежинки падали сладкие, пушистые и прежде, чем опуститься совсем, привставали на цыпочки.* [Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969—1981)]

(47) *Хотя был уже самый конец апреля, тепло все еще не наступало, и деревья стояли голые, зимние.* [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993—2003)]

Те же глаголы, которые буквально сравнивают начальное и конечное значение признака, ArgC не допускает, потому что «умеет» противопоставлять только отсутствие признака и его наличие, ср. (48):

(48) **Вербальное общение сделается ненужное.*

С точки зрения теории SxG важно, что в контексте ArgC наблюдается тот же эффект, что и в контексте DerC — и, конечно, по тем же причинам семантической цельности конструкции: если у глагола есть валентность на признак, он безразличен к семантике прилагательного — допускаются как переменные, так и постоянные признаки, как в паре (49), ввиду того, что постоянные (49b) имеют возможность переинтерпретации как переменные (49a):

- (49) а. *Носок вышел длинный.*
б. **Поезд пришел длинный.*

Проблема независимости ограничений на отдельные элементы конструкции настолько важна, что требует специального обсуждения. Ниже мы остановимся на ней подробнее на материале ДерС.

§ 4. Прилагательные и глаголы

Обычно ограничения на элементы формулируются в виде независимых правил, разрешающих или запрещающих употребление тех или иных лексико-грамматических классов в ее составе, однако ДерС так описывать нельзя, потому что одни и те же глаголы и прилагательные могут и допускаться, и запрещаться этой конструкцией — в зависимости от контекста, ср. пары (50—51):

- (50) а. **Дверь открылась железной.*
б. *Дверь была железной / железная.*
(51) а. *Поезд пришел переполненным / переполненный.*
б. **Поезд пришел железным / железный.*

Таким образом, классы допустимых глаголов и прилагательных не независимы, поскольку переменные в конструкции связаны друг с другом. Это, в свою очередь, объясняется тем, что общее значение конструкции складывается в результате их взаимодействия. Оно, как мы видели, может «концентрироваться» в одной из них, — и тогда ограничения на другие переменные ослабляются: прототипические глаголы допускают любые прилагательные, а прототипические прилагательные существенно расширяют класс глаголов. Однако в целом за счет такого «перераспределения» семантики главная идея конструкции — охарактеризованность объекта значением некоторого неустойчивого признака, которое противопоставлено другому его значению (исчезнувшему, ожидающемуся, возможному, реально существующему и под.), — сохраняется. Здесь крайне уместно повторить цитату из Апресян 1967: 233 (см. также Введение), который обсуждает совершенно ту же проблему взаимодействия разных фрагментов конструкции на материале глагольного управления, т. е. пар глагол — сущест-

вительное: «каждый класс глагольных значений требует особой классификации существительных, потому что различия между существительными, важные для одного класса глагольных значений, оказываются несущественными для другого и наоборот; ⟨...⟩ мир существительных предстает перед нами по-разному в зависимости от точки зрения, которую мы выбираем, а точкой зрения часто является узкий класс глагольных значений».

Впрочем, значение конструкции может «собираться» не только с опорой на ее внутренние элементы: в принципе, в каких-то случаях главную, конституирующую роль может сыграть и просто внешний контекст. Ср., например, (52—53):

(52) *Он *построил* дом *круглым* / *деревянным*.

(53) *А вот в Иберии и повсюду на Британских островах дома строились круглыми...* [Стюарт Пиготт. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели (2006)].

В обычных условиях предложения типа (52) неприемлемы⁷. В то же время, если погрузить это предложение в контекст, который сам создает контраст — например, между прошлым и настоящим, как в (53), оно (с тем же глаголом и с тем же прилагательным!) становится безупречным.

Заметим, что на похожие случаи употребления дитранзитивной конструкции и конструкции пути в английском языке, когда в изолированном виде невозможная конструкция, под влиянием объемлющего предложения, «исправляется», обращала внимание и А. Голдберг (Goldberg 1995: 22, 171—172).

§ 5. Заключение

Итак, мы решили поставленные задачи: определили общее значение DepC и доказали равную существенность для нее глагольной семантики и семантики прилагательного, а также сравнили DepC и AgrC, убедившись, что вторая просто вводит новое значение признака для объекта, а первая вводит значение признака, обязательно противопоставляя его другому, «фоновому».

⁷ В частности, по нашим данным, из 43 опрошенных 15 считают пример (52) грамматически неправильным и 23 — сомнительным.

Этим, как показывает наш анализ, объясняются и различия, и сходства в употреблении DerC и AgrC. Неясно одно: почему идея противопоставления разных значений признака оказалась выражена именно творительным?

Как мы помним, Ханна Филип (Filip 2001) связывала семантику творительного в DerC с идеей изменения, которая, по ее мнению, свойственна другим его значениям. Мы не можем с ней согласиться уже потому, что идея изменения, как становится ясно из приведенного анализа, не чужда и AgrC, ведь эта конструкция, как оказывается, тоже предпочитает и прилагательные переменного признака (stage-level), и даже глаголымены состояния, если они не акцентируют контраст начального и конечного значения признака (см. § 3). Значит, за семантику изменения в DerC «отвечает» заведомо не творительный, а творительный вносит в эту конструкцию какой-то другой вклад — какой?

Вернемся к паре DerC — AgrC. Любопытно, что ограничения на лексический состав AgrC довольно близки к ограничениям на состав DerC, — тем не менее, в ее контексте невозможны глаголы зрительного восприятия (и каузативы к ним), которые являются прототипическим глагольным классом для DerC, ср.:

(54) *В углу стояло и валялось несколько пустых бутылок, однако Тимоша не выглядел пьяным / *пьяный.* [Вера Белюсова. Второй выстрел (2000)]

Это обстоятельство не кажется нам случайным и, как представляется, может дать ключ к ответу. Дело в том, что в некоторых своих употреблениях русский творительный ясно связан с семантикой *наблюдаемого события* (подробнее см. Рахилина 2000a/2008: Глава I, §5; Rakhilina, Tribushinina in press). Особенно нагляден компонент зрительного восприятия в сравнительном значении: *лететь стрелой, лежать стопкой, пальцы веером* и под., где он служит важным семантическим условием, отделяющим конструкцию с творительным от квазисинонимичной ей конструкции с *как*. Творительный подчеркивает наблюдаемость ситуации, ее ясный зрительный образ, и поэтому способен передавать идею формы объекта, «недоступную» для сравнительной конструкции с *как*, которая в таких случаях полностью исключается: **лежать как стопка, *пальцы как веер*. И наоборот, если сравне-

ние моделирует внутренние, а не внешние изменения, т. е. когда изменения ненаблюдаемы, говорящий выбирает конструкцию с *как*, а не конструкцию с творительным: *дрожит, как заяц* / **зайцем*, *греет как печка* / **печкой*, *утонул как топор* / **топором* и под.

Кажется, что и при описании депиктивов можно было бы опереться на идею наблюдаемости, так свойственную творительному, тем более что часто, как в (55—56), депиктивная конструкция оказывается очень близка сравнительной, с существительным:

(55) *она выглядела взрослой* DepC

(56) *она выглядела старухой* IoC (Творительный сравнения) —

с той разницей, что она вводит одно конкретное значение признака, лексически выраженное прилагательным (*взрослый*), а творительный сравнения — сразу целый набор признаков, которые характеризуют объект сравнения, выраженный существительным (*старуха*). Но и в том, и в другом случае признаки наблюдаемы, а предикаты описывают зрительное восприятие; пример (57) показывает, как близки эти конструкции: обе они используются для описания одного и того же объекта восприятия, буквально «через запятую».

(57) *Пастернак всегда выглядел юношей. Мандельштам всегда казался стариком, взрослым.* [Варлам Шаламов. Дневники (1954—1979)]

Если признать контексты с предикатами зрительного восприятия центральными с точки зрения падежного маркирования, то другие разновидности DepC в этом смысле окажутся более периферийными для творительного падежа, потому что в них идея наблюдаемости проявляется косвенно — как побочный эффект противопоставления актуального значения признака фоновому. Действительно, в случае контраста значений переменного признака естественно, чтобы новое значение как-то проявило себя (по сравнению с тем, другим), и самое простое в таком случае — возможность зрительного восприятия его проявлений наблюдателем; интересно, что в примерах, иллюстрирующих употребление DepC (в том числе и в данной главе), как правило, такая возможность явно имеется, ср.: *он рос нервным / застенчивым / послушным; пришел презвым / несчастным; вышел чистым; подливка станет*

однородной, носок вышел длинным, ест фрукты свежими, начал роман молодым и др.

Таким образом, если наша гипотеза верна, она объясняет не только предпочтение депиктивами предикатов зрительного восприятия, но даже причину, по которой необходим контраст значений переменного признака в семантике DepC. Круг замкнулся. Конструкция описана.

Глава 2

РУССКАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ПРЕДЛОГОМ *по* И ПРОБЛЕМА НЕАККУЗАТИВНОСТИ¹

§ 1. Постановка задачи

Хорошо известно, что русский язык, как и некоторые другие славянские — но в отличие от большинства европейских, обращает специальное внимание на дистрибутивность, т. е. повторение одной и той же ситуации с разными участниками. Если в языках европейского стандарта она выражается дистрибутивным местоимением (ср. англ. *each*, фр. *chaque* и др.), то в русском, в дополнение к местоимению *каждый*, есть еще и специальная предложно-падежная конструкция с предлогом *по*, тоже маркирующая дистрибуцию². Понятно, что в общем случае эти средства — местоимение и конструкция — оказываются семантически очень близки; их сочетание в одном предложении достаточно частотно и сохраняет то же значение дистрибутивности. Ср. «превращение» недистрибутивных ситуаций (1) или (2) в дистрибутивные (а), (b) и (с), практически синонимичные друг другу, с помощью *каждый* и *по*:

¹ Основные идеи этой работы были кратко изложены в: Кузнецова Ю. Л. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке // Логический анализ языка. Квантификативный анализ языка. М.: Индрик, 2005, с. 616—637, а также: Kuznetsova Julia. Against the Russian Distributive Construction with Preposition *po* as a diagnostic for unaccusativity // Formal Approaches to Slavic Linguistics 13, ed. Mila Tasseva-Kurktchieva, Steven Franks, and Frank Gladney. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2005. P. 170—180. Мы благодарим Б. Х. Парти, Л. Л. Иомдина, Г. И. Кустову, В. А. Плунгяна за сделанные замечания и конструктивное обсуждение этой работы.

² Заметим, что грамматические маркеры дистрибутивности (падежное маркирование) распространены в уральских языках, ср. прежде всего финский и венгерский.

- (1) Отец дал сыновьям яблоко / яблоки (= 'одно или несколько на всех').
 (1a) Отец дал **каждому** сыну яблоко.
 (1b) Отец дал сыновьям **по яблоку** ($\approx$ 1a).
 (1c) Отец дал **каждому** сыну **по яблоку** ($\approx$ 1a).
 (2) На нашей верфи выпускаются лодки ('неважно, с какой регулярностью').
 (2a) На нашей верфи **каждый** год выпускается две лодки.
 (2b) На нашей верфи выпускается **по две лодки** в год ($\approx$ 2a).
 (2c) На нашей верфи **каждый** год выпускается **по две лодки** ($\approx$ 2a).

В самом деле, отличить значение «местоименной дистрибутивности», т. е. предложений типа (a), от «конструкционной дистрибутивности», т. е. предложений типа (b / c), совсем не просто: бросаются в глаза только их прагматические, а не собственно семантические свойства: в (a) акцент делается на качественных характеристиках множества выбора (давал *яблоки*, а не *груши*), а в (b / c) — на дистрибуции как таковой и, если так можно сказать, равенстве возможностей участников.

Между тем, если внимательно исследовать способы заполнения для каждого слота конструкции с *по*, выясняется, что возможности употребления этой конструкции существенно уже, чем у местоименных предложений.

Во-первых, конструкция с *по* употребляется не со всеми глаголами, ср. равно возможные (3a/b) и мало приемлемое (4b) на фоне безупречного (4a):

- (3a) На каждом дереве сидела птица.
 (3b) На деревьях / каждом дереве сидело по птице.
 (4a) На каждом дереве пела какая-нибудь заморская птица.
 (4b) ^{??} На каждом дереве пело по <какой-нибудь заморской> птице.

Во-вторых, она имеет нетривиальные ограничения на сочетаемость с существительными, ср. (5) и (6):

- (5) а. Каждый налил себе **молоко**.
 б. *Каждый налил себе **по молоку**.
 (6) а. Каждый из них поднял **голову**.
 б. ^{??} Каждый из них поднял **по голове**.

В соответствии с логикой СхG, такие существенные сочетательные лакуны должны быть, с одной стороны, связаны между собой, а с другой — мотивированы особым значением конструкции с *по*. Задача этой главы в том, чтобы подтвердить данное предположение и представить такое семантическое описание дистрибутива с *по*, которое бы объяснило его нестандартное лингвистическое поведение как в примерах (4—6), так и в других случаях³.

Однако решение этой, в сущности практической, задачи, связано с другой, сугубо теоретической. Дело в том, что отмеченные нами два типа ограничений не принято рассматривать вместе: обычно, когда речь идет о дистрибутивной конструкции, обращают внимание только на глаголы, игнорируя существительные. При этом считается, что поведение в этой конструкции глаголов обусловлено более общей стратегией языка в отношении синтаксической классификации глагольной лексики, а именно, так называемой *неаккузативностью*, которая проявляется и в других зонах грамматики: общепризнано, что русский дистрибутив с *по* является одной из важных диагностик неаккузативности (ср. Pesetsky 1982, Babyonyshev 1996, Cetnarowska 2002, Harves 2002, а также Борик 1995, Дудина 2002 и др., подробнее см. § 2). Таким образом, в данном случае наш частный результат ставит под сомнение гораздо более общие теоретические положения, а следовательно, требует полноты охвата языкового материала, строгой аргументации и последовательного изложения фактов.

Мы старались выполнить эти условия. Глава включает, помимо вводного, еще три параграфа: § 2 посвящен разбору трактовки

³ Отметим здесь другие задачи, при решении которых так или иначе затрагивались свойства дистрибутивных конструкций с *по*: в статьях А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой (Зализняк, Падучева 1974/1997) и М. М. Бурас (1985) даются правила выбора числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении (действующие и за пределами нашей конструкции); Л. Л. Иомдин (1990, 1991) строит лексикографический портрет предлога *по* в целом — среди прочих значений отмечается и дистрибутивное; работа М. Л. Рубинштейн (2002) посвящена непосредственно дистрибутивной конструкции с *по*, но ее задача ограничивается проблемой употребления кванторов в этой конструкции.

дистрибутива с *по* как диагностики неаккузативности; в § 3 предлагается анализ языкового материала с позиций СхG, и с этой целью проводится подробное исследование дистрибутивной ситуации; два эти «конкурирующих» подхода сопоставляются в Заключение (§ 4).

В работе использованы примеры из НКРЯ, художественных произведений современных авторов, материалы периодических изданий и некоторых интернет-сайтов. Большинство примеров было найдено при помощи поисковой машины Yandex.

§ 2. Неаккузативность и конструкция с *по*

2.1. О теории неаккузативности

Теория неаккузативности была предложена Д. Перлмуттером в Perlmutter 1978⁴. Суть ее в том, что все непереходные глаголы делятся на два класса: неаккузативные и неэргативные. Субъект неаккузативного глагола на более глубинном уровне является объектом — и поэтому проявляет соответствующие объекту синтаксические свойства. В свою очередь, субъект неэргативного глагола обнаруживает сходство с субъектом переходного глагола⁵.

В русском языке неаккузативными считаются, например, *быть*, *висеть*, *достаться*, *падать*, *сидеть*, *спать*, а неэргативными — *бежать*, *топать*, *извиняться*, *плевать*, *смеяться* и под.

Для различения неэргативных и неаккузативных глаголов используются так называемые **диагностики неаккузативности** — это конструкции, в которых неаккузативные и неэргативные глаголы проявляют свои различия: субъект неэргативного глагола демонстрирует ту же модель поведения, что и субъект переходного глагола, а субъект неаккузативного — ту же, что объект непереходного. Важно, что для разных языков выделяются разные диагностики (подробнее см. Levin, Rappaport Hovav 1995) — ведь каждому языку свойствен свой индивидуальный набор конструкций.

⁴ См. также Chvany 1975, Burzio 1981, 1986; Levin, Rappaport Hovav 1995; Blaszcak 2002 и др.

⁵ Соответственно, синтаксическая структура этих классов глаголов выглядит с точки зрения теории неаккузативности по-разному: неэргативных как NP [_{VP} V], а неаккузативных как ____ [_{VP} V NP/CP].

Например, в итальянском одной из диагностик неаккузативности является вспомогательный глагол в перфекте. Дело в том, что при образовании итальянского перфекта требуется выбрать один из двух вспомогательных глаголов: или *avere* 'иметь', или *essere* 'быть'. Сторонники теории неаккузативности (см. прежде всего Burzio 1981, 1986) утверждают, что выбор между ними связан с неаккузативностью: непереходные неэргативные выбирают *avere* (8), следуя в этом отношении за переходными, ср. (7), а непереходные неаккузативные глаголы — *essere* (9), как в формах пассива (10).

- (7) *Ho comprato un libro.* (переходный)
 иметь:PRS:1SG купить:PTCP INDF книга
 Я купил книгу.
- (8) *Giovanni ha telefonato.* (неэргативный)
 Джованни иметь:PRS:3SG звонить:PTCP
 Джованни позвонил.
- (9) *Giovanni è caduto.* (неаккузативный)
 Джованни быть:PRS:3SG падать:PTCP
 Джованни упал.
- (10) *Il figlio è amato dalla madre.* (пассив)
 DF сын быть:PRS:3SG любить:PTCP от+DF мать
 Сын любим матерью.

Немецкий язык демонстрирует другую диагностику, она касается формы безличного пассива, которая, по утверждению Г. Гревендорфа (Grewendorf 1989) и С. Фаган (Fagan 1992), может образовываться от неэргативных глаголов, как в (11), но не может — от неаккузативных, как в (12).

- (11) *Es wurde getanzt/gearbeitet.* (неэргативный)
 IPR становиться:PRET танцевать:PTCP/работать:PTCP
 Танцевали/Работали.
- (12) **Es wurde angekommen/eingeschlafen/gefallen.*
 (неаккузативный)
 3SgN становиться Pret приходить:Part/засыпать:Part/падать:Part
 Приходили/Засыпали/Падали.

Точно так же, собственные диагностики имеют нидерландский, грузинский, баскский и другие языки, см. подробнее недав-

но вышедший сборник статей, посвященный этой проблеме, Alexiadou et al. (eds.) 2004. В русском языке противопоставление между неэргативными и неаккузативными глаголами признается бесспорным, причем на основе сразу как минимум двух диагностик.

2.2. Диагностики неаккузативности в русском языке

Основными диагностиками неаккузативности/неэргативности непереходного глагола в русском языке, по предложению Д. Песецкого, высказанному еще в Pesetsky 1982⁶, принято считать две конструкции: генитив при отрицании и интересующую нас дистрибутивную конструкцию с предлогом *по*. Правда, в последние годы были высказаны идеи о существовании еще нескольких диагностических конструкций — конструкции множественного действия (Борик 1995), локативной инверсии, связанного согласования (Babyonyshev 1996), композитов с ситуативным значением (Богданов 2009)⁷, но они пока находятся в статусе гипотез, требующих дальнейших исследований и новых подтверждений, тогда как генитивная и дистрибутивная диагностики фигурируют в лингвистической литературе (прежде всего касающейся неаккузативной теории) как доказанные (см., например, Harves 2002), поэтому мы представим каждую из них подробнее.

⁶ Впервые разграничение русских непереходных глаголов на классы было произведено в работе К. Чвани (Chvany 1975). Она заметила, что русские глаголы существования качественным образом отличаются от других непереходных глаголов.

⁷ Кратко проиллюстрируем здесь различия в употреблении этих конструкций:

- множественное действие: *Много снегу натаяло в городе* (неакк.) VS. **Много детей набегало в парке* (неэрг.);
- локативная инверсия: *В углу валялась куртка* (неакк.) VS. **В квартире свистит Ваня* (неэрг.);
- связанное согласование: *На столе стояла пепельница и пустой стакан* (неакк.) VS. *Об этом часто говорят/*говорит Андрей и Коля* (неэрг.);
- композиты с ситуативным значением: *снегопад* (неакк.) VS. **собакобег* (неэрг.).

Генитивная диагностика

Как известно, в русском языке при отрицании переходного глагола прямое дополнение может стоять как в обычном винительном, так и в родительном падеже, ср. (13—14)⁸:

(13) *Наш редактор не публикует такие статьи.*

(14) *Наш редактор не публикует таких статей.*

Подлежащее переходного глагола не способно к такому преобразованию, ср. (15):

(15) **Нашего редактора не публикует такие статьи.*

В то же время, при отрицании некоторых непереходных глаголов родительный падеж субъекта возможен, и в основном это глаголы с «пациентивной» семантикой — *исчезать, оказаться, висеть*, ср. примеры (16)—(18):

(16) *Ничего не исчезло после визита непрошенных гостей.*

(17) *Детей там не оказалось.*

(18) *Замка́ на двери не висело.*

По мнению сторонников теории неаккузативности, в таких контекстах встречаются лишь неаккузативные глаголы. Предлагаемую ими диагностику неаккузативности на базе генитивной конструкции можно сформулировать так: если непереходный глагол может употребляться с генитивом при отрицании, то он неаккузативный.

Между тем, обратим внимание, что проблеме генитивного субъекта посвящено значительное количество работ — и вовсе не только синтаксических, см. прежде всего Ицкович 1974, Babby 1980, Guiraud-Weber 1984, Апресян 1985, Падучева 1997, Борщев, Парти 2002, Partee, Borschev 2006, 2007, Борщев и др. 2008, Падучева 2008, и др. Во многих из них точка зрения сторонников теории неаккузативности обсуждается, оспаривается и ставится под сомнение (см. в первую очередь Babby 1980, но и другие). Поскольку проблема генитива с отрицанием выходит за рамки данной работы, мы не имеем возможности сколько-нибудь подробно ее здесь обсудить — но вернемся к этой дискуссии в Заключение.

⁸ Примеры (13)—(18) взяты из работы Борик 1995.

Дистрибутивная диагностика

Общая идея сторонников теории неаккузативности, работавших с русским материалом (см. Pesetsky 1982, Борик 1995, Дудина 2002, Harves 2002 и др.), состоит в том, что ограничения на глагол, о которых мы говорили в связи с дистрибутивной конструкцией, можно использовать как диагностику, которая в этом случае имеет следующий вид: если непереходный глагол позволяет замену подлежащего на дистрибутивную конструкцию, то он неаккузативный.

Это правило иллюстрируют примеры (21)—(22), которые мы рассмотрим в сравнении с (19)—(20)⁹:

(19) Дети сделали себе **по бутерброду**.

(20) ***По ребенку** сделало себе бутерброд.

(21) На каждой стене висело по картине.

(22) *В каждом углу прыгало по мальчику

(19) демонстрирует возможность дистрибутивной конструкции на месте объекта переходного глагола, а (20) — ее неуместность в субъектной позиции. Поэтому, согласно приведенному правилу, субъект непереходного глагола *висеть*, который, как видно из (21), допускает дистрибутив, оказывается похож не на субъект, а на объект переходного глагола и должен быть признан неаккузативным. Напротив, субъект глагола *прыгать* не допускает замены на дистрибутивную конструкцию (22) и в этом смысле ведет себя как субъект переходного *сделать* в (20) — таким образом, в противоположность *висеть*, он признается неэргативным.

Некоторые уточнения к приведенной выше диагностике предложила О. Борик, подробно исследовавшая конструкцию с *по* с точки зрения теории неаккузативности. Она обратила внимание на числительные в составе дистрибутивов (ср. *сделали себе по бутерброду* — *сделали себе по два бутерброда*) и пришла к выводу, что следует различать собственно дистрибутивную конструкцию вида *по + NPdat* и количественный дистрибутив вида *по + QP* (где *P* соответствует *NPdat* в неквантификативной конструкции). По ее мнению, у этих структур разное синтаксическое поведение:

⁹ Примеры из Борик 1995.

в отличие от собственно дистрибутивов, квантитативный дистрибутив может появляться и в позиции субъекта, ср. (23).

(23) *На всякий случай к шее и задним ногам слоненку были привязаны канаты; каждый канат держали **по пятнадцати охотников**, шедших впереди и сзади.* [И. А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945—1946)]

Если это уточнение верно, оно требует изменения формулировки диагностического правила: ведь диагностикой неаккузативности в таком случае будет являться только собственно дистрибутивная конструкция, *по + NPдат*, не содержащая числительных. Что касается квантитативного дистрибутива, то он, таким образом, безо всякого объяснения причин, а просто по факту своего неканонического для неаккузативов поведения «выходит из игры» в неаккузативность.

Однако — встает вопрос: верно ли, что в остальных случаях сочетаемостные «правила неаккузативного и неэргативного поведения» в зоне дистрибутивов действительно соблюдаются достаточно жестко?

2.3. Не-неаккузативность: реальная картина употребления дистрибутивов

Как показывают реальные, а не сконструированные примеры, картина употребления дистрибутивов значительно более разнородна, чем того требует статус диагностики. Действительно, для того чтобы дистрибутивную конструкцию можно было рассматривать как диагностику неаккузативности, нужно, как мы помним, чтобы она была:

- допустима в позиции объекта при любом переходном глаголе;
- всегда запрещена в позиции субъекта переходного глагола;
- всегда возможна в позиции субъекта неаккузативного глагола;
- невозможна как субъект при неэргативных глаголах.

Между тем, ни одно из этих утверждений не верно: для каждого из них в текстах самого разного жанра и профиля либо нахо-

дятся опровергающие примеры, либо не находится никаких языковых свидетельств.

Во-первых, есть переходные глаголы, не склонные принимать дистрибутивную конструкцию как объект, ср. (24—25):

(24) ^{??} *Каждый полицейский уличил по преступнику*, см. Замечание в 3.3.4.

(25) **Каждый из нас любил по девушке*.

Во-вторых, есть множество случаев, когда дистрибутивная конструкция встречается в позиции субъекта переходного глагола, ср. (26)—(29), а также ниже (37)—(38):

(26) *Каждую лестницу несут по четыре человека, и едва их разом приставили к стенам, наверх тут же начали быстро-быстро карабкаться сотни... нет, тысячи вооруженных людей!* (Юрий Никитин. Трое из леса).

(27) *Галереи окружает невысокая стена с восемью воротами, каждые из которых охраняют по два бронзовых льва.* (Королевство, улыбок, солнца и неги. Путеводитель по Таиланду.)

(28) *Теперь каждого узника вели по трое конвойных: двое под руки и третий рядом — у него в руках был наготове разрядник, на случай чего, и за плечами болталось нечто, напоминавшее с виду чертежный тубус.* (День чистой Земли // Черноголовская Газета № 12 (511) 17—23 марта 2001 года)

(29) *Каждого из пленников держали по пять десантников, все-таки при таком росте они были сильны.* (Вячеслав Аверьянов. Пески времени)

В-третьих, есть непереходные, семантически пациентивные глаголы, претендующие на статус неаккузативных, при которых, тем не менее, невозможно употребление конструкции с предлогом *по*, ср. (30—31):

(30) **В каждом коридоре по стене пачкается свежей краской.* (пример из Дудина [2002])

(31) ^{??} *В каждой группе детского сада по два ребенка боится бабы-яги.*

В-четвертых, встречаются и употребления непереходных глаголов с активной семантикой (т. е. таких, которые должны были бы вести себя как неэргативные), где дистрибутивная конструкция является субъектом, ср. (32—36):

- (32) *Тогда из-за нехватки рабочих мест на многих судах на одной должности работали по два человека. (Судьбы людские. Из золотого фонда завода // Ленский водник от 26 октября 2002 г. №37 (3903))*
- (33) *На собрания екатеринбургских социал-демократов еще пять лет назад ходило по пять человек. (Николай Привалов. Оценка текущей ситуации и перспективы развития общественно-политических организаций)*
- (34) *Из машин тут же вышли по два человека и заняли «круговую оборону», внимательно поглядывая по сторонам. (Виктор Доценко. Месть Бешеного)*
- (35) *Поэтому обед тащат в термосах на позицию. И там, в редкие минуты затишья, по одному, по два человека с расчета бегут к термосам и, торопливо навалив в котелки супа и каши, так же торопливо трусят к орудиям и там, на станинах, глотают обед. (Владислав Шурьгин. Бог войны Смелянский)*
- (36) *Тройкой против девятки мы приняли лобовой удар, выпустив длинные заградительные очереди. Противник был отвлечен от атаки по нашим «илам»... На каждого из нас бросилось по три «мессера». (Анатолий Кожевников. Записки истребителя)*

Второй и четвертый пункты и соответствующие им примеры (26—29) и (32—36) требуют дополнительных комментариев — в связи с уточнениями О. Борик, о которых мы говорили в 2.2.

2.4. Числительные в дистрибутивной конструкции: особое поведение?

Обратим внимание, что все приведенные выше «исключения», связанные с субъектной позицией при переходном глаголе (см. примеры 26—29), представляют количественный дистрибутив, т. е. содержат числительные. Собственно дистрибутивные конст-

рукции вида *по* + *NPдат* хотя и встречаются в роли субъекта, ср. (37—38), но, действительно, значительно реже количественных:

(37) *Каждые ворота охраняет по каменному льву.*

(38) [*В Берлине, где минувшим днем суд разрешил шествие неонацистов, удалось обойтись без столкновений.*] *Каждую колонну бритоголовых конвоировало по полицейской машине, которые пресекали любые нарушения порядка.*

Строго говоря, простого существования такого рода примеров достаточно для того, чтобы опровергнуть гипотезу о дистрибутивной конструкции как диагностике неаккузативности — даже и в «слабой» редакции О. Борик. Тем не менее, поскольку числительные действительно часто обязательны в дистрибутивной конструкции, пояснения требуют два обстоятельства:

(А) низкая частотность *по* + *NPдат* в позиции субъекта и

(В) процедура выбора между количественной и собственно дистрибутивной конструкциями.

Рассмотрим их последовательно.

(А) О низкой частотности

Дело в том, что конструкция с *по* тяготеет к реме предложения:

(39) ^{??} *По конфете я дал каждой девочке.*

(40) *Я дал каждой девочке по конфете.*

Между тем, субъект в русском языке обычно находится в позиции темы — этим объясняется низкая частотность *по* + *NPдат* в позиции субъекта переходного глагола. В частности, если есть выбор между позицией субъекта и объекта, предпочитается объектная, а не субъектная позиция. Выбор же между ними возникает в том случае, когда дистрибутивные отношения устанавливаются между единичными объектами, т. е. как раз тогда, когда числительные «не нужны», потому что значение количества уже выражено грамматически единственным числом. Именно такую корреляцию можно выразить двумя способами: *X V по Y* (ср. 41) и *Y V по X* (ср. 42):

(41) *Каждый каменный лев охраняет по тяжелой двери.*

(42) *Каждую тяжелую дверь охраняет по каменному льву.*

Строго говоря, эти конструкции не синонимичны — если принять во внимание ситуацию, когда дверей больше, чем львов, и львы охраняют лишь выборочные двери, которой соответствует (41), но не (42), а также ситуацию, когда львы охраняют не только двери, но и, например, окна (42, но не 41) — но обычно носители языка такие случаи игнорируют и интерпретируют подобные предложения как взаимно-однозначное соответствие между дверьми и львами.

Итак, при взаимно-однозначном соответствии между единичными объектами дистрибутивность может маркироваться как при субъекте (в таком случае переходного) глагола, так и при его объекте — и, как уже было сказано, для сохранения тема-рематического баланса в этих случаях выбирается объектное маркирование дистрибутива, за счет чего существенно снижается частотность субъектных дистрибутивов. Если же по каким-то причинам тема-рематический баланс нужно изменить, приходится «усиливать» значимость субъектной позиции — с этой целью используются, в частности, и числительные, которые вводятся в дистрибутивную группу: *Каждую тяжелую дверь охраняет **по одному** каменному льву* оказывается, таким образом, предпочтительнее, чем *Каждую тяжелую дверь охраняет **по** каменному льву*.

В то же время, употребление числительного с единичными объектами — собственно, числительного *один* — регулируется далеко не только прагматическими правилами, но и достаточно жесткими запретами, несмотря на то, что, с логической точки зрения, *один*, как определение к имени в единственном числе, должно быть полностью избыточно. В отношении выбора между квантитативной и собственно дистрибутивной конструкциями интерес представляет работа Филипенко 1992, которая посвящена количественной группе с *один*. Ее результаты мы представим ниже при обсуждении пункта В.

(В) О количественной группе с *один*

Как убедительно показано в Филипенко 1992, предположение о взаимозаменимости конструкций *по одному X* и *по X*, при всей его естественности, тем не менее, не верно. В частности, есть случаи, когда числительное ни при каких обстоятельствах нельзя опустить, ср. (43):

(43) а. *Каждый поднял по одной руке.*

б. **Каждый поднял по руке.*

Чтобы объяснить этот эффект, М. В. Филипенко апеллирует к устройству множества, из которого осуществляется выбор распределяемых объектов (в примере (43) это руки), она называет его *ассоциированным множеством*¹⁰. Это множество может быть однородным и неоднородным относительно некоторой именной группы; оно однородно, если с помощью нее можно обозначить любой объект из этого множества, и неоднородно — если нельзя. Оказывается, что выбор единичного объекта из однородного множества (например, одной руки из множества рук) в русском языке обязательно требует числительного *один*, как в (43), и опущение числительного в таких контекстах невозможно. Ср. также однородное ассоциированное множество ног в (44):

(44) *Цапля стоит на одной ноге / *на ноге.* (пример из Филипенко 1992)

При выборе же из неоднородного ассоциированного множества — например, множества разных частей тела, в которое, в частности, входит и рука — как в (45), числительное необязательно:

(45) *Врач забинтовал больному руку.*

Если вернуться к дистрибутивной конструкции с *по*, то окажется, что многие запреты на употребление ее без числительного связаны с заведомой однородностью соответствующего множества. Ср. пример (46), где выбор осуществляется из однородного множества людей:

(46) *На каждой кровати лежало ??по человеку / по одному человеку.*

Однако если сконструировать такую ситуацию, чтобы множество стало здесь неоднородным, употребление дистрибутивной конструкции с глаголом *лежать* будет возможно, ср. (47):

¹⁰ По Филипенко 1992, ассоциированным называется множество, возникающее в некоторых выделительных контекстах, из которого выбран описываемый в предложении объект. Так, в предложении *Мудр только Сократ* происходит выделение объекта *Сократ* из ассоциированного множества всех людей.

- (47) *На дне двух хрустальных сахарниц лежало **по горсточке** очень мелко наколотого сахара.* [В. В. Вересаев. В тупике (1920—1923)]

В то же время, как нам кажется, есть глаголы, которые структурируют ситуацию таким образом, что соответствующее им множество однородно всегда. Возможно, именно таков глагол *участвовать*: участники конкурсов, соревнований, игр и под. обычно определены правилами конкретной игры или соревнования и, что называется, изначально равноправны — образуют однородное множество. Поэтому в контексте этого глагола числительное оказывается крайне желательным: в НКРЯ есть 12 примеров употребления глагола *участвовать* в дистрибутивной конструкции, и среди них — ни одного без числительного, ср. пример (48) из Борик 1995, а также примеры (49)—(51):

- (48) *В конкурсе участвовало ^{??} по ученику / по одному ученику из каждого класса.*
- (49) *Состоялось 3 тренировочных 10-минутных заезда и 7-минутная квалификация. В квалификации участвовало по одному пилоту / ^{??} по пилоту от каждой команды.* (Командный турнир компании «W-Trade Technologies Inc.»)
- (50) *Конечно, в тестах участвовало по одному диску / ^{??} по диску каждой модели, и говорить о тенденциях нельзя, но...* (Сравнение 7200grm винчестеров урожая 2001-го года. Обзоры компьютерного магазина «Альбион»).
- (51) *С каждой стороны участвовало по одному полку / ^{??} по полку, а руководил «операцией» командующий ГРВЗ генерал-лейтенант Андреев.* (Аналитические материалы)

Суммируя сказанное в п. (А) и (В), можно сделать вывод, что дистрибутивные конструкции с числительными и должны в целом оказаться гораздо частотнее собственно дистрибутивов (т. е. конструкций без числительного). Во-первых, без числительного нельзя выразить значение количества большее или равное двум; во-вторых, ввиду особенностей актуального членения, в субъектной позиции при переходном глаголе ожидаются, скорее, количественные дистрибутивы — т. е. содержащие числительные; в-третьих, распространены ситуации, в которых объекты для рас-

пределения выбираются из однородных множеств — а такая ситуация в русском языке, как выясняется, требует числительного.

В то же время, разница в поведении дистрибутивов с числительным и без числительного по большей части контекстна: сами по себе эти варианты дистрибутивной конструкции не противопоставлены в такой степени, чтобы иметь серьезные причины считать одно диагностикой, например, неаккузативности, а другое — нет. Значит, их лучше рассматривать вместе, принимая во внимание тонкие различия в семантике и сочетаемости.

И наконец: оказалось, что эти различия связаны со структурой организации множества, из которого берутся распределяемые элементы. Пока в связи с поведением числительного обнаружилась только одна его релевантная характеристика — однородность / неоднородность. В следующем разделе мы обсудим другие его свойства.

§ 3. Дистрибутивная конструкция и дистрибутивная ситуация

3.1. О структуре дистрибутивной ситуации

Рассмотрим подробнее ситуацию, соответствующую дистрибутивной конструкции $V\ X\ по\ Y$ с предлогом *по* на самом простом примере:

(52a) *Я дал (V) каждому мальчику (X) по яблоку (Y).*

В качестве участников в ней присутствует несколько мальчиков (X) и несколько яблок (Y). Мальчики — «даны» и известны; яблоки выбраны из некоего большего (и, возможно, неоднородного) множества, содержащего яблоки, а в случае неоднородности множества — и какие-то другие объекты. При этом множества мальчиков и яблок связаны таким образом, что ситуация, которую порождает вершинный предикат V, — в данном случае, ситуация владения ('мальчик имеет яблоко') — повторяется несколько раз. Сказанное изображено на Схеме 1.

На Схеме 2 приведена более сложная дистрибутивная картина, где распределяются уже группы объектов, ср.:

(52b) *Я дал каждому мальчику по два яблока.*

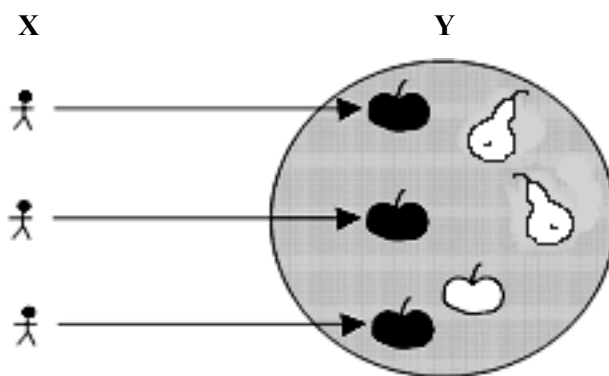

Схема 1

Однако здесь точно так же, как и в случае, представленном на Схеме 1, есть:

- объемлющее *множество выбора* Y (множество яблок),
- заранее заданные *параметры дистрибуции* X (мальчики),
- повторяющаяся ситуация ('мальчик имеет два яблока').

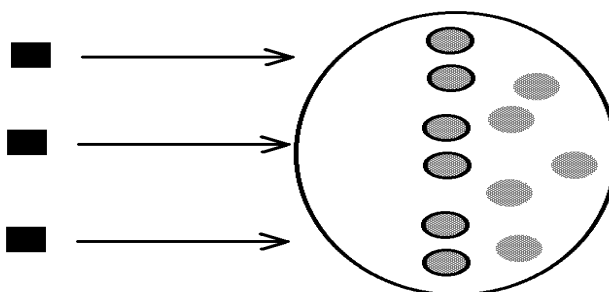

Схема 2. Дистрибуция групп объектов

Наконец, Схема 3, соответствующая предложениям типа:

(52с) *Я взял у каждого мальчика по два яблока*

представляет еще более сложную картину дистрибуции. В ней тот же заранее заданный параметр X (мальчики) и так же повторяющаяся ситуация (правда, уже с противоположным значением — 'у каждого мальчика взято два яблока <т. е. не хватает двух яблок>'),

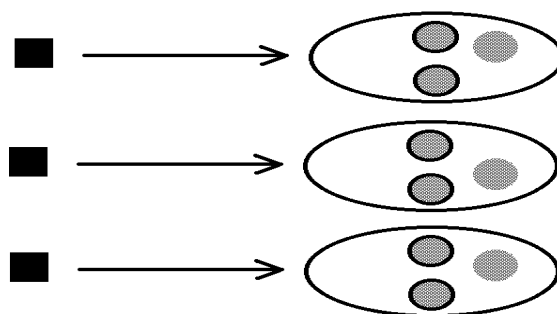

Схема 3. Распределение множеств выбора по подситуациям

в которой, однако, нет единого объемлющего множества, а есть несколько независимых (Y). Однако каждое из них по-прежнему больше, чем множество выбранных из него элементов.

Выясняется, однако, что названные (и, в общем, очевидные) условия (наличие объемлющего множества выбора, параметра дистрибуции и повтора) являются для дистрибутивов с *по* необходимыми, но не достаточными: чтобы эта конструкция могла реализоваться, она должна удовлетворять еще некоторым требованиям — вытекающим из основных, но, возможно, менее очевидных, а именно:

(1) счетность множества выбора

и

(2) отсутствие заранее заданных устойчивых отношений между параметром дистрибуции и его коррелятом.

Эти два условия мы рассмотрим ниже, соответственно, в разделах 3.2 и 3.3.

3.2. Счетность множества выбора

То, что в ситуации распределения объектов множество выбора должно быть счетно, непосредственно вытекает из определения самой дистрибуции: чтобы оперировать с этим множеством как того требует ситуация распределения, нужно, как мы только что видели, (а) оценивать его объем (он должен превышать число распределяемых объектов) и (б) поштучно выбирать из него эле-

менты, устанавливая их связь с заданным параметром. Оба эти шага предполагают счетность множества, которое в нашей конструкции занимает место *Y*, а значит, наличие у имени, заполняющего *Y*, такого семантико-синтаксического свойства, как 'исчисляемость'. Это свойство диагностируется как способность существительного присоединять количественные маркеры — в первую очередь, числительные и количественные наречия типа *много*, *несколько* и под. (см. Ляшевская 2004, Corbett 2000) — и накладывает определенные ограничения на место *Y* в конструкции. Его не могут занимать:

— во-первых, абстрактные существительные, такие как *радость* (**несколько радостей*), *теплота* (**четыре теплоты*) и т. п., ср. (53—54):

(53) а. Мы испытываем обновленную *радость* узнавания друг друга, мы чувствуем: мы люди, мы вместе. (Фазиль Искандер. Время счастливых находок)

б. *Каждый из нас испытывает по радости / по огорчению.

(54) а. Мы заняты одним делом и чувствуем теплоту друг к другу, хоть и не все знакомы, но мы все вместе — сварщицы, крановщицы, шофёры, трактористы... (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора)

б. *Мы чувствуем по теплоте друг к другу.

— во-вторых, предметные имена веществ и совокупностей, такие как *молоко* (**три молока*)¹¹ или *лук* (**несколько лука*), ср. (55—56):

(55) Я разлил молоко, нарезал хлеб, достал зеленый лук и крутые яйца. (Сергей Довлатов. Заповедник)

(56a) *Каждый из нас разлил по молоку.

¹¹ Понятно, что для большинства неисчисляемых имен в соответствующем контексте возможна семантическая деривация, превращающая их в исчисляемые, ср.: (неисчисляемое) *купи хлеба* VS. (исчисляемое) *⟨...⟩ пеки ему хлебы и клади в изголовье. В день по хлебу* (В. Воскобойников. Блистательный Гильгамеш). Подробнее об этом см. Ляшевская 2004 и цитируемую там литературу; ср. также предложение Р. Джекендоффа (Jackendoff 1991) описывать такие случаи как результат действия семантического оператора «универсальной упаковки».

(56b) *Каждый нарезал по хлебу.

(56с) *Каждый достал по луку. (ср. полностью приемлемое: Каждый достал по луковице) и др.

— в-третьих, имена пар и наборов (о наборах см. Ляшевская 2004), а также другие существительные *Pluralia* или *Singularia tantum*, ср.: *спички* (в значении ‘коробок спичек’; в этом значении нельзя и: *много спичек), *карандаши / краски* (в значении ‘набор цветных карандашей / красок’, ср. *несколько красок как ‘наборов’), *башмаки* (‘пара башмаков’ — говорят не *восемь башмаков, а восемь пар башмаков), *штаны, мебель* и под.:

(57) *Каждому выдали по штанам / по башмакам.

(58) В комнате было пусто, но в каждом углу стояло *по мебели / по стулу.

3.3. Дистрибутивность и устойчивые отношения

3.3.1. Устойчивые отношения и множество выбора

Если счетность можно рассматривать как требование к *качеству* множества выбора, то запрет на устойчивые отношения, о котором здесь пойдет речь, связан с самим его существованием. Действительно, коль скоро отношение между каждым параметром и его коррелятом задано заранее, то ни распределения этих коррелятов по параметрам, ни выбора их из объемлющего множества не происходит, потому что никакого множества выбора нет. Схема 4, иллюстрирующая грамматически невозможное предложение *Каждый наклонил по голове, представляет графическое изображение такого случая; его отличия от классической дистрибутивной ситуации легко увидеть, если вспомнить Схему 1 и ее варианты 2 и 3.

Ясно, что подобного рода устойчивые отношения должны запрещать конструкцию с *по*, поэтому важно понять, за счет каких участников и каких свойств дистрибутивной ситуации они могут возникнуть. Первая наша гипотеза касается реляционных имен, которым по определению свойственно входить в устойчивые отношения, — а именно, имен родства (см. подробнее 3.3.2) и частей-

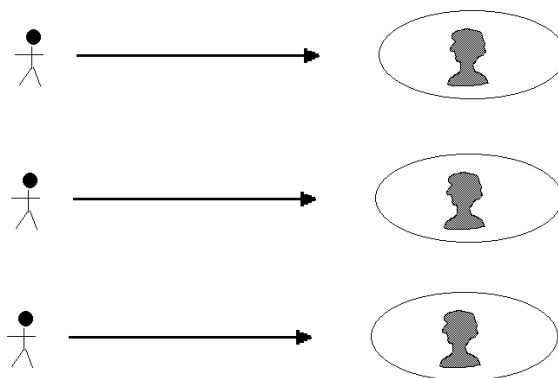

Схема 4. Ситуация с устойчивыми отношениями

целых (см. 3.3.3). Однако, как мы покажем в следующих разделах этого параграфа, устойчивые отношения могут создаваться и за счет лексической семантики глагола (3.3.4), и семантики конструкции в целом — локативной (3.3.5), бытийной (3.3.6) или хабитуальной (3.3.7).

3.3.2. Имена родства в дистрибутивной ситуации

Как известно, имена родства (*мать, отец, сын, дочь, брат, сестра* и т. п.) реляционны, а значит, предполагают очень тесную связь с каким-то другим участником ситуации. Попадая в позицию Y дистрибутивной конструкции с *по*, они требуют установления такого отношения с единственно возможным именем, обозначающим параметр дистрибуции — X, что X осмысляется в их контексте как родственник Y. За счет этого легко возникает ситуация, соответствующая Схеме 4 и запрещающая дистрибутив с *по*, ср. пример (59):

(59) **Каждый мальчик привел на выступление оркестра по матери.*

Действительно, процедура выбора здесь невозможна, поскольку каждому мальчику соответствует именно его мать и никакая другая, и такой смысл не требует дистрибуции, ср. грамматически правильное предложение, соответствующее (59):

(59a) *Каждый мальчик привел на выступление оркестра свою мать.*

Между тем, имена *мать* и *отец* с точки зрения дистрибутивной ситуации особенны: их можно назвать *моно-реляционными*, потому что каждое из них предполагает единственность отношения со своим коррелятом — потенциальным параметром дистрибуции (в обычном случае у каждого индивида одна мать и один отец). Моно-реляционными (конечно, в стандартном случае и в русской культуре) являются также *жена*, *теща*, *свекр* и др. под. Однако в большинстве своем имена родства, по крайней мере потенциально, *поли-реляционны*: у человека может быть много братьев или сестер, детей или племянников, тетя и т. д. Тогда употребление дистрибутивов становится возможным и даже естественным — в особенности если множественное родство устанавливается внутри одной семьи. В этом случае ограничение на устойчивое отношение снимается, и действует Схема 1, ср. примеры (60—61):

(60) *Так вышло, что малыши Жамьяновых сами собой разбились на парочки: каждому брату досталось **по сестре**.* (Каждому брату — по сестрѐнке. Информ-полис. № 48 (478) 28 ноября 2001 г.)

(61) *Молочное хозяйство пошло прекрасно: года через три у Голована было уже две коровы и бык, потом три, четыре, и он нажил столько денег, что выкупил мать, потом каждый год выкупал **по сестре**, и всех их забирал и сводил в свою просторную, но прохладную лачугу.* (Николай Лесков. Несмертельный Голован)

Помимо Схемы 1 в этом случае возможна и реализация Схемы 2, где предполагается выбор и распределение групп из нескольких объектов, ср. (60a): *каждому брату досталось по две сестры*. А вот реализация Схемы 3, которая соответствует дистрибуции поли-реляционных имен родства, принадлежащих не одной семье, как в (60—61), а разным, как в (59), затруднена ввиду однородности соответствующего множества (см. 2.4. В) и требует числительного. Ср.:

(59b) ^{??} *Каждый мальчик привел **по сестре** VS.*

(59c) *Каждый мальчик привел на выступление оркестра **по две** <свои> сестры.*

И еще один случай, при котором употребление имени родства в дистрибутивной конструкции становится возможным: это его неререферентное (интенциональное) употребление, описывающее не конкретный объект, как в примерах (59) — (61), а множество свойств (ср. Quine 1956, подробнее см. в Кронгауз 2001, Лайонз 2003 и мн. др.):

- (62) *...Наступает долгожданная гармония, когда, выражаясь словами Владимира Вольфовича Жириновского, каждой женщине достается по мужчине, а каждому ребенку — по отцу.* (Очередная премьера в Театре русской драмы им. С. Вургуня // «Зеркало», 11.03.2003)
- (63) *Его семья состояла из матери-пенсионерки, четырехлетнего ребенка и беременной жены, но призывная комиссия отказала Косте в отсрочке. Военком быстро «нашел» каждому члену семьи по родственнику, который и должен о нем заботиться...* (Осенний призыв // Граждане.Ру)
- (64) *Он завязал с наркотиками, пришел «с покаянной головой» в кино, стал блестяще играть злодеев. Дважды женился — на Дэриа Хэлприн и Кэтрин Ла Насса. Каждая из них родила ему по ребенку, но в конце концов оба брака распались.* (Деннис Хоппер: Вечный изгой)

Поскольку интенциональная интерпретация уничтожает презумпцию существования, реляционное имя вместе с ней теряет и фиксированное устойчивое отношение со своим коррелятом, т. е., собственно, реляционность. Таким образом, оно претерпевает семантический сдвиг, в результате которого «приравнивается» к предикатным именам¹² и, как все прочие, начинает допускать дистрибутивы с *по*.

3.3.3. Имена частей-целых в дистрибутивной ситуации

Теперь рассмотрим поведение другого класса реляционных имен — частей и целых, и начнем с частей тела: они, с одной стороны, наиболее частотны, а с другой — хорошо представляют особенности этого класса.

¹² См. Bach et al. 1995, см. также Partee 1983/1997.

В большинстве своем части тела моно-реляционны, как *голова* в (65), *нос*, *рот*, *живот* и др., т. е. единственны для владельца и не допускают множества выбора. Поэтому их употребление в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* также затруднительно (65a). Выбор из парных частей тела допустим, но, как мы помним из пункта В раздела 2.4, они образуют однородное множество, а в этом случае конструкция с *по* требует числительного, ср. (65b):

(65) *А как же, — сказал он и, просунув голову между железными прутьями барьера, заскользил вниз.* (Фазиль Искандер. Мальчик-рыболов)

(65a) **Они просунули по голове между железными прутьями барьера.*

(65b) *Каждый из братьев просунул по одной руке /*по руке между железными прутьями барьера.*

Между тем, при определенных условиях моно-реляционные части тоже могут образовывать объемлющее множество выбора — например, просто изменив свой статус, т. е. став поли-реляционными, в случае, если речь идет о фантастическом животном: многоносом, многохвостом, многоголовом и т. д., как в (66), где множество выбора составляют все головы дракона, что полностью соответствует канонической дистрибутивной Схеме 1:

(66) *Бедное животное и не думало сопротивляться. Пытаясь уклониться от острых лезвий, три его головы беспорядочно мотались из стороны в сторону, переплетались шеями и натываясь на лишнюю, ошалело хлопали глазами. Последняя же, словно выпавший из гнезда птенец, с любопытством озиравась окрест себя до тех пор, пока булава Ивана не прекратила ее ознакомление с этим миром. Удар раскрыл зеленый череп, а еще через минуту каждый из богатырей отсек по «своей» голове.* (Юлий Буркин, Сергей Лукьяненко. Остров Русь)

Другая возможность образовать «полноценное» множество выбора в соответствии со Схемой 1 возникает у единичных или парных частей тела (как и в целом у единичных или парных частей объекта) тогда, когда они отделены от владельца и уже не связаны с ним, образуя общее (причем не обязательно однород-

ное) множество с частями (возможно даже другими частями) других объектов, ср. (67):

- (67) Слева варвар-«монгол» отрубает голову несчастной жертве, другой «монгол» держит в каждой руке **по отрубленной человеческой ноге (/ голове)** с аппетитом пьет хлещущую из них кровь. (Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. Реконструкция всеобщей истории).

Наконец, точно так же, как и имена родства, части (и части тела в их числе) могут употребляться нереперентно (интенционально), так же теряя вместе с презумпцией существования закрепленное этой презумпцией устойчивое отношение части со своим целым, т. е. реляционность. Это создает условия для образования полноценного множества выбора и грамматической правильности дистрибутивных конструкций с *по*, ср. (68):

- (68) Конечно, — сказал Удалов, — легко было бы жить, если бы каждому человеку выдать по лицу, которое бы соответствовало его поступкам и душевному состоянию. Посмотрел на человека — и сразу на другую сторону улицы. Потому что видишь не лицо, а убийственную рожу. (Кир Булычев. Отражение рожи)

В заключение приведем несколько примеров, чтобы показать, что обычные части ведут себя в отношении дистрибутивов подчиняясь тем же правилам, что и части тела:

- (69) ??От каждого поезда отцепили по первому вагону.
 (70) ??У каждого светильника сломалось по выключателю.
 (71) Прибавка каждый год на день рождение **по вагону** к поезду может стать доброй семейной традицией. (Паровозик на День рождения // TOYS PURE)
 (72) Все что я доработал — это соединил провода на один штеккер, предохранитель на 20А и поставил на каждый провод **по выключателю** черного цвета от светильников. (Установка подогрева в сиденья наших авто // Клуб Любителей Honda Fit)

Видно, что если мы имеем дело с уникальными, уже присоединенными частями объектов, дистрибутивная конструкция не мо-

жет быть использована, ср. вагон, присоединенный к поезду в (69), или выключатель, присоединенный к лампе в (70). Однако, если мы имеем дело с общим множеством, из которого только будут выбираться функционирующие части, в этом случае ситуация может описываться как дистрибутивная, ср. присоединение к игрушечному поезду новых, только что подаренных вагонов (71) и подключение выключателей к проводам (72).

3.3.4. Устойчивые отношения между участниками за счет семантики глагола

Реляционные имена были интересны нам потому, что в их семантике презумптивно задано устойчивое отношение с некоторым другим объектом-коррелятом, которое нарушает обязательные требования нашей конструкции к дистрибутивной ситуации. Однако такое устойчивое отношение может возникать не только за счет презумпции имени, но и за счет презумпции глагола: глагол тоже способен порождать ситуацию, не согласующуюся с условиями употребления дистрибутивной конструкции. Наше исследование обнаружило в русском языке два класса таких глаголов.

Первый можно описать как предикаты с презумпцией обладания — так, глаголы типа *беречь* или *потерять*, в особенности с единичным объектом, в общем случае не предполагают множества, из которого выбирается объект обладания, а значит, не подходят под каноническую дистрибутивную схему, ср. (73)—(75):

(73) *Каждая из сестер березет по старинному золотому кольцу.

(74) В огромной витрине — фотографии девушек в масштабе три к одному, каждая натужно березет прическу. (Ирина Грекова. Дамский мастер)

(74a) *Каждая березет по прическе.

(75) ??Каждый из нас потерял по кошельку.

Для сравнения введем в этот пример предикат противоположной семантики, не имеющий не только презумпции обладания, но и презумпции существования объекта — *найти*, — и, как видим, пример (75) превращается в грамматически правильный (75a), представляющий Схему 1:

(75a) *Каждый из нас нашел по кошельку с луддорами*¹³.

Презумпция обладания свойственна глаголам с одушевленным агенсом и неодушевленным пациенсом: обладание — это отношение между лицом и предметом. Между тем, устойчивое отношение устанавливают и предикаты, оба аргумента которых одушевлены. В таком случае они описывают разновидности личного отношения субъекта к контрагенту и составляют второй интересующий нас глагольный класс, ср., например, *любить*, *ценить*, *уважать* и др. Для того, чтобы квалифицировать такое отношение с помощью предиката из этого класса, нужно, чтобы между соответствующими участниками заранее уже существовала некоторая связь. Она содержится в презумпции соответствующих глаголов и диагностируется конструкцией с отрицанием — нельзя сказать: *Наташа Ростова не любит Андрея Болконского* или: *Иван Иванович не уважает Ивана Никифоровича*, если эти лица не связаны никакими отношениями (например, они не знакомы). Межличностная связь, которая, таким образом, устанавливается данными предикатами, не предполагает множественности, соответствующие отношения индивидуальны и единичны, как и те, что мы наблюдали у моно-реляционных имен, поэтому в подобных ситуациях тоже не образуется множество выбора и невозможна дистрибуция, ср. (76a):

(76) *Я любил и уважал моего учителя, несмотря на мрачность и молчаливость его.* (Павел Нилин. Знаменитый Павлюк)
 (76a) **Каждый из нас уважал по (одному) учителю.*

По-видимому, данные два класса не исчерпывают всех глагольных запретов на *по*-конструкцию. Разбор примера (24), представленный ниже в *Замечании*, прекрасно это иллюстрирует. Видно, что для того, чтобы получить точную и полную картину, подтверждающую наше предположение относительно роли глагола в дистрибутивной конструкции, нужны дополнительные ис-

¹³ Впрочем, «исправить» (75) можно и другим способом — добавив в конструкцию числительное и, тем самым, образовав индивидуальные множества кошельков, каждое из которых за месяц уменьшилось на три штуки (Схема 3): *каждый из нас за этот месяц потерял по три кошелька*.

следования глагольной семантики. С другой стороны, вектор этих исследований, как кажется, нами уже задан.

Замечание о примере (24)

(24) ^{??}Каждый полицейский уличил **по** преступнику.

С семантической точки зрения, глагол *уличить* довольно интересен. Его трудно однозначно отнести к какому-то определенному таксономическому классу. С одной стороны, он заведомо не принадлежит к глаголам с презумпцией обладания и обычно не входит в круг предикатов личного отношения. С другой стороны, ситуация, которая ему соответствует, так же, как и у глаголов этих двух классов, не порождает множества выбора. По-видимому, *уличить X в Y*, т. е. 'найти улику против X-а, доказательство его вины в Y' можно только тогда, когда деятельность X-а тщательно и целенаправленно исследуется субъектом; но в таком случае, в отличие от ситуаций обвинения, оскорбления, клеветы и проч., но так же, как и в эмоциональных отношениях (любви, уважении, ненависти и др.), предполагается заранее заданная связь субъекта с X-ом, а не произвольный выбор X из объемлющего множества.

3.3.5. Устойчивые отношения в особых контекстах: локативный параметр

До сих пор в связи с обсуждением структуры дистрибутивной ситуации и заранее заданной связи между ее участниками мы выявляли ограничения на дистрибутивную конструкцию с *по*, которые остались не замеченными нашими предшественниками. Теперь пришло время в том же ключе объяснить и те запреты, которые уже отмечались сторонниками теории неаккузативности.

Действительно, надо признать, что несмотря на то, что, как мы показали в 2.3, разделение на «агентивные» и «пациентивные» глаголы не позволяет объяснить поведение дистрибутивной конструкции с предлогом *по*, тем не менее, есть явная тенденция к более частому употреблению «пациентивных» глаголов в данной конструкции. Нашей задачей здесь будет объяснить это обстоятельство, апеллируя к семантике дистрибутивности, а не к синтаксической теории неаккузативности. Речь пойдет о локативных контекстах типа:

в / на / возле / около / у ... каждого X V по Y,

где X — параметр дистрибуции со значением локализации, ср.: *на каждом дереве сидело по птице*.

Мы выделили их потому, что именно локативный параметр дистрибуции является наиболее частым при непереходных глаголах, которые представляют наибольший интерес для синтаксистов, а значит, в данном случае, и для нас.

С семантической точки зрения, противопоставление, на которое указывают сторонники неаккузативности, можно описать как противопоставление между динамическими и позиционными предикатами: именно позиционные предикаты (*стоять, сидеть, лежать, висеть*) фигурируют в соответствующих примерах как классические «пациентивные». Согласимся, что при употреблении в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* с локативным параметром эти две группы действительно ведут себя по-разному: в одних и тех же контекстах (например, *возле каждого окна ... по мальчику*) возможны глаголы позиции — ср. (77), невозможны динамические глаголы, ср. (78):

(77) *Возле каждого окна сидело / стояло по мальчику*.

(78) ^{??} *Возле каждого окна пело / прыгало по мальчику*, при том, что возможно:

(78a) *Возле каждого окна поет / прыгает мальчик*.

Ср. также аналогичные примеры из корпуса:

(79) *В каждой избушке у Сани висело по школьной тетрадке*. [Михаил Тарковский. С людьми и без людей (1983) // «Октябрь», 2003]

(80) *По бокам комнаты были две массивных двери с табличками, и возле каждой сидело по секретарше*. [Виктория Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату (1984)]

(81) *Перед каждым большим деревом стояло по ведерной бутылке, чем-то наполненной*. [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993—2003)]

Ср. также невозможность замены в реальных примерах типа:

(82) (a) *Хату <...> окружили наши автоматчики, занявшие посты возле каждого из окон*. [Д. Н. Медведев. Сильные духом (Это было под Ровно) (1948)]

(b) **Возле каждого из окон заняло пост по автоматчику*.

Для понимания семантической подоплеки такого эффекта важно, что в контексте локативного параметра у динамических глаголов обнаруживается (прагматическая) презумпция нахождения субъекта в некотором месте, а у позиционных глаголов такой презумпции нет. Иначе говоря, до того момента, как мальчики начали *петь* около каждого из окон, см. пример (78), они уже должны были там находиться. Но по отношению к сидящим или стоящим мальчикам — см. пример (77) — это неверно: их местонахождение устанавливается ассерцией глагола позиции (а значит не *до* действия, а в момент его начала), так что до того момента, как мальчики начали *сидеть* или *стоять* около окон, они, вообще говоря, могли быть в каком-то другом месте.

Презумпцию местонахождения субъекта динамическим предикатам придает локативная составляющая, которая требует, чтобы глагол имел фрагмент значения, с ней согласующийся. У позиционных глаголов такой фрагмент есть по определению, а вот динамическим приходится обзавестись прагматической презумпцией, чтобы соответствовать локативному контексту. В результате, динамические предикаты устанавливают презумптивную связь между своим субъектом и локализацией. При погружении в ситуацию дистрибуции эта заранее заданная связь препятствует построению множества выбора: в каждой подситуации, определенной, например, как в (78), будет осуществляться выбор из одного мальчика, который уже находится около данного окна. Конечно, по сравнению с реляционным отношением или презумпцией обладания, связь между окном и мальчиком недостаточно устойчива, но тем не менее даже и она существенно затрудняет употребление дистрибутива с *по*.

Заметим, что при других видах параметров дистрибуции использование динамических глаголов в конструкции с *по* возможно (что вполне согласуется с нашим описанием), ср.:

(83) *Каждый день **выходило по газете** с ругательной статьей.* [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984—2001)]

(84) *Каждое утро мясник степенно направлялся в лавку, и вслед за ним всегда **бежало по две-три собаки**, жаждущие угощения.*

Заметим и другое: отрицание позиционного глагола, в отличие от его утвердительной формы, не может быть употреблено в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*, ср. (85)—(88):

- (85) *В каждом углу валялось по куртке.*
 (86) **В каждом углу не валялось по куртке.*
 (87) *За каждой партией сидело по мальчику.*
 (88) **За каждой партией не сидело по мальчику.*

Такое поведение позиционных глаголов в контексте отрицания не является неожиданностью: его тоже легко объяснить, апеллируя к нашим схемам. Дело в том, что в утвердительных примерах, как (85) и (87), как уже было сказано, связь между локативным параметром дистрибуции и участником устанавливается не заранее, а ассертивно. Это позволяет иметь в (85) и (87) общее объемлющее множество выбора (всех присутствовавших мальчиков) и затем распределять его элементы по локативным параметрам (Схема 1). Совсем другую картину дает отрицание позиционного глагола: сам факт отрицания того, что что-то находится в каком-то месте, предполагает, что этот предмет там находился раньше — другими словами, предполагает достаточно устойчивую заранее заданную связь между локативным параметром и участником. Таким образом, произнося (86): **В каждом углу не валялось по куртке* мы предполагаем, что до этого куртки там находились и тем самым уже были распределены по локативным параметрам. Это означает, что данной ситуации соответствует Схема 4, и употребление дистрибутивной конструкции с предлогом *по* невозможно.

3.3.6. Устойчивые отношения в особых контекстах: бытийность и хабитуальность

Локативный параметр можно квалифицировать как особый контекст, который, предъявляя свои требования к участникам ситуации, специальным образом перестраивает дистрибутивную ситуацию. Однако он не уникален: помимо локатива, такими же «полномочиями» обладают бытийная и хабитуальная интерпретации глагола.

Когда мы обсуждали реляционные имена, за счет семантики которых в дистрибутивной ситуации образовывалась тесная связь

между ее участниками (см. 3.3.1—3.3.2), мы отмечали эффект сдвига значения этих имен. Он возникал в контексте интенсификационной интерпретации, который, как мы видели, сводил на нет их реляционные свойства, а с ними и запрет на конструкцию с *по*. Интересно, что аналогичный семантический сдвиг возможен и для глагола. Мы имеем в виду так называемые «бытийные употребления» глаголов, которые, как выясняется, «разрешают» совмещение динамического глагола и локативного параметра в дистрибутивной конструкции.

К бытийным принято относить такие употребления, в которых глагол заменяет собой предикаты со значением 'быть, находиться', как в (89)—(90): существование паруса в некотором пространстве, т. е. его «бытийный статус» автоматически (потому что паруса всегда белые) предполагает, что он белеет (т. е. виден белым), а звучание для пения фактически равносильно существованию:

(89) *Вдали **белеет** парус.*

(90) *В саду **звучит** пение птиц.*

Считается, что все предикаты, возможные в бытийных употреблениях, даже динамические, приобретают новые свойства, уподобляясь бытийным. Между тем свойства бытийных предложений — наименее агентивных и наиболее стативных в русском языке — достаточно хорошо изучены, и сами по себе (см. прежде всего Арутюнова 1976, 1997, Арутюнова, Ширяев 1983, Guiraud-Weber 1984), и в связи с проблемой генитива субъекта в отрицательном предложении, см. Babby 1980, Падучева 1992, 1997, Борщев, Парти 2002, Partee, Borschev 2006, 2007¹⁴. В работах последней группы исследователей обращается особое внимание на то, как обычный, не-бытийный глагол в соответствующем контексте сближается с бытийным, одновременно меняются его сочетаемостные характеристики, так что при отрицании он начинает допускать подлежащее в родительном падеже¹⁵.

Между тем, в работе М. С. Дудиной (2002) отмечена роль бытийной интерпретации и для дистрибутивной конструкции с *по*: там показано, что при бытийном употреблении глагола в этой

¹⁴ См. также существенные замечания в Апресян 1974: 86, 98 и др., 2006: 43—47, Булыгина 1982: 52.

¹⁵ Е. В. Падучева (1997) называет такие глаголы «генитивными».

конструкции, вопреки общему правилу, исчезает запрет на использование агентивных глаголов. Ср. следующие примеры из Дудина [2002]:

(91) *На крыше каждого дома гуляло по кошке.*

(92) *На каждом корте играло по паре теннисистов.*

В рамках СхG этот эффект имеет естественное объяснение, апеллирующее к взаимодействию дистрибутивной ситуации с семантикой вершинного предиката конструкции. Действительно, поскольку при бытийном употреблении агентивного глагола частично утрачивается его агентивная семантика и возникает бытийная, распределение участников по локативным параметрам, свойственное динамическим предикатам, снимается, и все участники образуют единое множество, из которого возможен выбор в соответствии со Схемой 1, ср.:

(93) *Конкурс проходил по четырем номинациям (в каждой пели по шесть человек): «Патриотическая песня», «Вокалисты от 14 до 17 лет», «Вокалисты от 18 до 30 лет» и «Авторы-песенники». (Лилия Вовк. Кому позволено дружить с XXI веком? Комсомольская правда Коми № 17 от 28 апреля 2000 г.)*

(94) *Соревнования проводились по матчевой системе: прыгали по два человека, например, участник, возглавляющий список и последний — 16 номер. Кто из них покажет более высокий результат, тот продолжит борьбу среди восьми победителей первого тура во втором туре. (Гранпри — точность приземления // Парашют. Международный авиапарашютный журнал. № 12, 2002 г.)*

Такого рода сдвигу, с потерей агентивности, может способствовать и хабитуальная интерпретация динамического глагола, которая, согласно Плунгян 2000: 295, превращает соответствующую ему ситуацию в «регулярно повторяющееся, “привычное” действие, становящееся характеристикой свойств субъекта». Тем самым, хабитуальное употребление тоже уменьшает динамическую составляющую в семантике глагола, а с ней уходит и прагматическая презумпция исходной локализации участника в определенной точке пространства, т. е. заранее заданной его связи с

этой точкой. Другими словами, исчезает распределение участников подситуаций по локативным параметрам (Схема 4), и возникает объемлющее множество, которому соответствует Схема 1, и возможность употребления дистрибутивной конструкции с предлогом *по*, как в (95):

(95) *В каждый кружок **ходило** по десять школьников,*

ср. также (96):

(96) *Удивительных людей легко можно распознать и в других ситуациях. Это они всегда **идут** неспешно, по два-три человека, активно общаясь, загородив собой дорогу тем, кто ходит в метро не на прогулки. (Праздник тормозов. Будни удивительных людей. // BraMC.ru).*

§ 4. Заключение

Общий вывод, который можно сделать из всего сказанного, состоит в том, что предположение о зависимости рассмотренной нами конструкции от синтаксического признака неаккузативности / неэргативности глагола (см. § 2) не обосновано и, как свидетельствуют наши примеры, дистрибутивная конструкция с предлогом *по* не может быть использована в качестве диагностики неаккузативности. В то же время, как следует из § 3, ограничения на дистрибутив с *по* мотивированы, но не синтаксически, а семантически — значением конструкции и взаимодействием ее компонентов и контекстных элементов.

Мы сформулировали главные условия, необходимые для успешности русского дистрибутива — это объемлющее множество выбора (Y), которое счетно и элементы которого не входят в заранее заданные отношения с параметрами дистрибуции (X). Мы показали, что эти условия объясняют действие всех остальных ограничений и запретов на дистрибутивную конструкцию с *по* — например, невозможность употребления в ней *pluralia tantum* (**Каждая портниха купила по ножницам*), моно-реляционных имен (**Каждый мальчик привел по матери*) или глаголов, предполагающих тесную связь между параметрами и объектами дистрибуции (**Каждая сестра бережет по кольцу*). Преимущество

нашего объяснения состоит в том, что оно совершенно прозрачно: поверхностные запреты связываются не со значением априорных признаков, а со свойствами самой дистрибутивной ситуации, которые меняются при изменении ее участников; иногда, как мы видели, эти изменения настолько радикальны, что они разрушают и дистрибуцию как таковую. Исходя из этого потребовалось проанализировать поведение каждой переменной в составе конструкции в ее взаимодействии с другими, в том числе вводящими более широкий контекст.

В теоретическом плане такой подход полностью соответствует СхG, еще раз подтверждая дееспособность этой теории. Выяснилось, что дистрибутивная конструкция представляет собой семантически единую, цельную языковую единицу: одно и то же ограничение на заранее заданное отношение может возникать не только за счет ее разных слотов — именного и глагольного — но и за счет контекста (локативного, бытийного, хабитуального) — и давать один и тот же эффект запрета ее поверхностной реализации.

Таким образом, данное исследование можно считать своего рода экспериментом по применению техники СхG к материалу, который было принято считать чисто синтаксическим. В результате семантический анализ оказался точнее и полнее синтаксического. Это внушает определенные надежды — в частности на то, что более глубокое исследование эффектов генитива с отрицанием, уже начатое в целом ряде работ (см. 2.2), окончательно выведет его из разряда чисто синтаксических явлений и тем самым лишит сторонников Теории неаккузативности основных аргументов — хотя бы для русского языка.

Глава 3

А БЫЛ ЛИ КОНЦЕПТ? КОНТЕЙНЕР И СОДЕРЖИМОЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ¹

§ 1. Постановка задачи

В работах по когнитивной семантике 1980—1990-х годов на первый план вышли описания предложных конструкций — достаточно упомянуть такие классические работы, как Herskovits 1986, Brugman 1988, Brugman, Lakoff 1988, Cienki 1989, Hawkins 1988, а также Lindner 1983, Talmy 1978, Taylor 1988, Vandeloise 1988, 1991 (подробнее см. в обзорах Рахилина 1998, Филипенко 2000 и в обзорно-аналитической статье Селиверстова 2000).

Значительно менее известны работы Л. В. Кнориной, которая тоже занималась классификациями имен, в том числе топологическими. Именные классификации интересовали Л. В. Кнорину в связи с более общей идеей описания существующих в языке «семантических типов» имен. Материалом ей послужила прежде всего генитивная конструкция в русском языке и близкая конструкция *смихут* в иврите (Кнорина 1985, 1990, Борщев, Кнорина 1990). Идеи Л. В. Кнориной получили развитие в работах В. Б. Борщева и Б. Парти (см. прежде всего Борщев, Парти 1998, 1999, 2010, Borschev, Partee 2004). Причем если когнитивисты сосредотачивали свое внимание на описании границ топологического типа, то в работах В. Б. Борщева и Б. Парти, которые выполнены в рамках формальной семантики, акцент делается на смену, или сдвиг, типа (type-shifting) и условия, при которых такой сдвиг возможен для представителей того или иного класса имен (подробнее об их подходе см. в Главе 4 этой части книги, ср. также ниже § 6).

¹ Первоначальный вариант этой Главы был опубликован как Рахилина 2004.

Одной из первых была опубликована работа А. Херсковиц (Herskovits 1986), в ней вводилось и широко обсуждалось понятие *контейнера*, необходимое для описания предлога *in* 'в' (а также *out* 'из, изнутри', *inside* 'внутри', *from* 'из' и многих других). Именно из этой работы мне, как, наверное, многим, стало ясно, что определения этому понятию — в строгом смысле этого слова — нельзя дать в принципе, и что таков, видимо, (опять — в принципе) статус и остальных топологических языковых концептов — 'поверхность', 'пространство' и др.

В самом деле, если под контейнером подразумевать предмет, имеющий углубление, в которое может поместиться некоторый другой предмет, то, действительно, контейнером может быть стакан (*стакан с водой*), ваза (*ваза с фруктами*) — даже несмотря на то, что она может оказаться гораздо «мельче» стакана, и ее углубление не будет вмещать объекты целиком, а также электрический патрон (*лампочка в патроне*, *патрон с новой лампочкой*) — хотя патрон никогда не может охватить и, так сказать, «поместить в себя» всю лампочку. Контейнером, однако, не может быть (баночная) крышка — при том, что в ней тоже есть углубление, в которое все-таки помещается некоторая часть банки (ср.: **крышка с банкой* / **банка в крышке*). Обсуждение (часто очень увлекательное) этих и подобных им функциональных и прагматических ограничений на ситуацию 'быть контейнером' составляет содержание подавляющего большинства работ когнитивного направления о предлогах со значением 'в' или 'внутри / внутрь / изнутри'. В результате такого обсуждения остается универсальный *прототип* — для контейнера это 'стакан', 'чашка' или 'ящик', которому противопоставляется периферия: крышки, патроны и др. под. Проблема определения свойств контейнера остается при этом в стороне.

К этой проблеме могут быть разные подходы. Во-первых, чисто теоретический: можно обсуждать общие свойства концепта 'контейнер' с точки зрения когнитивной парадигмы и его значимость для философской системы понятий языка в целом — такой подход представлен в специально посвященной этому концепту статье Кубрякова 1999. Действительно, 'контейнер' представляет собой одну из базовых «образных схем» (*image schema*, см. преж-

де всего Кубрякова (ред.) 1996)². Главный вопрос, который решается в Кубрякова 1999, — почему именно контейнер является функционально значимой схемой для (по-видимому любого) человеческого языка, как это связано с антропоцентричностью языка и как пространственный образ контейнера, говоря словами Р. Джекендоффа (Jackendoff 1997), «помогает нам думать».

Обратим внимание, что при всех различиях когнитивных и формальных теорий семантики и те, и другие, по-видимому, предполагают универсальность понятия «контейнер»: первые — как когнитивного концепта, вторые — как сорта в рамках онтологии, см. Борщев, Парти 1998, 2010³, «работающего» в аксиоматике наряду с кванторами, операторами, семантическими типами и прочими универсальными элементами метаязыка. Если допустить, что сорта не универсальны, т. е. их классификация будет отличаться в зависимости от языка или, тем более, конкретной конструкции, придется постулировать существование «сорт (типов, классов) сортов», а это слишком громоздко для онтологии.

С другой стороны, можно ставить вопрос более узко и рассматривать данное понятие в рамках системы языковой картины мира *одного конкретного языка* — например, русского. Речь идет о том, что в русском языке имеются специальные средства — а именно, *языковые конструкции*, — которые отражают представление данного языка (скорее всего, отличное от представлений всех или многих других языков) о некоторых определенных пространственных характеристиках объектов. Тогда задача может быть сведена к тому, чтобы определить список таких конструкций и их семантику, а под семантикой конструкций в этом случае понимается набор пространственных характеристик, которые они отражают.

² Этот термин нам хотелось бы переводить иначе — как «топологическая схема» (несмотря на то, что такой перевод формально значительно дальше от английского оригинала), потому что он, по определению, имеет в виду именно **зрительный** образ, т. е. «пространственную картинку», отражающую в первую очередь топологию объекта (см. подробнее Рахилина 2000а/2008: 380).

³ Ср. там же, раздел 1, Введение: «Сорта для нас — это элементы наивной онтологии языка <...> В лингвистической и философской литературе, а также в толковых словарях можно найти много примеров сортов: ВЕЩЕСТВО, ВМЕСТИЛИЩЕ, ДЕЙСТВИЕ, ЖИВОТНОЕ, ИЗДЕЛИЕ, ИНСТРУМЕНТ, ЛИЦО, МЕРА, ПИЩА, ПРОЦЕСС, СВОЙСТВО, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ и т. п.»

С некоторой долей условности можно считать это «практическим» подходом к проблеме контейнера: мы ожидаем получить конкретные семантические характеристики, которые задают контейнер в данном языке. Сейчас нас интересует решение именно такой задачи.

Будем для начала считать слово «контейнер» интуитивно ясным метатермином для имен предметов, содержащих углубление или полость. Русский язык предлагает несколько конструкций, которые описывают такие предметы, среди них в первую очередь:

- атрибутивные сочетания с прилагательным *глубокий* (*глубокое ведро*),
- локативные конструкции с предлогом *в* — направительная и локативная (*в ведро* / *в ведре*),
- комитативная конструкция с предлогом *с* (*ведро с водой*),
- генитивная конструкция меры (*ведро воды*).

Ниже мы рассмотрим некоторые особенности концептуализации пространства, которые предлагают эти конструкции.

§ 2. Атрибутивная конструкция с *глубокий*

Подробное описание семантики русского прилагательного *глубокий* и ограничений на его употребление было дано в нашей работе Рахилина 1995 (см. также 1999 и 2000а/2008, Гл. II, §2). В данном случае нам будет интересно лишь то, насколько атрибутивная конструкция с этим прилагательным может использоваться для определения контейнера.

Связь прилагательного *глубокий* с предметами типа ‘контейнер’ очевидна: если иметь в виду предметную лексику, то в атрибутивной конструкции *глубокий* сочетается почти исключительно с именами емкостей (*глубокая река*, *коробка*, *посудина* и под.), причем требует, чтобы эти емкости имели постоянную форму, ср. запреты типа: **глубокий мешок* / *сумка*).

Однако кроме названий емкостей постоянной формы, *глубокий* допускает и имена двух других предметных классов: веществ и объектов, находящихся на глубине. Класс веществ, «приемлемых» для *глубокий*, очень ограничен, так как сочетания типа *глубокий X* с веществами описывают только высоту их **слоя** на по-

верхности земли. Поэтому нельзя сказать ни **глубокий дождь* (дождь не образует слоя), ни **глубокий пот* (пот тоже не слой) или **глубокая каша / кисель* (они если и образуют слой, то в посуде) и под. — зато вполне естественны сочетания типа: *глубокая вода, глубокий снег, глубокий песок, глубокий ил*, ср. также: *машина застряла в глубокой грязи*.

В третий тип контекстов с *глубокий* попадают сочетания типа *глубокие пласты угля* или *глубокие корни*, которые интерпретируются, так сказать, «дистанционно»: обозначаемый именем объект воспринимается как находящийся на большой глубине под землей или водой. Так, *пласты угля*, если они *глубокие*, залегают на большой глубине; те корни растений, которые называют *глубокими*, тоже воспринимаются как находящиеся глубоко под землей. Ср. сочетание *глубокое место* = ‘такое, которое далеко под водой / землей’; так же могут интерпретироваться предложения типа: *Как-то крот вырыл себе глубокие ходы / норы по всему саду*, подробнее см. Рахилина 2000а/2008: 125, а также Часть IV, Глава 3). Важно, что, как и в случае с контейнерами, дистантное *глубокий* описывает только постоянную характеристику объекта — поэтому дистантно расположенный объект не может быть подвижным, ср. **глубокий якорь* в значении ‘брошенный на большую глубину’, так что вместо невозможного **глубокие рыбы / *глубокие подводные лодки* в значении ‘плавающие на большой глубине’ следует сказать *глубоководные рыбы* или *лодки / рыбы, плавающие на большой глубине*.

Возникает вопрос, каким образом семантика *глубокий* объединяет такие разные типы объектов и почему тип контейнеров «дополняется» именно этими двумя классами. Ответ в том, что для семантики атрибутивной конструкции с *глубокий* из разных свойств контейнера главным оказывается то, что обычно контейнер можно измерить погружением в него — а именно эту процедуру, по видимому, и следует считать семантической доминантой для этого прилагательного: так, мы выясняем глубину колодца, доставая из него воду, определяем глубину ямы — выкапывая землю, и т. д.

Поэтому, с одной стороны, *глубокий* избирательно относится и к классу контейнеров, «принимая» лишь тех его представителей, которые можно так измерить, и запрещая другие. Действительно, мягкие емкости типа мешков и пакетов, которые не сохраняют

формы, хотя и могут считаться представителями класса контейнеров, с *глубокий* не сочетаются: у них нет постоянной глубины, она слишком зависит от конфигурации объекта в данной конкретной ситуации, причем есть случаи, когда конфигурация мягкой емкости может вовсе не допускать измерения (ср. сложенный мешок / сумка). Атрибутивной конструкцией игнорируются и нефункциональные полости: *шляпа* не называется *глубокой*, потому что ее «глубина» не релевантна для пользователя и не измеряется им в процессе стандартного использования. Следовательно, несмотря на «подходящие» особенности формы, *шляпа* не является с точки зрения атрибутивной конструкции с *глубокий* «правильным» контейнером. Однако перевернутая шляпа, которая служит уже не головным убором, а, например, емкостью для сбора милостыни, — она меняет вместе с функцией и топологию (т. е. приобретает возможность восприниматься как контейнер измеряемой в процессе функционирования глубины), и сочетаемость: в таком случае *глубокая шляпа* окажется приемлемым сочетанием.

С другой стороны, измерять можно не только глубину «жесткого» контейнера, но и, например, глубину «мягкого» слоя, что и делает русское *глубокий*. Обратим внимание, что оно характеризует только те слои вещества, которые человек «измеряет» в очень естественной жизненной ситуации, и при этом стандартным для самого прилагательного *глубокий* способом — погружая и вынимая ноги при ходьбе. Отсюда естественность сочетаний типа *глубокий снег, песок*; отсюда же — неприемлемость сочетаний типа **глубокие камни*: даже в мелкие камушки, которые могут образовывать слой (так что соответствующие ситуации должны были бы допускать *глубокий*), нога не проваливается на расстояние, достаточное, чтобы «измерить» толщину слоя до дна; по той же причине сомнительно и сочетание *?глубокая пыль* (ср. здесь Шеманаева 2007).

Важно, что эта логика прослеживается в поведении *глубокий* и в третьем классе употреблений с предметными именами, т. е. тогда, когда оно «втягивает» в свою конструкцию объекты, постоянно находящиеся на глубине, как бы измеряя расстояние до них — но только в том случае, если оно неизменно, потому что тогда объект неподвижен: до подвижного объекта расстояние каждый раз будет разное, и в этом смысле противопоставление в контексте *глубокий* между подвижными и неподвижными объек-

тами на глубине похоже на противопоставление контейнеров жесткой и мягкой формы.

Любопытно, что похожим образом ведут себя и метафорические употребления. Если искать «инвариантный» коррелят для метафор *глубокий*, в духе предложенной в свое время Дж. Лаковым (см. Lakoff, Johnson 1980/2004) корреляции «больше» ⇔ «выше», то здесь наиболее естественной кажется идея полноты и исчерпанности: чем глубже объект, тем он больше, полнее и, следовательно, лучше. С другой стороны, чем глубже человек в него проникает, тем полнее, т. е. в большей мере (и, значит, опять-таки лучше) он его охватывает, исчерпывает, использует, ср. *глубоко уважать*, *глубоко понимать*, *глубокие раздумья* и под. (см. об этом также в Главе 2 Части IV).

Таким образом, можно считать, что хотя атрибутивная конструкция с *глубокий* и ориентирована на контейнер как на прототипический объект, она не может служить эффективным инструментом для выделения именно класса контейнеров. Действительно, из всех свойств контейнера эта конструкция «выбирает» только одно — измеримость расстояния до дна, а такая семантическая доминанта требует и некоторого сужения искомого класса (за счет «мягких» емкостей), и, одновременно, некоторого его расширения (за счет «слоев» и «глубинных предметов»).

§ 3. Конструкции с предлогом *в*

Предлог *в* обслуживает две конструкции — направительную с винительным падежом (*войти в дом*) и локативную — с предложным (*оказаться в доме*). МАС различает эти конструкции, устанавливая два разных значения *в*, а словарь Ожегова-Шведовой — объединяет. В принципе, и то, и другое решение имеет свои резоны.

Действительно, направительную и локативную конструкции можно объединять в словаре, считая, что семантическая разница между ними возникает исключительно за счет падежных значений. Так, если сравнить типы имен, фигурирующих в направительных и локативных контекстах (например, по материалам опи-

сания Всеволодова, Владимирский 1982), они окажутся практически одними и теми же.

Прототипическим объектом, по-видимому, в обоих случаях опять будет контейнер — внутри которого направлено некоторое движение или внутри которого находится некоторый предмет, ср.: *в кастрюлю налили суп — в кастрюле варили суп; положил в ящик — лежало в ящике; провалился в щель — прятался в щели; упал в овраг — рос в овраге; плюхнулся в ванну — плавал в ванне; грузили в вагоны — ехали в вагоне* и мн. др. Но главным свойством контейнера, которое выделяют обе эти конструкции, будет уже не глубина, а внутренний объем, прототипически — полость внутри объекта. Полость — это особенная, так сказать, маркированная внутренность предмета, и естественно, что полые предметы оказываются в центре множества объектов, допустимых в контексте предлога *в*. Отсюда сдвиг в значении «неподходящих» объектов типа «мягкие поверхности», которые, не будучи контейнерами, «добавляются», «втягиваются» в этот класс в контексте обоих употреблений *в* — направительного и локативного: *завернул в газету — принес в газете; укутал в одеяло — младенец лежал в одеяле; шел прямо в сети — запутался в сетях; сунул в руку — держал в руке* (= ‘в сжатой ладони’); ср. также примеры из Всеволодова, Владимирский 1982: 58—59. Мягкие поверхности складываются, чтобы трансформироваться в контейнеры; это возможно далеко не для всех из них — мены топологического типа не происходит, если она плохо согласуется с функцией данного объекта. Например, поверхности, содержащие изображения, — фотографии, схемы, чертежи и под. — в такого рода контекстах малоестественны.

Как правило, при семантическом анализе этих конструкций «перевешивает» интерпретация, связанная с метафорой содержания, ср.: *вставить условное обозначение в карту / деталь в картину — обнаружил дефект в карте / в картине*, где речь идет о содержательной стороне изображения, а не о бумажной поверхности; то же верно для текстов: *вставил в книгу / в газету — нашел в книге / в газете* и проч.⁴ Однако возможен и сдвиг тополо-

⁴ Возможны и другие переносные интерпретации (ср., например ‘печатное издание’ → ‘организация, выпускающая это издание’: *писать в*

гического типа так называемых «листовых» предметов (*книга, журнал, удостоверение, газета, блокнот* и под.) — пространство между листами осмысливается как полость, и все объекты этого типа оказываются с точки зрения *в*-конструкций контейнерами, ср.: *положить в книгу / журнал / газету — хранить в книге / журнале / газете*.

Полость отличается от контейнера тем, что для нее не важен «вход» и «выход»: у полости может вовсе не быть отверстий (например: *цыпленок попал в яйцо — цыпленок оказался в яйце*), или границ (*в пустоту — в пустоте*). С функциональной точки зрения контейнеры — объект более естественный, чем полость: они приспособлены для помещения объекта внутрь и его хранения. Поскольку, по образцу природных объектов такой конфигурации, человек специально создает артефакты с целью использовать это полезное свойство, контейнеров (и соответствующих им имен) больше, чем замкнутых и незамкнутых полостей. Только в этом смысле контейнеры можно считать самыми естественными представителями «полостных» объектов, а они, в свою очередь, как мы говорили, доминируют среди тех, у которых есть просто внутренний объем и которые — как следует в том числе и из словарных толкований — составляют семантику *в*.

Итак, *в* маркирует вообще внутренний объем объекта, ср. *червяк в яблоке* (= ‘внутри яблока’ или: *пуля попала в правую руку* = ‘внутри правой руки’); выделенными представителями этого множества объектов являются такие, у которых внутри — полость, а уже среди них главное место занимают контейнеры, — все это значит, однако, что контекст пространственной конструкции с предлогом *в*, так же как и контекст атрибутивной конструкции с прилагательным *глубокий*, не является, строго говоря, диагностическим для контейнеров как таковых.

З а м е ч а н и е

Такое представление о семантике *в* вполне согласуется с толкованиями, предложенными в МАС, ср., например, МАС о направлении *в*:

газету — работать в газете); легко проследить, что во всех этих случаях сохраняется, хотя и переосмысливается, топология контейнера.

«употребляется при обозначении предмета, места, пространства, внутрь или в пределы которого направлено действие».

Представляется даже, что эта или близкая ей формулировка могла бы служить достаточно точным описанием направительных употреблений предлога *в* в целом. Уточнения требуют лишь случаи топологического сдвига, подобные тем, которые мы только что упоминали (мягкие поверхности $\Rightarrow$ контейнеры), но ведь в этих случаях речь идет об изменениях в семантической структуре имени, а не предлога.

Однако авторы словаря применяют другую стратегию: они переносят центр тяжести описания сочетаний на семантику предлога и, стремясь охватить комбинаторику направительного *в* со всеми типами имен, вводят для него особые значения, например: «употребляется при обозначении предмета, в который кто-л., что-л. облакается, заключается» (*завернуть в бумагу*).

Любопытно, что одно из таких значений находится в явном противоречии с общей семантикой *в*; речь идет о значении, которое приводится в МАС под номером 4:

«употребляется при обозначении предмета, места и т. п., на поверхность которого направлено действие (при глаголах и существительных, обозначающих соприкосновение, столкновение и т. п.) *толкнуть в грудь, стук в дверь*».

Следуя этому описанию, можно было бы заключить, что *в* описывает не только взаимодействие с внутренностью объекта, но и с его поверхностью — но тогда непонятно распределение этих смыслов в семантике *в*, и потом, что же в таком случае описывает предлог *на*?

Ответы на эти вопросы легко получить, если обратить внимание на топологический тип имен, попадающих в контексты направительного *в* такого рода. Оказывается, в этих контекстах приемлемы только поверхности, которые «закрывают» собой некоторую емкость или полость. Так, можно: *стучать в окно / в дверь / в стенку* — но не **стучать в компьютер / *в клавиши рояля* (только *по компьютеру / по клавишам рояля*; ср. здесь вполне естественное: *бить в барабан* и неуместное: **бить по барабану*), а также *толкнуть в грудь / в бок* — **толкнуть в ногу / в ключицу* и под., см. подробнее Дубровина 2007. Следовательно, речь идет о метонимическом переносе ‘контейнер’ — ‘поверхность, закрывающая контейнер’, а не об отдельном подзначении направительного *в*.

Обратим внимание, что и здесь — в нетривиальной ситуации — при выборе интерпретации на первый план выходит топология контейнера как особо значимого типа объектов.

Интересно, что с локативными употреблениями *в* такой проблемы нет: там не возникает никакой специальной интерпретации контекстов с

«закрывающими поверхностями». Между прочим, это обстоятельство является косвенным свидетельством в пользу разделения направительного и локативного *в* — т. е. в пользу того решения, которое выбрал в свое время МАС.

§ 4. Конструкция с предлогом *с* (комитатив)

Данная конструкция, обозначающая — в сущности пространственную — ситуацию соположения объектов типа: *дед с бабой, Зайченко с Лебедевым, биточки с картошкой, диван с тумбочкой, чай с теплыми булочками и джемом* и под., тем не менее, обычно не попадает в класс пространственных конструкций (например, в книгу Всеволодова, Владимирский 1982 она не включена). Это связано с дополнительной семантической нагрузкой, которую несет такая конструкция. В частности, комитатив, как известно, передает идею устойчивой неравноправности объектов, соположенных в одном пространстве: первый всегда важнее второго⁵. Поэтому комитативная конструкция хорошо приспособлена для описания привычного взаиморасположения функционально связанных предметов, прежде всего частей и целых, которые закреплены друг относительно друга, ср. следующие сочетания: *зеленые птицы с красными головами; пирожные с самым пыльным слоем крема; дворовая фея с запачканным личиком; грузчик с бородой; пистолет с костяной ручкой; подъезд с мятой кровлей; просторные комнаты с высокими потолками; терраса с каменными ступенями; усатая девушка с красивыми черными глазами и маленьким ртом; комната с казенной мебелью; мебель с инвентарными номерками на столах и стульях* и др. (подробнее о поведении частей-целых в комитативной конструкции см. Рахилина 2000a/2008: 49—51).

Яркий пример привычного и устойчивого взаиморасположения в пространстве представляют и контейнер с содержимым — поэтому такие типы объектов тоже характерны для комитативной конструкции, ср.: *стакан с позвякивающей ложечкой; мешочек с хлебом или картошкой; сумочка со справками, заме-*

⁵ Подробнее о комитативных конструкциях (в типологическом ракурсе) см. Архипов 2009.

нявшими мне документы; клетка с пантерой; блюдечко с горчицей; комната с казенной мебелью; аквариум с разноцветными рыбками; амбар с белыми мышами; тюки с бельем; желтая яма с песком и под.

Обратим внимание, что если расположение частей и целых друг относительно друга — индивидуально и непредсказуемо (ср. приведенные выше примеры), то естественное взаиморасположение контейнера и содержимого, наоборот, заранее известно, поэтому именно эта ситуация — контейнер-содержимое — оказывается прототипом для интерпретации других, более сложных. Прежде всего это касается пар лицо — неодушевленный предмет. Ясно, что в такой паре лицо — главный участник, а неодушевленный предмет — второстепенный, и в комитативной конструкции первым членом будет имя лица, а имя предмета — присоединенным с помощью предлога, ср.: *мальчик с удочкой; молодые женщины с коричневыми сумочками; шизофреник с гитарой; загадочные люди с транзисторами; Разудалов с цветами и шампанским; паренек с тремя подносами; зеваки с пакетиками орехов; я с обрывком электрического провода сбежал по лестнице нашего двухэтажного дома; Верочка с микрофоном* и др. Оказывается, что самым естественным способом интерпретации этих конструкций будет такой, который предполагает, что человек держит предмет в руке, помещая его в ладонь (или в ладони). Между тем, *рука* в значении ‘ладонь’ и сама *ладонь* с точки зрения русского языка являются по своему топологическому типу контейнерами. *Рука* как контейнер не имеет жесткой формы, кроме того, его глубина практически не варьируется — поэтому атрибутивная конструкция с *глубокий* к имени *рука* не применима (**глубокая рука / *глубокая ладонь*), зато другая рассмотренная нами конструкция — с локативным и направительным предлогом *в* — с этим именем очень естественна. *В руке / в руку* значит ‘в сложенной ладони / в сложенную ладонь’, ср.:

- (1) *У каждого в руке — два сорок.* (С. Довлатов)
- (2) *Только один уже слегка притомился, а другому недавно дали шашку в руку.* (Ю. Трифонов)
- (3) *Кожаные штаны были на нем, а в руке он держал пистолет.* (Ю. Трифонов)

Косвенным подтверждением антропоцентричности данной интерпретации комитативной конструкции служит некоторая странность для русского уха примеров типа: *??шел ослик с двумя корзинами* — как если бы он нес их в руках. Таким образом, естественное соположение человека и его ноши (= в руке или в руках) не оговаривается в комитативной конструкции специально, тогда как естественное соположение поклажи и ослика обязательно требует уточнения, ср. следующий пример из И. Грековой:

- (4) *Были там ограды, перевитые плющом и розами, беседки, павильоны, лестницы, мягкими уступами спускающиеся к реке, белые лилии на воде, **ослик с двумя корзинами по бокам**, смеющиеся, белозубые, ярко одетые люди.*

Точно так же требует уточнения и нестандартное положение ноши у человека, ср.:

- (5) *Послевоенное поколение хорошо помнит по школьным учебникам эту в полный рост фигуру советского **солдата с автоматом на груди**.*

Обратим внимание, что по умолчанию «простое» сочетание *солдат с автоматом* однозначно понималось бы как ‘с автоматом в руке / в руках’.

З а м е ч а н и е

Если говорить о форме множественного числа, то лексема *руки* может подразумевать не только два контейнера (= две ладони):

- (6) *Длинен путь назад по темному коридору с двумя чайниками **в руках*** (Т. Толстая)

или один, но тоже сложенный из ладоней:

- (7) *Дедушка наклоняется и берет лезвие **в руки*** (Ф. Искандер),

но и контейнер совершенно другой формы — когда обе руки, а не только ладони, одновременно обнимают ношу и образуют единый, большой контейнер, ср.:

- (8) *Тут он почувствовал, что ноги у него подкашиваются, слабеют, тело ее тяжелеет у него **в руках*** (Ю. Домбровский).

Такая ситуация тоже может воспроизводиться комитативной конструкцией, ср. *цыганка с младенцем*.

Любопытно, что одежда человека, выступая в комитативной конструкции, тоже оказывается стандартной ношей (в руке / в руках), хотя, казалось бы, ее функциональное положение имело бы все шансы выражаться комитативом. Действительно, комитативный смысл, который можно условно обозначить как: ‘человек, сопровождаемый шляпой (пиджаком, носками, очками...)', теоретически, мог бы соответствовать ситуации ‘человек, надевший шляпу (пиджак, носки...) на себя’ — тем более что у каждого из этих предметов — почти как у частей целого — есть своя определенная пространственная позиция относительно главного участника ситуации (человека, который их надевает). Тем не менее, мы говорим *мужчина в пиджаке / в носках / в шляпе / в очках* и под., в отличие от *мужчина с бородой / с усами / с большим животом*, ср. интерпретацию соответствующих комитативных конструкций *мужчина с шляпой / с очками* и др. При этом для одежды интерпретация обеих конструкций — и пространственной с предлогом *в*, и комитативной с предлогом *с* — строится по модели ‘контейнер-содержимое контейнера’, только в случае с *в* контейнером оказывается одежда, а в случае с комитативом — человек, точнее, его рука.

Другой, менее распространенный случай расширения комитативной конструкции по модели контейнер-содержимое представляют примеры типа: *разочарованные дамы с сигаретами* или: *Левка Шулепников <...> с папирсой в зубах* (Ю. Трифонов). Замечательно, что для этих примеров, в отличие от сочетаний с предметами одежды, возможна и функциональная интерпретация, когда сигарету в этот момент курят, а не просто держат пачку в руке. Мы склонны предположить, что причина такой, на первый взгляд, неожиданной семантической асимметрии в том, что ситуация ‘контейнер-содержимое’ реализуется здесь, так сказать, напрямую: сигарета торчит изо рта, а интерпретация ‘в руке’ остается как возможный, но более слабый — нефункциональный — вариант той же модели ‘контейнер-содержимое’.

Мы подробно остановились на анализе этих примеров, чтобы проиллюстрировать особый семантический вес, или когнитивную значимость (когнитивисты в таких случаях говорят о «салиентности») топологической ситуации ‘контейнер-содержимое’. Ясно, что для комитативной конструкции эта топологическая ситуация не является центральной — тем не менее, она не только входит в

зону действия конструкции, но и, как мы видели, служит базой для существенного расширения этой зоны, и это при том, что пока речь шла только о классе употреблений ‘лицо–неодушевленный предмет’ и его производных.

Между тем, топологическая ситуация ‘контейнер-содержимое’ оказывается «донором» для расширения зоны действия комитатива и в классе употреблений типа ‘неодушевленный предмет–неодушевленный предмет’. В частности, наряду с примерами типа *сумочка со справками* или *пузырек с лекарством*, явным образом демонстрирующими отношение ‘контейнер-содержимое’, встречаются и такие как:

- (9) ... лежал измятый клочок папиросной **бумаги с расплывшимся, плохо отпечатанным *текстом*** (С. Довлатов)
- (10) Предварительно брат и его жена вырвали **листы с автографами** (С. Довлатов)
- (11) **Пластинки с речами** генералиссимуса хранились в красных альбомах (С. Довлатов)
- (12) В руках у одного — бумажная **лента с отпечатанными столбиками цифр**. (И. Грекова),

которые демонстрируют это отношение опосредованно: надпись концептуализуется как содержимое бумаги / пластинки — и, таким образом, вся ситуация «подходит» под комитативную.

§ 5. Несколько слов о множественной классификации

В связи с примерами метафорических и других переносов обратим внимание на следующее обстоятельство, имеющее непосредственное отношение к концепту контейнера как таковому. До сих пор мы в основном говорили об именах контейнеров, подразумевающих, в сущности, один и тот же физический тип объекта — его можно назвать словом «емкость» или «вместилище». Мы наблюдали, что разные конструкции включали эти имена в зону своего действия по разным причинам, но в целом — благодаря общности исходного прототипа для контейнера как физического объекта — большой дифференциации внутри этого класса не происходило, все контейнеры вели себя более или менее одинаково и в конструкции с *глубокий*, и с предложными конструк-

циями с *в* и *с* (исключение, как мы помним, пока составляли только мягкие емкости).

Однако в переносных употреблениях концепт размывается, имя не обозначает собственно контейнер, оно только концептуализуется говорящими как контейнер, т. е. по определенным параметрам *приравнивается* к типичным представителям этого класса. Именно это происходит в примере (12), представляющем метафору контейнера: никто не будет считать бумажную ленту «настоящим» контейнером, а цифры — ее «настоящим» содержанием.

Встречаются и другие примеры, которые подпадают под действие комитативной конструкции исключительно благодаря концептуализации отношения между двумя объектами по типу «контейнер-содержимое», например:

- (13) *На большой тарелке затейливо разложены бутерброды — божье ты мой, какие бутерброды — с ветчиной, с балыком, с икрой...* (И. Грекова)

Из сопоставления с другим предложением:

- (13а) *На большой тарелке затейливо разложен хлеб с ветчиной, с балыком, с икрой...*,

которое предполагает простое соположение отдельных объектов, ясно, что *бутерброд* понимается здесь как своеобразный контейнер, имеющий свое содержание, так что сочетание *бутерброд с икрой*, с точки зрения говорящего, устроено, в общем, по модели *пирожок с повидлом*. Следовательно, здесь тоже происходит концептуализация, сдвиг реальных параметров ситуации — как в случае метафоры контейнера.

В то же время, с лингвистической точки зрения этот пример, как ни странно, оказывается более сложным, чем метафорический перенос. Дело в том, что и бутерброд, и его «содержимое» предполагают реальные физические объекты, со своей формой и топологией (тогда как цифры и автографы являются, если можно так сказать, нематериальным содержанием своих бумажных носителей и с конкретными физическими свойствами не соотносятся).

Между тем, по своим топологическим свойствам *бутерброд* остается далек от канонического прототипа контейнера: он не

имеет измеряемой полости и вообще представляет собой, скорее, поверхность, чем объемный объект. Это обстоятельство «выявляют» другие конструкции — атрибутивная с *глубокий* и предложная с *в*: они не допускают *бутерброд* в область своего действия, ср.: **глубокий бутерброд* или: *икра на / *в бутерброде*; ср. также:

- (14) *Для красоты на бутерброды положили петрушку — получились бутерброды с рыбой и петрушкой,*

— и, тем самым, «не признают» его контейнером.

Другой характерный пример:

- (15) *Отец расхаживал по темной комнате, позвякивал ложечкой по стакану, говорил что-то маме так же негромко, как неярко горел свет, выхватывая из мрака лишь стол с бумагами и книгами* (Ю. Трифонов).

Предлог *с* не различает следующих двух пространственных ситуаций: когда книги и бумаги лежат в ящиках письменного стола и когда они покрывают столешницу. В последнем случае, с лингвистической точки зрения, столешница концептуализуется комитативной конструкцией как «содержащая» книги — эта ситуация «втягивания» объектов другой топологической природы в зону действия предложной конструкции неоднократно описана в когнитивной лингвистике (см., например, Hawkins 1988). На что, на наш взгляд, пока не обращалось достаточного внимания, — это на то, что такая концептуализация *относительна* — она может не сохраняться другими конструкциями, хотя, на первый взгляд, в их контексте должна была бы быть столь же востребована. В нашем случае, речь идет о конструкциях с *глубокий* и *в*: *бумаги в столе* понимается исключительно как «в ящиках стола», и атрибутивная конструкция *глубокий стол* тоже не характеризует столешницу как квазиконтейнер. Таким образом, опять, как и в только что разобранным примере, обе эти конструкции «не признают» концептуализацию объекта в качестве контейнера, которая естественна для комитатива.

Объяснения такого эффекта — вполне понятны, они связаны с семантикой каждой из конструкций. Столешница никак не может попасть ни в зону действия *глубокий*, потому что для этого слиш-

ком важна процедура измерения глубины, ни в зону действия *в*, потому что бумаги лежат сверху, а столешница слишком мала, чтобы оказаться пространством (ср. здесь допустимое *в поле*, но *на* / **в лужайке* и даже *на* / **в лугу*).

Разобранные выше примеры могут создать впечатление, что комитативная конструкция «идет не в ногу», нестандартно определяя границы контейнера. Это впечатление ошибочно, вспомним хотя бы интерпретацию *руки* и *ладони* как контейнеров. Строго говоря, исходя из одних только физических свойств внеязыкового объекта, *рука* или *ладонь* не могут классифицироваться как контейнеры — однако в языковой картине мира, задаваемой конструкциями с предлогом *в* и комитативной конструкцией, они, как мы видели, способны отождествляться с объектами типа контейнеров. Однако с точки зрения атрибутивной конструкции с *глубокий*, *руки* и *ладони* имеют другой топологический концепт, отличный от «признаваемых» этой конструкцией контейнеров.

Со своей стороны, конструкция с *глубокий* «втягивает» в класс контейнеров слои (*глубокий песок*), которые «не признают» предложные конструкции. Можно было бы считать, что слои — вообще другой класс объектов, ничего общего не имеющий с типом контейнеров, но на самом деле семантический переход, возникающий в контексте атрибутивной конструкции, имеет совершенно ту же природу, что и объединение полостей с поверхностями типа столешницы или ладони, которое производит комитатив. Речь идет о расширении категории за счет объектов других типов, — это расширение подчиняется требованиям данной конструкции, ее семантической доминанте: каждый раз выбираются только объекты, удовлетворяющие тому признаку прототипического контейнера, который эта конструкция считает доминирующим.

Если принять, что язык — в зоне концептуализации внеязыковых объектов — действительно устроен именно так, это решение может иметь существенные последствия для принципов лингвистического описания.

Во-первых, это значит, что нет и не может быть в принципе никакого единого определения контейнера как языкового концепта: каждая конструкция в каждом языке имеет свое представление об этом типе объектов. Следовательно, ни одна отдельно взятая конструкция, ни группа конструкций не могут быть эффек-

тивным критерием определения концепта как такового, потому что они никогда не «действуют» вполне согласованно. Ситуация, конечно, довольно парадоксальная: концепты в языке существуют, они играют довольно большую роль в языковой картине мира, но описать их как языковые объекты нельзя: они остаются эфемерными.

Во-вторых, при некотором способе описания у языковых единиц (например конструкций) может совпасть прототип, и таким прототипом может быть «картинка» некоторого топологического типа объектов (в когнитивной терминологии — *image schema*), но никогда не совпадет периферийная зона: она определяется семантической доминантой, которая индивидуальна и которая как раз и определяет и значение этой единицы, и возможности семантического развития этого значения.

Наконец, в-третьих. Нужно понимать, что один и тот же объект в языке может не только в разных ситуациях, но и в совершенно одинаковых условиях концептуализоваться по-разному. Это зависит от того, как данный фрагмент языка отражает данную внеязыковую картину. Следовательно, мы получаем еще одно существенное подтверждение принципиальной многовариантности именной классификации: одно и то же имя может **одновременно** быть представителем нескольких именных классов. Об этом — на примере таксономической классификации — речь шла в Рахилина 2000a/2008 (см. прежде всего с. 212—213), в данном случае тот же эффект мы наблюдали в топологии: предмет оказывался, с одной стороны, контейнером, а с другой — нет.

Надо сказать, что этот принцип очень удобен для пользователей естественного языка — его носителей (например, он позволяет уменьшить объем используемой лексики: ведь каждая лексема при смене контекста может «сдвигаться» в другой класс, а иногда и представлять оба сразу). Однако для лингвистов он представляет значительные неудобства и нарушает традицию **древесной** классификации имен, которая более или менее воспроизводится во всех тезаурусах при описании именной лексики самых разных языков⁶.

⁶ В частности, так устроен 2-й том Семантического словаря русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой (Шведова 2000) — и сейчас трудно да-

Имея в виду все сказанное в этом разделе, перейдем теперь к обсуждению последней конструкции — с генитивом меры, ср.: *стакан воды, ложка дегтя, корзина грибов* — и того представления о контейнерах, которое эта конструкция предлагает⁷.

§ 6. Генитив меры

6.1. О терминологии

Начнем с терминологии. В самом деле, если мы ожидаем от каждой новой конструкции, так сказать, индивидуального подхода к содержанию концепта, это новое содержание можно зафиксировать и терминологически.

До сих пор для имен предметов, содержащих полость или углубление, мы использовали метатермин «контейнер». Настало время обсудить правомерность такого решения, с одной стороны, а с другой — то, что можно было бы назвать его «последствиями» для лингвистического описания, в данном случае, генитивной конструкции.

Действительно, слово *контейнер* употреблялось нами терминологически как привычное заимствование из английского (возникшее, судя по данным НКРЯ, во второй половине XX века: слово встречается у Владимова, Довлатова, Азольского и др., а в текстах более раннего периода отсутствует); в русском языке его собственный смысл стал в результате гораздо уже и специфичнее: контейнер обозначает, согласно Ожегов, Шведова 1993, «стандартное вместилище для транспортировки в нем грузов без

же представить себе иной путь организации и подачи лингвистического материала в «бумажном» словаре. Особенно существенна эта трудность для идиом — на это неоднократно указывали авторы Словаря-тезауруса современной русской идиоматики (2007) А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, см. например, Баранов, Добровольский 2008: 392 и сл.

⁷ Семантика генитивной конструкции меры была объектом исследования Московского семинара по формальной лингвистике — в частности в рамках проекта Национального научного фонда США BCS-9905748 по семантике генитива. Результаты этих обсуждений нашли отражение в следующих публикациях: Борщев, Парти 1999, 2010, Partee, Borschev 1998, Borschev, Partee 2001, 2004, Rakhilina 2002, 2004.

упаковки» и употребляется в основном в сочетаниях типа *железнодорожный / грузовой контейнер, мусорный контейнер* (для транспортировки мусора) или *контейнерные перевозки*.

Альтернативой заимствованному *контейнер* может быть родовое имя *вместилище*, которое МАС толкует достаточно общо: «место, вмещающее в себя что-л., помещение, предназначенное для содержания в нем чего-л.». С терминологической точки зрения, *вместилище* отличается от своих ближайших квазисинонимов — *емкости, сосуда и резервуара* — тем, что практически не налагает ограничений на содержимое, в то время как *резервуар* обозначает вместилище для жидкостей и газов (Ожегов, Шведова 1993), а *емкость* и *сосуд* называют вместилища «для хранения жидких и сыпучих тел» (МАС, Ожегов, Шведова 1993).

С другой стороны, конструкция родительного меры как раз предполагает ограничения на содержимое, поэтому, выбирая термин, можно либо взять нейтральное «вместилище», специально оговорив эти ограничения, либо подобрать из остальных такой термин, который сам выбирает в качестве содержимого наиболее подходящий нашей генитивной конструкции класс «содержимых». В этой работе мы выберем второе и остановимся на термине *емкость*, но не потому, что он имеет какие-то специальные преимущества перед термином *контейнер*. Этот выбор, как мы надеемся, поможет нам прояснить семантику емкости и контейнера как квазисинонимов и очертить естественные границы их употребления⁸.

Емкость — это вид вместилища; генитивная конструкция интересующего нас типа, действительно, неприемлема с не-вместилищами, ср.: **веник веток, *гребенка зубьев, *компресс спирта, *елка конфет, *дерево листьев* и др.

Емкости не просто обозначают объекты, содержащие полость, они предназначены для **хранения** других объектов внутри: ни

⁸ В работе Борщев, Парти 2002, 2010 и др. предлагается, наоборот, первое решение: при описании конструкции генитива меры используется достаточно «пустое» заимствование *контейнер*, которому специально приписываются необходимые для данной конструкции свойства. Такой выбор решает другую задачу — задачу точности описания. Для этого, бесспорно, лучше опираться на конструкт, а не на естественное словопотребление, которое, конечно, далеко от формального.

щель, ни *трещина*, ни *дыра* не удовлетворяют этому условию и в генитивной конструкции оказываются неприемлемы. Так, не говорят: **щель тараканов* в смысле ‘щель, полная тараканов’ или **трещина мусора*, имея в виду ‘мусор, забивший трещину’. По той же причине оказываются запрещены и сочетания типа **река / ручей <чистой> воды*: река не является хранилищем для (чистой) воды⁹.

Емкости предназначены прежде всего для жидкостей — и наша генитивная конструкция всегда приемлема, если в качестве содержимого выступает характерная для данного сосуда жидкость, ср.: *горшок щей, графин водки, бокал шампанского, бочка пива, бидон молока*, а также: *ведро, корыто, бутылка, кастрюля, котел, кофейник, кружка, кубок, кувшин, миска, рюмка, стакан, чайник, чашка, бак, ковш, лейка, термос, шайка; тарелка (супа), ложка (касторки), пакет (молока), банка (варенья), цистерна (кваса)* и др.

Возвращаясь к терминологической проблеме, обратим внимание, что если бы эти ограничения были бы исчерпывающими, у нас бы был выбор между *емкостью* и *сосудом*: как мы помним, *сосуд* тоже означаетместилище для жидкостей. Однако генитивная конструкция меры допускает и сыпучие вещества, и мелкие объекты, ср.: *мешок сахара, корзина / лукошко грибов, сковородка картошки, пепельница окурков, ведро мусора, ясли (овса)* и др., а для описания *корзины* слово *сосуд* все-таки малопримлемо, в то время как более широкое *емкость* вполне возможно¹⁰.

⁹ Обратим внимание, что сочетания типа *реки крови* (приемлемые, кстати, только во множественном числе, ср.: **река крови*) соответствуют генитивной конструкции другого типа, которую можно было бы описать как квантификативную, означающую ‘неопределенно-большое количество’ — ср. в том же ряду *горы мусора, море слов, вагон проблем* и проч., см. Глава 2 Части IV.

¹⁰ Тем самым, правило, сформулированное Ю. Д. Апресяном в Апресян 1999, о том, что конструкция с генитивом меры возможна, если объект является *сосудом*, оказывается неточным, если рассматривать ‘быть сосудом’ как необходимое условие: объект может не быть сосудом (например, вмещать сыпучие вещества), но подпадать под действие конструкции. Ниже мы увидим, что и в качестве достаточного условия (а именно: если объект относится к классу сосудов, генитив меры возмо-

Обратим внимание, что концептуализация сыпучих веществ как жидкостей (но не наоборот) с точки зрения русского языка очень естественна, ср. *пишено **течет** между пальцев, **погрузить-ся** в песок, **утонул** в мусоре* и под. Тем более естественно объединение в одном концепте (емкость) «протекающих» (как *корзина*) и «непротекающих» (как *ведро*) вместилищ; скорее удивительно, что русский язык все-таки имеет возможность их противопоставить в семантике слова *сосуд*.

Создается впечатление, что термин *емкость* просто идеально соответствует тем ограничениям, которые имеет в виду интересующая нас генитивная конструкция. Это, конечно, не так, потому что генитив меры имеет свою семантическую доминанту. Остается понять, в чем она состоит, почему свойства стандартных емкостей совпадают с требованиями этой конструкции и какие дополнительные требования она предъявляет к своим участникам.

6.2. О семантической доминанте

Конструкция, о которой идет речь, выражает **меру** содержимого емкости, равную объему данной емкости — это и определяет ее требования к обоим именным участникам: вместилищу и содержимому¹¹.

Раз данное вместилище является инструментом измерения объема, оно должно быть предназначено для данного содержимого. Это значит, что оно, во-первых, может быть отнесено к категории хранилищ (и, тем самым, по условиям самой конструкции, которые в данном случае совпадают с ограничениями, предусмотренными концептом 'емкость', ни *река*, ни *щель* не должны в ней допускаться).

жен), свойство 'быть сосудом' неприемлемо для этой конструкции. В частности, «классическими» сосудами являются ваза и аквариум, однако их поведение правилу Ю. Д. Апресяна не подчиняется (см. следующий раздел).

¹¹ Отдельный, и очень интересный вопрос — *почему* смысл меры передается в русском языке именно генитивной конструкцией; с задачей этой Главы он связан опосредованно, но подробно рассматривается в следующей, четвертой, Главе.

Во-вторых, лучше, чтобы это были естественные для данной емкости наполнители. Поэтому стандартные артефакты — сосуды для молока, воды, кваса, лекарственных капель и под., а также артефакты, служащие для хранения сыпучих объектов (типа *лукошко* или *корзина*), подходят, конечно, лучше всего. Это естественно: для хранения и транспортировки таких аморфных веществ, как жидкости или сыпучие продукты, существует много специально созданных вместилищ, каждое из которых предназначено для содержимого определенного типа. Нестандартные емкости в контексте генитивной конструкции будут выглядеть странно, ср.: *рояль яблок*, *футляр сахара*, *санки угля*, *диван книг* и под.

И наоборот, каждому вместилищу должен соответствовать привычный наполнитель. Так, для сосуда естественным наполнителем, которому данный сосуд может служить мерой, является жидкость, ср. неприемлемое: **ваза цветов* или **аквариум рыб*. Для понимания природы такого рода запретов очень важна процедура использования сосуда. Важно, что в вазу или аквариум как в сосуд сначала наливают воду, а потом ставят цветы или запускают рыб — причем не обязательно заполняют ими сосуд целиком.

Для сравнения рассмотрим вполне приемлемые с точки зрения генитива меры и, казалось бы, денотативно тождественные сочетания типа: *бочка / банка соленых огурцов / грибов / капусты*. Дело в том, что, по всем известной технологии, бочку или банку сначала доверху наполняют грибами, огурцами или капустой, и тогда эта бочка (банка) может служить не только стандартной тарой, но и стандартной **мерой** для этих объектов. Рассол заливается потом, ср. *бочка рассола* — в такой бочке нет огурцов. Рыбы же, разумеется, не заполняют аквариум целиком: они в нем свободно плавают в неизвестном количестве, так что объем аквариума не может служить для них мерой. То же касается и цветов в вазе.

Интересно, что в этих случаях вода тоже не является «подходящим» содержимым — ни для вазы, ни для аквариума, хотя, казалось бы, они оба являются сосудами, ср. не очень естественное: **ваза / *аквариум воды*. Дело в том, что количество наливаемой воды в функциональной ситуации (когда вода нужна для рыб или цветов) тоже никак не определено, так что эти сосуды не могут в настоящем смысле служить мерой и для «канонической» жидко-

сти. Отдельно надо рассматривать нестандартные употребления, когда воду носят аквариумами или вазами (и, следовательно, специально наполняют их целиком) — такого рода ситуации, конечно, нетипичны для этих объектов.

Таким образом, несмотря на то, что *аквариум* и *ваза* подпадают под определение емкостей (и даже под определение вместилищ более узкого класса — сосудов), с точки зрения генитивной конструкции они «правильными» емкостями считаться не будут. Но эти случаи можно пока рассматривать как, так сказать, досадные исключения.

А вот следующее ограничение, вытекающее из семантической доминанты генитива меры, прямо противоречит концепту емкости. Заметим, что генитивная конструкция, ориентированная на измерение, требует, чтобы емкость заполнялась более чем одним, а лучше — многими предметами, как если бы это и в самом деле были частицы сыпучего вещества в какой-нибудь коробке или корзинке — поэтому *чехол для гитары* или *футляр для очков* запрещены в контексте генитивной конструкции в значении меры: **футляр очков* или **чехол гитары* (в смысле: ‘наполненный гитарой’). Однако этого не достаточно: для того чтобы вместилище удовлетворяло условиям генитива меры, объем его должен быть предсказуем и соответствовать определенному стандарту. Такое условие одновременно сужает класс емкостей, потому что не все из них оказываются приемлемы в генитивной конструкции, ср. **карман ключей / денег*, **конверт бумаг*, **кошелек денег* и под. И *карман*, и *конверт*, и *кошелек* можно классифицировать как емкости, но они (в точности как аквариум или ваза) не определяют однозначно количества объектов, которые могут вместить, потому что — в отличие, скажем, от бидона или ведра — бывают слишком разного размера.

С другой стороны, не все вместилища стандартного размера можно с уверенностью назвать емкостями. Действительно, является ли емкостью *эшелон*? *погреб*? наконец, *катушка (ниток)*? Здесь генитивная конструкция легко раздвигает рамки класса емкостей, «втягивая» подходящие под это условие объекты, ср.: *катушка ниток*, *папка бумаг*, *машина угля / дров*, *баржа нефти*, *эшелон солдат / заключенных* (в противоположность нестандартному заполнению этого вместилища, которое отторгается гени-

тивной конструкцией: [?]*эшелон людей / пассажиров / писателей*), ср. также: *шприц камфары, шкаф / полка книг, палата больных, погреб картошки* и др.

Стандартный размер вместилища и его стандартное наполнение — это главные условия для приемлемости генитивной конструкции. Они определяют и другие ее свойства, в том числе и имеющие совершенно иную природу.

Так, генитив меры требует нереферентности соответствующей емкости, потому что именно нереферентность хорошо согласуется с идеей стандартности, типичности объема, а значит — меры. Референтная емкость, и даже сосуд, объем которого был бы заранее определен для данной конкретной ситуации, в конструкции генитива меры невозможен, ср.: **пролил мою чашку чая* и др. — потому что тогда измеряется объем не чашки вообще, а только **этой чашки**.

Другой пример. Известно, что зона действия генитивной конструкции может быть значительно расширена — если ввести в нее прилагательные типа *весь, полный, целый* или числительные и другие счетные слова (*два, три, несколько* и под.). Прежде запрещенные сочетания оказываются в этом случае вполне приемлемыми, ср.: **карман денег — полный карман денег, [?]самолет японцев — два самолета японцев, *сеть трески — полная сеть трески, ^{??}капкан лис — четыре капкана лис*, а также: *три аудитории студентов, полный зал слушателей* и даже: *несколько ваз цветов, целые аквариумы золотых рыбок, полная кухня гостей, две камеры уголовников* и под. Этот эффект не случаен, и он тоже имеет отношение к идее стандарта и меры. Действительно, добавляя определения типа *полный* или *целый*, говорящий акцентирует то обстоятельство, что в данной ситуации эта емкость заполнена вся целиком, и значит, способна измерить количество содержащегося в ней наполнителя. Если же добавляются количественные слова (тот же эффект имеет во многих случаях и просто множественное число емкости), это служит указанием на множественность ситуации использования данного контейнера с данным содержимым — то есть, в конечном счете, на большую, чем обычно, стандартность этой ситуации — и, тем самым, подчеркивает принципиальную приспособленность этого типа вместилищ к измерению таких наполнителей.

§ 7. Заключение

Из всего сказанного следует, что с языковой точки зрения интуитивно ясный, как мы полагали, класс предметов, содержащих углубление или полость, далеко не однороден. В частности, такие контейнеры / емкости, как *тарелка (миска)*, *карман*, *река*, *ваза*, *стакан* и *живот* будут, как видно из Таблицы 1, разрешать и запрещать разные конструкции:

Таблица 1

Контейнеры и конструкции

	<i>Глубокий X</i>	<i>X с Y-ом</i>	<i>Y в X-е</i>	<i>X Y-а</i>
<i>Тарелка / миска</i>	+	+	+	+
<i>Карман</i>	+	+	+	*/?
<i>Река</i>	+	*	+	*
<i>Ваза</i>	*	+	+	*
<i>Стакан</i>	*	+	+	+
<i>Живот</i>	*	*	+	*

Даже класс сосудов распадается в ней на разные строки: «всеядной» в отношении наших четырех конструкций оказывается лишь первая строка, соответствующая *тарелке / миске*, — другие сосуды (*ваза* и *стакан*) имеют внешнюю функциональную поверхность и запрещают конструкцию с *глубокий*, а *ваза*, не имеющая стандартного объема, еще и запрещает генитив. Генитив, как мы видим, вообще очень избирателен: он запрещен и для *кармана* (тоже как для емкости нестандартного объема), и для *реки*, которая не может быть мерой воды. Но, как выясняется, *река* вообще в языковой картине мира особый объект, как бы неотделимый от наполняющей ее воды. Вот почему не говорят **река с водой* — в комитативной конструкции допустимы лишь те пары контейнер-содержимое, участники которых концептуализуются как два разных объекта, ср.: *тарелка* — *еда*, *карман* — *ключи*, *ваза* — *цветы*, *стакан* — *вода*. Этот запрет нарушает и *живот*, который вообще оказывается наименее стандартным контейнером: мягкая емкость (**глубокий*) нестандартного объема (**генитив меры*), без явного отверстия, к тому же неотделимая от своего содержимого (**комитатив*). Единственная конструкция, которую эта строка, та-

ким образом, допускает, — локативная (и направительная) с предлогом *в*. Она, как мы видим на нашей выборке контейнеров, оказывается самой непритязательной и, как мы помним из §3, допускает любые полости и емкости.

Вывод можно считать пессимистическим: легко видеть, что тот образ контейнера, вместилища или емкости, который «диктует» генитивная конструкция меры, не совпадает ни с аналогичным концептом комитативной конструкции¹², ни с концептом, который предполагается предлогом *в*, ни с концептом, предлагаемым атрибутивной конструкцией с *глубокий*. Единого «лингвистического» топологического класса, подкрепленного языковыми данными, реконструировать не удастся, причем по принципиальным причинам.

И все-таки топологические типы объектов существуют — они релевантны для языковой картины мира, и они все-таки управляют сочетаемостью имен и предикатов. Но управляют не непосредственно, а с помощью множества своих свойств, которые мы называли *семантическими доминантами*. Каждая языковая конструкция, апеллирующая к данному топологическому типу, «выбирает» одно из этих свойств и классифицирует объекты, опираясь именно на него. Бесконечен ли набор этих свойств / семантических доминант или они повторяются в разных языках и конструкциях? Повторяется ли сам набор конструкций от языка к языку? Возможны ли заведомые ограничения в концептуализации (так что объект некоторой конфигурации ни при каких условиях ни в каком языке не может концептуализироваться, например, как контейнер)?

Пока мы слишком мало обо всем этом знаем, так что эту работу можно считать приглашением к размышлению.

¹² Обратим здесь внимание на интересное замечание, сделанное в сноске 9 статьи Борщев, Парти 2010 (со ссылкой на Сюзанну Ротштейн): генитивная конструкция, скорее, предполагает заполненность контейнера, тогда как комитативная — просто наличие в нем содержимого. Таким образом, если *стакан воды* предполагает, что речь идет о полном стакане, то *стакан с водой* — не обязательно.

Глава 4

КОНСТРУКЦИЯ С РУССКИМ РОДИТЕЛЬНЫМ И ЕЕ ФОРМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

Введение

§ 1. Формальный подход к генитивной конструкции

В теоретическом плане задача настоящей главы — развитие идеи формального описания русского генитива, предложенной в серии работ Б. Парти и В. Б. Борщева (Partee, Borschev 1998, 2000a; Borschev, Partee 2002). Она состоит в том, чтобы дать единое описание генитивных конструкций с реляционными именами, таких как *брат Ивана*, и конструкций с нереляционными именами, как *кот Ивана*. Последние считаются результатом семантического (метонимического) сдвига: в рамках такого подхода генитивная конструкция, в которую они попадают, заставляет их переходить из общих имен CN (common nouns), которые в формальной семантике принято описывать как тип $\langle e, t \rangle$ — одноместные предикаты с одной, референциальной, ролью (т. е. валентные только на собственный референт), — в тип транзитивных, или реляционных имен TCN (transitive common nouns), которые в формальной семантике описывают как $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$ и к которым как раз и принадлежат такие слова, как *брат*, — см. Partee 1983 / 1997.

Надо сказать, что похожий анализ английских и датских конструкций был в свое время предложен в Jensen, Vikner 1994, причем эти авторы опирались не на аппарат формальной семантики,

¹ Исследование, лежащее в основе данной главы, было в свое время поддержано грантом BCS-9905748. Я благодарю всех участников проекта (Е. В. Падучеву, В. Б. Борщева и в особенности Б. Парти, которая сделала много существенных замечаний к английским версиям этой главы), а также участников конференций FDSL-4 и FASL и конференции по проблемам посессивности (Амхерст 2002), где излагались разные аспекты того представления о русском генитиве, которое отражает данная работа. Я благодарю также Ю. А. Ландера за ее конструктивное ее обсуждение.

а на понятие *кваликативной структуры* (*qualia structure*), введенное в Pustejovsky 1993, 1995. Согласно Дж. Пустейовскому, кваликативная структура может в каких-то случаях приписывать семантико-синтаксические отношения тем именам, которые обычно считаются не имеющими аргументной структуры (т. е. в терминологии формальной семантики — CN). Например, артефакты (ср. общее имя *стул*) приобретают роль функциональной цели (ср.: ‘для того, чтобы сидеть’) и становятся реляционными (тип TCN). Несмотря на то, что исходный аппарат семантического анализа Янсена-Викнера существенно отличается от того, который используют Б. Парти и В. Б. Борщев, оба подхода дают один и тот же результат: возможность единого анализа реляционных и нереляционных имен в контексте генитива. Эта возможность обеспечивается тем, что в обоих случаях у имени оказывается аргументная роль (исходная или приобретенная в результате метонимического сдвига), которая кодируется генитивом.

Обратим внимание, что такое решение подразумевает справедливость следующего утверждения: наличие аргументного (или квази-аргументного) отношения в именной конструкции **достаточно** для употребления генитива.

В принципе, предложенная гипотеза вполне правомерна, но она должна была бы получить подтверждение в специальном лексикологическом исследовании, которое бы ответило на два следующих вопроса:

- (1) Верно ли, что в русском языке **любое** аргументное отношение в именной группе может быть выражено генитивом?
- (2) Верно ли, что если **любое** имя типа CN поместить в произвольную именную генитивную конструкцию — например, из того вполне традиционного списка, который предлагает РГ-80 или Синтаксический словарь Г. А. Золотовой [1988] — скажем, конструкцию с генитивом меры (ср. *стакан воды*), времени (*воспоминания прошлого лета*), части-целого (*край стола*) и др., то при условии, что это имя не нарушает общих ограничений конструкции (например, для генитива меры — обозначает контейнер), в его семантике обязательно произойдет сдвиг, имя станет реляционным и благодаря этому все сочетание окажется грамматически правильным?

В том виде, в котором модель Парти-Борщева изложена в работах, процитированных выше, ее «устроили» бы только положительные ответы на каждый из этих вопросов — между тем, анализ русского материала показывает, что в обоих случаях ответ оказывается отрицательным, а именно:

- (1) **не все** реляционные имена встраиваются в конкретную генитивную конструкцию, ср. *посетитель* или *лидер*, которые бесспорно имеют аргумент в своей семантической структуре, однако приемлемость сочетаний типа *?посетитель больного* или **лидер студента* вызывает сомнения;
- (2) **не все** имена типа CN претерпевают семантический сдвиг, ср. запреты на: **река воды* или: *?ваза цветов* и др., притом что отношения, которые устанавливались бы между вазой и цветами или рекой и водой, очень похожи на «классические» для данной конструкции, известной как генитив меры (ср. *стакан воды*; подробнее см. также Главу 3 этой части книги). Тем не менее, генитивная конструкция здесь почему-то запрещена — следовательно, семантический сдвиг происходит не во всех случаях.

§ 2. Прилагательное *favourite* ‘любимый’

Еще один «отрицательный» пример принадлежит самой Барбаре Парти. В свое время в работе Partee, Borschev 2000b обсуждалось поведение английского прилагательного *favourite* ‘любимый’ в контексте генитивной конструкции. Сопоставлялись две именные группы:

- (1) *Mary's movie* ‘Машин фильм’;
- (2) *Mary's favourite movie* ‘Машин любимый фильм’.

В первом случае генитивная конструкция провоцирует семантический сдвиг для исходно нереляционного имени *фильм* из типа CN в реляционный тип TCN, причем с несколькими вариантами интерпретации — ‘фильм, в котором она играла’, ‘фильм, который она сняла’, ‘фильм, который она взяла в прокате’, ‘фильм, на который она написала рецензию’ и т. д. Выбор интерпретации зависит от более широкого контекста: если мы заменим имя *Маша* на имя *Феллини*, то соответствующая именная группа (‘фильм

Феллини') будет интерпретироваться, скорее всего, как 'снятый Феллини'.

Оказывается, однако, что добавление прилагательного *favourite*, как в примере (2), существенно сокращает число приемлемых интерпретаций: *Mary's favourite movie* **не** понимается как 'фильм, который Маша любит брать в прокате' или '...любит снимать', а скорее, как '...любит смотреть'. Соответственно, «дефолтная» (в смысле Jensen and Vikner 1994) интерпретация сочетаний *Mary's favourite movie* и *Fellini's favourite movie* совпадут.

Любопытно, что другая пара примеров со словом *favourite* из той же статьи Partee, Borschev 2000b ведет себя несколько иначе: сочетание *Mary's poet* 'Машины стихи' подразумевает, что Маша является автором стихов, тогда как в *Mary's favourite poet* 'Машины любимые стихи' Маша — читатель или слушатель (но, скорее всего, не сочинитель). По мнению авторов статьи (см. с. 8), поведение обеих пар примеров нуждается в дополнительном объяснении.

Обратим внимание, что те же проблемы остаются и при переводе этих примеров на русский: *стихи Маши* — 'Маша — автор', *любимые стихи Маши* — 'Маша — читатель или слушатель'; *фильм Маши / Феллини* 'созданный Машей / Феллини', *любимый фильм Маши / Феллини* 'фильм, который Маша / Феллини любит смотреть'. Это значит, что для модели русского генитива встает новая задача: объяснить разницу в семантическом сдвиге в контексте и вне контекста этого прилагательного — или, как сформулировано в Partee, Borschev 2000b, объяснить, почему *любимый / favourite* вызывает другой семантический сдвиг, чем «чистая» генитивная конструкция.

В дополнение к тем примерам, которые обсуждались в Partee, Borschev 2000b, укажем на еще одну особенность поведения русского прилагательного *любимый*: есть контексты, где именная генитивная конструкция возможна только «в присутствии» этого прилагательного, а «в чистом виде» практически запрещена. Например, само по себе сочетание ^{??}*фильм школьников* оказывается сомнительным и не может пониматься как 'фильм, который школьники смотрят', тогда как *любимый фильм школьников* вполне приемлемо и выражает ровно это значение: 'фильм, который школьники любят смотреть'.

Последний пример возвращает нас ко второму из вопросов, заданных в начале: верно ли, что все нереляционные имена CN, попадающие в контекст генитивной конструкции, способны к семантическому сдвигу? Пример представляет тот случай, когда имени (*фильм*) требуется, так сказать, дополнительная поддержка, чтобы перейти в класс реляционных, и эту «поддержку» оказывает прилагательное *любимый* — но почему оно и почему без него нельзя обойтись?

§ 3. Постановка задачи

До сих пор мы обсуждали языковые примеры, которые представляют трудность как для теории Парти-Борщева, так и для других формальных описаний генитива (прежде всего Янсена-Викнера). К этим примерам мы вернемся несколько позже, в следующих разделах главы — но не как к поводу для критики формальных моделей, а уже как к материалу, способному поддержать формальный подход. Дело в том, что главной задачей нашей работы является интеграция формальной и лексической семантики для описания генитивной конструкции — которое будет выглядеть естественно в рамках SxG. Мы покажем, что если к процедуре семантического анализа подключить лексикографическое описание, как это принято в Московской семантической школе, и, учитывая семантику генитивной конструкции в целом, как того требует SxG, рассмотреть запреты на заполнение лексических мест в этой конструкции, то «трудные» на первый взгляд для формального подхода случаи найдут свое объяснение и перестанут быть «камнем преткновения».

Хорошо известно, что генитив — один из наиболее частотных русских падежей: как сказано в Janda, Clancy 2001: 103, если бы в книге рекордов Гиннеса были специальные номинации по употребительности падежей, русский генитив завоевал бы множество призов, а в соревновании по числу значений, которые могут выражать соответствующие именные конструкции, он стал бы абсолютным лидером.

В связи с этим нам было бы интересно рассмотреть разные (а в идеале — все) типы генитивных конструкций, чтобы найти зоны

ограничений, в которых генитив ожидается, но не употребляется. Мы выбрали несколько таких базовых конструкций — хорошо известных и не раз описанных, при этом достаточно частотных и семантически близких к прототипу, а именно:

- конструкции с именами деятеля (*учитель Петра*);
- конструкции «изображения» (*портрет Пушкина*);
- конструкции меры (*стакан воды*);
- конструкции части-целого (*ножка стула*);
- конструкции с временным значением (*песня года*);
- конструкции с пространственным значением (*животные тундры*).

Их подробный семантический анализ показал, что все они в целом демонстрируют свойство, которое можно было бы назвать **устойчивостью** отношения между референтами именной группы. Это свойство, с нашей точки зрения, и определяет лексические ограничения на употребление генитива: генитив возможен только в тех случаях, в которых отношение между референтами устойчиво и постоянно, — он не употребляется, если оно случайно или временно (Rakhilina 2004).

Глава содержит два больших раздела: в разделе I мы подробнейшим образом обсудим семантическую природу свойства устойчивости генитивного отношения на базе только одного, самого «простого» и распространенного типа конструкций — конструкции с именами деятеля — такими как *учитель*, *строитель*, *носьщик*, *читатель*, *портной*, *помощник*, *инструктор*, *контролер* и др., а в разделе II перейдем к обсуждению более широкого материала, касающегося других генитивных конструкций и той роли, которую играет признак «устойчивости» для его интерпретации.

I. Генитив с именами деятеля

§ 1. О семантической структуре имен деятеля

Большинство имен деятеля наследуют свои аргументы непосредственно от производящего глагола, ср.:

- строить завод* → *строитель завода*,
- учить ребенка* → *учитель ребенка*,
- собирать картины* → *собиратель картин* и др.

Наше представление о процедуре наследования валентностей восходит к идеям, заложенным в модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», ср. Мельчук 1974, Mel'čuk 1988; Апресян 1974, 1999, 2006 и др.; сходным образом эту процедуру представляют и некоторые другие модели, ср., например, Pustejovsky 1995. Речь идет о том, что имя деятеля является агенсом некоторого предиката (имя *строитель* — агенс предиката *строить*). Как правило, такие предикаты имеют агенсно-пациентную ролевую структуру (именно так устроены 'учить', 'строить', 'собирать' и др.), хотя в принципе возможны и некоторые другие варианты ролевого распределения — например, агенсно-реципиентная структура (ср. *помогать* <кому-то>) или структура агенс-источник (ср. *покупать* <у кого-то>). Соответственно, наследуя эту структуру, агенс получает «в собственность» вторую глагольную валентность, будучи сам заполнителем первой.

Важно отметить, что главный принцип наследования состоит в том, что **никакая** валентность исходного предиката не должна «теряться» в ходе этой процедуры — так что если какая-то из них обнаруживает новые, приобретенные ограничения на заполнение, данный факт требует своего объяснения.

С другой стороны, средства кодирования унаследованной валентности могут измениться по сравнению с исходными — так, в нашем случае исходный глагол управляет винительным (ср. *строить дом*), дательным (*помогать прокурору*), творительным падежом (*дирижировать оркестром*) и даже предложной группой (*покупать у кого-л.*), но при производном от этого глагола имени деятеля все эти отношения кодируются одинаково — генитивом (*строитель дома, помощник прокурора, дирижер оркестра* и др.). Ср. здесь следующие, на наш взгляд, очень показательные примеры:

поставлять рыбу королевскому двору

→ *поставщик рыбы* (пациентный генитив)

→ *поставщик двора* (реципиентный генитив);

покупать зелень у тети Фроси

→ *покупатель зелени* (пациентный генитив)

→ *покупатель тети Фроси* (генитив источника).

Обратим внимание, что хотя в целом в русском языке доминируют стандартные словообразовательные модели $V \rightarrow \text{NOMag}$, как в *строить* → *строитель*, тем не менее, нередко случаи суп-

плетивизма, т. е. отсутствия прямого морфолого-семантического глагольного коррелята для имени деятеля, ср. *руководитель* (← *руководить*), но *вождь* (← **водить*). Это не меняет дела: отношение, например, между вождем и племенем точно так же выражается генитивом (*вождь племени*), как если бы стандартный производящий глагол для него в русском языке имелся.

§ 2. Ограничения на генитив

И все-таки, несмотря на кажущуюся «всеядность» русского генитива в конструкции с именем деятеля, при внимательном анализе обнаруживаются определенные ограничения на его употребление.

Первое: есть роли, которые *никогда* не выражаются генитивом — например, роль адресата. Причем это касается и реляционных имен, в том числе таких, которые деривационно связаны с исходным предикатом: очевидно, что имя *говорящий* образовано от *говорить* <что-то>, *рассказчик* — от *рассказывать* <что-то>, тем не менее, имеется строгий запрет на ожидаемый при этих именах генитив, ср.: **говорящий Пети*, **рассказчик ребенка* и под. (заметим, что здесь невозможен и свойственный исходному глаголу дательный: **рассказчик ребенку*).

Второе: есть имена деятеля с пациентной валентностью, в контексте которых генитив возможен, но почему-то *не для любого* зависимого *имени*. Например, нельзя сказать **директор Пети* или: **директор главного инженера*, тогда как *директор завода* или *директор института* совершенно приемлемы; *вождь племени* или *вождь апачей* — грамматически правильны, а **вождь индейца Джо* — невозможно, даже если индеец Джо принадлежит этому племени. Значит, и здесь мы сталкиваемся с ограничениями, касающимися определенных лексических контекстов.

Третье: при некоторых именах деятеля генитив, вообще говоря, не *употребляется*, но *иногда* — в генерических контекстах (в частности во множественном числе) — допускается. Например, *зрители_{pl} Михалкова* воспринимается как вполне приемлемое сочетание, в отличие от **зритель_{sg} Михалкова* (в негенерическом употреблении); то же верно для пар: *слушатели Брамса* — **слушатель Брамса*, *посетители больного* — *??посетитель больного* и др. Теоретически, число (единственное или множествен-

ное) не должно влиять на природу аргументного отношения — но почему-то сказывается на степени приемлемости генитива.

Четвертое: есть случаи ограничений на генитив, в каком-то смысле прямо противоположные предыдущим: генитив оказывается *запрещен* вопреки тому, что отношение между референтами потенциальной именной группы как раз индивидуально: невозможно ни **вор*, ни **воры старушки*, ср. также **даритель* (**дарители*) / **проситель* (**просители*) *Ивана Петровича*.

По нашим данным, в зоне имен деятеля именно эти четыре случая составляют список «исключений» с точки зрения формальной модели генитива, апеллирующей к реляционности имени как определяющему фактору: в них генитив запрещен **вопреки** реляционности.

В следующем разделе мы проанализируем их подробнее, чтобы найти этому объяснение.

§ 3. Анализ и объяснение

Наше объяснение, как уже говорилось выше, будет опираться на условие устойчивости отношения, которое, как нам кажется, необходимо для кодирования его генитивом — иначе говоря, идея сводится к тому, что во всех четырех случаях условие устойчивости оказывается так или иначе нарушено.

Но сначала — о самом этом условии применительно к именам деятеля: обратим внимание на общий принцип их функционирования в генитивной конструкции, который можно было бы назвать «запретом на множественность коррелятов». Именно множественность коррелятов является главной причиной неприемлемости таких генитивных сочетаний, как: **носильщик чемодана / чемоданов*, **повар шашлыка*, **почтальон посылок*, **маляр заборов*, **скульптор Шекспира* и др. — на фоне приемлемых: *учитель Пети*, *строитель дома*, *помощник президента* и др. Действительно, носильщик не имеет устойчивых отношений с объектами, которые он носит: он ведь не носит все время один и тот же чемодан и даже не специализируется на ношении чемоданов, так что **носильщик чемодана / чемоданов* не может быть противопоставлен, скажем, **носильщику сумок*. Таким образом, имя *носильщик* предполагает множественность коррелятов (ср. исход-

ный глагол *носить* и его объекты: *чемоданы, сумки, ящики...*). То же верно для повара: обычно повара умеют готовить множество блюд, следовательно, соответствующая лексема не имеет устойчивых отношений ни с одним из своих коррелятов — она предполагает множественность коррелятов.

Если согласиться с тем, что генитив требует устойчивости отношения, природа которого не совместима с множественностью коррелятов, то примеры с носильщиком, с поваром, а также другие подобные получат объяснение. В то же время, те примеры, которые мы приводили им в противопоставление как грамматически правильные, демонстрируют устойчивость отношения имени деятеля со своим коррелятом — ср. *помощник президента* (помогает президенту в течение всего времени, пока является помощником); *строитель дома* (человек, который построил или в настоящее время строит дом — а значит, связан с этим домом некоторым устойчивым отношением), то же верно для *учитель Пети* и др. — в противоположность **почтальон посылок*, **маляр заборов*, **скульптор Шекспира* и др., где этого отношения нет.

3.1. «Запретные роли»

Теперь обратимся к **первой** группе сложных примеров из предыдущего раздела, а именно, адресатным именам деятеля — т. е. контекстам типа **говорящий Пети* или **рассказчик ребенка*. Представляется, что причина запретов здесь в том, что имя *говорящий* (так же как и имя *рассказчик*) подразумевает ориентацию не на одного конкретного адресата, а на **любого** слушающего — в точности как в случае с носильщиком, которому все равно, что нести. Таким образом, эти лексемы тоже имеют в виду множественность коррелятов и отсутствие устойчивого отношения — только не с пациентным, а с адресатным коррелятом.

Надо сказать, что с этой точки зрения адресатная роль явным образом отличается от других — в противоположность агенсу, пациенсу, реципиенту или источнику, она демонстрирует полный и безусловный запрет на кодирование генитивом, ср. здесь:

петь детям → **певец детей*,
декламировать стихи студентам → **декламатор студентов*,
читать младшей сестре → **чтец сестры* и др.

Правда, такое же нестандартное поведение с именами деятеля демонстрирует (по той же семантической причине) и роль инструмента / средства, которая тоже никогда не кодируется генитивом, ср.:

писать пером / синими чернилами → **писец* / *писатель пера* / *синих чернил*,
жать серпом → **жнец серпа*,
дойти руками / машиной → **доярка рук* / *машины* и др.²

В том же ряду — с адресатом и инструментом / средством может быть упомянута еще одна, более экзотическая роль — назовем ее «протагонист», имея в виду лицо, о котором говорится в некотором тексте (романе, песне, стихотворении и др.). Понятно, что между типом текста и его протагонистом не может быть никакого устойчивого отношения — в отличие от отношения между текстом и его автором (оно, кстати, агенсно-пациентно). Таким образом, сочетание *песня Окуджавы* неприемлемо, если иметь в виду песню **об** Окуджаве (ср. в том же значении **пьеса Раневской*, **поэма Чичикова* и под.), но полностью соответствует грамматической норме, если имеется в виду песня, сочиненная Окуджавой.

Итак, адресатное отношение не выражается генитивной конструкцией, — и это не случайно, так как данное ограничение мотивировано более общим свойством семантики русской генитивной конструкции, которое, как мы видели, вступает в конфликт с природой адресатного отношения.

3.2. Вожди, начальники и президенты

Теперь обсудим **вторую** проблемную группу примеров — которая, как мы помним, касалась индейца Джо. По нашей гипоте-

² В тех случаях, когда генитив все же заменяет прилагольный творительный в производной конструкции с именем деятеля, он маркирует другую роль — не инструмента, а пациенса (так называемое нестандартное падежное маркирование), ср.: *руководить коллективом* (то же отношение, что и в: *возглавлять коллектив*) → *руководитель коллектива*; *дирижировать оркестром* → *дирижер оркестра* и др. Заметим, что все такие примеры описывают устойчивое отношение.

зе, здесь проявляется другое свойство устойчивости: она выделяет «индивидуальные» отношения, противопоставляя их другим типам. Если вернуться к генитиву, можно сказать, что, маркируя устойчивость, он оказывает предпочтение отношениям, которые устанавливаются между индивидуумами.

Классические примеры — такие как *сын Петра* или *ученик Сократа* — как раз представляют именно этот случай устойчивых отношений между двумя людьми. Но генитив «устраивает» и тот тип ситуаций, когда индивид соотносится не только с другим индивидом, но и с большой группой людей — как в сочетаниях типа *президент Франции*. Обычно эти два типа отношений (индивид-индивид и индивид — группа индивидов) легко совмещаются, так что имя деятеля может вступать и в то, и в другое, и там, и там используя генитив в качестве маркера, ср.:

начальник Петра — начальник программистов — начальник отдела;
научный руководитель аспиранта — научный руководитель группы.

Однако некоторые имена деятеля ориентированы именно на **группу** людей, а не на отношения между индивидами. Так, *президент* соотносится со страной в целом и людьми, которые в ней живут, — но не с отдельным ее жителем. В принципе, можно говорить об отношении между президентом и жителем-индивидом — но такое отношение будет, в нашей терминологии, значительно менее устойчивым, чем отношение между президентом и страной в целом. Получается, что президент связан все же с группой людей (населением страны), и в этом случае группа оказывается «не прозрачна»: непосредственного отношения с отдельными ее участниками не устанавливается. Даже в предельной и довольно далекой от жизни ситуации, когда (представим себе такую фантастическую страну!) все население состояло бы из двух человек, один из которых — президент, все равно, согласно семантике, встроенной в данное имя деятеля, это был бы *президент страны*, а не **президент второго ее жителя*. Мы уже видели, что другие, более стандартные, имена деятеля ведут себя иначе: допуская коррелят-группу, они, в том случае, если группа состо-

ит всего из двух сотрудников, один из которых и есть начальник, «принимают» и коррелят-индивид.

В русском языке имеется целый класс имен деятеля, которые вступают в устойчивые отношения только с коррелятом-группой — среди прочих (*директор, инспектор, ректор* и др.) в него попадает и имя *вождь*, обсуждавшееся выше. Имена этого класса не допускают генитивную конструкцию с коррелятом-индивидом: по той же причине, по которой нельзя сказать **президент гражданина Волкова*, странным выглядит и **вождь индейца Джо*, а также **директор Петра Ивановича / главного инженера, *инспектор бухгалтера* и др. При этом полного запрета на генитивную конструкцию у таких имен нет: они легко в нее встраиваются — но только если генитив кодирует не индивид, а группу людей или (метонимически) организацию, так что сочетания *вождь апачей / вождь племени, директор завода / института, инспектор железных дорог* и проч. оказываются вполне приемлемыми.

3.3. Михалков и Брамс

Итак, мы установили, что есть класс имен деятеля с особыми семантическими свойствами, которые определяют ограничения на употребление при этих именах генитива, противопоставляющего «индивидуальный» и «коллективный» корреляты. Надо сказать, что сходное противопоставление может возникнуть не только за счет свойств, встроенных в семантику имени деятеля, но и за счет прагматического контекста — в этом случае генитив тоже воспринимается как неудачный, хотя запрет на него будет не таким строгим. Это как раз и объясняет поведение «исключений» следующего, **третьего**, класса — там, где генитив «реагировал» на числовое поведение имени.

Проблема состояла в том, что сочетание *зритель Михалкова* оказывалось приемлемо в генерическом смысле, т. е. как описывающее тип людей, которые смотрят его фильмы и в этом смысле обладают некоторыми общими свойствами, тогда как негенерическая интерпретация («один конкретный зритель фильмов Михалкова») выглядит странно и малоестественно. Между тем, все это вполне согласуется с условием устойчивости генитивного

отношения: генерическая интерпретация разрешает генитивную конструкцию, потому что в таком случае устанавливаются более устойчивые отношения с коррелятом. Что касается множественного числа, то семантически оно ближе к генерическому, чем индивидуализированному, поэтому в форме множественного числа соответствующее имя деятеля оказывается совершенно приемлемо.

Другой пример того же рода — пара *слушатели Брамса*_{pl} — ^{??}*слушатель Брамса*_{sg}. Обратим внимание, что неудачная генитивная конструкция с единственным числом может быть «исправлена» не только за счетмены числа или семантического сдвига в сторону генерической интерпретации, но и с помощью такого прилагательного, которое бы добавляло устойчивости в отношениях между композитором и слушателем его произведений — ср. *постоянный / вечный слушатель Брамса*; ср. также ^{??}*посетитель больного* — *постоянный посетитель больного*: второе сочетание значительно более удачно, чем первое. Таким образом, — и это вполне в духе СхG — в случае прагматических ограничений «спасти» генитивную конструкцию может и дополнительный контекст, компенсирующий недостаток семантической устойчивости базового отношения в соответствующем сочетании.

В определенном смысле разобранные примеры можно интерпретировать и как особый случай множественности коррелятов. В самом деле, выше, говоря о множественности коррелятов, мы опирались на примеры типа **носильщик чемоданов* и рассматривали именно отношение как бы с точки зрения имени деятеля: поскольку носильщик никогда не носит один и тот же чемодан и не специализируется на ношении именно чемоданов, генитив невозможен, а если бы вдруг дело обстояло именно так, генитивную конструкцию можно было бы употребить.

Но то же верно и для сочетаний типа ^{??}*слушатель Брамса* — только с точки зрения коррелята, а не вершинного имени деятеля: когда имеется в виду один произвольный слушатель, генитивная конструкция выглядит странно, потому что разные люди ходят на разные концерты разных композиторов, а для устойчивости отношений имени деятеля нужен определенный, более или менее постоянный в своей привязанности к нему коррелят. Поэтому *постоянный / вечный слушатель Брамса* и звучит лучше: прилагательное «переводит» именно отношение в класс устойчивых, и описываемая ситуация становится семантически сходной с теми носильщиками, которые специализировались исключительно на чемоданах.

3.4. Воры, убийцы и спасатели

Наконец, рассмотрим последнее из объявленных, **четвертое** «исключение», которое мы иллюстрировали запретом на примеры типа **вор старушки*.

Здесь проявляется еще одно свойство устойчивости: длительное отношение между участниками ситуации. Именно поэтому для коррекции конструкции мы использовали прилагательные *постоянный* и *вечный*. Это свойство, однако, требует существенных пояснений.

На первый взгляд, может показаться, что русский генитив должен тем самым быть обязательно связан с протяженными событиями — однако на самом деле устойчивость никак не коррелирует с аспектуальными характеристиками имени деятеля. Например, если взять всем известную минимальную аспектуальную пару *спаситель — спасатель* (кстати, уникальную для русского языка — подробнее об аспектуальной классификации имен деятеля см. прежде всего Шмелева 1988), можно было бы ожидать, что первый член пары, соотносящийся с единичной моментальной — а значит, недлительной — ситуацией (*спаситель*), будет плохо сочетаться с генитивом. С другой стороны, можно было бы ожидать, что второй член пары (*спасатель*), который обозначает профессиональную деятельность и предполагает регулярное повторение ситуации, будет демонстрировать более устойчивые отношения с коррелятом и легче встраиваться в генитивную конструкцию. Однако в действительности все наоборот: правильные сочетания представляют *спаситель человечества* или *спаситель ребенка*, но не: **спасатель ребенка / детей*. На этом примере видна разница между стабильностью ситуации, которую имеют в виду аспектологи, и условием устойчивости отношения между именем деятеля и его коррелятом, выполнения которого требует генитивное маркирование.

«Аспектуальная» точка зрения отражает степень и, тем самым, характер вовлеченности актора в ситуацию: он может быть вовлечен в длительный процесс, в моментальное событие или в стабильное, устойчивое состояние. При этом роль остальных участников с аспектологической точки зрения обычно не важна. Что же касается генитивной конструкции, то она описывает отноше-

ние между *двумя* участниками, и здесь оказывается существенна роль обоих. Например, для генитива важно, сохраняется ли у актора в течение данной ситуации отношение *с одним и тем же* коррелятом (тогда как для аспектологических задач это практически всегда безразлично). В самом деле, актер, связанный с одним и тем же коррелятом — даже и в рамках моментальной ситуации — имеет с ним более длительные и устойчивые отношения, чем в случае повторяющейся ситуации со сменным коррелятом. Хорошей иллюстрацией сказанному будет как раз наша пара *спаситель-спасатель*: ясно, что в этом смысле отношения с коррелятом более устойчивы у *спаситель*, чем у *спасатель*.

Тем не менее, второй член данной аспектуальной пары тоже может выступать в генитивной конструкции — тут все зависит от выбора правильного коррелята. Устойчивость отношения повышается, если коррелят, пусть он и предполагает сменность объекта, как того требует семантика этого имени деятеля, но хотя бы такую, при которой все эти объекты могут быть объединены некоторым общим признаком — ср., например, в целом более приемлемое *спасатель утопающих* (и снова вспомним носильщиков, специализирующихся на чемоданах!). С семантической точки зрения возможность «хорошего» обобщения, т. е. наличие естественного признака, по которому оно бы производилось, очень важна, потому что она дает базу для устойчивости отношения с таким обобщенным коррелятом. Ср. здесь сочетание **спасатель людей* как пример неудачно найденного признака для обобщения.

Все сказанное проливает свет на неожиданный (с точки зрения любой, а не только формальной, синтаксической теории) и абсолютный запрет генитива в примерах, подобных **вор старушки*. Причиной этого запрета является обязательная сменность коррелята как часть семантического представления слова *вор*: обычно вор обкрадывает *разных* людей, а не одного и того же. Любопытно, что здесь не помогает ни множественное число (**вор старушек*), ни прилагательные соответствующей семантики (**постоянный вор старушек*) — специализация такого рода воров не полагается.

Понятно, что свойство обязательной сменности коррелята должно быть очень важно для генитивной конструкции. Это подтверждает поведение других имен деятеля, таких как *даритель* или *проситель*, которые тоже, как и *вор*, не допускают при себе

генитива: *даритель / проситель *Ивана Петровича*, ср. также *грабитель банка / ??банков и под. — для всех этих имен верно, что при повторении ситуации в ней должен участвовать новый коррелят.

Тогда возникает интересный вопрос: почему же в таком случае генитивная конструкция возможна со словом *убийца* (*убийца Смирта*)? Ведь убийство представляет собой протитипическую ситуацию обязательной смены коррелята: одного и того же человека можно попросить несколько раз, даже об одном и том же (ср. *проситель*), и в принципе, теоретически, несколько раз обокрасть (*вор*) — но уж никак не убить.

Здесь дело в том, что семантика слова *убийца*, по-видимому, устроена иначе, чем слов типа *вор*: *вор* в каком-то смысле профессиональное имя, хотя, вообще говоря, и человека, который украл однажды, могут назвать вором — но это понимается как преувеличение. Наоборот, *убийцей* назовут любого человека, который однажды убил, вне зависимости от того, сделал ли он это потом еще раз³. Если сказанное верно, то имя *убийца* оказывается гораздо ближе к имени *спаситель*, чем к *спасатель*, так что, в терминах Шмелева 1988, оно должно квалифицироваться как перфектное, а не профессиональное имя, которое, в отличие от *вора*, *грабителя*, *дарителя* и др., выражает устойчивое отношение с коррелятом благодаря природе перфектности: совершившееся однажды в прошлом событие оказывается актуально в настоящем (— и всегда)⁴.

³ Таким образом, исходно должна быть ясна разница между человеком, которого называли *наемным убийцей* (его могли нанять для одного-единственного случая), и человеком, которого называли *киллер* (для него это регулярное занятие с целью заработать денег); современная реальность эту тонкую разницу стирает.

⁴ Понятно, что данное свойство имени *убийца* отражает особенности семантики производящего глагола *убить*; любопытные замечания по поводу этого глагола в связи с его поведением в конструкции с объектным генитивом под отрицанием сделаны А. Б. Летучим (2008). Он анализирует примеры типа *не убивал своей матери* (удивительные для глаголов соответствующего таксономического класса, ср. жесткие запреты типа: *собака не кусала этой девочки) и объясняет допустимость генитива в них семантической спецификой этого глагола. Идея в том, что действие, обозначаемое глаголом *убить*, обладает особой значимостью, «перекрывающей» значимость объекта, что, по его мнению, проявляется

3.5. О любимом

Таким образом, мы разобрали все четыре типа отмеченных нами «исключений» и показали, что во всех них ограничения на генитив связаны с нарушением одного и того же семантического условия. Теперь вернемся к примерам из Partee, Borschev 2000b со словом *favourite* / *любимый*, чтобы объяснить и этот эффект — по крайней мере на материале русского языка.

Но сначала обратим внимание на то обстоятельство, что поведение русских генитивных конструкций все же отличается от английских. Так, английское *Mary's movie* («фильм Маши»), как мы помним, допускает самые разные интерпретации: «фильм, в котором Маша играла», «который она ставила», «который она взяла напрокат», «на который она написала рецензию в местной газете» и др. Для русской генитивной конструкции выбор возможных интерпретаций гораздо более ограничен: дефолтной для нее будет та же, что и в случае *фильм Феллини*, так что по умолчанию Маша окажется создателем этого фильма (в любом своем качестве — например, его режиссером, продюсером и др.).

Большая избирательность русского генитива хорошо согласуется с условием устойчивости: вне дополнительного контекста русский генитив не обозначает то, что можно было бы назвать «свободными» отношениями между именем и его коррелятом, а выделяет наиболее устойчивые, каковым бесспорно является отношение между создателем и его произведением. Соответственно, для любого представителя так называемого класса креативных объектов (картин, книг, стихов, скульптур и под.) — генитивная конструкция выбирает «креативную» интерпретацию в качестве единственно возможной или по крайней мере дефолтной (см. Рахилина 1996, 2000a/2008: 340)⁵. С семантической точки

ся, в частности, в конструкциях с опущением, ср. естественное *он не убивал* на фоне недопустимого **он (пес) не кусал* (вне анафорического контекста).

⁵ Некоторые имена входят одновременно в несколько функциональных классов и поэтому допускают несколько интерпретаций генитива. Так, *портрет Х-а* понимается не только как «портрет, созданный Х-ом», но и «портрет, представляющий изображение Х-а» — потому что портрет, с одной стороны, является креативным объектом, таким же как фильм,

зрения это вполне естественно: по сравнению с креативной интерпретацией все остальные представляют более слабое и более окказиональное отношение между именем лица и коррелятом и нуждаются в серьезной контекстной поддержке.

Прилагательное *любимый* принципиально меняет всю ситуацию: оно добавляет в нее устойчивость (т. е. играет ту же роль, что *вечный* или *постоянный* в контексте *слушатель Брамса*). Действительно, обычно отношение между фильмом и его зрителем мимолетно и случайно, но в контексте *любимый* появляется идея повторяемости и некоторой особой связи с ним зрителя — ведь это уже не просто случайно увиденный фильм. Тогда возникает возможность функциональной интерпретации: *любимый фильм Мариш* = 'тот, который она любит смотреть'.

Итак, теперь ясно, откуда берется новая интерпретация генитивной конструкции в контексте *любимый*. Однако остается другой вопрос — куда девается «старая», дефолтная креативная интерпретация? Почему она не сохраняется, так что не только *любимый фильм Мариш*, но даже и *любимый фильм Феллини* уже не понимается как 'фильм, который она/он больше всего любил(а) создавать/придумывать/делать'? По нашему мнению, причиной для утраты этой интерпретации является конфликт — в конечном счете, между референциальностью и интенциональностью. С одной стороны, в прилагательном *любимый* заложена идея «актуальности»: *любимый* подразумевает, что между человеком и вещью есть актуальный функциональный контакт, и имя *фильм* в этом контексте референтно — ведь фильм уже существует. С другой стороны, общая ситуация, соответствующая данной интерпретации, креативна. Получается противоречие: нельзя любить создавать тот объект, который уже существует.

Все сказанное применимо и к паре *стихи Мариш* — *любимые стихи Мариш*. Первое содержит креативное имя *стихи* и по умолчанию требует креативной интерпретации, в наибольшей степени удовлетворяющей условию устойчивости отношения, а второе выбирает функциональную интерпретацию, подчеркивая посто-

роман, симфония, а с другой стороны, попадает в класс изображений — ср. такие представители этого класса, как *фотография*, *тень*, *кукла* и др. (см. Rakhilina 2003).

янный контакт, возникающий между человеком и предметом в модифицированном прилагательным контексте.

И наконец, последняя загадка *любимый*, оставшаяся нерешенной: сочетание ^{??}*фильм школьников*, которое вне контекста звучит странно, становится вполне приемлемым в конструкции с прилагательным. На фоне всего сказанного выше, эта загадка не кажется уже особенно трудной: мы знаем, что по умолчанию должна выбираться креативная интерпретация, которая по прагматическим соображениям в этом случае малоестественна — хотя можно представить себе какой-нибудь конкурс, на который представлен, с одной стороны, фильм, созданный школьниками, а с другой — фильм, созданный, например, их учителями: тогда сочетание *фильм школьников* вполне допустимо. Что касается контекста с *любимый*, то здесь выбирается функциональная интерпретация ('который любят смотреть') — с прагматической точки зрения она никаких трудностей не вызывает.

Как видим, условие устойчивости проливает свет и на проблемы, касающиеся прилагательного со значением 'любимый' — по крайней мере для русского языка: оно помогает предсказать различие в интерпретации именных конструкций, возникающих в контексте данного прилагательного. Оказывается, что само это прилагательное привносит в ситуацию устойчивость отношений между лицом и предметом — и в этом смысле способствует сдвигу нереляционного имени типа CN (в обсуждавшихся примерах — *фильм*) в класс реляционных типа TCN, в полном соответствии с моделью Парти-Борщева.

§ 4. Результаты

Последовательно проанализировав все «исключения», представляющие особенную трудность для формальной модели генитива, мы пришли к выводу, что во всех случаях, запрещающих генитив там, где он в принципе должен быть разрешен, есть нечто общее. Значит, речь идет о том, что в русском языке генитив кодирует не просто любое аргументное отношение, а такое, которое удовлетворяет определенным условиям. Эти условия касаются отношений между лицом (оно выражено именем деятеля) и объ-

ектом-коррелятом (он маркируется генитивом). Опишем их в общем виде.

(1) Генитив требует своего рода определенности участников ситуации (или класса участников ситуации), связанных соответствующим отношением: он не допускает того, чтобы лицо, которое названо именем деятеля, соотносилось с любым объектом, ср. **носильщик вещи*.

(2) Генитив требует, чтобы в течение всей ситуации сохранялось отношение между одними и теми же участниками и «не разрешает» имени деятеля менять связанный с ним объект, как это происходит в примерах типа **вор старушки* (*вор* предполагает многократные кражи, но не у одного и того же человека).

(3) Кодированное генитивом отношение связывает имя деятеля с его коррелятом напрямую. В том случае, если имя деятеля соотносится только с группой людей (как в примерах типа *директор завода*), генитив не предполагает автоматического существования связи имени деятеля с отдельным членом этой группы (поэтому такие сочетания, как **директор главного инженера*, оказываются грамматически неправильными).

(4) Генитив выбирает ту пару участников, которые связаны между собой наиболее тесным и значимым отношением — так, из двух пар: ‘(случайный) зритель’ — ‘фильм, который он посмотрел’ и: ‘создатель фильма’ — ‘его произведение’ по умолчанию генитивной конструкцией выбирается последняя (так что *фильм Мариш* будет значить ‘фильм, который она создала’, а не ‘фильм, который она посмотрела’).

Все сказанное дает возможность применить к описанию семантики русского генитива метафору *устойчивости*: будем считать, что отношение, которое удовлетворяет приведенным выше критериям, называется **устойчивым отношением** между именем деятеля и его коррелятом. Есть основания полагать, что в русском языке устойчивость является необходимым и достаточным условием не только для класса конструкций, связанных с именем деятеля, но и для других типов конструкций. К рассмотрению этого материала мы и перейдем во второй части нашей работы.

А пока обратим внимание на следующее обстоятельство: идея, что генитив кодирует не любое отношение между участниками, а

только устойчивое, напрямую связана с самой сутью того формализма, который лежит в основе модели Парти-Борщева и Янсена-Викнера. Действительно, эта модель предполагает, что прототипическими для генитивной конструкции являются *аргументные* отношения, а остальные должны приобрести свойства аргументных благодаря некоторому специальному семантическому сдвигу. В чем состоит этот сдвиг лексико-семантически, какие именно свойства благодаря ему приобретаются, формализм не говорит. Между тем, свойство устойчивости отношения очевидно для прототипических именных аргументных зависимостей типа *брат Ивана*. Мы показали, что вести себя как прототипические (т. е. оформляться генитивной конструкцией) могут только те пары имен деятеля и их коррелятов, которые разделяют это свойство или приобретают его благодаря внешнему контексту. Таким образом, выполнение условия устойчивости можно рассматривать как естественную семантическую интерпретацию смены именами формального типа с CN на TCN.

В части II мы проверим эту гипотезу на другом материале.

II. Другие генитивные конструкции

В этом разделе речь пойдет в основном об именах исходно нереляционных, которые, согласно формальной модели русской генитивной конструкции, претерпевают в ее контексте семантический сдвиг. Как и обещали, мы рассмотрим конструкции меры (*стакан воды*), времени (*песня года*), места (*животные тундры*), изображения (*портрет Пушкина*), а также одну достаточно прототипическую для генитива конструкцию с исходно реляционным вершинным именем — часть-целое (*край стола*).

Говоря об этих конструкциях в терминах условия устойчивости, мы будем помнить, что *устойчивость* — это метафора и пока у нее нет формальных аналогов. Но научные метафоры имеют свою ценность и бесспорно полезны, особенно для понимания «размытых» понятий и областей исследования — тех, которые трудно охватить формулами. В лингвистике таких областей достаточно, и лингвисты довольно часто прибегают к научным метафорам, ср. такие понятия, как центр-периферия, прототип, наблюдатель и мн. др. Для данного случая дополнительной трудностью

является то, что устойчивость в отношении между стаканом и водой — не то же самое, что в отношении между стулом и его ножкой, и не то же самое, что в паре создатель и его произведение. Семантика этих случаев различна, к ним нельзя применить одни и те же признаки, а если мы хотим увидеть общее между ними, нам придется подняться на более высокий уровень обобщения.

§ 1. Генитив меры

1.1. Факты

Самый частый пример на эту конструкцию — *стакан воды*; в тот же класс попадают, конечно, и *чашка кофе*, и *бочка меда*, и *цистерна бензина*, и др. под., — довольно ясно такого рода сочетания описаны в русских грамматиках и специальной литературе (ср., например, Золотова 1988). О них мы подробно говорили в предыдущей, третьей, главе этой части книги, где показали, что каждая конструкция предполагает свой топологический тип контейнера, и описали (ссылаясь на работы Апресян 1999, а также Борщев, Парти 1999, 2002, 2010 и наши собственные работы Rakhilina 2004, Рахилина 2004) прототип контейнера для конструкции меры.

Сейчас у нас другая цель: понять, *почему* этот прототип устроен так, а не иначе, с тем чтобы уточнить процедуру стандартного для контейнеров метонимического переноса из нереляционного типа CN в реляционный TCN. Согласно Борщев, Парти 1999 (с. 168—169), она предполагает, что всякое нереляционное имя со значением контейнера способно перейти в реляционное и стать обозначением меры, — а реляционные имена, согласно формальной модели, кодируют свои аргументы генитивом. Трудность, однако, как мы видели, заключается в том, что имеются примеры классических емкостей / контейнеров (причем настолько классических, что среди них есть даже и сосуды!), которые тем не менее не используются в генитивной конструкции, ср.: **футляр очков*, *??ваза цветов*, **аквариум воды / рыб*, **река (чистой) воды*, см. подробнее Главу 3 этой части книги.

Заметим, что в работах В. Б. Борщева и Б. Парти (см. особенно 2010) эта трудность тоже признается и примеры такого рода об-

суждаются. Однако решение, которое они предлагают, связано с переопределением контейнера как типа или сорта объектов — так, чтобы онтологическое определение удовлетворяло условиям успешности конструкции генитива меры. В описании свойств контейнера мы почти сходимся с Борщев, Парти 2010 и др. Единственная разница — мы хотели бы еще и ответить на вопрос, **почему** генитивная конструкция предполагает именно **такого рода ограничения**, и показать, что необходимые по определению свойства контейнера-меры определяются и оправдываются более общими правилами, обратившись к семантике генитивной конструкции в целом: нашей задачей здесь будет объяснение этого материала действием условия устойчивости.

1.2. Интерпретация

Понятно, что идея состоит в том, чтобы показать, что конструкция генитива меры возможна только в условиях устойчивого отношения между емкостью / контейнером и его содержимым. Тогда нужно определить, какое отношение в этом случае мы считаем устойчивым. Вот четыре его важнейших свойства, которые можно рассматривать как критерии устойчивости отношения, если опираться на описание, предложенное для генитива меры в предыдущей главе (ср. также Rakhilina 2004, Борщев, Парти 2002, 2010):

- (1) в условиях устойчивого отношения емкость предназначена для хранения содержимого — этому критерию удовлетворяют *бутылка (бутылка вина)*, *чашка (чашка кофе)*, но не *река (*река воды)*, потому что вода в ней не хранится, т. е. не находится постоянно в определенном количестве, а течет, так что это отношение нельзя признать устойчивым: количество воды не измеряется ее вместилищем;
- (2) при выполненном условии устойчивости, содержимое должно находиться **внутри** емкости — в этом смысле *ваза цветов* не описывает устойчивого отношения (и поэтому соответствующее сочетание малоприемлемо), потому что в основном цветы оказываются вне пространства вазы, а это значит, что данная емкость не определяет их объем и поэтому не может служить мерой (как того требует генитивная конструкция);

- (3) по той же причине возможности / невозможности количественного измерения для устойчивого отношения между емкостью и содержимым, в ней должно быть или вещество, или дискретные объекты — но тогда в количестве, достаточном для такого измерения, например, точно больше одного. Таким образом, сочетания типа **футляр очков* или более экзотическое **чемодан шубы* (в значении: 'чемодан, вмещающий одну шубу') этому критерию не удовлетворяют;
- (4) объем емкости, если она способна вступать в устойчивые отношения со своим содержимым, обычно более или менее постоянен и известен — иначе она не может служить «хорошей» мерой. Например, *стакан, бутылка, ведро* являются прототипическими мерами и очень частотны в генитивной конструкции, ср. здесь неприемлемость сочетаний **конверт / *стол бумаг, *кошелек денег, *лифт людей, *печь пирогов, *аквариум воды / рыб* и им подобных, в которых объем емкости легко варьируется, а значит, параметр устойчивости не выполнен.

Таким образом, все те неприемлемые с грамматической точки зрения примеры, о которых в П.1.1. мы говорили как об «исключениях», объясняются нарушением в них условия устойчивости отношения, необходимого для генитивной конструкции.

Между тем, как мы уже наблюдали в первой части на материале имен деятеля, устойчивость отношения возникает не только благодаря исходной семантике входящих в него лексем, но и благодаря контексту. В случае с конструкцией меры это могут быть или количественные слова — числительные (*двадцать два, восемь...*) или квантитативные местоимения — ср. *несколько, немного*, или квантификативные прилагательные, как *полный, целый*. Поэтому в тех случаях, когда исходная конструкция нарушает условия стабильности и неприемлема, она может быть «улучшена» и «исправлена» добавлением таких местоимений или наречий. Как показано в §6 Главы 3 этой части, в силу своих свойств они придают ситуации бóльшую, чем обычно, стандартность, или, другими словами, — устойчивость. Ср.: *??ваза цветов — несколько ваз цветов, *карман ключей — полный карман ключей,*

**аквариум воды — два аквариума воды, *поезд пассажиров — целый поезд пассажиров* и др.⁶

Теперь, когда условия употребления генитива меры описаны полностью, осталось понять, почему они такие. Для этого обратимся к ограничениям, свойственным другим реализациям генитивной конструкции.

§ 2. Генитив времени

2.1. Трудные случаи

Этот тип генитивной конструкции принято называть «генитивом времени». Надо сказать, что выражение временного значения в русском языке распределено между двумя именными конструкциями — генитивной, как в *лучшая песня года* или *главное событие дня* и атрибутивной, с относительным прилагательным, как в *ночной поезд* или *годовой отчет*. Семантически эти конструкции довольно существенно различаются, так что в большинстве случаев имя в генитиве нельзя заменить на прилагательное — и наоборот, ср.: **лучшая годовая песня, *главное дневное событие* и др. Но с точки зрения задачи этой главы более существенны случаи, когда запрещена генитивная конструкция — при том, что разрешена атрибутивная, а значит, временное отношение между участниками ситуации установлено, ср. примеры (3):

- (3) *весенняя одежда — *одежда весны;*
*воскресный дежурный — *дежурный воскресенья;*
*вековые дубы — *дубы века;*
*годовые кольца — *кольца года;*
*многочасовые дебаты — *дебаты многих часов;*
*ночная стена — *стена ночи;*
*недельная норма — *норма недели;*
*месячный срок — *срок месяца* и др.

⁶ Ясно, что контекст такого рода «помогает» не всегда. Например, **полная река воды* звучит так же странно, как и просто **река воды*, и по понятной причине: *полный* не способен изменить ситуацию 'течения' на ситуацию 'нахождения в / хранения', а текущая вода не образует с рекой устойчивого отношения.

2.2. Интерпретация

Мы покажем, что генитивная конструкция времени, в отличие от атрибутивной, но точно так же, как конструкции с именем деятеля или меры, имеет в виду устойчивые отношения между ситуацией и соответствующим ей временным отрезком. А именно: генитивная конструкция времени предполагает, что описываемая ею ситуация имеет место в определенный этим временным отрезком конкретный период времени.

В принципе, это условие выполняется для имен, связанных временным отношением, далеко не всегда: пример *песня года* действительно устроен именно так и означает ‘песня, которую пели / которая была популярной в течение этого года’, но *ночной поезд* не означает ‘поезд, который прибыл этой ночью’ — скорее, ‘поезд, который (регулярно) прибывает по ночам’. Поэтому в первом случае генитивная конструкция возможна, а во втором — нет.

Точно такое же нарушение условия устойчивости отношения, как и в *ночной поезд*, демонстрируют и все примеры типа (4), так же не допускающие генитива:

- (4) *весенняя одежда* ≠ *‘одежда этой весны’;
воскресный дежурный ≠ *‘дежурный, нанятый на это воскресенье’;
вековые дубы ≠ *‘дубы этого века’;
недельная норма ≠ *‘норма этой недели’ и др.

С другой стороны, конструкции из (5):

- (5) *впечатления осени* ≠ *осенние впечатления*;
замешательство <первой> минуты ≠ *минутное замешательство*;
сомнения многих лет ≠ *многолетние сомнения*;
опыт второго семестра ≠ *семестровый опыт* и др.

не могут быть перефразированы с помощью атрибутивных без потери временной определенности, ср. атрибутивное *осенние впечатления* как ‘впечатления, характерные для осени (т. е. которые могут быть получены осенью, а не зимой, весной или летом)’, в противоположность генитивному *впечатления осени* — ‘те, которые были получены этой осенью’.

Специальных исследований временных именных конструкций для русского языка, насколько нам известно, не проводилось — важно однако, что наше условие соответствует тому, что обычно говорят грамматисты о противопоставлении атрибутивных и генитивных контекстов: атрибутивные, как правило, называют «кваликативными», т. е. соотносящими предмет с определенным (в нашем случае временным) признаком, а генитивные — описывающие отношение к определенному референту (см., прежде всего, Земская 1992, ср. также Рахилина 2000а/2008: 88—95).

§ 3. Части-целые

Из всего сказанного выше можно ожидать, что чем более устойчиво отношение между частью и его целым, тем более вероятна возможность кодирования такого отношения генитивной конструкцией. Это означает, в частности, что для русского генитива наиболее предпочтительна неотторжимая принадлежность. В принципе, русский язык, как известно, морфологически не различает отторжимую и неотторжимую принадлежность. Но все же в русском есть способы выразить сходные семантические различия синтаксическими средствами. Например, как показано в Рахилина 2000а/2008: 45—55 и Rakhilina, Weiss 2002, различаются части, которые не могут быть оторгнуты от своих целых, такие как *вершина*, *край*, *поверхность* и др., и «обычные» части — как *ручка* (двери), *ножка* (стула), *крыша* (дома) и под. Представители первой группы практически невозможны в контексте конструкции «свершившегося отторжения» — с предлогом *без*: *?гора без вершины*, **чашка без края*, *?стол без поверхности* (для интерпретации такого рода сочетаний нужен специальный сильный контекст). «Обычные» же части легко встраиваются в эту конструкцию: *дверь без ручки*, *стол без ножки* и т. д.

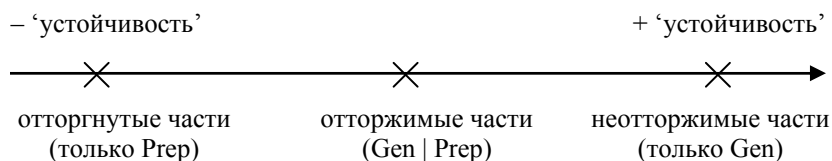
Ясно, что первая группа представляет более устойчивые отношения, чем вторая, и в каком-то смысле можно считать, что она соотносится с классом неотторжимых частей, а вторая — с классом отторжимых. Возвращаясь к семантике генитивной конструкции, обратим внимание, что в русском языке генитив является единственным способом выразить «неотторжимую» (в указанном

смысле) посессивность, тогда как в других случаях широко используются локативные конструкции, ср. (7) и (8):

- (7) *край стола* — **край на столе*,
вершина горы — **вершина на горе*;
 (8) *пальцы руки* — *пальцы на руке*,
полки шкафа — *полки в шкафу*,
страницы книги — *страницы в книге*,
ручка двери — *ручка на двери*.

И в целом, чем сильнее (т. е. чем более устойчиво) связаны между собой часть и целое, тем скорее можно ожидать для них генитивную конструкцию. Заметим, что генитив, например, не кодирует нарушенное отношение между частью и целым, которое очевидно не удовлетворяет условию устойчивости, ср. *ручка от чашки* → **ручка чашки* (последнее интерпретируется всегда только как актуальное отношение принадлежности части целому).

Таким образом, можно было бы говорить о своего рода «шкале устойчивости» для отношения часть / целое, один полюс которой представляют «сломанные» объекты, у которых часть уже отделена от целого, и в этом смысле это предельный случай отторжимости (как *ручка от чашки*), а другой — наоборот, «неотторжимые» части, которые не могут существовать автономно, без своих целых (как *край чашки*). Обычные же части — которые могут быть и актуальными, и автономными — займут середину этой шкалы. На такой шкале можно проследить корреляцию генитива и устойчивости отношения часть-целое:

Подобно временному отношению, отношение часть-целое может выражаться и атрибутивно — *окно чердака* — *чердачное окно*. И так же как с периодами времени, генитив как более устойчивое предпочитает индивидуальное, негенерическое отношение, т. е. спецификацию отношения часть-целое, ср. пару примеров, представленную в (9):

- (9) *В доме было чердачное окно (*окно чердака) — Окно чердака было открыто.*

В первом примере характеризуется **тип** окна и используется атрибутивная конструкция; начальная позиция именной группы во втором предложении указывает на специфицированность, конкретность объекта, а это определяет выбор генитива как способа оформления устойчивого отношения.

§ 4. Генитив места

Интересно, что с точки зрения русского языка в чистом виде отношение между объектом действительности и его (временным) местонахождением признается **неустойчивым**, как если бы подразумевалось, что в общем случае предмет не «привязан» к своей актуальной локализации и легко может ее поменять. Так что генитив такое отношение не кодирует, ср. (10):

- (10) **женщины поля* ('которые работают в поле');
 **спортсмены стадиона* ('тренирующиеся / выступающие на стадионе');
 **поезд станции* ('тот, который проезжает / останавливается на / следует до станции');
 **студенты 32-й аудитории* 'студенты, которые занимаются в аудитории 32'.

Возможен генитив только в том случае, если локативное отношение совмещено с другим, более устойчивым — например, отношением часть-целое, как, скажем, в *перрон станции*: с одной стороны, перрон размещен на станции, а значит, описывается его местонахождение, с другой же — он часть станции, так что это локативное отношение не окказионально, а заведомо устойчиво: перрон от станции никуда не денется.

Любопытно, что ситуация с пространствами как локализациями (ср. такие имена, как *тундра*, *пустыня*, *ад*) несколько иная: в отличие от обычных локализаций физических объектов, пространства легко допускают генитивные конструкции: *растительность тундры*, *чудовища ада* и др.

Дело в том, что объект, находящийся в пространстве, становится частью этого пространства — в отличие от объекта, находящегося на поверхности. Заметим, что сходные ограничения выявлены в Jensen, Vikner 2002 для английских генитивных конструкций на -'s со значением места. Они рассмотрели те случаи, где такой генитив возможен, ср. *Denmark's businessmen* 'датские бизнесмены (букв. бизнесмены Дании)', и те, где он запрещен, ср.: **the garden's businessmen* (букв. 'бизнесмены сада') и сформулировали правило, которое назвали «гипотезой мира» («the world hypothesis»): «лексические значения всех имен содержат ингерентную семантическую роль 'быть частью некоторого мира'» (part-of (y: world)(x)). В таком случае, *Denmark's businessmen* обозначает только тех бизнесменов, которые работают в Дании и могут быть признаны, так сказать, 'частью датского мира'. Причем, согласно выдвинутой ими гипотезе, есть имена, которые «образуют миры», как *universe* 'вселенная', *society* 'общество', *civilization* 'цивилизация', *culture* 'культура', и в их числе названия стран, городов и других территорий — а есть такие, которые в этот список не входят, как, например, *garden* 'сад', поэтому генитивная конструкция **the garden's businessmen* оказывается невозможна.

Вообще говоря, данная интерпретация в чем-то близка к нашей: в частности, бесспорно, что именно сопутствующее отношение часть-целое дает возможность пространственной ситуации кодироваться генитивом. Остается только вопрос — почему. Наш ответ апеллирует к более общему принципу — условию устойчивости отношения: мы считаем, что отношение часть-целое более устойчиво, чем просто пространственное, и, тем самым, оно «добавляет» пространственной ситуации устойчивости — причем это касается не только собственно конструкции генитива места, но и всех других типов генитивных конструкций, и даже взаимоотношений генитивной конструкции с ее прагматическим контекстом.

Действительно, как показано выше, устойчивость может привноситься и контекстно — причем как за счет лексических средств — ср. числительные или квантитативные прилагательные и наречия (для конструкции меры, ср. *полный аквариум воды*; см. раздел II.1.2), так и за счет грамматики, ср. обсуждавшуюся в первой части статьи роль числовых показателей в формировании

устойчивого отношения между именем деятеля и его коррелятом — примеры типа ^{??}*зритель Михалкова — зрители Михалкова* (раздел I.3.3). Тогда мы показали, что в некоторых случаях «сменность» участников отношения, которая ведет к потере им устойчивости и препятствует использованию генитива, может быть «исправлена» генерической интерпретацией, которая на месте сменного единичного субъекта формирует класс имен деятелей (*зрители*), которые постоянно (и устойчиво) связаны с коррелятом.

Таким образом, множественное число или генерическая интерпретация возможны как средства достижения стабильности отношения — и это оказывается верно для генитива места. Ср. следующую тройку примеров (они подсказаны Ю. Ландером):

**птица леса*: «чистое» пространственное отношение между двумя объектами: ‘птица, которая живет в ⟨этом⟩ лесу’ ~

[?]*птицы леса* — тоже пространственное отношение: ‘те птицы, которые живут в ⟨этом⟩ лесу’. Оно может стать чуть более устойчивым, чем первое, если найдется еще какое-то свойство, объединяющее этих птиц и отличающее их от других ~

птицы лесов (‘птицы, которые живут в лесах’ — они не независимы от леса, т. е. не только находятся в нем, но и составляют часть его пространства, и в этом качестве обладают отличительными свойствами по сравнению с теми, которые обитают в тундре, пустыне и проч.).

§ 5. Генитив изображения

5.1. Факты и проблемы описания

Этот тип генитивной конструкции хорошо иллюстрирует пример *Портрет Пушкина* ‘портрет, изображающий Пушкина’, где генитив маркирует отношение между специальным типом артефактов, изображающим кого-то или что-то, и объектом, который изображен. Имен, обозначающих изображения, в языке не так много, поскольку не так уж много существует типов изображений, ср.: *изображение, картина, пейзаж, этюд, карикатура, значок, бюст, статуя, скульптура, памятник, фигура, профиль, отражение, кукла, чучело, пугало*.

Проблема состоит в том, что некоторые имена из этого списка допустимы в генитивной конструкции (назовем их Группа 1), а некоторые (Группа 2) — нет, причем по непонятным причинам, — ср. примеры в (11), представляющие Группу 1, и (12), представляющие Группу 2:

(11) Группа 1:

портрет Пушкина, фотография моей матери, бюст Наполеона, статуя Командора, изображение / отражение моего лица, профиль Людовика XIV на монетах, чучело крокодила, тень дерева, фигура президента

(12) Группа 2:

**картина деревни, *памятник Пушкина, *кукла младенца (в значении: 'изображающая младенца'), *значок костра ('сделанный в виде костра'), *пугало дворника (*имитирующее дворника), *кариатура Горбачева ('представляющая Горбачева').*

5.2. Интерпретация

Наша интерпретация апеллирует, конечно же, снова к понятию устойчивости отношения. В данном случае наиболее устойчивым будет такое отношение, которое описывает изображение и его конкретную модель, т. е. изображаемое — именно так устроены сочетания первой группы: портрет, например, обычно соотносится с тем конкретным человеком, который на нем изображен. То же верно и для фотографий, отражений в зеркале, теней или чучела, имеющего в качестве прообраза какое-то конкретное животное: в каждом случае речь идет о корреляции изображения и вполне определенной модели. Обратим внимание, что сочетание *статуя Командора* звучит лучше, чем, например, *статуя медведя*, поскольку имя *медведь* в этом контексте вряд ли обозначает индивидуальную особь — скорее, вид животного.

Кроме того, в первую группу попали имена, представляющие отношения изображение-модель, осложненное отношением часть-целое, — это *бюст, фигура, профиль*. По понятным причинам, они могут кодироваться генитивом.

Напротив, вторая группа представляет неустойчивое отношение между изображением и моделью, потому что изображения, которые в эту группу входят, не «копируют» свои модели. Например, карикатура нарочно изменяет внешность изображаемого лица, чтобы достичь комического эффекта. Памятник — вообще не обязательно является изображением человека: крест на могиле — тоже памятник, и исходное значение этого имени восходит к *память* — т. е. это некоторый монументальный объект, который воздвигнут в память о каком-то событии или некотором человеке (или людях); таким объектом, в частности, может быть и изображение этого человека — но не обязательно. Поэтому имя *памятник* управляет не генитивом, а дативом, по крайней мере в литературном языке: говорят *памятник Пушкину*, а не **памятник Пушкина*⁷.

З а м е ч а н и е

Преимущество датива перед генитивом здесь вполне мотивировано: с одной стороны, отсутствует устойчивость отношения, с другой — памятник посвящен некоторому лицу (или: лицам, событиям), т. е. предназначен, **адресован** ему, а адресатное отношение в русском языке выражается дативом, в том числе приименным, как в: *письмо жене*, *рапорт капитану*, *донос царю*, *подарок бабушке* и др.⁸, ср. здесь более точный термин «личное предназначение», который мы ввели в Рахилина 2001. Действительно, конструкции, допускающие подлинно при-

⁷ И тем не менее отметим, что для разговорного варианта современного русского языка характерна контаминация двух посессивных конструкций при слове *памятник* — «правильной» с дательным и «неправильной» с родительным (*памятник Пушкина*). Такое смешение, между прочим, не случайно — его можно считать отчасти подкрепленным и грамматически: дело в том, что, например, вопрос к дательному посессивному при слове *памятник* ставится тот же, что обычно действителен и для генитива / притяжательной формы — а именно, вопрос со словом *чей*: *чей памятник?* = 'кому поставлен' (ср. *чей убийца?*, *чей учитель?*, *чей ученик?*, *чья рука?* и под.). Параллельно существует и креативная интерпретация вопроса *чей памятник?* (= 'кто автор памятника'), именно такая интерпретация вопроса с *чей* является часто единственной, тем самым, исключая саму возможность вопроса с *чей* к приименному дательному, ср.: *чье письмо (донос, рапорт ...)?* = 'кто написал / *кому написано'.

⁸ Об этих конструкциях см. также Mikaelian, Roudet 1999.

именной дательный, соотносятся, скорее, не с актуальной посессивностью, а с **личным предназначением** — т. е. **потенциальной** принадлежностью. Это, собственно, и есть «семантический вклад» приименного дательного в концептуализацию отношения принадлежности. Обязательность такого компонента в семантике приименного дательного лишает те типы посессора, которые выражаются генитивом или притяжательной формой и обозначают, как мы выяснили, устойчивое и, тем самым, актуальное, свершившееся посессивное отношение, возможности оформляться дательным падежом, ср.: *драгоценности фрейлины* → **драгоценности фрейлине, картины Айвазовского* → **картины Айвазовскому* и т. п. Между тем известно, что некоторым языкам, например угорским и самодийским (ср. Терещенко 1973), свойственно грамматическое противопоставление «актуальной» и «потенциальной» принадлежности. Сказанное ясно свидетельствует, что подобное противопоставление не безразлично и русскому.

Точно так же и другие слова второй группы — *кукла, значок, пугало* — не предполагают, что в них запечатлено конкретное лицо или ситуация: они представляют **типичное** изображение и воспроизводят обобщенные свойства, например, младенца (как *кукла*), или какого-то страшила (как *пугало*), или вообще абстрактный символ (как *значок*). Следовательно, эти имена не имеют устойчивых отношений со своим коррелятом-моделью и поэтому не допустимы в генитивной конструкции, ср. **кукла младенца* (для 'кукла в виде младенца') или **пугало дворника* (для 'пугало в виде дворника'). В сущности, тот же эффект мы наблюдали на примере сочетания *статуя медведя*, однако здесь для него есть грамматически корректная пара *статуя Командора*, т. е. в этом случае при изменении коррелята с общего имени на собственное мы добиваемся устойчивости его отношения с изображением: с новым коррелятом слово *статуя* переходит из Группы 2 в Группу 1.

Любопытно, что тот же переход произошел (оказионально) и со словом *кукла*, и тоже в контексте собственного имени. Когда-то на телевидении была программа под названием «Куклы» — она представляла известных политиков в виде кукол, так что участниками ее были кукла Путина, кукла Жириновского, Явлинского и т. д., и для описания этой ситуации устойчивого отношения между образом (кукла) и его прототипом генитивная конструкция

вполне годится. Следовательно, в данном контексте *кукла* тоже переходит из Группы 2 в Группу 1.

Но самым интересным с нашей точки зрения во второй группе является имя *картина* — особенно если учесть, что семантически близкое ему *фотография* попадает в первую группу. Понятно, что фотография копирует свою модель более или менее точно, и устойчивость соответствующего отношения не вызывает сомнений. В английском языке картина и фотография не различаются — они называются одним словом *picture*, но русский дифференцирует эти объекты, приписывая соответствующим именам не только разную семантику, но и, как мы видим, разный синтаксис. С точки зрения русского языка *картина*, в отличие от фотографии, — нечто большее, чем простое изображение фиксированной модели, — это произведение искусства, и поэтому ее соотношение с изображаемым не так прозрачно и устойчиво, как в случае с фотографией.

С этой точки зрения *картина* как физический объект может быть противопоставлена другому значению этого слова — *картине* как мысленному образу ситуации, которую видит наблюдатель — как в *картина смерти* или *картина пожара*. В этом случае отношения имени и его коррелята устойчивы, потому что прообразом мысленного изображения всегда служит конкретная ситуация, — следовательно, в этом значении *картина* по нашей классификации принадлежит уже не ко второй, а к первой группе имен.

Заключение

Общая идея этой Главы состояла в том, чтобы продемонстрировать, что у целого семейства генитивных конструкций есть нечто общее в семантике — а именно, устойчивость того отношения, которое эти конструкции описывают. Таким образом, главным для нашего исследования было понятие *устойчивости*.

Попробуем теперь обобщить полученные результаты.

Говоря о формальной модели русского генитива Парти-Борщева, нельзя не согласиться с тем ее положением, что есть определенная корреляция между возможностью употребить генитив и

наличием у имени аргументного отношения, т. е. его реляционной-стью. Согласно этой модели, если имя реляционно, генитив кодирует его аргументное отношение, если оно нереляционно, можно считать, что генитив провоцирует в нем семантический сдвиг, в результате которого это имя становится реляционным.

В рамках того же формального направления в Jensen, Vikner 1994 был предложен несколько иной вариант описания действия генитивной конструкции — правда, на датском и английском материале. Принимая за основу семантический анализ имен Пустейовского (Pustejovsky 1995), который акцентирует функциональную составляющую в артефактах, Янсен и Викнер предположили, что в случае с общими, нереляционными, именами аргументное отношение не **вводится** и, тем самым, как бы **присваивается** имени генитивной конструкцией, а **выявляется** ею в семантике самого имени: генитив кодирует те отношения, которые уже свойственны именам и которые описывают их функцию или предназначение. Например, *стакан* как сосуд предназначен для временного или постоянного хранения чего-л. внутри него.

В терминах Московской семантической школы генитивная конструкция тоже не может быть описана без апелляции к лексической семантике имени. В свою очередь, толкование стакана немислимо без упоминания класса лексем, обозначающих его стандартное содержимое. Ср., например, лексикографические описания общих имен типа *окно* в ТКС (1984), где у них имеются валентные отношения.

С синтаксической точки зрения (которую в данном случае представляют Янсен и Викнер) имя *стакан* должно тем самым изначально иметь возможность (пусть скрытую) вступать в аргументное отношение с содержимым.

В принципе, не так важно, какую точку зрения из двух выбрать: теорию семантического сдвига Парти-Борщева или теорию выявления скрытой аргументной характеристики Янсена-Викнера — или еще более либеральную в отношении синтаксического различия между классами реляционных и общих имен Московскую семантическую школу — в любом случае важно то, что генитивная конструкция **проявляет** и **кодирует** аргументные отношения имен.

Проблема, однако, в том, что она делает это не всегда — и это проблема для всех описаний, в том числе сугубо дескриптивных, потому что факты такого рода до сих пор не обсуждались и не учитывались в традиционных исследованиях русского генитива. Между тем, как видно из разобранных нами материала, подробный семантический анализ в духе МСШ показывает, что ограничения имеются во всех рассмотренных типах генитивной конструкции, а именно:

- Генитив имен деятеля возможен только в том случае, когда лицо связано с другим лицом (группой лиц) или предметом непосредственно, причем как минимум на протяжении всего хода ситуации;
- Генитив меры не допускает нестандартное содержимое, емкости нестандартного размера или не предназначенные для хранения содержимого;
- Генитив времени разрешен только с коррелятами, которые обозначают конкретные периоды времени, связанные временными отношениями с обозначенным вершинным именем событием;
- Генитив части-целого выбирает устойчивое отношение между частью и целым и невозможен в тех случаях, когда часть отторгнута от целого;
- Генитив места возможен только когда коррелят обозначает не случайное и временное место нахождения объекта, обозначенного вершинным именем, — наиболее предпочтительны для него случаи, когда пространственное отношение между именами поддерживается каким-то другим, более тесным — например, отношением часть-целое;
- Генитив изображения требует, чтобы изображение копировало конкретную модель, иначе конструкция оказывается неприменима.

Конечно, все эти факты, свидетельствующие об ограничениях на разные типы генитивной конструкции, могут описываться независимо друг от друга, как если бы между разными употреблениями генитива не было ничего общего. Но гипотеза, которая была предложена в Partee & Borschev 1998 и Борщев, Парти 1999, 2010 (и отчасти в Борщев, Кнорина 1990) как раз предполагает,

что разные типы употреблений генитива представляют в некотором смысле *одну и ту же* генитивную конструкцию, которая может быть описана единой для всех ее разновидностей формальной моделью, имеющей механизм встраивания в нее произвольного имени.

Если принять эту гипотезу, то все эти отдельные ограничения должны поддаваться общему правилу — его мы и хотели здесь продемонстрировать. В самом общем виде наше правило состоит в том, что генитив не описывает **случайных** отношений и что чем более независимы друг от друга имя и его коррелят, тем меньше вероятности, что данное отношение будет кодироваться генитивной конструкцией.

Так, связь вора со своей жертвой во многом случайна: всякий раз, когда он ворует, он вынужден выбирать новую жертву. Ясной альтернативой этому случаю может служить пример *спаситель Петра*, которое описывает постоянное отношение между двумя людьми, отношение, установленное раз и навсегда. Между тем, отношения между вором и жертвой в некотором смысле похожи на отношение между емкостью неопределенного объема и ее содержимым, или — поездом и временем, когда он прибывает на вокзал, — все эти ситуации предполагают обязательную смену партиципантов.

Понятно, что такие разные ситуации нельзя сравнивать непосредственно: они слишком далеки друг от друга, тем не менее, вопрос именно в том, можно ли говорить о некоторой общей стратегии, которая здесь работает. Нам кажется, что такая стратегия есть, и она описывается метафорой устойчивого отношения (Rakhilina 2004): генитивная конструкция в русском языке обладает свойством выражать устойчивые отношения и не выражать неустойчивые.

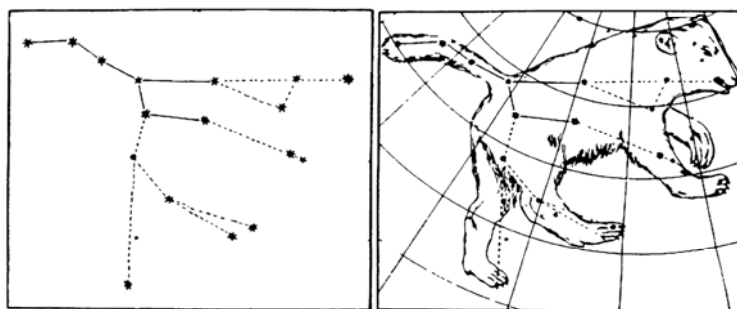
К понятию устойчивости как термину можно предъявлять какие-то претензии. Прежде всего, как и другие метафоры, это понятие слишком абстрактно и прямо не отражает ни конкретные примеры, ни лингвистические факты.

В то же время, как у всякой метафоры, у него есть и преимущества: именно с «метафорического расстояния» помощью можно увидеть общее в поведении разных типов генитивной конструкции. А ведь говорящий не запоминает конкретные исключе-

ния и не может самостоятельно составить их списков, у него есть только некоторое общее ощущение того, что можно сказать с помощью генитивной конструкции, а что нельзя, какое имя может в ней участвовать, а какое — нет. Иными словами, понятие устойчивости отношения призвано организовать и определить область русского генитива в целом и предсказать ограничения, которые возникают в разного типа контекстах — по крайней мере тех, которые представлены в настоящей работе.

С другой стороны, речь не идет о каком-то абстрактном адхоковом правиле, чуждом природе данной конструкции и логике СхG. Понятие устойчивости отношения представляется довольно естественным и легко встраивается во все известные нам описания и модели генитивной конструкции — в частности, в модель Парти-Борщева, которая была главным стимулом для данного исследования. Действительно, если мы считаем, что в базовых, прототипических случаях генитив кодирует аргументное отношение, то как раз прототипическое аргументное отношение между соответствующими именами (ср., например, *брат Ивана*) является максимально устойчивым.

Часть III

Конструкции и проблемы описания
аргументной структуры

Глава 1

КОНСТРУКЦИЯ С ДАТЕЛЬНЫМ ПОСЕССИВНЫМ *

И в лингвистических теориях, и в лексикографической практике принято считать, что в глагольных конструкциях способ поверхностного оформления определяется семантико-синтаксическими свойствами глагола лишь для его семантических актантов, тогда как информация о необязательных участниках ситуации и о способе их поверхностного оформления не связана со свойствами конкретного предиката. Их сочетаемость задается значительно более общими правилами, и поэтому может быть описана независимо от глагольной конструкции, например, в специальном разделе грамматики.

Так, в Крысин 1976 / ТКС 1984 глаголу *резать* сопоставлено следующее толкование:

X режет Y = 'X каузирует то, что предмет Z, имеющий острый край, деформирует физическое тело или неаморфное вещество Y, двигаясь по Y или давя на Y своим острым краем (и, возможно, деля на части W)'

В этом толковании выделяются семантические актанты глагола *резать* — обязательные участники ситуации, они обозначены переменными X, Y, Z, W. Но реальные ситуации, которые описывает этот глагол, помимо обязательных, могут иметь и других участников; ср. *Моя сестра режет овощи на доске*, где *сестра* и *овощи* заменяют семантические валентности глагола *резать* (соответственно, X и Y в приведенном выше толковании), а *я* и *доска* не являются обязательными участниками и в толкование глагола не входят. Для глагола *резать* способ поверхностного выражения этих участников ситуации не признается словарной информацией.

* Первоначальный вариант этой главы был опубликован в НТИ, сер. 2, 1982, № 2, с. 24—30. Рукопись статьи была прочитана И. М. Богуславским, Г. Е. Крейдлиным и Е. В. Падучевой, которые сделали много ценных замечаний; но особенно автор признателен А. К. Поливановой, без участия которой данная работа не могла быть написана.

Но верно ли, что для любого глагола поверхностное оформление любого факультативного участника ситуации никак не зависит от семантико-синтаксических свойств этого глагола? Насколько нам известно, специальных исследований по этому вопросу не проводилось.

В настоящей работе эта задача будет решаться на примере посессора глагольного актанта. Мы покажем, что возможность его оформления беспредложным дательным падежом существенным образом зависит от характеристик глагольной лексики и, следовательно, должна указываться непосредственно при глаголе (в том числе в словаре), а не (или, по крайней мере, не только), как обычно предполагается, в разделе грамматики, посвященном дательному падежу.

§ 1. Дательный посессивный падеж и ограничения на его употребление

Общеизвестно, что посессивное отношение в русском языке может передаваться конструкцией с дательным падежом без предлога; ср.:

- (1) *Нашему самовару* двоюродный подсвечник;
- (2) *Покой* льется *ему* в душу;
- (3) *Я своему слову* хозяин;
- (4) *Память мне* начисто отшибло;
- (5) *Я ему* все кости переломая, и т. д.

Как правило, для таких предложений существуют синтаксические варианты с генитивом или притяжательным местоимением, которые являются обычным способом выражения посессивного отношения в русском языке:

- (6) *Нашего самовара* двоюродный подсвечник;
- (7) *Я своего слова* хозяин;
- (8) *Память мою* начисто отшибло, и т. д.

В идеологии «подъема посессора», популярной в синтаксической литературе 1970—1980 гг.¹, генитивная конструкция при-

¹ Более современный взгляд на эту проблему см., например, в Раупе, Barshi (eds.) 1999 или в Кибрик и др. 2006. Заметим, что он никак не

знается исходной, а дативная — производным от него чисто синтаксическим вариантом. В дальнейшем нам будет удобно рассуждать, отталкиваясь от этой точки зрения.

Прежде всего обратим внимание на то, что данные два способа выразить посессивное отношение не синонимичны.

Действительно, рассмотрим предложения (9a-b):

- (9) а. *Я пришила пуговицы к Петиной шубе* и:
 б. *Я пришила **Пете** пуговицы к шубе.*

Семантическую разницу между ними можно, с нашей точки зрения, описать следующим образом: во втором случае Петя заинтересован в производящемся действии, тогда как в первом предложении Петино отношение к происходящему никакими языковыми средствами явно не выражено. Иными словами, смысл фразы *Я пришила Пете пуговицы к шубе* отличается от смысла фразы *Я пришила пуговицы к Петиной шубе* на элемент ‘заинтересованность (со стороны Пети)’. Этот элемент связан с семантикой дательного посессивного ² (далее везде ДП). Сравним еще несколько пар предложений:

- (10) а. *Он нянчил моих детей* (заинтересованность не выражена языковыми средствами);
 б. *Он нянчил **мне** детей* (‘моих детей’ + ‘для меня’).
 (11) а. *Я повесил над ее кроватью коврик* (неясно, была ли она заинтересована в этом);
 б. *Я повесил **ей** над кроватью коврик* (‘над ее кроватью’ + ‘для нее’).

Заметим, что заинтересованность бывает и, так сказать, «отрицательная», например:

противоречит высказываемым в настоящей главе положениям; см. здесь Podlesskaja, Rakhilina 1999.

² Элемент ‘заинтересованность’ нужно, по-видимому, связывать с семантикой адресатного отношения вообще. Ср. определение адресатного отношения в Кибрик и др. 1977: «Y-адр→X» — «X — актант, (пассивно) заинтересованный в Y-е», «Y совершается в пользу, ради X-а». Так, легко заметить заинтересованность со стороны актанта, связанного с глаголом адресатным отношением, в следующих предложениях, не содержащих ДП: *Он сказал мне доброе слово; Он достал мне лошадей.*

(12) *Мне* пробило градом большую дыру в крыше;

(13) *Я тебе* все кости переломаю;

(14) *Вам* отрежут голову.

В некоторых случаях не представляется возможным определить, какое именно значение приобретает признак ‘заинтересованность’, положительное или отрицательное. При этом ясно, что более широкий контекст позволил бы выбрать одно определенное значение признака, ср.:

(15) *Усы... Как изменили они вам* лицо... (в худшую или лучшую сторону?);

(16) *Он отвинтил мне* кран (испортил его или починил?).

Отсюда следует, что синонимический переход с введением адресатного отношения возможен только в том случае, если в глубинной структуре предложения уже был элемент ‘заинтересованность’ (со стороны посессора актанта).

Этот запрет на ДП связан с самой природой данного варианта посессивной конструкции, но он не единственный: другие ограничения определяются способом заполнения ее конкретных слотов. Таких слотов в ней четыре:

- 1) субъект,
- 2) объект,
- 3) посессор
- 4) глагол.

Заметим, что в современном русском языке, о котором идет речь, в данной конструкции может выступать только посессор объекта, но не субъекта, так как ДП невозможен при одноместных глаголах, как в (17—18):

(17) **Кукла спит Маше* (ср. *Машина кукла спит*);

(18) **Рубашка сохнет папе* (ср. *Папина рубашка сохнет*)³.

Между тем в других языках, которые используют конструкции с ДП, такое ограничение может не иметь места. Например, в чешском вполне допустимы предложения типа (19—20):

³ Предложениям с одновалентным глаголом *быть*, таким как *Будет тебе дальняя дорога*; *Будет тебе белка*, *будет и свисток*, с нашей точки зрения, должна быть приписана иная глубинная структура.

- (19) *Tváře **ji** hořely* ‘Ее (букв. ‘ей’) щеки горели’;
 (20) *Zamaraly se **mi** šaty* ‘У меня (букв. ‘мне’) платье запачкалось’.

Ср. также польские примеры:

- (21) ***Janowi** złamał się ząb* ‘У Яна (букв. ‘Яну’) сломался зуб’;
 (22) *Włosy **mu** się kręca* ‘Волосы у него (букв. ‘ему’) вьются’.

То же для французского и немецкого:

- (23) *Le visage **lui** reluisait* ‘Лицо у него (букв. ‘ему’) светилося’;
 (24) *Die Augen leuchteten **ihm*** ‘Глаза у него (букв. ‘ему’) светились’.

Интересно, что в древнерусском языке, в отличие от современного русского, ДП также мог употребляться при одноместном глаголе, ср.:

- (25) *У ково порося пропало, **тому** в ушахъ визжить*;
 (26) ***Ленивому** болить в хребтѣ*;
 (27) *Нача **еи** чрево расти* и т. д.⁴

Другое ограничение, связанное с посессором, состоит в том, что имя, подставляемое на его место, может быть только одушевленным, ср.:

- (28) **Сломать **двери** замок*;
 (29) **Отрезать **пирог**у кусок* и т. п.

Разумеется, предложения с ДП оказываются допустимыми, если происходит окказиональный переход существительного в категорию семантически одушевленных:

- (30) *Это он **моему** «Запорожцу» стекло разбил!*
 (31) *Оторвали **мишке** лапу.*

Это ограничение связано с отмеченной нами заинтересованностью посессора-адресата в совершаемом действии. Неодушевлен-

⁴ Чешские примеры цитируются по Заичкова 1972, польские, французские и немецкие — по Wierzbicka 1979, древнерусские — по Правдин 1956, 1957.

ный (точнее — неперсонифицированный) предмет не способен быть в чем-либо заинтересованным или незаинтересованным⁵. Подобное ограничение на употребление ДП действует и в немецком языке, ср. пример из Wierzbicka 1979:

(32) **Der Katze leuchteten die Augen* ‘Кошке светятся глаза’.

§ 2. Методика исследования глагольных ограничений на употребление ДП

Вернемся к нашей задаче. Напомним, что из всех возможных случаев запрета на употребление ДП особый интерес представляют для нас те ограничения, которые связаны с лексическим заполнением места глагола. Но поскольку запрет на употребление нашей конструкции может, как мы только что видели, быть вызван и значениями других переменных, нам необходимо исследовать возможности лексического заполнения глагольной переменной в таких условиях, чтобы значения остальных параметров конструкции не влияли на результат. Наиболее простое решение — задать им постоянные значения, т. е., по существу, выбрать фиксированный контекст для глагола. Подстановка глагола в этот контекст давала бы грамматически правильные предложения, если при данном глаголе возможен ДП, и грамматически неправильные, если ДП невозможен. Важно проследить, чтобы постоянные значения для субъекта, объекта и посессора были выбраны таким образом, чтобы существовали глаголы, подстановка которых в полученный контекст допускала бы введение ДП. Действительно, если бы мы, например, в качестве значения посессора выбрали синтаксически неодушевленное имя, то при подстановке любого глагола в такой «неблагоприятный» контекст конструкция с ДП была бы запрещена (см. выше). Тем самым, мы были бы лишены возможности проследить влияние семантико-синтаксических свойств глагола на условия применения нашего правила.

⁵ Ср. Jakobson 1936/1985: «Носителем дательного адресата выступают, по большей части, одушевленные существа, и в этом случае дательный оказывается в наибольшей степени противопоставленным винительному, обозначающему неодушевленный предмет».

Выбор контекста

Прежде всего для простоты зафиксируем постоянное подлежащее при глаголе *Х*. Пусть это будет какое-нибудь собственное имя — скажем, лексема *Петя*.

Далее выберем значения для посессора и объекта. Для посессора в нашей конструкции будут допускаться два значения:

а) имя, кореферентное подлежащему предложения — в этом случае происходит его обязательная замена на рефлексивное местоимение *себя*;

б) имя, некорреферентное подлежащему — пусть это тоже будет местоимение, например, лексема *он*.

В качестве объекта для нашей задачи удобнее всего будет реляционное имя, имеющее обязательную посессивную валентность — пусть это будет часть тела: такой выбор поможет нам, как будет показано ниже, сделать контрольный контекст более диагностирующим. Для определенности мы взяли лексему *рука*.

Мы полагаем, что для каждого переходного глагола, допускающего в качестве прямого объекта лексему *рука*, подстановка в составленные нами диагностические контексты *Петя ... ему руку* и *Петя ... себе руку* даст ответ на вопрос, возможен ли ДП при этом глаголе. В случае если предложение, полученное в результате подстановки, грамматически правильно, ДП при глаголе допускается, если же оно грамматически неправильно — это значит, что какие-то семантико-синтаксические свойства глагола накладывают запрет на ДП.

Конечно, заведомо грамматически неправильными будут предложения, полученные в результате подстановки в указанные контексты глаголов, которые не допускают оформления дательным падежом никакого из участников соответствующей ситуации — таков, например, глагол *видеть* (см. ниже). Очевидно, что при таких глаголах невозможен и дательный посессивный. Но в то же время, грамматически неправильными будут и предложения, полученные в результате подстановки в наши контексты глаголов, которые хотя и допускают при себе существительное в дательном падеже, но не такое, которое выражает посессивное отношение. Последнее обстоятельство связано с тем, что мы исследуем способ выражения посессора актанта, имеющего обяза-

тельную (посессивную) валентность. В результате используемые контексты позволяют отличить ДП от других случаев употребления дательного беспредложного.

Замечание. О кореферентных опущениях посессора в русском языке

Как известно, при реляционных именах невыраженность посессора означает, что он кореферентен какому-либо участнику ситуации (в частном случае, когда вся ситуация описывается одним предложением, некоторому члену этого предложения). Однако неясно, любому ли партиципantu может быть кореферентен опущенный посессор. В качестве ответа на этот вопрос следовало бы указать правила, по которым происходит кореферентное опущение в русском языке. Не претендуя на сколько-нибудь полное описание, ограничимся некоторыми замечаниями, которые возникли у нас при исследовании предложений с поверхностно не выраженным обязательным посессором.

1. В произвольном предложении, содержащем более одного участника ситуации, опущенный посессор мог бы, вообще говоря, восстанавливаться столькими способами, сколько участников имеет данная ситуация (как кореферентный каждому из них). Между тем, например, предложение *Брат подошел к Пете* понимается однозначно: 'Мой брат подошел к Пете', а не 'Петин брат подошел к Пете', то есть посессор при *брат* может быть кореферентен только говорящему, а не просто произвольному участнику ситуации, и, следовательно, опущение посессора в русском языке производится по некоторым специальным правилам.

2. Анализ предложений с опущенным обязательным посессором существенно опирается на их актуальное членение. Так, в предложениях (а) [*Брата*]^T [*увидел Петя*]^R (где лексема *брат* входит в тему предложения) и (б) [*Петя*]^T [*увидел брата*]^R (где та же лексема входит в рему) будет, по-видимому, восстанавливаться разный посессор:

(а) = 'Моего брата увидел Петя' — посессор кореферентен говорящему,
(б) = 'Петя увидел своего брата' — посессор кореферентен подлежащему.

3. В некоторых контекстах в русском языке невозможно заполнение валентности при именах с обязательным посессором, как, например, в случае явно или неявно выраженного квантора при именной группе, ср.: *Отец должен быть строг* = 'Отец всякого человека должен быть строг', или в ситуациях взаимного согласования валентностей, ср.: *Брат сестру качает*.

4. Если предложение содержит имя в дательном падеже, которое не заполняет обязательной валентности глагола, то невыраженный посессор при имени родства или части тела восстанавливается как кореферентный участнику ситуации, названному этим именем, ср.:

*Петя пожал **ему** руку (= его руку).*

*Она накормила **ему** детей (= его детей).*

5. Отметим, что кореферентное опущение актанта при одноместных отпредикатных именах типа *жизнь* (*жизнь X-а*), *болезнь* (*болезнь X-а*) и т. д., по-видимому, подчиняется похожим правилам, ср.: *Его измучила болезнь* (невывраженность актанта означает его кореферентность субъекту).

Получается, что при подстановке глагола в контекст, содержащий лексему *рука* с невыраженным посессором и лексему, оформленную дательным беспредложным (*ему* или *себе*), посессор должен быть кореферентен этой лексеме, или, что то же самое, дательный падеж должен выражать посессивное отношение (ср. пункт 4 *Замечания* выше). В том случае, если при глаголе невозможно выразить посессивное отношение дательным падежом, подстановка такого глагола в наши контексты даст грамматически неправильные предложения. Таким образом, подстановка глаголов в выбранные конструкции действительно позволяет выделить предикаты, допускающие и не допускающие ДП. Заметим, что в связи с ограничениями, наложенными на контекст, нам придется рассматривать лишь те глаголы, при которых лексема *рука* возможна в качестве прямого объекта. Однако для решения поставленной задачи нам достаточно выделить хотя бы некоторые глаголы или некоторые группы глаголов, семантико-синтаксические свойства которых определяли бы запрет на ДП.

В процессе нашего исследования было проанализировано 265 глаголов. Их список составлялся по словарю Зализняк 1969. Сюда вошли и такие глаголы, которые, запрещая лексему *рука* в качестве прямого объекта, допускают заполнение этого места лексемой, называющей другую часть тела (например, *зажмурить* — только *глаза*, *скривить* — только *губы* и т. д.). При этом соответствующий контекст считался равнозначным исходному с лексемой *рука*⁶.

Результаты анализа этих глаголов показали, что по признаку допустимости / недопустимости ДП глаголы разбиваются на два непересекающихся класса, причем преобладающее большинство глаголов допускают ДП, т. е. образуют грамматически правиль-

⁶ Ср., однако, Замечание в разделе 3.1.

ные предложения при подстановке в оба варианта контрольного контекста. Возникает вопрос, чем объясняется запрет на ДП для остальной части глаголов. Естественно предположить, что невозможность ДП определяется семантико-синтаксическими свойствами глагола. Оказывается, что глаголы, не допускающие ДП, могут принадлежать к одной из следующих четырех семантических групп:

- а) психической каузации;
- б) адресации;
- в) восприятия;
- г) приобретения.

Рассмотрим эти четыре группы подробнее.

§ 3. Семантический анализ глаголов, не допускающих ДП

3.1. Глаголы психической каузации

Среди глаголов, допускающих ДП, имеются такие, при которых невозможна кореферентность посессора подлежащему, например, *пожать руку* (только чужую): **пожал себе/свою руку*. Естественно, что при подстановке таких глаголов в контекст с рефлексивным местоимением *себе* мы будем получать грамматически неправильные предложения, но не потому, что глаголы не допускают ДП, а только вследствие запрета на кореферентность. Это легко доказывается подстановкой таких глаголов в другой вариант контекста, без кореферентности. В этом случае образуются грамматически правильные предложения, ср. *Петя пожал ему руку*.

Иначе ведут себя глаголы, требующие в нашем контексте обязательной кореферентности посессора подлежащему: *зажмурить глаза* (только 'свои'), *кривить губы* (только 'свои'), *напрячь мышцы* (только 'свои') и т. д. Как и следовало ожидать, они порождают грамматически неправильные предложения при подстановке в контекст с некорреферентным подлежащему дативом: **Петя зажмурил ему глаза*. Но и подстановка их в контекст с рефлексивным местоимением не дает грамматически правильных предложений: **Петя зажмурил себе глаза*. Следовательно, глаголы с такими свойствами в принципе не допускают ДП, а значит,

представляют для нас особый интерес. Остановимся подробнее на их свойствах.

Глаголы *зажмурить*, *скривить*, *напрячь* и т. п. являются каузативными, т. е. толкование каждого из них имеет следующую структуру: 'X есть причина того, что V', где V — каузируемая ситуация (например, 'глаза закрыты', 'мышцы рук напряжены' и т. п.).

Замечателен способ, которым вызывается ситуация V, другими словами, тип каузации этих глаголов. Мы назвали бы его психическим, так как ситуация V (в каждом случае — движение определенных частей тела) возникает как следствие передачи мозгом нервных импульсов, соответственно, мышцам глаз, губ и т. п. Как видим, из самой «физиологической» природы этой каузации следует обязательная кореферентность посессора подлежащему.

Для сравнения рассмотрим глагол *разрезать* (*Петя разрезал руку*). Он также каузативный. Но причиной каузируемой ситуации (*рука разрезана*) в этом случае является то, что рука подвергается механическому воздействию острого предмета. Такой тип каузации мы будем называть механическим. Глаголами механической каузации являются также *мять*, *царапать*, *ломать*, *мыть*, *тереть* и многие другие.

Каузативные глаголы *поднять*, *заккрыть*, *сжать*, *окунуть* и ряд других могут выражать каузацию как психического, так и механического типа, ср.: *заккрыть глаза*, *опустив веки* — психическая каузация; *заккрыть глаза руками* — механическая каузация; *сжать руку в кулак* — психический тип каузации, но: *Петя так сильно сжал ему руку, что он вскрикнул* — механическая каузация; *поднять руку на уроке, вызываясь отвечать* — психическая каузация, но: *Поднимите мне веки!* — механическая каузация.

Из приведенных примеров видно, что природа механической каузации не накладывает ограничений на посессора: допускается посессор как кореферентный субъекту, так и не кореферентный. Следовательно, глаголы механической каузации могут быть представлены в оба варианта контекста — с рефлексивным местоимением и без него. В обоих случаях мы будем получать грамматически правильные цепочки, ср.: *царапать ему/себе руку*, *ломать ему/себе руку* и т. д. Иными словами, глаголы механической каузации, в отличие от глаголов психической каузации, допускают ДП.

Интересны в этом отношении глаголы, способные описывать ситуации как психической, так и механической каузации — *поднять, закрыть* и др. Они допускают ДП только в случае механической каузации. Так, предложение *Она закрыла себе глаза* правильно лишь в том случае, если действие производилось механически, например, руками; то же для *нагнуть себе голову, вогнуть себе руку* и проч.

З а м е ч а н и е

Как мы помним, в ряде случаев нам пришлось расширить материал, привлекая глаголы, запрещающие в качестве прямого объекта лексему *рука*, но допускающие заполнение места прямого объекта лексемой, обозначающей другую часть тела (*нога, голова* и т. д.). При этом в контрольном контексте для таких глаголов лексему *рука* мы меняли на допустимую, предполагая, что такая замена даст нам, в общем, равноценный контекст для проверки на возможность ДП. Однако оказалось, что иногда способ заполнения объектного места существен. В частности, тип каузации — психический или механический — определяется в некоторых случаях не одним глаголом, а парой: **глагол + объект воздействия**, так что при одном заполнении объектного места возможна лишь каузация психического типа, а при другом — только механическая каузация, например:

Раскрыть (себе) рот — оба типа каузации возможны

*Раскрыть (*себе) глаза* — только психический тип каузации

Сжать (себе) виски — только механическая каузация

*Сжать (*себе) зубы* — только психическая каузация

Убрать (себе) волосы со лба — механическая каузация

*Убрать (*себе) ладони со лба* — психическая каузация.

Итак, два рассматриваемых типа каузации поверхностно различаются в русском языке: от типа каузации зависит оформление одного из участников ситуации — посессора актанта глагола. Правило, которому подчиняется в этом случае оформление посессора, таково: при глаголах психической каузации запрещается ДП, при глаголах механической каузации — допускается.

Заметим, что такое противопоставление типов каузации типологически естественно. В Wierzbicka 1979 приводятся примеры, демонстрирующие по сути дела именно то противопоставление типов каузации, которое мы назвали механическим VS. психическим, в некоторых других индоевропейских языках.

(33) Французский:

- a. *Pierre a levé sa/la tête* 'Пьер поднял голову' (психическая каузация);
- b. *Pierre s'est levé la/sa tête (avec les mains)* 'Пьер поднял голову (руками)' (механическая каузация).

(34) Испанский:

- a. *Pedro abrió los ojos* 'Педро открыл глаза' (психическая каузация);
- b. *Pedro se abrió los ojos (con las manos)* 'Педро открыл глаза (руками)' (механическая каузация).

(35) Итальянский:

- a. *Pietro aprì gli occhi* 'Пьетро открыл глаза' (психическая каузация);
- b. *Pietro si è aperte gli occhi (con le mani)* 'Пьетро открыл глаза (руками)' (механическая каузация).

Попытаемся ответить на вопрос, почему возникают ограничения на ДП, т. е. почему нельзя сказать: **поднял себе руку*, притом что можно, грамматически правильно, хотя и стилистически неудачно в силу избыточности: *поднял свою руку*. По-видимому, запрет на оформление посессора дательным падежом при глаголах психической каузации следует связывать с природой дательного падежа, или, точнее, выражаемого им адресатного отношения. Как мы говорили выше, адресат характеризуется, прежде всего, как участник ситуации, заинтересованный в ее результате, т. е. введение адресата в ситуацию означает введение участника, заинтересованного в производящемся действии. В случае психической каузации заинтересованность субъекта, по-видимому, мало естественна.

3.2. Глаголы адресации

К глаголам адресации относятся: *показать, подать, протянуть* и т. п. При подстановке в контрольный контекст (*Петя ... ему/себе руку*) необходимо заполнение всех сильных валентностей глагола, в данном случае — адресатной. Имя, заполняющее эту валентность, кодируется дательным беспредложным: *показать кому-либо, подать кому-либо*. Следовательно, в полученном предложении будет два беспредложных датива, ср. **Петя подал Васе*

себе руку. Но в русском языке действует запрет на такого рода конструкции. При глаголе разрешается только один адресат, а именно глубинный, т. е. заполняющий сильную адресатную валентность глагола. Заметим, что этот глубинный адресат никогда не бывает кореферентным опущенному обязательному посессору актанта. В таких предложениях посессор кореферентен подлежащему или говорящему: *Петя подал мне руку* $\neq$ 'Петя подал мне мою руку', но = 'Петя подал мне свою руку'. Ср. глагол *пожать*, не имеющий сильной валентности адресата: *Петя пожал мне* (= 'моей') руку.

3.3. Глаголы восприятия

Глаголы восприятия — *видеть, рассмотреть, изучить, (по)любить, (за)помнить, забыть* — также дают грамматически неправильные предложения при подстановке в контрольные контексты: **Петя увидел ему руку, *Петя рассмотрел ему руку* и т. д.

Заметим, что первый актант этих глаголов — глубинный адресат⁷, поверхностно оформляющийся номинативом. Видимо, следует объединить глаголы адресации и глаголы восприятия в одну группу — группу глаголов, содержащих адресат в глубинной структуре, — и ввести правило, запрещающее ДП при таких глаголах.

3.4. Глаголы приобретения

Рассмотрим следующую группу глаголов — глаголы приобретения: *украсть, купить, взять, найти*. Те из них, которые допускают в качестве прямого объекта лексему *рука*, при подстановке в контрольные контексты дают, как и глаголы предыдущих групп, грамматически неправильные предложения. Однако, в отличие от ранее рассмотренных глаголов, при глаголах приобретения возможен факультативный дательный: *купил (мне) сапоги*.

Обратим внимание на важное общее свойство семантической структуры глаголов приобретения. Объект таких глаголов имеет как бы два посессора: один обладал предметом до приобретения, другой стал его обладателем после приобретения.

⁷ В другой терминологии — экспериенцер или датив.

Например:

‘Х купил Z, принадлежащий Y-ку, для W’	} объект Z принадлежал Y-ку до купли (кражи...) и стал принадлежать W после ⁸
‘Х взял Z, принадлежащий Y-ку, для W’	
‘Х украл Z, принадлежащий Y-ку, для W’	

Произошла смена посессора, так как в общем случае $Y \neq W$. При некоторых глаголах кореферентность Y и W даже запрещается (например, при *купить*, *украсть*). Правда, ряд глаголов может описывать обе ситуации: $W = Y$ и $W \neq Y$, например, *поймать*:

Папа поймал мне козу:

- а) *Папа поймал мою козу (которая убежала), W = Y* (‘поймал мою козу для меня’),
- б) *Папа поймал мне (живую) козу, W ≠ Y*;

брать — взять:

- а) *Вот вам номерок — возьмите мне пальто, W = Y*,
- б) *Возьмите мне, пожалуйста, 2 кг яблок, W ≠ Y. Возьмите мне, пожалуйста, эту книгу в библиотеке, W ≠ Y*;

искать — найти:

- а) *Поищи мне тетрадку — не помню, куда положила, W = Y*,
- б) *Будешь в центре — поищи мне зимние сапоги, W ≠ Y*.

Итак, глаголы приобретения кодируют ситуации типа: до приобретения $Z \in Y$; факт приобретения Z-а X-ом; после приобретения $Z \in W$.

Всякий естественный язык, оформляющий посессора дательным падежом, должен в таких ситуациях выбирать, какого именно посессора кодировать дательным падежом — Y или W .

⁸ Заметим, что X — не посессор Z , а посредник между двумя посессорами Y и W , при этом X может быть кореферентен W , но не Y , ср. *купил для себя*, но **купил у себя*.

В русском языке в качестве такого посессора выбирается *W*⁹: *Купил мне (W) книгу у букиниста (Y)*. На оформление *Y* дательным падежом накладывается запрет: недопустимо **Купил для меня (W) книгу букинисту (Y)*. По иному пути пошел, например, чешский язык — он также использует ДП, но дательным падежом в этом языке кодируется первоначальный посессор *Y*: *Ukradl mi kabát* ‘Он украл у меня пальто / Он украл мое пальто’, ср. неправильное русское предложение в том же значении: **Он украл мне пальто*; *Kdo mi vzal onuce?* ‘Кто мои портянки взял?’, ср. русскую фразу в том же значении: **Кто мне портянки взял?* То же в латинском языке для глаголов *adimo* ‘отнимать’, *eripio* ‘похищать’ и т. п. Ср., например, латинское: *Quis te mihi casus ademit!* ‘Какое несчастье отняло тебя у меня?’ (букв. ‘тебя мне отняло’); *Tam bellum mihi passerem abstulisti* [Из Катулла] ‘Вы похитили у меня (букв. ‘мне’) прекрасного воробья’.

Замечательно, что в литовском языке дательным падежом может кодироваться как тот, так и другой посессор, так что, вообще говоря, предложение *Kol žydas lupė ir valgė bulbes, Marcelė ištraukė jam iš kibiro vieną, antrą ir trečią silką* двусмысленно: оно может означать: а) ‘Пока еврей чистил и ел картофелины, Марцелля вытащила у него (букв.: ‘ему’) из ведра одну, вторую и третью селедку’ и б) ‘...вытащила для него одну, вторую и третью селедку’¹⁰.

Следовательно, в русском и чешском языках при глаголах приобретения представлены две разновидности дательного посессивного: в чешском — дательный, кодирующий прежнего посессора *Y*, а в русском — дательный, кодирующий результирующего посессора *W*.

Отметим здесь некоторую разницу между *Y* и *W* как посессорами *Z*. Если *Y* в ситуации приобретения выступает как исконный

⁹ По-видимому, для русского языка в осуществлении «выбора» между двумя претендентами на оформление дательным падежом существенную роль сыграла безусловная заинтересованность *W* в ситуации приобретения. Заметим, что для *Y* заинтересованность маркирована далеко не всегда. Например, *купить у Y* — неясно, заинтересован ли *Y* в этом действии.

¹⁰ Чешские примеры цитируются по Заичкова 1972, литовские — по Эльсбутас 1967.

владелец Z , теряющий собственность, то W становится реальным посессором только после момента приобретения Z : *Это платье (Z) я (X = W) купила себе (W) у одной знакомой (Y) = Это свое платье я купила у одной знакомой*. До момента приобретения между Z и W нельзя установить посессивного отношения: поэтому недопустимо **Я куплю свое платье у одной знакомой*. В этом случае W выступает лишь как потенциальный посессор, который в русском языке также кодируется дательным падежом¹¹: *Я куплю себе платье у одной знакомой*.

Итак, мы выявили существенное отличие обычного дательного посессивного от дательного посессивного при глаголах приобретения в русском языке: обычный дательный посессивный отражает реальные посессивные отношения, а дательный посессивный при глаголах приобретения — потенциальные.

Остается объяснить, почему глаголы приобретения в русском языке, допускающие дательный потенциально-посессивный, при подстановке в контексты с лексемой *рука* дают грамматически неправильные предложения:

(36) *Петя нашел ее руку в темноте* — **Петя нашел ей руку в темноте*;

(37) *Петя взял ее руку в свою* — **Петя взял ей руку в свою*.

Заметим, что:

1. В ситуации с лексемой *рука* для глаголов приобретения обязательно $Y \neq W$. В других случаях, таких как *Петя нашел Васе шапку*, Y может быть кореферентен W — например, если Вася ($Y = W$) потерял свою шапку и не мог найти ее сам. Очевидно, что такая ситуация невозможна, если Z = рука или другая часть тела.

2. Как и при других глаголах приобретения, дательный падеж может кодировать только потенциального посессора, т. е. W .

¹¹ Если бы русский язык последовательно выражал дательным падежом только реально устанавливаемые посессивные отношения, то при глаголах приобретения возможность оформления дательным падежом посессора актанта зависела бы от времени глагола: при глаголах в прошедшем времени, отражающих ситуацию с уже сменившимся посессором, оформление дательным падежом допускалось бы, а при глаголах настоящего и будущего времени — не допускалось.

3. С другой стороны, в предложениях с невыраженным обязательным посессором этот посессор (а им может быть только *У* и никогда не может быть *W*) должен восстанавливаться как кореферентный лексема, оформленной дательным беспредложным.

Таким образом, лексема в дательном падеже, содержащаяся в контрольном контексте (*ему* или *себе*), должна, согласно этим правилам, одновременно, в одном и том же употреблении, иметь два разных референта: *У* и *W*. Такое противоречие решается в русском языке следующим правилом: в подобных конструкциях (с глаголами приобретения и невыраженным обязательным посессором) вообще невозможен поверхностный дательный. При этом *У* оформляется генитивом или посессивным местоимением, а актант *W* может вообще быть поверхностно не выражен, так как в подобных ситуациях стандартно кореферентен подлежащему: *Петя нашел ее руку* ($\approx$ для себя); *Петя взял руку* ($\approx$ для себя).

В заключение обратим внимание на глагол *отнять*. В большинстве своих значений это типичный глагол приобретения (ср. *отобрать*, *украсть* и др.): '*Х отнял Z, принадлежащий Y-у, для W*', где $W = X$.

Если подставить глагол *отнять* в контексты типа наших контрольных, где валентность прямого объекта заполняется не лексемой *рука*, а другим реляционным именем (например *брат*, *ребенок*), то полученные в результате предложения будут, как и ожидается, грамматически неправильными:

(38) **Отнял сестре брата* (вместо: *Отнял у сестры брата*);

(39) **Отнял матери ребенка* (вместо: *Отнял у матери ребенка*).

В случае, когда валентность прямого объекта заполняется лексемой со значением части тела, например *рука*, глагол *отнять* выступает в другом значении: *отнять руку* $\approx$ *отрезать руку*. Это уже не глагол приобретения, так как факт совершения действия не влечет смену посессора объекта, ср. *Хирург отнял мне* (*у меня, мою*) *руку* (при этом хирург не становится посессором руки). Поэтому при подстановке глагола *отнять* в контекст, содержащий лексему *рука*, *отнять* будет вести себя как *отрезать*, *оторвать* и проч., а не как глагол приобретения, т. е. будет давать грамматически правильные предложения: *Петя отнял себе руку*; *Петя отнял ему руку*. То же для глагола *нащупать*, который перестает

быть глаголом приобретения при заполнении места прямого объекта лексемой *пульс*, ср.: **Он нащупал ей руку в темноте*, но: *нащупал ей пульс*.

* * *

Таким образом, во всех рассмотренных нами случаях запрет на употребление ДП связан с семантико-синтаксическими свойствами глагола. Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале работы, мы можем сказать, что как для обязательного, так и для факультативного участника ситуации, описываемой глаголом, способ поверхностного оформления может зависеть от семантико-синтаксических характеристик этого глагола.

Послесловие 2010 года

Эта статья была написана в то время, когда синтаксические идеи казались важнее семантических даже в Московской семантической школе. Отсюда — стремление к унификации разнообразных конструкций и идея подъема посессора как инструмент, позволяющий, как казалось, объединить собственно посессивные и дативные структуры. Отсюда же стремление как можно жестче разграничить уже унифицированные типы структур: актантные и сирконстантные. Но материал статьи не подчинялся такой идеологии: внимательный и последовательный анализ фактов показывал, что посессивные и дативные конструкции семантически различаются, и ограничения на их употребление тоже не совпадают. Аналогично, «сирконстантный» датив проявляет те свойства, которые обычно обнаруживаются только у актантов глагольной лексики.

Тогда суть статьи состояла в том, чтобы «обнародовать» эти противоречия между теорией (в то время общепринятой) и практикой. Теперь есть другие теории — и, в частности, СхG, в рамки которой эти факты прекрасно укладываются. Действительно, с точки зрения СхG совершенно естественно признать, что дательный посессивный является полноценной конструкцией, никак деривационно не связанной с посессивной: он имеет собственную семантику ‘заинтересованности’, и все ограничения обусловлены

ею. В этом смысле дательный посессивный — еще одна иллюстрация «конструкций в действии», не содержащая ничего необычного.

Более интересна здесь проблематика, связанная с актантами и сирконстантами. В самом деле, получается, что задача их разграничения, которая до сих пор не решена полностью ни в одной синтаксической теории, в рамках СхG вообще не стоит. Для описания конструкции актантный или сирконстантный статус ее слота не существен; главное, что соответствующий участник ситуации является частью конструкции и поэтому его свойства должны быть полностью учтены. Именно таково положение дел с участником, выраженным дательным посессивным. А поскольку СхG настаивает на тесной связи всех слотов конструкции, то зависимость участника в дательном посессивном от характеристик глагольной лексики не должна в этом случае вызывать удивления.

Глава 2

ВЕЧНАЯ ЗАГАДКА ПРОМАХНУТЬСЯ

§ 1. Введение: постановка задачи

Настоящее исследование опирается на недавнюю статью И. А. Мельчука (Mel'čuk 2004, см. также в Иорданская, Мельчук 2007), касающуюся теории семантических актантов и ограничений на их поверхностное выражение. В этой статье, в частности, формулируется принцип наследования обязательных участников (партиципантов): если в толкование данной лексемы входят предикатные значения, то все их обязательные партиципаны наследуются толкуемой лексемой и формируют множество ее обязательных участников (с. 12). Правда, не всякий такой участник может быть поверхностно выражен при лексеме. Одна из причин запретов такого рода, как показано там же, на с. 13, связана с «фиксированностью», или полной определенностью партиципанта — когда он в большей степени константа, чем переменная.

В качестве примера И. А. Мельчук предлагает глаголы движения или каузации движения, в которых таким образом фиксирован начальный пункт движения. Нам кажется, хорошей иллюстрацией этого случая является глагол *приземлиться*, где при всех условиях исходной точкой движения является воздушное пространство — константа, которая не может быть выражена поверхностно.

- (1) *Ярким и солнечным днем в начале июля 1996 года наш самолет приземлился (*с воздуха) в аэропорту Мюнхена.*
[Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]

Пример самого И. А. Мельчука, — исходный пункт движения для глагола *класть*, который тоже никогда не выражается при этом глаголе, — строго говоря, не вполне константа. Надо сказать, что неточность интерпретации этого примера была допущена в работе Рахилина 1990: 98—101, на которую дана ссылка в этом месте статьи. Для задач, которые решаются в статье И. А. Мельчука, эта неточность является незначимым нюан-

сом — для нас, однако, она представляет некоторый интерес, поэтому мы остановимся на этом примере подробнее.

Дело в том, что предмет, который кладут, изначально находится в руке субъекта глагола *класть*. Следовательно, если бы мы подробно толковали этот глагол, фрагмент толкования, соответствующий исходной точке движения, содержал бы переменную (*рука X-a*), а значит, не был бы константой, как в *приземлиться*. Эта переменная, однако, никогда как переменная не выступает: у нее нет множества выбора значений, т. к. в каждой отдельной ситуации она связывается субъектом. Таким образом, чтобы быть совершенно точным, надо сказать, что, в отличие от *приземлиться*, содержащего в своем толковании абсолютную константу, независимую от конкретной ситуации, в *класть* имеется партиципant, фиксированный конкретной ситуацией, который может быть признан константой только внутри нее.

Нашей задачей будет показать, что поверхностная невыраженность обязательного партиципанта — даже и тогда, когда он не является константой, — связана с его фиксированностью (в этом случае — относительно данной ситуации).

§ 2. Глаголы движения: прагматика

В лингвистической литературе хорошо описан эффект дейктической (т. е. прагматической) фиксации партиципанта в глаголах движения, когда в начальной или конечной точке помещается говорящий или наблюдатель данной ситуации — подробнее см. Введение к этой книге (§ 2). Партиципant, связанный дейктически, оказывается невыразим поверхностно, и к нему не может быть задан вопрос без нарушения условий успешности речевого акта, ср.

(2) *Он замахал руками, увидев Славку, а потом крикнул в сторону балконной двери:*

— *Мама, он уже пришел!* [Владислав Крапивин. Трое с площади Карронад (1979)]

— *Куда*¹.

¹ Ср. также обсуждение подобных примеров в связи с проблемой обязательных валентностей в Ranevová 1994, а также в Падучева 1998: 94 и Шмелёв 1998.

Надо сказать, что поскольку этот эффект не семантический, а прагматический, а прагматические условия очень подвижны и легко могут меняться в зависимости от контекста, строгого запрета на поверхностное выражение такого участника всё же нет: есть только тенденция, и, ввиду сказанного выше, она представляется естественной.

Между тем, очень похоже на дейктические глаголы ведут себя глаголы перемещения или каузации перемещения, у которых исходная точка задана в презумпции и прагматически фиксирована — но уже не относительно говорящего или наблюдателя, а относительно субъекта движения.

Рассмотрим глагол *выпустить* (ср.: *ввиду амнистии, заключенных этой тюрьмы выпустили*); условную схему его толкования (в которой мы сознательно опустим несущественные для нас сейчас детали) можно представить так:

Презумпция: {В течение некоторого времени Q каузировал X находиться в пространстве L};

Ассерция: Q разрешил X перестать находиться в L.

В случае единичного X может возникнуть довольно жесткая прагматическая связь между ним и местом его заключения — тогда локативный участник не нуждается в поверхностном выражении и вопрос о нем свидетельствует о нарушении условий речевого акта:

- (3) *Меня арестовали, да я ни в чём не признался и был выпущен...* [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», № 1, 1996] *??Откуда?*

Еще раз подчеркнем, что связанность данной локативной переменной ситуативна и не определяется семантикой предиката: например, если субъект движения множествен, то имеется возможность распределения отдельных представителей множества субъектов по разным L (тогда вопрос *откуда выпустили?* становится вполне правомерным). Связанность L может быть нарушена и при единичном объекте — если имеется прагматическая презумпция последовательности нескольких L для данного субъекта — другими словами, выбора L, — и в этом случае L тоже выразим: невыразимость обязательного участника обусловлена отсутствием выбора, т. е. фиксированностью в данной ситуации.

§ 3. Ситуативная семантика: *выиграть* и *проиграть*

Глаголы *выиграть* и *проиграть* представляют случай более жестких запретов, которые обусловлены семантическими характеристиками ситуации.

В презумпции этих глаголов имеется ситуация игры — понятно, что она содержит игроков, а также саму игру, в которую они играют. Ассерция может добавлять к этому набору участников выигрыш (или проигрыш) — в очках, деньгах, спичках и под. Ср.:

(4) *Хлестаков выиграл у городничего в карты 100 рублей.*

Как видим, здесь выражены все названные нами обязательные участники, и к каждому из занимаемых ими «мест» в предложении может быть задан вопрос. Действительно, у Хлестакова имеется выбор: партнера, игры и — в каком-то смысле — выигрыша.

Совершенно другая ситуация — в случае:

(5) *Челси выиграл у Ливерпуля и практически обеспечил себе чемпионство [Интернет].*

В этом предложении не случайно остается невыраженной игра, в которую играли соперники. Вопрос к этому участнику (**Во что / в какую игру выиграл Челси?*) тоже звучит нелепо: это как раз тот случай, когда нет выбора значений участника, потому что значение его связано семантикой субъекта: Челси играет только в футбол (хотя можно представить себе и — маловероятную — ситуацию типа: *Челси выиграл у Спартака 2 очка в домино*). Говоря языком модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», в семантику имени *Челси* встроено, что это футбольный клуб, т. е. команда, которая играет в футбол, — эта семантическая информация связывает переменную игры в толковании *выиграть / проиграть* — но, повторим, не вообще, то есть у предиката в целом, а в данной ситуации. Фиксированная ситуацией информация не выражается как «лишняя» — видимо, по тем же причинам, по которым мы избегаем дискурсивных повторов типа: *он пришел и (*он) тут же ушел*.

§ 4. Антирезультативы

Теперь рассмотрим случай, когда сама глагольная семантика требует ситуативной связанности участников. Это свойствен-

но антирезультативным глаголам (подробнее о семантике и грамматике антирезультативности см. Плунгян 2001), и прежде всего наиболее представительному их классу — глаголам ликвидации результата (ликвидативам, по Апресян 1974: 46 и 290—292).

В качестве примера рассмотрим глагол *разоружать(ся)*. В презумптивную часть его толкования входит предикат *быть вооруженным*, который, среди прочих, имеет обязательный партиципant ‘вид оружия’:

- (6) *Иракская армия вооружена автоматами, минометами и ракетами.*

Следуя Принципу наследования обязательных участников, о котором мы говорили в § 1, этот участник должен воспроизводиться в ликвидативном *разоружить(ся)* — однако оказывается, что он не может быть поверхностно выражен при данном глаголе, ср.:

- (7) *Буш разоружил иракскую армию (*на / *от ракет).*

Для того, чтобы выразить этот смысл, нужно выбрать другой глагол, ср.:

- (7) а. *Буш снял с вооружения иракской армии ракеты*

или:

- (7) б. *Буш сократил вооружение иракской армии на 3 миномета.*

Нам кажется, что данный запрет имеет в целом тот же механизм, что и запреты, рассмотренные выше: ситуация фиксирует род вооружений, от которого требуется освободиться, разоружаясь (это те самые вооружения, которые были «обозначены» в презумпции глагола), причем фиксирует его в полном объеме — и выбор каких-то других вооружений невозможен. Другое дело, что природа запрета здесь, в отличие от ранее рассмотренных случаев, — не прагматическая, а сугубо семантическая, так что во всех употреблениях глаголов определенной (ликвидативной) семантической структуры этот эффект будет сохраняться, ср. *разгрузить, разуть, раздеть* и др. под.

З а м е ч а н и е

Следует отметить, что в семантическом отношении рассмотренные глаголы ликвидации результата связаны с так называемой группой

«полного охвата» (Апресян 1974: 279—280; Падучева, Розина 1993; Падучева 2004: 64—65), ср. *замазать стену краской, засеять поле клевером, залить каток водой* и под.; такие глаголы называют еще глаголами с ингерентной темой — под темой в этом случае имеется в виду средство обработки объекта (*краска, клевер, вода* и др.). Правда, не всякий глагол полного охвата имеет соответствующий ликвидатив, а только очень немногие, но эти ликвидативы, как кажется, полностью оправдывают и термин «полный охват» (если уж *разоружил* — то полностью, если *разгрузил* — то целиком), и термин «ингерентная тема», потому что тема (= средство) настолько встроена в семантику ситуации, что не нуждается в поверхностном выражении.

К рассмотренному (продуктивному со словообразовательной точки зрения) классу глаголов с приставкой *раз-* примыкают глаголы ликвидации результата другой поверхностной структуры, ср. *выходить*.

Глагол *выходить* имеет презумпцией острую болезнь X-а (Z), от которой он, скорее всего, должен был бы умереть — если бы не Y, который, ухаживая за X-ом, избавил его от этой болезни Z. Заметим, что И.А. Мельчук, подробно рассматривая типологию конструкций с глаголами умирания (см. с. 31 цитированной выше статьи), приходит к выводу, что для русского *умирать* (в отличие, может быть, от глаголов других языков) причина является обязательным участником (см. сноску 17 на с. 62). Таким образом, болезнь Z, как партиципant, входит, по правилам наследования, в число обязательных участников глагола *выходить* — но поверхностно при нем не выражается, ср.: *Няня выходила его* <*от тифа>, т.к. в ситуации, заданной данным глаголом, нет альтернативы для этого партиципанта: болезнь фиксирована, если задано страдающее от нее лицо ².

² Любопытен в этом отношении глагол (*вы*)лечить, который по сравнению с *выходить* имеет дополнительного партиципанта — ‘средство лечения’ (ср.: *вылечил травами*). Это обстоятельство делает семантическую структуру *вылечить* принципиально другой, чем у *выходить*: каждое средство оказывается действенным по отношению к своему кругу заболеваний — поэтому вопрос: *от чего тебя вылечили травами?* прагматически звучит много лучше, чем **от чего тебя выходили?* Несколько огрубляя, можно сказать, что *выходить* — это обеспечить такой уход, при котором человек преодолевает то, от чего должен был бы умереть, тогда как *вылечить* — успешно применить лекарственное

В группу антирезультативных глаголов входят не только глаголы ликвидации результата, но и глаголы неудавшегося действия: как показано в Плунгян 2001, часто те и другие демонстрируют сходное лингвистическое поведение. Примером глаголов этого класса можно считать близкий к *выходить* глагол *выжить*, ср.:

- (8) — *В полгода так болел, думали, не выживет (*от болезни).* [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002]

Семантический анализ *выжить*, в сущности, повторяет *выходить* — с точностью до каузативности (так же, как и *выходить*, этот глагол имеет в презумпции ситуацию ‘умирать от Z’), поэтому мы не будем на нем останавливаться. Зато другой глагол неудавшегося действия слишком известен, чтобы его пропустить: речь идет о *промахнуться*, загадка которого (см. Мельчук 1974: 135, Апресян 1974: 147—149, Mel’čuk 2004: 41—42), как кажется, до сих пор не решена.

Согласно Mel’čuk 2004, глагол *промахнуться* имеет большой набор обязательных партиципантов, унаследованный от глагола *стрелять*, составляющего его презумпцию: ‘стрелок’, ‘мишень’, ‘оружие’, ‘средство’, ср.: *он выстрелил в меня из детского пистолета вишневыми косточками*, — однако ни один из этих партиципантов, кроме субъекта, не может быть выражен при самом глаголе *промахнуться*, ср. *он промахнулся* < **в меня* / **из детского пистолета* / **вишневыми косточками* >³. Легко видеть, что, как и в предыдущих случаях, для каждого из поверхностно невыразимых участников отсутствует ситуация выбора в случае, если задан субъект: каждый данный субъект промахивается, стреляя именно из того оружия, тем средством и по той цели, которые за-

средство к некоторой (одной из) болезни. Легко видеть, что последнее сохраняет выбор значений участника Z.

³ Сегодня данное утверждение, сделанное почти 40 лет назад, в до-корпусную эру, можно, проверив на больших текстовых массивах, несколько смягчить: в текстах, особенно современных, такие выражения встречаются — но не очень часто — и действительно несколько режут слух ценителям хорошего литературного языка. Ср. обсуждение такого рода случаев (с примерами) в Перцов 2006, а также Шмелев (в печ.). Сути дела, по нашему мнению, это не меняет: теоретическая проблема, поставленная в свое время, остается по-прежнему актуальной.

даны для него в презумпции и не может их изменить: действительно, нельзя стрелять в зайца, а промахнуться по отношению, скажем, к оленю.

Несколько другая ситуация с предикатом *не попасть*, действительно чрезвычайно близким по семантике к *промахнуться* (Мельчук 1974): фактически, *не попасть* повторяет ассертивную структуру *промахнуться* полностью — с точностью до связанности партиципанта 'цель'. Дело в том, что в исходном *попасть* допускается альтернатива цели, если говорящий не отслеживает весь процесс стрельбы, а делает акцент только на ее результате: *попал не в зайца, а в оленя*; ср. в связи с этим возможное: *он не попал в зайца, зато попал в оленя*. Другими словами, в ситуации с *попасть* (но не с *промахнуться*), стрелявший мог вовсе не целиться, а выстрелить наугад, и тогда цель стрельбы *выбирается* — так сказать, волей случая. Что же касается *промахнуться*, то, по бесхитроственному толкованию В. И. Даля, этот глагол означает 'не попасть во что метил', т. е. не достичь именно заранее выбранной цели (ср. более «строгое», но, как оказывается, менее адекватное толкование МАС: 'не попасть в цель').

Глагол *промахнуться* не единичен: точно так же, например, ведет себя близкий ему морфологически антирезультативный глагол *просчитаться* (*он хотел обмануть нас, но просчитался*), который, правда, менее интересен синтаксически, чем *промахнуться*, поскольку содержит в презумпции всего одну переменную, не считая субъектной. Эта переменная описывает отрицательно оцениваемые говорящим планы субъекта (ср. *обмануть* в приведенном выше примере), которые в результате неправильного расчета оказываются нереализованными. Поскольку субъект просчитался в реализации всех тех планов, которые задумал (полный охват возможностей), у него нет выбора в отношении этой переменной (переменной «планов») в рамках данной ситуации — следовательно, она не может быть выражена поверхностно, ср. **просчитался в обмане*.

Хорошим фоном для *просчитаться* служит в этом отношении глагол *ошибиться*, при котором всегда можно выразить объект ошибки (*ошибиться адресом, дверью, в расчетах* и т. п. — см. подробнее Апресян 2004, Кустова 2004: 236 и сл.). Это обусловлено тем, что ошибка не охватывает деятельность субъекта цели-

ком и тем самым не фиксируется субъектом, а выбирает какой-то частный аспект его деятельности, ср. *решил задачу, но ошибся в подсчетах; принес подарок, но ошибся дверью (адресом)* и под.⁴

§ 5. Заключение

Мы обсуждали механизм, который создает условия для поверхностной невыраженности обязательных партиципантов лексем. С точки зрения теории «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» описание этого механизма важно, так как иначе неясно, почему принцип наследования распространяется на обязательных партиципантов, но не на слоты семантических актантов (ср. Mel'čuk 2004: 41): «партиципанты действительно наследуются, но это, однако, не обязательно означает, что наследуются Sem-A-слоты». Мы предлагаем (в духе теории SxG) считать, что дело здесь — в презумптивной связанности одних переменных в толковании другими — т. е. с более или менее жестким взаимодействием партиципантов друг с другом, которое фиксирует значения переменных, превращая их, если так можно сказать, в «ситуативные константы».

На сегодняшний день структура толкований и моделей управления, принятая в МСТ, не позволяет такое взаимодействие отразить, потому что представляет переменные в толковании как независимые друг от друга объекты. Внимание к взаимодействию переменных сильно в школе формальной семантики, но, как нам кажется, в рамках этого направления тоже пока не обсуждались проблемы такого рода — по-видимому, из-за недооценки лексической семантики в целом как предмета исследования. Насколько и в какой форме описание лексической структуры предиката должно отражать подобные эффекты — вопрос на сегодняшний день открытый. Зато эту проблему можно ставить и решать в рамках SxG, которая, как мы уже не раз убеждались, как раз приспособлена для описания взаимозависимостей аргументов и их взаимодействия с контекстом.

⁴ Ср. Кустова 2004: 236: «В случаях типа *ошибся дверью* ошибка состоит в неправильном выборе объекта (из ряда однородных), т. е. действие правильное, а объект неправильный».

Глава 3

НОВАЯ ЗАГАДКА ХВАТАТЬ *

§ 1. Введение: постановка задачи

1.1. Хватать как многозначный глагол

В этой главе мы рассмотрим конструкции с русским глаголом *хватать* — нетривиальные как с синтаксической, так и с семантической точек зрения.

Прежде всего, обращает на себя внимание необычное соотношение его главных значений. Действительно, исходным и первым словарным значением *хватать* является ‘брать и держать руками’, как в сочетаниях типа *хватать за полы сюртука / за руку*. Это физическое действие, результат которого — физический контакт человека с некоторым предметом. Второе же значение *хватать* описывает состояние, причем крайне абстрактное: ‘иметься в достаточном количестве’, ср. *пока хватает сил* или в контексте отрицания, особенно тесно связанном с этим значением: *а пряников, кстати, всегда не хватает на всех* (Б. Окуджава).

Таким образом, речь идет о весьма нестандартном, можно сказать неожиданном, семантическом сдвиге, типологическая релевантность которого, по мнению специалистов, не вполне ясна. Тем не менее, по-видимому, когнитивно эти значения связаны, потому что есть и другие случаи подобного совмещения смыслов: симметричное отношение возникает в контексте отрицания у русского глагола *достать* в примерах типа *(не) достает с полки* ⇒ *не достает знаний*, ср. похожий сдвиг в немецком *reichen*: *der Mantel reicht bis zu den Füßen* ‘пальто достает до пят’ ⇒ *Das Geld reicht nicht* ‘этих денег не хватает’.

* Первоначальный вариант этой главы был опубликован как Коршаин, Рахилина 2009; мы благодарим Б. Х. Парти и В. А. Плунгяна, а также участников конференции «Логический анализ языка — 2007» за замечания и вопросы.

Мы не имеем возможности обсуждать сам семантический переход и его природу¹, в дальнейшем нас будет интересовать только результирующее, нефизическое значение *хватать*: мы покажем, что именно в данном значении этот глагол имеет много особых свойств, причем часть из них ярче всего проявляется при отрицании.

1.2. Конструкции с *хватать*

В значении состояния глагол *хватать* выступает в довольно большом числе синтаксических конструкций (подробнее см. Kog Chahine 2008); хорошо противопоставлены (и синтаксически, и семантически) две из них: конструкция с дательным падежом (обозначим ее как DAT) и локативная конструкция (LOC), ср.:

DAT: *Крестьянам не хватает уборочной техники.*

LOC: *В Гренландии не хватает своего газа.*

В конструкции с дательным выражен субъект, который испытывает недостатку, и обычно опущена характеристика 'места' — оно фиксировано ситуацией (своеобразный дейктический ноль), а в конструкции с локативом акцент как раз на 'месте', а субъект имеется в виду любой, релевантный для ситуации в данном месте; такого рода обобщенный субъект, как правило, не выражается поверхностно (здесь «ноль квантора общности» — с обобщенным значением), ср.:

DAT: *X-у_{DAT} (не) хватает Y* ('в данное время и в данном месте');

LOC: *(‘всякому X’) (не) хватает Y в Z_{LOC}.*

В конструкции с предлогом *у*: *у X-а (не) хватает Y*, которую мы условно обозначили как POSS, субъект, как и в DAT, всегда выражен: в этой роли выступает предложная группа, а пространственно соответствующая этой конструкции ситуация поверхност-

¹ С нашей точки зрения, это классический и бесспорный случай перехода, который мы называем *ребрендингом*; о термине «ребрендинг» и типе семантических переходов, которые этот термин описывает, подробно рассказано в Главах 3 и 4 Части IV.

но не охарактеризована — поэтому конструкция POSS хорошо отличается от LOC, но по отношению к DAT выглядит как квази-синонимичная, ср:

POSS = DAT: *У меня хватает денег ≈ Мне хватает денег.*

И в самом деле, в текстах часто возможна замена POSS на DAT или DAT на POSS без заметного изменения смысла предложения, ср. примеры из НКРЯ с соответствующими вариантами (косая черта вводит искусственный пример):

- (1) *Впрочем, аналитики как раз отмечали, что при всем масштабе активов «Росхлебпродукта» у компании_{POSS}/компании_{DAT} не **хватает средств** для их развития.* [«Известия», 2001.10.30]
- (2) *Когда Буратино_{DAT} / у Буратино_{POSS} не **хватает аргументов**, чтобы оправдать свои безобразия, ему помогают Дунаевский и братья Покрасс.* [«Итоги», 1996]
- (3) *Я детективы уважаю, — сказал Генка. — **Времени мне_{DAT} / у меня_{POSS} хватает**, могу часок-другой убить...* [Эдуард Шим. Ребята с нашего двора (1976)]
- (4) *Что касается бесплатной заправки собственного автомобиля, хочу сказать, что у меня_{POSS} / мне_{DAT} **хватает денег**, чтобы заправлять личный автомобиль на самых лучших, уже проверенных годами заправках, там, где ближе.* [Светлана Рябкова. Из первых уст // «Встреча» (Дубна), 2003.05.28]

Материалом нашего исследования послужила именно эта пара мнимых синонимов (конструкции POSS и DAT) и загадки, касающиеся их противопоставления в конкретных типах контекстов. Действительно, можно показать, что, несмотря на свою семантическую близость, в определенных случаях данные конструкции оказываются явным образом противопоставлены: их синонимия нарушается. Любопытно, что нарушение происходит, так сказать, и в ту, и в другую сторону: конструкция с DAT может быть не-трансформируема в POSS без нарушения грамматической правильности, но и конструкция с POSS может (правда, реже) не допускать переход к DAT.

Ниже приводятся четыре примера (А—Г), иллюстрирующие запреты такого рода: в них исходная конструкция несинонимична

соответствующей парной и не заменяется на нее без нарушения исходного значения, — причем, как мы полагаем, каждый из случаев имеет свою природу, т. е. предполагает собственную — особую — причину запрета. Задачей этой главы будет их объяснить.

- (А) *Зарплата у меня небольшая, но мне_{DAT} / *у меня_{POSS} зарплаты хватает.*
- (Б) *Знаешь, мне_{DAT} / *у меня_{POSS} хватает нашей соседки.*
- (В) *Ему_{DAT} / *у него_{POSS} не хватает только шутовского колпака.*
- (Г) *У него_{POSS} / *ему_{DAT} не хватает переднего зуба.*

§ 2. Семантика конструкций и сочетаемостные ограничения

2.1. POSS

Конечно, все дело в семантике конструкций — а она у DAT и POSS существенно отличается. POSS хорошо выражает идею актуальной посессивности: ‘хватает *Y*-а, такого, который принадлежит *X*-у’. Такое толкование согласуется с наблюдением И.М. Богуславского (1989), сделанном на материале похожих конструкций с глаголами того же ряда, о том, что прототипический *Y* описывает в них заранее имеющийся у *X*-а ресурс. Действительно, при актуальной, реализованной посессивности, когда посессор и объект связаны напрямую, непосредственно, *Y* загодя должен принадлежать *X*-у, составляя его «собственность», его «запас», который затем в объемлющей предикатной конструкции оценивается как достаточный или нет.

Отсюда — плохая сочетаемость POSS (в отличие от DAT — см. подробнее ниже) с идеей будущего времени:

- (5) ^{??} *У нас_{POSS} (!нам_{DAT}) хватит денег, которые обещал РФФИ.*

— ведь в подобной ситуации ресурс пока отсутствует, денег еще нет (или требуется специальная интерпретация такого рода контекстов, в которой будущее осмысливается говорящим как уже реальное событие).

Более жесткие запреты, по-видимому, возникают в итеративных контекстах — и как раз этот случай представляет наш при-

мер (А): *мне_{DAT} / *у меня_{POSS} зарплаты хватает*. Дело в том, что зарплата платится ежемесячно, поэтому в данном контексте нельзя говорить о заранее заданном множестве-ресурсе, и форма *хватает* здесь, согласуясь с именем, понимается итеративно: $\approx$ 'каждый раз, когда выдается зарплата, ее оказывается достаточно'.

Другая особенность POSS, также следующая из представления об *У* как о множестве-ресурсе, состоит в том, что в этой конструкции, вообще говоря, не должны допускаться единичные объекты. И действительно — мы говорим: *у меня_{POSS} хватает денег*, но не: **у меня_{POSS} хватает дома / Пети* или — ср. (Б) — **нашей соседки*. Таким образом, данное ограничение мотивирует запрет, представленный во втором из четырех интересующих нас примеров.

Надо сказать, что ограничение на характеристику множества в POSS гораздо глубже: множество в этой конструкции не может быть не только единичным, но и вообще количественно определенным: это множество-ресурс фиксированного количества, но само это количество, однако, коммуникативно настолько не значимо, что не может быть выражено поверхностно. Таким образом, лингвистически такой ресурс ведет себя как несчетный, ср. невозможность замены DAT на POSS в примерах, подобных (6):

- (6) *Парламентария_{DAT} / *у парламентария_{POSS} хватает нескольких минут, чтобы примерить на себя каменные параметры тюремной романтики*. [Комсомольская правда, 2002.02.09]

Обратим внимание, что замена в (6) именной группы *несколько минут* на недискретное имя (с тем же значением) *время* превращает это предложение в полностью приемлемое, ср.: *У парламентария_{POSS} хватает времени, чтобы примерить на себя ...*

По-видимому, именно идея недискретного множества, «скрытая» в POSS, в дальнейшем и приводит к развитию у этой конструкции вторичного значения 'избыточности', 'слишком большого количества', ср. примеры типа (7—8); заметим, что у DAT такого значения не развивается:

- (7) *Лукавить не стану, таких артистов у нас_{POSS} (*нам_{DAT}) хватает*. [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]

- (8) Одним словом, *забот* у *принца*_{POSS} (**принцу*_{DAT}) *хватает*.
Ведь Гран При для Монако — дело государственной важности. [«Формула», 2001.07.15]

2.2. DAT

Теперь о семантике DAT. Ясно, что это совершенно другой класс случаев — по-видимому, его надо сближать с глаголами *искать*, *ждать*, *требовать*, *обещать* (для контекстов с отрицанием, о которых мы будем говорить позднее, это особенно очевидно), имеющими интенциональную интерпретацию (Карнап 1959; см. также Арутюнова 1989) и нереферентный объект: ‘если есть лаборанты / зарплата..., то достаточно’. Сказанное согласуется со всем, что мы до сих пор говорили про DAT, — в частности, что эта конструкция прекрасно принимает будущее время и нереферентные итеративные контексты. С другой стороны, это согласуется и с семантической спецификой дательного падежа в целом — так, в свое время мы показали (Рахилина 2001, ср. также Roudet 2003), что в посессивных контекстах с дательным падежом типа *отец солдатам* или *памятник Пушкину* выражается, в отличие от генитивных конструкций (*отец солдата*, *памятник Пушкина*), не актуальная, а так называемая потенциальная посессивность или адресованность потенциальному посессору (см. Главу 4 Части II).

С точки зрения противопоставления DAT и POSS это означает следующее. Если POSS предполагает расходование имеющегося фиксированного ресурса, то в DAT этот ресурс не определен и потенциален. Поэтому он не принадлежит посессору, как в POSS, а един для всех возможных потребителей — кому-то может хватить, а кому-то и нет. Показателен в этом отношении пример (9), в котором ситуация «распределения будущей (потенциальной) собственности» предельно материализована: есть общий стол, места за которым предоставляются гостям по мере их прибытия и, тем самым, как бы становятся их собственностью — но только в тот момент, когда гостю «достаётся» место:

- (9) Видно, поэтому каждую весну, в первый день мая, в Михееву Поляну съезжались гости из станиц Махошевской и

Костромской, с хутора Погуляева. <...> Всем_{DAT} хватало места за праздничным столом. [Труд-7, 2000.06.22]

Если бы мы заменили в (9) DAT на POSS: у *всех*_{POSS} **хватало места** за праздничным столом, то получилось бы, что речь идет о совершенно другой ситуации. В таком предложении говорилось бы о фрагментах пространства, уже распределенных, уже имеющихся «во владении» у каждого представителя множества ‘всех’; этим фрагментом пространства каждый из ‘всех’ распорядился так, что как раз хватило для его собственных целей, ср. также (10):

- (10) *Круглый стол, посвященный квотированию импорта и здоровому питанию, собрал настолько большую аудиторию, что не всем_{DAT} (*не у всех_{POSS}) хватило места, некоторым участникам мероприятия пришлось слушать доклады стоя. [«Мясная индустрия», 2004.03.29]*

В материальном мире, где множество-ресурс предметно и осязаемо, противопоставление интерпретаций DAT и POSS очевидно — однако чем более ситуация абстрактна, тем ближе оказываются эти интерпретации, ср. пару (11—11’), вплоть до возможности равноценной взаимозамены, как в (12—13), где ресурс и потенциальное множество представляют собой такие неощутимые сущности, как ‘такт’ или ‘терпение’:

- (11) *Маше_{DAT} (у Маши_{POSS}) хватило хлеба, а молоко уже кончилось: привезли только один бидон.*
 (11’) *Венгрии_{DAT} / у Венгрии_{POSS} хватало хлеба; она давала часть его армии, но в силу известного сепаратизма, препятствовала вывозу его в Австрию, в которой царил голод. [А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Том I. Крушение власти и армии (1921)]*
 (12) *И немного досадует: вдруг они предложат деньги. Но им_{DAT} (у них_{POSS}) хватает такта. Они же знают, что там, на темнеющих улицах города, деньги мало что значат. [Владимир Маканин. Лаз (1991)]*
 (13) *Мужчины диву даются — как это у женщин_{POSS} (женщинам_{DAT}) хватает терпения день за днем, месяц за месяцем следить за примитивными событиями телесериалов? [«Семейный доктор», 2002.07.15]*

Любопытно, что, в отличие от множества-запаса, свойственного POSS, потенциальное множество в DAT, которое получается в результате распределения некоего общего ресурса, может быть счетно, и, более того, именно его объем (или мощность) может оказаться значимым, ср. выше (6), а также (14—15) и в особенности (16), с количественной оценкой единичного множества:

- (14) *Это весь остальной мир держится на трех китах, Лазорину_{DAT} (*у Лазорина_{POSS}) **хватает двух**...* [Лазорин: человек-оркестр // «Свободный курс», 1997]
- (15) *Если в прошлом году военным_{DAT} (*у военных_{POSS}) **хватило пяти** репетиций праздничного парада Победы, включая «генеральный проход» ночью по Красной площади, то нынче запланировано одиннадцать, из них три — на главной площади.* [Труд-7, 2005.04.20]
- (16) *Добавляя детали, мы только уменьшаем сходство. Сергей действовал наоборот. Переноса свою модель на бумагу, он убирал все, без чего можно было обойтись. Иногда Довлатову_{DAT} (*у Довлатова_{POSS}) **хватало одного** деепричастия: «Ровно шесть, — выговорил Цуриков и, не сгибаясь, почесал колено». [Александр Генис. Довлатов и окрестности (1998)].*

Семантика такого внимания DAT к количеству вполне объяснима: если для какой-то цели выбирается подмножество некоторого множества, правильно оценить необходимый для достижения цели объем, чтобы, так сказать, «не брать лишнего». Как видим, объем может быть и минимальным, если хватает ровно одного элемента, как в (16), — однако поскольку акцент в данном случае делается на количественную, а не на качественную характеристику объекта, для его описания предпочтительно числительное, а не просто единственное число, ср. малопримемое в том же значении: ^{??}*Довлатову хватало деепричастия* (подробнее о распределении числительного *один* и единственного числа см. раздел 2.4 (В) Главы 2 второй части книги).

Получается, что единичный объект как таковой в конструкции с DAT малопримем. Распространенные примеры типа *Мне хватает Пети* лишь подтверждают это правило. Действительно, в такого рода случаях происходит явный семантический сдвиг в

значении конструкции (и, кстати, ее интонационного контура, что служит для слушающего своеобразным маркером этого сдвига). *Мне хватает Пети* значит: 'хватает Петиних капризов, скандалов ...' — т. е. не 'достаточно', как в стандартном случае, а 'слишком много'. Иначе говоря, такого рода разновидность конструкции служит, скорее, ответом на вопрос: «можно ли **добавить еще?**» и не соответствует простой констатации, как в обычном: *мне хватает денег*. При этом собственное имя, как мы видели, меняет свою семантику — *Петя* (как и *наша соседка* в примере Б) уже не обозначает конкретное лицо, а только множество свойств этого лица или особенностей его поведения — и, тем самым, не вступает в конфликт с интенциональной интерпретацией предложения. Понятно, что в этом случае его генитивное маркирование вполне оправдано.

Таким образом, теперь мы знаем не только причины неприемлемости примера (Б) с POSS, но и причины его приемлемости с DAT: особые свойства DAT провоцируют семантический сдвиг этой конструкции в контексте референтного определенного объекта, и это обеспечивает допустимость примеров типа (Б).

§ 3. Загадка отрицания

Из всего сказанного, несколько огрубляя, можно сделать вывод, что единичный объект в качестве *У* «не нравится» ни DAT, ни POSS: они предпочитают множества. Загадка состоит в том, что такой контекст, тем не менее, иногда допустим на данном синтаксическом месте. Это касается обеих конструкций, и прежде всего контекстов отрицания.

Согласно нашей гипотезе, с точки зрения аргументной структуры такое имя не заполняет место *У*, а вводит другой аргумент *У'*, семантическую роль которого можно описать как своеобразное **дополнение** до множества, обозначаемого *У*. Важно, что *У'* имеет в каждой из двух наших конструкций свою интерпретацию — сохраним обозначение *У'* для DAT и назовем его *У''* в POSS — именно этим объясняется существенная разница в значении соответствующих примеров, а в ряде случаев невозможность взаимозамены DAT и POSS, как, например, в (В) или (Г). Обсудим последовательно каждую из конструкций с этой точки зрения.

3.1. Семантика «дополнения» Y' в DAT

Рассмотрим предложение *Мне не хватает карандаша*. Приблизительно, его значение можно перефразировать как 'еще мне нужен карандаш' или, несколько более формально, следующим образом: $\approx$ 'если есть ресурс Y , то для выполнения некоторой цели Q его все равно недостаточно: помимо Y , нужен Y' (карандаш), который пока отсутствует'.

Как и положено, при добавлении отрицания к пропозиции с *хватать*, отрицается достаточность ресурса Y , а прагматическим следствием этого является желание дополнить Y на отсутствующий (недостающий до гипотетического «полноценного» ресурса) Y' ; обратим внимание, что и гипотетический полноценный ресурс, и дополнение до него по самой своей природе нереферентны и потенциальны, что согласуется и с интенциональной семантикой предикации в целом, и с семантикой дательного, и с генитивным кодированием объекта.

Другое важное замечание: в том же интенциональном смысле невозможно употребить альтернативную конструкцию POSS **у меня не хватает карандаша*. К объяснению этого обстоятельства мы перейдем чуть ниже, потому что здесь нам важно обсудить пример (В) в его дативном варианте: как кажется, (В) является всего лишь более яркой разновидностью только что рассмотренной фразы с карандашом.

Действительно, предложение (В): *Ему_{DAT} не хватает только шутовского колпака* означает, что в поведении человека, о котором идет речь, очень много дурацкого, так что для полноты картины, т. е. для образования того самого «полноценного множества», о котором мы говорили в предыдущем случае, не хватает всего лишь шутовского колпака. Таким образом, требуемый шутовской колпак является дополнением (Y') к другим его дурацким свойствам (Y).

Частица *только* в данном случае не просто усиливает ситуацию в целом, но и провоцирует некоторый семантический сдвиг, так что можно говорить о своеобразной разновидности отрицательной DAT конструкции, которая реализуется исключительно в контексте частицы *только*. Действительно, как и в прошлом примере, колпак гипотетичен, его нет, — но его (в отличие от каран-

даша) и не существует, более того, он и не нужен ни для какого *Q* (в отличие, опять-таки, от карандаша) — поэтому трудно представить себе продолжение этого примера с целевым *чтобы*. Если ситуация *Q* и вводится, то не как целевая, а просто как следствие, тоже гипотетическое и, вообще говоря, нереализуемое, ср., например, продолжение (В) с помощью *и можно*: *Ему не хватает только шутовского колпака — и можно в сумасшедший дом*.

И опять-таки, в том же значении нельзя употребить POSS: **У него не хватает только шутовского колпака*; теперь мы попробуем объяснить этот запрет.

3.2. Семантика «дополнения» *Y'* (POSS) в сопоставлении с *Y'* (DAT)

Итак, тот же пример — но в «исполнении» другой конструкции: *У меня не хватает карандаша*. Он выглядит очень естественным в ситуации обнаруженной потери или кражи и может быть описан так: $\approx$ ‘у меня есть некоторый ресурс *Y*, но его недостаточно, потому что в нем отсутствует имевшийся ранее *Y'*, который дополнил бы его до нужного множества’.

Мы видим, что толкование этого отрицательного предложения, как и с DAT, тоже требует введения дополнительного по сравнению с его исходным положительным коррелятом аргумента — в данном случае *Y'*. То, что в отрицательном контексте у ряда русских глаголов определенной семантики — непереходных, обычно движения, в основном с приставкой *до-*, как *дойти*, *дотянуться* и под., — в принципе может возникать дополнительный аргумент, ср.: *добежать до финиша — не добежать до финиша последних двух километров — *добежать до финиша последние два километра*, уже отмечалось в лингвистических работах, см. Апресян 2006: 133—134, а также Эршлер 2008. Таким образом, сам факт нестандартного поведения глаголов данной группы можно считать известным. Однако с точки зрения композиционности структуры отрицательного предложения, типологии отрицания и других базовых теоретических положений это обстоятельство все-таки остается пока неразрешенной проблемой, причем наш глагол *хватать* ее существенно усложняет, поскольку нарушает и морфологическую (приставка *до-*), и семантиче-

скую (преимущественно глаголы движения) гомогенность данного класса. В настоящей работе мы вынуждены оставить эту задачу в стороне и опираться на достоверность факта как такового: при отрицании глагол *хватать* вводит дополнительный аргумент в свою структуру.

Отдельная трудность — и это и есть тот вопрос, который мы обсуждаем, — состоит в том, что семантика этого дополнительного аргумента меняется в зависимости от варианта модели управления, выбранного *хватать*, т. е. получается, что POSS и DAT имеют **разные** дополнительные аргументы. Действительно, Y' не тождественно Y'' : первое можно было бы назвать «**перспективным** дополнением» исходного ресурса Y , а второе — «**ретроспективным**». Перспективное дополнение «складывается» с Y , и в результате образуется (воображаемое) множество, которое требуется субъекту для выполнения цели Q . Ретроспективное дополнение восполняет реальный «утраченный» фрагмент самого множества Y , которое в этом случае не требует увеличения.

С точки зрения композициональности семантики конструкций важно, что такое осмысление дополнительного аргумента возникает не случайно, оно мотивировано исходными свойствами не отрицательных DAT и POSS, а именно, с одной стороны, интенциональностью и перспективной семантикой дательного падежа (отсюда перспективное дополнение), а с другой — идеей заранее заданного, презумптивного «ресурса» (отсюда ретроспективное дополнение). Но с точки зрения цельного лингвистического описания — в рамках SxG — это значит, что в этих конструкциях речь идет об **одном и том же** новом аргументе, предсказуемо сдвигающем свою интерпретацию под воздействием описанных нами свойств контекста (эффект *coercion*).

§ 4. О запретах

Понятно, что в каких-то ситуациях допустимо только перспективное дополнение и запрещено ретроспективное, а в каких-то — допустимо только ретроспективное и невозможно перспективное.

Первый случай (запрет на ретроспективное дополнение) мы наблюдали на материале примера (В) — о шутовском колпаке: поскольку в действительности никакого колпака нет (и даже на

самом деле, как мы выяснили, не требуется), проспективная интерпретация дополнительного аргумента вполне возможна. Однако ретроспективная интерпретация дополнения недопустима без полного нарушения смысла ситуации: получилось бы, что пропал какой-то реально существовавший шутовской колпак. Таким образом, для (В) допустим DAT, но не POSS.

Противоположные примеры (предполагающие запрет на проспективное дополнение) возникают в контексте таких *У*-ов, которые мы бы назвали «непополняемыми множествами» или — если рассматривать заданное заранее множество как ресурс — «непополняемыми ресурсами». Сюда относятся групповые части объектов с фиксированным количественным составом и, прежде всего, групповые части тела. Хорошей иллюстрацией этого случая является пример (Г), где возможно:

У него не хватает переднего зуба (POSS),

но не:

**Ему не хватает переднего зуба* (DAT).

Здесь естественна ретроспективная интерпретация: зуб утрачен, поэтому его не хватает, так что конструкция POSS оправдана. Что же касается DAT, то эта конструкция, предполагающая проспективное понимание, невозможна, потому что зубов не может быть ни 35, ни 40, ни 234 и т. д.: их число нельзя произвольно увеличивать. Ср. аналогичный пример из Корпуса:

(17) *У него (*ему) не хватает одного зуба, как раз переднего, и от этого он шепелявит.* [Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)].

Еще одна любопытная «минимальная пара» тоже подсказана корпусным материалом: *Маме не хватает молока — У мамы не хватает молока.*

Проспективное понимание годится для случая, когда при приготовлении какого-то блюда у мамы как субъекта ситуации не оказалось или оказалось в недостаточном количестве коровьего или козьего молока, ср. *маме не хватает молока — сбегай в магазин, пожалуйста* или: *... спроси у соседки, нельзя ли у нее одолжить до завтра.*

Если же объектом выступает грудное молоко кормящей матери, то для него перспективная интерпретация невозможна. Дело в том, что такое молоко представляет собой тот самый непополняемый ресурс, и, хотя это вещество, а вещества обычно несчетны, в данном случае этот ресурс поддается количественной оценке: речь идет о том, что того количества молока, которое было раньше, теперь у мамы нет — т. е. что ее собственного молока стало меньше. Следовательно, здесь возможна только конструкция с POSS, а ее коррелят DAT исключен.

§ 5. Заключение

Материал настоящей главы был организован вокруг четырех пар специально подобранных нами примеров с глаголом *хватать*. Они иллюстрировали нетривиальные свойства этого глагола в контексте двух типов близких конструкций — с дательным падежом (DAT) и с предлогом у (POSS) — в частности, невзаимозаменяемость этих конструкций и предпочтение одной перед другой. Наша задача состояла в том, чтобы дать семантико-синтаксическое объяснение этим фактам, исходя из анализа особенностей аргументной структуры DAT и POSS. Речь шла как о чисто синтаксических эффектах — например, отсутствии или наличии субъекта, так и о связанной с ними семантике — интенциональности, партитивности, перспективном или ретроспективном варианте интерпретации дополнительного аргумента, возникающего при отрицании и др.

Однако главная цель данной работы — привлечь внимание лингвистов к загадкам этого нестандартного глагола; здесь представлена лишь малая их доля, для очень многих у авторов пока нет решения.

[illegible]

**Грамматикализация,
лексикализация и ребрендинг -
способы образования новых конструкций**

Глава 1

НОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ХОРОШО ЗАБЫТЫЕ СТАРЫЕ ¹

§ 1. Постановка задачи

В этой главе речь пойдет о полисемии слова *проблема*. Толковые словари — причем не только МАС, но и более поздний Ожегов-Шведова — усматривают в русском языке две группы употреблений этого слова:

- употребление в конструкции с родительным падежом управляемого имени, в контексте которой слово *проблема* интерпретируется как ‘задача, требующая разрешения’, ср.: *проблема происхождения Земли, проблемы воспитания*;
- группа употреблений, свойственная, скорее, разговорной речи: они характеризуются отсутствием управляемого имени, а в словаре описываются как: ‘о чем-л. трудноразрешимом’, ср.: *(это) представляет проблему, целая проблема, нет проблем* и некоторые другие.

И в том, и в другом случае речь, по-видимому, идет о французском заимствовании, ср. фр.: *problème d'éducation* — прямой аналог русской конструкции с генитивным управлением, а также *c'est un problème* ‘это проблема, трудность’ — синтаксически, как и в русском, без управляемого имени.

Таким образом, по данным словарей, у слова *проблема* есть значение ‘задача, касающаяся X’ и значение ‘трудный случай’, и они, в полном согласии с СхG, выступают в разном синтаксическом контексте. В то же время, по данным НКРЯ, в современном русском языке имеется еще одна — причем чрезвычайно частотная — конструкция с этим словом, когда оно (в единственном или множественном числе) управляет предложной группой <с +

¹ Первоначальный вариант опубликован в А. Мустайоки (ред.) Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008.

творительный падеж) и имеет, как и ожидается, несколько другое значение:

проблема с X_{тв.п.} ≈ ‘затруднения, касающиеся или связанные с X’, как в: *проблема с техникой, финансами, водой, студентами* и мн. др.

С большой долей уверенности можно считать, что данная конструкция заимствована уже не из французского, а из английского (см. Зализняк 2006b) — ср. широко употребительное в английском *a problem / problems with smb. / smth.*:

- (1) *I faced an additional **problem with the health service*** [BNC, 1991]
‘Я обнаружил еще одну проблему, со службой охраны здоровья’;
- (2) *This supervision he says is crucial, particularly in preventing children from developing **problems with drink and drugs*** [BBC News, 2002]
‘Шефство, о котором он говорит, очень важно, особенно для того, чтобы удерживать детей от **проблем со спиртным и наркотиками**’;
- (3) *So it may not be **a problem with room booking** it’s probably **a problem with Jo*** [BNC, 1993]
‘Таким образом, скорее всего, это не **проблема с бронированием номера**, а **проблема с Джо**’.

Дело в том, что французские словари не дают аналога этой конструкции (*problème avec*); нет его и в классических французских текстах. В то же время, поскольку английской экспансии в этой области подвергся, по-видимому, не только русский, но и другие языки — а в их числе и французский, точный поиск этой французской конструкции в Google выдает более 500 заведомо не повторяющихся примеров из современных текстов (при общей оценке свыше 2 млн употреблений), правда, в подавляющем большинстве, сугубо технических. В этом отношении в русском ее «охват» гораздо шире: судя по всему, она легко вошла в общеязыковой пласт русского языка.

Между тем, анализ корпусного материала показывает, что в русском языке такая предложная конструкция появилась совсем недавно, потому что для произведений советской, а тем более

русской классики она не характерна. Наиболее частотны ее появления в газетах последнего времени, но и в современной художественной литературе (т. е. у таких авторов, как В. Пелевин, С. Лукьяненко, Д. Донцова, Л. Улицкая, Н. Медведева, Д. Липскеров и др.) она тоже встречается.

Любопытно, что способ заполнения лексической переменной *X* конструкций в художественном и газетном дискурсе в целом хорошо различается.

В художественных текстах значительно преобладает управление конкретными именами, причем встречающиеся употребления отчетливо делятся на 3 группы: с неодушевленными конкретными объектами (в первую очередь артефактами), с частями тела и с именами лиц, ср. следующие примеры, организованные по группам.

А. Конкретные неодушевленные имена (преимущественно артефакты):

- (4) *А еще надо взять две лопаты, доски, и никаких проблем с автомобилем не будет* [А. Варламов. Падчевары (2002)]²;
- (5) *Там у машины обнаружили проблемы с тормозами, и перед каждым горным перевалом я давал на лапу местным инспекторам, чтобы получить разрешение на продолжение пути* [Б. Левин. Блуждающие огни (1995)];
- (6) *Так что, вернувшись с работы, нагруженная вкусными покупками Галочка легко открыла ее ключом и большие*

² Обратим внимание на интересное замечание М. В. Копотева о «склонности» отрицательной формы конструкции к использованию множественного числа существительного *проблема*: *нет никаких проблем_{pl} с автомобилем / финансами / сердцем* и под. и в самом деле звучит по-русски естественнее, чем: *нет никакой проблемы_{sg} с автомобилем / финансами / сердцем*. Это действительно верно для большинства примеров, хотя и не для всех — ср. ниже пример (32), и тем более интересно, что, видимо, в английском языке *no problem* и *no problem with...* и в самом деле являются более частотными, чем выражения с *problems*. Ясно, что данное обстоятельство требует отдельного, более подробного обсуждения, однако оно важно и с точки зрения проблематики, которая здесь рассматривается, будучи лингвистическим свидетельством того, что русская конструкция по крайней мере в этом отношении «живет своей собственной (грамматической) жизнью».

*проблем с **замком** не имела* [Н. Катерли. Брызги шампанского (2000)];

ср. также *проблема с помпой, канцтоварами, сервисом, реактивами* и т. д.

Б. Части тела (в том числе *кожа* и *волосы*):

(7) *Надо сказать, что у меня уже были проблемы с **сердцем** — и на Родине, и здесь, в Германии* [А. Кучаев. В германском плену (2001)];

(8) *Я ведь тоже курил, как не знаю кто, а потом начались проблемы с **ногами**, и врач предупредил: будете курить, останетесь без ног* [В. Войнович. Монументальная пропаганда (2000)];

(9) *Мой метод популярен и среди молодых людей, у которых возрастные проблемы с **кожей*** [О. Чехова. Мои часы идут иначе (1973)];

ср. также *проблемы с позвоночником, почками, желудком, сосудами, венами, зубами* и т. д.

В. имена лиц:

(10) *У нее никогда не было проблем с **посетителями**, все ее завлекательные механизмы исправно работали, отношение было зазывающее ровным и, если можно так выразиться, добропорядочным* [К. Сурикова. Аутсайдерский романчик (2003)];

(11) *Понимаешь, там еще проблемы с моей **матерью**, она ведь Юльку на дух не терпит <...>* [Н. Катерли. Дневник сломанной куклы (2001)];

(12) *Во-первых, нам надо наконец решить проблему с **начальником охраны!*** [Д. Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ (1998)];

ср. также *проблемы с отцом, сыном, соседями, барышнями, няней, работниками, военврачом, агитаторами, кришнаитами* и т. д.

В газетных текстах в качестве управляемого слова явно преобладают отпредикатные имена, ср.:

(13) *Из-за небывалой жары во многих хозяйствах возникли серьезные проблемы с **уборкой** урожая и **заготовкой** кор-*

мов [А. Юрьев. Без жалоб и нытья // «Весть» (Калуга), 2002.08.15];

(14) *Проблема с **оплатой** была решена* [Кузнец собственного счастья // «Рекламный мир», 2000.03.30];

(15) *Из-за резких перепадов настроения возможны проблемы с **пищеварением** и кожные заболевания* [Гороскоп на неделю // «Вечерняя Москва», 2002.02.07];

ср. также: *проблемы с ликвидностью, набором сержантов, финансированием, регистрацией, комплектованием, приватизацией, увеличением налогов* и т. д.

Помимо отпредикатных имен, в газетных текстах достаточно часто встречаются названия организаций, в том числе в этом качестве государств и провинций, городов и др. топонимов:

(16) *В 1999 году московская компания начала строительство в Краснодаре филиала, и с этого момента у пивоваров начались проблемы с **таможней*** [Е. Выхухолева, А. Петросян. Единый и неделимый. Краснодарская таможня поймала очаковские «танки» // «Известия», 2002.03.18];

(17) *Не исключено, что в ближайшие дни проблема с **прокуратурой** возникнет и у В. Шахновского* [А. Угланов. ЮКОС: Ходорковский начинает и...? // «Аргументы и факты», 2003];

(18) *⟨...⟩ Все газовые проблемы с **Украиной** урегулированы ⟨...⟩* [О. Губенко. Нагреть соседа. Виктор Христенко предъявил Украине газовый ультиматум // «Известия», 2001.12.25]

ср. *проблемы с ГАИ, правоохрнительными органами, Минюстом, Татарстаном, регионами, Киевом*, а также *проблемы с прессой, властями, Фемидой, инквизицией* и т. д.

Встречаются в газетах, хотя и довольно редко, предметные имена — *проблемы с текстом, шрифтами, визой, документами, топливом, питьевой водой, жильем, дорогами*, — но практически нет имен лиц.

В целом получается следующая зависимость употребления имен разных таксономических классов от типа дискурса:

- художественная литература: конкретные имена (артефакты, части тела, имена лиц);
- газеты: отпредикатные имена, а также имена организаций.

Это распределение заставляет задуматься по крайней мере о двух вещах:

- во-первых: нет ли разницы в значении у этих типов употреблений и
- во-вторых: каков может быть механизм заимствования конструкции, если он приводит к таким «дискурсивно-распределенным» результатам.

Эти вопросы мы рассмотрим в следующих двух параграфах.

§ 2. О семантике конструкции

Очевидно, что разница в значении между отмеченными типами употреблений есть, и очень существенная.

Проблема с X отпредикатное имя означает либо что (ожидаемое) *X* не имеет места, не существует, либо — что существует, так сказать, в недостаточной степени / в неполном и недостаточном объеме. Именно так можно толковать сочетания типа *проблемы с финансированием*: или финансирования вовсе нет, а должно быть, или есть, но неадекватное.

Первую интерпретацию совершенно невозможно представить применительно к частям тела, причем даже отторжимым, т. е. имеющим более слабую презумпцию существования: *у него проблемы с обеими ногами* не значит, что у него нет обеих ног, а значит, что его ноги больны. ‘Болезнь’ — это единственно возможное понимание «проблемы» в отношении частей тела: так в этом контексте трансформируется идея недостаточного или неполного существования *X*.

С артефактом «недостаточность существования» трансформируется во вполне конкретное событие: поломку или износ — можно считать, что это своего рода «болезнь недушевленных предметов», ср. выше пример (5), а также:

- (19) *Просто у нас уже очень старый дом / там проблемы с трубами / то есть постоянно заливает / соседи даже не могут открыть у себя кран* [Беседа с социологом на общественно-политические темы, Воронеж // ФОМ (2003.08.12)];
- (20) *На машинах из самых первых партий были проблемы с рулевыми тягами — быстро разбивался сам шарнир* [А. Хре-

син. Toyota Avensis (год выпуска 1997—2000) \$ 10000—13000 // «Автопилот», 2002.04.15];

- (21) *А проблемы с **покрышками**, возникшие спустя месяц-два с момента покупки, практически в 100% случаев списываются на неаккуратную эксплуатацию автомобиля* [Игорь Сирин. Колесо // «Бизнес-журнал», 2004].

Из природных объектов, естественных в этой конструкции, с семантической точки зрения интерес представляют вещества: с именами веществ, а также с предметными именами во множественном числе (ср. здесь класс *tass nouns*), и особенно в проспективных контекстах, где проявляется их склонность к потере референтности, возможна интерпретация не-существования, свойственная отпредикатным именам. Ср.:

- (22) *В Донбассе проблемы с **углем** на зиму* [Галина Щербакова. Митина любовь (1996)];
- (23) *У новоселов проблем с **горячей водой** не будет* [Сверху // «Столица», 1997.03.04];
- (24) *Могут возникнуть и проблемы с **запчастями*** [Е. Волкова. Спрашивают читатели — отвечают специалисты // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.01.21];
- (25) — *Я знаю, что в городе проблема с **гостиницами**, все номера в них забронированы вплоть до сентября, у вас не бывает проблем с размещением делегаций?* [И. Арцишевский: «Президенты — тоже люди» // «Известия», 2001.06.28].

Пример (22) как раз иллюстрирует употребление вещественного имени в проспективном, обращенном в будущее, контексте: *проблемы с углем на зиму* скорее всего значит, что угля просто нет (другой вариант: ‘недостаточно’). По той же модели интерпретируются и примеры (23) — (25). Для сравнения возьмем пример с референтным употреблением имени вещества: *у меня проблема с реактивом* означает что-то вроде: ‘⟨данный реактив⟩ не работает’, и в этом смысле «неисправен», т. е. интерпретируется по модели, свойственной артефактам. Между тем во множественном числе, когда то же имя становится нереферентно, интерпретация меняется, ср.: *у нас проблема с реактивами* (= как классом объектов), что означает ‘их нет или не хватает’ (интерпретация по модели веществ / отпредикатных имен).

Имена лиц в конструкции *проблема с X-ом* дают широкий спектр интерпретаций. Так, фраза из примера (10): *у нее никогда не было проблем с посетителями* может означать:

- либо ‘не было конфликтов, жалоб’ («психологическая» интерпретация, наиболее естественная для класса имен лиц в целом),
- либо ‘с посетителями ничего не случилось’ — не было ни обмороков, ни сердечных приступов, etc. — т. е. болезней, или «поломок» (менее вероятная здесь интерпретация³),
- а кроме того — ‘посетителей у нее всегда хватало, посетители всегда были’.

Интерпретация последнего типа интенциональна; она возникает тогда, когда имя лица имеет нереферентный статус, и «не-существование» или «недостаточное» существование понимается как отсутствие (недостаток) кандидатов, по своим свойствам подходящих на роль *X-а*, ср. (26) — (28):

- (26) *У И. С. не было проблем с поклонницами даже в Бразилии* [Н. Н. Парийский. Воспоминания о Шкловском (1996)];
- (27) *Но пока проблема со Снегурками — они в подмосковном городе в дефиците* [А. Елин. Зимняя дедовщина. В рядах Дедов Морозов начались кадровые чистки // «Известия», 2002.11.08];
- (28) *Европейский чемпионат в Турции показал, что, помимо извечной проблемы с центровыми, российская сборная чрезвычайно нуждается в новых плеймейкерах* [В. Цинман: Играть за идею можно, если она интересная // «Известия», 2001.09.17].

В референтном употреблении имен лиц идея «недостаточности» реализуется в двух вариантах: во-первых, как и с частями тела, в болезни и других нестандартных состояниях, ср.:

³ Распределение вероятностей между первыми двумя интерпретациями вполне объяснима. Дело в том, что в этом случае речь идет либо о проблемах самого скрытого субъекта-экспериментера, переживающего отношения с другими людьми (первый случай), либо о его эмоциональном восприятии проблем других лиц (второй случай). Ясно, что собственные проблемы оказываются более существенными, а соответствующая интерпретация — более частотной.

- (29) *В уединенном английском поместье живет мать (Н. Кидман) и страдающие непереносимостью дневного света двое детей. Проблема с дочерью* — она видит призраков и пугает ими старшего брата [А. Гусев. Новинки кинопроката // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.03.11];
- (30) *У вашей страны — как у моей и у всех других — есть проблемы с некоторыми спортсменами, использующими допинг* [А. Простякова, А. Митьков. Ричард Паунд: «В употреблении допинга мы подозреваем всех» // «Известия», 2002.12.10];

и, во-вторых, в психологических (по преимуществу) трудностях общения с *X* для скрытого субъекта этой конструкции — посессора, который поверхностно может выражаться предложной группой *y + Y* (*у меня / у нас / у него, у директора ... проблема с X*). Ср. пример (31) и следующие:

- (31) *Также Захаревич признался, что личных проблем с главным тренером сборной у него не было* [А. Митьков. Де-зертир. Почему главный тренер сборной России по тяжелой атлетике покинул свой пост // «Известия», 2001.08.24];
- (32) *И не будет у вас проблемы с новыми соседями* [Г. Щербакова. Год Алены (1996)];
- (33) *С женой проблемы, — вздохнул Олег и поделился наболевшим* [В. Мясников. Водка (2000)];
- (34) — *Я хотел бы заметить, что у нас не было никаких языковых проблем с русским пилотом на борту Ту-154, — заявил в интервью «Известиям» представитель цюрихского аэропорта «Клотен» Тони Мааг* [Е. Лория, Г. Чародеев. Главная версия — ошибка диспетчеров // «Известия», 2002.07.03].

Роль этого скрытого (в том смысле, что с синтаксической точки зрения он если и будет признан подлежащим, то неканоническим) семантического субъекта конструкции довольно велика: именно он является участником, определяющим недостаточность *X* как события (с отпредикатными именами), именно он в тех же контекстах является субъектом ожиданий относительно *X*, и он же является контрагентом в отношениях с именами лиц. Говоря о предикатных именах, можно было бы в рамках определенной мо-

дели считать роль этого участника при имени *проблема* периферийной, прагматической — возникающей на синтаксическом уровне исключительно за счет того, что данный участник непосредственно задействован во вставленной предикации: *у нас проблемы с финансированием* = ‘нас не финансируют’. Однако в последнем случае, с именами лиц, его роль уже никак нельзя свести к прагматической и факультативной: без контрагента их интерпретация невозможна. Поэтому, по-видимому, для данной конструкции он должен быть признан обязательным: проще всего было бы считать, что во всех ситуациях, о которых мы говорили, имеется заинтересованное лицо-участник (*Y*), которое и испытывает трудности с *X*. Понятно, что возможны связанные или обобщенные (связанные квантором) употребления, в которых *Y* не может быть выражен поверхностно, ср. *нам нужно во что бы то ни стало решить проблемы с финансированием* или *проблемы с запчастями стали невыносимы* — но в этой главе мы не будем на них подробно останавливаться.

Имена организаций, как известно, по своему лингвистическому поведению уподобляются лицам — до определенной степени, конечно: в частности, они не могут болеть. Так что единственно возможной интерпретацией для нашей конструкции остаются — уже не психологические, потому что организации не имеют психологической составляющей, — а политические или социальные трудности в контакте *Y-а* с *X*; ср. примеры (16)–(18). Та же самая интерпретационная схема метонимически применяется и к именам лиц-сотрудников организаций, ср. *проблемы с гаишниками, налоговиками, ментами, пограничниками*.

Итак, в сущности, есть две главные интерпретации нашей конструкции⁴ — одна отрицает существование *X*, а другая связана с его недостатком в качественном отношении.

⁴ Мы говорим, конечно, прежде всего о наиболее частотных, с одной стороны, и (в то же время) дефолтных интерпретациях. «Сильный» прагматический контекст почти всегда может сдвинуть семантику конструкции в заданном им направлении; надо сказать, что с теоретической точки зрения в рамках Грамматики конструкций такого рода случаи рассматриваются отдельно, как результат в некотором смысле трансформации конструкции (см. Goldberg 1995).

Первая возникает при отсутствии или нарушении презумпции существования X и характерна главным образом для отпредикатных имен, но возможна также с веществами и множественным числом конкретных объектов — однако не с частями тела. Вторая имеет разные «воплощения» для разных групп существительных: ‘неполнота, недостаточная степень’ для предикатных имен, ‘болезнь’ для лиц или частей тела, ‘психологические / социально-политические трудности в общении’, соответственно, для лиц и организаций, ‘поломка’ для артефактов. Эти нюансы семантической интерпретации подтверждают релевантность выделения подтипов данной конструкции в русском языке, а кроме того, создают возможность для ее подробного сравнения с соответствующими конструкциями в других языках.

§ 3. Механизмы заимствования и дискурс

Заимствование «чужой» конструкции *проблема с* является классическим примером «порчи языка» под чужим культурным влиянием — тема последнее время особенно популярная, обычно в среде не-лингвистов; подробно эта проблема рассматривается в Кронгауз 2008. Что делать? — материал располагает к тому, чтобы признать, что в данном случае русский язык сдал свои позиции без боя и по лингвистическим меркам почти мгновенно, не больше, чем за несколько десятков лет. Именно так трактуется ситуация и в лингвистическом исследовании, непосредственно посвященном нашей конструкции, Зализняк 2006b.

Но вот что интересно — в связи с обнаруженным нами дискурсивным распределением. Газеты, как известно, отражают более разговорную, и в этом смысле более прогрессивную норму, в них естественнее и быстрее «вливаются» заимствования. Совершенно ясно, что формула *проблема с $X_{\text{отпредикатное имя}}$* — продукт самого последнего времени, продиктованный иноязычными контактами в специальных областях, тем более что отпредикатные имена, которые здесь выступают, чаще всего и сами тоже — недавние заимствования. Что касается художественной литературы, то она более консервативна, заимствования туда должны проникать медленнее, — тем не менее, она с легкостью «освоила» в контексте заимствованной конструкции все те типы имен, кото-

рые теоретически должны бы встраиваться в новое окружение с гораздо бóльшим трудом — это предметные имена, и в особенности имена природных объектов⁵.

Наша гипотеза состоит в следующем: объяснение всех этих эффектов (включая скорость заимствования) в том, что внедрение конструкции происходило не только «извне», под иноязычным влиянием, но и «изнутри», в том смысле, что в языке-реципиенте она попала, так сказать, на подготовленную почву.

И действительно, в русском языке есть, например, близкая по смыслу конструкция *вопрос с X-ом*, где существительное *вопрос* имеет значение ‘проблема, затруднение’, ср.:

(35) *Он неоправданно затянул **вопрос с приватизацией** предприятия* [А. Никитин. Смена караула. Директор «Пермских авиалиний» уходит в отставку // «Известия», 2001.10.24];

(36) ***Вопрос с Белькевичем** закрыт — киевское «Динамо» не продаст нам его ни за какие деньги* [И. Порошин. Невио Скала, главный тренер донецкого «Шахтера»: «Черная икра — не хуже макарон» // «Известия», 2002.07.09];

По-видимому, она тоже была заимствована, но гораздо раньше, ср. примеры из 2-ой половины XIX в. и первой половины XX в.:

(37) *Предшествовавшая история оставила царствованию Петра **вопрос с Крымом** нерешенным* [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей (1-е издание 1876 г.)];

(38) *Наиболее осложнений доставил **вопрос с отрядом полковника Дроздовского*** [А. И. Деникин. Очерки русской смуты (1922)];

⁵ Подробнее о действии этих механизмов на материале цветообозначений см. в Рахилина 2007а, а также Рахилина 2000а/2008, Глава II, § 4, где показано, что новые заимствования (такие как *коричневый, фиолетовый*, а также *кирпичный, бирюзовый* и др. под.) сначала осваивают сочетаемость с артефактами и лишь спустя очень значительное время (для прежних, «неэлектронных», веков — не меньше ста лет, хотя теперь и быстрее) распространяются на природные объекты. Наоборот, вытесняемые ими старые прилагательные цвета легко исчезают из артефактной зоны, но надолго «задерживаются» в языке именно в сочетаниях (которые постепенно становятся устойчивыми) с именами природных объектов, ср. *рыжие волосы, бурый медведь, сизый голубь* и под.

- (39) *Одно тяготило его: **вопрос с Аксиньей*** [М. Шолохов. Тихий Дон (1928—1940)].

Кроме того, достаточно продуктивны такие (уже посессивные) сочетания, как у *У затруднения с* + творительный падеж, *трудности с* + творительный падеж, *сложности с* + творительный падеж ⁶:

- (40) *И капитан терпеливо с ним разговаривает, объясняет **трудности со штатом**, что вот у нас совмещенный экипаж и вообще нет матросов второго класса, и так далее* [В. Конецкий. Вчерашние заботы (1979)];
- (41) *Действительно, у ряда стран намного меньше **трудностей со вступлением в ВТО**, чем у России, поэтому и было принято решение за основу брать наши переговорные условия* [Н. Ратиани. Г. Рапота, генеральный секретарь ЕВРАЗЭС: «Без здорового лоббизма нам не обойтись» // «Известия», 2002.07.23];
- (42) *В свою очередь, банки расторопно «ушли» от валюты и сегодня даже испытывают определенные **затруднения со свободно конвертируемыми ресурсами*** [Осенний марафон Банка России // «Эксперт», 1995];
- (43) *Однако еще четыре недели — **сложности со здоровьем или деньгами*** [Проводы осени // «100% здоровья», 2002].

Более «исконные» отглагольные имена того же ряда — *хлопоты* и *заботы*, также способные образовывать «нашу» конструкцию, ср.:

- (44) *⟨...⟩ жена моя лучше захочет отказаться от наследства, нежели иметь **хлопоты с моими кредиторами*** [Д. И. Фонвизин. Духовное завещание (1786)];

⁶ Обратим внимание, что в отличие от слова *проблема* имена *затруднения*, *трудности*, *сложности* не управляют родительным объекта: параллельной для них являются конструкции с предлогами *в* или *при*: *испытывал трудности (затруднения, сложности) с переводом* — *испытывал затруднения в/при переводе*, *трудности (сложности) при переводе*. У имени *вопрос* с конструкцией *с* + тв. п. конкурируют генитивная конструкция и конструкция *вопрос о* + предл. п. (ср. *вопрос с финансированием* — *вопросы финансирования* — *вопрос о финансировании стоял очень остро*).

- (45) *Забота мне с тобой!* [А. П. Чехов. Леший (1888)];
 (46) *Вон сколько забот с растянувшимся по дороге войском, пленными, что огромной колонной тащились за победителями.* [В. Быков. Главный кригсман (2002)].

Ср. также из НКРЯ: *хлопоты с обменом, пенсией, переездом, хлопоты с детьми, машиной, семьей; заботы с нефтью, нэпом, введением НДС, машиной, заботы с женой.*

И, наконец, давнее существительное *беда*, которое в значении ‘трудность, неурядица’ управляет именно предлогом *с* + тв. п., ср. примеры из текстов XIX в.:

- (46) *И какая беда с профессором элоквенции!* [И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)];
 (46) *Беда с этими детьми!* [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842—1850)];
 (47) — *Ученые-с, говорю: беда с ними* [Н. С. Лесков. На ножах (1870)].

В принципе, сегодня эти примеры воспринимаются как слегка устаревшие, но слово все же не умерло: в НКРЯ есть и совсем новые (с предикатными именами!) контексты, ср.: *беды с отоплением* (2003), *беда с финансированием* (1999), *с ценами* (2004), *с расизмом* (2003), но чаще и в современных текстах *беда* по старинке управляет предметными именами, ср. *беда с паспортом* (2002), *с девками одна беда* (2000)⁷.

Во французском аналога таким употреблением русского *беда* нет; английское влияние в тот период маловероятно, — так что

⁷ Грамматический словарь А. А. Зализняка трактует имя *беда* в употреблении типа *беда мне с ним, у меня с кожей просто беда* как предикатив. Обратим в связи с этим внимание на серию предикативов на -о/-е в конструкции с предлогом *с* + тв. п. с близким значением: *плохо с ногами, с отцом; трудно с грамотой, с деньгами, трудно мне с ним; тяжело с нелюбимым, с работой здесь тяжело; нелегко с мясом, с музеем; непросто с такой тещей; туго с продовольствием, с добыванием денег; неладно с конторщиком, с головой, с автомобилем, у Врончека неладно с откупами*, а также на имена *нелады, ужас* и некоторые другие в той же позиции: *ужас с этим папой, у меня нелады с сердцем, зимой у него совсем кошмар с кожей рук.*

остается считать это чисто русской конструкцией, возникшей в результате стягивания типа:

у *Y* случилась беда с *X*-ом $\rightarrow$ у *Y* беда с *X*-ом.

Что и требовалось доказать: английское *problem with* легко вошло в целое семейство уже существовавших в русском языке именных конструкций, у которых опорные существительные, во-первых, исходно имели примерно тот же круг значений, что и *problem* / *проблема*: 'трудность, неприятность', и во-вторых, в контексте предлога *с* получали сдвиги значения как раз того рода, которого требует имя в исходной английской конструкции.

В самом деле, имя *трудности* сочетается с именами лиц (*с отцом*) и организаций (*с Министерством обороны*) — и в результате дает знакомую нам «психологическую» и «социально-политическую» интерпретацию; с частями тела оно не встречается, и значения 'болезнь' у него не возникает даже в контексте лиц. Значения 'поломка' у него тоже нет, и вообще оно плохо сочетается с конкретными неодушевленными предметными именами. Зато оно часто выступает в конструкции с именами отглагольными — *трудности с ликвидацией, с произношением* (и в том же ряду, как мы говорили выше — именами веществ и именами во множественном числе), причем ровно с тем же значением, что и 'проблема': 'отсутствие / недостаточный объем или степень'.

Вопрос в целом повторяет стратегию *трудности*, некоторые нюансы значения конструкции с этим именем придает более частотное для него в этом контексте единственное число. Примеры с множественным числом имени *вопрос* в НКРЯ немногочисленны, ср.: *Спорные исторические вопросы с Тереком; Вас мучили вопросы с наследством, финансами, капиталовложениями и налогами; Покуда вопросы с переездом еще выяснялись, он распустил труппу на каникулы. Вопросы с доставкой решают и в регионах. У других педагогов вопросов с дисциплиной в девятом «вэ» не возникает.*

У имени *затруднения* еще более узкая сочетаемость: оно почти не используется с именами лиц и организациями (ср. пример *были затруднения с машинисткой* с нереферентным употребле-

нием, ‘трудно было найти...’), но с отпредикатными именами демонстрирует те же ожидаемые интерпретации.

Таким образом, «неохваченными» прежними конструкциями остаются имеющиеся у *проблема с* значение ‘болезни’ и ‘поломки’: можно было бы решить, что вот они-то и были заимствованы в русский из английского. Но — они есть у *беда*! Ср. из НКРЯ: *главная беда с левой ногой, беда с коленкой, с позвоночником, с кожей*; в том же смысле можно понимать и выражения *беда с отцом, с ребенком*, ср. также:

- (48) *Мы знать ничего не знаем и знать не хотим про ваши беды с холодильником.* [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001]

§ 4. Заключение

Наш семантический анализ обнаружил семейство русских конструкций одной и той же синтаксической структуры, но с разным опорным словом: *У Y-а проблемы / трудности / затруднения / хлопоты / беда* (и некоторые другие) *с X-ом*, ср. в том же ряду непосессивное *вопрос с X-ом*.

Значения конструкций выбираются в зависимости от семантического класса *X*: каждый класс — класс отпредикатных имен, имен лиц, частей тела, артефактов — диктует свою интерпретацию или набор интерпретаций конструкции, независимо от вершинного слова. В то же время, вершинное слово может выбирать, сочетаться ему в одной конструкции с данным классом *X-ов* или нет — и в этом базовое различие внутри семейства конструкций, определяющее основной вектор квазисинонимии.

В таком виде описанное семейство конструкций «пригодно» для типологического сопоставления со своими аналогами в других языках.

Другой результат нашей работы состоит в том, что семантический анализ конструкции, как кажется, в данном случае помогает дискурсивному и объясняет нетривиальное распределение вариантов конструкции по текстам разных жанров. Иными словами, мы показали, что конструкция не просто демонстрирует связь с дискурсом и является единицей его описания, но кроме того может служить достаточно тонким инструментом его анализа.

Наконец, третье. Как кажется, данное частное исследование ставит вопрос о природе синтаксических заимствований из другого языка. Слова заимствуются часто, и часто со своей моделью управления. Со своей ли? Как происходит «встраивание» чужого малого синтаксиса и его взаимодействие с языком-реципиентом? Общую картину такого рода хотелось бы видеть — хотя бы для русского языка.

Глава 2

О КАТЕГОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ *

§ 1. Введение: понятие количественного квантификатора

Квантификация — обширная область, которая выражается, в частности, значениями грамматической категории числа. Система русского числа, с его единственным грамматическим противопоставлением Sg — Pl, производит впечатление очень простой, бедной и бесхитростной на фоне языков, в которых есть еще и двойственное, тройственное или паукальное значение этой категории. Но это впечатление меняется, как только мы принимаем в расчет квантификативную *лексику*, о которой и пойдет речь в настоящей главе.

Непосредственным объектом нашего исследования¹ были предметные имена, которые в исходном своем значении называют конкретные предметы, но в составе именной генитивной конструкции, сочетаясь с другим предметным именем — обычно обозначающим множество объектов, — претерпевают сдвиг значения, частично грамматикализуясь, и становятся *количественными квантификаторами* со значением неопределенно-большого количества, что-то вроде ‘очень много’, окрашенное субъективной оценкой.

Ярким примером количественного квантификатора могут служить слова *гора* или *море*. В своем исходном значении оба они

* Первоначальный вариант этой Главы был опубликован как Рахилина, Ли Су-Хён 2009. На разных этапах исследования материал был представлен на ряде конференций и семинаров; мы благодарны всем участникам этих обсуждений, и прежде всего А. А. Гиппиусу, С. Дёнингхаусу, В. А. Плунгяну, А. Д. Шмелеву. Особая благодарность — Ю. Д. Апресяну за детальные замечания к работе.

¹ Результаты получены на материале Национального корпуса русского языка и наиболее полно отражены в Ли Су-Хён 2005; начальный этап исследования представлен в работе Ли Су-Хён, Рахилина 2005, а частные его аспекты — в тезисах Lee, Rakhilina 2005 и Lee 2005.

называют природные объекты; их семантическая структура в этом качестве, согласно традиционным представлениям, не содержит никаких аргументов, т. е. они не являются предикатами и сами заполняют аргументные места предикатов — бытийных, локативных и др., ср. *в море плескались волны, на горе стоял дом* и под. Однако генитивная конструкция, в которой эти имена могут выступать в качестве вершинных (ср.: *гора книг, море людей*), провоцирует сдвиг их значения. Возможность семантического сдвига под действием контекстных условий, как мы помним из Введения к этой книге (см. раздел 3.1), известна под названием *coercion*. В данном случае сдвиг состоит в том, что имя переходит в класс предикативных, или реляционных, имеющих собственный аргумент, который заполняется множеством (подробнее см. Глава 4 Части II). Тем самым оно уже не обозначает предмета, а оценивает (причем завышенно) количество объектов в таком множестве.

Некоторые из интересующих нас имен — такие как *букет* — изначально имеют двойственную природу, обозначая конкретный предмет внешнего мира, представляющий собой множество объектов определенного рода (ср. *букет цветов*), поэтому они способны выступать в генитивной конструкции уже и в исходном значении. В таком случае маркером их перехода в класс квантификаторов является значительное расширение сочетаемости, ср. *букет цветов* — *букет проблем*, которое, как в случае с исходно нереляционными именами, сопровождается приобретением ими чисто количественной семантики с оценочным компонентом. Все это означает, что рассматриваемые нами имена втягиваются в процесс *грамматикализации*²: для каждого из них в этот момент начинается постепенный выход из статуса обычной лексической единицы, и теоретически этот процесс может закончиться даже переходом в грамматический показатель.

Соответствующая группа лексики в русском языке составляет довольно обширную (хотя и малоизученную) область — по нашим оценкам, таких слов по крайней мере около трех десятков³,

² Подробнее см. § 2.

³ Есть и другая точка зрения. Так, например, по данным Ляшкевич 1985 таких слов в русском языке более 100, но в его список входят и имена множеств типа *армия, группа, полчище, рой, табун, толпа*, которые мы рассматриваем отдельно, считая, что им свойствен несколько

ср. следующий список, который будет служить материалом для этой главы: *арсенал, батарея, бездна, букет, вагон, воз, ворох, галерея, гора, град, грудa, дождь, куча, лавина, лес, море, океан, охапка, поток, пропасть, прорва, река, россыпь, туча, фейерверк, фонтан, шквал*. К нему можно было бы добавить разве что числовые корреляты⁴ и несколько малоупотребительных лексем — таких как, например, *кладезь, галерея, караван, батарея* — в любом случае, общий перечень не превысит сорока единиц.

Э к с к у р с: о квантификаторах малого количества

Насколько нам известно, русистами исследовались пока только квантификаторы большого количества — см. прежде всего Мишурова 1968, Левонтина 2004, Перетятко 1972, Тихонова 1971, Doenninghaus 2001 — видимо, именно потому, что их в русском языке действительно много⁵: любой носитель языка без труда вспомнит с ходу несколько способов выражения преувеличенного числа предметов. Список же слов, обозначающих малое или преуменьшенное количество в русском, очень короткий: *капля, капелька, крошка, кучка, горстка*⁶.

другой механизм семантического сдвига, так как исходная семантика этих имен уже содержит идею множества и связанную с ним идею большого количества (подробнее см. Ли Су-Хён 2005). Список в Тихонова 1971 еще обширнее: 140 слов, но он включает все существительные, возможные в генитивной конструкции со значением ‘много’, в том числе и *множество, масса, тьма, уйма* и др., и даже наречия *много, немало* и др. Для наших задач такое расширение списка было бы неоправданно.

⁴ В ряде случаев интересующий нас семантический сдвиг свойствен не только форме единственного числа, но и форме множественного, ср.: *гора / горы проблем — туча / тучи брызг*, причем интересно, что числовые формы не всегда симметрично ведут себя при сдвиге значения: чаще всего квантификатором становится все-таки форма единственного числа (*лес / *леса рук*), хотя возможно и предпочтение множественного числа (*реки / *река слез*), ср. также § 5; подробнее см. Ли Су-Хён 2005.

⁵ По мнению специалистов-фразеологов, ‘большое количество’ оканчивается самым представительным таксоном в русском языке, см. Баранов, Добровольский 2008.

⁶ В тот же ряд могут быть поставлены слова *единицы* и *крохи* — правда, они употребляются безобъектно (*остались крохи*) и только в форме множественного числа; особенностью квантификатора *единицы*

Самым частотным из них является слово *капля* и его диминутив *капелька*. На их примере видно, что синтаксическое поведение квантификаторов малого количества в русском языке может существенно отличаться от поведения квантификаторов большого количества: последние никогда не выступают под отрицанием (ср. пары типа: *видел горы мусора* — **не видел ни горы мусора*), тогда как для первых, наоборот, отрицательные контексты часто наиболее естественны, а «положительные» — могут быть и не свойственны вовсе, ср. (1—2), а также явно устаревшее (3):

- (1) *Он снова перевел взгляд на открытки — и увидел совсем иные изображения: на каждом из этих лиц вдруг прочел он несбывшуюся мечту, изначальную чистоту, **ни капли грязи** не приставало к ним, а лишь усталость, утомление надежды* (А. Битов, Преподаватель симметрии).
- (2) *Класс новых собственников создавался искусственно: путем дележа народной собственности, в создание которой они не внесли **ни капельки** своего труда*. (В. Сафрончук. Россия вызывает огонь на себя // Советская Россия. 2003).
- (3) *Свиданье! Разбей этот кубок: в нём **капля надежды** таится* (А. А. Фет)

является его узкая сочетаемость: им «считаются» только люди, ср.: *пришли единицы*. Коррелятами большого количества для слова *единицы* являются лексемы *десятки*, *сотни*, *тысячи* — но они имеют исходным значением не предмет, а ‘множество’, и здесь не рассматриваются (см. сноску 3).

Помимо этого, в Ляшкевич 1985: 108 указывается еще ряд слов со значением «неопределенно малого, незначительного количества»: *волночка*, *горка*, *грамм*, *искорка*, *искра*, *клочок*, *комочек*, *краешек*, *крупинка*, *крупница*, *кусочек*, *снопик*, *стайка*, *струйка*, *табунок*, *тень*, *уголок*, *цепочка*, *частица*, *обрывочки*. Однако круг сочетаемости у этих лексем слишком узок, многие из них используются лишь в окказиональном авторском употреблении, например *волночка* или *снопик*, некоторые, как *стайка*, *табунок*, происходят от названия групп (см. сноску 3), и в целом эти лексемы практически не применимы ни для счета людей, ни для счета абстрактных сущностей — за единичными исключениями, как *искра* / *крупница правды*, так что пока, по нашему мнению, они не могут считаться полноценными квантификаторами.

Эта асимметричность обусловлена функциональным различием: квантификатор большого количества, как мы увидим ниже, по большей части сопряжен с некоторым качественным (часто зрительным) образом множества, которое он обозначает, тогда как квантификатор малого количества часто используется для того, чтобы подчеркнуть полное отсутствие объекта — даже самой малой его части — как в (1—2), либо почти полное — за исключением той самой малой части — в этом случае используются конструкции, которые можно было бы назвать «квазиотрицательными» — с частицами *только*, *лишь* или *хоть* / *хотя бы*:

- (4) *Слушайте, — спросил я, — а вы случайно не буйный? — Что вы имеете в виду? — Я имею в виду, что, если у вас **хоть капля разума** сохранилась, не вздумайте на меня нападать.* (В. Войнович. Москва 2042)
- (5) *Спектакли, как им и положено, уходят в небытие, оставляя после себя **лишь горстку фотографий**, противоречивые рецензии и сомнительные легенды* (В. Катанян. Лоскутное одеяло).

Выясняется, что *капля* и *капелька* фактически не встречаются вне отрицательных и квазиотрицательных контекстов, в их составе они оценивают количество вещества (1) или (метафорически) объем свойства или состояния (4); *горстка* и *кучка* предпочитают отрицательным квазиотрицательным контекстам (5) и возможны в утвердительных предложениях, но в них сочетаются в основном с именами лиц, ср. *горстка* / *кучка* / **капля людей, пассажиров, ловких дельцов* и др.

Если опираться на функциональную идею, о которой мы говорили выше, такое распределение вполне ожидаемо: вещества (и — метафорически — свойства и состояния) легко представить себе в отрицательных контекстах описанного рода, потому что квантификатор вводит в соответствующую ситуацию минимальный его квант (отсутствующий в ней — если отрицание полное, как *ни капли*, и присутствующий, если почти полное, как: *хоть каплю*). С дискретными предметами и живыми существами минимальный квант задан заранее и не нуждается в определении: это единичный объект — скажем, один человек, или одна фотография, как в (5), — не меньше и не больше. Поэтому те квантификаторы малого количества, которые «специализируются», например, на

именах лиц, неестественны в отрицательных контекстах — разве что в квазиотрицательных с *хоть*, *лишь* и под., ср. (5).

Исследуемый нами лексический материал дает множество квазисинонимов, обозначающих большое количество. Действительно, если признать, что в квантификативном значении все эти десятки имен типа *море*, *лес*, *реки*, *вагон* и проч. обслуживают одну и ту же количественную зону и, вероятнее всего, имеют между собой какие-то, пусть не сразу видные, семантические различия, то 'большое количество' оказывается областью исключительного богатства противопоставлений. Пожалуй, ни одна из семантически «богатых» грамматических категорий, как, например, вид или наклонение, не смогла бы, если принять во внимание предлагаемый языковой материал, сравниться с количеством.

С другой стороны, говоря о таком сравнении, мы невольно ставим эти категории в неравные условия, ведь в собственно грамматической зоне количественных значений в языках мира засвидетельствовано совсем не много, и наша, назовем ее условно «*лексическая множественность*», их набор не расширяет: квантификаторы не могут выразить ни пятиричное, ни какое-то другое *n*-ричное число. Лексическая множественность дополняет количественную ситуацию *качественными* параметрами — и в этом смысле принципиально отличается от грамматической (и, наоборот, по-видимому, сходится с зонами вида, наклонения и остальных семантически наполненных категорий, которые также могут иметь дополнительные противопоставления, выражаемые квазиграмматическими средствами).

В настоящей работе мы хотели бы описать основные качественные параметры ситуаций множественности, свойственные русскому языку, и для некоторых из них оценить типологическую релевантность, обобщив дескриптивные результаты, полученные в Ли Су-Хён 2005. Для этого прежде всего нужно установить границы употреблений русских количественных квантификаторов и различия между квазисинонимами, а также степень грамматикализованности каждой конструкции. Мы начнем с проблем грамматикализации (§ 2), потом обсудим семантику количественных значений (§§ 3 и 4) и исходя из этого установим значения лексической множественности в русском языке (§ 5), а в За-

ключении (§ 6) попробуем выйти за рамки русского языка с тем, чтобы обсудить его свойства в более широкой перспективе.

§ 2. Грамматикализация количественных лексем

Термин «грамматикализация» был впервые введен А. Мейе. Сущность грамматикализации — в узком смысле — состоит в том, что некоторое лексическое языковое выражение приобретает грамматическую функцию (из многочисленных работ на тему грамматикализации укажем Hopper, Traugott 1993, Heine, Kuteva 2002, а также Lee 2000 и обзоры в Плунгян 2000, Майсак 2005).

В ходе грамматикализации, т. е. появления новой грамматической функции, происходят два главных процесса: сдвиг значения и *декатегоризация* — это верно и для рассматриваемой нами именной генитивной конструкции: в ней происходит декатегоризация (превращение из предметного имени в квантификатор) с частичной потерей (или «выветриванием») исходного лексического значения и одновременно *рекатегоризация* с появлением нового значения из универсального грамматического набора (подробнее см. Плунгян 2000), которым определяются новые ограничения, в том числе сочетаемость внутри конструкции.

Исследования показывают, что русские квантификаторы неравномерно распределены по степени грамматикализованности, так что оба крайних полюса этой шкалы оказываются заняты. В самом деле, среди количественных квантификаторов имеются слова, тесно связанные с исходным лексическим значением — примером здесь может служить имя *копна*. В квантификативных контекстах *копна* сохраняет идею конусообразной формы и особенностью структуры объекта, количество которого оценивается. Но как квантификатор *копна* применяется только к волосам, «похожим» на сено / солому (с которыми имя *копна* связано в исходном своем значении); *копна волос* ≈ 'очень много (с точки зрения говорящего, может быть, больше, чем на самом деле) волос на голове человека, которые при этом имеют форму, сходную с формой стога сена / соломы'. Поскольку семантическая связь квантификатора и определяемого имени в данном случае фиксирована, т. е. произошла жесткая лексикализация этой конструкции, квантификатор *копна* *минимально* грамматикализован.

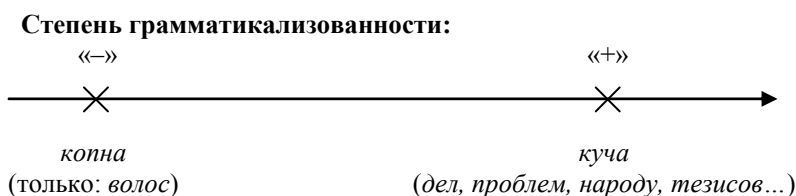
Понятно, что **максимальная** степень грамматикализации квантификатора, напротив, предполагает практическое отсутствие лексических ограничений на его сочетаемость в генитивной конструкции. Именно так, по-видимому, в русском языке устроено слово *куча* — оно сочетается и с одушевленными именами, и с именами предметов, веществ, и с абстрактной лексикой (подробнее см. Левонтина 2004, Ли Су-Хён 2005), ср. также следующие примеры:

- (6) *Но почему вы не рассказали об этом в прошлый раз? Почему не назвали именно эти фамилии? Вы назвали **кучу людей**, — он вытащил из дела Саши узенький листок, Саша его раньше не видел* (А. Рыбаков. Дети Арбата);
- (7) *⟨...⟩ взрослые серьезные люди только что ни с того ни с сего взяли и съели целую **кучу мухоморов*** (В. Пелевин, Музыка со столба);
- (8) *Мне один малый говорил, что там можно заработать **кучу денег*** (В. Аксенов, Звездный билет);
- (9) *⟨...⟩ наговорив ей **кучу глупостей** о ее красоте и иных достоинствах ⟨...⟩* (А. Кабаков, Последний герой).

Плохо сочетается данный квантификатор разве что с жидкостями, ср. ^{??}*куча воды, крови* и с состояниями, метафоризирующимися как жидкости (возможно: *море удовольствия*, но не *куча удовольствия*). Согласно гипотезе Ли Су-Хён 2005, это может объясняться семантическим конфликтом между гомогенностью жидкости и тем специальным акцентом на беспорядочности множества, который делает этот квантификатор. О роли компонента ‘беспорядочность’ в семантике лексем этой группы написано и в Левонтина 2004; по нашему мнению, косвенным подтверждением релевантности этого признака для данного квантификатора служит стилистическая маркированность *куча* по сравнению с нейтральными *много* / *множество* / *большое число* / *большое количество X*, которые свободно употребляются в официальной речи, ср.:

- (7) *Большое число (*куча) участников войны удостоено правительственных наград.*

Схематически противопоставление по степени грамматикализованности можно представить в виде следующей шкалы:

Как видим, приведенная шкала отражает процесс грамматикализации, так сказать, «в слабом смысле» — т. е. не буквально, как превращение существительного с предметным значением в служебную морфему, а как его переход в другой функциональный класс — служебной или полуслужебной лексики. Имя *куча* успешно двигалось по этой шкале и почти достигло этого нового состояния, а имя *копна* «застряло» в самом ее начале. Остальные квантификаторы — такие как *груда*, *гора*, *туча* и под. — располагаются где-то в промежутке: все они имеют какие-то ограничения на сочетаемость, причем ключевым здесь оказывается возможность употребляться с именами лиц. Дело в том, что в основном эти квантификаторы, будучи сами исходно предметными именами, «считают» неодушевленные предметы — именно так устроены *груда*, *гора* и *туча*, ср. *груда мусора* / **людей*, *гора бумаг* / **милиционеров*, *туча стрел* / **солдат* (ср., однако, возможное *туча птиц*), ср. также примеры из НКРЯ:

- (10) {...} светилося несколько ламп в этой огромной люстре, и отсвечивала **гора** разноцветных бутылок, а в дальнем углу желтела пирамида лимонов и колбасы {...} (В. Аксенов, Апельсины из Марокко)
- (11) Ветер гнал в море **тучи** искр, и они гасли в свинцовых водах (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты).

Однако наиболее грамматикализованные, а именно: *куча*, *бездна*, *лавина*, *море*, *океан*, *поток*, *река* допускают и сочетаемость с именами лиц (ср. *куча детей*, *бездна народу* и др.).

З а м е ч а н и е

Квантификаторы, специально ориентированные на одушевленные объекты — *армия*, *полк*, *табун*, *стая* и под. (ср. здесь сноску 3), следует, по нашему мнению, выделять в особый класс: они образуются из названий групп, т. е. множеств, а не единичных физических объектов и в

языковом отношении тоже ведут себя иначе. Показательным в этом отношении является имя *полчище* (*полчище врагов*, *полчища бюрократов*), которое крайне неохотно допускает сочетаемость с неодушевленными предметами, ср. **полчище бумаг / ручек / стрел*, ср. однако, *полчища вражеских танков* как множество квазидушевленных объектов.

Другим, более слабым «барьером» на пути грамматикализации служат абстрактные имена — его «берут» практически все квантификаторы нашего списка за исключением *батарея*, *галерея*, *охапка* и, конечно, *копна*. Когнитивно этот барьер действительно легче, потому что здесь действуют регулярные метафоры: например, вопросы, проблемы, события отождествляются с множествами предметов — отсюда *гора проблем*, *груда дел* и др., эмоции — с жидкостями (*море радости*) и т. д. Однако «освоение» этой территории тоже происходит постепенно и неравномерно: есть и такие квантификаторы, которые пока принимают в качестве объекта всего одно-два слова с абстрактным значением — ср. *прорва времени*, *вагон проблем*.

Таким образом, мы можем установить следующие этапы грамматикализации как процесса семантического перехода от предметного имени к квантификатору:

- 1) образование окказиональной метафоры;
- 2) закрепление ее в определенном узком лексическом контексте в составе конструкции, в нашем случае — генитивной (= лексикализация);
- 3) постепенное — через отождествление предметных множеств с абстрактными — включение в сочетаемость абстрактной лексики;
- 4) дальнейшее расширение употребления конструкции, с охватом имен лиц — вплоть до снятия всех сочетаемостных ограничений;
- 5) одновременно — стирание, или выветривание исходного значения (англ. термин *bleaching*);
- 6) итог, или полная грамматикализация, т. е. превращение имени в полноценный квантификатор.

Этот итог, как было показано, пока не достигнут ни одной из лексем нашего списка: каждая находится на своем этапе и по-своему ограничена в сочетаемости. Понятно, что такие ограничения практически всегда связаны с «памятью» квантификатора об исходной

лексеме, претерпевшей семантический сдвиг. Но проблема связи исходного и производного значений имеет два разных аспекта.

Первый. Условно его можно назвать «диахроническим»: он ставит для исследователя во главу угла исходное значение слова и предлагает установить, какова должна быть семантика имени-источника, чтобы интересующий нас семантический сдвиг стал возможен и возник количественный квантификатор?

Второй. Условно говоря, «синхронный»: исследователь обращает внимание только на то, что остается в семантике лексемы после того, как сдвиг произошел и часть исходного значения «стерлась»; его интересует полученная в результате система квантификаторов.

Первый вопрос более традиционный, по крайней мере в отношении нашего материала, начнем с него.

§ 3. Семантика количественных значений: ‘БОЛЬШЕ’ из ‘ВЫШЕ’?

Задача определения исходного значения для метафоры большого количества была в явном виде поставлена в Lakoff, Johnson 1980/2004 и отчасти решена: в знаменитой книге утверждалось, что для обозначения большого количества используется лексика, профилирующая вертикальное измерение (ср. *высокая температура, высокие показатели*), по формуле:

‘ВЫШЕ’ $\Rightarrow$ ‘БОЛЬШЕ’.

Формула имеет следующий зрительный образ в качестве когнитивной интерпретации: если вещи класть друг на друга, то чем больше будет вертикальное измерение полученной совокупности, тем больше вещей она содержит. Считается, что это бесспорная и универсальная формула, действующая во всех языках. Действительно, наш список квантификаторов большого количества представляет для нее хороший материал из русского языка — это и *гора*, и *груда*, и *куча*, на различиях между которыми мы не будем пока подробно останавливаться, так как их семантика достаточно детально описана в Левонтина 2004⁷, а также знакомое нам *копна* и, в каком-то смысле, *фейерверк* и *фонтан*.

⁷ Обсуждение этой группы см. также в § 5 настоящей главы.

В то же время, на примере таких слов, как *россыпь*, *море*, *океан*, *лес* видно, что в русском языке действует и другое правило; в параллель с каноническим, его можно было бы сформулировать как

‘ШИРЕ’ $\Rightarrow$ ‘БОЛЬШЕ’

и предложить для него соответствующий зрительный образ, вполне в духе Лакова-Джонсона: когда мы раскладываем вещи на обширной горизонтальной поверхности, то чем больше поверхности оказывается занято, тем большее количество вещей на ней находится.

З а м е ч а н и е

В связи с обсуждением последней группы слов (*море*, *океан* и в особенности *лес*), мы хотели бы указать еще на один любопытный квантификатор, который, по свидетельству этимологов, видимо, должен описываться в этой группе. Речь идет о слове *уйма*. В современном русском языке оно утратило свою связь с предметным образом и возможно только как квантификатор большого количества, причем в самом широком множестве контекстов, от предметных, включая имена лиц, до абстрактных, ср.:

- (12) *Но, кроме муниципальных чиновников, есть еще **уйма** государственных людей — губернаторы, полномочные представители, депутаты, премьер-министры, да и сам президент.* (Ринат Сагдиев. Игра в цивилизацию. Про учеников государственных // «Известия», 2001.06.18)
- (13) *И денег у них **уйма**.* (Александр Лившиц. Откуда берется инфляция // «Известия», 2002.07.18)
- (14) *На это уйдет **уйма** времени.* (Леонид Никитинский. Прощай, полицейский... // «Московские новости», 2002.07.04)
- (15) *Думе приходится тратить **уйму** усилий для того, чтобы <...>* (Александр Капков. Из крестьян в люмпены // «Время МН», 2004.02.05)

Именно ввиду того, что исходное значение этого слова утеряно, мы не исследуем в настоящей работе его возможности как квантификатора. Между тем, и словарь Даля, и словарь Фасмера настаивают, что *уйма* — не заимствование, а производное от глагола *уймать* / *уять* (ср. *поймать*) со значением ‘убавлять, отбавлять, уменьшать, отделять часть’. По мнению авторов этих словарей, изначально *уйма* имело значение ‘огромное пространство, простор’; словарь Даля отмечает, что «иногда луга зовут *уймой*», а также диалектное (костромское) *уйма*, *уймище* как ‘дремучий огромный лес’ (*вертит, как леший в уйме; в уйме (= в лесу)*)

не без зверя, в людях не без лиха). Таким образом, рассмотренный выше подкласс, связанный с метафорой на базе обширного (бесконечного) пространства, по-видимому, следовало бы еще расширить — если учитывать не только синхронный, но и диахронический материал русского языка.

Новое правило порождения значений большого количества ‘ШИРЕ’ $\Rightarrow$ ‘БОЛЬШЕ’ представлено нами так, что оно не противоречит классическому ‘ВЫШЕ’ $\Rightarrow$ ‘БОЛЬШЕ’, а только дополняет его. Однако наш материал показывает, что в русском практически так же широко эксплуатируется и «обратная» предложенной Дж. Лаковым и М. Джонсоном формула, а именно:

‘НИЖЕ’ $\Rightarrow$ ‘БОЛЬШЕ’,

ср. такие имена-квантификаторы, как *бездна*, *пропасть* или *прорва*.

Это интересный парадокс, требующий объяснения: трудность в том, что здесь не просто новая метафора (как ‘ШИРЕ’ $\Rightarrow$ ‘БОЛЬШЕ’), а именно метафора, полностью противоречащая основной: согласно концепции Лакова-Джонсона, уменьшение вертикального размера должно коррелировать с *уменьшением*, а не с *увеличением* количества, т. е., по всем правилам, должно быть наоборот:

‘НИЖЕ’ $\Rightarrow$ ‘МЕНЬШЕ’,

ср. здесь такие русские примеры как: *низкая температура*, *низкие показатели*, а также: *заниженные* (‘уменьшенные’) *цифры*, *принизить значение*, т. е. ‘преуменьшить’ и т. п.

Тем не менее, наш материал показывает, что *наряду* с этим правилом каким-то образом существует совершенно противоположное. При этом русский язык отличается от английского, на материале которого формулировалось классическое правило Лакова-Джонсона, обилием парадоксальных примеров: во-первых, таких квантификаторов по крайней мере три, а во-вторых, один из них, а именно *бездна*, достаточно продуктивен и, как мы уже говорили, продвинул по шкале грамматикализации. В частности, он возможен с именами лиц:

- (16) *Что у нас в России целая бездна людей тем и занимаются, что всего яростнее и с особенным надоеданием, как мухи летом, нападают на чужую непрактичность, обви-*

няя в ней всех и каждого, кроме только себя (Ф. М. Достоевский. Бесы).

И вообще, у этого имени стерт исходный пространственный признак ‘трехмерность’: как квантификатор оно совершенно свободно (и статистически преимущественно) сочетается с названиями абстрактных сущностей и даже «не любит» предметы⁸.

По сравнению с *бездна*, имя *пропасть* в качестве квантификатора выглядит устаревшим и малопродуктивным, при этом употребляется, напротив, практически только с конкретными именами, ср., с одной стороны: *бездна* (**пропасть*) *соблазна, глупости, мыслей*, а с другой: *пропасть* (^м*бездна*) *вещей, книг, лошадей, долгов* и др., при возможном *бездна людей, народу* (имя *пропасть* тоже возможно в такого рода контекстах с одушевленными именами, но выглядит в них устаревшим). Ср. также следующие примеры из НКРЯ:

- (17) *Мы еще не понимали, какие открылись бездны (*пропасть/*пропасти) бесчеловечности, злодейства, цинизма и лицемерия* (А. Бовин. XX век как жизнь. Воспоминания)
 (18) *Кто-то им сказал, что в озере Юлемисте бездна (пропасть) рыбы* (В. Аксенов, Звездный билет).

Третье имя, *прорва*, устарело настолько, что в современном языке потеряло исходное значение и используется только как квантификатор со значением ‘большое количество без пользы утраченных или исчезнувших предметов’ — об этой его специфике, связанной с отрицательной оценкой⁹, свидетельствует и семантика сочетающихся с ним предикатов, ср.: *потратить / проиграть*

⁸ Обратим внимание, что в примере (16) люди рассматриваются в абстрактном смысле, т. е. не как конкретное, а как воображаемое, по сути дела не существующее в реальности множество. Если же речь идет о людях в реальной, предметной ситуации, то данная конструкция недопустима: **Смотри! На улице бездна людей* — при том что более абстрактное имя совокупности (*народ*) в таком контексте вполне приемлемо (*бездна народу*).

⁹ В свою очередь, отрицательная оценка, как известно, мотивирована семантикой движения вниз (ср. *низкие истины*); в смягченной форме она проявляется и у количественных сочетаний с *пропасть*, но утрачена значительно более грамматикализированным *бездна*.

в карты / вложить <в безнадежное предприятие> прорву денег, но не: ??накопить / ??заработать / ??собрать прорву денег, ср.:

- (19) *А с главным, который сидит на Маяковской в «Моспроекте», я должен согласовывать все чертежи оформления, и это занимает прорву времени и нервов, так как он упрям* [Б. Левин. Иностранное тело. Автобиографическая проза].

Ср. также возможность замены других квантификаторов на *прорва* в контексте, так сказать, расформирования множества — траты денег (20) или раздачи ненужных советов (21), но не ситуации его формирования, создания — и в особенности в контексте прилагательного *целый* (22):

- (20) *Такая куча (/ прорва) денег выходит, а удовольствия никакого нет* [А. Я. Панаева. Воспоминания].
 (21) *Море (/ прорва) ненужных советов — вот что такое наша власть* [Юз Алешковский. Рука].
 (22) *Я вижу, денег у тебя целая куча (*прорва), — говорит Виктор* [В. Аксенов. Звездный билет].

В английском исходное, «вертикальное», правило пользуется очевидным преимуществом — в стандартном случае русское *бездна неприятностей* переводится на английский как ‘куча’ — *heap of troubles*. Между тем и в английском встречаются такие сочетания, как: *abyss of hopelessness* ‘бездна отчаяния’, *mine of information* ‘рудник / шахта (полная) информации’. Ср. здесь похожие примеры из французского со словом *abîme* ‘пропасть’: *abîme de misère* ‘крайняя степень нищеты’, *abîme de science* ‘кладезь премудрости’, *abîme des temps* ‘незапамятные, далёкие времена’. Любопытно и то, что за пределами квантификативной предметной лексики — в области глаголов — источники метафоры увеличения также обнаруживаются не только в зоне роста вверх, но и распространения вширь и движения вниз: про цены действительно говорят (как и положено по формуле ‘ВЫШЕ’ ⇒ ‘БОЛЬШЕ’), что они *выросли*, но про представления или знания — что они *расширились* и даже *углубились*.

Как же объяснить все эти «парадоксальные» примеры?

Наша гипотеза состоит в том, что обычное движение вниз в антропоцентричном пространстве, в отличие от движения

вверх, — предельно. Оно ограничено — как правило, поверхностью земли, расстояние до которой невелико, тогда как пространство вверх по сравнению с ним бесконечно. В ситуации ограниченного расстояния движение вниз действительно связано с **уменьшением** количества. Что же касается «парадоксальных» на первый взгляд примеров, то они представляют тот редкий случай, когда пространство **вниз** так же бесконечно, как вверх и вширь. В этом отношении показательно, что не-бесконечные емкости, даже и природные — как *яма* или *канава*, — не переходят в класс квантификаторов, ср. **яма / *канава проблем*. При таком взгляде на материал источником количественной метафоры выступает не вертикальное измерение как таковое, а свойство бесконечности, так что и в виде формулы общее правило должно выглядеть принципиально иначе, а именно: 'БЕСКОНЕЧНО' $\Rightarrow$ 'МНОГО'. Такая формула охватывает все метафоры — и «вертикальные», как *горы книг*, и «горизонтальные», как *море цветов*, и, наконец, «направленные-вниз», как *бездна пороков*.

Еще более существенным для общей теории метафоры, однако, является следующее. Принимая такую точку зрения, мы отступаем от хрестоматийного принципа, гласящего, что метафоризация всегда происходит, так сказать, «от конкретного к абстрактному», т. е. что ее источником всегда должен быть **материальный физический** мир, воспринимаемый человеком в повседневном опыте с помощью органов чувств, — ср. Lakoff, Johnson 1980/2004, Lakoff 1987, Langacker 1987, Fauconnier 1997 и в целом подход, который называется 'эволюционной классификацией' — своеобразной разновидностью которой является «экспериментальный реализм» (experiential realism), или «экспериментализм» (experientialism), сужающий источники метафор до человеческого тела и его движений (Lakoff 1987; Lakoff, Johnson 1999 — 'embodiment'). Авторы этого подхода считают, что только физические свойства или физические предметы (а в особенности части человеческого тела) порождают зрительные образы, на базе которых построены все так называемые образные схемы (image schemas); абстрактные же сущности не могут служить метафорическим источником.

Понятно, что эту точку зрения невозможно доказать, не описав метафорические системы всех языков мира, но ее легко поставить под сомнение, обнаружив даже в одном языке противоре-

чащие ей примеры. Можно считать, что это произошло: ‘бесконечность’, хоть и является в каком-то отношении физическим свойством и в некотором смысле имеет зрительные корреляты, все же одновременно достаточно абстрактна: например, ее невозможно буквально изобразить на картинке, даже очень схематической. Таким образом, вполне возможно, что человеческий язык и языковое сознание устроены не так примитивно, чтобы заимствовать образы лишь из одного материального мира: в качестве исходных им, видимо, доступны и сложные абстракции (такая точка зрения поддерживается французской лингвистической школой — см. работы П. Кадьо, Д. Пайара, Ж.-Ж. Франкеля, К. Ванделуаза и др. — ср., например, Cadiot 1994, Franckel, Paillard 1998, Vandeloise 1994).

§ 4. Другие регулярные механизмы метафоризации количественных значений

Наш материал обнаруживает еще два крупных источника метафоры большого количества. Первый, как и предыдущие, относится к статическим метафорам, т. е. таким, в которых идея большого количества возникает из постоянных свойств объектов внешнего мира, как правило, имеющих какие-то корреляты с их статичным зрительным образом; его мы рассмотрим в подразделе 4.1; второй источник связан с характером функционирования мобильных объектов, он порождает динамическую метафору, которая существенно отличается от более обычных статических (раздел 4.2).

4.1. Еще одна статическая метафора: источник — вместительность

Источником этой метафоры является конкретный класс неподвижных физических объектов, а именно, емкости большого размера. В целом данная метафора довольно близка к «каноническому» представлению о большом количестве, особенно в тех случаях, когда она поддерживает идею вертикального измерения. Это верно для слов *воз* (ср.: *воз проблем*) и *охапка* (ср.: *охапка новостей*): и тяжело нагруженный воз, и большая охапка напоминают кучу, только, так сказать, снабженную «транспортным средством». По той же модели, что и *воз*, организовано и технически бо-

лее прогрессивное *вагон* (ср.: *вагон неприятностей*): если это верно, то можно предположить, что изначально в качестве источника метафоры под вагоном подразумевалась открытая (как и воз) грузовая платформа. С другой стороны, в той же группе следует рассматривать «закрытое» вместилище *арсенал* (*арсенал средств*)¹⁰, еще менее каноническое *букет* (*букет болезней*) и — в ряде контекстов — *море* (*море слез*).

Гипотеза о том, что и арсенал, и букет являются кальками с французского (ср. фр. *bouquet de / arcenale de*) кажется правдоподобной, однако для нашего исследования факт заимствования ничего не меняет. Во-первых, данные квантификаторы давно и хорошо освоены в русском языке и живут собственной жизнью. Во-вторых, если они действительно калькированы, значит, это доказывает, что в тот момент во французском они уже существовали как квантификаторы с не вполне стандартным источником метафоризации — и сам по себе этот факт вызывает интерес: ведь нам важны источники выражения большого количества как таковые, без различия языков.

Поэтому помимо канонического перехода 'ВЫШЕ' ⇒ 'БОЛЬШЕ' в качестве когнитивного основания данной метафоры можно рассматривать и переход 'ВМЕСТИЛИЩЕ ⇒ МЕРА'. Ср. русскую конструкцию с генитивом меры типа *стакан воды, два веза песка* и др., в которой происходит сдвиг значения контейнера: он становится своеобразным квантификатором со значением примерного стандартного количества (подробнее о семантике и употреблении этой конструкции см. Часть II, Главы 3 и 4). Таким образом, в нашем случае речь может идти о концептуализации по модели:

'БОЛЬШОЕ ВМЕСТИЛИЩЕ' как 'БОЛЬШАЯ <ВЕРТИКАЛЬНАЯ> МЕРА', т. е. 'БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО'.

С этой точки зрения интересно, что среди корейских классификаторов много лексем со значением емкости¹¹, ср. *thong* 'би-

¹⁰ Ср. также устаревшие *короб* (*короб новостей*) и *кладезь* (*кладезь премудрости*).

¹¹ По свидетельству Aikhenvald 2000, это верно и для естественно-языковых классификаторов других языков.

дон'; *kkulemi* 'сверток'; *katani* 'мешок'; особенно интересны примеры корейских собирательных классификаторов, которые по своей исходной семантике существенно пересекаются с представителями данной русской группы *byeong* '< бутылка', *sapal* '< миска', *paguni* '< корзина', *lyang* '< вагон', *cha* '< воз', а также *dabal* '< букет', *ungkhum* '< горсть', *jim* '< груз', *alum* '< охапка' и др., см. Ли Су-Хён 2005: 100.

Еще несколько слов об особенностях квантификаторов данной группы.

По данным НКРЯ, слово *воз* как мало грамматикализованный квантификатор редко сочетается с абстрактными словами, и круг таких слов невелик, ср.: *новостей воз*, *воз угроз*, *воз реформ*, *воз спектаклей*, *целый воз добра*, *воз проблем*; как квантификатор, *воз*, скорее, уходит из русского языка, хотя пока и встречается, ср.:

- (23) ...*весь этот воз проблем* отныне отягощает плечи нового вице-преьера правительства Владимира Яковлева (С. Офитова. Яковлев получил «БМВ», кабинет и кучу проблем // Независимая газета. 2003).

Наоборот, слово *вагон* — пока попадает только в разговорных контекстах, ср.:

- (24) *За ним, еще недавно обласканным властью, вдруг обнаружился целый вагон преступлений...* (В. Шендерович. «Здесь было НТВ» и другие истории),

так что основной источник его письменных употреблений — не литературные тексты, а интернет. Устойчиво этот квантификатор выступает с абстрактным *время* и одушевленным *друзья* (*вагон времени*¹², *вагон друзей*).

¹² Еще более характерен инвертированный порядок слов, когда *вагон* выступает в предикативной позиции, ср. *До завтра времени еще было вагон* (А. Щербаков. Пах антилопы // Октябрь. № 12. 2002). Вообще говоря, в русском языке есть особый класс предикативных имен, способных иметь квантикативное употребление (ср. *дел у меня — смерть / беда*). Однако как показано в [Ли Су-Хён 2005], в действительности все они являются интенсификаторами, а не классификаторами большого

Слова *охапка* и *букет* метафоризируются в полном соответствии с теорией *embodiment* (= метафорического воплощения человеческого тела, см. Lakoff, Johnson 1999). Действительно, оба они называют собой множества, удерживаемые руками как контейнерами. При этом *охапка* тесно связано с исходным значением (множество легких предметов, прототипически веток, удерживаемых двумя руками — от плеча до кисти, ср. англ. *arm*) и крайне слабо грамматикализовано в качестве квантификатора; оно невозможно с именами лиц и редко встречается с абстрактными именами, ср.:

(25) *Все выше и выше взбиралось оно на небо, суля близкую весну и **охапку надежд*** (К. Д. Воробьев. Это мы, господа!..).

Слово *букет*, которое в качестве антропоцентричной емкости задействует кисть одной руки (*hand*), напротив, достаточно продуктивно как квантификатор и, хотя пока не сочетается с одушевленными именами, легко принимает абстрактные, причем с отрицательной оценкой (свойство, видимо, унаследованное при заимствовании от французского квантификатора, потому что русское *букет* как ‘пучок цветов’ имеет исключительно положительные коннотации), ср.:

(26) *... попали на нары следственного изолятора по обвинению в целом **букете преступлений**, в том числе умышленном убийстве* (С. Андреев. Преступность пошла на спад // Смена).

Арсенал менее продуктивно как квантификатор, сочетается только с абстрактной лексикой, особенно устойчиво со словом *средство*¹³:

количества. В этом отношении *вагон* им явно противопоставлен, и к тому же этот квантификатор вполне свободно может выступать и в препозиции — ср. *у нас вагон времени*, в отличие от: **у меня беда дел*. Отдельный интерес представляет возможность вариативности порядка слов (и, соответственно, синтаксической структуры) для квантификаторов нашего списка (см. об этом Ли Су-Хён 2005).

¹³ Обратим внимание, что точный поиск во французском Google дает около 1000 примеров на соответствующее французское сочетание — по-видимому, служившим исходным для русского.

(27) *Арсенал средств изложения неоригинален и беден* (М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова).

Особого упоминания заслуживает здесь слово *море* (и близкое ему по способу употребления, но значительно менее продуктивное *океан*). Дело в том, что море как объект внешнего мира тоже является вместилищем и, по идее, должно попадать именно в данный класс. Действительно, в русском языке довольно много метафор с этой лексемой для обозначения большого количества; это касается прежде всего жидкостей, ср.: *море слез, крови, вина* как ‘много слез, крови или вина’, но такая метафора естественно распространяется и на эмоциональные состояния (ср.: *море удовольствия, радости* = ‘много удовольствия, радости’), которые, как хорошо известно (Арутюнова 1976, Успенский 1979, Апресян 1995b, Lakoff, Johnson 1980/2004 и мн. др.), метафоризируются как жидкости.

Однако одновременно исходное слово *море* (*океан*) имеет значение обширной поверхности, полученное в результате метонимического сдвига ВМЕСТИЛИЩЕ $\Rightarrow$ ЧАСТЬ ВМЕСТИЛИЩА (в нашем случае — его поверхность), ср. противопоставление ‘вместилище’ VS. ‘поверхность’ в парах: *плавать в море* (‘вместилище’) VS. *плыть по морю / паруса видны на море* (‘поверхность’). Как показано в [Рахилина 2000a/2008: гл. II, § 1], такая таксономическая двойственность этого имени приводит к образованию от него относительного прилагательного (*морской*), которое можно отнести сразу к двум семантическим типам. Во-первых, это тип прилагательных, семантически производных от *вместилищ* со значением ‘нахождение внутри X’: сочетание *морская рыба* = ‘обитающая в море’ семантически устроено так же, как *бочковые огурцы* = ‘хранящиеся в бочке’ или *комнатные растения* = ‘растущие в комнате’. Во-вторых, это прилагательные, образованные от имен *пространства*, так что *морской ветер* интерпретируется так же, как *степной ветер* (т. е. как ‘дующий с моря / из степи’, а не как ‘находящийся внутри вместилища’, т. е. в море).

Таким образом, исходное *море* (*океан*), концептуализуясь как обширная поверхность, получает возможность для образования количественных метафор другого рода, по формуле ‘ШИРЕ’ $\Rightarrow$ ‘БОЛЬШЕ’, о которых мы говорили в предыдущем параграфе.

Именно к этому классу относятся квантификативные сочетания с именами множеств предметов: *море цветов, подарков, людей* и др., а на следующем этапе метафоризации — и абстрактных множеств: *море вопросов, дел, звуков* и др. Заметим, что как квантификаторы *море* и *океан* встречаются в статичных, а не динамических контекстах (свойственных именам *поток, река, лавина* — см. след. раздел), ср.:

- (28) *Внизу было море окровавленных тел* (А. Кузнецов. Бабий Яр).

Действительно, такого рода употребления с локативной связкой основаны на статичной картине моря как бесконечной поверхности, которую трудно целиком охватить взглядом. Если мы подставим *море* в контекст глагола движения, предложение окажется малоприемлемым:

- (29) ... вдохновенный общим сочувствием и вниманием, близости молодых женщин, красотой ночи, увлеченный **потоком** собственных ощущений (^{??}*морем* ощущений), он возвысился до красноречия, до поэзии (И. С. Тургенев. Рудин).

То же касается и другой метафоры *море* — ‘большое количество как заполненноеместилище большого объема’, представленной в сочетаниях с именами жидкостей; ср. естественное в статическом контексте *море крови* или *море пошлости*, но неприемлемое в динамическом:

- (30) **Река** (**море*) *крови* текла между берегов, и все, что плыть могло, плыло в этой крови (Г. Владимов. Генерал и его армия).
- (31) <...> рисуя жизнь медленным **потоком** (**морем*) скучной *пошлости* <...> (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Прежде чем переходить к динамическим метафорам, обратим внимание на определенную симметрию типов, которая возникает в статической зоне между квантификаторами большого и малого количества. Как мы уже говорили, метафоризация имен с результирующим значением ‘малое количество’ в русском языке представлена довольно слабо — тем не менее, любопытно, что ее источниками оказывается не только (вполне ожидаемое) ‘малое

вертикальное измерение’, ср. *кучка*, симметричное *куча*, но и ‘малое вместилище’: ср. *горстка*, семантически симметричное в этом отношении представителям последнего класса, таким как *воз* или *море*.

4.2. Динамическая метафора: источник — движущиеся массы

Эта группа очень представительна и при этом достаточно неожиданна по своей семантике: она включает имена с исходным значением движущихся масс: *град*, *дождь*, *шквал*, *лавина*, *поток*, *река*, *туча*, *фейерверк*, *фонтан*. Сам по себе этот класс довольно интересен: говоря о движении, обычно обращают внимание на **метонимический** семантический сдвиг, при котором процесс движения превращается в цель или результат — подробное обсуждение этого типа метонимии (end-point metonymy) см. ниже, в разделе 2.3 Главы 3. Но в наших примерах движение (правда, не движение вообще, а перемещение веществ и множеств) делает свой семантический вклад в **метафорическое** значение большого количества. Группа отчетливо распадается на три: прежде всего, в нее входят широкие направленные потоки: *река(u)*, *поток(u)*, *лавина*, кроме того — движущиеся по воздуху и падающие массы: *град*, *дождь*, *ливень*, *шквал*, *туча*; особняком стоят *фонтан* и *фейерверк*, — в их семантике есть, как мы уже говорили, помимо движущейся составляющей, еще и вертикальность.

Подгруппа 1

Представители первой подгруппы очень продуктивны в количественных контекстах и достаточно продвинуты по шкале грамматикализации — в частности, *река* и *поток* применяются не только к движущимся веществам, но и к множествам (*реки людей*, *поток машин*), причем в том числе физически статичным, но подразумевающим, по выражению Р. Лангакера 1991а: 149—164, «абстрактное движение», ср. *реки / поток / лавина писем*, ср. также:

- (32) *Вместе с **потоком** серых шинелей, облепивших вагоны, свисавших с площадок, с крыш, с буферов и из окон, дока- тился и он до голубого с белым домика, снял обмотки с*

длинных и тощих ног, обмылся, отправился в город, на митинг (М. Шагинян. Перемена).

Кроме того, они широко применяются к абстрактной лексике, ср.: *неуловимый **поток** чувств* (В. Быков. Сотников), *целая **лави-на** неприятностей* (Ч. Абдуллаев. Символы распада). Наконец, все три квантификатора способны описывать одушевленные множества: *лави́на / ре́ка / пото́к людей*. И в то же время, они далеко не полностью грамматикализованы — показательно, например, что *поток* сочетается не только с прилагательными-интенсификаторами (*значительный, крупный, ужасный* и под.), но и с качественными прилагательными, связанными с параметрами реального движения (*медленный, ленивый, внезапный, бурный* и др.):

- (33) *Сон остановил медленный и ленивый **поток** его мыслей и мгновенно перенес его в другую эпоху, к другим людям, в другое место, куда перенесемся за ним и мы с читателем в следующей главе* (И. А. Гончаров. Обломов).

Точно так же квантификативное *река / реки* часто по-прежнему сочетается с предикатами течения воды, как в: *на площадь хлынула **река** демонстрантов*, а *лави́на* — с описывающим камнепад глаголом *обрушиться*, как в: *на меня обрушивалась **лави́на** обвинений* — ср., однако, пример, в котором у *лави́на* практически полностью теряются исходные свойства движения (в частности, направление вниз):

- (34) ***Лавина** осколков взметнулась во все стороны* (Е. Гуляковский. Чужие пространства).

Обычно в квантификативных контекстах *лави́на*, в отличие от *река* и *поток*, выступает, скорее, в письменной речи и (опять-таки в отличие от других квантификаторов) характеризует внезапно возникшее и растущее в наблюдаемый промежуток множество. При этом, в противоположность *лавине*, *потоки* (и отчасти *реки*) кажутся более управляемыми, в частности ввиду сохранения в них исходной идеи «русла» — ср. *поток машин направился / поток писем был перенаправлен* — ??*лави́на машин направилась / *лави́на писем была перенаправлена*¹⁴.

¹⁴ О дополнительных противопоставлениях внутри этой группы см. также § 5.

Подгруппа 2

Идея внезапно возникающих множеств оказывается довольно хорошо разработана в русском языке и часто ассоциируется (как и в случае с *лавина*) с падением сверху вниз, ср. здесь характерный фразеологизм *свалиться на голову*, описывающий как раз внезапность. Действительно, если рассматривать в этой подгруппе и *лавину*, в ней будет целых шесть квантификаторов: *лавина, град, дождь, ливень, шквал, туча*.

Самый нейтральный среди них — *дождь*: даже в «агрессивном» контексте — как *дождь пуль* — этот квантификатор обозначает всего лишь много внезапно появляющихся, летящих по направлению к наблюдателю объектов, тогда как в *град пуль* акцент делается на ту составляющую прямого значения, которая предполагает причинение урона и поражающую силу (см. Мишурова 1968: 193). Ср. также: *посыпался дождь / град вопросов*, но: *ведущий растерялся под градом / *дождем вопросов*. Таким образом, *дождь* передает нейтральное отношение к составляющим объектам, а *град* — более или менее негативное. Это объясняет тот факт, что *град*, по сравнению с *дождь*, менее естествен в контексте положительно оцениваемых ситуаций, ср.: *посыпался дождь цветов / *град цветов*, и более естествен в контексте отрицательных: **дождь / град ударов*.

Что касается квантификатора *ливень*, то оценочно он нейтрален (как *дождь*) и до некоторой степени может быть уподоблен слову *лавина*, поскольку оба они сочетаются с предметами, которые движутся с большой скоростью за достаточно короткое время. Следовательно, в паре *дождь / ливень вопросов* оба выражения подразумевают, что вопросов просто много, ничего неизвестно о том, насколько они неприятны слушателю, однако в случае с *дождь* они задаются, скорее, один за другим (ср. *капли дождя*), а в случае с *ливень* — сразу.

Аналогичный эффект, и даже в более сильной форме, возникает с квантификатором *шквал* (ср. *шквал вопросов*), который по этой причине, судя по примерам из корпуса, практически не употребляется с глаголами несовершенного вида в актуально-длительном или процессном значении, так как полностью лишен временной протяженности. Кроме того, *шквал* «добавляет» соот-

ветствующей ситуации обязательную звуковую составляющую: *шквал* — это не только внезапно, стремительно и очень много, но и шумно, ср. характерные контексты: *шквал* (**дождь* / **град* / **ливень*) *аплодисментов*, *шквал ударов*, *требований* и др., например:

- (35) ***Шквал** сильных ударов посыпался на отца* (Ф. Искандер, Авторитет).

Ср. невозможное **шквал цветов* (при допустимом *шквал звонков* или *писем* — письма в этом случае тоже как бы звучат: они содержат требования, обращения и проч.), а также частотное: *под шквалом снарядов / огня* (имеется в виду оружейная стрельба), как в:

- (36) *Как на фронте не знаешь, не обрушится ли **шквал снарядов**, вот сейчас, через минуту, возле тебя <...>* (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг),

но не **под шквалом пуль*, которые оказываются в этой ситуации слишком тихими.

На шкале грамматикализации все эти квантификаторы занимают позицию, близкую к начальной стадии — их сочетаемость распространилась на очень небольшой круг нестандартных предметов (как *цветы* в *дождь цветов*) и некоторые абстрактные объекты, но не преодолела барьера одушевленности: ни один из них не сочетается с именами лиц.

Несколько особняком стоит имя *туча*: в своем исходном значении это всегда конкретный предмет, причем горизонтально, а не вертикально перемещающийся, к тому же медленно (ср. такой характерный пример, как: *по небу ползла туча*) — все прочие квантификаторы этой подгруппы обозначают не только физические предметы, движущиеся обязательно с высокой скоростью и сверху вниз, но и события, т. е. сопутствующие им явления природы.

Итак, *туча* — это медленно и горизонтально движущееся большое темное облако. Поэтому как квантификатор *туча* употребляется для обозначения большого количества людей — ср. ***тучи** людей, загромаждавшие проходы* (В. Шаламов. Артист лопаты) — на основе зрительного образа «темное большое скопление», имеющего отрицательную оценку, так как темный (черный) цвет ассоциируется с неприятностью, бедой и угрозой, ср.: ***тучи***

болтливых **лодырей**, не понимающих, что такое труд, что за ценность каждая человеческая жизнь, что за бесценное создание хлебное поле (В. Астафьев, Прокляты и убиты), а также: **тучи** красномордых карателей (Юз Алешковский. Рука), но: ***тучи** благодарных поклонников / ***почитателей таланта** / ***цветов** и под¹⁵. По-видимому, данный круг статических употреблений придется сближать с контекстами класса «ВЫШЕ $\Rightarrow$ БОЛЬШЕ» (ср. *куча*, *гора*).

Однако для более подробной классификации метафорических значений этого слова надо учитывать его динамическую составляющую, отсутствующую в классических вертикальных метафорах. Дело в том, что, в развитие метафоры «большого темного скопления», *туча* (часто в сочетании с абстрактными словами) употребляется для обозначения **наступающих** (или наступивших), т. е. именно **движущихся** неприятных событий, ср.:

(37) *Слава Богу, милая Мама совсем спокойна и героически переносит горе! Только и делал, что отписывался от тучи телеграмм* (М. Кураев, Жребий № 241);

Такие употребления явным образом сближаются с подгруппой *река* — *поток* — *лавина*, хотя по типу исходного значения (единичный конкретный предмет) ей совершенно чужды.

Помимо этого, во многих случаях квантификатор *туча* употребляется с предикатами, характерными для только что рассмотренных представителей подгруппы **вертикального** движения: говорят, например, *туча стрел обрушилась*, имея в виду резкое и быстрое движение вниз, причем по направлению к говорящему / наблюдателю. В этом случае *туча* метонимически применяется к множеству мелких легких предметов — частиц, образующих огромную массу в воздушной среде — *туча снежной крупы*, *туча песка*, *туча пара*, а также с летающими насекомыми или жи-

¹⁵ Тот же зрительный образ прослеживается в неколичественных метафорических устойчивых оборотах, ср. отрицательную оценку в: *Тучи уже сгустились над головой, вокруг одного за другим забирали друзей и сослуживцев* (Н. Я. Мандельштам, Воспоминания); *Однажды дед вернулся со службы много позднее обычного и был мрачнее тучи* (Н. Н. Моисеев. Как далеко до завтрашнего дня).

вотными — *туча мух, туча комаров, туча пчел, туча птиц, летучих мышей*, ср. также:

(38) *Но нет уже в них того азарта и самоуверенности, и все реже и реже сбрасывают они на наши головы **тучи** листовок с призывами сдаться и бросить надежды на идущего с севера Жукова* (Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда).

Эта масса подобна множеству капель, составляющих тучу как природный объект и **обрушивающихся** вниз в виде дождя, ливня, града или снега. Тем самым, квантификатор *туча* может рассматриваться и как представляющий вертикальное движение вниз ¹⁶.

Следовательно, *туча* (которая в этом смысле напоминает квантификатор *море* — см. выше) представляет собой пример совмещения в одной лексеме нескольких — а именно трех — типов метафор большого количества: статической (*туча народу*), горизонтальной динамической (*туча писем*) и вертикальной динамической (*туча стрел обрушилась*), так что полностью этот квантификатор не вписывается ни в одну из рассмотренных групп. Заметим, что это достаточно продуктивное количественное слово с довольно широкой сочетаемостью, хотя, как мы видели, все еще сохраняющее некоторые связи с исходным значением.

Подгруппа 3

По своей исходной семантике *фонтан* и *фейерверк* можно считать квазиантонимами к падающим массам, о которых мы только что говорили: и в том, и в другом случае массы, соответственно, воды и огней поднимаются вверх из некоторой точки и рассыпаются вокруг. Обратим внимание, что стандартное вещество при этих именах не указывается, а однозначно реконструируется по умолчанию, но, как это обычно бывает с инкорпорированными объектами, в контексте уточняющих определений соот-

¹⁶ Идея усматривать тут метонимический перенос была предложена нам А. А. Гиппиусом на нашем докладе в Институте русского языка им. В. В. Виноградова.

ветствующая генитивная конструкция возможна: *фонтан ледяной воды*, а также *фейерверк разноцветных огней*. На зрительном образе взлетающих масс основывается первичная стадия расширения сочетаемости, а именно — контексты с веществами нестандартного типа, ср. *фонтан земли, нефти, брызг* или:

- (39) *В лицо, в грудь, в живот ударила горячая и твердая, как бревно, взрывная волна, изжелта-красный фонтан огня взлетел над маленьким «виллисом»* {...} (Г. Владимов. Генерал и его армия).

Лексема *фейерверк* минует эту стадию, так как, ввиду слабой материализованности исходного *огонь / огни*, она вообще не сочетается с названиями физических материальных объектов (*фейерверк брызг, *нефти, *цветов* и др.).

При дальнейшем сдвиге значения в квантификативную зону пространственный образ, предполагающий характерную форму, напрямую не отражается (хотя можно говорить об имплицитном присутствии вертикального измерения по типу «ВЫШЕ ⇒ БОЛЬШЕ»). Это говорит о некоторой степени грамматикализованности данных лексем, пусть и не очень высокой — в частности, они не применимы к живым существам. Основная сфера их квантитативных употреблений — абстрактная лексика, хотя для *фонтан* идея большого количества возможна уже и с нестандартными веществами, ср. прежде всего *фонтан крови*, напоминающее квантификативное *море крови*. При этом статическое *море крови* обозначает большое, с точки зрения говорящего, количество крови, образовавшееся в результате некоторого уже произошедшего результативного события, например убийства. Динамическое *фонтан крови* обозначает большое количество крови, с большой скоростью брызжущей вверх из некоторой точки и тем самым всегда (в отличие от неспецифицированного по этому признаку *море крови*) принадлежащей одному человеку, ср.:

- (40) {...} *в груди Карлехара словно плотину прорвало, и фонтан* (*море*) *алой крови выплеснулся наружу* (А. Соболев, В. Шпаков. Мир наизнанку).
- (41) {...} *знаете ли, сколько выбыло у нас из строя под Бородином? — Было море* (**фонтан*) *крови, одно скажу! — вспо-*

миная картины Бородина, со вздохом ответил Базиль
(Г. П. Данилевский. Сожженная Москва)¹⁷.

Из абстрактных чаще всего *фонтан* употребляется с именем *красноречие*, как если бы речь стремительно «извергалась» изо рта говорящего на слушающих во все стороны, но также с именами *ругань*, *юмор*, *воспоминания*, *любовь*, тоже описывающими воздействие на окружающих, ср. еще *фонтан остроумия* (С. Гайдуков), *фонтан родительской любви* (Б. Акунин), *фонтан идей и открытий* (Г. Адамов) и др.

У *фейерверка* немножко иной исходный концепт, чем у *фонтана*: это не непрерывный поток жидкости вверх, а отдельные вспышки, огни, рассыпающиеся в стороны. Поэтому хотя в целом как квантификаторы они очень похожи — например, оба предпочитают абстрактные имена — есть и различия. Во-первых, *фейерверк* не допускает сочетаний с веществами, в том числе жидкостями (**фейерверк металла*, **фейерверк крови*), во-вторых, для этой лексемы важно разнообразие «считаемых» объектов, безразличное для *фонтана* — в квантификативной конструкции *фейерверк*, как и *букет* (см. 4.1), означает ‘много **разнообразных** объектов / явлений / действий’, ср.:

(42) *В целом же, как утверждает переводчик, текст является собой «фейерверк каламбуров, ребусов, загадок, аллюзий и аллюзий, милых или рискованных шуток, часть которых неизбежно гибнет при переводе»* (Дж. Барт. Химера. Заблудившись в комнате смеха).

¹⁷ Оценивая степень грамматикализованности слова *фонтан* по сравнению с довольно продвинутым в этом отношении словом *море*, заметим, что в корпусе не обнаружено ни одного примера его сочетания со словами *слезы* и *пот* — жидкостями малого количества, между тем как с более грамматикализованным *море* эти лексемы сочетаются, образуя устойчивые гиперболы. Ср. реализацию той же гиперболы (типологически релевантной, как показано в Рахилина 2007b) в сочетаниях *плавать в поту / слезах* (метафоры большого количества). Единственным исключением оказалось название фонтана (ср. пример НКРЯ: Знаменитый «Фонтан слез» в Бахчисарайском дворце тоже не походил на фонтан), но оно, конечно, представляет не квантификативную, а обычную именную генитивную конструкцию.

(43) *Но в балете, среди **фейерверка** иных движений, она не так поразительна* (А. С. Грин. Блестящий мир).

Но, в отличие от квантификатора *букет*, *фейерверк* окрашен положительно, так что недопустимо ни **фейерверк* (в отличие от: *букет*) *преступлений*, ни **фейерверк (букет) болезней*, ни **фейерверк (букет) неприятностей*.

* * *

На этом мы закончим обсуждение первого, «диахронического», вопроса о природе наших метафор (см. раздел 2): из разделов 3 и 4 мы получили представление о том, какова должна быть семантика имени, чтобы из него хотя бы теоретически мог возникнуть количественный квантификатор. Оказывается, по крайней мере в русском языке, это имя должно:

- либо содержать в себе идею бесконечности («вширь», как *море, лес, россыпь*, «вниз» — как *бездна, пропасть, прорва* или «вверх» — как названия природных вертикальных объектов — *гора, куча* и под.),
- либо обозначать вместилище (как *воз, вагон*),
- либо называть динамические (движущиеся потоком, падающие или вздымающиеся вверх) массы (как *река, лавина* или *фонтан*)¹⁸.

Второй вопрос был совсем другого свойства — так сказать, «синхронный»: что «остается» в семантике квазиграмматикализованных лексем после того, как сдвиг произошел и часть исходного значения «стерлась»? Другими словами — какие параметры

¹⁸ На самом деле есть еще одна возможность, которая реализована в малопродуктивной группе «последовательностей»: *галерея (образов), караван (историй); батарея (бутылок)*. Источниками метафоры для них служат сложные физические объекты: множества, которые упорядочены как последовательности — ср. портретную галерею, в которой портреты развешены по очереди, караван верблюдов, в котором животные располагаются друг за другом, или ряд пушек. Все эти квантификаторы имеют очень узкую сочетаемость и тем самым фактически лексикализованы — например, круг переносных употреблений *батарея* ограничен устойчивым *батарея бутылок*. Поэтому на роль действующих показателей лексической множественности они пока не претендуют.

качественной множественности релевантны для данного языка? Об этом — в следующем разделе, но тоже на базе материала двух предшествующих.

§ 5. Значения лексической множественности в русском языке

Итак: какие параметры качественной множественности оказались релевантны для русского языка?

Мы видели, что в русской картине мира выделяются некоторые особые, значимые для языка множества объектов, которые обладают специальными свойствами. Конечно, диахронически эти свойства объясняются исходной семантикой лексем, которые их называют, но ведь значение этих лексем изменилось и часть его «выветрилась» — значит, то что осталось, действительно существенно для говорящих. Так какие же в русском выделяются «важные» множества и чем они отличаются качественно?

(1) Дейктичность

Прежде чем перейти к обсуждению их перечня, обратим внимание на важное общее свойство этой семантической зоны: лексическая множественность часто, в отличие от множественности грамматической, имеет *дейктическую* природу. Это значит, что в подавляющем большинстве множества с «качественными» (а не количественными) параметрами отражают местонахождение в пространстве говорящего (или наблюдателя) и для них — чем менее они грамматикализованы, тем в большей степени — значимы дейктические противопоставления.

Действительно, множества, которые концептуализуются как «вертикальные» по принципу «ВЫШЕ $\Rightarrow$ БОЛЬШЕ» (*гора, куча* и др.), как и другие вертикально ориентированные объекты¹⁹, представлены так, что наблюдатель стоит в их нижней точке (у подножия) и смотрит снизу вверх. Понятно, что в случае с *бездна* и *пропасть* (разновидность «бесконечной» метафоры: «НИЖЕ $\Rightarrow$

¹⁹ Подробнее о дейктической составляющей в семантике вертикальных объектов (проявляющейся при определении их размера) см. Рахилина 2000а/2008: 134—135.

БОЛЬШЕ») наблюдатель смотрит, наоборот, сверху вниз. Но дейктическая составляющая существенна и для варианта «ШИРЕ $\Rightarrow$ БОЛЬШЕ» (*море, лес, океан*): соответствующие конструкции тоже определяют точку наблюдения, откуда можно видеть подобное большое количество, распределенное в горизонтальном пространстве. Наблюдатель здесь находится у края заполненного «считаемыми» объектами пространства, но немного выше его, чтобы глаза могли охватить множество — как оратор перед толпой на трибуне (ср. *море людей* или *море флагов*). Специального возвышения не нужно, если это *море цветов* — например, на лугу, потому что цветы и так ниже человеческого роста, то же для *лес рук* (сидящих за партами учеников — внизу перед учителем). Любопытно, что поскольку этот подкласс метафоры «БЕСКОНЕЧНО $\Rightarrow$ МНОГО» наименее грамматикализован, даже для самого частотного квантификатора *море* возможны чисто дейктические запреты на употребление. Так, следующий пример рисует множество как раз в той перспективе, которую мы только что описали, — и вполне приемлем:

- (43) *На стол подавался традиционный набор блюд. Всегда было сациви и море пирожков — маленьких-маленьких, с капустой, с мясом.* (Егор Михалков-Кончаловский: Гуталин и пылесос как средства борьбы со стрессом // «Здоровье», 1997.12.15)

Здесь речь идет о множестве пирожков, которые говорящий видит на столе — но если бы эти пирожки были уже съедены, возможность квантификатора *море* стала бы сомнительна, ср.: ...**съели море пирожков* — при допустимом: *съели кучу* (или — стилистически более маркированно: *прорву*) *пирожков*.

Понятно, что дейктическая составляющая особенно важна для тех множеств, которые представляются движущимися: в большинстве своем они движутся к наблюдателю. В частности, так устроены все «падающие» множества: *град, дождь, туча, лавина, шквал*, ср. *на нас посыпался град вопросов* — ??*мы ответили на них градом встречных предложений*. Учитывая принцип важности конечной точки (*end-point* — ср. 4.2.), по-видимому, такая ситуация, когда говорящий стоит в конце пути, и, следовательно, движение осуществляется по направлению к нему, и в языке в це-

лом является самым частотным. Поэтому среди горизонтально движущихся множеств таких большинство, ср. *поток*, *туча*. Это известный тип «*come*»-движения, противопоставленный типу «*go*» (от наблюдателя) — см. подробнее Введение, § 2. По-видимому, тип «*go*» никак не представлен в квантификаторах: можно было бы ожидать, что его реализуют *фонтан* и *фейерверк* — но, как выясняется, они так моделируют ситуацию множества-потока (ориентированного вверх или в стороны), что этот поток направлен на говорящего, а не исходит от него, ср.:

- (44) *Фандорин терпеливо кутался в красный плащ, ждал, пока ослабнет **фонтан** родительской любви* (Б. Акунин. Внеклассное чтение).
 (45) — *Опять из тебя забил **фонтан** идей и открытий, ка-цо, — послышался в дверях голос зоолога* (Г. Адамов. Тайна двух океанов).
 (46) *Антон проводил их долгим взглядом, и вдруг **фонтан** ярких воспоминаний заставил его зажмуриться, качнуться, оперевшись лбом о кулак* (В. Сорокин. Норма).

Действительно, Фандорин почувствовал на себе родительскую любовь, а не распространял свою, зоолог услышал, т. е. воспринял от кого-то другого новые идеи, Антон испытал возникшие откуда-то воспоминания (а не заставил кого-то их испытать) и под. Ср. также неестественность в первом лице: *“я почувствовал, как из меня забил фонтан идей...”* Таким образом, эти квантификаторы тоже дейктичны — но, как и в случае «падающих» множеств, представляют тип «*come*», а не «*go*».

Зато среди квантификаторов есть не отмеченная у Филлмора ориентация **мимо** говорящего — и вот именно она в нашем случае противопоставлена типу «*come*». Такая ориентация свойственна квантификатору *река* / *реки* (и, может быть, редкому *караван* — см. сноску 18). Получается, что *река* / *реки* отличается от близкого ему *поток* / *потоки* именно значением дейктического признака: *поток(и)* — это множество объектов, направленное **к** наблюдателю, а *река* / *реки* — **мимо** него. Поэтому с адресованными кому-то объектами мы употребляем квантификатор *поток*, а не *река* / *реки*, ср.: *поток(и) / *река (реки) писем, телефонных звонков, поздравлений, обращений в Думу, посетителей, пациен-*

тов, денег (ср. также устойчивый термин *денежные потоки*, но не **денежные реки*). С другой стороны, «безадресное» *реки трудового энтузиазма* не допускает замены на *потоки*. Кроме того, квантификатор *поток / потоки* неприемлем в контексте глаголов с невыраженной семантикой направленного на конечную точку движения, а *река / реки* в таких контекстах вполне допустимо: *река / *поток виднелась, тянулась*, ср. также следующие примеры:

- (47) *Широкая, метров двести, река (*поток) цветов и травы пересекала лес* (В. Солоухин. Владимирские проселки).
 (48) *Если плод ее выживет, и рост ее потомства пойдет естественным порядком, только представьте себе, какая ужасная река (*поток) страдания вытечет из ее тела* (М. Арцыбашев. У последней черты).

И наоборот, в сочетании с глаголом *идти*, который, как известно, в русском языке по умолчанию обозначает движение к конечному пункту, а не от него (подробнее см. Рахилина 2000а/2008, 2000b), используется квантификатор *поток*, а не *река*: *поток / *река машин идет*.

Таким образом, вся та лексическая множественность, которая, в значении большого количества, производна либо от названий крупных пространственных объектов, либо от названий движущихся масс большого объема, при неполной грамматикализации дейктична, т. е. сохраняет в своей семантике идею говорящего / наблюдателя и его места в пространстве рядом с этим множеством. Вместе с тем, статические квантификаторы, связанные с идеей вместилища (*охапка, воз, вагон, букет* и под.) не дейктичны, точно так же статичны и не дейктичны квантификаторы малого количества — *капля, крошка, горстка* и др.

(2) Оценочность

В свое время дейктический компонент было принято относить к прагматике, а не семантике, сейчас это различие не важно, в особенности для нашей задачи: важно, что данное противопоставление, во-первых, действительно формирует концепт особого типа множества, значимого для говорящих, а во-вторых, влияет на правила употребления (сочетаемость) данного квантификатора.

Ту же роль играет и оценка: есть *положительно* окрашенные и *отрицательно* окрашенные множества, это противопоставление лексически маркировано. Например, квантификатор *фейерверк*, как мы видели, хотя и имеет очень узкую сочетаемость, предполагает только положительную оценку, а квантификатор *букет* — только отрицательную: *букет недугов, инфекций, неприятностей*, но не: **букет радостей, надежд, ожиданий*. Даже если сочетающиеся с *букет* имена сами по себе нейтральны, как в примере (49), в конструкции с *букет* у них возникает негативный оттенок:

(49) *Уж больно он крут, неуживчив, властолюбив, зато такой замечательный для политика **букет** качеств — лицемерие, цинизм, вероломство* (Г. Трошев. Моя война).

Отрицательная оценка в семантике показателей лексической множественности распространена: она свойственна и имени *град* (в противоположность *дождь* — см. выше раздел 4.2, подгруппа 2), и имени *груда* (*груда мусора, обломков, объедков...*)²⁰, которое способно «превратить» в негативно окрашенные самые ценные вещи, ср. *груды золота и бриллиантов, груда дорогих туфель*, ср. также малопривлекательное *??груда дорогих моему сердцу фотографий*. Кроме того, отрицательную оценку имеет, как мы помним, и квантификатор *туча*, ср. здесь такие пары, как: *туча народу* — **туча близких друзей, туча дел* — **туча надежд*.

(3) Разнородность

Другое важное свойство квантификатора *туча* — то, что он описывает недискретное и тем самым гомогенное множество (*народу, проблем, дел* — и проч.). Это интересно, потому что в русском языке маркируются еще и *разнородные* множества, причем несколькими лексемами: *букет, фейерверк, арсенал*, так что *букет* — это множество разнородно «плохих» объектов, а *фейерверк* — разнородно «хороших», ср. *фейерверк шуток* ≈ ‘множество шуток разных типов’ / **букет шуток*. Например, очевидно, что в (50) предполагается не вообще множество преступлений (которые, заметим, являются отрицательными событиями), а

²⁰ О природе отрицательной оценки в семантике *груда* см. ниже.

именно множество разнородных преступлений, среди которых — убийство:

- (50) *⟨...⟩ попали на нары следственного изолятора по обвинению в целом **букете преступлений**, в том числе умышленном убийстве* (С. Андреев. Преступность пошла на спад // Смена).

Понятно, что *букет* и *фейерверк* невзаимозаменяемы по причине разной оценки, но и нейтральное *арсенал* не может конкурировать ни с одним из них, хотя тоже описывает разнородное множество: *арсенал средств* — это негомогенное множество, образованное разными типами средств. Дело в том, что *букет* предполагает разнообразие объектов, представленное актуально, в данный момент, что же касается *арсенала*, то это особый тип множества — множество-запас, то есть множество заранее собранных для какой-то цели объектов, причем разнородных, ср. (51):

- (51) *Такой **букет** (**арсенал*) **выражений** одновременно на одном лице мне видеть не приходилось* (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие...).

Квантификатор *арсенал* можно было бы употребить, если бы разнообразные выражения на лице оказались специально подготовленными для какой-либо цели, допустим, актер выступал бы на сцене и продемонстрировал бы полный арсенал выражений лица, которые он использует. Но тогда *арсенал выражений лица* демонстрировался бы последовательно и контролируемо — по воле актера. Здесь же все эти условия нарушены, есть только идея разнообразия и отрицательной оценки, свойственные квантификатору *букет*, так что *букет выражений* может быть на лице и одновременно, и бессознательно. Таким образом, с некоторой долей условности можно было бы говорить о дополнительном свойстве — **презумптивности** множества, реализуемом в русском языке только одной квантификативной лексемой — *арсенал*.

(4) Н е н у ж н о с т ь

И положительная / отрицательная оценка, и разнородность, и даже презумптивность — это свойства множеств в целом, но, так

сказать, «прозрачные», т. е. легко переносящиеся на объекты, их составляющие. «Прозрачным» можно считать и свойство **ненужности** множества — и, соответственно, его элементов. В русском языке оно маркировано двумя квантификаторами: *груда* и *прорва*. *Груда* имеет статичную «материальную» семантику — как *куча* и *гора*. Однако, в отличие от них, называет ненужные, неиспользуемые объекты, существующие в большом количестве (отсюда и отрицательная оценка, свойственная этому квантификатору!), ср. запрет на употребление *груды* в примере (52):

- (52) *Гора* (**груды*) *серо-зеленого металла, авианосец «Киев», в это время медленно и бесшумно проходила мимо мыса Херсонес в гавань Севастополя.* (В. Аксенов. Остров Крым).

Сочетание *груды* *серо-зеленого металла* применительно к кораблю (*авианосец «Киев»*) могло бы быть использовано только в контексте, предполагающем полную бесполезность этого авианосца, его нерабочее состояние, в котором он не может, конечно, входить в гавань.

Что касается имени *прорва*, то оно динамично в том смысле, что результативно и обозначает множество зря потраченных объектов — обычно уже отсутствующих в материальном мире. Разная природа (статическая и динамическая) препятствует взаимозамене *груды* и *прорвы* в следующих квантификативных контекстах, ср., с одной стороны, (53—54), а с другой — (55):

- (53) *В него нужно погрузиться, как если бы вы погрузили лицо в груду (*прорву) мокрых от дождя листьев* (К. Паустовский. Золотая роза).
- (54) *Полковник достал из-под груды (*прорвы) газет стопку папиросной бумаги.* (А. Дмитриев. Воскобоев и Елизавета).
- (55) *Поди, на эту самую корейскую войну идет такая прорва (*груды) народных денег, что это непостижимо человеческому уму!* (В. Пьецух. Рассказы).

(5) «Непрозрачные свойства» элементов множеств: *вертикальность* и *вес* объектов.

Но бывают и другие — «непрозрачные» — свойства, касающиеся только объектов, но не объемлющих их множеств, или только множеств, но не составляющих их объектов. Примеры первого,

релевантные для русского языка, — это *вертикальность* предметов, собранных вместе. Множество такого рода в русском языке описывает квантификатор *лес* из группы «ШИРЕ» ⇒ «БОЛЬШЕ». Так же как и в случае *море людей* или *россыпи драгоценностей*, *лес* называет совокупность (неодушевленных) объектов, покрывающую собой большую плоскость — но обязательно вертикальных, выше человека (ср. *лес флагов*, *лес рук*, *мачт* — **лес крови*, *денег* и др., а также: **лес людей*, *цветов*).

Другое важное свойство объектов — их вес. Лексически отмечена в русском языке особая *легкость* элементов, составляющих множества, и, наоборот, их *тяжеловесность*. Первое кодируется квантификатором *ворох*, с которым сочетаются имена, обозначающие легкие и тонкие или маленькие предметы, такие как *лист*, *перо*, *бумага*, *газета*, *документ* и др. (ср. Левонтина 2004: 503, Ли Су-Хён 2005). Признак легкости этот квантификатор сохраняет при расширении своего значения на область абстрактных объектов — допускаются только те, которые воспринимаются как «летающие в воздухе», ср. прежде всего наиболее частотные *ворох новостей*, *информации*, но также *ворох воспоминаний*, *впечатлений*, *загадок*, *проблем*, *советов*.

Квантификатор *груда*, наоборот, кодирует тяжелые предметы — *груда металла*, *груда книг*, *мебели*, *кирпича* и проч.; ср. Левонтина 2004: 502: «В современном языке слово *груда* наиболее свободно употребляется, когда речь идет о достаточно однородных предметах, средних размеров, более или менее компактных и скорее сплюснутых, достаточно тяжелых, чтобы своим весом поддерживать неподвижность возвышения. Иные форма, вес, размер и т. п. затрудняют использование этого слова; ср. неправильное **груда воздушных шариков*».

Понятно, что легкие по весу предметы с точки зрения говорящего могут представляться тяжелыми. Так, только что упомянутые в связи с квантификатором *ворох* перья или листья в нормальной ситуации легкие, но в намокшем состоянии они могут стать и тяжелыми, ср. <...> как если бы вы погрузили лицо в *грудю* мокрых от дождя листьев <...> (К. Паустовский. Золотая роза). Ср. также очень типичную корреляцию физической тяжести и образа трудной работы — в контексте большого количества бумаг, которые нужно прочесть и изучить:

(56) *Вот только я одного не могу понять, зачем меня заставляют читать такую **грудю бумаг**?* (Кабанова О. Рената Литвинова: «Это очень тяжелый труд — рассказывать истории» // Известия. 2001. 22 августа).

(6) «Непрозрачные свойства» множеств: упорядоченность — неупорядоченность — последовательность — внезапность возникновения — повторяемость ситуации.

Пример непрозрачного свойства второго типа — касающееся именно устройства множества, а не его элементов — это свойство **упорядоченности / неупорядоченности** множества, тоже важное в системе русских квантификаторов. Неупорядоченные множества описываются квантификаторами *копна*, *ворох*, *куча*, *груда* и — в гораздо меньшей степени — *гора*. Роль, которую играет этот семантический признак в их значении, — различна. Например, для малограмматизированного *гора* сохраняется идея конусообразной формы (*гора мусора*), ср. также Левонтина 2004: 501—502, у более грамматизированного *куча* этот признак может вообще исчезнуть, ср. *куча (*гора) народу*; для *груда* идея вертикальной формы в целом сохраняется, но так как идея беспорядочности совмещается с ненужностью, сама форма «портится». Так, *гора тарелок*, скорее всего, должна интерпретироваться как много тарелок, поставленных одна на другую, стопкой, а *груда тарелок* — большое количество грязных тарелок или осколков от тарелок.

Что касается *копна* и *ворох*, то, близкие по исходному значению, они в этом отношении ведут себя похоже — с той лишь разницей, что квантификатор *копна* строго лексикализован и сочетается с одним-единственным именем *волосы* (см. § 2): и *копна волосы*, и *ворох бумаг* передают идею неупорядоченности, хаоса, однако для них важна направленность от центра в разные стороны (ср. исходное *ворошить*), в противовес конической форме возвышения у *гора* (Левонтина 2004: 503). В контекстах с абстрактными именами — типа *новости* или *воспоминания* — конкретный зрительный образ практически стирается, однако некоторый «след» идеи беспорядочности как одновременности разнородной информации, конечно, остается.

Наоборот, квантификаторы *галерея, караван, батарея*, о которых мы упоминали в сноске 18, упорядочивают множества поэлементно и представляли бы хороший класс-антипод, если бы не были так малопродуктивны. К той же группе примыкает и динамический квантификатор *дождь* — как показано в 4.2, в некоторых своих контекстах он демонстрирует бóльшую упорядоченность, чем его квазисинонимы *ливень* и *шквал*, предполагая, скорее, **последовательность** событий, чем их одновременность — ср. *дождь вопросов* VS. *ливень / шквал вопросов*.

Тем самым, если в статических квантификаторах неупорядоченность коррелирует, так сказать, с пространственной одновременностью, т. е. сосредоточенностью элементов множества на одном и том же малом пространстве (отсюда более или менее коническая форма как в *гора, куча* и *груда*) или их концентрацией вокруг центра (как в *ворох*), в динамических квантификаторах неупорядоченность трансформируется во временную одновременность. Интересно, что и статическая, и динамическая ситуации противопоставлены при этом одному и тому же: последовательности предметов или событий, которая воплощает порядок и совмещает пространство и время.

К дополнительным свойствам динамического неупорядоченного множества можно отнести резкость, неожиданность, **внезапность** его **возникновения** — как *шквал*, в отличие от *дождя* или *ливня*, ср. *шквал огня* или *шквал аплодисментов*, а также *шквал* (в противоположность *дождь / ливень*) *вопросов*. Другое яркое свойство — стремительный рост множества в процессе его функционирования — как *лавина*, в отличие, например, от *потока* — ср., например:

(57) *И тогда на меня обрушивалась лавина (?поток) обвинений, под тяжестью и неопровержимостью которых я должен был бы тотчас провалиться сквозь землю* (Б. Левин. Иное тело. Автобиографическая проза).

И еще одно свойство множеств, кодируемое лексически: поверхностно оно выражается противопоставлением единственного — множественного числа квантификатора (*море* — *моря, поток* — *потоки* и др.). Как нам кажется, число в таких случаях служит не новым квантификатором, так сказать, того же уровня, а маркирует **повторяемость** самой ситуации множественности;

эта гипотеза естественна с точки зрения семантики категории числа и поддерживается примерами, где именное число явно коррелирует с итеративностью / неитеративностью глагола:

- (58) *Я только не знаю, по пути ли нам? Вы **моря**_{мн.ч} крови проливать (/пролить) хотите, а я, Михаил Александрович, не люблю кровь* (М. Алданов. Истоки).
(59) *Я только не знаю, по пути ли нам? Вы **море**_{ед.ч} крови пролить (*проливать) хотите ...*

§ 6. Заключение

Итак, в русском языке сформировалась **категория лексической множественности**, которая описывает **качественные** параметры множеств. Выражают ее количественные слова — квантификаторы; все они образованы с помощью семантического сдвига одного и того же типа: вершинное предметное имя в контексте именной генитивной конструкции теряет часть своих исходных свойств и приобретает количественное значение. Разные квантификаторы грамматикализованы в разной степени — т. е. продолжают двигаться или остановились на разных ступенях этого процесса, так сказать, «смены своего имиджа» (см. § 2). Сильнее всех грамматикализовано имя *куча*, в самой слабой форме — имя *копна*. Важным критерием при определении «продвинутых» в этом отношении квантификаторов может служить сочетаемость с одушевленными именами, несвойственная именам этой группы в исходном значении, — ему удовлетворяют *бездна*, *лавина*, *море*, *поток*, *река*, *туча*. Семантическими источниками для квантификаторов в русском языке служат следующие группы имен (§§ 3—4):

- вертикальные природные объекты (как *гора*),
 - бесконечные поверхности (как *море*),
 - «бесконечные» емкости (как *бездна*),
 - контейнеры (как *воз*),
 - последовательности (как *батарея*),
- а также движущиеся массы:
- в горизонтальной плоскости (как *река*),
 - вертикально вверх (как *фонтан*)
 - падающие (как *дождь*)

Представители этих таксономических классов способны, претерпев семантический сдвиг, обозначать множество с некоторым набором свойств. Анализ материала в § 5 показал, что релевантными для формирования таких «качественных» множеств для русского языка оказываются следующие характеризующие их параметры:

- местоположение говорящего / наблюдателя,
- положительная / отрицательная оценка,
- гомогенность / разнородность,
- идея презумптивного множества, или множества-запаса,
- ненужность (актуальная или результативная),
- упорядоченность / неупорядоченность элементов — одновременность событий,
- вертикальность составляющих множество объектов,
- физический вес объектов множества,
- внезапность возникновения множества,
- количественный рост элементов множества в процессе функционирования,
- единичная / повторяющаяся ситуация множественности

Именно эти параметры, как мы убедились, противопоставляют лексические квантификаторы, каждый из которых тем самым содержит в своей семантике классифицирующий компонент, «выбирая» для себя множество с определенными параметрами.

В этом смысле рассмотренные нами квантификаторы сближаются с **классификаторами**. Классификаторы — это особые вспомогательные элементы в ряде языков мира; обычно они сопровождают счет (и обязательны в соответствующих конструкциях) и одновременно классифицируют лексику. Эти слова можно уподобить русским *штука* или *пара*, ср.: *восемь **штук** яиц* или *две **пары** брюк*; ср. также *восемь **душ** детей*. Особенно характерны классификаторы для языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока — китайского, японского, вьетнамского, тайского и др., а в индоевропейских языках они практически отсутствуют (подробнее см. Corbett 1991, Aikhenvald 2000 и др.). Вопрос о семантической общности источников для классификаторов и лексических квантификаторов требует отдельного особого исследования — и у него, видимо, есть перспективы, поскольку, как мы наблюдали на примере корейского и русского языков (см. замеча-

ние в разделе 4.1), идея контейнера эксплуатируется и в зоне классификаторов, и в зоне лексических квантификаторов. Однако в основу такого исследования должны быть положены работы по сопоставительной семантике количественных квантификаторов, а их пока нет: нельзя сказать, богата или, наоборот, бедна представленная в данной работе русская система по отношению к другим языкам мира, а главное — насколько универсальны те классы семантических источников, или, как их еще называют, доноров, которыми пользуется русский язык при грамматикализации. В частности, пока не изучен и класс количественных квантификаторов в языках с классификаторами — на эту тему мы предприняли небольшое предварительное исследование соответствующего корейского материала, результаты которого сообщим здесь кратко — как фон к изложенным фактам русского языка.

Согласно нашим данным, в русском языке семантическая зона квантификаторов разработана гораздо подробнее, чем в корейском: в русском, как мы видели, донорами могут служить десятки слов, в корейском же их единицы, причем грамматикализованы они в более слабой степени.

Если брать зону большого количества, то и в том, и в другом языке в соответствующем списке фигурируют слова со значением ‘куча’ (*temi*: *chayk-temi* ‘куча книг’, *pic-temi* ‘куча долгов’) и ‘море’ (*pata*: *sulphum-u pata* ‘море горя’), но корейское ‘куча’ в основном используется для «счета» денег, кроме того (в отличие от русского), *temi* способно сочетаться, правда, в ярко метафорических контекстах, с названиями огня и даже воды. Корейский квантификатор ‘море’ довольно близок к русскому, если судить по его сочетаемости: как и в русском, он применим к огню, цветам, любви, информации, фантазии, но, в отличие от русского, также и к шуму, темноте, истине. Число квантификаторов со значением малого количества в корейском и русском вполне сопоставимо и заведомо не превышает десятка, однако здесь никаких семантических пересечений нет. Если в русском наиболее продуктивны *горсть* / *горстка*, *капля* / *капелька*, *крошка*, *кучка*, то в корейском — квантификаторы со значением ‘гной глаза’ (*nwunkkop*), ‘ноготь’ (*sonthop*), ‘хвост мыши’ (*cwikkoli*), ‘пыль’ (*thikkul*).

Вместе с тем, и в том, и в другом языке для квантификаторов малого количества высока роль отрицательных контекстов, ср.

русс. *ни капли, ни крошки* или «квазиотрицательное» *хоть горстку, лишь капельку* и под., тогда как для квантификаторов большого количества они неестественны, ср. **ни бездны проблем* или ??*одну только лавину людей* (см. экскурс в § 1). В этом отношении любопытно, что корейское *thikkul* ‘пыль’ в отрицательных контекстах выступает в значении малого количества, а в положительных — в значении большого количества (которое, правда, используется в текстах определенной тематики, в частности религиозной): значение малого количества возникает за счет мельчайшего размера частиц пыли, а значение большого количества — из идеи бесчисленного множества таких частиц, ср. (60—61):

- (60) *na-eykey-nun thikkul mankhum-uy huy-mang-to*
 я-EXPR-NOM пыль как-REL надежда-даже
epsessta
 нет:PST:ASSERT
 ‘У меня не было ни малейшей надежды’ (букв.: ‘даже как пыль’)
- (61) *ney hwuson-un ttang-uy thikkul mankhum*
 твои потомки-NOM земля-GEN пыль как
pwulena tongsenampwuk-ulo nelli
 расширяться:CONJ четыре:стороны-DIR шире
phecilkesita
 распространяться:FUT:ASSERT
 ‘твои потомки будут процветать, распространяясь во всем мире’ (букв. ...распространяться шире на четыре стороны, множась как пыль).

Справедливости ради нужно отметить, что в последнем случае *thikkul* ‘пыль’ употребляется в наречной, а не определительной функции, но наречная функция и вообще характерна для корейских квантификаторов. Например, если корейскому квантификатору со значением ‘море’ свойственны только определительные конструкции, соответствующие русским генитивным, ср. *море огня*, то квантификатор со значением ‘хвост мыши’ выступает как в определительных, так и в наречных конструкциях, а квантификатор ‘ноготь’ — только в наречной.

Распространенность наречной функции в корейском заставила нас задуматься о ее русском аналоге. Видимо, ближайшим аналогом здесь является постпозитивная предикативность, ср. употреб-

ления типа: *Молока надоили — пропасть!* Такого рода постпозитивные конструкции можно было бы квалифицировать как «количественную топикализацию» — обратим внимание, что в русском она возможна далеко не со всеми квантификаторами, ср.: *проблем — бездна, вещей — груда, дел — куча / море / прорва / туча*, но: *Трагический случай породил лавину разговоров* $\Rightarrow$ *Разговоров породил — лавину*. В то же время, синтаксически количественная топикализация отличается от корейского варианта тем, что в корейском речь идет о наречной функции, которая русским квантификаторам, «помнящим» свое именное прошлое, в общем, чужда. Хотя в русском есть и свои наречные квантификаторы — но фразеологические, ср., например, для малого количества — *с гулькин нос* или *кот наплакал*.

Как кажется, данный небольшой сопоставительный фрагмент дает представление и о дальнейшей программе действий, которая могла бы быть предпринята в плане типологического обследования конструкций с лексическими квантификаторами в языках мира на базе описанной системы русского языка, и о степени сложности задач на этом пути, и о том, насколько захватывающе интересны могут быть результаты выполнения такой программы.

Глава 3

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В АТТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ: МЕТАФОРА, МЕТОНИМИЯ И РЕБРЕНДИНГ

§ 1. Введение: о задаче

В этой главе мы обратимся к адъективным конструкциям и рассмотрим некоторые проблемы, связанные с семантическими процессами, происходящими в них, на материале Национального корпуса русского языка. Исследование, о котором пойдет речь, начиналось с решения сугубо прикладной задачи в рамках программы оптимизации НКРЯ: мы работали над созданием правил-«фильтров» для снятия семантической омонимии в Корпусе, и основным «полигоном» для их проработки была выбрана зона прилагательных со значением качественного признака: размера (как *большой, длинный*), скорости (как *быстрый, скорый*), человеческого качества (как *ловкий, добрый*) и других¹. Она оказалась удобной сразу в двух отношениях. Во-первых, потому что прилагательные очень многозначны и их многозначность действительно «мешает» пользователю работать с корпусом: так, на запрос о

¹ В работе над фильтрами в разное время принимали участие студенты МГУ и РГГУ. Мы хотели бы особо поблагодарить Е. Будянскую, М. Гильденгорн, Е. Голосову, А. Зверева, И. Капитонову, А. Карпелевич, Е. Кашкина, М. Козлову, А. Махову, Н. Рыбинцеву, Е. Ханину и О. Шеманаеву.

В настоящее время эта деятельность продолжается в рамках проекта по созданию Базы данных по качественным прилагательным русского языка, поддержанного РФФИ (грант № 08-06-00197а); данное исследование тоже является частью этого проекта. Помимо авторов главы, в нем принимают участие М. Кюсева, Д. Рыжова и М. Тагабилева, которые внесли очень существенный вклад в эту работу на этапе сбора и обсуждения материала. Конструктором базы данных является Т. Архангельский.

прилагательных формы в НКРЯ автоматически выдаются не только сочетания типа *острый выступ* или *крутой обрыв*, но и *острый приступ тошноты* или *крутые меры*. Во-вторых, потому что структура атрибутивных конструкций, которые в этом случае приходится исследовать, максимально проста (по сравнению, например, с глагольными): они всего лишь двучленны, так что соответствующие фильтры опираются только на семантические классы существительных (подробнее о фильтрах см. Рахилина и др. 2006, Шеманаева и др. 2007, Ляшевская, Рахилина 2008b, Rakhilina et al. 2009). Материалом нам служили наиболее частотные в НКРЯ многозначные прилагательные — всего около 300 слов, причем параллельно исследовались и сочетаемостные возможности соответствующих наречий (общий объем словника составил 500 единиц). Работа состояла в том, чтобы для каждого значения прилагательного в атрибутивной конструкции типа Adj + N (и наречия — в конструкции типа Adv + V / Adj) составить по корпусу списки имен N (и, соответственно, глаголов V и прилагательных Adj), коррелирующих с разными значениями Adj (Adv), а на их основе — правила, по которым программа будет выбирать значения прилагательных и наречий при запросе к корпусу.

Надо сказать, что с самого начала задача имела теоретическую составляющую, так как правила опирались не на списки, а на классы лексем. Понятно, что для автоматической обработки «списочные» правила удобнее и точнее (хотя, конечно, они имеют тот недостаток, что апеллируют к фиксированному составу корпуса²). Но носитель языка, порождающий и анализирующий предложения естественного языка, оперирует не «неорганизованными» списками, а *классами* лексем, объединенными на базе ясных семантических характеристик, так что в его языковом представлении каждый класс прилагательных естественным образом связан со своим классом существительных (или объединением таких классов, также построенном на ясной семантической базе). Если вернуться к прилагательным формы, то признак формы как таковой свойствен только предметам и их частям (ср. *острый нож*, *острый край*), но не абстрактным сущностям и лицам, кото-

² Для НКРЯ, который постоянно пополняется и обновляется, нам как раз приходилось учитывать фактор увеличения словарного состава корпуса.

рые в языке «бесформенны». Наоборот, абстрактные ситуации, но не предметные имена, хорошо соотносятся с идеей интенсивности (ср. *острый приступ тошноты, крутые меры*). Поэтому носитель языка и не чувствует многозначности, присущей каждой отдельной лексеме, когда встречается с ней не в словаре, а в ее стандартных сочетаниях и, шире, в тексте или дискурсе: полисемия там «исчезает».

Однако если смотреть на процесс функционирования прилагательных с точки зрения лингвиста, а не носителя, полисемия в таких случаях, конечно, есть, и как правило, ясно видно, какое значение прилагательного исходно, а какое — производно, т. е. получено в результате семантического сдвига исходного. Эффект такого «вынужденного» сдвига значения в английской терминологии, как мы помним из вводной части книги (раздел 3.1), называется *coercion* и хорошо известен в теории многозначности. Общепризнано, что он возникает при смене конструкции — анализ такого рода примеров приводится в работах А. Голдберг по теории Грамматики конструкций, а также в Michaelis 2004 и др.; впрочем, та же интерпретация предлагалась и значительно раньше, например, в рамках Московской семантической школы, в Апресян 1967 (подробнее см. Введение, раздел 4.1). В нашем простом случае конструкция меняется очень локально — только в отношении смены класса существительного. Подобные семантические переходы, где «общим исходным импульсом сдвига значения для предикатных слов является изменение типа актанта / актантов» (Кустова 2004: 27), подробно описывались в рамках системы «Лексикограф»³ — на материале глаголов, см. Падучева 2004, Кустова 2004, Розина 2005. В этих исследованиях ставилась задача определить тип семантического сдвига, который претерпевает тот или иной глагол на каждом шаге актантных изменений — детальный «мониторинг» позволил авторам «Лексикографа» не только уточнить структуру многозначности конкретных глагольных лексем и глагольных классов, обычно представленную в словарях лишь в самом общем виде, но и внести дополнительную ясность в поня-

³ Подробнее о проекте «Лексикограф» см., например, Кустова, Падучева 1994; демонстрационный фрагмент системы выложен на сайте <http://lexicograf.ru/>.

тия метонимии и метафоры и их соотношения как двух принципиальных разновидностей семантического сдвига. Возвращаясь к нашей задаче, можно сказать, что мы применили этот опыт к своей выборке прилагательных, причем в первую очередь с исследовательской целью: произвести полную классификацию семантических переходов для признаков лексем.

Надо сказать, что несмотря на внимание к семантике атрибутивной лексики, которое было проявлено в 70-е и 80-е годы в работах Ю. Д. Апресяна (1974) или Е. А. Земской (1991), а также интересные исследования отдельных прилагательных в рамках проекта НОСС (2004, Апресян (ред.) 2006) и проекта С. М. Толстой по «межславянскому» изучению признаков слов — в основном каритивной семантики (Толстая 2007), прилагательные в целом, как семантический класс лексики, и в особенности интересующие нас системные (и внесистемные) семантические процессы в них, в большой степени остаются *tabula rasa* — за исключением книги Г. И. Кустовой (2004)⁴, где речь шла не только о глаголах, но и о признаках имен (и связанных с ними признаков ситуаций — наречиях и категориях состояния), причем некоторые из них — как *тяжелый* — разбирались ею очень подробно. Однако в целом исследование Г. И. Кустовой имело несколько иной ракурс: ее интересовали, скорее, типы результирующих значений, чем полный инвентарь переходов. Между тем наша задача, если заострить ее формулировку, звучала бы следующим образом: возможны ли в значении качественных прилагательных сдвиги, **отличные** от метафоры и метонимии? Мы считаем, что такие сдвиги возможны, и полагаем, что умеем отличать их от более стандартных. Чтобы продемонстрировать это, мы обсудим сначала «каноническую» природу метафоры и метонимии — как в теоретическом плане (§ 2), так и на примерах реальных сдвигов значения прилагательных из нашей выборки (§ 3); в разделе 4 мы рассмотрим случаи неканонических, с нашей точки зрения, семанти-

⁴ Ср. также некоторые ее последующие работы: Кустова 2007а, б, 2009, 2010 и др. Отметим здесь же и диссертацию Бирих 1995, которая была специально посвящена метонимическим сдвигам в русских прилагательных и существительных — но, как кажется, прошла практически незамеченной русистами.

ческих переходов и покажем их отличия от «классических» образов; § 5 будет посвящен обсуждению механизма и теоретического статуса нового класса переходов, который мы назвали ребрендингом; в § 6 мы будем говорить о грамматикализации, ее свойствах — и свойствах ребрендинга как более общего лексического процесса.

§ 2. Метафоры и метонимии в прилагательных

2.1. Общие представления

По традиции, принято противопоставлять метафору и метонирию как сдвиги значения, соответственно, по сходству и по смежности. Однако, судя по обилию общетеоретических работ, касающихся этой проблематики, в том числе и недавних (ср. Croft 1993, а также Radden, Kövecses 1999, Barcelona (ed.) 2003, Peirsman, Geeraerts 2006a,b, Croft 2006 и мн.др.), такое определение явно недостаточно. Некоторые исследователи считают, что в нем слабо отражается природа этой дихотомии, ее когнитивный аспект (представители когнитивного направления обсуждают эту тему активнее всех). Другие полагают, что оно не выявляет механизма сдвига и не дает основы для дальнейшей более подробной классификации конкретных случаев. И даже «терминологические консерваторы», которые возвращаются к старому противопоставлению сходства и смежности (Peirsman, Geeraerts 2006a), по сути дела, существенно его модифицируют.

В основе новых определений лежат понятия *домена* (ср., например, Lakoff, Turner 1989), *доменной матрицы* (ср. Croft 1993) и *фрейма* (ср. Blank 1999). Под доменом понимается семантическая область, которой принадлежит данный концепт; близкая идея предлагается и Е. В. Падучевой, но она использует более «лексикологический» термин *тематический* (= *таксономический*) *класс*. Фреймовый подход к представлению о семантическом сдвиге предполагает, что всякий домен, всякая семантическая зона организована как сложная система отношений между участниками ситуации (а также связана с другими, внешними по отношению к ней, фреймами) и что эти отношения важны для понимания механики изменений значения.

В этой терминологии *метафорический сдвиг* представляется как **переход** лексемы из одного фрейма (и, соответственно, домена) в другой (иначе говоря, он предполагает смену таксономического класса лексемы), тогда как метонимический сдвиг происходит **внутри** одного фрейма (домена, таксона) (ср., например, Sweetser 1990: 19 и след.).

Поясним сказанное, и начнем с метафоры.

2.2. Метафора

Возьмем одноместный глагол, скажем, *бурлить*. Он обозначает специфическое движение, происходящее в жидкости и связанное с перемещением всех ее слоев друг относительно друга, характерным шумом, образованием пузырьков в толще и на поверхности и другими процессами. С некоторой долей условности можно отнести его к глаголам перемещения. Это его исходный таксономический класс, или исходный домен, домен-источник, как называют его Дж. Лаков и М. Джонсон в своей классической работе Lakoff, Johnson 1980/2004. В соответствующем фрейме его стандартным субъектом является жидкость, ср.:

- (1) *Внизу вода бурлила и пенилась, низвергаясь* [Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935—1943)].

Если мы поменяем таксономический класс аргумента, то есть заменим жидкость, например, на группу лиц:

- (2) *Огромнейшая толпа казаков бурлила, по-разному реагируя на речь оратора*. [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая (1928—1940)],

то произойдет сдвиг значения глагола: он уже не сможет обозначать физическое движение, которому сопутствует образование пузырьков в жидкости, потому что речь больше не идет о жидкости, а будет описывать волнение толпы, сопровождающееся громкими эмоциональными разговорами, в которые вовлечены все люди, образующие толпу. Можно считать, что в результате глагол стал предикатом эмоционального состояния (и обозначает такое специальное состояние, свойственное толпе людей, при котором много и шумно обсуждают некоторое происхо-

дящее в данный момент событие), а можно — что он попал в глаголы речи (и обозначает такую специальную нечленораздельную речь, свойственную волнующейся толпе), — в данном случае это неважно. Важно, что глагол покинул свой исходный, донорский класс (или: *source-domain*) и перешел в новый, результирующий, его еще называют реципиентным (см., в частности, Rudzka-Ostyn 1988; ср. также *target-domain* в терминологии Дж. Лакова). Это и есть метафора.

Для разных исследователей могут быть важны разные ее аспекты. Например, можно интересоваться, какие классы или домены в принципе могут стать источниками метафор, и есть ли такие, которые никогда не дают метафор; какие области могут становиться результирующими, а какие — нет, какие домены регулярно выступают как пары исходная — результирующая зона в разных языках, каково соотношение между исходной и результирующей областью и др. Надо сказать, что на некоторые из этих вопросов ответов пока нет — в частности потому, что о типологии метафор известно очень мало (как и в целом о лексической типологии)⁵. Однако проблема взаимодействия доменов обсуждалась в литературе очень широко.

Лаков и Джонсон (1980/2004) говорят о проекции (*mapping*) элементов структуры одной области на структуру другой, т. е. о том, что результирующая область реорганизуется исходной. Эта идея, в общем, близка традиционному определению метафоры как переноса «по сходству»: ясно, что для каждой данной семантической зоны далеко не всякая годится в качестве структурирующей, а только та, с которой имеется некоторое структурное сходство. И тут встает вопрос, как определить степень этого сходства.

Некоторый ключ к ответу может дать идея *совмещенных пространств* (*blended spaces*), предложенная Жилем Фоконье (Fauconnier 1985, см. также Fauconnier, Turner 1996, 1998), который пытается *нарисовать* эффект совмещения фреймов исходной и результирующей областей, обсуждая, в частности, пример метафоры *мясник* → *хирург* (*butcher* → *surgeon*), см. Схему 1. Он го-

⁵ Идея систематизации метафорических сдвигов, произошедших в истории разных языков, предложена в проекте Анны А. Зализняк (см., например, Zalizniak 2008).

ворит, что для того, чтобы фреймы (мясника и хирурга) совместились и, так сказать, смешались (*blend*) друг с другом, нужно, чтобы существовала возможность обобщить их свойства — что-то вроде абстрактного фрейма, представляющего активного деятеля, воздействующего (с помощью режущего инструмента) на пациенс. Этот фрейм он называет *generic space* и помещает в своей схеме над исходным и результирующим, между некоторыми (не всеми) слотами которых устанавливается соответствие, помеченное сплошными линиями: разделяемая мясником туша отождествляется с пациентом хирурга, но, например, покупатель мяса, ради которого старается мясник, не имеет аналогов в «хирургическом» фрейме. На следующем шаге — и в следующем фрагменте картинки-схемы, во фрейме-смеси (*blend*), расположенном под парой исходного и результирующего, — Фоконье предлагает все объединить, но эта идея кажется нам малоубедительной, и мы оставим ее в стороне, тем более что для дальнейшего нам пригодятся лишь прямые соответствия в главной паре кругов.

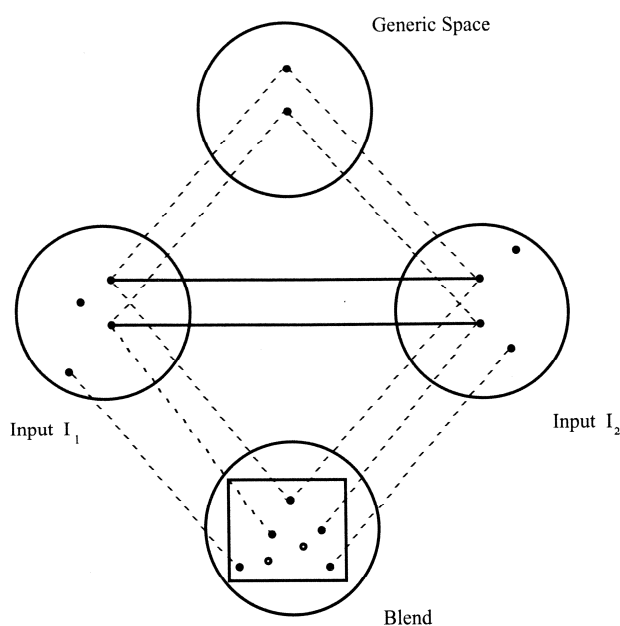

Схема 1. Модель метафоры как проекции и совмещения (*blend*) ментальных пространств (Ж. Фоконье).

Если «пересчитать» пример с мясником и хирургом на глагол *бурлить*, на материале которого мы разбирали механизм метафоризации, то видно, что и здесь хорошо просматриваются соответствия между исходным и конечным фреймами. Действительно, толпа (конечный фрейм) легко может быть уподоблена воде (исходный фрейм) как совокупность — веществу, а ее свойства в этой ситуации — свойствам бурлящей воды (громкие эмоциональные разговоры — «повышенному» шуму воды, передвижение групп людей — перемещению водных слоев и т. д.).

Подведем итоги: согласно Дж. Лакову и М. Джонсону, метафора — это переход из одного домена в другой, в процессе которого происходит переосмысление второго через первый; Ж. Фоконье добавляет, что такой переход требует своего рода «структурной симметрии» соответствующих им фреймов, чтобы можно было установить соответствие между слотами. Е. В. Падучева и Г. И. Кустова смотрят на эту картину с несколько иной стороны — как если бы они были сторонниками СхG — и обращают внимание на то, что смена таксономического класса вершинного предиката провоцируется (*coerces*) сменой таксономического класса аргумента (т. е. сменой существенных характеристик конструкции, а значит, в конечном счете, конструкции в целом): *бурлить* сдвигает свое значение потому, что стандартное заполнение его аргумента — ‘жидкость’ — поменялось на новое — ‘толпа’. Но общее впечатление таково, что эти точки зрения не противоречат, а дополняют одна другую, и в целом хорошо вписываются в представление о структуре конструкции и способах ее модификации в языке, которое отражается в СхG.

2.3. Метонимия

Теперь о *метонимическом* сдвиге, который, как мы помним, происходит внутри фрейма. В качестве исходной модели мы примем здесь ту, которая изложена в уже упоминавшихся работах Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой. Они различают два типа метонимии, с несколько разными механизмами: первый тип можно назвать «аргументной» метонимией, а второй — «результативной». На наш взгляд, имеет смысл рассматривать их отдельно, как это и предлагают авторы — несмотря на то, что устойчивой традиции такого противопоставления нет.

Аргументная метонимия возникает при «перевешиваниях» аргументов внутри фреймовой структуры, когда аргументы как бы меняются местами: один «повышается», а другой «понижается», часто значительно, вплоть до полного исчезновения из числа поверхностных актантов. Е.В. Падучева иллюстрирует этот эффект примером с глаголом *назначить* (Падучева 2004: 331). Исходная структура этого глагола («прямая диатеза») предполагает в качестве прямого объекта лицо, а в качестве косвенного — должность, на которую производится назначение: *Назначить Швабрина комендантом*. В производной структуре («косвенной диатезе») — *назначить коменданта* — должность «поднимается» до прямого объекта, а сведения о лице, ее занимающем, оказываются информационно избыточными, и оно, наоборот, понижается в ранге, причем настолько, что не может быть выражено вовсе: дело в том, что в такой конструкции человек, занимающий должность коменданта, единствен и известен. (Напомним, что в Когнитивной грамматике Р. Лангакера этот эффект перестройки значения лексемы, связанный с реорганизацией ее коммуникативной организации, назывался перепрофилированием, подробнее см. Введение, раздел 4.2).

Надо сказать, что для лингвистической теории, которая любит оперировать набором хорошо известных примеров, каждый раз предлагая их новую, уточненную интерпретацию, пример с *назначить* не очень удобен: он совершенно авторский, и для него нет стандартных трактовок. В то же время легко показать, что в общеизвестных, канонических случаях метонимического переноса действует совершенно тот же механизм «перевешивания аргументов». Рассмотрим классическую пару, которой обычно иллюстрируют метонимию:

выпить воду из стакана $\Rightarrow$ *выпить стакан воды*.

В исходной структуре имеется переходный глагол *выпить*, который означает определенное воздействие на жидкость, и поэтому в качестве прямого объекта предполагает жидкое вещество, в данном случае, воду. В свою очередь, внутри того же фрейма вода семантически связана со стаканом, так как она является содержимым стакана как контейнера (*вода из стакана / в стакане*). Обычно вода является центральным участником всей ситуации и

обязательным аргументом глагола *выпить*, а *стакан* — периферийным участником. Однако последний можно «повысить в ранге» (в терминологии Е. В. Падучевой), если переместить фокус внимания слушающего на объем выпитой жидкости. Тогда стакан становится прямым объектом, а *вода* выходит за пределы аргументной структуры глагола *выпить*.

Таким образом, в отличие от метафоры, здесь не происходит никаких таксономических сдвигов: класс аргументов остается прежним, меняются только их позиции; сохраняются и семантические характеристики вершинного предиката: ни *назначить*, ни *выпить* не меняют своего таксономического класса (или домена — в терминологии Lakoff, Turner 1989, доменной матрицы — по Croft 1993, а также фрейма — по Blank 1999). Но некоторый сдвиг в их значении все-таки произошел: он был связан не с таксономией, а с коммуникативной организацией ситуации — и для того, чтобы маркировать новое распределение участников ситуации, эти глаголы «научились» управлять несвойственными им аргументами — только эти аргументы были «взяты» не из «постороннего» домена-фрейма, как сходные, а из того же самого, «родного», как смежные (ср. Peirsman, Geeraerts 2006a) ⁶.

Другой тип метонимии, выделяемый в работах Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой, который мы условно назвали *результативным*, тоже подчинен коммуникативной перестройке высказывания и тоже состоит в переносе акцента — однако он касается непосредственно глагольной семантики и не связан с аргументами: операция перепрофилирования производится не над аргументами (переменными в семантическом представлении), а непосредственно над компонентами семантического представления (константами) — заметим, что логические возможности коммуникативной реорганизации высказывания подобного рода этими двумя метонимиями, тем самым, исчерпываются.

В данном случае акцент переносится с самого действия или процесса на его результат, ср. *⟨Во избежание пожара⟩ он загора-*

⁶ Кстати, вопрос о том, какие именно позиции может затрагивать метонимия, а каких она не касается — иными словами, какова должна быть в случае аргументной метонимии степень смежности — на наш взгляд, пока остается открытым.

живает камин ширмой (действие) $\Rightarrow$ *Ширма загораживает камин* (результат). Как и в первом типе метонимии, таксономические характеристики лексемы и всех ее аргументов сохраняются, однако меняется аспектуальный класс глагола — поскольку результат события всегда является состоянием, а предшествующее ему результативное событие — это действие или процесс. Метонимический эффект такого рода стал настоящим открытием Г. И. Кустовой и Е. В. Падучевой при работе над системой «Лексикограф», но сам «результативный» подкласс метонимии хорошо коррелирует с явлением, известным в англоязычной традиции (в частности, из работ Дж. Лакова и К. Бругман, см., например, Lakoff 1987, Brugman 1988) под названием «end-point» metonymy (метонимия конечного пункта (движения)). Его классическая иллюстрация — многозначность предлога *over* ‘через’ в парах типа: *to fly over the hill — to live over the hill*, букв.: ‘перелететь через гору’ — ‘жить через гору’ (в том же значении, что и русск. *жить через дорогу*)⁷. В первом случае речь идет о движении, а во втором — о местонахождении в конечном пункте этого движения. Дж. Лаков отмечал, что связь движения и достижения конечного пункта как наиболее значимой точки всего маршрута когнитивно релевантна, так что они часто маркируются одним и тем же образом⁸. Если же принять во внимание примеры Г. И. Кустовой и Е. В. Падучевой, становится ясно, что здесь важна не просто конечная точка, а местонахождение в ней как результирующее состояние процесса движения, т. е. как часть, причем завершающая часть, того же самого процесса движения. При таком взгляде на вещи данный тип метонимии вполне укладывается в классические каноны (ведь отношение ‘часть-целое’ признается совершенно стандартной метонимией, см. Radden, Kövecses 1999, Croft, Cruse 2004, Peirsman, Geeraerts 2006a и др.), и более того, термин *end-point*, если применять его не только к физиче-

⁷ Подробнее см. Рахилина 2000a/2008: Глава IV, § 2.

⁸ Ср. здесь также термин *goal-bias*, принятый для описания разнообразных языковых эффектов, возникающих по сходным причинам (ввиду особой значимости конечной точки) в глаголах направленного движения, подробнее см. Bourdin 1997, Verspoor et al. 1999, Ikegami 1987: 135; Ungerer, Schmidt 1996 и др., а также Майсак, Рахилина 1999.

скому движению, как делали авторы, но и к конечной точке любого процесса, вполне удобно считать обобщающим и распространить на весь класс случаев, описанных Г. И. Кустовой и Е. В. Падучевой.

Таким образом, если под метафорой мы будем понимать сдвиг лексемы в другой таксономический класс, который обычно происходит в связи с таксономическим сдвигом ее аргументов, то под метонимией — коммуникативный сдвиг значения лексемы, который сопровождается:

- либо меной коммуникативных акцентов на ее аргументы и, ввиду этого, меной их синтаксических позиций (это *аргументная* метонимия),
- либо смещением акцента с действия или процесса на его результат, тогда, помимомены позиций актантов, у глагола меняется аспектуальный класс — это *end-point* (или *результатирующая*) метонимия.

В работе Рахилина 2007b мы показали, что эта классификация семантических сдвигов довольно хорошо работает в лексической типологии на материале глаголов движения и нахождения в воде. Так, наиболее типичный метафорический сдвиг глаголов плавания типа *float* со значением ‘плавать, держаться на поверхности воды’ (ср. русск. *в супе плавали какие-то перья*) в самых разных языках мира — это переход такого предиката из семантической зоны (или домена) плавания в семантическую зону (домен) неустойчивости, неуверенности и нестабильности, ср. англ. *floating currency* ‘плавающий, нестабильный курс валюты’ или рус. *плавать на экзамене* ‘неуверенно отвечать’. Представлена среди глаголов плавания (тоже очень частотно) и аргументная метонимия, ср. прежде всего пару: ‘течь (о воде)’ — ‘плыть по течению, т. е. быть несомым водой’ (такая метонимия характерна для японского, польского, удмуртского, китайского, бенгали и др.). Наконец, стандартная *end-point* метонимия хорошо иллюстрируется глаголами класса *float* в тех языках, где они одновременно означают процесс всплытия (*float up*) и состояние нахождения (плавания) на поверхности (японский, корейский, хинди).

Теперь посмотрим, как применяются эти общетеоретические представления к материалу русских качественных прилагательных.

§ 3. Семантические сдвиги в прилагательных

3.1. Метафоры прилагательных

В прилагательных широко распространена метафора, и она ясно демонстрирует переход из одного таксономического класса (домена) в другой, например:

мягкое кресло → мягкий человек.

Прежде всего это переход свойства из физической (или физиологической) зоны в нефизическую, т. е. в зону, связанную с ментальными, эмоциональными, социальными и подобными характеристиками, свойственными человеку, поэтому в таких конструкциях семантика существительного меняется с имени предмета, животного, абстрактного явления (стихии) на имя лица, ср.:

— **физическое свойство предмета → нефизическое свойство лица:** *гнилое яблоко → гнилой интеллигент, вялый цветок → вялый студент; чуткий зверь → чуткий человек.*

Встречаются случаи, когда исходным является и **имя лица** — но такое, которое способно иметь и физические, и нефизические свойства, ср. нейтральное (описывающее натуральный класс) *человек*: *крепкий человек* возможно сразу в двух значениях — ‘физически крепкий’ и ‘крепкий, так сказать, с точки зрения своих функций’ — в данном случае, ‘крепкий духом’. Впрочем, обычно в таких контекстах имена лиц все-таки оказываются разведены: для контекстов первого рода характерны нефункциональные, для второго — функциональные, ср.: *крепкий старик* VS. *крепкий хозяйственник*.

Эти случаи очень интересны с точки зрения «техники» семантического перехода: новое значение признака диктуется (*coerce*) не принципиальной сменой аргумента (‘лицо’ → ‘не-лицо’), а сменой сферы действия этого признака внутри семантической структуры имени лица — так что, в принципе, этот случай можно считать своеобразным вариантом *end-point* метонимии (см. также 3.2.3). Как мы видели, для большей прозрачности здесь обычно происходит «подстраховка слушающего»: выбирается принципиально иной подкласс лиц, «профилирующий» соответствующий фрагмент семантики.

Итак, главным и, бесспорно, самым распространенным типом признаковой метафоры является переход от физического свойства (предмета, животного, стихии, человека) к нефизическому

свойству человека. Механизм сдвига признака в новый домен и корреляция между старым и новым здесь не требуют пояснений, обратное же направление сдвига (от нефизического свойства к физическому) если и встречается, то очень редко⁹. Ясно и то, что результирующий **нефизический** признак свойствен (кроме лиц и животных) абстрактным, и почти никогда — предметным именам¹⁰, и наоборот, для абстрактных имен нехарактерны физические свойства¹¹. Таким образом, фактически для признаковой метафоры остается не так много других возможностей, собственно, по-настоящему полноценной можно считать только одну, а именно:

— **физическое свойство предмета → нефизическое свойство абстрактного объекта**: *пустая коробка → пустое обещание, большой дом → большой успех, устойчивый стол → устойчивая погода, скользкий пол → скользкий путь* (сомнительный), *прохладная поверхность → прохладные отношения*.

Механизм метафоры в этом случае абсолютно канонический: абстрактное имя уподобляется предметному (ср. Успенский 1979, Арутюнова 1976 и мн. др.), или, в терминах Ж. Фоконье, совмещается с его ментальным пространством, так что, например, содержание обещания представляется его содержимым, как у коробки, человеческие отношения приобретают градус, который можно измерить, как температуру обычного предмета и т. п., — тем самым, признак приобретает возможность расширить свое применение, но меняет семантическое наполнение: *пустой* не значит 'полый', а значит 'бессодержательный', *прохладный* перестает иметь физический смысл, приобретая социальный, и в обоих случаях добавляется отрицательная оценка.

Все другие возможности перехода, в общем, маргинальны. Так, например, в нашем материале практически нет примеров на:

— **физическое свойство лица → физическое свойство предмета**, как в: *голый человек → голая стена* (в значении: 'без

⁹ В теоретическом плане эта проблема обсуждалась нами подробнее в Рахилина 2000а/2008: Глава IV, § 2, см. также § 3 в Главе 2 этой части книги.

¹⁰ За исключением количественных характеристик множеств — см. об этом ниже.

¹¹ За исключением цветов и звуков, см. ниже.

обоев и другой отделки, картин и других украшений, мебели и проч.’, т. е. ‘как бы лишенная одежды’).

Однако последний случай интересен в теоретическом отношении — ведь внешне он создает впечатление дублирования исходного таксономического признака, т. е. отсутствия перехода из одного домена в другой, а значит, отсутствия метафоры. Тем не менее, с нашей точки зрения, переход в другой класс здесь есть, потому что семантическое наполнение результирующего признака оказывается принципиально иным, чем исходное¹². Очень похожий по своей механике случай представляет переход физического признака предмета в зону (тоже физическую) свойств цвета и звука:

— **физическое свойство предмета → (физическое) свойство цвета / звука**, ср.: *густой суп* → *густой бас* / *густая темнота*, *грязная дорога* → *грязный звук* / *цвет*, ср. еще *грязный синий фон*, или *грязно-синий*.

По нашему мнению, здесь тоже реализуется переход в особую (хотя и тоже физическую) таксономическую зону звуковых тембров и цветовых оттенков, которая уже довольно опосредованно связана с плотностью (ср. исходное значение *густой*) или наличием посторонних нежелательных веществ (ср. исходное значение *грязный*).

Однако в целом можно согласиться, что переход, который описывается таксономически как $X \rightarrow X$ (в нашем случае: «физическое свойство → физическое свойство»), а не как $X \rightarrow Y$ (скажем: «физическое → нефизическое» или наоборот), выглядит довольно «подозрительно» с точки зрения механики метафоры, так что по поводу наших последних примеров, в принципе, возможна и иная точка зрения.

Еще в большей степени она имеет право на существование в отношении нефизических свойств, которые, в отличие от физических, трудно определить, и поэтому трудно отличить исходное от производного, ср. нефизическое свойство применительно к лицу

¹² Заметим, что примеры такого рода действительно непросто найти, потому что у имен лиц почти нет специфических физических качеств, не свойственных предметам — разве что физиологические, ср. *горбатый человек* → *горбатый мост*.

и артефакту (*умный наставник* VS. *умный компьютер*), лицу и абстрактному объекту (*злой человек* VS. *злой рок*), а также лицу и организации (*бедный человек* → *бедная страна*), лицу и природному объекту (*активный человек* VS. *активный ледник*, *ленивый ученик* → *ленивый ветерок*). Все эти примеры можно описывать как *одушевление* и объяснять эффектом расширения именного таксономического класса, а не признаковой метафоры. В теоретическом плане в том же ряду стоят и пары типа *цепкие когти* VS. *цепкий ум*; *больное сердце* VS. *больное самолюбие*, в которых абстрактное имя со значением человеческого качества метафорически понимается как орган человеческого тела — тем самым, строго говоря, метафорический сдвиг здесь происходит в существительном, тогда как прилагательное не меняет свое исходное значение: в нем нет перехода.

Таким образом, если говорить в целом, то хорошо известное в лингвистике теоретическое положение на нашем материале подтверждается: физические свойства обладают гораздо бóльшим потенциалом как источники метафорического сдвига, чем нефизические. Они дают разнообразные результаты сдвига и даже имеют довольно хорошо противопоставленные подклассы, которые могут сами выступать в качестве источников доменных пар (см. таблицу 1 ниже). Среди них есть особенно продуктивный класс — это прилагательные размера; наряду со стандартными метафорическими сдвигами типа:

размер → **нефизическое свойство человека**: *тонкая нить*,
девушка → *тонкий человек* (в значении ‘деликатный’),

прилагательные размера имеют исключительную возможность, реализуя типовой переход «**физическое** → **нефизическое свойство**», переходить во временные характеристики абстрактных объектов, и даже лиц — в значении ‘возраст’, ср.:

— **размер** → **временная характеристика абстрактного объекта**: *большой дом* → *большой привал*, *короткая веревка* → *короткий путь*, *длинное платье* → *длинный доклад*; ср. здесь же метафору «пространственная → временная дистанция»: *дальний лес* → *дальние времена*;

— **размер** → **временная характеристика лица (возраст)**: *большой дом* → *большой мальчик*.

Кроме того, признак размера обладает свойством метафорически трансформироваться в количественную характеристику объема множества, ср. *большой дом* → *большая семья*. Этот сдвиг тоже можно рассматривать как пример перехода из физической в нефизическую зону.

Таблица 1, приведенная ниже, суммирует результаты нашего обсуждения классов адъективных метафор.

Таблица 1

Метафоры в прилагательных

Физическое свойство предмета	→	Нефизическое свойство лица: <i>мягкий диван</i> → <i>мягкий человек</i>
	→	Нефизическое свойство абстрактного объекта: <i>пустая коробка</i> → <i>пустое обещание</i>
	→	физическое свойство цвета / звука: <i>густой суп</i> → <i>густой бас</i>
Физическое свойство лица	→ NB! малочастотно	физическое свойство предмета: <i>голый человек</i> → <i>голые стены</i>
Размер (= физическое свойство предмета)	→	нефизическое свойство лица: <i>тонкая нить</i> → <i>тонкий человек</i>
	→	длительность (= [не]физическое свойство абстрактного объекта): <i>большой дом</i> → <i>большая перемена</i>
	→	возраст: <i>большой дом</i> → <i>большой мальчик</i>
	→	количественный признак: объем множества (= [не]физическое свойство множества): <i>большой дом</i> → <i>большая армия</i>

3.2. Метонимия в прилагательных

3.2.1. О «канонической» метонимии в прилагательных

Начнем с того, что, по сравнению с глаголами, у прилагательных гораздо меньше возможностей для осуществления метонимических переходов — если понимать их в точном соответствии

с данными нами выше определениями и комментариями. Например, результитивная (или end-point) метонимия в строгом смысле, т. е. та, что свойственна действиям и процессам, которые при этом переходят в состояния, у прилагательных отсутствует, и по понятным причинам: признак, который обозначает прилагательное, изначально статичен, так что здесь следует ожидать от прилагательных воспроизведения свойств стативных предикатов типа *любить* или *знать*, — а они не способны к end-point метонимии¹³.

Между тем, возможность к «перевешиванию» аргументов, к которому, как мы помним, сводится техника метонимии второго, аргументного, типа у прилагательных тоже встречается редко: ведь, как правило, в атрибутивной конструкции только один полноценный аргумент — носитель признака, и ему просто не с кем меняться местами. Поэтому частотные для признаков слов метонимические преобразования, с точки зрения общей практики, не вполне подчиняются канону: они захватывают тот круг участников ситуации, которые в обычных условиях находятся «вне игры» — это аргументы аргументов и пространственно-временные сирконстанты. Заметим, что в логике SxG, где граница между актантами и сирконстантами по понятным причинам размывается, так как в конструкции и те, и другие оказываются равно важны, — такое расширение метонимии совершенно не принципиально и даже ожидаемо (ср. здесь часть III, Глава 1).

3.2.2. Часть-целое

Самое естественное, и поэтому самое частотное отношение, в которое вступает носитель признака, — это отношение часть-целое. Принято считать, что оно симметрично, т. е. что в случае, если аргументом является имя, обозначающее часть, его место может быть метонимически занято целым (ср.: *красный грифель* → *красный карандаш*), но и наоборот: если аргумент — имя целого объекта, то вместо целого в структуре способна — метонимиче-

¹³ См., однако, ниже — в связи с метонимией проявления свойств и размера-дистанции (3.2.3), а также в разделе 5.12 в связи с понятием ребрендинга.

ски — фигурировать часть (*молодой человек* → *молодые глаза* = ‘глаза молодого человека’). Однако, по нашим данным, по крайней мере в атрибутивных конструкциях, полной симметрии здесь нет: основным все-таки является переход от части к целому, а не обратный. С точки зрения механизма преобразования семантико-синтаксической структуры это предсказуемо, потому что имена со значением части реляционны, и у них, как и у других реляционных имен (см. Главу 4 Части II), есть обязательная валентность на целое. Иными словами, когда мы говорим *ручка, спинка, бортик, кончик, хвостик* — или называем любое другое имя части, мы тут же называем (или подразумеваем) и соответствующее целое (*ручка двери, на кончике пера* и под.). Это значит, что имя целого **обязательно** в признаковом фрейме, если признак относится к имени части, и метонимическая перестановка «часть → целое» внутри одного и того же фрейма практически укладывается в каноническое определение аргументной метонимии. Напротив, имя целого в общем случае не реляционно: оно не предусматривает валентностей на части соответствующего объекта, а значит, в этом случае нет и структурных предпосылок для метонимического переноса. Неудивительно, что такая метонимия очень локальна: бесспорные случаи касаются всего лишь двух небольших областей — живых существ и совокупностей.

Именно живые существа обладают, как теперь говорят, «эксклюзивными» признаками, т. е. свойствами, которые описывают исключительно целостный объект и не применимы к их неодушевленным частям; свойства других конкретных предметов с этой точки зрения всегда универсальны, они покрывают и части, и целые. В большинстве своем «эксклюзивными» являются, конечно, нефизические свойства, прототипически характеризующие человека; некоторые из них, как *злой, упрямый, кроткий*, могут так или иначе проявляться и в особых, культурно закрепленных за ними частях тела, ср. *злое сердце, упрямый подбородок, кроткие глаза* (но не: **злой* / **кроткий подбородок* или: **упрямое* / **кроткое сердце*; ср. также: **злой* / **кроткий* / **упрямый живот, лоб, затылок...*). «Эксклюзивных» физических свойств гораздо меньше, а те, что есть, на самом деле не являются в чистом виде физическими, т. е. имеют пограничную природу, часто подразумеваемая дополнительные человеческие качества, ср.: *стройная де-*

вушка → *стройная талия, ноги* (*руки, лицо...); *молодой человек / юное создание* → *молодое / юное лицо, глаза, кожа* (*руки, *ноги, *талиа ...).

Принимая во внимание все эти особенности данного класса метонимии, с одной стороны, а с другой, ее «синтаксическую нестандартность» (т. е. «неправильное» направление стрелки), можно подумать о том, чтобы полностью отказаться от симметрии переходов в паре часть-целое и интерпретировать примеры «целое → часть» как метонимию проявления свойства (см. ниже).

Правда, остается еще один любопытный случай похожего рода, ср.: *густая борода* VS. *густые волосы, редкий лес* VS. *редкие деревья*, где в первом случае прилагательное задает характеристики так называемых совокупностей¹⁴, но также и веществ, ср.: *густой суп* VS. *густая капуста* (в супе), а во втором — элементы этих множеств и субстанций. Впрочем, на наш взгляд, здесь выбор исходного контекста не так очевиден. Действительно, если в разобранных выше парах типа: *молодой человек* → *молодое лицо* ясно, что признак 'молодой' изначально соотносится именно с человеком, а не с его глазами, то при интерпретации пар типа *густая борода* — *густые волосы* можно решить и иначе: что исходным здесь будет сочетание, в котором признак применен к элементам, а не к множеству, ср.: *густые волосы* → *густая борода*. Тогда этот частный переход станет более стандартным (см. ниже), а сложный для интерпретации класс признаковых метонимий «целое → часть» на нашем материале полностью прекратит свое существование.

В любом случае, главную разновидность признаковых метонимий аргументного типа (которая базируется на реляционности исходного имени) представляет метонимический тип «часть → целое»; он продуктивен и имеет множество подклассов, а именно:

— **физическое свойство части → физическое свойство целого**: *мягкое сиденье* → *мягкий стул, тонкая нитка* → *тонкое сукно*,

¹⁴ Совокупностями мы называем множества, которые по своей структуре больше похожи на цельный объект или вещество, чем на сумму элементов (подробнее см. Рахилина 2000а/2008: 66—74, Ляшевская 2004).

а также:

- **свойство элемента → свойство совокупности / множества:** *редкие зубья → редкий гребень; крупные песчинки → крупный песок;*
- **свойство части тела (или предмета одежды)¹⁵ → свойство человека / животного:** *кривой глаз → кривой человек; больное сердце → больной ребенок; чуткий слух → чуткий зверь; цепкие руки (торговца) → цепкий торговец; рваный пиджак → рваный мужик;*
- **свойство / состояние одушевленного существа → свойство группы:** *солидный человек → солидная комиссия, глупое животное → глупое стадо, пьяный человек → пьяная толпа;*
- **материал → изделие из этого материала:** *ржавое железо → ржавый гвоздь;*
- **нефизический признак абстрактного объекта как части ситуации → нефизический признак ситуации в целом:** *глупые идеи → глупая книга / разговор;*
- **характеристика физического свойства объекта (= значение свойства) → характеристика объекта в целом:** *яркий цвет → яркая лента.*

З а м е ч а н и е. Как особую разновидность перехода «часть→целое» (или как особый, симметричный метонимический тип) принято рассматривать (см., например, Radden, Kövecses 1999) гипо-гиперонимическую метонимию, ср.: *густая синева / бас ↔ густой цвет / звук; редкие розы ↔ редкий сорт; острый аппендицит ↔ острая болезнь.*

Между тем, с нашей точки зрения, такие случаи вообще лучше не считать сдвигом значения: в отличие от «канонических» метонимических пар, между гипонимами и гиперонимами нет ни аргументных, ни квазиаргументных, ни результативных отношений. В то же время здесь не происходит никаких изменений и в самом признаке: они не «вынуждаются» (*coerce*) тем, что говорящий «пересек» родо-видовую границу имени. Получается, что данный случай действительно не является семантическим переходом.

¹⁵ Функционально одежда приравнивается к частям тела, во всяком случае, в рамках семантического переноса нет смысла выделять ее в отдельный класс.

3.2.3. Другие разновидности «канонической» признаковой метонимии

Другие по сравнению с «часть-целое», но тоже хорошо известные разновидности метонимии аргументного (а точнее, квазиаргументного) типа, мы уже упоминали. Они связаны с «перевешиванием» сирконстантов времени и места и их повышением в ранге:

- **признак → время, когда он реализуется:** *голодный человек → голодный год, злой человек → злое время; теплая / прохладная погода → теплый / прохладный день; тусклый свет → тусклый вечер, яркий свет → яркий день;*
- **признак → место, где он реализуется:** *голодный человек → голодный край; жаркий климат → жаркие страны; тусклый свет → тусклый коридор.*

К метонимии времени и места примыкает «причинная» метонимия, в которой исходным является признак состояния, а производным — признак его непосредственного каузатора, который, как и время и место, повышается в аргументную позицию:

- **признак состояния → признак его каузатора:** *радостный, грустный человек → радостная музыка / слова / событие; здоровый человек → здоровая пища; пьяный человек → пьяный напиток, ср. также: благородный господин → благородная кровь / происхождение.*

Среди наших примеров встретилось несколько случаев, которые можно было бы квалифицировать и как квазиаргументный переход к некой результативной, или имплицативной по отношению к исходному состоянию ситуации. Важно, однако, что этот результат не является, как в глаголе, обязательной (завершающей) частью исходной ситуации (а значит, не может интерпретироваться по типу *end-point*), ср.:

- **признак состояния → признак его результата / следствия:** *голодный человек / кошка → голодный обморок / мяуканье; пьяный человек → пьяная драка; тусклая краска → тусклая печать.*

Суммируя сказанное, обратим внимание, что в засвидетельствованных в нашем материале случаях квазиаргументной метони-

мии задействованы не любые сирконстанты, а совершенно определенные, наиболее тесно связанные с исходным признаком — так сказать, когнитивно значимые для него: время, место, причина и следствие / результат. Именно они оказываются, согласно классическому определению, *смежными* с ним — в той же мере, в которой «смежными» с предикатной ситуацией язык признает ее аргументы. Это обстоятельство, конечно, наводит на размышления — о природе аргументного отношения, противопоставлении актантов и сирконстантов и нежесткой, с точки зрения самого языка, границе между ними ¹⁶.

До сих пор мы говорили об адъективных аналогах аргументной метонимии. Теперь обсудим случаи, которые могут квалифицироваться как аналоги результативной, или *end-point*, метонимии в прилагательных. В нашем материале их три, они все совершенно разные с точки зрения, так сказать, «семантической техники», и ни один, как мы уже говорили выше, не подходит под «канонический» — глагольный — переход этого типа, но вместе с тем каждый имеет с ним нечто общее.

— **Свойство / состояние → проявление свойства (состояния):** *веселый человек → веселый смех; острое рагу → острый вкус / запах; тонкое вино → тонкий вкус / аромат; горький / сладкий / кислый / тухлый фрукт → горький / сладкий / кислый вкус / тухлый запах.*

Этот тип семантического сдвига близок результативной метонимии тем, что проявление свойства является своего рода результатом, а более точно — следствием этого свойства.

— **Размер → дистанция:** *высокое дерево → высокий потолок (= ‘на большой высоте’); глубокая яма → глубокие корни (= ‘на большой глубине’).*

Данный сдвиг, как и в прототипическом случае *end-point* метонимия, построен на базе движения — но не физического движения, а движения взгляда наблюдателя, в исходной ситуации «измеряющего» высоту или глубину — соответственно, снизу вверх

¹⁶ Ср. выше сноску 6; см. также Введение, раздел 3.1, и Главу 1 Части III.

или сверху вниз (см. подробнее Рахилина 2000а/2008: Глава II, § 2). В результате взгляд «упирается» в конечную точку — она и есть «результат», или «конечный пункт» такого движения, на который метонимически переносится признак, измеряя дистанцию, т. е. расстояние от точки отсчета до того предмета, который в этой точке находится (ср. также Часть II, § 2 в Главе 3). Важно, что в русском дистанция возможна только для *высокий* и *глубокий* — ни *низкий* или *мелкий*, ни *широкий* / *узкий*, ни *длинный* / *короткий*, ни *толстый* / *тонкий*, ни *большой* / *маленький* не имеют нужной дейктической составляющей в процедуре измерения, и поэтому не допускают такого метонимического переноса.

Однако похожий на этот перенос возможен с некоторыми временными прилагательными, ср. *старые дубы* (= ‘имеющие большой возраст’) → *старые монеты* — в значении: ‘давно сделанные’, ‘отстоящие от современных на большую временную дистанцию’; иначе говоря, *старинные*, ср. здесь *глубинные бомбы* (= ‘действующие на большой глубине’).

— **Сдвиг сферы действия (физическое → нефизическое свойство лица):** *крепкий человек* → *крепкий хозяйственник*; *старая женщина* → *старый дипломат* (= ‘опытный’) и под.

Как мы уже говорили в разделе 3.1., в случаях такого рода происходит сдвиг сферы действия с нефункционального (обычно связанного с физическими свойствами лица) на функциональный компонент значения, который составляет рему семантического представления имен профессий, занятий и под. — точно так же, как результат представляет собой рему семантического представления процесса, а конечный пункт — рему фрейма поступательного движения. В этом можно усматривать общность данного сдвига адъективных значений с *end-point* метонимией.

Таким образом, мы установили, что метонимические переносы прилагательных можно разделить на две группы — группу аналогов аргументной метонимии и группу аналогов результативной.

В первую входит переход «часть → целое» (переход «целое → часть», как мы установили, встречается значительно реже; соответствующие примеры практически всегда могут быть проинтерпретированы иначе) и ряд «сирконстантных» переходов, а именно:

- признак → время, когда он реализуется
- признак → место, где он реализуется
- признак состояния → признак его каузатора
- признак состояния → признак его результата / следствия

Вторая группа аналогов семантически более гетерогенна, она объединяет следующие переходы:

- свойство → проявление свойства
- размер → дистанция
- сдвиг сферы действия.

3.2.4. «Неканоническая» метонимия: транскатегориальные переходы

Особого упоминания заслуживает метонимия, которую мы, вслед за Radden, Kövecses 1999, называем *транскатегориальной* [ТС meton] и которая семантически связывает между собой разные части речи в единый фрейм, ср.: зло [наречие] *посмотреть* → злой [прилагательное] *взгляд*; мягкий [прилагательное] *человек* → мягко [наречие] *упрекнул* → мягкий [прилагательное] *упрек* и под. Русская традиция обычно не считает такие отношения метонимическими, потому что не усматривает здесь полисемии — ведь в русском языке этот переход возникает не между употреблениями одного и того же слова, а между разными словами (заметим, однако, что в книге Кустова 2004 многозначность прилагательных, наречий и категорий состояния рассматривается во взаимодействии, см. в частности, с. 312). С типологической точки зрения, эта трактовка не так уж бесспорна: есть много языков, где переход из одной части речи в другую — скажем, из наречия в прилагательное или даже из существительного в глагол — морфологически не маркирован, а значит, в этих языках он подпадает под классическое определение метонимии. С этой точки зрения и русские примеры того же рода можно было бы считать метонимиями — пусть особыми, непрототипическими, «неканоническими» — транскатегориальными.

Кстати, в пользу этого решения говорит и практика традиционных русских словарей, объединяющих прилагательные и наречия (а часто и предикативы) в одной словарной статье. И дейст-

вительно, *мягкий упрек* естественно связывать не с *мягкая подушка* или *мягкий характер*, а с *мягко упрекнул*. Аналогичным образом, *тугая клавиша* наиболее тесно соотносится с *туго нажиматься*. То же и для адвербиальных употреблений: если сочетание наречия с глаголом обозначает проявление свойства человека (ср. *строго сказать*, *щедро одарить*), то такие употребления логично считать производными от соответствующих атрибутивных конструкций, в которых реализуется значение 'свойство человека' (ср. *строгий начальник*, *щедрый меценат*). В принципе, при транскатегориальных переходах происходят сдвиги всех возможных типов, — кроме тех, где конечным значением является категория состояния: согласимся с Г. И. Кустовой (2004), что категория состояния, обычно характеризующая имя лица, непроеводна. Таким образом, встречаются переходы:

- наречие → прилагательное: *слабо завязать* → *слабый узел*;
сильно дуть → *сильный порыв*,
- прилагательное → наречие: *верный слуга* → *верно служить*; *короткая веревка* → *коротко обрезать*,
- категория состояния → наречие: *(мне) грустно* → *грустно звучать*,
- категория состояния → прилагательное *(мне) любопытно* → *любопытный человек*, *мягко* → *мягкий стул*.

В то же время, направление в транскатегориальных переходах не всегда легко определить, ср. пары: *густой слой* VS. *густо намазать*; *густой лес* VS. *густо расти*; *устойчивый стол* VS. *устойчиво стоять* и др. — впрочем, для метонимических пар, представляющих сдвиги внутри единого фрейма, направление во все не так важно, как для метафор: важно само установление метонимического отношения, которое позволяет связать друг с другом отдельные значения, в данном случае, разных частей речи.

§ 4. Метафора и метонимия в действии: семантические сети

Последовательно восстанавливая все типы отношений в парах значений прилагательных, а также наречий и предикативов — и метафорические, и метонимические — можно, с учетом транскатегориальной метонимии, строить последовательные цепочки пе-

реходов, «покрывая» такой семантической сетью весь качественный признак целиком. На Схеме 2 в качестве примера приведена семантическая сеть для прилагательного *ласковый*:

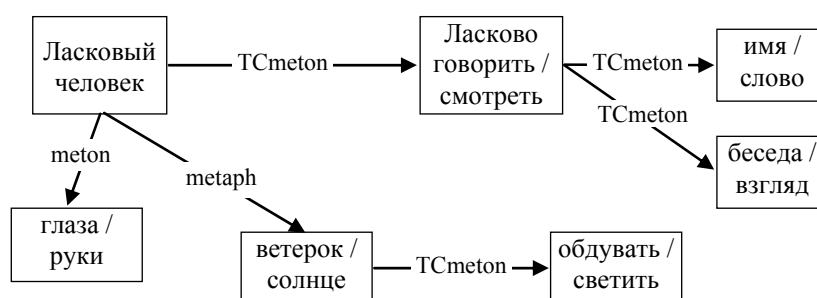

Схема 1. *Ласковый*: семантическая сеть

На схеме видно, что исходное значение этого прилагательного, называющее, говоря в терминах семантической разметки, принятой в НКРЯ, нефизическое свойство лица (ср. *ласковый человек*), метонимически применяется к частям тела (*ласковые глаза, руки*) и метафорически — к тем природным объектам, которые могут уподобляться человеку (*ласковый ветерок, солнце*); последние порождают возможность транскатегориальной метонимии: наречие *ласково* употребляется при глаголах, описывающих ситуацию, в которой они задействованы (*ласково обдувать, светить*)¹⁷. Собственный «транскатегориальный потенциал» использует и исходное значение этого прилагательного: он реализу-

¹⁷ Как уже отмечалось в разделе 3.1, что при одушевлении существительного практически не происходит смены адъективного таксономического класса — можно считать, что в таких контекстах прилагательное остается в рамках исходного нефизического свойства, и тогда не признавать этот переход метафорическим: раз ветерок уже уподоблен человеку, то и свойства у него по-настоящему, а не метафорически человеческие. Понимая правомерность такого решения (оно подробно обсуждалось нами на материале метафор глаголов плавания в Рахилина 2007b: 87, см. также Розина 2005: 166), мы тем не менее, для упрощения конструкции базы данных атрибутивной лексики, условно приравнивали случаи, когда сдвиг происходит в существительном (ср. одушевление) с теми, где сдвиг касается прилагательного (адъективная метафора).

ется в тех употреблениях наречия *ласково*, которые описывают действия ласкового человека (*ласково говорить, смотреть*). В свою очередь, эти наречные употребления транскатегориально (метонимически) «передают» этот признак прилагательным, которые характеризуют отглагольные имена типа S_0 ; как и глаголы, они описывают ситуацию в целом (ср. *говорить, смотреть VS. беседа, взгляд*). Другой, тоже стандартный, транскатегориальный перенос значения наречия — на признак объекта (ср.: *ласково говорить* → *ласковые слова*).

Исследуя подобного рода сети, можно решать задачи сразу нескольких типов.

Во-первых, опираясь на такой детальный формат описания качественных признаков, можно сравнивать данные русского с другими языками в рамках лексической типологии, т. е. продолжать и развивать ту работу, которая уже много лет ведется на славянском материале (см. Толстой 1963, 1966; Толстая 2008).

Во-вторых, можно устанавливать семантические взаимозависимости между отдельными значениями, определяя связь отдельных переходов друг с другом для каждого языка и получая возможность предсказывать внутриязыковые параметры сети: сети позволяют выявлять различные закономерности в устройстве деривационных моделей адъективной лексики. Примером здесь может служить, например, вот такая задача: известно, что оценочные слова, в том числе и признаковые, легко меняют значение оценки с положительного на отрицательное, ср.: *хороший мальчик* → *хорош гусь!* Естественной базой для такого сдвига являются иронические употребления. Возможны ли переходы признаковых слов в обратном направлении, т. е. от отрицательной оценки — к положительной? (Заметим, что база для такого сдвига неясна). Наш материал пока дает на этот вопрос отрицательный ответ.

И наконец, можно поставить вопрос, который непосредственно связан с темой этой главы:

- бывают ли такие переходы, которые предсказать невозможно, или:
- есть ли сдвиги, *отклоняющиеся* от стандартных моделей семантических преобразований?

Материал прилагательных показывает, что такие сдвиги есть, причем двух разных типов.

Первый класс случаев представляют переходы, обусловленные внешними по отношению к современной лексической системе факторами: это могут быть заимствования или кальки, а также устаревшие употребления — в том числе фразеологизованные конструкции. Ясный пример иноязычного заимствования (в данном случае, из английского) представляет прилагательное *реальный*, ср.: *я реально не понимаю* и *I really don't understand*.

«Классическое» значение этого прилагательного, т. е. то, которое реализуется в примерах XIX—XX века, можно перифразировать как ‘в реальной действительности’; оно противопоставлено, так сказать, другим мирам (фантастическому, воображаемому и прочим) и синонимично не-дискурсивному сочетанию *в действительности*, ср. пример из НКРЯ:

- (3) *Ну и страдают, конечно, но... все же зато живут, живут реально* (= в действительности), *не фантастически; ибо страдание-то и есть жизнь*. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)].

«Новое» значение этого прилагательного фиксируется по корпусу начиная с 90-х годов XX века, это дискурсивное значение, превращающее наречие в частицу с усилительным компонентом, и оно синонимично *вправду, и в самом деле, действительно* (в непротивопоставительном употреблении) и под.:

- (4) *Это отчасти соответствовало действительности, равно как и то, что пьяные колхозники реально не могли собрать никакой урожай, особенно богатый*. [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)].

Пример устаревшего малопродуктивного «осколка» старой системы значений, «застрявшего» среди новых употреблений, по-видимому, представляют сочетания *злой чеснок, горчица, хрен*. Косвенным свидетельством этого является их локальность, отсутствие стандартной связи (метонимической, метафорической, транскатегориальной) с другими значениями (как *злая собака*) и одновременно отсутствие ясного семантического класса, который бы они представляли, ср. запреты типа: **злой холодец, суп, соус, майонез* и др. под.

Между тем исторически семантика *злой* восходит к общему значению отрицательной оценки, ср. фольклорные *злая доля*, *кручина* и под. Это значение объединяло все другие и претерпевало некоторые сдвиги в разных лексических группах — например, в контексте имен лиц оно имело, как и теперь, значение специфического человеческого нефизического свойства, а в контексте неодушевленных объектов, так или иначе связанных с человеком, по-видимому, могло трансформироваться в идею слишком агрессивного нежелательного воздействия на человека. Подтверждением этому может служить пример из СДРЯ *злой смрад* — в ту же группу, видимо, относились тогда *чеснок*, *хрен* и *горчица*. В современном русском языке эта система значений *злой* разрушена, потому что обще-отрицательное значение ушло, оставив человеческое свойство как основное.

И заимствования, и устаревшие употребления — это не просто нестандартные, но и **несистемные** случаи, по-видимому, культурно обусловленные и слабо релевантные типологически — потому что фактически они ведут себя как лексикализованные фраземы, которые, как показано в Dobrovol'skij, Piirainen (2005), не имеют аналогов в неродственных языках. Для нашего исследования они неинтересны — наоборот, интерес представляет второй класс случаев: нестандартные сдвиги, которые тем не менее обусловлены действием продуктивных механизмов. Они многочисленны и свойственны частотным лексемам — и в то же время механика таких переходов не укладывается в описанные выше схемы метафорических и метонимических переносов. Их общее свойство в том, что «семантическая дистанция» между исходным и конечным значением признакового слова в них гораздо значительнее, чем обычно: вместо метафоры или метонимии происходит настоящая перестройка значения прилагательного, которую, используя английский коммерческий термин обновления товарного знака, мы назвали **ребрендингом** (*rebranding*). В следующем параграфе мы подробно опишем механизм и свойства ребрендинга в прилагательных и наречиях.

§ 5. Ребрендинг

Для начала рассмотрим несколько примеров — а именно, фрагменты сетей для следующих прилагательных: *грубый*, *дикий*, *активный*, *дружный*, *богатый*, *здоровый*, *густой*, *бледный*, *противный*, *редкий* (соответственно, разделы 5.1—5.10).

5.1. Грубый

В одном из своих значений прилагательное *грубый* выражает свойство, характеризующее внешнее поведение резкого, агрессивного человека:

- (5) *⟨...⟩ И рассказал некстати анекдот про Сократа и **грубо**-го человека, оскорбившего Сократа на улице.* [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].

В принципе, это значение восходит к свойству неодушевленных объектов — прежде всего плохо обработанных, неочищенных поверхностей — но для данного сюжета нам это неважно, и мы опустим соответствующий фрагмент сети: нам будет интересно лишь то, как это значение развивается в дальнейшем. Значимый для нас шаг развития дает транскатегориальная метонимия: характеристика человека переносится на характеристику действий такого человека, т. е. на наречие, ср.: ***грубо** разговаривать, вести себя, оскорблять* и др. Вполне предсказуемо, что в конструкции с таким «агрессивным» наречием выступают глаголы, относящиеся к классу агентивных, ср.:

- (6) *Сидевший за рулем парень **грубо** выругался, но больше ничего не спрашивал.* [Андрей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]

Напротив, сочетаемость с глаголами неконтролируемых, пациентных ситуаций для *грубо* в основном невозможна, ср.: **грубо чихает / падает / умирает*. Но в отдельных случаях данное ограничение неожиданно нарушается, ср.: *грубо ошибся, грубо нарушил правила*, а также (транскатегориально) *грубая ошибка, грубое нарушение, грубый промах*. Этот «сбой» в контекстных ограничениях сопровождается заметной сменой значения признака: с одной стороны, пропадает семантика поведенческой реакции человека, а с другой — появляется совершенно новый смысл ‘высокая степень’, так что *грубая ошибка* значит ‘значительная, серьезная, большая ошибка’. Как видим, с прилагательным *грубый* случилось как раз то, о чем мы говорили: мена сочетаемости, которой сопутствует существенное изменение значения, «удалившее» результирующую семантику прилагательного на столь значитель-

ное расстояние от исходного, что оно не покрывается ни метафорой, ни метонимией. Произошла полная «смена имиджа» исходного признака — т. е. ребрендинг.

5.2. Дикий

Другой пример того же рода демонстрирует прилагательное *дикий* (см. схему 3). Его исходное значение характеризует объекты растительного и животного мира, находящиеся в первобытном, природном состоянии, ср. *дикая кошка / птица / яблоко*, ср. также:

- (7) *Дикие кабаны с поросятами подняли невероятный визг.*
[Василь Быков. Лесное счастье (1985—1995)]

Транскатегориально <1> это значение может переноситься на характеристику действий или процессов, свойственных таким объектам, т. е. на наречия (*дико расти / смотреть / озиаться*) и на проявление или результат этих действий <2> (*дикий взгляд / крик*). Соответственно, характеристика животного может быть метафорически применена к человеку, поведение которого сравнивается с поведением дикого зверя <3>, ср. в примерах из НКРЯ *толпа диких людей* (Л. Вертинская), *дикий взгляд старика* (Ч. Айтматов), *дикий крик дикого существа* (В. Голованов) и др. Ср. также: *Дикие люди: совсем не пользуются интернетом!*¹⁸

Понятно, что, как и *грубо*, наречие *дико* употребляется с агентивными глаголами и в обычном случае не встречается с пассивными, ср.: *дико смотреть*, но **дико видеть* или **дико обнаружить*. Однако в ряде особых сочетаний, таких как *дико испугаться, обрадоваться, дико переживать, дико огорчиться*, а также *дикий страх, радость* и под. это ограничение пропадает в результате резкой смены семантики признака — в нашей терминологии, ребрендинга <4>, ср.:

¹⁸ Любопытно было бы проследить, как развилось это значение в русском языке. В этом отношении интересны примеры XIX века (по НКРЯ) из Ф. М. Достоевского, признанного новатора в области лексики и конструкций, в которых употреблена форма категории состояния *дико* в значении 'странно, удивительно': *вам дико, что я так говорю? — улыбнулся он бледной улыбкой.* [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)].

- (8) *Переступив порог, Гена сразу же почувал, что место его занято. Он **дико** огорчился, но не удивился.* <...> [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8—9, 2000]
- (9) *Она вспомнила **дикий страх**, заставивший ее бежать из «Астории».* [Марианна Баконина. Девять граммов пластика (2000)]

Обратим внимание, что новое значение признака никак не связано со свойствами дикого животного или человека и его буйным природным нравом — какая бы то ни была смежность или сходство семантики с исходным доменом здесь отсутствуют. Но вместо исчезнувшей старой семантики переход, который мы назвали ребрендингом, привносит новую: как и в предыдущем случае, это интенсивность и высокая степень, ведь *дикий страх* — это не страх, который испытывает дикое животное или уподобленный ему человек, а просто **очень сильный** страх.

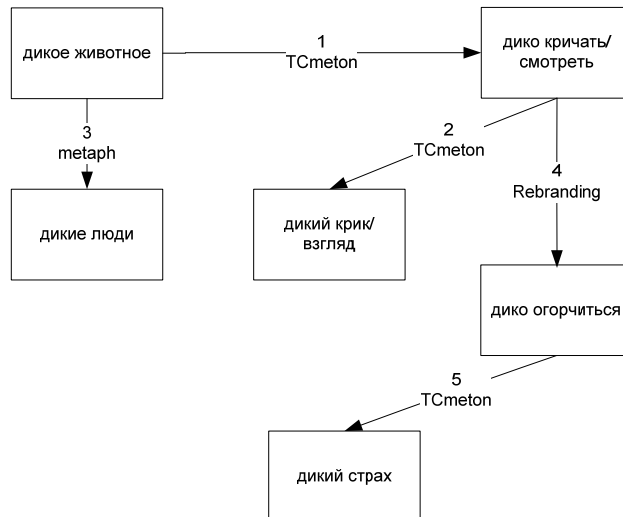

Схема 3. Дикий: семантическая сеть (фрагмент)

5.3. Активный

Еще один похожий пример — прилагательное *активный*. Его главное значение, согласно МАС, — ‘деятельный, энергичный’ — применимо к именам лиц (ср. здесь *активный человек / участник / сторонник*) и, транскатегориально, к их действиям: *активно действовать / обсуждать / участвовать ...*, но не состояниям: **активно знать / находиться* и под. Как и в предыдущих случаях, «правильные» конструкции с *активный* моделируют *агентивную* сочетаемость. Но в последние годы, в особенности в разговорном языке и сленге, хотя и не только, эта норма очень часто нарушается, поэтому в НКРЯ встречаются такие сочетания, как: *активно ненавидит, активно не нравится, активно перестали работать* и др. Ср. здесь следующие примеры из газетного корпуса:

- (10) *Мейерхольд был единственным из великих режиссеров, активно не нравились мне до сих пор.*
- (11) *Россияне очень активно перестали работать и, соответственно, покупать наши акции.*

Таким образом, в современных текстах равно допустимыми оказываются и *активно протестовать*, предполагающее деятельность, и *активно саботировать*, какую бы то ни было деятельность отрицающее. Зная ситуацию с *грубый* и *дикий*, легко увидеть, что в настоящее время в структуре значений *активный* происходит изменение, связанное с появлением нового «узла», — ‘высокая степень’, и этот сдвиг происходит не по стандартным правилам, а благодаря ребрендингу.

Между тем, как свидетельствует наш материал, результатом ребрендинга прилагательного может быть не одно только значение высокой степени признака — и это покажет следующий пример, прилагательное *дружный*.

5.4. Дружный

Исходно *дружный* характеризует людей, связанных, как определяет МАС, «взаимным согласием» (которое получает в русском языке положительную оценку): *дружный коллектив, семья*. Транскатегориальный метонимический перенос <1> дает сочетаемость соответствующего наречия с глаголами, описывающими

(сознательно) согласованные социальные действия, успех и положительная оценка которых обеспечены именно этой согласованностью — как если бы она была проявлением дружбы, ср.: *дружбно играть, жить, держаться за руки, работать, грести, браться за дело...* Любопытно, однако, что *дружбно* обнаруживается и в конструкциях с глаголами совершенно иной природы ⟨2⟩ — это неконтролируемые ситуации — прежде всего, эмоциональные состояния и их проявления, ср.: *дружбно радоваться, расстраиваться, ненавидеть, ахать, вздыхать*, ср. также из НКРЯ: *дружбно вступили в половозрелый возраст* (С. Каледин), *дружбно гибнут под какой-нибудь лавиной* (С. Данилюк), *дружбно завалили экзамены в университет* (В. Астафьев)¹⁹ и др., а также предикаты с отчетливой отрицательной оценкой — *воровать, врать* и под., ср.:

(12) *Когда их спрашивали, куда они идут, мужики дружбно ввали: «На поле»* (Интернет)

Видно, что сочетаемостный сдвиг происходит здесь в тесной связи с изменившейся семантикой: идея дружеских отношений исчезает, и на ее месте возникает другое значение: уже не интенсивность, а *одновременность* событий. Заметим, что это значение «безразлично» и к степени контролируемости предикатов, но и к их оценке. В свою очередь, именно это «безразличие» лишает нас возможности классифицировать такой сдвиг как стандартную метонимию или метафору: в результирующей ситуации не остается ни смежности, ни сходства с исходной (см. Схему 4 на с. 434).

5.5. Богатый

Прилагательное *богатый* дает нам интересный пример «двойного» ребрендинга и заслуживает подробного анализа. Исходно оно означает свойство человека или лиц, обладающих большим

¹⁹ Обратим внимание, что такого рода употребления — с неконтролируемыми предикатами при *дружбно* — встречаются и в начале XX, и в XIX веке, ср.: *По-прежнему мы дружбно ненавидели нашу французскую классную даму m-lle Арно, которую мы, еще будучи «седьмушками», прозвали Пугачом за ее бессердечие и жестокость, и боготворили немецкую — Fraulein Генинг* [Л. А. Чарская. Записки институтки (1901)] *Ружья у обоих нас были сняты и дружбно висели на одном сучке: этого требовал азиатский этикет* [А. А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур (1836)].

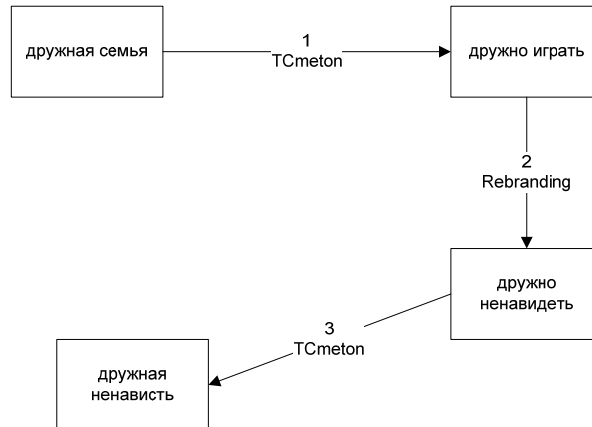

Схема 4

достатком: *богатый человек / семья / страна*. Метонимически транскатегориально это свойство переносится на наречие ⟨1⟩, которое описывает видимые проявления признака в определенных ситуациях, ср.: *богато одеваться / жить* и др. С другой стороны, свойство человека может переходить на вещь, характеризуя богатство ее внешнего вида, ср.: *богатая шаль* ⟨2⟩. Можно считать, что это перенос по смежности, т. е. метонимия (‘шаль, которую может носить богатая дама’), а можно — что по сходству (метафора одушевления): как если бы шаль была богата отделкой, как человек — деньгами. И в том, и в другом случае речь идет о таком семантическом сдвиге, который явным образом следует каноническим правилам и механизмам и хотя бы отчасти сохраняет исходное значение. Однако среди значений этого прилагательного есть и такие, которые практически полностью теряют связь с идеей достатка и материальных ценностей, ср., например, *богатый урожай / улов* ⟨3⟩. Здесь значение прилагательного, скорее, характеризует большое **количество** элементов множества: *богатый улов мидий, богатый урожай яблок*. Ср. то же значение в краткой форме в предикативной конструкции ‘X богат Y-ом’ *край богат садами* = ‘в краю много садов’:

- (13) *Россия была богата песней, Курские края — особенно.*
 [Станислав Золотцев. Духовный подвиг исполина (2004) // «Наш современник», 2004.06.15]

Следующий сдвиг — тоже по типу ребрендинга — можно рассматривать как разновидность значения ‘большое количество’, связанную с качественным разнообразием элементов множества, ср. <4>: *богатая палитра* — ‘палитра, содержащая не просто много цветов, но разнообразные цвета’, *богатый голос* — ‘голос, насыщенный разными оттенками’, ср. также: *богатый опыт*, *выбор*, *набор*, *фантазия* и др., ср.:

- (14) Традиционно **богат** *выбор* сцелений, *коробок передач* и *редукторов*. [Николай Мордовцев. Звезда конкурса (2004) // «За рулем», 2004.03.15]²⁰.

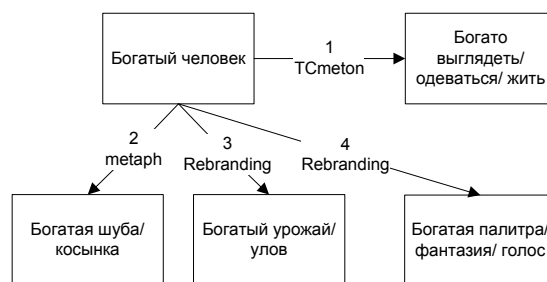

Схема 5. *Богатый*: семантическая сеть (фрагмент)

Следующие два ребрендинга на материале признаков имен *здоровый* и *густой* иллюстрируют нестандартную возможность прилагательного приобретать значение размера — причем тоже, если сравнивать с каноническими «техниками» переходов, довольно неожиданно.

5.6. *Здоровый*

Сначала посмотрим на прилагательное *здоровый* (схема 6): исходно оно характеризует людей и животных и, метонимически,

²⁰ Ср. здесь метафорические сдвиги в генерических прилагательных размера *большой* / *маленький*: *большой (маленький) дом* <размер> → *улов* <количество> → *выбор* <разнообразие>; однако в значении ‘разнообразный’ невозможно ни *большая фантазия*, ни *большая палитра*, ни *большой голос*, ни *большой опыт* и под.

Обратим также внимание на то, что связь идеи большого количества с качественным разнообразием прослеживается и на другом лексическом материале — ср. Главу 2 этой части книги.

их части тела: *здоровый человек / нес / сердце*. Следующая стадия метонимии ⟨1⟩ — когда это свойство переносится на внешнее проявление признака: *здоровый вид / румянец* (= ‘свойственные здоровому человеку’), а также на причину такого состояния, т. е. то, что делает человека здоровым ⟨2⟩ — *здоровое питание / образ жизни* и пр., ср. из НКРЯ: *неудобно здоровому человеку брать бюллетень* (Л. Улицкая), *розовые щеки — здоровый вид* (Э. Лимонов), *там сухой и здоровый воздух* (С. Аксаков). Метафорически ⟨3⟩ так же можно говорить об абстрактных сущностях, причиняющих благо, т. е. как бы оздоравливающих: *здоровая критика / идея*, ср.:

- (15) *Простые, ясные, великодушные и здоровые идеи будут уже не в моде: понадобится что-нибудь гораздо поскоромнее; понадобится искусственность страстей.* [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876)]

Но наш исследовательский взгляд приковывают не эти, «классические», случаи, а пары типа *здоровый мужик / палка / кулак / дом* и др. ⟨4⟩, которые:

- напрямую не связаны с идеей здоровья,
- представляют сочетания с неодушевленными предметами, как *дом, палка* и др. (а не только с живыми существами и частями тела),
- и при этом обозначают размер:

- (16) *Антон бросил ей здоровый кусок мяса, и та, благодарно урча, принялась за него.* [Лев Дворецкий. Шакалы (2000)]

Существенно, что в системе семантических сдвигов данного прилагательного, помимо ребрендинга со значением размера, представлена и та его разновидность, которая дает значение интенсивности ⟨5⟩. Она проявляется, с одной стороны, в теперь уже устаревших сочетаниях с абстрактной и отпредикатной лексикой, ср. *здоровый мороз / жара / головомойка / трепка*:

- (17) — *А холодно на дворе?* — спросил Делесов. — **Мороз здоровый**, Дмитрий Иванович, — отвечал Захар. [Л. Толстой, Альберт.]

- (18) *Стоит здоровая жара, даже противно. Пойду рыскать по городу за книгами (учебниками).* [Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940 (1940)]²¹,

а с другой — в широко употребительных адвербиальных конструкциях (б) с нерегулярно образованным наречием *здорово* (с переносом ударения) при агентивных глаголах, обозначающих звук (*здорово* [= ‘сильно’] *бабахнуть* / *стрельнуть* и др.), физических глаголах (*здорово стукнуть(ся)* / *ударить(ся)* и др.), глаголах эмоциональной (*здорово удивиться* / *расстроиться* / *напугать* и др.) и психической сферы (*здорово накуролесить* / *набедокурить* / *повеселиться* и др.), ср., например:

- (19) *Она наблюдала за сценой у подъезда и, похоже, здорово психовала.* [Виктор Мясников. Водка (2000)].

Многие из таких сочетаний, особенно с позитивно окрашенными глаголами, сохраняют положительную оценку, свойственную исходному *здоровый*, как в *здорово повеселиться*. В особенности это касается изолированного употребления предикатива *здорово!*, значение которого, не имеющее сферы действия для интенсификатора, сводится исключительно к этой оценке:

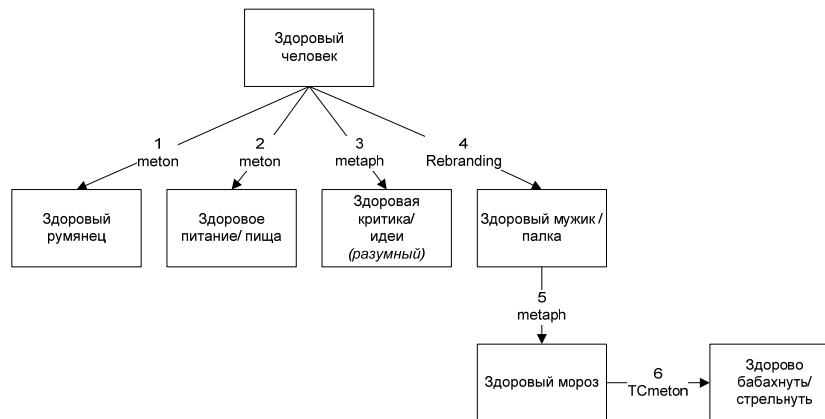
- (20) — *Здорово!* — сказала Белка, когда сели на крыльце пить чай. — *Так мы ещё никогда не играли!* [Сергей Козлов. Кит // «Мурзилка», № 6, 2003]²².

Обратим внимание, что механизм образования этого последнего значения, который мы только что описали, несмотря на свою полную когнитивную прозрачность, никак не похож ни на смежность, ни на сходство. Он самым естественным образом приводит к новому этапу сочетаемости и семантической перестройки

²¹ Данные НКРЯ подтверждают, что ‘интенсивность’ как значение прилагательного *здоровый* устарело; тем не менее, для рубежа XIX—XX вв. оно несомненно еще актуально, ср. следующий замечательный пример из Дорошевича: *Инду вскочил, провел рукой по глазам, чтобы прояснить мысли и улыбнулся, несмотря на здоровую боль в боку.* [В. М. Дорошевич. Сказки и легенды (1893—1916)]. Для современного носителя языка сочетание *здоровая боль*, конечно, звучит оксюмороном.

²² Ср. также то же чисто оценочное значение в контексте неградуируемых предикатов: *здорово выступил*.

прилагательного *здоровый* и, на наш взгляд, представляет третью разновидность ребрендинга в этой лексеме²³.

5.7. Густой

Пример с *густой* (см. схему 7) — иллюстрирует переходы, когда ребрендинг, несмотря на сопровождающий его серьезный семантический и сочетаемостный сдвиг, на первый взгляд почти незаметен.

Выше, в разделе 3.2.2, мы уже обсуждали прилагательное *густой* и отмечали, что у него есть пара метонимически связанных значений, одно из которых характеризует в целом множество, совокупность или вещество как обладающее повышенной плотностью²⁴, а другое — составляющие его отдельные элементы как близко расположенные друг к другу, ср.: *густая борода / лес /*

²³ Тем более, что чисто оценочный ребрендинг очень распространен в прилагательных, ср., например, переход:

блестящий + предметное имя (*пуговица, меч, шар, пол, волосы*) — зрительная характеристика предметного объекта ($\approx$ 'цвет') → [Rebr] *блестящий* + абстрактное имя (в том числе процессуальное: организация семинара) или имя лица (*скрипач*) — положительная оценка, не связанная со зрительным эффектом.

См. также ниже, 5.11.

²⁴ Особый сорт совокупностей — разного рода сетки и решетки, также подпадающие под это значение, ср. *густая паутина, густая веревочная сеть*; эта разновидность дает свою особую метафору, ср. *густая сеть супермаркетов*.

ворс / зелень — густые волосы / деревья / ворсинки / плети ⟨плюща⟩ и под²⁵. Не будем углубляться в неясный вопрос о том, какое из них источник метонимии, а какое — ее результат: важно, что остальные значения восходят именно к этой паре.

Транскатегориально свойство элементов переносится на наречия, которые характеризуют их позицию ⟨1⟩: *густо располагаться / стоять / расти / быть заселенным / посеянным; густо идти* (ср. из НКРЯ: *густо шла колонна танков*), а также: *густо покрыт щетинками, волосками, иероглифами* и др. Свойство совокупностей и веществ применяется к более абстрактным сущностям — запах, цвет, звук: *густой аромат / мрак / тень / синева / бас / голос*, создавая эффект насыщенности ⟨3⟩, а затем, метонимически, к их возможным проявлениям ⟨4⟩, ср. по НКРЯ: *густо пахнуть, густо зеленеть, багроветь, густо бить в лицо тяжким запахом трав* (В. Шукшин), *благоухать*, а также: *звенеть / шуршать / гудеть / выть* и др.²⁶

Любопытно, что в системе значений *густой* ребрендинг возникает на самом первом шаге, т. е. «до» классической метафоры: дело в том, что в определенных ситуациях собранные вместе элементы, составляющие вещество или совокупность, создают эффект толщины, а следовательно, большого количества ⟨5⟩. Действительно, говоря, например, о густом слое масла на бутерброде, мы имеем в виду уже не физические характеристики масла — плотную консистенцию и насыщенный цвет, а размер слоя, т. е. именно его толщину, полученную за счет большого количества вещества. В прилагательном это значение представлено очень узко — фактически только в сочетании с именами *слой* и *покрытие* — и в принципе, его легко не заметить, но в наречии, в сочетании с глаголами, создающими такое покрытие, ср.: *намазать, покрыть, присыпать, припорошить, намылить, навалить* ⟨снегу⟩, *накрасить* ⟨губы⟩ и др., оно гораздо более частотно. Правда, в контексте глагола возникает уже не размерное, а, скорее, количественное значение, ср.:

²⁵ Кроме прилагательного *густой* такая многозначность свойственна слову *частый*, а также их антониму *редкий*.

²⁶ Выражения типа *густой мат* или *густая ложь* следует, видимо, считать метафорой второго порядка от веществ / совокупностей через звуки.

- (21) Курсанты стоят по стойке «смирно», не касаясь **густо** (= 'в большом количестве') **намазанными** гуталином каблуками листка белой бумаги. [Олег Селедцов. Учебка (2002)]

Но самое интересное, что это, на первый взгляд, периферийное для *густой* — *густо* значение в сочетании с отрицанием закрепляется в уже очень продуктивной форме *не густо* с идиоматичным количественным значением 'мало', ср.:

- (22) Вот, всего-навсего нагребил пятнадцать рублей! — **Не густо!** — оценила мама. [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром (1969)].

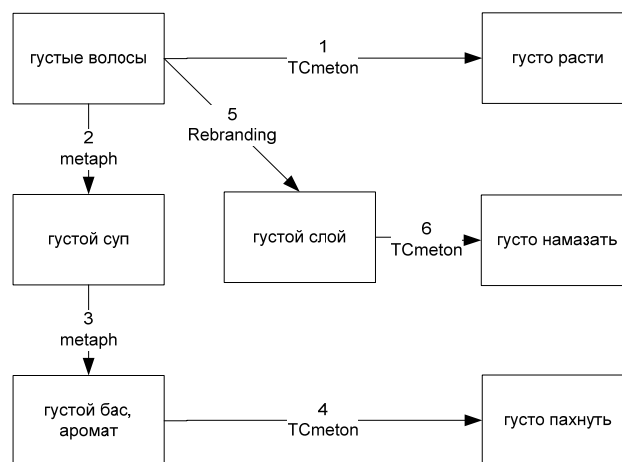

Схема 7. *Густой*: семантическая сеть (фрагмент)

5.8. Бледный

Как семантический процесс, ребрендинг — явление живое. Результаты его «работы» хорошо видны в сленговой лексике (с этой точки зрения интересно было бы проанализировать (правда, глагольный, а не адъективный) материал, представленный в книге Р. И. Розиной (2005). Собственно, прилагательное *активный* в значении 'интенсивный', о котором мы говорили в 5.3, представляет именно такой случай: его новое значение еще не вошло в общелитературный язык, оно слишком разговорно, окказиональ-

но — но вместе с тем, как мы видели, построено по общим правилам. И это не исключение. Прилагательное *бледный* тоже дает любопытный пример рождения новой семантики на базе ребрендинга. Его исходное значение представлено сочетаниями типа *бледное лицо*, *бледные щеки* и описывает очень конкретный физиологический признак ($\approx$ 'без румянца'). Метафорически этот признак может применяться к природным объектам (*бледный небосклон*) или артефактам (*бледная фотография*) в физическом, почти цветовом значении 'неяркий'. Артефакты транскатегориально «передают» этот новый признак глаголам создания объекта: *бледно напечатал* $\approx$ 'так, что цвет объекта неяркий'.

Однако в газетном корпусе НКРЯ, где собраны публицистические тексты самых последних лет, встречаются примеры, в которых значение наречия *бледно* так далеко «ушло» от своего физического, «цветового» источника, что потеряло непосредственную связь с глаголами создания объекта и выступает определением к стативным предикатам. В этих новых контекстах его значение, как и положено при ребрендинге, существенно упростилось — теперь оно выражает исключительно отрицательную оценку (X на фоне Y-а), ср.:

- (23) *Бледно* выглядят потребности украинца на фоне списка необходимой одежды и обуви, утвержденного чиновниками. [Труд-7, 2004.08.03]
- (24) Почему сборная России в последние годы столь *бледно* представляет страну? [Труд-7, 2005.10.20]
- (25) Имеющиеся персоны крайне *бледно* вели себя на телеэкране. [Новый регион 2, 2007.12.03]

5.9. Противный

В то же время, ребрендинг можно наблюдать и, так сказать, в исторической перспективе: например, для прилагательного *противный* исторически исходно значение, которое в современном русском языке выражается лексемой *противоположный*, ср. *противная* (т. е. противоположная) *сторона*, *противный ветер* (сейчас говорят: *ветер в лицо*), ср. также «осколки» этого старого значения, «задержавшиеся» в языке благодаря частотным термино-

логическим фраземам: *в противном случае* или *доказательство от противного*. Синхронное значение этого прилагательного (ср.: *противный вкус, противная баба, противная шумиха, противный дождик* и под.), которое фактически сводится к отрицательной оценке (ср. здесь *бледный*), выглядит как типичный результат ребрендинга — на этот раз исторического.

5.10. Редкий

Наш последний пример — признак *редкий* / *редко*, который демонстрирует геометрически красивую систему значений: метафоры связывают в нем пространственные и временные значения, а транскатегориальная метонимия — адъективные употребления с адвербиальными, см. схему 8.

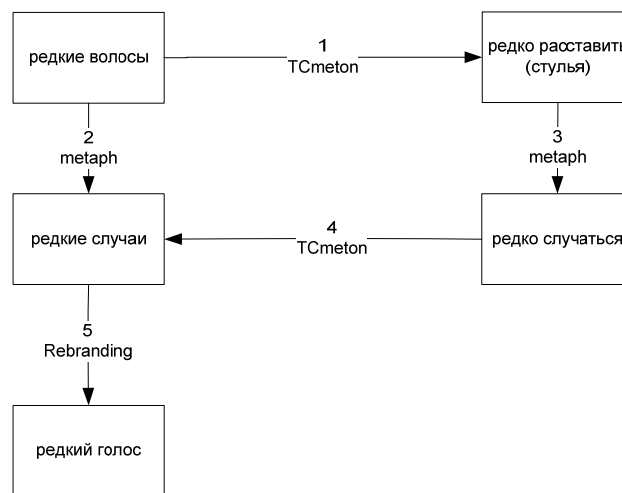

Схема 8. Редкий: семантическая сеть (фрагмент)

Точно такая же схема может быть сопоставлена его антониму *частый*, ср. схему 9 — за одним исключением: временное значение *редкий* претерпевает ребрендинг, порождая сугубо оценочное значение (*редкий голос, редкая глупость, редкий сорт роз*), а *частый* — нет (ср.: **частый голос, глупость, ??частый сорт роз* и др.)

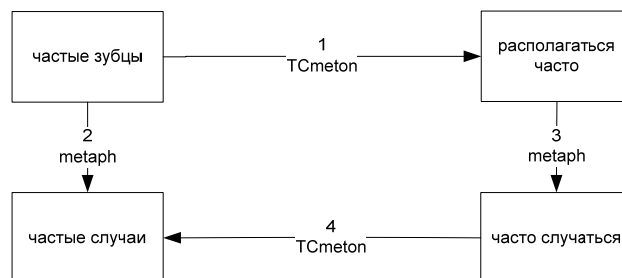

Схема 9. Частый: семантическая сеть (фрагмент)

5.11. Другие иллюстрации и типы ребрендинга

В предыдущих разделах на примере признаков слов мы подробно рассмотрели примеры на явление, которое назвали (адъективным) ребрендингом. Нам не известны лингвистические работы, в которых это явление сколько-нибудь подробно обсуждалось²⁷. Между тем, даже в нашей, в общем, небольшой, выборке прилагательных встретилось довольно много других случаев, похожих на наши примеры. Заметим, кстати, что по отношению ко всему множеству переходов, зарегистрированных в базе, они совсем не маргинальны и составляют почти 10%. При этом отчетливо выделяются целые семантические классы подобных сдвигов — по типу конечного, результирующего значения. Вот их предварительный список: ‘интенсивность’, ‘большое / малое количество’, ‘большой размер’, ‘положительная / отрицательная оценка’, ‘разнообразность / ‘неразнообразность’, а также ‘одновременность’ и ‘безальтернативность’. Без обсуждения деталей приведем здесь иллюстрации этих классов.

‘Интенсивность’: *Активно отдыхать* → *активно не любить*, ср. также: *мне это решение активно (= ‘очень’) не нравится*. Ср.

²⁷ Правда, в Кустова 2004: 336 замечено, что степень / количество / величина и оценка являются характерными значениями экспериенциальных признаков слов — таких как *страшный*, *ужасный* и под. Очевидно, что в этой работе речь идет о том самом эффекте, который мы называем адъективным ребрендингом. Однако обратим внимание, что по нашим примерам, он выходит за пределы и экспериенциальных слов, и обозначенных Г. И. Кустовой значений.

также другие качественные прилагательные, ставшие интенсификаторами в результате ребрендинга: *бешеная, безумная страсть / усталость; бешено, безумно устать; грубая ошибка / грубо ошибиться; дикий ужас / дико испугаться; жуткая сладкоежка / жутко растеряться; здоровый мороз / здорово испугаться; знатный мороз / знатно промокнуть*²⁸; *крутой мороз / круто изменить <судьбу>; острая нехватка / остро не хватать; приличный мороз / прилично замерзнуть; сумасшедшая радость; страшно удивиться / страшный восторг; ужасная сластена / ужасно обрадоваться.*

‘Большое количество’: *безумные, бешеные, сумасшедшие деньги; богатый улов; жирно будет; крутой вклад / круто зарабатывать; порядочно, прилично, солидно заплатить / порядочная, приличная, солидная зарплата.*

‘Малое количество’: *бедный урожай; жалкая зарплата; смешная порция; скромные доходы / скромно зарабатывать.*

‘Положительная оценка’: *знатные щи; знатно повеселиться*²⁹; *крутая машина / круто отдохнуть; четкий пацан / четко вести дела; редкий работник.*

‘Отрицательная оценка’: *жуткий почерк / жутко изъясняться; кривое объяснение / криво объяснять; ужасный наряд / ужасно одеваться.*

‘Большой размер’: *густой, жирный слой / густо, жирно намазать; здоровый / жирный кусок.*

‘Разнообразие’: *богатая палитра.*

²⁸ Обратим внимание, что данное значение в настоящее время утратило, а не приобрело продуктивность и встречается практически только в устаревших контекстах XIX века, ср. по НКРЯ: *А как нас знатно вымочило!* (Л. Андреев 1900)]; *Меня знатно интересует вопрос — едете ли Вы в Россию и когда и не через Баден ли.* (П. Анненков 1875—1883); *Границы не только остались в безопасности, но и знатно распространились* (архиепископ Платон (Левшин) 1775). Ср. также ниже *знатно* в оценочном значении.

²⁹ Это значение *знатно* также устарело (ср. предыдущую сноску), см. пример из НКРЯ: *Мы все здоровы и пьем вонючую воду из серно-азотистого источника от запоров, геморроев и брюшного полнокровия, с которыми он знатно воюет, так знатно, что приходится ему кричать — pas trop de zèle.* (П. Анненков 1875—1883).

‘Неразнообразие’: *бедная палитра; скромный выбор.*

‘Одновременность’: *дружное неприятие / дружно ненавидеть.*

‘Безальтернативность’: *верный друг → верная победа, гибель* (‘неизбежная’, ср. *наверняка*); ср. также: *полное ведро → полная победа* (‘окончательная’).

Видно, что одно прилагательное иногда попадает в несколько классов — и не случайно. Например, идея разнообразия (и его отсутствия) возникает у прилагательных, количественно «измеряющих» объем множества (ср. *богатый-бедный*), при именах, которые сами обозначают наборы качественно различных элементов (ср. *выбор, палитра, арсенал, возможности* и проч.). Есть связь и между большим размером и большим количеством, ср.: *жирный кусок* (‘большой’) — *тебе слишком жирно будет* (‘много’), а также интенсивностью, количеством и оценкой, ср.: *круто изменил судьбу* (‘кардинально’) — *круто зарабатывает* (‘много’) — *круто отдохнул* (‘хорошо’). Пока материал не полон, мы отложим обсуждение системных связей между разными значениями — в то же время, его объем совершенно достаточен, чтобы поговорить о механизме их возникновения.

5.12. Механизм ребрендинга: особенности

Разобранные примеры сдвигов значения по типу ребрендинга свидетельствуют, что, как семантические переходы, они принципиально отличаются от других, «канонических», происходящих с теми же прилагательными и наречиями.

В самом деле, это **не** каноническая **метонимия**, потому что в результате ребрендинга происходит очень существенная смена значения, т. е. смена таксономического класса / домена: *грубый* и *дикий* из качеств становятся показателями интенсивности, *дружный* и *богатый* из социальных характеристик превращаются, соответственно, в маркеры одновременности или количества, *здоровый* из физиологического свойства переходит в разряд размеров, *густой* переходит в тот же разряд, будучи изначально физической характеристикой множества и его элементов и под.

С другой стороны, ни один из этих примеров не может претендовать на статус метафоры: это **не** каноническая **метафора** уже потому, что исходный и конечный таксономические классы (в дру-

гой терминологии — области, домены, фреймы или ментальные пространства) слишком различны, они не совместимы в смысле Жилия Фоконье (см. 2.2). Еще раз подчеркнем, что при канонической метафоре новый таксономический класс (или реципиентная зона метафоры) всегда «наследует» сочетаемость класса-источника: инструменты начинают лингвистически «вести себя» как люди, эмоции — как вещества, организации — как отдельные индивидуумы, и т. д.. В свое время наглядно и художественно это было продемонстрировано в работе Успенский 1979 — но и на наших примерах этот эффект хорошо виден.

Скажем, достаточно окказиональная метафора с только что разобраным прилагательным *густой* — *густое вранье* — возникает из сравнения этого вида речевой деятельности или самой речи, содержащей неверные утверждения, с неким негетогенным варевом, плотным от большого числа дискретных фрагментов (которым уподоблено вранье). Поэтому в единственном примере на эту метафору, который нашелся в НКРЯ, так естественно выглядит предикат *обволакивать*, по своему прямому назначению характеризующий поведение полужидких веществ:

(26) *Густое вранье* пронизывало информационное поле, обволакивало крупницы правды (...) (А. Казинцев, 2003).

Итак, если иметь в виду «классические» правила построения метонимий и метафор, ребрендинг действительно им не следует: в качестве своего потенциального результата он «выбирает» слишком удаленный в семантическом отношении от источника домен (или таксономический класс), и к тому же не структурирует конечный фрейм по образцу исходного.

Но тогда по каким правилам он строится? На основе каких особых отношений между значением-источником и значением-результатом? На наш взгляд, семантической базой ребрендинга является **импликатура**, при которой результат семантического перехода служит следствием или выводом из исходного значения. Здесь мы следуем работе Г. И. Кустовой (1998), где на другом языковом материале (глагол *жать*) подробно обсуждалась механика имплицативного сдвига, противопоставленного «чистой» метафоре и метонимии. Чтобы прояснить эту гипотезу, вспомним еще раз наши примеры.

Исходные значения в признаковых словах *грубый-грубо* и *дикий-дико* предполагают идею активности и агрессивности (ср. *грубый мужик*, *грубо разговаривать* и *дикий зверь*, *дико смотреть*), которая «вызывает» представление об интенсивности действия и, соответственно, высокой степени признака. Отсюда и возникает значение интенсификации в примерах типа *грубая / дикая ошибка*. Точно так же, признак *дружный-дружно* в своем исходном значении подразумевает успешную кооперацию в некоторой области социальной деятельности (ср. *дружно играть*), где все участники совершают сходные и слаженные действия, — отсюда вытекает смысл одновременного выполнения действий, т. е. значение ‘одновременности’, свойственное *дружно ненавидеть* и под. Ту же логику рассуждения можно применить и к другим прилагательным. Так, из идеи физического здоровья вытекает представление о мощном, а значит, и большом теле — так имплицативно возникает значение размера у прилагательного *здоровый* в *здоровый булыжник* и др. Богатство — это значительная собственность, а собственность порождает, т. е. имплицитно, идею обилия и множественности в целом, которая проявляется как результат ребрендинга в *богатый улов*. Наконец, *густота* определяет плотность жидкости за счет высокой концентрации, т. е. большого количества в ней твердых частиц — так что и здесь идея большого количества при ребрендинге (*густой слой*, *густо намазал*) возникает «из недр» исходного признака как естественный вывод. Таким образом, во всех рассмотренных нами случаях перенос из одной концептуальной области в другую происходит на базе механизма имплицатуры — легко показать, что то же верно и по отношению к более полному списку иллюстраций ребрендинга из раздела 5.11.

Имплицативная основа сближает ребрендинг с другими языковыми явлениями. Самое очевидное сближение — это результативная (end-point) метонимия, о которой подробно говорилось в разделе 2.3: как мы помним, при таком типе метонимии лексема, описывающая действие или процесс, совмещенно описывает и его результат, ср. уже обсуждавшийся пример: *⟨Во избежание пожара⟩ он загораживает камин ширмой* (действие) ⇒ *Ширма загораживает камин* (результат). А поскольку всякий результат следует из события, данный сдвиг, вообще говоря, тоже связан с

импликацией. Однако в случае метонимии результат одновременно есть и **часть** самого события — а именно, его естественное завершение. Между тем при ребрендинге импликация устроена принципиально иначе: в этом случае результирующее импlicative значение всегда находится **вне** исходной ситуации, в совершенно другом фрейме, и никак не может быть ее частью. Следовательно, несмотря на все сходство с процессом *end-point* метонимии, ребрендинг явным образом выходит за ее рамки.

В отличие от стандартной метафоры, непосредственно проецирующей один таксономический класс на другой, ребрендинг порождает ощущение семантической удаленности производной таксономической зоны от исходной — и не только за счет имплицативности. Как мы видели, адъективный ребрендинг связан с существенными изменениями *с е м а н т и ч е с к и х* свойств исходного признака, а именно: потерей контролируемости и стативизацией, вспомним пары *дико озибался* (агентивная ситуация) VS. *дико испугался* (пациентная ситуация); *грубо сказал* VS. *грубо ошибся*, *дружно работали* VS. *дружно ненавидели*. Помимо этого, ребрендинг может сопровождаться синтаксической и морфологической перестройкой прилагательного. Действительно, возможна мена его модели управления, ср:

- *отличный от* чего-л. → *отличный парень*
- *верный кому-л.* → *верная победа*
- *легкая (для чтения) книга* → *легкий скрип*
- *блестящие от слез глаза* → *блестящее образование*,

а также сокращение парадигмы — утрата кратких форм, ср.: **кусочек здоров*, **победа верна*, **скрип легок*, или степеней сравнения, ср.: **этот скрип легче, чем тот*.

Такая «комплексная» перестройка лексемы — семантическая, синтаксическая, морфологическая — «вдобавок» к имплицатуре, безусловно, способствует ощущению ясной и даже резкой противопоставленности исходного и производного значений — источника и результата ребрендинга.

В то же время, сам переход, если смотреть на него как на историческое изменение, конечно, осуществляется не резко, а постепенно, и эту градуальность особенно легко проследить, когда такой семантический сдвиг происходит, что называется, на наших

глазах и еще не закрепился в общеязыковом узусе: тогда обнаруживаются примеры, в которых семантика исходного значения «просматривается» сквозь новое, ср.:

бледная печать — ‘неяркая’ & (следовательно) ‘плохая’: совмещение цветовой характеристики (ср. *бледное небо*) и отрицательной оценки (*бледно выглядел на фоне кого-л.*);

активное сопротивление — ‘связанное с приложением усилий’ & ‘интенсивное’: совмещение агентивной характеристики (ср. *активный человек*) и высокой степени (*активное развитие, активное неприятие*).

Такие примеры можно рассматривать как своего рода промежуточные этапы «на пути» от исходного к конечному значению, они очень характерны для ребрендинга и отличают его от классических метафор. Действительно, при метафоризации прилагательное (как, впрочем, и любая другая лексема) в заданном контексте соотносится или с зоной источника (SOURCE), или с результирующей зоной (GOAL) и не способно одновременно реализовывать оба значения, ср. пары типа *вялый цветок* → *вялый студент*: нет контекстов, в которых признак реализовывался бы одновременно и как физическое свойство предмета, и как нефизическое свойство лица. Таким образом, метафоре, в отличие от ребрендинга, градуальность не свойственна.

Суммируя особые свойства ребрендинга, можно сказать следующее. Это переход, который:

- сложным образом комбинирует свойства метафоры и end-point метонимии, хотя и не воплощает ни то, ни другое в «классическом» варианте,
- семантически опирается на импликацию,
- часто связан с потерей контролируемости и стативизацией, т. е. семантической перестройкой значения,
- «склонен» к морфосинтаксической перестройке (изменению модели управления и редукции парадигмы),
- и благодаря этим свойствам производит впечатление резкой смены значения,
- но в то же время градуален — в том смысле, что исторически происходит постепенно, и наряду с исходным и конечным значением демонстрирует переходные промежуточные случаи сочетания свойств того и другого.

§ 6. Грамматикализация как ребрендинг

Получается, что как семантический переход, ребрендинг действительно ни на что не похож — слишком уж он радикален. И все же мы нашли ему лингвистический аналог: это процесс *грамматикализации*, т. е. переход лексического значения в грамматическое (ср. подробнее Hopper, Traugott 1993, Bybee et al. 1994, Heine, Kuteva 2002, Dahl 2004/2009 и др., а также Майсак 2005 и др.). Мы уже говорили об этом явлении в целом в Главе 2 в связи с лексической множественностью. Здесь мы рассмотрим его механизм более подробно.

Хрестоматийной иллюстрацией грамматикализации является форма прогрессива от английского глагола движения *go* (*going* <*to*>, ср. *I'm going to Australia* 'я еду в Австралию'), которая получает значение намерения (ср. *I'm going to sleep* 'я иду спать'). На этом примере отчетливо видны все те изменения, которые свойственны такого рода сдвигам. Рассмотрим их последовательно, в параллели с ребрендингом.

1. Прежде всего, как известно, при грамматикализации лексемы происходит **нарушение** исходных **сочетаемостных ограничений**. Так, если в значении движения 'цель' при *go* является пространственной локализацией и выражается именем с локативной семантикой, то в значении намерения 'целью' служит некоторая ситуация, которая выражается инфинитивом. Вспомним, что и при ребрендинге каждый раз происходил существенный «сбой» в сочетаемости.

2. Одновременно с изменением в сочетаемости, и при грамматикализации, и при ребрендинге утрачивается часть исходной семантики — для этого процесса обычно используется термин *bleaching* «выветривание» — и возникает кардинально новое значение. При грамматикализации результирующий смысл входит в Универсальный грамматический набор (Плунгян 2000: Глава 4, § 2), как 'намерение' (в: *I'm going to sleep*), которое является разновидностью модальности.

Любопытно, что признаки, которые получены в ходе ребрендинга прилагательных и наречий, представляют значения, чрезвычайно близкие по своей семантике Универсальному грамматическому набору, ср.: 'интенсивность', 'одновременность', 'оцен-

ка', 'большое / малое количество', 'большой размер' и др. Надо сказать, что это не обязательное свойство ребрендинга — но, по-видимому, характерное для адъективной зоны качественных признаков. Между тем переходы такого типа встречаются во всех частях речи — и здесь показателен глагольный ребрендинг (о нем пойдет речь в следующей Главе), при котором результирующее значение остается сугубо лексическим³⁰. Однако даже если результат семантического сдвига попадает в грамматическую зону, как при адъективном ребрендинге, неверно, что это новое значение становится в полной мере грамматическим: все-таки, и *грубо ошибся*, и *здоровый мужик*, и *богатый улов*, и *дружно ненавидеть* остаются полноценными лексемами. Важно, что во всех подобных случаях исходный смысл признака «стирается» или «выветривается» в той же степени, как и при грамматикализации.

3. Общеизвестно, что появление новой семантики при грамматикализации возникает на базе конвенционализованной имплицатуры. Так, идея намерения в *going to* следует из идеи движения к цели в *go*; конвенционализуясь, такая имплицатура реализуется в новом значении прогрессивной формы от этого глагола (точнее — в семантике конструкции с формой прогрессива). Но и ребрендинг признаков слов, как мы видели, основан на том же имплицативном механизме, так что и в этом отношении данные языковые процессы сходны.

4. Грамматикализация, как известно, связана с редукцией морфологической парадигмы и изменением конструкции — эти свойства мы тоже наблюдали при ребрендинге.

5. Наконец, теоретики указывают (см., например, Norper, Traugott 1993, Vybee et al. 1994 и др.), что процесс грамматикализации имеет градуальную природу: переход лексической формы в грамматическую происходит постепенно, имеет разные стадии, так что образование грамматического показателя и его закрепление в языковой системе — процесс длительный и далеко не во всех случаях, которые соотносятся с этим процессом, завершившийся. Если английскую конструкцию *I'm going to* можно счи-

³⁰ Ср., например, такие глагольные переходы, как: *колет иголкой* → *колет в бок*; *иду по дороге* → *платье мне идет*; *стучит по дереву* → *стучит на кого-то* и др.

тать «полноценной» грамматической формой (так что, например, по-английски можно сказать даже *I'm going to go*: возможность такого дублирования обеспечивается именно разным значением разных вхождений этого слова), то, например, русский «лексический» прогрессив, образованный конструкцией с глаголом *сидеть* — типа *сидит-пишет*, *сидит ничего не предпринимает* и под. (Вайс 2000, Майсак 2005) продвинулся по шкале грамматикализации в совсем небольшой степени. Действительно, с одной стороны, во многих контекстах исходное значение *сидеть* и в самом деле оказалось утрачено, ср. следующий пример, в котором ожидание, растянувшееся на несколько дней, не может, конечно, быть связанным с актуальным сидением — *сидеть* в этом случае лишь подчеркивает длительность ожидания:

(27) *После первого дня выступления на Олимпиаде сидим, ждем итогов.* [Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000—2001)].

С другой стороны, неверно, что во всех таких употреблениях *сидеть* семантика утрачена полностью: например, в отличие от английского *go* со свойственной ему свободой сочетаемости, русское *сидеть* не может выступать в конструкции с другими позиционными глаголами: нельзя сказать ни **сидит стоит*, ни **сидит лежит* ни тем более **сидит сидит*³¹.

Итак, грамматикализация — градуальна и постепенна. Но, возвращаясь к ребрендингу прилагательных и наречий, обратим внимание, что разные признаки «сумели» реализовать сдвиг своего значения в разной степени: некоторые (как, например, *густой*) — лишь частично, т. е. в сочетании с очень закрытым списком слов, другие (как *ужасный*, *страшный* и под.) гораздо более полно, что проявляется в их широкой сочетаемости в функции интенсификаторов.

Кроме того, как мы видели, адъективному ребрендингу свойственны промежуточные значения, комбинирующие исходное и результирующее в одном употреблении (ср. выше *бледная печать*) — что нехарактерно для классических метафор.

³¹ Заметим, что в некоторых тюркских языках, с более продвинутой грамматикализацией аналогичных конструкций, подобные сочетания вполне возможны.

Как кажется, последнему обстоятельству можно даже дать простое объяснение. Дело в том, что при метафоре исходные и конечные таксоны как бы «равновелики» друг другу: они могут только замещать один другой. Что касается адъективного ребрендинга, то его результирующее значение имеет принципиально другую семантическую природу, чем исходное, а именно, связанную со значениями из грамматического набора. Смыслы, подобные оценке, количеству, одновременности, грамматические по своей сути, легко совмещаются и сосуществуют с лексическими.

Итак, сходство грамматикализации и ребрендинга очевидно — во всех существенных отношениях — и тому, и другому процессу свойственно:

- изменение сочетаемостных свойств,
- имплицативность,
- выветривание значения,
- морфосинтаксическая перестройка и
- градуальность.

§ 7. Вместо заключения

Мы показали, что те неожиданные и нестандартные семантические сдвиги признаков слов, которые не укладываются в каноническое определение метафоры и метонимии, не являются чем-то совершенно исключительным, не имеющим аналогов в других языковых зонах. Просто они свойственны семантическим переходам, сопровождающимся более глубокой лексической перестройкой, чем метонимия или метафора. Сказанное, однако, не означает, что мы хотим представить ребрендинг прилагательных как процесс грамматикализации. Скорее, речь идет о том, что грамматикализация, со своими, как представлялось ее исследователям-грамматистам, уникальными особенностями и свойствами, является лишь частным случаем значительно более общих изменений, происходящих внутри лексической системы и проявляющихся, в частности, в зоне качественных признаков.

Эти изменения — возникновение существенного семантического сдвига внутри лексической зоны — и есть ребрендинг, который сам по себе, как мы убедились, — очень частое явление. Грамматикализация же — частный и редкий случай ребрендинга,

когда слово теряет автономность. Она оказывается возможной именно потому, что слова в процессе ребрендинга не просто меняют свой таксономический класс, но претерпевают полную структурную перестройку синтаксиса, семантики и сочетаемости. Часто в результате ребрендинга лексемы слишком «стираются» и приобретают абстрактные значения — это происходит оттого, что ребрендинг связан со *стативизацией*, т. е. возникновением имен состояний и свойств. Между тем, многие абстрактные свойства в языках мира выражаются грамматически, т. е. входят в грамматический набор — и здесь возникает очевидная связь между лексической и грамматической языковыми зонами. Получается, что слова имеют принципиальную возможность переходить в «лексические» маркеры квазиграмматических значений, причем, по-видимому, это мощный и непрерывный процесс в естественном языке. Именно его проявление мы наблюдали в предыдущей главе на материале русской системы лексической множественности: он обеспечивает существование в языке параллельных грамматическим лексическим системам значений.

Но тот же ребрендинговый механизм — в предельном случае осложненный фонетическими эффектами, такими как стяжение, смена ударения и проч. — иногда порождает и собственно грамматикализацию, обсуждение которой, конечно, выходит за рамки этой главы. Однако применительно к прилагательным любопытно задать вопрос: а возможно ли дальнейшее развитие качественных признаков — через более радикальные ступени ребрендинга, включающие декатегоризацию (см. Главу 2), — в собственно грамматическую зону?

Да — если рассматривать признаковые значения, еще более удаленные от исходных, чем те, о которых мы в основном здесь говорили. Вспомним в этой связи (см. раздел 5.7) признак со значением ‘густой’, который совершенно утвердился в количественном значении — но в более конвенционализированной форме, под отрицанием и в особой конструкции: *не густо*. Заметим, что в нашей выборке есть и другие примеры столь же далеко зашедшей конвенционализации, ср.: *больно умный, довольно способный, достаточно крупный* в значении степени, *полно грибов* в значении ‘много’, а также: *Полно! Довольно!* в прохибитивном

значении 'не нужно больше', эквивалентном значению русских императивных предикативов *хватит!* и *будет!*³².

Есть и более сложные случаи.

Признаковое слово *ровный* / *ровно* дает целых два перехода в собственно грамматическую зону. В первом случае (*ровно*₁) оно становится сравнительным союзом: *сияет цветок и серебрится, и освещает всё вокруг, **ровно** огонёк* («Трамвай», 1990), а во втором (*ровно*₂) приобретает (кстати, как и другое наречие с исходным значением качественного признака — *просто*) фокусное значение, ср. употребления типа: ***Ровно** это я и хотел сказать*).

Прилагательное *несчастный*, обычно в сочетании с указательным местоимением *этот*, т. е. в особой конструкции, выступает как своего рода показатель детерминации с дополнительным значением отрицательной оценки, ср.:

(28) *Меньше будут метаться с места на место и купят наконец этот **несчастный** велосипед.* [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

Итак, по нашему мнению, не ребрендинг представляет собой частный случай грамматикализации, а напротив, грамматикализация является подклассом ребрендинга как общего семантического перехода на базе импликатуры. В таком определении ребрендинг — очень широкий языковой процесс, который, как мы уже говорили, может происходить не только в прилагательных, но и в других семантических зонах; масштабы этого явления и области его применения еще только предстоит определить. Следующая глава этой книги предлагает читателю другую его любопытную иллюстрацию.

³² Ср. также *здоров спать*, которое понимается сразу в двух грамматических смыслах: (1) *он здоров спать* = 'он много и с удовольствием спит', (2) *Здоров спать!* = 'хватит спать'.

Глава 4

ТИПОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ: ПРЕДИКАТЫ БОЛИ

§ 1. Введение. О задаче

В этой главе, как и в Главе 2 первой части, СхГ применяется к задачам лексической типологии — но на этот раз к целой серии конструкций, которые были предметом исследования большого проекта (2006 — 2010), посвященного предикатам боли в языках мира¹. Материалом для него послужили данные свыше двадцати языков — русского, украинского, болгарского, сербского и хорватского², польского, чешского, литовского, английского, немецкого, французского, испанского, хинди, арабского, японского, китайского, агульского, грузинского, балкарского, крымско-татарского, эрзянского, эстонского и венгерского³. Достаточно подробно частные результаты нашей работы изложены — как для отдельных языков, так и в сопоставлении — в Брицын и др. (ред.) 2009, ср. также Бонч-Осмоловская и др. 2007, 2008, Bonch-Osmo-

¹ Разные аспекты этой работы были поддержаны грантом INTAS, Ref. № 05-1000008-7917 (как часть более общего международного проекта «Core vocabulary in a typological perspective: semantic shifts and form/meaning correlations», рук. М. Копчевская-Тамм) и грантом РГНФ № 06-04-91403а (рук. А. А. Бонч-Осмоловская).

В настоящее время в рамках проекта РФФИ, грант № 09-06-00364-а (рук. А. В. Костыркин) идет работа над лексико-типологической базой данных по предикатам боли. Данная глава написана при поддержке этого гранта.

² Для задач настоящего исследования различия между сербскими и хорватскими примерами, согласно данным Е. И. Якушкиной, оказались не очень существенными (см. Якушкина 2009), поэтому для удобства читателя мы объединили этот материал и приводим его под условным обозначением «сербохорватский».

³ Наша выборка постоянно растет: в настоящее время идет работа над финским, коми, корейским, дан-гуэта (см. Reznikova et al. in press).

lovskaya et al. 2009, Reznikova et al. in press. Здесь мы сосредоточимся на их обобщении, причем в совершенно определенном ракурсе, следуя общей стратегии этой книги: дело в том, что собранный нами материал — в силу своих особенностей — оказался необычайно интересен именно с точки зрения СхG.

Пожалуй, главной особенностью болевого поля в его исходном виде, стимулирующей появление всех других свойств, является его бедность — т. е. малочисленность базовых (или: собственно-болевых, как русск. *болеть* или англ. *hurt, ache, pain* [в глагольных употреблениях]; нем. *schmerzen, weh tun*; китайск. *tòng, téng*, агульск. *ĩāa, ʒur aq'as* и др. под.) глаголов по сравнению с такими «мощными» и богатыми в лексическом отношении полями, как поле движения (ср., например, 'идти', 'скакать', 'спускаться'), поле деформации (ср., например, 'разбить', 'смять', 'продырявить'), поле обработки (ср., например, 'варить', 'мазать', 'пропалывать') и под. Наш опыт показывает, что болевых предикатов в языке, как правило, не больше 3-5⁴, тогда как предикатов движения — 40-50 и более.

Этим объясняется универсальность процедуры «заимствования» лексем из других семантических полей на роль болевых: она нужна, чтобы язык мог компенсировать бедность этого поля и полнее отразить нюансы соответствующих ощущений. Традиционно ее описывают как процесс *метафоризации*⁵, а результаты лексического заимствования, число которых в отдельных языках может достигать до 50, см. Брицын и др. (ред.) 2009, обычно называют *вторичными* болевыми предикатами. Характерными примерами вторичных болевых предикатов могут служить, во-первых, глаголы, ср.: русск. *глаза режет*, *ноги гудят*, англ. *my eyes are burning* ('глаза жжет', букв.: 'горят'), *my throat is scratching* ('у меня горло царапает'); немецк. *mein Kopf brummt* ('голова гудит'), *meine Augen beißen* (букв. 'глаза кусают'); китайск. *yāobù cìtòng* ('бок колет'), *dùzì jiào* ('живот кричит'); агульск *ze jurk'*

⁴ Заметим, что для некоторых языков (как, например, английский и греческий), есть подробные описания базовых глаголов боли, см. Halliday 1998, Nicholls 2003, Marmaridou 2006, Lascaratou 2007, Рудницкая, Новичков 2010; см. также в Брицын и др. 2009.

⁵ См., например, Садовникова 2002, Schott 2004.

č'i2.inaa ('сердце давит'), *ze k'il čurq.aa* ('голова лопается') и др., а во-вторых, конструкции вида 'вспомогательный глагол + отглагольное существительное / отглагольное прилагательное (определяющее часть тела или имя, описывающее боль)', ср. фр. *j'ai des gargouillis dans le ventre* ('у меня бульканье в животе'), польск *tam rozpalone gardło* ('у меня воспаленное горло'), венг. *húzó fájdalomat érzek a lábamban* ('я чувствую тянущую боль в ногах') и др. под.⁶

Но для того, чтобы такое заимствование произошло и предикат из не-болевого превратился в болевой, как правило, требуются серьезные изменения, касающиеся не только самого этого предиката и его свойств, но и всей конструкции, в которой он «привык» выступать: она тоже должна преобразиться, став (или хотя бы приблизившись к) болевой. Именно это преобразование, а если использовать строительную метафору, то перестройка конструкции, и будет нас интересовать в дальнейшем: мы хотели бы детально описать ее параметры — для развития СхG.

В самом деле, все случаи перестройки конструкций, с которыми до сих пор сталкивалась СхG, хоть и связаны с потерей или приобретением переходности, как в известном примере А. Голдберг: *to sneeze* → *to sneeze the napkin off the table* ('счихнуть салфетку со стола' — подробнее см. Введение, раздел 3.1), все-таки существенно отличаются от тех, которые мы здесь обсуждаем, т. е. от переходов типа: *гудеть* → *ноги гудят*, *давить* → *сердце давит* и под.

Строго говоря, в примерах обоих типов происходит смена домена (ср. Croft 1993 и др.) — или, в терминологии Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой, смена таксономического класса (Падучева 2004, Кустова 2004)⁷: *sneeze* превращается из физиологического глагола в глагол каузации движения, а *гудеть* и *давить* — соответственно, из глаголов звука и физического воздействия в глаголы физиологического состояния. Однако в первом случае исходный

⁶ Не так широко распространена — но все же встречается — лексикализация вторичных болевых предикатов с помощью идеофонов, выступающих в функции наречий, ср., например, японский или корейский. Подробнее см. Костыркин, Панина 2009, Рудницкая, Хван 2009.

⁷ Подробнее об этих эффектах см. Главу 3 этой части книги.

физиологический фрейм является частью конечного: собственно, именно он описывает причину движения, так что подобный переход вполне предсказуем — он легко укладывается в стандартные рамки метонимического сдвига (см. Peirsman/Geeraerts 2006a, Падучева 2004). Во втором же — «болевом» — случае нет никакой прямой связи (= смежности) между исходным и конечным фреймом, или таксоном: они независимы, и в их уподоблении друг другу есть непростые с точки зрения СхГ моменты. Заметим, что каждое поле-источник диктует *свои* свойства предикатам, которые затем переходят в болевые (а таких полей, по нашим данным, около десяти — см. подробнее § 4). Значит, речь здесь идет не об одном, а о *разных* типах перехода и *разных* способах перестройки конструкции — в зависимости от семантики исходного предиката, которую придется учитывать.

Другая трудность материала «болевых» переходов в том, что сама болевая конструкция слишком нетривиальна: в ней много переменных и параметров, все они «посильно» участвуют в процессе перестройки, а как мы помним, с точки зрения СхГ, каждый такой «вклад» ценен, его следует обнаружить и учесть.

Вдобавок ко всему сказанному, нужно принять во внимание и разнородность рассматриваемых нами языков: ведь в языках каждого типа есть свои особенности, которые касаются, в частности, и устройства болевых предикатов и болевых конструкций — так что на начальные условия и ход перестройки, о которой мы говорим, влияют еще и типологические факторы.

Все это в целом создает такое разнообразие языковых средств и возможностей на выбранном нами, в общем, довольно локальном, на первый взгляд, семантическом «пяточке», что можно растеряться. Однако в этом разнообразии есть и нечто общее — общая когнитивная стратегия, в сущности, независимая ни от языка, ни от типа исходного предиката или исходной конструкции, и направлена она на то, чтобы разными способами достичь одной и той же цели: преобразовать глагол и свойственную ему конструкцию в болевую. И это облегчает нам задачу поиска и систематизации отдельных свойств и условий этого процесса.

Дальнейшее изложение будет построено так: в § 2 мы кратко расскажем о методике нашей работы, т. е. о том, как были получены обсуждаемые здесь языковые данные. В § 3 мы опишем уст-

ройство собственно болевых конструкций (т. е. тех, на которые «ориентируются» вторичные болевые предикаты) в языках нашей выборки. В § 4 мы коротко остановимся на классификации семантических источников вторичных болевых глаголов. Таким образом, будет установлена не только цель, но и исходный пункт и материал для перестройки интересующих нас конструкций. В определенном отношении эти три параграфа служат введением к основной части, в которой на примере разных языков описываются конкретные особенности процесса перехода конструкций из неболевых в болевые: морфологические (§ 5), морфосинтаксические (§ 6), синтаксические (§ 7) и семантические (§ 8). В итоговом параграфе (§ 9) мы обобщим полученные результаты.

§ 2. О материале и методике его сбора

Лексическая типология, к области которой относится данное исследование и которая в настоящее время развивается стремительными темпами (см. прежде всего обзоры Рахилина, Плунгян 2007, Kortjevskaja-Tamm 2008⁸), большой традиции не имеет: она «моложе» типологии в целом. Пожалуй, первым существенным импульсом к развитию этой области была работа Berlin, Kay 1969, посвященная цветообозначениям, на многие годы вперед утвердившая методику исследования как в семантике цвета (ср. MacLaury 1991, 1997, Corbett, Morgan 1988, Frumkina, Mikhejev 1996, а также Фрумкина 1984, Василевич 2003 и мн. др.), так и в целом при сопоставлении лексики разных языков. Условно ее можно было бы назвать психолингвистической, потому что в соответствии с ней сбор лексического материала по языкам осуществляется с помощью единой для каждой семантической зоны базы физических стимулов-артефактов, которые предъявляются информантам-носителям, а они в ответ на каждый стимул выдают его название в данном языке. Для зоны цветообозначений такими

⁸ Ср. также: Goddard (ed.) 2006, 2008, Goddard, Wierzbicka (eds.) 2004 (и другие работы этой группы); Levinson 2003, Levinson, Wilkins (eds.) 2006, Newman (ed.) 1998, 2002, 2009. Из работ, специально посвященных исследованию семантических переходов в типологическом ключе, отметим прежде всего проект под руководством Анны А. Зализняк (см. Зализняк 2001, 2009, Zalizniak 2008, Грунтов 2007).

артефактами служат стандартные цветные таблички, но сейчас по той же методике уже исследуются, например, вкусы и запахи (ср. работы психолингвистической группы Института Макса Планка в Неймегене в рамках проекта «Language of perception») — т. е. и в этом случае используются «пробы» из набора контейнеров с фиксированным содержимым. Еще раньше нейменская группа проводила типологическое обследование лексики, описывающей разрушение (проект *cutting & breaking*, см. Majid / Bowerman (eds.) 2007), где в качестве стимулов «работали» видеоклипы, демонстрирующие информанту ту или иную ситуацию разрушения (разрезание ножницами, разбивание молотком и др.).

В целом психолингвистический подход к лексико-типологическому материалу достаточно распространен, хотя и далеко не безупречен. Но даже если оставить в стороне его (принципиальные, на наш взгляд) методологические просчеты (см. подробнее Рахилина, Плунгян 2007, ср. также Рахилина 2000а/2008, 2007а), нельзя не признать, что есть семантические зоны, для исследования которых он просто непригоден — и к ним относится боль: с одной стороны, она слишком субъективна, чтобы сравнивать спонтанные реакции разных людей, а с другой — слишком часто стимул к ней оказывается не внешним и объективизируемым (ср. огонь, как при ожоге, яркий свет при раздражении глаз, острый предмет при поражении кожи и под.), а исключительно внутренним, чисто физиологическим и неотделимым от человека, ср. ощущения, которые в русском описываются как *колет в боку*, *ломит в спине*, *зудит* и мн. др.

Единственно возможным «ключом» к описанию такого рода ситуаций является контекстное поведение самой лексики, так или иначе связанной с болью в данном языке — и на его анализ мы и опирались в нашей работе⁹. Все используемые нами данные по предикатам боли были получены из словарей, корпусов текстов, а также собраны в ходе анкетирования информантов — и в нашем случае оптимальным было именно сочетание этих источников.

Действительно, словари часто не могут дать исчерпывающей информации: в отношении вторичных болевых значений они не

⁹ Та же стратегия сбора материала была применена и в Майсак, Рахилина (ред.) 2007 по отношению к глаголам движения и нахождения в воде.

так последовательны, как в отношении основных употреблений соответствующих глаголов. Корпусный анализ подходит только для тех языков, которые обслужены доступными корпусами (а ведь это далеко не все языки!), причем обязательно очень значительными по объему¹⁰, а лучше всего — с семантической разметкой (как НКРЯ). Только тогда можно в поисковом запросе отделить вторичные употребления глаголов от основных; в противном случае сам поиск нужных контекстов оказывается трудной и времязатратной ручной работой. Но в целом в корпусах не так уж много текстов, описывающих боль: это не политика, не экономика, не спорт и вообще довольно периферийная тема — в этом отношении иногда полезнее оказывается обращение к специализированным медицинским сайтам. А раз примеров немного или они взяты из свободного нередактируемого интернет-дискурса, то они требуют дополнительной проверки, т. е. фактически полевой работы, которая включала и анкетирование.

Между тем разработка анкет по вторичным болевым предикатам — это особая сложная задача, потому что типы этих предикатов заранее неизвестны: их классификация возникает только в результате обследования большой группы языков. Сам информант не всегда сразу «вспоминает» редкое употребление — ему нужна подсказка, внешний стимул, но этим стимулом не должен быть язык-посредник, который может навязать чужую метафору, так что простые анкеты-переводы здесь не только не дадут требуемых результатов, но и могут исказить общую картину: тут требуются совсем другие подходы и методы. Решая эту задачу, мы сделали анкеты нескольких типов, и затем комбинировали их материал в работе с носителями: есть анкета по частям тела (все возможные болевые ощущения, которые могут возникнуть в данной части тела); есть анкета по глагольным семантическим зонам, которые уже известны из каких-то языков как источники для вторичных болевых предикатов; есть фреймовая анкета, определяющая тип боли по стимулу и воздействию на конкретную часть те-

¹⁰ Ведь доля болевых употреблений, даже для очень частотных глаголов, в общем, совсем невелика, скажем, для немецкого *brennen* ‘гореть’ на 100 случайных вхождений в 100-миллионном корпусе DWDS (см. www.dwds.de) болевых приходится только 3.

ла (например: боль в глазу от попавшего туда постороннего предмета или вещества — мыла, сора, дыма и др.). Но самой действенной оказалась так называемая ситуативная анкета, где даются краткие рассказы, вводящие причину болевой ситуации, которые информант должен продолжить на своем языке, отвечая на заданные вопросы, например: «Человек был связан в течение двух часов. Что он чувствовал? Что он чувствует, когда его развязали (руки, ноги, грудь, спина, голова)?»

Эти анкеты заполнялись с участием информантов и экспертов, которым мы, пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность: при их содействии был собран материал, на который мы теперь опираемся и без которого типологические обобщения были бы невозможны. В первую очередь мы хотели бы поблагодарить Ю. В. Адаскину, К. Бёрёцки, В. Ф. Выдрина, Д. С. Ганенкова, С. Геджиеву, В. Жемантене, Г. В. Зимовец, Е. В. Исаеву, М. Л. Кисилиера, Е. В. Козлову, М. С. Козлову, А. В. Костыркина, В. Б. Крысько, С. Купп, А. Ламмаса, Ю. В. Лукину, Т. А. Майсака, С. Р. Мерданову, П. Ю. Новичкова, Ю. Пакериса, А. С. Панину, О. С. Панову, Е. В. Перехвальскую, Е. Л. Рудницкую, С. и Э. Саникидзе, М. Серафимову, О. А. Тищенко-Монастырскую, Т. В. Хайдер, Л. В. Хохлову, В. Л. Цуканову, Д. Шилейкайте, Г. М. Яворскую, Е. И. Якушкину, но также и всех, кто помогал нам в трудной работе над болевыми конструкциями. Часть собранного материала уже обработана и опубликована в книге Брицын и др. (ред.) 2009 в виде статей (ср. прежде всего агульский, крымско-татарский, хинди, украинский, японский), и многие примеры цитируются здесь по этому изданию. Часть статей ждет публикации — тогда примеры цитируются по экспедиционным отчетам, как эрзянский (ср. Адаскина 2007), дипломным работам, как испанский (Козлова 2007) или полевым материалам (как литовский, грузинский, болгарский, венгерский, дан-гуэта и др.).

§ 3. Конструкции с собственно-болевыми глаголами

3.1. Глаголы локальной боли VS. глаголы плохого самочувствия

Прежде всего, обратим внимание на существование двух разных классов болевых ситуаций: в первом боль соотносится с ча-

стью тела, и лишь через нее — с человеком, а во втором описывается в целом состояние человека, отклоняющееся от нормы, а тот участок тела, который, собственно, и вызывает такое состояние, «игнорируется» или выводится на периферию высказывания. Эти ситуации могут описываться одним и тем же предикатом, ср. употребления глагола *ĩāa* в агульском:

- (1) *baw* *ĩāa-a*
мать.NOM болеть-PRS
'Мать болеет'.
- (2) *č̣e* *haraj-ar.i-q-as* *baw.a-n* *k'il* *ĩāa-a*
ваш крик-PL-POST-ELAT мать-GEN голова.NOM болеть-PRS
'От ваших криков у мамы голова болит'.

Однако две болевые ситуации могут быть лексически противопоставлены, как в современном русском языке, где они называются разными, хотя и восходящими к одному и тому же корню, глаголами, ср. в форме третьего лица: *у него рука болит* (*он болит) и *он болеет* (*у него рука болеет). Русский в этом отношении не уникален, ср., например, англ. *to be ill* или франц. *être malade*, которые тоже применяются исключительно к человеку, «минуя» часть тела, и противопоставляются глаголам со значением локализованной боли, ср. англ. *hurt*, франц. *avoir mal*; аналогичным образом различаются сербохорватские глаголы *bolovati* 'болеть' (о человеке) и *boleti* 'болеть' (о части тела).

Независимо от того, объединяются ли две болевые ситуации в одном предикате или лексически разводятся, они оказываются противопоставлены на уровне конструкций. Конструкция «плохого самочувствия», конечно, беднее: по сути дела, в ней обязателен только субъект, хотя, вообще говоря, может выражаться и причина. Другое дело — конструкция локальной боли, которая описывает ситуацию гораздо детальнее. Так, согласно разметке FRAMENET (<http://framenet.icsi.berkeley.edu/>), в ней имеется по крайней мере три основные роли: *часть тела*, испытывающая боль (а в некоторых случаях в дополнение к ней еще и конкретный участок части тела, испытывающий боль); *лицо*, испытывающее боль, и *причина* возникновения боли¹¹. Именно такой рас-

¹¹ Заметим, что, помимо данных участников FrameNet выделяет для болевой ситуации еще следующие, второстепенные: MANNER ('тип бо-

клад участников предполагает и большинство вторичных предикатов боли, ср.:

(3) У меня ^{лицо} колет в боку ^{часть тела} от этой бегомни ^{причина}

Обратим внимание и на то, что во всех рассмотренных языках предикаты локальной боли, в отличие от предикатов плохого самочувствия (в том случае, если они разведены лексически), могут описывать как физиологические, так и психоэмоциональные состояния, ср. русск. *грудь болит от кашля / от тоски* VS. *я болею* (только физиологическое состояние независимо от причины).

В дальнейшем, говоря о собственно-болевых предикатах, мы будем иметь в виду не предикаты плохого самочувствия, а только предикаты локальной боли, причем только в физиологических значениях (ср. однако 4.7).

3.2. Способы лексикализации

Как мы уже видели на примерах, собственно-болевые предикаты лексикализуются (в смысле Talmy 1985; 2000) в языках мира по-разному, совсем не обязательно простой глагольной лексемой, как в русском и других славянских языках. Очень распространены именные конструкции, в которых существительное со значением 'боль' вводится вспомогательным глаголом со значением 'быть', 'иметь', 'делать' и др. под., заполняя субъектную (при одноместных глаголах) или объектную (при двухместных) валентность, ср. в английском: *I have pain in ...* букв. 'я имею боль в...'; во французском *j'ai mal à/dans... / qch. me fait mal à/dans ...* букв. 'я имею боль в... / что-л. мне делает боль в...'; в хинди ... *me" dard hai* 'в... боль есть' и др.

На базе вспомогательных или «легких» глаголов строятся и болевые конструкции с прилагательными, в нашем материале они встречаются только в классе предикатов плохого самочувствия, ср. выше примеры с англ. *ill* и фр. *malade*. Однако предикативные прилагательные используются более широко, охватывая и локаль-

ли'), DEGREE ('интенсивность боли') и SUBREGION (конкретный фрагмент части тела, ощущающий боль). Однако для нашей задачи такая дробность избыточна, и в дальнейшем изложении мы ограничимся описанием поведения трех главных участников, см. также § 6.

ную боль. Например, в японском языке, как сказано в Костыркин, Панина 2009: 366, «предикативное прилагательное *itai* — самая употребительная и универсальная лексическая единица в сфере боли». Судя по синтаксическому поведению *itai*, которое легко выступает в безглагольных предложениях в позиции сказуемого, ср.:

- (4) *Aru yoru watashi wa nodo ga itakatta.*
 один ночь я TOP горло NOM больно.PRF
 ‘Однажды ночью у меня болело горло’, —

оно ближе к русскому предикативу *больно*, чем к прилагательному *больной* / *болен*, *ill* или *malade*.

Между тем предикативы — это особый и интересный вариант морфосинтаксического оформления болевой предикации. В русском это конструкция *X-у больно*. В отличие от *X болит*, которое склонно к обозначению внутренней боли, не связанной с внешними факторами, она выражает непосредственно воспринимаемую боль, которую каузирует какая-то внешняя причина¹², и имеет довольно необычное синтаксическое оформление. Описывая локальную боль (в определенной части тела), конструкция с предикативом «предпочитает» одноместную реализацию, с одним только субъектом-лицом в дательном падеже. Однако на почти 700 вхождений *больно* в НКРЯ нашлось 30, в которых часть тела все-таки выражена, причем ... снова дательным, ср.:

- (5) *Лампадка сильно мигала, так что было **больно** глазам*
 <...> [А. П. Чехов. Воры (1890)]

Обычно это опять-таки единственная поверхностно выраженная валентность *больно*, т. е. подлежащее-лицо в таких предложениях опущено — однако в корпусе встретилось два примера, где есть и субъект, оформленный, как ни удивительно, тоже дательным падежом:

- (6) *Вы можете вести себя нормально? Мне больно руке!*
 [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)]
 (7) *И Ваську больно глазам, и он несетя по лесу, почти за-
 жмурившись, вслепую <...>* [Петр Проскурин. В старых ра-
 китах (1983)].

¹² Подробнее об этом противопоставлении см. ниже 7.6.

В интернете таких контекстов еще больше, и они не выглядят маргинальными или существенно нарушающими норму, ср., например:

- (8) *Включаешь свет. Мне больно глазам с непривычки. Я заслоняюсь от света рукой.* [www.ijp.ru/razd/pr.php?failp=00202000084]

Данные интернета показывают, что в современной речи возможности управления *больно* расширяются, и в перспективе он, видимо, потеряет свою синтаксическую исключительность и станет обычным предикатом локальной боли, ср. пока редкие примеры с предложным падежом:

- (9) *Я растягиваю позвоночник методом подвешивания. Мне больно в шейном отделе даже чуть ниже и боль уходит в руку.* [www.spinabezboli.ru/conf/show.php?id=1351]

и даже аккумулятивом:

- (10) *Мне больно ногу, жмет туфля. — Может быть, стоит поискать такси?* lib.ru/.../SIMENON/tri_komnaty.txt_Piece40.01

Заметим, что пример с аккумулятивом нашелся и среди письменных текстов НКРЯ:

- (11) — *Дезертиров лишают оружия, — сказал Мушкетер. Уголек почувствовал, что ему больно ладонь.* [Владислав Крапивин. Белый щенок ищет хозяина (1962)¹³.

3.3. Стативность как свойство болевой зоны

Независимо от формы лексикализации (т. е. от степени «глагольности» или морфосинтаксической сложности) собственно-болевых предикатов, важнейшим их свойством является стативность: все они описывают длительные неизменные состояния, не контролируемые субъектом. В разных языках стативность проявляется по-разному, коррелируя со своими морфологическими, сочетаемостными и синтаксическими свойствами (подробнее о

¹³ В 7.6 мы вернемся к этим примерам и обсудим некоторые гипотезы о природе аккумулятивного управления в этом контексте.

свойстве стативности см. Vendler 1957, Comrie 1976, Dowty 1979, а также Булыгина 1982, Апресян 1995а, 2009, Падучева 1996 и др.).

На примере *болеть* можно видеть, что, как типичный представитель стативов в русском языке, этот глагол практически не образует форм императива (**боли!*), семельфактива (**больнуть*), а также не допускает обстоятельств кратности (**болело три раза*). Действительно, широкое употребление императива *болеть* противоречило бы его неконтролируемости, а семельфактива и обстоятельств кратности — длительности и неизменности обозначаемой ситуации.

Все немногочисленные исключения, встречающиеся в текстах, только подтверждают эти запреты. Так, императивная форма *боли!* распространена лишь в заговорах, причем в контексте отрицания и в адресации к (неодушевленной) части тела — т. е. в особом контексте, с особыми семантическими и прагматическими свойствами. Семельфактивная форма *больнуть*, как свидетельствует словарь Цейтлин и др. 2001, фиксируется в детском языке пятилетнего ребенка, ср. следующую цитату (с. 74):

«БОЛЬНУТЬ: одноактн. к болеть.» — *Зуб болит. Только глотну, а он как больнёт! (5).* Образование слова путем прибавления суффикса: *болеть* — *больнуть* по типу: *свистеть* — *свистнуть*».

Приемлемый пример на *болеть* в контексте итеративного *п раз* нашелся практически один:

(12) *У меня ухо болело три раза в жизни.* [rijik.livejournal.com/244109.html],

но он «осложнен» обстоятельством *в жизни*, которое дает эффект экзистенциальной семантики вместо кратной: это уже не прерывающееся состояние, возобновляемое, например, три раза за вечер, а три разных ситуации, значительно разнесенные по времени, которые имели место всего-навсего три раза за все время (по той же причине разрешено и обстоятельство *ни разу*).

3.4. Синтаксические свойства собственно-болевых предикатов

В синтаксическом плане среди глагольных конструкций стативам лучше всего соответствуют одноместные конструкции с пациенсом, а значит, в случае локальной боли — с частью тела в качестве субъекта, ср. русск. *голова болит*, и необязательными в поверхностной структуре лицом и причиной. Если же эти аргу-

менты появляются в предложении, то лицо выражается как посессив или бенефактив, а причина — как обстоятельство, см. таблицу 1:

Таблица 1

Кодирование непереходных собственно-болевых глаголов

ПРИЧИНА _о / OBL	ЧАСТЬ ТЕЛА _с	ЛИЦО _о / DAT / POSS
----------------------------	-------------------------	--------------------------------

Ср. русское:

(13) У меня_{POSS} **болит** голова_с от усталости_{OBL}

и коррелирующее с ним украинское:

(14) Мені_{DAT} **болить** голова_с від втоми_{OBL} (Зимовец 2009: 67).

Такие конструкции действительно довольно типичны для болевых глаголов и широко представлены в языках, ср.:

(15) крымско-татарский

Тарла-да чалыш-тан бел-им **агъыр-а**.
поле-LOC работа-ABL спина-1SGPOSS болеть-3SG.PRS
‘От работы в поле у меня болит спина’

(16) немецкий

Mein Rücken **schmerz-t** von der unbequemen
1SGPOSS спина болеть-3SG.PRS от DEF.DAT неудобный
Sitzposition.
сидение.позы
‘Из-за того, что я неудобно сижу, болит спина’.

Обратим внимание, что в немецком, наряду с этой конструкцией, есть и другая, тоже непереходная, но с субъектом-причиной (ср. Резникова 2009: 156), реализующая следующую модель:

Таблица 2

Особый вариант непереходного кодирования: немецкий язык

ПРИЧИНА _с	ЛИЦО _{DAT}	ЧАСТЬ ТЕЛА _{LOC}
----------------------	---------------------	---------------------------

(17) немецкий

Kälte **schmerz-te** ihm im ganzen Körper <...>
холод.NOM болеть-PST он.DAT в.DEF.DAT все тело
‘От холода у него болело все тело’ <букв.: ‘холод болел ему во всем теле’>.

С точки зрения синтаксической семантики, эта конструкция чрезвычайно нетривиальна — ее существование в немецком можно объяснить тем, что раньше глагол *schmerzen* был переходным и имел значение ‘причинять боль’ (он и сейчас сохранил это свойство в метафорических контекстах типа *Dein Schweigen schmerzt mich* ‘Твое молчание причиняет мне *⟨букв.: меня⟩* боль’).

Между тем, допустимость переходной модели для болевого глагола не случайна: стативные предикаты далеко не всегда одно-местны, ср., русские конструкции типа *Меня беспокоит / мучает головная боль*, семантика которых близка к собственно-болевым. Как видим, здесь двухместная переходная конструкция не противоречит стативной семантике состояния, потому что не обозначает действия и не имеет агенсно-пациентной структуры.

Это классический случай результативной метонимии, описанный Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой (Падучева 2004, Кустова 2004), о котором мы подробно говорили в предыдущей главе в связи с семантическими переходами прилагательных (подробнее см. раздел 2.3 Главы 3) — речь идет о переходе активных процессов в свои результаты-состояния:

- (18) $Он_{AG}$ *мучает*_{ACT} *меня*_{RAT} *вопросами* → *Головная боль*_{SOURCE}
*мучает*_{STAT} *меня*_{RAT}

Учитывая это, можно ожидать, что в каких-то языках среди собственно-болевых конструкций тоже встретятся переходные, с субъектом-причиной боли или субъектом-частью тела и прямым объектом-лицом или частью тела (связанной в таком случае по-сессиивным или бенефактивным отношением с лицом), ср. таблицу 3:

Таблица 3

Кодирование переходных собственно-болевых глаголов

(A)	ПРИЧИНА Ø / OBL	ЧАСТЬ ТЕЛА NOM	ЛИЦО ACC		букв. ‘голова меня болит (от шума)’
(B)		ПРИЧИНА NOM	ЛИЦО ACC	ЧАСТЬ ТЕЛА LOC / Ø	букв. ‘шум меня болит в голове’
(C)		ПРИЧИНА NOM	ЧАСТЬ ТЕЛА ACC	ЛИЦО POSS / DAT	должно быть букв. ‘шум голову мою / мне болит’

Такие случаи, действительно, имеются в нашем материале, ср.:
Конструкция (А):

(19) польский (Яворская, Хайдер 2009: 111)

Bol-i *mnie* *ręka*.
болеть-3SG.PRS я.ACC рука
'У меня болит рука'

(20) арабский (Лукина, Цуканова 2009: 315)

fam-u=hu *ya-wǧī'-u=hu* *mina* *ḍ-ḍahk-i*
рот-NOM=его 3M-болеть.IF-IND[SG]=его от DF-смех-GEN
'У него рот болит от смеха'.

Конструкция (В):

(21) дан-гуэца

mlêḗ *yà* *n̄* *kú* *ä* *bāāy* *ṛ*
змея 3SG.PRF 1SG.NSBJ ловить 3SG.NSBJ яд 3SG.EXI
n̄ *kā-sīl*
1SG.NSBJ делать.болеть-DUR
'Меня укусила змея, и её яд причиняет мне боль' (букв.:
'яд меня делает').

Конструкция (С) среди наших данных встретила только в зоне душевной боли (см. разделы 3.1. и 4.7.)¹⁴:

(22) немецкий

Die *Sehnsucht* *schmerz-t* *mein* *Herz*.
DEF.NOM тоска болит-3SG.PRS 1SGPOSS.ACC сердце
'Тоска мучает мое сердце'.

Более того, во всех славянских языках, кроме русского, именно переходная конструкция является основной или по крайней мере действующей для собственно-болевого глагола, ср. пример

¹⁴ Мы ожидаем, что управление такого рода встретится и в конструкциях физиологической боли, однако отсутствие таких примеров в нашем материале, вообще говоря, значимо. Дело в том, что в конкретном языке физиологическая и психоэмоциональная зона могут различаться синтаксическими конструкциями, как, например, в немецком, где непереходная конструкция закреплена за физиологическим значением глагола *schmerzen*, а переходная — за психоэмоциональным (подробнее см. Резникова 2009: 156).

из сербохорватского в Якушкина 2009: 136: *Sestru*_{ACC} *boli zub*_{NOM} ‘У сестры болит зуб’ (букв.: ‘Сестру болит зуб’), а также многочисленные примеры из других славянских языков в Крысько 2006: 117—118¹⁵:

- словенский: *mene glava zlo boli*;
- чешский: *ať tě hlava ne boli*;
- словацкий: *boli mä celé telo*;
- польский: *bolą nas nogi*;
- верх.-лужицкий: *tu žónsku hłova boli*;
- ниж.-лужицкий: *te zuby me bol'e*,

а также украинские примеры типа *дитину живіт болить* — там же и в Зимовец 2009. Заметим, что, например, в украинском параллельно с переходными есть и непереходные конструкции с дательным, также невозможные в русском (букв.: ‘мне болит’), подробнее см. Яворская 2009: 415. Несомненно (ср. Крысько 2006: 118), что прежде, в древнерусском, глагольное управление *болеть* было таким же, как и в других славянских языках: он был переходным, ср. там же примеры: *голова мя болит* (XIII век); *аще кого болит зюбъ* (по спискам XV века) и др. Таким образом, современный русский утратил переходность, упростив болевую конструкцию и перестроив ее, так сказать, в сторону большей иконичности. Если считать, что исходной для этой перестройки была структура:

(23) ЧТ_{NOM} ЛИЦО_{ACC} V (‘голова меня болит’),

то сама перестройка проходила по типологически довольно распространенной модели потери объекта, ср.:

(24) *Он поет песню* → *Он хорошо поет*,

с той разницей, что в нашем случае исходная конструкция уже с самого начала была стативной, с неодушевленным субъектом, — хотя и переходной, а значит, «семантическое расстояние» между ней и «целью» сдвига было меньше, чем в случае с *петь*. Вдобавок, в русском уже тогда параллельно с переходными использова-

¹⁵ Цит. по Попов 1881:152; приводятся ссылки на аналогичные примеры в Miklosich 1868—1874: 353, 383; Libš 1981: 107—108; Vondrák 1928: 268 и др.

лись непереходные конструкции с дательным заинтересованности, по сей день функционирующие, как мы уже говорили, например, в украинском. Таким образом, все предпосылки для такого изменения древнерусской конструкции с *болеть* имелись — и она изменилась¹⁶.

Предположение о «движении» в противоположную сторону, т. е. о том, что все славянские языки, наоборот, со временем сделали из первоначально непереходных, а следовательно, более прототипических для стативов, переходные глаголы, было бы, конечно, гораздо менее естественно, менее объяснимо и менее вероятно. К тому же в Фасмер 1986, т. 1: 191 праславянское *bolěti* связывается именно с переходным ‘мучить’ (гот. *balwjan*)¹⁷.

Итак, у собственно-болевых глаголов есть две возможные модели синтаксического оформления: непереходная и переходная. Обе они могут иметь еще и безличный вариант — с отсутствующим подлежащим (в тех языках, которые допускают такой способ синтаксического оформления). Это связано с природой самой боли. Ее источник вообще плохо поддается идентификации и локализации, так что не всегда ясно, что именно провоцирует болевые ощущения человека. Тем самым безличные конструкции можно считать собственно-болевыми, отражающими специфику семантики болевого поля, — знание этого обстоятельства пригодится нам позже, когда мы будем обсуждать синтаксис вторичных предикатов (см. § 7).

Что касается способа оформления аргументов в безличных вариантах болевой конструкции, то в непереходных употреблениях все просто: часть тела из субъекта боли становится местом и, как

¹⁶ А в польском, например, по мнению В.Б. Крысько (2006, стр. 119), переходная конструкция напротив, упрочилась, так как в нем аккумулятив «приобрел некоторые признаки объектности, в частности, трансформируемость в родительный при отрицании», ср. также Holvoet 1991: 93-96.

¹⁷ Критику этимологии О. Н. Трубачева, поддержавшего А. Вайана в том, что *bolěti* восходит к *bolъjъ* (сравнительной степени от ‘большой’) см. в Яворская 2009: 413—414; сама же Г. М. Яворская выдвигает гипотезу о мотивированности *bolěti* значением ‘ударять, ранить ножом / копьем’, подробнее см. Яворская 2009: 416. Об этом — в связи с более общими проблемами синтаксиса вторичных предикатов — см. также в разделе 8.4.

правило, оформляется локативно¹⁸, см. Таблицу 4 — в сопоставлении с Таблицами 1 и 2:

Таблица 4

Кодирование непереходных собственно-болевых глаголов:
безличная конструкция

ПРИЧИНА $\emptyset$ / OBL	$\emptyset$ S	ЛИЦО $\emptyset$ / DAT / POSS	ЧАСТЬ ТЕЛА LOC
---------------------------	---------------	-------------------------------	----------------

Ср. в русском:

(25) *(От этих упражнений) (у меня) под лопаткой **болит**.*

(26) *Мне в спине **больно**.*

Ср. тж.:

(27) немецкий

*Es **schmerz-t** im Ohr beim Schlucken.*

IPR болит-3SG.PRS в.DEF.DAT ухо при.DEF.DAT глотание.

‘Ухо болит (букв. болит в ухе), когда глотаешь’.

Переходным употреблениям свойственны следующие способы оформления аргументов в безличной конструкции — см. Таблицу 5 в сопоставлении с Таблицей 3:

Таблица 5

Кодирование переходных собственно-болевых глаголов:
безличная конструкция

(A)	ПРИЧИНА $\emptyset$ / OBL	$\emptyset$ S	ЛИЦО ACC	ЧАСТЬ ТЕЛА $\emptyset$ / LOC	букв. ‘(в голове) меня болит (от шума)’
(B)	ПРИЧИНА $\emptyset$ / OBL	$\emptyset$ S	ЧАСТЬ ТЕЛА ACC	ЛИЦО $\emptyset$ / POSS / DAT	должно быть букв. ‘мою / мне голову бо- лит (от шума)’

Ср. реализации этих синтаксических структур:

Конструкция (A):

(28) сербохорватский

***Bol-i** me u leđ-ima*

болеть-3SG.PRS я.ACC в спина-LOC

‘букв. ‘Болит меня в спине’

¹⁸ Вспомним, однако, обсуждавшуюся только что русскую конструкцию с предикативом и ее двумя дательными!

(29) польский

Bol-i *mnie w kark-u*
 болеть-3SG.PRS я.ACC в шея-LOC
 <букв. 'Болят меня в шее'>

Конструкция (B), как и аналогичная ей личная конструкция (C) из Таблицы 3, встретилась в нашем материале только в психо-эмоциональной зоне, ср.:

(30) немецкий

Es schmerz-t mein Herz wenn ich euch
 IPR болеть-3SG.PRS мой.ACC сердце когда я вам
erzählen muss, dass <...>
 рассказывать должен что
 'Сердце болит, когда приходится вам рассказывать, что <...>'

Что касается субстантивных болевых конструкций, свойственных довольно большому кругу языков, то синтаксически они ведут себя довольно единообразно: часть тела кодируется локативной группой, а лицо или выражается посессивно — при бытийных глаголах (ср. 'боль есть в моей руке'), или занимает позицию субъекта — при глаголе обладания типа 'иметь' (ср.: 'я имею боль в руке').

Суммируя свойства собственно-болевых конструкций, можно сказать, что они:

- обязательно соотносятся с частью тела, а не только экспериенцером (в противоположность конструкциям плохого самочувствия, которые также лексикализуются естественным языком);
- образуются не только на базе простого глагола, но и субстантивной или адъективной конструкций, а также предикативов;
- всегда стативны и обладают соответствующими стативам в данном языке грамматическими и сочетаемостными свойствами (здесь мы обсудили их только на примере русского);
- могут быть как переходными, так и непереходными;
- при возможности образуют безличные варианты.

Дальше речь пойдет о возникновении новых, вторичных предикатов боли, для которых важен выбор «подходящего» лексико-семантического источника. Это тема следующего параграфа.

§ 4. Семантические источники предикатов боли и потери функциональности

4.1. Боль и потеря функциональности

Боль уникальна тем, что она абсолютно индивидуальна, это исключительно внутреннее ощущение, которое нельзя ни с кем разделить, никому передать или наглядно продемонстрировать. Тем самым у каждого имеется свое субъективное представление о пороге болевого ощущения, и, соответственно, невозможно однозначно провести жесткую границу между болью и другими отрицательными переживаниями человека. Чтобы предупредить неизбежные индивидуальные расхождения в восприятии боли и ее границ, мы приняли решение понимать боль очень широко и включать в наш анализ любые неприятные физиологические ощущения человека, так или иначе связанные с конкретными частями его тела. Оказалось, что внутри этой довольно приблизительно очерченной нами семантической зоны естественный язык отчетливо противопоставляет две области: болевые или неприятные физиологические ощущения как таковые — например, ощущение жжения в глазах от попавшего в них мыла — и то, что мы будем называть эффектом «потери функциональности» — ср., например, чувство онемения, которое возникает после укола анестезии, мороза или долгого сидения на одном месте. Как мы увидим, эти две зоны имеют разные поля-источники для вторичных глаголов, и эти источники в целом повторяются в тех языках, которые нам удалось обследовать. С некоторым огрублением можно сказать, что болевые и просто неприятные физиологические ощущения описываются глаголами с общей семантикой **порчи** объектов. В разделах 4.2—4.5 мы подробно рассмотрим конкретные семантические группы таких глаголов и покажем, что это может быть порча-нагревание, связанная с воздействием огня (почему-то не охлаждение!), порча-уничтожение, т. е. разрушения разного рода, порча-звук для беззвучных или порча-движение обычно неподвижных объектов. В разделе 4.6 мы сравним набор этих полей-источников с тем, который язык использует для описания ощущений потери функциональности разного рода. В 4.7 нас будут интересовать семантические источники эмоциональных состояний в соотношении с глаголами физической боли. Наконец, в разделе 4.8 мы поговорим о проблеме полноты данной классификации и однородности ее классов.

4.2. Горение

Итак, первую, и едва ли не самую важную, группу образуют глаголы, связанные с идеей теплового воздействия, в конечном счете нацеленного на разрушение и уничтожение исходного объекта — для простоты мы называем их группой горения. В русском языке эта группа представлена в болевой зоне предикатами *гореть*, *жечь* и *печь*, ср. *ноги горят*; *глаза жжет*; *голову печет*, причем «лидером» является, скорее, *жечь*, чем *гореть*, а *печь* довольно периферийно¹⁹. В других языках, по нашим данным, для образования вторичных предикатов боли обычно используется глагол со значением ‘гореть’ (об огне или горящих дровах) — в нашем материале это самый частый источник болевой метафоры, ср.:

(31) арабский

fa qad 'aḥassa bi=ḡabhat-i=hi taltahib-u
и PST чувствовать(PRF) в=лоб-GEN-3SG.M.POSS гореть(IPF)-IND
‘Он почувствовал, что у него горит лоб’ (при повышенной температуре)

В то же время лексическими источниками для болевых предикатов становятся и глаголы с более специальной семантикой, например, ‘тлеть’ (ср. эстонск. *hõõguma*, сербохорватск. *tinjati*), ‘накаляться’ (ср. грузинск. *gaxureba*, нем. *glühen*), ‘кипеть’ (крымско-татар. *къайнамакъ*) и др.

(32) сербохорватский

zub tinj-a
зуб.NOM тлеть-3SG.PRS
(о слабой зубной боли)

(33) грузинский

tav-i m-i-xur-s
голова-NOM 1SGOBJ-VRS-топиться-3SGSUBJ.PRS
(ощущение от жары или при повышенной температуре тела)

(34) крымско-татарский

Мий-им-де къайна-й.
мозг-1SGPOSS-LOC кипеть-3SG.PRS
(от перенапряжения)

¹⁹ В украинском, наоборот, *пекти* центрально и функционирует наряду с *горіти* (Зимовец 2009).

4.3. Разрушение и деформация

Группу глаголов, связанных с идеей разрушения и деформации, можно подразделить на следующие таксономические классы:

— разрушение инструментом — таким как иголка, нож, копье, кинжал и др. Ср. русское *резать* → *в животе режет*; *колоть* → *сердце колет*, а также следующие примеры из испанского, эрзянского и хинди:

(35) испанский

me pica-ba-n los ojo-s
я.DAT колоть-IPF.PST-3PL DEF.PL глаз-PL
(например, от мыла)

(36) эрзянский

p'il'e-t'e salg-s'
ухо-DEF колоть-PST.3SG

(37) хинди

mūh mirč ke māre kaT rahā hai
рот перец от резаться AUX(PRS.PROGR)

— разрушение квазиинструментом — таким, как зубы, когти, жало и под. Ср. русское *драть* → *горло дерет*; ср. также:

(38) немецкий

es kratz-t im Hals
IPR царапать-3SG.PRS в.DEF.DAT горло
(например, от едкого дыма)

(39) сербохорватский

luk ugriz-e za oči
лук.NOM грызть-3SG.PRS PREP глаз.ACC.PL

— разрушение руками, которое подразделяется на полное уничтожение, предполагающее *разрушение структуры объекта*, ср. русское *разламывать* → *спину разламывает* и эрзянское *s'iz'ims* 'разрывать' в (40), и *мягкую деформацию*, при которой нарушается только его форма, ср. в русском *тянуть* → *спину тянет*, *жать* → *ногу жмет*, *давить* → *сердце давит*, а также *húz* 'тянуть' в венгерском, см. (41):

(40) эрзянский

kar'az aj s'iz't'e
спина.DEF.NOM IPF рвать.3SG

(41) венгерский

húz a hát-am
тянуть DEF спина-1SGPOSS

— саморазрушение, как в русск. *раскалываться* → *голова раскалывается*, ср. также:

(42) болгарский

puk-a mi se glava-ta
лопаться-3SG.PRS я.DAT REFL голова-DEF

(43) агульский

fun čurq.a-a
живот.NOM лопаться-PRS

4.4. Звук

В русском языке в этой группе не так много болевых глаголов, к ним относятся: *гудеть* → *ноги гудят*, *шуметь* → *в голове шумит*, *ныть* → *сердце ноет*, и в меньшей степени *звенеть* (*в ушах звенит*), а также *урчать* (*в животе урчит*). Но другие языки используют это поле как источник для болевых предикатов гораздо шире: с этой целью они задействуют и звуки животных, птиц и насекомых (как ‘выть’, ‘чирикать’, ‘жужжать’), «человеческие» звуки (‘ныть’, ‘свистеть’), природные звуки (звуки ветра или воды), звуки артефактов или инструментов (колоколов, музыкальных инструментов и др.). При этом в результирующей, болевой, зоне чаще всего «звучат» голова и уши²⁰, ср.:

(44) польский

dzwon-i mi w usz-ach
звонить-3SG.PRS я.DAT in ухо-LOC.PL

(45) французский

j'ai des bourdonnement-s dans les oreille-s
я иметь.1SG.PRS INDF.PL жужжание-PL в DEF.PL ухо-PL

²⁰ В последнем случае непосредственной причиной боли может быть как воспаление уха, так и высокое кровяное давление; что же касается «звучащей» головной боли, то она может быть вызвана самыми разными обстоятельствами: сильным шумом, похмельем, стрессом, переутомлением и др.

(46) венгерский

sípol *a* *fül-em*
 свистеть.PRS.3SG DEF ухо-1SGPOSS

(47) китайский

tīng *MP3 huì* *yǐnqǐ* *ěr-míng*
 слушать MP3 может вызвать ухо-чирикание
 ‘От MP3 может развиться тиннитус’

(48) сербохорватский

mi *svir-a* *u* *glav-i*
 я.DAT играть.на.музык.инстр.-3SG.PRS в голова-LOC

(49) немецкий

Mein *Kopf* *brumm-t.* *Ich* *hab-e*
 1SGPOSS голова жужжать-3SG.PRS я иметь-1SG.PRS
einen *Kater.*
 INDF.ACC похмелье

Другие части тела хуже соотносятся с этой группой глаголов. Правда, встречаются примеры «звучащей» зубной боли и боли в ногах, ср.:

(50) крымско-татарский

Болдурыв-дан *аякъ-лар-ым* *увулда-й*
 усталость-ABL нога-PL-1SGPOSS гудеть-3SG.PRS

(51) хинди

dā^{nt} *pinpinā* *rahā hai*
 зуб хныкать AUX(PRS.PROGR)

Особый случай представляет «звучание» живота, которое тоже соответствует неприятным, и даже болевым ощущениям и очень широко распространено в языках как метафора (имеющая источником урчание медведя, собаки, воркование птиц, выражение недовольства человеком и др.), но все-таки метафора «не вполне полноценная», потому что в таких контекстах глагол может обозначать не только внутренний, но и реальный, слышимый со стороны звук.

4.5. Движение и каузация движения

Из глаголов движения и каузации движения болевыми становятся прежде всего предикаты со значением кругового движения,

ср. русск. *крутить* → *живот крутит*, *кружиться* → *голова кружится*; англ. *churn* ‘взбивать масло’ → *my stomach is churning*, букв. ‘мой живот взбивается’, а также:

(52) украинский

В нього деколи ног-и крути-ть
PREP него иногда нога-ACC.PL крутить-3SG.PRS

(53) балкарский

karn-um bura-dy
живот-1SGPOSS крутить-PST

Интересно, что, помимо вращательных, болевая зона «импортирует» другие глаголы итеративного, непоступательного движения — как качание или прыгание:

(54) японский

futsuka-yoi de atama ga guragura suru
похмелье из-за голова NOM качание делать
(об ощущении головокружения)

(55) хинди

peT kūd rahā hai
живот прыгать AUX(PRS.PROGR)
(об ощущении голода)

4.6. Потеря функциональности

Как уже было сказано, глаголы этого типа выражают не собственно боль, а, скорее, нарушение нормального функционирования какой-то части тела, ср. русск. *нос заложен*, *рука онемела*, и характеризуются особым набором полей-источников. Любопытно, что эти источники в некотором роде зеркально повторяют описанные выше источники болевых глаголов. Ср., например:

— поле *звука* как источник для боли VS. *утрата способности издавать или воспринимать звуки* для потери функциональности, ср. русский глагол *неметь* (*руки немеют*), немецкий предикат *taub werden* ‘глохнуть’:

(56) немецкий

Später können die Schmerz-en in Arm und Schulter
позже могут DEF.PL.NOM боль-PL в рука и плечо

ausstrahlen, die Finger werden taub.
 распространиться DEF.PL.NOM палец становится глухой
 ‘Затем боль может перейти в руку и плечо, пальцы теряют
 чувствительность <букв. становятся глухими>’;

— поле *движения* для боли VS. «*вынужденный по-
 кой*» для потери функциональности, ср. употребление ан-
 глийского глагола *lock* ‘запирать(ся)’:

(57) английский

One day at home, when I bent over to pick up
 однажды дома когда я наклониться.PST поднять
a towel, my back lock-ed and I
 INDF полотенце 1SGPOSS спина запираться-PST и я
couldn't stand up
 не.мог встать
 ‘Однажды дома, когда я наклонился поднять полотенце, у
 меня прихватило спину так, что я не смог разогнуться’.

К этой же семантической зоне относятся испанское *dormirse*
 ‘уснуть’ и глагол со значением ‘умирать’ в дан-гуэта:

(58) дан-гуэта

ǎ kǎ-nǔ wà gǎ ǎ bǎ
 3SG.NSBJ рука.CMM-PL 3PL.PRF умирать 3SG.NSBJ на
 ‘Его руки утратили способность что-либо делать <букв.
 умерли> (от усталости)’;

— поле *разрушения и деформации* для боли VS.
 идею «*укрепления*» для потери функциональности: так,
 в испанском потеря функциональности части тела может
 описываться глаголом *envararse* букв. ‘стать как палка’, ср.
 тж. русское *остолбенеть*. В хинди из этой зоны заимству-
 ется глагол со значением ‘твердеть’:

(59) хинди

injekśan lagākar jībh akar gāī
 укол делать язык твердеть AUX(PST)
 ‘После анестезии язык занемел <букв. затвердел>’.

Как видим, в источниках этого типа вовсе нет идеи изменения-
 порчи, как в группах источников для болевых предикатов. В ос-

нове их семантики, скорее, лежит концепт автономности объекта, его изолированности от остальных, а это связано с потерей существенных способностей, обеспечивающих его коммуникацию с окружающими. Так в языке квалифицируется и немота-глухота, и полная статичность ('остолбенеть'), и невозможность перемещаться в пространстве ('быть запертым'), и, наконец, полная потеря всех жизненных функций — временная ('сон') или постоянная ('смерть'²¹).

4.7. Боль и эмоции

Обратим внимание, что семантические источники, которые порождают во вторичных употреблении идею физической боли, используются в языках мира и для обозначения ментальных и эмоциональных состояний. Особенностью таких употреблений является то, что результирующее ощущение обычно касается человека в целом (см. пример (60) из сербохорватского) или одного из значимых для его психоэмоционального статуса органов, таких как сердце, голова, печень, а также душа, концептуализирующаяся сходным образом, ср. в русском *сердце **щемит** от тоски* (< мягкая деформация), *сомнения **гложут** душу* (< воздействие квазиинструментом), а также примеры из хинди (61) и крымско-татарского (62):

(60) сербохорватский

Ukoči-l-a sam se od straha

оцепенеть-PST-F AUX REFL от страха

'От страха я оцепенела' (< потеря функциональности: вынужденный покой);

(61) хинди

pyār se merā dil TūT rahā hai

любовь от 1SGPOSS сердце ломаться AUX(PRS.PROGR)

'Мое сердце разбивается от любви' (< саморазрушение);

²¹ Интересно, что пока предикат со значением 'убить' ни разу не встретился нам как болевой источник, хотя теоретически он мог бы попасть в группу глаголов разрушения, наряду с 'ломать' или 'резать'. Это поддерживает нашу гипотезу о порче (но не совершенно полном исчезновении и гибели!) как семантическом ресурсе для метафоризации боли.

(62) крымско-татарский

*Ич-им-багъыр-ым***ян-а**

внутренность-1SGPOSS-печень-1SGPOSS гореть-3SG.PRS

‘У меня все внутри горит (от ревности)’ (<горение).

Существование эмоциональных употреблений, обнаруженное нами у всех классов глаголов-источников, ставит некоторые теоретические проблемы, поскольку такие значения тоже, как и метафоры физической боли, являются результатом семантического сдвига. Тем самым следовало бы понять, в каком отношении находятся эти два перехода — переход в зону боли и переход в зону эмоций: являются ли эмоциональные значения производными от физиологических или развиваются независимо от них? Интересно и то, насколько механизмы этих переходов похожи друг на друга. Обсуждение этих вопросов мы оставляем для отдельной статьи, ограничиваясь в этой работе описанием только физиологических (а не ментально-эмоциональных) состояний.

4.8. О классификации полей-источников физической боли

Приведенная классификация покрывает подавляющее большинство собранного материала по языкам нашей выборки — это значит, что выделенные нами классы типологически релевантны и есть надежда, что они обнаружатся и в других языках. Типологическая релевантность означает и когнитивную: видимо, человеку, независимо от языка и культуры, естественно связывать боль именно с этим кругом ситуаций. Другое дело, что сам по себе набор источников при увеличении выборки, скорее всего, окажется шире, чем тот, который был только что представлен: у нас уже и сейчас есть примеры, которые требуют его пополнения.

Так, возможным «кандидатом» на роль источника болевых предикатов является класс предикатов отрицательных эмоций, ср. следующие примеры:

(63) английский

a. *My stomach is upset*
 1SGPOSS живот быть.3SG.PRS огорчен²²

²² Возможно, что примеры с *upset*, учитывая диахронию, следует интерпретировать как движение (‘перевернуться’), а не эмоцию.

- b. *My stomach is unhappy*
 1SGPOSS живот быть.3SG.PRS несчастный
- (64) агульский
ze k'il dallu xunaa
 1SGPOSS голова становиться сумасшедший
 (о сильной головной боли)
- (65) дан-гуэта
Slɔ̃lɔ̃ fɪ̀ yà ñ bēɛ́dē tó nēɛ́sù.
 перец запах 3SG.PRF 1SG.NSBJ шея.CMM оставлять строгий
 'От перца у меня в горле горит'.

Пока что в нашем материале недостаточно примеров для того, чтобы признать предикаты отрицательных эмоций отдельным семантическим источником для болевой зоны, но вполне вероятно, что расширение языковой выборки позволит доказать типологическую релевантность данного класса в сфере боли.

Таким образом, ясно, что представленная здесь классификация, скорее всего, верна, типологически и когнитивно релевантна — но заведомо не полна, ср. также 8.2. Кроме того, она **неоднородна** в том смысле, что глаголы некоторых групп развивают болевые значения практически всегда, ср. 'гореть' или 'колоть', а, скажем, глаголы звука или квазиинструмента могут оказаться почти не задействованы в этом процессе.

Надо сказать, что представленные группы неоднородны и в других отношениях: они связаны с разными типами боли, ср. анкету Макгилла (Melzack 1975). Например, горение передает жар, лихорадку или неприятные ощущения на коже и слизистой, обычно вызванные внешними раздражителями (острой пищей, мылом, попадающим в глаза, и проч.). Разрушение инструментом коррелирует с внутренней болью, обычно более сильной, чем, скажем, мягкая деформация; «кусающая» и «царапающая боль» (воздействие квазиинструментом) соотносится с поверхностными ощущениями и т. д.

Интересно и то, что, как мы видели, в частности, на примере зоны звука, разные типы источников связаны с болевыми ощущениями в разных частях тела ²³.

²³ Таким образом, изучение болевых предикатов в качестве побочного результата дает вклад в типологию частей тела, ср. в Brown (1976), Ander-

Все это, конечно, не недостатки классификации — а отражение ее природы, поэтому каждый из отмеченных здесь аспектов ее неоднородности нуждается не в исправлении, а в более подробном и внимательном изучении. Но пока мы отложим эти задачи. В данной работе нас будет интересовать ровно один аспект неоднородности представленной классификации, а именно следующий: глаголы разных групп по-разному ведут себя при переходе из исходных в болевые в лингвистическом отношении — выбирают разные способы морфологического и синтаксического оформления, выступают в разных грамматических формах и в целом в разных конструкциях (что, надо сказать, хорошо согласуется с общей концепцией SxG). Мы попробуем разобраться, почему это происходит и какими правилами регулируется — и начнем с морфологии.

§ 5. Морфологические механизмы стативизации

5.1. Общие замечания

Обсуждая собственно-болевые конструкции и собственно-болевые предикаты в § 3, мы отмечали, что главным свойством болевых предикатов является их стативность, которая имеет определенные морфологические проявления (в частности, ограничения на некоторые грамматические формы). Между тем, ни одно из полей-источников боли (как мы видели в § 4) не содержит стативов. Это интересно, потому что сам набор полей довольно разнообразен: среди них есть такие, для которых наиболее характерны глаголы непредельных процессов, как ‘звук’, есть относящиеся к предельным действиям, как разрушение инструментом или руками, есть мгновенные события, например, в подгруппе глаголов саморазрушения (как ‘взрываться’ или ‘лопаться’) — а вот длительных неизменных состояний нет. Такие предикаты встречаются в зоне потери функциональности — и тем самым в аспектуальном плане она оказывается ближе к собственно-болевым, ср. *быть немым, глухим*, но не среди источников боли.

Получается, что стандартный глагол-источник изначально слишком мало приспособлен к тому, чтобы выражать болевое

sen (1978), Majid et al. (2006), ср. тж. в диахронической перспективе в рамках проекта LexiType(Dia) (университет г. Тюбинген, Германия, рук. П. Кох).

значение: он совсем не похож на болевой предикат. В таком случае имеется две возможности.

Первая: нестативный глагол-источник остается, что называется, самим собой — но реструктурирует болевую ситуацию, например, выделяя в гомогенном состоянии одноактное действие, ограниченное во времени (пунктив), ср. русск. *кольнуло в боку*, англ. *to feel a sting in one's leg* ('почувствовать укол в ноге'), или «различая» в нем непрерывную цепочку действий (итератив), ср. русск. *покалывало в боку*, а также во французском:

(66) французский

J'ai les yeux qui pic-ot-ent
я иметь.1SG.PRS DEF.PL глаз.PL REL колоть-ITER.DIM-3PL.PRS
(например, если глаза устали от компьютера)

Обратим внимание, что такую «работу» может (при помощи соответствующего морфологического оформления) делать именно глагол действия, причем мультипликативный — глаголы с исходным значением процесса, описывающие непрерывную ситуацию (как 'гореть' или 'гудеть') на эту роль, конечно, не годятся — так же, как и сами собственно-болевые предикаты.

Вторая возможность нас интересует больше, и мы рассмотрим ее подробнее: она связана с изменением свойств исходного глагола, а именно, с переходом его в другой аспектуальный класс — класс стативов. В данном разделе мы исследуем стратегии морфологического маркирования, которые используются в языках с этой целью. Речь пойдет о дуративной стратегии (5.2), результативной стратегии (5.3), эффекте перестройки парадигм, связанном с их применением (5.4), выборе между этими двумя стратегиями (5.5), возможности которого иллюстрируются шкалой дуративности-результативности (5.6), корреляции между акциональностью и таксономией глагола — в связи с проблемой такого выбора (5.7) и третьей, проспективной стратегией (5.8). «Морфологические» итоги подводятся в 5.9.

5.2. Дуративная стратегия

Оформление глаголов со значением предельных (как 'резать') или неопредельных (как 'гореть' или 'гудеть') процессов показате-

лем дуративной семантики становится естественным способом их концептуального сближения со стативами: действительно, граммема дуратива в некотором смысле «объединяет» состояния и процессы, выражая идею длительности и у тех, и у других (ср. Плунгян 2000: 300) и тем самым как бы нивелируя различия во внутренней структуре ситуаций двух разных типов. Дуративная стратегия является основной, например, в русском языке: в болевых конструкциях встречаются преимущественно глаголы несовершенного вида, ср. *в боку колет / кололо, живот тянет / тянуло, голова трещит / трещала, ноги гудят / гудели, ухо горит / горело* и т. п. Сходным образом ведут себя литовские глаголы, ср. *gelia sqnarius* букв. ‘жалят суставы’, *oda dega* букв. ‘кожа горит’, ср. также следующие примеры из венгерского и грузинского:

(67) венгерский

csíp a szem-em
 колоть DEF глаз-1SGPOSS
 (например, от мыла)

(68) грузинский

ķera-ši m-a-cveb-a
 затылок-LOC 1SGOBJ-VRS-давить-3SGSUBJ.STAT
 (боль в затылке, например, от повышенного давления)

5.3. Результативная стратегия

При результативной стратегии нужный эффект сближения со стативом достигается не за счет «растягивания» ситуации во времени, а за счет акцента на ее стативном результате — сколь бы динамичной ни была она сама по себе. Таким образом, состояние боли концептуализуется не как актуально длящийся процесс, а как результат предшествующего процесса. Морфологически такое осмысление маркируется формой с результативной или перфектной семантикой, ср. русск. *нога заложена*, англ. *my leg has gone to sleep* ‘у меня нога уснула’ (= отсидел ногу), ср. также:

(69) украинский

Він таки добре зголоднів за дорогу.
 он действительно очень проголодался за дорогу

Живит **стяг-л-о**

живот.АСС стянуть-PST-N

‘Он и правда очень проголодался за время пути. Скрутило
⟨букв. стянуло⟩ живот’.

Результативная стратегия очень характерна для агульского языка, ср.:

(70) агульский

a. *jak-ar* **arɕ.u-naa**

мясо-PL разбить-RES

⟨букв. ‘Мышцы разбиты’⟩ (о сильной мышечной боли)

b. *k'arab-ar* **uq.u-naa**

кость-PL толочь-RES

⟨букв. ‘Кости истолчены’⟩ (о сильной боли в суставах)

Аналогичные тенденции наблюдаются во французском, ср. *j'ai le dos rompu* букв.: ‘у меня спина сломана’ (о сильной боли в спине), *j'ai le ventre serré* букв. ‘у меня живот сжат’.

5.4. Перестройка парадигм

Понятно, что ввиду новых, стативных, свойств глагольной лексемы, «попавшей» в болевую зону, ее парадигма может существенно редуцироваться.

Хороший пример такой редукции дает грузинский язык: глагол *texa* со значением ‘ломать’ (группа разрушения руками) исходно имеет и форму имперфекта, и форму перфекта. Однако при переходе в болевое значение используется дуративная стратегия, так что форма имперфекта сохраняется, а форма перфекта перестает употребляться:

Таблица 6

‘Ломать’ в грузинском:
морфологическое маркирование в болевой зоне

имперфект	<i>biči džoxs tex-av-s</i> ‘мальчик ломает палку’	⇒	<i>saxsrebši m-tex-av-s</i> ‘в суставах меня-ломает’
перфект	<i>bičta džoxi ga-tex-a</i> ‘Мальчик сломал палку’	⇒	<i>*saxsrebši ga-m-tex-a</i> ‘в суставах меня-сломало’

Пример редукции в другой — результативной — стратегии легко найти во французском. Так, глагол *broyer* (группа разрушения инструментом), в исходном значении ‘тоочь, размалывать’, употребляется и в настоящем времени (в том числе в неагентивной конструкции), и в перфекте (в агентивной конструкции), и в результате. В болевой зоне, по понятным причинам, встречаются только неагентивные формы, и при этом — что более удивительно — только результативные. Настоящее время в болевых контекстах не употребляется.

Таблица 7

‘Размалывать’ во французском:
морфологическое маркирование в болевой зоне

настоящее агентивное	<i>Je broie le sel</i> ‘я размалываю соль’		
настоящее неагентивное	<i>Le sel se broie bien</i> ‘соль хорошо размалывается’	⇒	<i>*J’ai le dos qui se broie.</i> ‘у меня спина размалывается’
перфект агентивное	<i>J’ai broyé le sel</i> ‘я размолот соль’		
результатив	<i>Le sel est broyé.</i> ‘соль размолота’	⇒	<i>J’ai le dos broyé</i> ‘у меня спина размолота’

Еще один пример утраты части своей изначальной аспектуально-темпоральной парадигмы дают русские предикаты со значением инструментального воздействия или саморазрушения: в болевом значении они теряют связь со своими «видовыми коррелятами», ср. *глаз режет* (но **разрежет*), *бок колет* (но **уколет*), *голова раскалывается* (но **расколется*) — как раз ввиду того, что, следуя дуративной стратегии, они теряют предельность.

Но, что интересно, верно и обратное: «встраиваясь» в болевую конструкцию, вторичные глаголы могут и **приобретать** новые парадигматические и деривационные свойства — и моделью для этой перестройки является глагол со значением ‘болеть’. В этом отношении показателен русский глагол *колоть*: в болевой конструкции его видовыми коррелятами выступают инхоативный дериват с приставкой *за-* (ср. *в боку закололо*) и лимитативный на *по-* (*немного покололо и прошло*). Конечно, в значении активного воздействия *колоть* также может иметь производную лексику с

префиксом *за-* (ср. *заколол шпагой*), однако очевидно, что эта лексема характеризуется другой семантикой, так как обозначает финал действия (в другой терминологии — предельного процесса), а не вхождение в неопредельный процесс. Тем самым, получая болевое значение, глагол *колоть* начинает (причем следуя все той же дуративной стратегии!) участвовать в новых словообразовательных моделях, а именно — в моделях, свойственных предикату *болеть*.

В свете всего, что было сказано выше о природе дуративной и результативной стратегий, сам факт изменения в глагольных парадигмах не вызывает удивления. Однако остается вопрос, чем определяется выбор между двумя этими стратегиями.

5.5. Дуративы или результативы? — проблема выбора

По первому впечатлению, выбор между стативами и дуративами непосредственно связан с предпочтениями данного языка: каждый язык выбирает свой тип болевой конструкции. Так, грузинский или русский явно «склонны» к имперфективам, а французский — или, например, агульский — к результативным конструкциям (см. 5.2—5.3). Но все это было бы слишком сильным утверждением: полного запрета на альтернативную конструкцию в болевой зоне в языках, видимо, нет, ср. «болевой» пример из французского с глаголом *se serrer* ‘сжиматься’ в форме презенса: *J’ai le ventre qui se serre* букв. ‘У меня живот, который сжимается’. Правда, это пример на глагол из другой группы-источника — так что вторым естественным предположением относительно стратегии стативизации может быть ее зависимость от семантики исходного глагола. Например, можно было бы предположить, что глаголы со значением, похожим на ‘ломать’, всегда встречаются в имперфективных болевых конструкциях, т. е. принимают дуративную стратегию, как это мы видели в грузинском. Однако французское ‘ломать’ в болевом значении, напротив, результативно, ср.: *J’ai le dos rompu*, букв. ‘У меня спина сломана’.

Получается, что оба сделанные предположения неверны — но до некоторой степени: по-видимому, все-таки склонность языка к дуративному или результативному маркированию болевых конструкций имеет место — просто она не носит универсальный ха-

рактен. В частности, есть зоны, в которых морфологическое оформление может отклоняться от основной тенденции — и в установлении этих зон, как и предполагалось, важную роль играет семантика исходных глаголов и свойства ситуации в целом.

Так, вполне естественно, что предельные глаголы более склонны к оформлению результативными показателями, чем неопредельные (последние просто не соотносятся с идеей естественного результата). Соответственно, глаголы с исходным значением звука или моторно-кратного движения, являющиеся типичными представителями класса неопредельных процессов, ни в одном рассмотренном языке не маркируются результативом²⁴, ср., например, следующие дуративные формы в «результативно-ориентированном» агульском:

(71) агульский

- a. *ze k'il aldarka-a*
 1SGPOSS голова кружиться-PRS
 'Голова кружится'
- b. *fun raXa-a*
 живот разговаривать-PRS
 (об ощущении голода)

Наоборот, зона потери функциональности наиболее склонна к результативности. Здесь сама структура события определяет особенности морфологического маркирования. Действительно, подобная ситуация обычно предполагает, что в некоторый момент времени t_0 произошло *нечто*, и начиная с t_0 наступило новое состояние, а именно, невозможность функционирования затронутой части тела. Такая последовательность в точности повторяет схе-

²⁴ В этом отношении интересны глаголы группы 'горение'. С точки зрения морфологического маркирования глаголы горения ведут себя так же, как глаголы звука или движения — т. к. обычно обозначают неопредельный процесс (ср. 'огонь горит'). В то же время, они могут обозначать и предельную ситуацию (ср. 'бумага горит [= сгорает] быстро'). Это обстоятельство создает для них возможность сочетаться не только с дуративными, но и (хотя гораздо реже) с результативными показателями, ср. фр. *J'ai les yeux brûlés* букв. 'У меня глаза сгоревшие' (от длительного пребывания на солнце), см. Исаева/Резникова: 213; о маркировании глаголов горения см. также 5.7 и сноску 38.

му толкования (или структуру события) результата. Неудивительно поэтому, что в зоне потери функциональности глаголы получают результативно-перфектное маркирование даже в таких «дуративно-ориентированных» языках, как русский, ср. *нос заложен, рука затекла* и под.

Пределные глаголы, обозначающие ситуацию инструментального воздействия, — а это в первую очередь глаголы группы разрушения инструментом или руками и глаголы мягкой деформации — судя по нашей выборке, допускают и дуративное (см. 72—73, а также 67—68 выше), и результативное (см. 74—75) маркирование — в зависимости от языка.

(72) эрзянский

m'ešč'i-t'ende *r'izne*
грудь-PART резать.PRS.3SG

(73) польский

łupi-e *go* *w skroni-ach*
бить-3SG.PRS он.ACC в висок-LOC.PL
(о сильной боли в висках)

(74) агульский

jak-ar *arɬ.u-naa*
мясо-PL разбивать-RES

‘У меня все мышцы болят (букв. разбиты) (например, во время простуды)’

(75) болгарский

krăst-ăt *mi* *se* *sekna-l*
спина-DEF он.DAT REFL отрезать.PRF-PST.M

5.6. Дуративно-результативная шкала

В целом же тенденции маркирования тех или иных зон позволяют распределить все семантические области на общей дуративно-результативной шкале, у которой есть два довольно устойчивых в типологическом отношении полюса и промежуточная зона, в наибольшей степени подверженная вариативности (см. Рис. 1). Полюса устойчивы, потому что каждый из них по-своему близок к стативной ситуации: ведь в дуративном конце шкалы располагаются предикаты с исходным процессным значением звука и движения, а в результативном — зона потери функциональности.

Размещение остальных групп источников, т. е. степень их близости к тому или иному полюсу, определяется для каждого конкретного языка — относительной частотой выбора той или иной стратегии в морфологическом оформлении относящихся к ней предикатов. Однако наиболее динамические глаголы, — а к ним прежде всего относятся глаголы инструментального воздействия, т. е. каузативные глаголы разрушения и деформации — попадают в промежуточную зону, а значит, дальше всего отстоят от почти-стативных полюсов и в целом — от стативного «болевого идеала». Соответственно, их «стативизация» требует более действенного механизма подавления динамического начала, так что им в этом отношении, как мы увидим дальше (§§ 6—7), «не будет хватать» одного только морфологического маркирования и потребуются дополнительные языковые средства.

Рис. 1. Дуративно-результативная шкала

Таким образом, теперь мы можем уточнить введенное выше разграничение «дуративно-» и «результативно-ориентированных» языков: это противопоставление носит градуальный характер. Языки различаются тем, в каком месте дуративно-результативной шкалы они проводят границу между дуративными и ре-

зультативными конструкциями. Иначе говоря, «дуративно-ориентированные» языки могут сопоставляться на основании того, как далеко в «результативную» зону заходят их дуративные конструкции, и наоборот, болевая «результативность» языка может оцениваться по степени захвата «дуративной» зоны. Так, русский оказывается более «дуративно-ориентированным» языком, чем эрзянский: в русском вне сферы дуративного маркирования остается только зона потери функциональности (и даже внутри нее обнаруживаются отдельные конструкции с глаголами несовершенного вида, ср. *рука немеет*). В эрзянском вся зона потери функциональности обслуживается результативными показателями полностью, а кроме того, результативные конструкции встречаются и с глаголами инструментального воздействия, ср.:

- (76) эрзянский
s'ed'i-s' s'i-s'
 сердце-DEF.NOM рвать-PST.3SG
 (о боли в сердце, ощущаемой в момент речи)

И все же, в большинстве своем эти глаголы в эрзянском маркируются дуративно, а не результативно, ср.:

- (77) эрзянский
p'eki-t'ende s'endyr'e
 живот-PART ломать.PRS.3SG

Поэтому можно считать, что эрзянский более дуративный, чем немецкий, в котором граница дуративности немного отодвигается от результативного полюса: большинство предикатов инструментального воздействия ('резать', 'сверлить', 'стрелять', 'рвать') в болевых контекстах не встречаются в дуративных формах. Однако в случае немецкого картина усложняется именными конструкциями, которые в этом языке (а также в английском и некоторых других) характерны как раз для инструментальных предикатов. Об именных конструкциях (в том числе и немецких) мы расскажем в следующем, шестом, параграфе, посвященном морфосинтаксису, но прежде сделаем некоторые важные, с нашей точки зрения, уточнения, касающиеся обсуждавшейся здесь морфологической шкалы: относительно связи акциональности и таксономии (5.7) и роли перспективной стратегии морфологического маркирования (5.8).

5.7. Некоторые уточнения к структуре шкалы:
таксономия и акциональность

До сих пор мы представляли нашу шкалу так, как если бы в ней была прямая корреляция между исходным таксономическим классом вторичных болевых глаголов и их аспектуальным поведением. Действительно, в нашем изложении, выбор дуративных форм, характерный для акционального класса неопределенных процессов, иллюстрировался глаголами как представителями определенных таксономических классов — речь шла о классах движения и звука; соответственно, результирующая стратегия коррелировала с классом потери функциональности, тогда как таксономический класс инструментального воздействия демонстрировал смешанное поведение. Между тем эта картина, схематично представленная шкалой на Рис. 1, нуждается в уточнениях.

Прежде всего, не все таксономические классы в акциональном смысле достаточно гомогенны. Так, глаголы звука в рассмотренных языках и в самом деле подходят под определение неопределенного процесса именно как класс, т. е. все без исключения (точно так же, как, например, модальные глаголы — под определение состояния). А вот среди глаголов горения и движения, в целом очень похожих по своим характеристикам на звуковые, исключения есть: это каузативы, которые, пусть в небольшом количестве, но все же встречаются и среди вторичных болевых предикатов. Ср., например, глагол со значением ‘печь’ в польском в употреблении типа:

(78) польский

- a. *Rana mnie piecz-e.*
рана я.ACC печь-3SG.PRS
- b. *Zgaga go piecz-e.*
изжога он.ACC печь-3SG.PRS
- c. *Niewygodne buty mnie piek-l-y.*
неудобные ботинки я.ACC печь-PST-PL

Ср. также английский глагол *sear* ‘обжигать’ в *Pain seared his limbs* ‘Боль обожгла его конечности’ или крымско-татарское *пиш-мек* ‘вариться’, употребляющееся с каузативным суффиксом *-ыр-* в:

(79) крымско-татарский

Къайнагъан аш-тан агъыз-ым ниш-ир-ди
горячий еда-ABL рот-1SGPOSS вариться-CAUS-PST.
‘Горячей едой я обжег себе рот’ (букв. ‘мой рот сварило’).

Понятно, что акционально такие предикаты — исходно означающие контролируемое воздействие на объект — гораздо дальше от стативов, чем непереходные процессуальные ‘гореть’ или ‘гудеть’, и больше похожи на предельные ‘колоть’ или ‘резать’. Соответственно, и способы их стативизации могут развиваться иначе — например, они могут выбирать не только дуративные формы (как в польском), но и результативные (как в английском или крымско-татарском)²⁵.

Как мы знаем, предикаты горения — один из самых частотных лексических источников для болевых значений, и в любой представительной выборке нетрудно обнаружить как примеры на «каноническое» поведение этих глаголов, так и на отклонение от него. Предикаты движения в роли болевых встречаются значительно реже (и преимущественно это только глаголы вращения, причем головы и живота, см. раздел 4.5), поэтому и не вполне стандартные переходные конструкции среди наших примеров немногочисленны, ср. русское *скрутить* в: *живот скрутило*.

Обратим внимание, что в этом русском предложении выбрана результативная стратегия (в рамках безличной конструкции): дуративной была бы форма *скручивало*. Между тем, в русском результативное маркирование встречается крайне редко — и только в зоне потери функциональности (см. 5.6). Но ничего парадоксального в *скрутило*: результативные формы от глаголов каузации движения семантически могут быть очень близки к этому классу, выражая как раз отсутствие движения — ср. такие характерные для группы потери функциональности значения, как ‘схвачен’, наряду с ‘остолбенел’ или ‘превратился в палку’²⁶.

²⁵ Ср. также в § 6 об особенностях их синтаксического маркирования.

²⁶ Кстати, похожий эффект возникает и у инструментальных форм, ср. в агульском глаголы с исходным значением ‘толочь’ в результативных формах, например: ‘ноги разбиты’ (очень много ходил) и др. Ср. замечание в Мерданова 2009: 342 о трудности выбора при их классификации между классом разрушения и потери функциональности.

Получается, что так же, как нет точной корреляции между не-предельными процессами и «близкими» им таксонами (как горение), так нет ее и в результативной зоне: результативность тоже может быть связана с «неканоническим» таксономическим классом (в нашем примере — движением), который в таком случае окажется на правом конце дуративно-результативной шкалы. Данная возможность обусловлена еще и тем, что потеря функциональности не представляет собой единого таксона, а вбирает несколько семантически сходных, — но не во всех отношениях.

Здесь интересен пример агульского, в котором эта зона довольно хорошо разработана, а значит, представлена таксономически разными семантическими источниками (см. Мерданова 2009). Прежде всего это глаголы со значением: ‘схватить’ или ‘стать мягким’, — они, как и следовало ожидать, используются в результативных формах: потеря функциональности и сама результативна, а агульский еще и результативный язык. И тем не менее, в агульском списке источников для потери функциональности есть группа родственных предикатов, производных от глагола *arxas* ‘попадать’: *aīarxas*, *alaīarxas* и *keīarxas*, которые, вопреки всему сказанному, всегда реализуют дуративную стратегию²⁷.

Заметим, что все три предиката непереходные и исходно описывают отделение частей или квазичастей (в терминологии Рахилина 2000a/2008: 45—56 — дополнителей, в терминологии Levinson et al. 2003 — attachments), ср. ‘ножки отвалились от стула’, ‘крышка слетела с банки’, ‘ключ выпал из замочной скважины’ и др. Данное значение ближе всего к классу ‘движение’ (ср. сноску 26), причем, как видим, представляет движение совершенно нехарактерного для болевых предикатов типа (не итеративное и не возвратно-поступательное). Но во вторичных контекстах эти предикаты описывают не боль, а состояния, похожие на потерю функциональности, хотя и для этой зоны глаголы движения — также довольно неожиданный источник, ср. следующие примеры:

²⁷ Подробнее см. Мерданова 2009: 342 — правда, в этой работе данные глаголы неточно квалифицируются как принадлежащие к классу разрушения, но пограничные с группой потери функциональности; об их двойственной природе см. ниже.

(80) агульский

- a. *ze k'il alaṭarx.a-a*
 1SGPOSS голова сниматься.IPF-PRS
 'Моя голова разламывается (букв. снимается)'.
- b. *zun ʔaji šawlaḥ.u-naa, ze lak-ar / Xil-ar*
 я очень уставать.PRF-RES 1SGPOSS нога-PL / рука-PL
keṭarx.a-a.
 отваливаться.IPF-PRS
 'Я очень сильно устала, у меня ноги-руки отваливаются'.

Как видим, семантически они очень близки русским квазиболевым *отниматься*, *отваливаться*. Не исключено, что это поздние кальки с русского и их дуративное морфологическое поведение — естественное для русского, но не агульского — также калькировано²⁸. Но даже если это всего лишь калькирование, оно дает повод пристальнее посмотреть и на русские источники. К анализу этого материала мы переходим в следующем разделе.

5.8. Проспективная стратегия

У русского глагола *отниматься*, в отличие от его агульских коррелятов, есть альтернатива в отношении грамматического оформления: можно сказать (и это устойчивое сочетание, практически медицинский термин, так что варианты здесь исключены) *ноги отнялись* (ср. **ноги отвалились*), а можно — *ноги отнимаются* (/отваливаются). Первое представляет довольно стандартное результативное маркирование с «чистым», стативным, значением полной потери функциональности 'ноги не действуют, поражены параличом'. Второе имеет более «мягкое», и уже болевое значение: 'ноги болят (от того, что сильно устали)' — это тоже состояние, но совершенно другой природы, в том числе и лингвистической, и тем самым оно представляет особый интерес. Обратим внимание, что настоящее время употреблено здесь про-

²⁸ Ср. также похожие грузинские примеры с глаголами 'отрывать' и 'выпадать':

<i>çeli damaçda</i>	'поясница отрывается (от ношения тяжестей)';
<i>xelebi damaçda</i>	'руки отрываются (от ношения тяжестей)';
<i>nervebi damaçda</i>	'нервы отрываются (перенервничать)'.

спективно, в значении будущего, ср. примеры Е. В. Падучевой (1996: 113—115): «Спартак» *выигрывает*, *ребенок выздоравливает / опаздывает* и под., которые она квалифицирует как «тенденции». «Тенденцию» можно усматривать и в данном случае: *ноги отваливаются* = ‘устали, вот-вот отвалятся’. По наблюдению Е. В. Падучевой, проспективное значение настоящего свойственно моментальным предикатам, обозначающим события, в их числе и *выиграть*, и *выздороветь*, и *опоздать*, и обсуждаемые *отвалиться*, *отняться*.

Надо сказать, что события представляют особый акциональный класс, к стативизации которого плохо применимы обе описанные нами ранее стратегии — как дуративная, так и результативная: событие — это в лингвистическом смысле точка, как правило, ее нельзя растянуть во времени, и тем более невозможно вычленишь из нее результат. Зато можно представить себе гомогенный процесс, конечной точкой которого будет это самое событие. Это и есть та стратегия стативизации, которая выбирается естественным языком для событий и которую мы только что наблюдали на примере русского *отниматься / отваливаться*, а также (вполне возможно, что все-таки независимых от русского) агульских и грузинских глаголов (см. сноску 28). Она состоит в том, чтобы заместить точечную единичную ситуацию длительным, почти стативным процессом ее подготовки, и выражается средствами, принятыми в данном языке для проспективных значений. В русском языке это в основном настоящее в значении будущего; есть и особая лексикализованная конструкция *вот-вот V*: *вот-вот опоздаем*, *вот-вот выиграет*; ср. здесь возможное (в качестве гиперболы) *ноги так устали — вот-вот отвалятся*²⁹.

Очень важно, что, помимо отмеченных здесь случаев с довольно изысканной семантикой (потери функциональности на базе неожиданных для этой зоны глаголов с компонентом ‘движение’, к тому же необычного для них событийного класса), у данной стратегии в зоне боли есть и другая, причем довольно обширная, область применения, а именно, глаголы саморазрушения, которые в подавляющем большинстве как раз стандартно событийны:

²⁹ Но, конечно, не в качестве профессионального термина; ср. невозможное: **вот-вот отнимутся*.

‘лопаться’, ‘взрываться’, ‘разрываться’, ‘трескаться’, ‘разламываться’, ‘ломаться’, ср. в русском с настоящим перспективным: *столько дел — голова разламывается / раскалывается / лопается* (или: *голова вот-вот лопнет*).

И более того, есть языки, в которых перспектив грамматикализован, как, например, в хинди, и тогда данная стратегия имеет возможность получить особое маркирование, ср. Козлова, Хохлова 2009: 256:

- (81) хинди
dard ke māre merā sir phaTa jā
 боли от 1SGPOSS голова лопаться.PST.PTCP AUX(PROSP)
rahā hai
 AUX(PRS.PROGR)
 ‘От боли голова вот-вот расколется’.

Любопытно, что в другом примере, тоже из хинди, тот же глагол стоит в результате:

- (82) хинди
čillāhaT se merī āvāz phaT gayī
 крик от 1SGPOSS голос лопаться AUX(PRF)
 ‘От крика у меня сел голос’.

Получается, что эта пара в точности повторяет русскую с *отниматься / отнять*: легко видеть, что если первый пример описывает некоторый (гиперболически выраженный) вид боли, то второй — состояние потери функциональности, в данном случае, голоса.

В завершение — несколько слов о семантике перспективного перехода (или, в терминах Е. В. Падучевой, тенденции).

С семантической точки зрения важно, что событие и «его» процесс (т. е. тот, который используется при стативизации как замена состоянию) связаны друг с другом; семантисты сказали бы — смежны и сочли бы данный случай метонимическим, как в паре процесс-результат. Однако, вообще говоря, перспективная метонимия существенно отличается от результативной. Дело в том, что всякий результат является «законной» частью соответствующего предельного процесса, так что в этом классическом случае мы имеем абсолютно ясный случай более общей метонимии

‘часть-целое’. Однако перспективное событие гипотетично по отношению к предшествующему процессу, а значит, велика вероятность того, что оно может и вовсе не наступить. Рассуждая строго логически, не-наступившее событие нельзя признать полноценной частью процесса, поэтому применительно к перспективным контекстам — опять-таки в строгом, логическом, смысле — нельзя говорить о его близком родстве ни с механизмом «результивизации», ни с метонимией другого типа.

Однако у языка есть своя логика. И в ней часто сущности, имеющие «гипотетический статус», ничем не отличаются от реальных. Когда мы говорим *он строит дом* или *она шьет платье*, мы лингвистически никак специально не отличаем гипотетический, несуществующий и, может быть, никогда так и не превратившийся в реальность объект от настоящего³⁰ (см. здесь Крейдлин, Рахилина 1981).

С этой точки зрения (наверное, ее можно было бы назвать когнитивной), перспективная стратегия по технике стативизации похожа на результативную и тоже представляет метонимию типа часть-целое.

5.9. Морфологическое маркирование: итоги

Морфологическое маркирование представляет три возможности стативизации глаголов, которые переходят в болевой класс:

- дуративная стратегия, связанная с «растяжением» ситуации во времени;
- результативная, заменяющая процесс на его стативный результат;
- перспективная, заменяющая событие на подготавливающий его процесс.

Выбор стратегии нетривиален, он связан с «возможностями» исходного предиката, т. е. со свойствами той ситуации, которую он называет — одни нельзя «растянуть», у других нет результата, третьи не предполагают никакой предварительной подготовки — и т. д.

³⁰ Заметим, что даже в артиклевых языках маркирование референтных объектов и объектов с «гипотетическим статусом» может совпасть.

На него могут влиять:

- особенности языка (сам язык может быть дуративным или результативным);
- таксономия предиката-источника (например, глаголы звука всегда выбирают дуративную стратегию);
- акциональный класс предиката-источника (события склонны к проспективной стратегии).

Предикаты-источники различаются по степени семантической (прежде всего акциональной) «близости» к своей конечной «цели»: болевому состоянию или состоянию потери функциональности (это распределение отражено нами на условной шкале дуративности-результативности). Для боли «ближе всего» к цели находятся неопредельные процессы (как звук); для потери функциональности — результирующие состояния (как ‘оглохнуть’). И тем, и другим, вообще говоря, «достаточно» иметь всего лишь «правильный» морфологический показатель для маркирования стативизации — и больше ничего не менять. А вот предикатам, которые совсем не похожи на болевые стативы — как, например, глаголы инструментального воздействия, помимо морфологических, требуются и другие «свидетельства» того, что они и в самом деле «расстались со своим агентивным прошлым»: они должны продемонстрировать свое соответствие стативам и на морфосинтаксическом уровне (номинализация конструкции), и на синтаксическом (изменения в маркировке ролей). Поэтому в § 6 мы обсуждаем морфосинтаксис, а в § 7 — синтаксис.

§ 6. Морфосинтаксис: смена лексико-грамматического класса как средство стативизации

6.1. Общие замечания

Прототипическая глагольная семантика в целом мало приспособлена для выражения стативности: глагол предназначен для того, чтобы выражать динамические ситуации, т. е. изменения — управляемые или спонтанные, подготовленные или внезапные, медленные, быстрые или мгновенные. А значит, будучи выражена в глагольной лексеме, боль требует, как мы только что видели, специальных глагольных форм, которые по своему значению, в общем, пограничны с именными. Однако стативная природа боли

может проявляться не только в выборе особых морфологических показателей, но и в отказе от глагола как лексико-грамматического класса: как мы помним из раздела 3.2, собственно-болевые предикаты часто и изначально строятся на более стативной основе, лексикализуясь как предикативы, а также прилагательные или абстрактные существительные (со вспомогательным глаголом). То же касается и вторичных болевых предикатов. Они используют два основных способа неглагольной лексикализации: образование отглагольных прилагательных (причастий) и отглагольных имен (S_0 , в терминологии модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»). Первый способ — адъективизацию — мы рассмотрим в разделе 6.2, в основном на русском и немецком материале, второй — собственно номинализацию — в разделе 6.3 на материале хинди и в разделе 6.4 на материале японского.

6.2. Отглагольные прилагательные (причастия)

Конструкции с отглагольными прилагательными (причастиями), которые выступают как определение к существительному со значением ‘боль’, характерны для многих языков, представленных в нашей выборке, ср. русск. *ноющая* / *режущая* / *колющая* (боль); англ. *burning* ‘горящая’ / *crushing* ‘дробящая’ / *gnawing* ‘грызущая’ (*pain*); венгерск. *szúró* ‘колющая’, *égető* ‘сжигающая’, *húzó* ‘тянущая’ (*fájdalom*) и под. Зачастую эти конструкции функционируют в языке наряду с соответствующими глагольными. Именно так, например, ведут себя все только что упомянутые русские прилагательные, ср.: *ноющая* / *режущая* / *колющая* боль в боку — в боку ноет / режет / колет³¹.

Однако возможны и случаи несовпадения наборов глагольных и причастных болевых выражений, когда есть предикаты, которые могут участвовать в глагольных, но не в причастных конструкциях ($V \rightarrow *Adj$), и наоборот, те, которые встречаются в причастных, но не в глагольных описаниях боли ($*V \rightarrow Adj$). Оба типа запретов обусловлены особыми требованиями конструкции, которые не разделяются ее коррелятом — и в этом отношении довольно любопытны для SxG .

³¹ Ср. здесь другие русские примеры характерных адъективных конструкций, параллельных глагольным: *давящая* / *тянущая* / *дергающая* боль.

Начнем с запрета $V \rightarrow *Adj$, а значит, с обсуждения эксклюзивных свойств адъективной конструкции, «сужающих» ее по сравнению с глагольной.

(1) Прилагательные в ней выступают определением к имени со значением 'боль', а значит, должны характеризовать именно **болевые** состояния в узком смысле, причем обусловленные внутренними системными нарушениями организма, а не вообще любые неприятные физиологические ощущения в какой-то части тела — как мы определяли в § 4, работая с глагольными конструкциями. Поэтому, например, в русском такие глаголы, как, скажем, *шуметь*, *кружиться*, *крутить*, *есть*, *кусать* или *жать*, которые описывают некоторые специальные ощущения, вызванные необычным, но все же не по-настоящему болевым состоянием части тела (обычно ситуативно тесно связанной с этим глаголом), в адъективной конструкции не встречаются: *есть шуметь в ушах*, *печь голову*, *кружиться* (о голове), *крутить* (о животе), *есть глаза* (о дыме), *кусать* (о носках), *жать* (о тесной одежде или обуви), но нет *шумящей* / *пекущей* / *кружащейся* / *крутящей* / *едящей* / *кусающей* / *жмущей боли*. Между прочим, сугубо болевая семантика русских адъективных конструкций проявляется еще и в том, что они ощущаются как присущие медицинскому дискурсу, почти терминологические³², ср. *тянущая боль в пояснице* (при гинекологических заболеваниях) или *давящая боль в груди* (при сердечной недостаточности)³³.

(2) На русском материале удобно проиллюстрировать и другой пример влияния адъективной конструкции на выбор предиката для ее заполнения: она не образуется от глаголов события, а значит, не поддерживает проспективной стратегии (5.8): можно сказать *голова раскалывается* или *лопается*, но не: **раскалывающаяся(ся)* / **лопающаяся(ся) боль*. Интересно, что сами по себе действительные причастия настоящего времени сохраняют свойственную исходному глаголу возможность иметь проспективную

³² Ср. болевую анкету Макгилла в Melzack 1975, а также Садовникова 2002.

³³ Ср. в том же ряду общепринятые *номинализованные* медицинские термины *шум в ушах* и *головокружение*, тоже описывающие стандартные «лечебные» ситуации (но, как мы убедились, все же не боль).

интерпретацию — ср. *опаздывающий поезд* = ‘который, по-видимому, опоздает’ или *раскалывающаяся голова* = ‘которая вот-вот расколется’. Но конструкция с именем ‘боль’ предполагала бы смену субъекта: с части тела — т. е. конкретного предмета, подвергающегося (гипотетическому) саморазрушению, — на саму боль, к которой эта ситуация просто неприменима. Понятно, что такое ограничение действует не только в русском — ср., например, в немецком, для которого адъективные конструкции очень характерны: *mir platzt der Kopf* букв. ‘мне взрывается голова’, но **platzende Schmerzen* ‘взрывающиеся боли’.

(3) Данное ограничение заставляет задуматься о сочетаемости слова ‘боль’ с прилагательными / причастиями в более общем ключе: есть свойства, которые метафорически применимы к такому концепту, как боль, а есть, как мы только что видели, и такие, которые с ним соотноситься не могут. В русском, несмотря на непереходность собственно-болевого предиката *болеть*, производное от него имя *боль* концептуализируется как (неагентивная) причина каких-то других событий: *от боли плачут / страдают / устают* и т. д. Метафорически боль **воздействует** на человека — **заставляет** его страдать и мучиться и проч. Поэтому естественнее всего с этим именем смотрятся прилагательные и причастия, образованные от двухместных предикатов воздействия (хотя, как мы уже показали, не любых): боль ‘режет’ (*режущая*), ‘колет’ (*колющая*), ‘жжет’ (*жгущая*)³⁴ — но не ‘горит’ (**горящая*)³⁵. Но при этом боль еще и «хорошо звучит» — скорее всего, звуком также воздействуя на человека — однако глаголы звука, как правило, непереходны и, соответственно, не выступают в качестве определения к ‘боли’ (ср. **гудящая*).

Мы выделили три свойства адъективных конструкций, которые пока, ввиду недостаточности данных по языкам, могли прокомментировать, используя в основном лишь русские примеры. Ясно, что (2) вполне претендует на универсальность, а типологи-

³⁴ В русском языке прилагательное *жгущий*, когда-то образованное от глагола *жечь*, претерпело значительный семантический сдвиг по типу ребрендинга (см. подробнее Главу 3 четвертой части) и стало интенсификатором.

³⁵ Такой запрет, конечно, нарушится, если соответствующий глагол лабильный, как в английском, ср. *burning pain*.

ческая релевантность (1) и (3) требует исследования; дополнительный языковой материал может выявить новые свойства адъективных конструкций — и новые примеры запретов на тип $V \rightarrow *Adj$.

Теперь обратимся к типу $*V \rightarrow Adj$.

Пример такого рода несовпадения в поведении глагольной и адъективной конструкций уже упоминался нами выше, как иллюстрация «работы» дуративно-результативной шкалы, на которой условно отражены морфологические стратегии стативизации предикатов разных таксономических классов (5.6). Речь шла о том, что в немецком глаголы инструментального воздействия, расположенные в центральной зоне этой шкалы, не встречаются ни в дуративных, ни в результативных формах³⁶ — т. е., вопреки обычному поведению этой промежуточной по своему положению группы, не объединяются ни с левым, ни с правым ее концом. Немецкий решает проблему выбора маркирования для инструментальных глаголов принципиально иначе, чем другие языки, — и радикально, — предписывая им свой особый способ оформления в болевых конструкциях: адъективизацию. Таким образом, для предикатов этого, самого «динамического» (а значит, изначально не имеющего ничего общего со стативами), класса в немецком языке причастные конструкции являются единственным способом произвести необходимую «перестройку» и стать похожими на (болевой) статив — такова здесь причина $*V \rightarrow Adj$, ср.: *ich habe schneidende Schmerzen im Bauch* букв. ‘у меня режущие боли в животе’.

6.3. Отглагольные существительные

Известно, что существительные еще более стативны, чем адъективы (не говоря уже о глаголах): семантически они представляют не один, а целую совокупность признаков. Так что если единственный признак, лексикализированный в прилагательном, и может оказаться динамичным, изменчивым (а значит, и прилагатель-

³⁶ Исключение составляет глагол *stechen* ‘колоть’, который в употреблении, служащих источником для соответствующего семантического сдвига, практически лишен предельности, вытесняемой сильным итеративным значением (‘колоть <много раз>, не с целью проколоть насквозь’). Такое исключение только подтверждает наше правило.

ное — слабо стативным), то совокупность признаков всегда стабильна — иначе она не сможет существовать в этом качестве (подробнее см. Givón 1984, Wierzbicka 1986, Алпатов (ред.) 1990 и мн. др.). Поэтому номинализация — подходящий способ выражения болевых значений, и, как мы видели в 3.2, он широко распространен в языках мира в собственно-болевой зоне: вполне вероятно, что при соответствующих подсчетах имен со значением ‘боль’ в языках в конечном счете окажется больше, чем глаголов со значением ‘болеть’.

Из сказанного следует, что номинализация является естественным механизмом «стативизации» вторичных предикатов: неудивительно, что вторичные отглагольные имена (S_0) широко используются в болевых конструкциях. Частным проявлением этой тенденции становится закрепление за именными дериватами, производными от вторичных глаголов боли, медицинского терминологического значения, ср. сербохорватск. *zujanje* букв. ‘жужжание’ (тиннитус), французск. *oppression* букв. ‘сжатие’ (чувство затрудненного дыхания), ср. также русск. *зуд*, *рези*, *головокружение*, устар. *ломота* и др. — ср. сноску 33.

Особенно существенна роль номинализации в системе болевых конструкций для тех языков, в которых значительную часть предикатной лексики образуют составные именные предикаты (перифрастические глаголы) — ср., например, хинди. Заметим, что в хинди основная болевая конструкция тоже строится с использованием существительного — в ее составе выступает одно из имен со значением ‘боль’, как существительное *dard* в следующем примере:

- (83) *mere hāth meⁿ dard hai*
 1SGPOSS рука в боль есть.PRS.3SG
 <букв. ‘в моей руке есть боль’>

Довольно часто конструкции со вторичными предикатами боли непосредственно воспроизводят этот образец, ср. пример (84), где *chubhan* — существительное от глагола *chubhnaa* ‘вонзаться, прокалывать’.

- (84) *pair-ō meⁿ čubh-an ho rahī hai*
 нога-PL в вонзаться-NMLZ есть AUX(PRS.PROGR)
 <букв. ‘в моих ногах есть вонзание’>

В то же время, во «вторичной болевой зоне» хинди, помимо именных, встречаются и глагольные конструкции — но не с любыми типами предикатов-источников: в простых глагольных конструкциях выступают главным образом предикаты с исходным значением звука и движения, ср.:

- (85) *maiⁿ kām nahīⁿ kar saktā: kān baj*
 я работа не делать могу уши звенеть
rahe haiⁿ
 AUX(PRS.PROGR)

‘Я не могу работать: в ушах звенит’.

- (86) *merā sir ghūm rahā hai*
 1SGPOSS голова кружиться AUX(PRS.PROGR)
 ‘У меня кружится голова’.

Заметим, что именно глаголы звука и движения образовывали левый — дуративный — полюс введенной выше семантической шкалы (см. 5.6). Мы указывали, что эти две группы имеют максимальное — по сравнению с остальными полями-источниками — сходство со стативными ситуациями уже в своем исходном значении и, что называется, «могут себе позволить» не менять морфосинтаксическое маркирование, сохраняя исходный лексический класс и в болевых контекстах³⁷.

Наоборот, динамические глаголы, т. е. глаголы инструментального воздействия, как изначально наиболее удаленные от стативов, не могут оставаться в своем прежнем виде, семантически превратившись в болевые: для них глагольные конструкции запрещены и возможны только именные. Семантический сдвиг, который в них произошел, нуждается в дополнительной маркировке: требуется, чтобы конструкция, в которой они выступают в болевом качестве, с одной стороны, отличалась от исходной, а с другой — была аналогична собственно-болевой.

Таким образом, и здесь срабатывает шкала маркирования вторичных болевых предикатов (5.6): номинализация в хинди противостоит конструкциям с грамматической семантикой дуратива и тем самым выступает как аналог результативных и причастных

³⁷ Глагольную конструкцию — и дуратив — выбирают в хинди и глаголы саморазрушения, которые, как мы помним, наряду с этим, реализуют собственную перспективную стратегию.

конструкций, засвидетельствованных в динамической зоне шкалы в других языках³⁸.

Как видим, типология лексикализации вторичного значения в рамках болевой конструкции может стать отдельным направлением исследования — пока в этой области у нас не так много материала. Тем не менее, нам кажется, что даже и отдельные примеры и наблюдения здесь ценны — потому что они, как фрагменты мозаики, укладываются в более или менее цельную (хотя, конечно, пока далеко не полную) картину, если так можно сказать, «лексического переустройства».

В следующем разделе мы рассмотрим еще один пример номинализации — из японского. Он интересен тем, что общая система вторичных болевых значений в этом языке довольно далека от привычного европейского стандарта — тем не менее, как нам представляется, и она подчиняется некоторым правилам, которые действуют в этой зоне.

6.4. Номинализация в японском: особый путь эволюции

Подробный анализ лингвистических средств выражения болевых значений в японском дан в Костыркин, Панина 2009. Согласно этому описанию, в японском, как и в хинди, в собственно-болевой зоне господствуют именные, а не глагольные структуры. В частности, распространена конструкция *itami suru*, состоящая из имени *itami* со значением ‘боль’ и вспомогательного глагола *suru* со значением ‘делать’. При этом в европейском смысле вторичных предикатов в японском практически нет, а есть идеофоны (ср. *kiri-kiri*, *chiku-chiku* и др.), обычно с довольно размытой се-

³⁸ Любопытно, что глаголы группы горения в хинди употребляются в именных, а не глагольных конструкциях, объединяясь, следовательно, в этом отношении не со звуковыми, а с инструментальными предикатами. Скорее всего, это объясняется их предельностью, которая, видимо, в некоторых случаях и сдвигает этот класс в сторону центра шкалы. Такое поведение согласуется с морфологическим маркированием французского глагола горения *brûler*, для которого допускается и дуративная, и результативная стратегия (см. сноску 24), что отличает его от болевых употреблений глаголов звука (у них разрешено только дуративное маркирование).

мантикой и неясной деривационной историей, которые уточняют качество и степень интенсивности боли и выступают в функции наречий при родственном *itami* предикативу *itai* (≈ ‘больно’), ср.: *chiku-chiku itai*. Однако встречаются и такие идеофоны, у которых некоторые деривационные связи все же просматриваются — к ним как раз относится только что приведенный в качестве примера *chiku-chiku*, источником которого, по-видимому, является глагольное значение ‘колоть иглой’ (от корня *chiku*). Таким образом, если бы это значение сохранилось в идеофоне полностью, стандартная японская конструкция *chiku-chiku itai* могла бы переводиться на русский как ‘колюще-больно’, ср. следующий пример из Костыркин/Панина 2009: 368:

(87) японский

Ki ga tsuite miru to, boku no hoppeta ga,
 очнуться посмотреть когда, я GEN щека NOM
chiku-chiku itai no desu.
 тук-тук больно.PRS SUBST быть.ADRSV

‘Очнулся, чувствую, щека болит — что-то колет’ (Дзюса Унно. «Kasei heidan» ‘Марсианский батальон’).

Между тем, как мы знаем, исходные динамические значения в болевых конструкциях склонны меняться на стативные — и японский не является исключением. Ярким примером этого служит возможность употребить *chiku-chiku* в собственно-болевогой конструкции на месте существительного *itami*: *chiku-chiku suru*³⁹, так что вместо исходного ‘боль делать’ получается более детализированное описание состояния ‘*chiku-chiku*-делать’, или ‘колющая-боль делать’, а с лингвистической точки зрения — номинализация, т. е. результат того же процесса, что мы наблюдали в хинди, немецком, русском и т. д., причем в той же акциональной зоне, но, конечно, и со своими особенностями.

³⁹ Ср. следующий пример из Костыркин, Панина 2009: 389, цит. по Асано 1978:

Matsuge demo haitte iru no kashira? Me ga
 ресница хоть входить.CONT SUBST ли? глаз NOM
chiku-chiku suru
 тук-тук делать
 ‘Ресница, что ли, попала? В глазу колет’.

* * *

Роль номинализации в процессе стативизации неболевых значений нельзя недооценивать — особенно для тех языков, в которых именной является собственно-болевая конструкция (как в хинди и японском), а в еще большей мере — для тех, в которых при этом соответствующим лексемам «недоступно» морфологическое маркирование (как в японском — в отличие от хинди).

А если типологические свойства обязывают язык иметь глагольную конструкцию, и при этом в нем бедная морфология — тогда ему понадобятся языковые средства другой природы, а именно — синтаксическое маркирование, к обсуждению которого мы переходим в § 7. Впрочем, как показывает наш материал, особое синтаксическое маркирование вовсе не исключает параллельного использования маркеров стативности других уровней.

§ 7. Синтаксические инструменты стативизации

7.1. Предварительные замечания

Как и на всех рассмотренных до сих пор уровнях — морфологическом и морфосинтаксическом, — на синтаксическом уровне задача лексической перестройки сводится к ассимиляции исходной схемы (в данном случае — схемы синтаксического кодирования для глагольных аргументов) с той, которая принята в языке для собственно-болевых конструкций. Поэтому для того, чтобы проследить ход такой перестройки и исчислить возможные ее инструменты, нам нужно очертить пространство возможностей. Для синтаксической зоны в этом отношении важны роли, варианты их кодирования и типы аргументной структуры.

Начнем с ролей.

В соответствии с задачей настоящего исследования, мы ограничили болевой фрейм тремя участниками, выделив: ‘Часть тела’, ‘Лицо, испытывающее боль’ и ‘Причину боли’ (см. 3.1). В отношении способов их синтаксической интерпретации и синтаксического кодирования у болевых конструкций, как показывает в том числе и наш материал, есть свой список альтернатив, на который ориентируются вторичные болевые предикаты, а именно, следующий.

‘Часть тела’ может представляться как:

— **место** (боли) — кодируется косвенным дополнением (напр., предложной группой), ср.:

(88) чешский

bol-i mě v krk-u
болеть-PRS.3SG я.АСС в шея-LOC
букв. ‘Болит меня в шее’

— **тема**, т. е. единственный аргумент одноместного предиката (= то, что затронуто болью) — кодируется подлежащим или прямым дополнением, ср. русск. *У меня болит нога*, ср. тж.:

(89) японский

sake no sei de watashi wa atama ga
алкоголь GEN вина INSTR я TOP голова NOM
sukoshi itamu.
немного болеть
‘От выпитого у меня немного болит голова’

— **стимул** (= инициатор болевой ситуации) — синтаксически оформляется подлежащим при двухместном глаголе, ср.:

(90) болгарский

Сърце-то ме заболяв-а
сердце-DEF я.АСС болеть-3SG.PRS
букв. ‘Сердце меня болит’.

(91) сербохорватский

bol-i me ruk-a
болеть-3SG.PRS я.АСС рука-NOM
букв. ‘Меня болит рука’.

‘Лицо’ может концептуализироваться как:

— **экспериенцер** — маркируется дативом, ср.:

(92) немецкий

Mir schmerz-t der Kopf
я.DAT болеть-3SG.PRS DEF.NOM голова
букв. ‘Мне болит голова’

— **посессор** (части тела) — кодируется косвенным дополнением или посессивным местоимением, ср.:

(93) английский

My leg hurts

мой нога болеть-3SG.PRS

букв. 'Моя нога болит';

(94) крымско-татарский

Тарла-да чалыш-тан бел-им агъыр-а.

поле-LOC работа-ABL спина-1SGPOSS болеть-3SG.PRS

'От работы в поле у меня болит спина'

— **пациент** — синтаксически прямое дополнение, ср. выше
 примеры из болгарского и сербохорватского.

'Причина' может выступать как:

— **каузатор** (болевой ситуации) — кодируется подлежащим,
 ср:

(95) французский

La lumière me fait mal aux yeux

DEF свет я.DAT делать.3SG.PRS боль в.DEF.PL глаз.PL

букв. 'Свет мне делает боль в глазах'

или как

— ее **источник** — синтаксически оформляется косвенным до-
 полнением (например, предложной группой), ср. русск. *гла-
 за болят от света*,

(96) агульский

ĉ.e haraj-ar.i-q-as baw.a-n k'il iġaa

2PLPOSS крик-PL-POST-ELAT мать-GEN голова болеть-PRS

'У мамы голова болит от ваших криков'

В качестве комментария к приведенному списку скажем несколько слов о вариативности кодирования.

Данный список, составленный по примерам нашей выборки, представляет спектр возможностей синтаксического кодирования каждой роли — однако в пределах одного языка тот или иной участник (и даже одновременно несколько участников) может допускать более одного варианта синтаксического оформления. В терминологии СхГ это значит, что в языке могут функционировать несколько конструкций боли. Разные конструкции могут потребоваться, чтобы различать собственно-болевы́е предикаты — если в языке их больше одного (в частности, эти предикаты могут

быть связаны словообразовательным отношением, ср. в русском: *болит* и *больно*, в японском *itai* и *itamu*). Однако они могут характеризовать и один и тот же предикат: иными словами, собственно-болевым глагол (а за ним — и вторичный глагол боли) может иметь несколько моделей управления. И более того, для одного глагола разные стратегии кодирования могут существовать не только, так сказать, «распределенными в пространстве и во времени» — т. е. как свойственные конкурирующим контекстным употреблениям (ср. эффект *coercion*), но и одновременно, встроенные в одну и ту же конструкцию. Ср. пример из французского, в котором комбинируются посессивная и экспериенциальная стратегия кодирования роли «Лицо»:

(97) французский
Ma *jambe* me *fait* *mal*
 1SG.POSS нога я.DAT делать.3SG.PRS боль
 букв. 'моя нога делает мне боль'.

И наконец, о типах аргументных структур.

В разделе 3.4 мы установили, что собственно-болевые глаголы могут быть не только непереходными, т. е. реализующими прототипическую стативную ситуацию, но и переходными. С другой стороны, как мы помним, среди источников вторичных предикатов тоже есть и одноместные, и двухместные. Следовательно, вопрос, на который мы здесь должны ответить, можно сформулировать так: каково синтаксическое поведение, соответственно, переходных и непереходных источников при стативизации ($\text{Source}_{\text{non-pain verb}} \rightarrow \text{Goal}_{\text{pain verb}}$), если в этом языке собственно-болевая конструкция переходна — и если она непереходна? Или, в более определенной формулировке: какие роли болевого фрейма окажутся в каждом из этих случаев выражены в результирующей конструкции со вторичным глаголом — и как они будут выражаться синтаксически?

Соответственно, нам понадобится учесть четыре основные возможности:

- (a) $\text{Source}_{\text{intrans}} \rightarrow \text{Goal}_{\text{intrans}}$
- (b) $\text{Source}_{\text{trans}} \rightarrow \text{Goal}_{\text{trans}}$
- (c) $\text{Source}_{\text{trans}} \rightarrow \text{Goal}_{\text{intrans}}$

(d) $Source_{intrans} \rightarrow Goal_{trans}$ ⁴⁰

Обсуждению каждой из них мы отведем свой раздел (7.2—7.5), где рассмотрим возможные варианты синтаксических конструкций с разным набором аргументов и разным синтаксическим кодированием. В 7.6. мы обсудим эффекты, возникающие в тех случаях, когда в языке есть несколько собственно-болевых конструкций, и реализуется одновременно несколько возможностей; в 7.7. подведем итоги всей синтаксической части.

7.2. *Tun (a): Source_{intrans} → Goal_{intrans}*

Данный переход дает наиболее предсказуемый результат поведения аргументов. Речь идет о превращении непереходных глаголов — например, принадлежащих группе звука, горения, движения или саморазрушения — в болевые-одноместные, устроенные по образцу русского *болеть*. В 3.4 мы приводили таблицы синтаксического кодирования ролей болевого глагола этого типа, которое в данном случае представляет «цель» перехода. В личном варианте оформления это Таблица 1, которую мы для удобства повторяем ниже под номером 8, а в безличном — это таблица 4, ниже под номером 9:

Таблица 8

Кодирование непереходных собственно-болевых глаголов

ПРИЧИНА _{Ø / OBL}	ЧАСТЬ ТЕЛА _S	ЛИЦО _{Ø / DAT / POSS}
----------------------------	-------------------------	--------------------------------

Таблица 9

Кодирование непереходных собственно-болевых глаголов:
безличная конструкция

ПРИЧИНА _{Ø / OBL}	Ø _S	ЛИЦО _{Ø / DAT / POSS}	ЧАСТЬ ТЕЛА _{LOC}
----------------------------	----------------	--------------------------------	---------------------------

Говоря о глаголах-источниках этого типа, можно с некоторым упрощением (вполне допустимым в данном случае) принять, что их исходная модель управления содержит всего одну синтаксиче-

⁴⁰ Примем во внимание и то, что в одном и том же языке могут сосуществовать переходные и непереходные собственно-болевые конструкции.

скую роль, кодируемую подлежащим (X_s), ср. русск.: *лес шумит, снежинка кружится, дрова горят, пузырь лопается*. Тогда, в соответствии с Таблицей 8, в производной конструкции есть возможность выдвинуть на роль субъекта 'Часть тела' ($ЧТ_s$): *голова шумит / кружится / горит / лопается* и т. д. В результате получится, что в основе физического глагола-источника и производного от него болевого глагола лежит одна и та же аргументная структура с той лишь разницей, что в болевом употреблении она уточняется: добавляются 'Лицо, испытывающее боль', которое интерпретируется как экспериенцер (датель) или посессор (посессивное местоимение / предложная группа) и 'Причина', которая обозначается косвенным дополнением или не выражается, ср. строку (А) Таблицы 10, а также пример (98).

Другая возможность — оставить позицию субъекта незаполненной, создав характерную для собственно-болевого глагола безличную конструкцию (см. Таблицу 9). Она менее динамична, чем личная (см. подробнее 3.4), и служит дополнительным синтаксическим средством стативизации исходных предикатов и их уподоблению болевому. Тогда 'Часть тела' выражается локативной группой (LOC), а 'Лицо', как и в личной конструкции, интерпретируется как посессор ($POSS$) или экспериенцер (DAT), см. строку (В) Таблицы 10 и пример (99).

Таблица 10

Непереходный глагол-источник →
непереходная болевая конструкция

(А)	ПРИЧИНА $\emptyset / OBL$	ЧАСТЬ ТЕЛА _s	ЛИЦО $DAT / POSS$		букв. '(от шума) мне / моя голова гудит'.
(В)	ПРИЧИНА $\emptyset / OBL$	$\emptyset_s$	ЛИЦО $DAT / POSS$	ЧАСТЬ ТЕЛА _{LOC}	букв. '(от шума) мне / в моей голове гудит'

Личная конструкция (А):

(98) украинский

Тіло її гуло від утом-и
тело 3SG.F.POSS гудело от усталости
<букв. 'Ее тело гудело от усталости'.

Безличная конструкция (В):

(99) немецкий

es saust-t mir in den Ohr-en
 IPR свистеть-3SG.PRS я.DAT в DEF.PL.DAT ухо-PL.DAT
 <букв. 'Мне свистит в ушах'>.

7.3. *Tun (b): Source_{trans} → Goal_{trans}: (b)*

Случай сдвига переходного глагола-источника (с базовыми аргументами X_S и Y_O) в болевой переходный важен для тех языков, в которых болевая конструкция тоже переходна (ср., например, славянские — за исключением русского). Обсуждая эти случаи в 3.4, мы обратили внимание, что в нашей выборке прямым объектом при них может быть 'Лицо' или (в нашем материале — только в психоэмоциональных конструкциях) 'Часть тела'; последняя, наряду с 'Причиной', выступает и как субъект (Таблица 11, повторяющая Таблицу 3). Но это — в личной конструкции.

Таблица 11

Кодирование переходных собственно-болевых глаголов

(A)	ПРИЧИНА $\emptyset$ / OBL	ЧАСТЬ ТЕЛА $_S$	ЛИЦО $_O$		букв. 'голова меня болит (от шума)'
(B)		ПРИЧИНА $_S$	ЛИЦО $_O$	ЧАСТЬ ТЕЛА $_{LOC/\emptyset}$	букв. 'шум меня болит в голове'
(C)		ПРИЧИНА $_S$	ЧАСТЬ ТЕЛА $_O$	ЛИЦО $_{POSS/DAT}$	должно быть букв. 'шум голову мою / мне болит'

В безличной, при отсутствии противопоставления по субъекту, из них остается 2 варианта: с объектом-частью тела и объектом-лицом, ср. Таблицу 5, которую мы обсуждали в 3.4, ее воспроизводит Таблица 12:

Таблица 12

Кодирование переходных собственно-болевых глаголов:
безличная конструкция

(A)	ПРИЧИНА $\emptyset$ / OBL	$\emptyset$ $_S$	ЛИЦО $_O$	ЧАСТЬ ТЕЛА $\emptyset$ / $_{LOC}$	букв. '(в голове) меня болит (от шума)'
(B)	ПРИЧИНА $\emptyset$ / OBL	$\emptyset$ $_S$	ЧАСТЬ ТЕЛА $_O$	ЛИЦО $\emptyset$ / $_{POSS/DAT}$	должно быть букв. 'мою / мне голову бо- лит (от шума)'

Все пять конструкций из Таблиц 11—12 реализуются вторичными болевыми предикатами со значением инструментального воздействия (‘колоть’, ‘резать’ и др.), воздействия огнем (‘жечь’), каузации движения (‘крутить’) и под. — см. Таблицу 13.

Таблица 13

Переходный глагол-источник →
переходная болевая конструкция

(A)	ПРИЧИНА Ø/OBL	ЧАСТЬ ТЕЛА _S	ЛИЦО _O		букв. ‘глаза меня режут (от света)’
(B)		ПРИЧИНА _S	ЧАСТЬ ТЕЛА _O	ЛИЦО DAT / POSS	букв. ‘свет режет мне / мои глаза’
(C)		ПРИЧИНА _S	ЛИЦО _O	ЧАСТЬ ТЕЛА LOC / Ø	должно быть букв. ‘свет меня режет (в глазах)’
(D)	ПРИЧИНА Ø/OBL		ЧАСТЬ ТЕЛА _O	ЛИЦО DAT / POSS	букв. ‘мне / мои гла- за режет (от света)’
(E)	ПРИЧИНА Ø/OBL		ЛИЦО _O	ЧАСТЬ ТЕЛА _{LOC}	букв. ‘меня режет в глазах (от света)’

Личная конструкция (A):

(100) болгарский

Гърб-ът ме бод-е
спина-DEF я.ACC колоть-3SG.PRS
‘букв. ‘Спина меня колет’.

Личная конструкция (B):

(101) хинди

rassī uṅgliyoṅ ko kātī hai
веревка палец.PL ACC резать AUX(PRS.IND)
‘Веревка режет пальцы’.

Конструкция (C) в нашем материале встретила только в психоэмоциональном контексте:

(102) английский

Her words stung him.
3SG.F.POSS слово-PL жалить.PST он.ACC
‘Ее слова задела его за живое (букв. ужалили его)’

Безличная конструкция (D):

(103) балкарский

Bel-im-i tarta-dy
 спина-1SGPOSS-ACC тянуть-PST
 <букв. 'Мою спину тянуло'>.

Безличная конструкция (E)

(104) сербохорватский

pritisk-a me u grud-ima
 давить-3SG.PRS я.ACC в грудь-LOC
 <букв. 'Давит меня в груди'>.

7.4. *Tun (c): Source_{trans} → Goal_{intrans}*

Наиболее значимую синтаксическую трансформацию представляют случаи преобразования исходных переходных в болевые непереходные глаголы (см. Таблицу 14). Здесь возможны три варианта развития событий.

- (1) Производная конструкция может быть безличной, тогда ни одна из синтаксических ролей, имеющих у глагола-источника в исходном значении, не получает выражения, ср. строка (A) Таблицы 14 и пример (105). Уточним, однако, что формат таблицы не вполне отражает здесь суть произошедшего: из таблицы видно только то, что оба аргумента в предложениях такого рода отсутствуют — но на самом деле один из них, что называется, «отсутствует больше другого». Действительно, в концепции нулевых синтаксических единиц, которую принято использовать при описании безличных конструкций (прежде всего славянских) — см. Мельчук 1974, Мустайоки 2010 и др., в предложениях типа русского *в боку кололо* обычно усматривают один синтаксический ноль — на месте подлежащего-причины — и полное отсутствие прямого объекта. Таким образом, можно считать, что тут «скрыта» одноместная конструкция с субъектом-причиной.
- (2) В «открытом» виде, так чтобы переходный глагол действительно «превратился» в безобъектный с подлежащим-причиной боли, и это подлежащее было бы поверхностно выражено, такая конструкция реализуется в немецком, см. строку (B) Таблицы 14 и пример (106).

- (3) ‘Часть тела’ кодируется как главный участник (подлежащее) при непереходном глаголе (строка (С) Таблицы 14) — и это пример кардинальной перестройки синтаксической структуры глагола-источника под влиянием и по модели одноместного собственно-болевого глагола: *бок колел* как *бок болел*. Заметим, что эту перестройку ни в коем случае нельзя интерпретировать как простое опущение объекта — как это часто бывает с переходными глаголами с такими значениями, как, например, ‘есть’, ‘шить’, ‘петь’ и под. (ср. русск. *Он ест (шьет / поет)* Ø и др.): как видно из Таблицы 14, в соответствующих болевых примерах ни один участник ситуации не опущен, поскольку для каждого предусмотрен способ поверхностного выражения: ‘Лицо’ как DAT или POSS, а ‘Причина’ как OBL (ср. примеры 107—110).

Таблица 14

Переходный глагол-источник →
непереходная болевая конструкция

(A)	ПРИЧИНА Ø/OBL	Ø _S	Ø _O	ЛИЦО DAT/POSS	ЧАСТЬ ТЕЛА _{LOC}
(B)		ПРИЧИНА _S	Ø _O	ЛИЦО DAT/POSS	ЧАСТЬ ТЕЛА _{LOC}
(C)	ПРИЧИНА Ø/OBL	ЧАСТЬ ТЕЛА _S		ЛИЦО DAT/POSS	

Приведем примеры данных конструкций:

Безличная конструкция (A):

(105) польский

w nos-ie mi łaskocz-e
в нос-LOC я.DAT щекотать-3SG.PRS
букв. ‘щекочет мне в носу’

Личная конструкция (B)

(106) немецкий

Rauch nebelt¹ die Hütte ein² und
дым задымляет^{1,2} DEF.ACC хижина и
beiß-t in den Auge-n
кусать-3SG.PRS в DEF.DAT глаз-PL
‘Дым заполняет хижину и разъедает глаза’ (Mannheimer
Morgen, 16.10.2004)

Личная конструкция (С)

(107) русский

Вчера вечером у меня очень бок колот.

(108) французский

La langue me piqu-e.

DEF язык я.DAT колоть-3SG.PRS

букв. 'Язык мне колет' (например, от острого)

(109) немецкий

Mein-e Auge-n beiß-en.

1SGPOSS-PL глаз-PL кусать-3PL.PRS

букв. 'Мои глаза кусают' (например, от дыма)

(110) крымско-татарский

Бугъум-лар-ы кьыр-а

сустав-PL-3SGPOSS.NOM скрести-3.PRS

букв. 'Мои суставы скребут' (например, при ревматизме)

7.5. *Tun* (d): $Source_{intrans} \rightarrow Goal_{trans}$

Данная возможность представляет особый интерес — как неосуществленная, по крайней мере в материалах нашей выборки, хотя она и включает довольно много языков с переходными болевыми глаголами. Мы хотели бы считать, что такая лакуна неслучайна — особенно на фоне только что разобранный случая (с), и в связи с этим рассмотреть этот случай подробнее. Речь здесь идет о синтаксическом кодировании исходно одноместных глаголов (см. а) — в условиях, когда — заострим ситуацию — собственно-болевая конструкция переходна, и при этом единственна⁴¹: примером может служить сербохорватский. Так, глаголы звука в сербохорватском остаются в болевых употреблениях одноместными (с подлежащим 'Часть тела'), получая возможность выразить 'Лицо' несвойственным для собственно-болевых конструк-

⁴¹ Дело в том, что в некоторых славянских языках (например украинском) в собственно-болевой зоне параллельно действуют и переходная, и непереходная конструкции (подробнее см. 3.4) — если бы все языки были так устроены, то перестройки аргументной структуры глаголов по типу (с) или (d) не потребовалось бы: непереходные вторичные глаголы встраивались бы в интранзитивную болевую конструкцию (по типу а), а переходные — в транзитивную (тип b).

ций этого языка дательным, ср. многочисленные примеры из Якушкина 2009, такие как: *pusa mi u glavi, iz ušiju mi teče krv* ‘в голове (мне) трещит, из ушей (мне) течет кровь’.

Получается следующая картина: вместо того, чтобы «добавить» недостающий по сравнению с канонической сербохорватской болевой конструкцией переходный объект и получить ‘голова меня трещит’, сербохорватский оставляет непереходный глагол непереходным, но добавляет ему «болевой» — с типологической, но не сербохорватской точки зрения — косвенный объект (‘Лицо’) в DAT. Конечно, мы не можем сказать уверенно, почему так происходит — при том, что перестройка противоположного рода (связанная с утерей аргумента), как мы только что видели в (с), засвидетельствована. Гипотеза, которую мы предлагаем принять во внимание, семантическая: болевая ситуация стативна, а прототипический статив одноместен. Двухместные стативы вторичны (об этом подробнее в 3.4). Поэтому в (с) глагол, перестраиваясь, *приближался* к прототипу, которому удачно соответствовало внутриязыковое синтаксическое кодирование собственно болевых глаголов. Здесь же, в (d), изменение глагольного синтаксиса означало бы *удаление* от болевого прототипа и лишь внешнее копирование синтаксического оформления природного статива, прототипической для глаголов совсем другой, динамической, семантики. В таком случае правильной стратегией для глагола было бы, что называется, «ничего не делать» — это и происходит. (Что же касается возникшего экспериенциального дательного, то с семантической точки зрения, как мы говорили, он абсолютно ожидаем, но для полноты картины нужно было бы учесть его аналоги в контексте других сербохорватских конструкций).

7.6. *Эффекты вариативности синтаксического оформления:
преемственность значения
и «обратное» синтаксическое влияние*

Только что мы обсудили все четыре возможности синтаксической перестройки вторичных предикатов и везде наблюдали один и тот же эффект: предикаты меняют свой синтаксис, ориентируясь на собственно-болевою конструкцию, с тем чтобы максимально легко в нее встроиться. В связи с этим интересна ситуация, когда в языке функционирует несколько конструкций с соб-

ственно-болевыми предикатами, и следовательно, глагол-источник может «выбирать» конструкцию, которая могла бы послужить для него моделью синтаксического развития, и даже участвовать в нескольких конструкциях одновременно. Сопутствующие лингвистические эффекты, которые возникают в таком случае, нуждаются в регистрации и типологическом анализе — на сегодняшний день у нас для этого слишком мало материала. Мы хотели бы высказать лишь два предположения общего характера, проиллюстрировав их пока на русском материале.

(1) О преемственности значения

Первая и самая простая причина для синтаксического «множества выбора» у вторичных предикатов состоит в том, что разные исходные глаголы (*Source*) могут предпочитать разные типы синтаксического кодирования (*Goal*). В простом случае вторичные переходные глаголы копируют переходные болевые, и, соответственно, вторичные непереходные повторяют кодирование одноместных болевых. Более сложная ситуация — когда «множество выбора» состоит из болевых глаголов, одинаковых по набору участников, но разных по синтаксическим свойствам: согласно СхG — а впрочем, и другим семантическим школам и теориям, например МСШ, — за разными синтаксическими свойствами должна скрываться, мотивируя их, разная семантика. В таком случае, в русле этих теорий, интересно было бы проследить, сохраняется ли то семантическое различие, которым характеризовались конкурирующие исходно болевые предикаты во вторично-болевых, построенных по их образцу?

В русском — сохраняется, если иметь в виду болевые конструкции с предикатами *болеть* и *болетьно*, которые мы обсуждали в 3.2. Напомним, что на формальном уровне они различаются, в частности, способом оформления участника с ролью 'лицо, испытывающее боль' (ср.: мне больно и у меня болит). Вторичные болевые глаголы копируют одну из этих моделей кодирования, причем распределение конструкций соответствует семантическим различиям, которые, таким образом, тоже наследуются. Действительно, при ощущениях, непосредственно каузированных некоторой причиной, 'Лицо', как и в случае с *болетьно*, оформляется дативом (см. 3.2.): мне щиплет глаза (обычно от дыма, шампуня, со-

ленной воды и под.), мне жжет язык (обычно от острой еды), ср. мне больно (обычно от действия актуальной, непосредственной причины). Напротив, конструкцией с предложной группой, как и при *болеть*, оформляется ощущение, обычно не связанное с прямым воздействием внешних факторов: у меня сердце колет, у меня голова раскалывается, ср. у меня сердце болит. Более того, две конструкции, различающие исходно два разных предиката (*болеть* и *больно*), могут употребляться с одним и тем же вторичным глаголом, противопоставляя два типа ощущения — внутреннее и поверхностное, обусловленное внешним воздействием, ср. у меня в животе режет (? мне в животе режет) vs. мне резинка режет (? у меня резинка режет).

(2) «Обратное» синтаксическое влияние

Существование двух (и более) ориентиров (*Goals*) для вторичных предикатов (*Sources*) делает болевую зону «синтаксически многополярной». Между тем, согласно нашей исходной гипотезе (которая так хорошо подтверждалась в 7.2—7.5), сама идея перестройки исходного глагола (в том числе и синтаксической) состоит в том, чтобы вся лексика болевой зоны оказалась единообразна — как по своей семантике, так и по способам ее поверхностного маркирования. Однако возникновение многополярности очевидно противоречит этой главной тенденции: ведь она приводит к синтаксической разнородности. Вопрос в том, как этот конфликт разрешается в реальных языках — или к каким иным последствиям он приводит.

На самом деле, интересующие нас здесь примеры из русского мы уже упоминали в разделе 3.2:

- (111) *Мне **больно** ногу, жмет туфля. — Может быть, стоит поискать такси?* lib.ru/.../SIMENON/tri_komnaty.txt_Piece40.01
- (112) — *Дезертиров лишают оружия, — сказал Мушкетер. Уголек почувствовал, что ему **больно** ладонь.* [Владислав Крапивин. Белый щенок ищет хозяина (1962)]⁴².

⁴² Заметим, что этот пример с аккумулятивом представлен в подкорпусе письменных текстов НКРЯ.

Эти примеры иллюстрируют аккумулятивное маркирование роли 'Часть тела', которое возникает в инновативных употреблениях предикатива *больно*. (Впрочем, если они засвидетельствованы в художественном произведении 1962 года, значит, полвека назад так уже говорили). На наш взгляд, это маркирование — явный результат синтаксического влияния вторичных (в данном случае переходных) глаголов на болевую зону, ср.:

(113) *Ему режет ладонь* (см. строку (D) Таблицы 13: безличная переходная конструкция) → *Ему больно ладонь*.

Получается, что в русском языке обнаруживаются случаи «обратного» синтаксического влияния: не болевых глаголов на вторичные, а вторичных — на болевые. На наш взгляд, это прямое следствие синтаксической многополярности. Действительно, в однополярной системе такая ситуация исключена, там возможно только одно направление изменений: вторичные предикаты разных типов кодирования уподобляются болевому эталону. Если же конструкций, претендующих на роль эталона, несколько, то многополярность создает условия для новых синтаксических изменений, т. е. новые «точки роста». Таким изменениям, как и всегда, будут подвергаться более «слабые» (в духе теории ракурса, или *vantage theory*⁴³) конструкции, в том числе и более периферийные болевые — что мы и наблюдали на примере русского.

7.7. Синтаксическое маркирование: итоги

В области синтаксического маркирования происходит не просто стативизация, а копирование и точное воспроизведение вто-

⁴³ Знаменитая теория американского антрополога Роберта Маклори, выдвинутая им в свое время первоначально для описания семантики цветообозначений. В частности, в ней есть положение о том, что в каждой семантической зоне естественного языка всегда сосуществуют несколько пересекающихся языковых единиц, неравномерно ее покрывающих; сильный (в терминологии Маклори — «доминантный») концепт дает ее максимальное и прототипическое покрытие, а слабый («репрессивный») — периферийное (ср. прежде всего MacLaury 1997, 2000, ср. также библиографию по *Vantage Theory* на сайте <http://serwis.umcs.lublin.pl/adam.glaz/vt/vt-bib.html>).

ричными глаголами кодирования именно болевых глаголов. По-видимому, это обусловлено тем, что синтаксическое кодирование теснее связано с таксономическими классами, чем с акциональными: модель управления напрямую зависит от структуры толкования глагола.

Легче всего, как мы видели, копирование происходит тогда, когда исходный и результирующий глагол совпадают по числу участников; тем не менее, возможно и усечение конструкции в целях «подгонки» ее под эталон, т. е. превращение из переходной в непереходную. Однако случаев наращивания аргументной структуры с той же целью пока не засвидетельствовано — возможно потому, что они противоречили бы общей стратегии стивизации как более глобальной тенденции, которая стимулирует сложные процессы лексической перестройки.

О них — в связи с изменениями в значениях качественных прилагательных — мы говорили в предыдущей главе. Теперь, когда представлены данные об изменениях, происходящих в языках в семантической зоне предикатов боли, мы опять возвращаемся к этой теме, на новом семантическом материале.

§ 8. Механизмы семантического сдвига: ребрендинг

8.1. Вводные замечания

Три предыдущие параграфа (§§ 5—7) были посвящены демонстрации нетривиальных и радикальных сдвигов, которые касаются уровней плана выражения конструкций, трансформирующихся в болевые. Мы наблюдали, что они совершаются не независимо друг от друга и стимулируются изменяющимся значением конструкций. Но, в соответствии с СхG, это означает, что и сами семантические изменения должны быть нетривиальны и радикальны — и здесь мы покажем это на примерах, апеллируя к стандартным семантическим сдвигам — метафоре и метонимии, техника которых была подробно описана в Главе 3 четвертой части книги (см. § 2). В разделе 8.2 обсуждается сходство наших примеров с «классическими образцами» и отличия от них. В разделе 8.3 разбираются случаи наиболее парадоксальных изменений, которые не укладываются в стандартные рамки и имеют, как мы уви-

дим, статус *ребрендинга*, описанного в связи полисемией качественных прилагательных в Главе 3. Там мы наблюдали постепенность, т. е. градуальность ребрендингового процесса (как и многих других в лексике); в разделе 8.4 тот же эффект мы рассмотрим на материале болевых глаголов. В сравнении с прилагательными, глагольный ребрендинг гораздо богаче по своим возможностям и разнообразнее по результатам. Вопрос о его границах, т. е. о способности других, не-болевых, глаголов подвергаться подобным изменениям, а также о целях и перспективах дальнейшего исследования ребрендинга как явления ставится в итоговом разделе данного параграфа (8.5).

8.2. Метафора и метонимия в болевых конструкциях

Все дело в том, что, как хорошо известно (см., например, классические рассуждения о языке и боли в «Философских исследованиях» Витгенштейна), человек может только *рассказать* другому о своей боли — иным способом это состояние манифестировать нельзя: оно слишком субъективно, индивидуально и, в общем, с трудом поддается описанию. Самый естественный выход в такой ситуации — сравнение, или метафора, которая, по сути, является лексикализированным сравнением (не случайно вторичные предикаты принято называть *метафорами* боли — см. также § 1).

В то же время, болевому состоянию трудно найти хороший концептуальный аналог — альтернативное, но наблюдаемое состояние или свойство, которое было бы на него достаточно похоже. Языки европейского стандарта, как мы видели, неплохо справляются с этой задачей, — правда, преимущественно для моделирования статичных квазиболевых ситуаций потери функциональности, опираясь на такие значения, как ‘глухой’, ‘немой’, ‘спящий’, ‘«палкообразный» (в смысле: негнувшийся, твердый)’ (ср. также ‘твердый’ в хинди) и под. Но другие языки ведут себя в этом отношении свободнее: они используют свойства и для метафоризации болевых ощущений как таковых, ср. ‘горький’ для передачи жжения в крымско-татарском (где, кстати, основной болевой глагол считается восходящим к смыслу ‘тяжелый’, см. Тищенко-Монастырская 2009: 282) или ‘строгий’ в дан-гуэа (см. 4.8). Вполне возможно, что при расширении нашей выборки ис-

точники этого типа пополняются новыми примерами — хотя, в принципе, наблюдаемость свойств ‘горький’, ‘тяжелый’ или ‘строгий’ очень условна, так что данный тип концептуализации боли оказывается не слишком прозрачен (и может быть, в этом причина его слабой распространенности).

Другое дело — неконтролируемые процессы как аналог болевых состояний (‘горение’, ‘движение’, ‘звучание’) — они уж точно наблюдаемы, и в этом отношении прозрачны (в качестве метафор), в том смысле, что их связь с болевым, т. е. нестандартным состоянием хорошо понятна адресату. Все они строят модель болезни как неправильного, «испорченного» поведения части тела: часть тела как бы движется, а должна быть неподвижна, она как бы звучит, а должна быть безмолвна, как бы горит, а должна иметь нормальную температуру и др. А акциональная близость таких процессов к болевому состоянию, как мы видели в § 5, поддерживается морфологически: дуративными формами.

Точно так же, понятными и предсказуемыми для адресата (а значит, прозрачными как источники метафор) будут ситуации, имеющие непосредственную связь с наблюдаемыми — нужно только выбрать подходящую по смыслу наблюдаемую «картинку» в сценарии их развития. Если это контролируемый процесс (в другой терминологии: действие), как, например, ‘схватить’, можно метафорически использовать его стативный результат (ср.: ‘схвачен’); если это (наблюдаемое) событие, как, например, ‘лопаться’ или ‘рваться’, то в метафоре можно опереться на подготовительное к нему состояние, которое, на фоне яркого зрительного образа, создаваемого самим событием, тоже хорошо реконструируется адресатом, ср.: ‘вот-вот лопнет / разорвется’.

Как видим, «правильные» с акциональной точки зрения источники метафоры полностью конструируются в данном случае морфологическими средствами из «смежных» концептов. Так что, строго говоря, такой способ метафоризации не так уж и каноничен.

Тем не менее, в результате все упомянутые источники-аналоги состояний боли лексикализуются как одноместные предикаты и поэтому вполне укладываются в образ метафоры как совмещения ментальных пространств (Fauconnier 1985 и др., см. подробнее Схему 1 в Главе 3 четвертой части и комментарий к ней). Механизм совмещения, как и механизм проекции, предлагавшийся

Дж. Лаковым, или механизм таксономической замены аргументного места, как у Е. В. Падучевой, — а проще говоря, механизм классической метафоры — опирается на сходство акциональной и аргументной структуры совмещаемых единиц, и это условие прекрасно выполняется на данных глаголах-источниках.

Однако психолингвистические возможности этих стативных, или близких к стативным, концептов как аналогов болевых ощущений ограничены: они не могут описать ощущение острой боли, которая во всех (известных нам) языках передается через идею динамического, агрессивного воздействия — прежде всего острым инструментом и другими силовыми способами. Между тем глаголы воздействия двухместны, а значит, схемы классической метафоры и простое наложение ментальных пространств невозможны.

8.3. Не-метафора и не-метонимия: ребрендинг

Простым способом достичь эффекта совместимости Фоконье в этом случае было бы представить саму боль, или причину боли, или даже саму часть тела субъектом воздействия на человека — но это удастся далеко не всегда: причина часто неизвестна, а исходная болевая ситуация, которая в таком случае должна бы быть двухместной, чаще все-таки имеет только один главный аргумент.

Поэтому, как правило, именно в этой семантической области, т. е. в области глаголов воздействия (инструментом, квазиинструментом, руками и др.), которая к тому же оказывается крайне востребованной в языках как поле-источник для вторичных предикатов боли, совместимость ментальных пространств, которую мы условно назвали «эффект Фоконье», при семантическом сдвиге нарушается, и приводится в действие другой механизм, а именно следующий.

Конкретная ситуация воздействия (например, ‘резать’) вводится не как аналог болевого состояния (это и невозможно: действие не может быть аналогом состояния, так как тогда нарушается условие акционального сходства), а как ситуация, сопряженная с болевой некоторым особым, нетривиальным образом (особая метонимия?): дело представляется так, как если бы болевая ситуация была **побочным** результатом данного воздействия. Здесь

очень важно, что побочным, но не прямым: прямым результатом, например, для ‘резать’ является расчленение объекта на части. Заметим, однако, что «классическая» метонимия имеет дело как раз с прямым результатом (ср. *end-point*, или результативную метонимию). То, что мы здесь наблюдаем, только напоминает ее. Важно и следующее: состояние боли может быть вполне реально, она может иметь место, а инструментальное воздействие в таком случае *всегда* гипотетично, оно *не* произошло и *не* является частью данной болевой ситуации, — значит, одновременно с метонимией в аналогии такого рода есть и метафора: сравнение с ясным зрительным образом.

Очень похожим образом сдвиг в болевое употребление был описан для глагола *жать* Г. И. Кустовой (1998 / 2004). Ее гипотеза состояла в том, что связь его первичного и вторичного значений основана на *имплицативном* отношении, как раз и порождающем возможный побочный результат исходного активного действия.

Если обратиться к «нашим» болевым значениям воздействия — ‘колоть’, ‘резать’, ‘пронзать’, ‘сверлить’, ‘жечь’ и др., то причинно-следственная зависимость между этими ситуациями может быть довольно устойчивой: часто такого рода действия предполагают непосредственный контакт человеческого тела с болезненными для него инструментами или средами (иглой, ножом, огнем и под.). Тем самым, есть все основания для конвенционализации такой имплицатуры: получается, что боль — это не обязательный, но высоковероятный результат исходного действия. Повидимому, с этим результатом (метонимически названном по действию) и происходит в конечном счете сравнение-метафора.

Все сказанное выше о механизме семантического перехода в сфере глаголов воздействия воспроизводит определение имплицативного сдвига значения, который мы описывали применительно к качественным прилагательным и назвали *ребрендингом* (Часть IV, Глава 3). Говоря о прилагательных, мы установили, что, будучи переходом, который имеет место внутри лексической зоны, ребрендинг характеризуется теми же признаками, что и *грамматикализация*⁴⁴, т. е. переход из лексической зоны в грам-

⁴⁴ См. Heine, Reh 1984; Hopper, Traugott 1993, Bybee et al. 1994 и мн. др.; в связи с определением ребрендинга см. также Бонч-Осмоловская и др. 2009.

матическую (за исключением потерь в области фонетической субстанции и полной утраты частеречных характеристик), а именно:

- метафоризацией,
- выветриванием исходного значения,
- изменениями в сочетаемости,
- морфосинтаксическими изменениями, включая ограничения исходной парадигмы,
- конвенционализацией имплицатуры,
- градуальностью.

Анализируя изменения, которые происходили со вторичными предикатами боли, мы последовательно наблюдали все эти процессы, пока — за исключением градуальности. Это означает, что в случае с глаголами боли мы имеем дело с тем же самым явлением, которое описано для качественных прилагательных.

Конечно, градуальность болевого ребрендинга тоже требует подтверждения. Подробное исследование этой темы предполагает существенное расширение материала. Однако уже сейчас мы можем проиллюстрировать основную идею на нескольких примерах из русского языка.

8.4. О градуальности изменений болевой зоны

Применительно к глаголам боли градуальность проявляется в вариативности синтаксических конструкций, допустимых для того или иного вторичного предиката. Например, в русском безличная конструкция *в боку колело*, претерпевшая, как мы помним из § 7, не столь серьезную синтаксическую перестройку, как субъектная *бок колел*, является более нормативной, тогда как *бок колел* — более инновационной.

Другое проявление градуальности: ‘часть тела’ как подлежащее при глаголе *колоть* (*бок колел*) считают приемлемым большее число носителей, чем при глаголе *резать* (*глаза режут*). Поскольку морфосинтаксической моделью для вторичных болевых предикатов служит специальный глагол со значением ‘болеть’, естественной оценкой стадии эволюции является близость лексемы и ее грамматических свойств к характеристикам самого *болеть*. С этой точки зрения получается, что *колоть* находится на более позднем этапе «лексической перестройки», чем *резать*.

Синтаксический критерий коррелирует с характеристиками морфологического уровня: из 5.4 мы знаем, что от *колоть* возможно образование инхоативных и лимитативных дериватов по модели *болеть*, а с *резать* такие производные не встречаются. Таким образом, и на морфологической шкале болевой *колоть* находится дальше от исходного глагола физического действия, чем *резать*.

Как и в случае грамматикализации, при лексической перестройке свидетельством поздней стадии эволюции может выступать утрата связи с лексемой-источником. В нашем случае это будет означать развитие специального болевого глагола. Его отличие от общих предикатов со значением 'болеть' заключается в ограничениях на сочетаемость с существительными, обозначающими части тела. Примерами таких предикатов в русском могут служить *першить*, ср. *горло першит* (этимологически связан с существительным *перхоть*, однако связь на синхронном уровне носителями не ощущается); *щемить*, ср. *сердце щемит* (в физическом значении сохраняются только префиксальные глаголы, например, *прищемить*); *ломить*, ср. *спину ломит* (в не-болевым значении воздействия эта форма не сохранилась, употребляется *ломать*); *саднить* и др. Аналогичные примеры мы находим в чешском, ср. глагол *trnout*, который этимологически связан с существительным *trn* 'колючка', но в современном языке не может обозначать воздействие острым инструментом. Он используется для обозначения зубной боли, возникающей как реакция на горячее или холодное, ср.:

(114) чешский

<i>Trn-ou</i>	<i>mi</i>	<i>zub-y</i>
болеть-3PL.PRS	я.DAT	зуб-PL

Сходный пример обнаруживается и в испанском: глагол *escocer* восходит к латинскому *excoquo* 'выкипать', но утратил изначальное значение физического нагревания. В современном языке он обозначает поверхностную боль на коже или слизистой, ср.:

(115) испанский

<i>Me escuec-e</i>	<i>la garganta</i>	<i>y me cuesta tragar</i>
я.DAT болеть.PRS-3SG	DEF горло	и я.DAT трудно глотать

'У меня болит горло, и мне трудно глотать'.

По всей вероятности, утрата ограничений на сочетаемость может приводить к развитию общих предикатов боли. Полный цикл такой эволюции — от глагола, относящегося к одной из исходных семантических областей, до специального болевого предиката общей семантики — занимает существенный исторический период, и его восстановление требует обращения к этимологическим данным. В данном случае мы получаем возможность «сверять» этимологические данные с типологическими.

С этой точки зрения интересно посмотреть на этимологии собственн-болевых глаголов — в частности славянских. Последний по времени вариант такой этимологии был предложен Г. М. Яворской, которая выдвинула гипотезу о мотивированности общеславянского *bolěti* значением ‘ударять, ранить ножом / копьем’, подробнее см. Яворская 2009: 416 (ср. также выше сноску 17).

Идея Яворской состояла в том, чтобы этимологический источник соединял в себе два условия: (1) правдоподобный в типологическом отношении семантический концепт и (2) семантико-синтаксическое свойство переходности, которое признается общеславянским (см. подробнее 3.4). Обоим этим свойствам вполне удовлетворяет предложенное ею значение, попадающее по нашей классификации источников в класс глаголов ‘разрушения’, — и тем не менее, при определенном взгляде, эта гипотеза может вызвать некоторые сомнения. Дело в том, что, в свете всего сказанного, необходимым условием «импорта» динамических двухместных предикатов в болевую зону является их переход в семантически стативные, что, как мы видели, в языке поддерживается не только морфологическими, но и синтаксическими средствами. Это, в свою очередь, влечет обязательные и существенные изменения в модели управления глагола (вплоть до превращения его в одноместный). Получается, что выполнение (1) в данном случае с определенной (хотя, конечно, не стопроцентной) долей вероятности приведет к нарушению (2) — и всей этимологической конструкции.

Кстати, если принять точку зрения Фасмера, который предлагал возводить *bolěti* к значению ‘мучить’, данной коллизии можно было бы избежать: ведь стативизация глаголов таксономического класса ‘мучить’ происходит по типу «процесс → результат» (*end-point* метонимия), а он не требует синтаксической пере-

стройки модели управления, ср. *он мучает меня своими вопросами* → *этот вопрос мучает меня*, см. подробнее 3.4.

В то же время у гипотезы Г. М. Яворской есть аналоги: базовый немецкий глагол *schmerzen* этимологически возводится к индоевропейскому корню **mer-d-* ‘тереть, растирать’, т. е. к глаголу физического воздействия. В диалектах конца XIX — начала XX вв. когнаты данного корня выступают только для обозначения определенных типов боли: в нижненемецких *smarten* выражает ощущение при натертостях и ссадинах, в верхненемецких *schmerzen/schmirzen* соответствует поверхностным ощущениям на коже (от раны, порезов, ожогов и т. д.), см. Hoffmann 1956. В современном литературном языке *schmerzen* используется для обозначения любого типа боли и является наиболее общим болевым глаголом.

* * *

Итак, по всем признакам, включая градуальность, ребрендинг, с которым мы столкнулись в болевой зоне — это тот же тип семантического сдвига, что мы наблюдали у качественных прилагательных и тот же, что провоцирует грамматикализацию. Очевидно, однако, что его «область деятельности» значительно шире, и сама по себе задача ее обзора представляется увлекательной. Но она слишком объемна и, безусловно, заслуживает отдельного большого лингвистического исследования — тем более если подходить к ней типологически. Однако, подводя итоги разговора о семантической «механике» ребрендинга, мы хотели бы, используя хорошо известные глагольные примеры и знакомый нам русский материал, выйти за рамки болевой тематики, — чтобы лучше понять статус этого явления в языке и оценить перспективы его исследования.

8.5. Итоги и перспективы: глагольный ребрендинг за пределами болевой зоны

В глаголе источник ребрендинга состоит, как мы видели на болевых примерах, в нарушении лексемой, претерпевающей сдвиг, двух важнейших условий: сохранения акционального сходства донорской и реципиентной зон при переходе из первой во вторую и сходства их аргументной структуры. Когда эти условия соблю-

дены, происходит метафора, которую моделирует схема Фоконье (см. раздел 2.2 в Главе 3 этой части книги). Как только они нарушаются, требуется ребрендинг.

Возьмем пару: *греет* и *светит*. Оба эти глагола, метафоризируясь, могут употребляться переносно, но первый соблюдает условия сходства и встраивается в аналогичную исходной конструкции, ср.:

- (116) *Солнце греет песок* → *Меня греет мысль об отпуске*
(как в: *меня радует мысль об отпуске*).

Второй же ими пренебрегает и встраивается в «чужую» конструкцию, ср.:

- (117) *Лампа светит ярко* VS. *Тебе не светит поехать в Питер*
(как в: *Тебе не удастся поехать в Питер*).

Эффект семантического сдвига глагола, который сопутствует его встраиванию в «чужую» конструкцию, известен давно: во Введении мы говорили о нем, разбирая книгу Ю. Д. Апресяна 1967 года (4.1) и понятие *coercion* (3.1), о нем же писала А. Голдберг, обсуждая глагол *sneeze* — и т. д., и т. п. Примеров такого рода очень много, но далеко не все они представляют ребрендинг — во многих случаях (например, как раз с голдберговским *sneeze*) дело, как мы уже говорили в § 1, ограничивается перепрофилированием и актантной деривацией, когда семантические изменения не выходят за пределы одного и того же фрейма, а значит, представляют собой классическую метонимию.

Ребрендинг же, как мы его понимаем, связан с имплицативным переходом значения и, как следствие, обязательной сменой исходного таксона и фрейма. Этот эффект мы наблюдали на примере болевых *колоть* и *резать*, он же виден на примере образования переносного значения *светить*, ср. также случаи ребрендинга в глаголах *идти* и *стучать* (сноска 30 Главы 3).

Между тем, есть мнение, что в ситуации встраивания «чужого» смысла в конструкцию (*coercion*) вообще не происходит никакого сдвига: конструкция ведет себя так, как если бы встраиваемый элемент был пуст, и легко навязывает ему «подходящее» значение. Именно поэтому в одной и той же конструкции, пусть окказионально, но почти с тем же конечным значением, употреб-

ляются самые разные предикаты, ср. *мне не светит*, *мне не катит*, *мне не улыбается* и под. И в этом есть доля правды: если в конструкцию встроить пустой, ничего не значащий, фиктивный глагол, он действительно примет «нужную» семантику.

Но особенно интересны были бы как раз те случаи, когда глагол **не** пустой: ведь реальному глаголу (в отличие от фиктивного) в сложном случае (которые мы и разбираем) потребуются специальные усилия, чтобы «загасить» свою исходную семантику, приобретая новую. Эти усилия, кстати, будут разными для разных предикатов, попавших в одну конструкцию, — в данном примере для *светить*, *улыбаться*, *катить* (например, *катить*, в отличие от *светить* и *улыбаться*, потеряет переходность — и т. д.), да и результаты, при ближайшем рассмотрении, получатся совсем не тождественные, ср.:

- *мне не светит* ≈ ‘мне не удастся’
- *мне не улыбается* ≈ ‘мне не хочется’
- *мне не катит* ≈ ‘мне не подходит’.

Лингвистически интересен именно этот аспект ребрендинга — необходимый в этом случае процесс перестройки конструкции, который, как кажется, пока остается вне поля зрения теоретиков. Между тем, в этом процессе, как видно уже на примере болевых предикатов, задействованы самые разные грамматические средства; все они направлены только на то, чтобы «подогнать» исходный глагол под результирующий, имитируя несуществующее исходно акциональное и аргументное сходство с реципиентной зоной метафоры. Такие средства, конечно, необходимо инвентаризовать.

С этой точки зрения очень интересна была бы типология имплицативных сближений — например, по акциональным классам или аргументной структуре: какие вообще двухместные глаголы могут моделировать ситуацию Ag-Pat-Rec, т. е. превращаться в трехместные (ср.: *толкнул кого-то* → *толкнул ему мой велосипед*), какие — могут переходить в стативы (ср.: *тянул что-то* → *тянул с ответом*) и т. д. и т. п. Типология поставит и вопрос о границах: ведь при всей свободе, которую демонстрируют лексемы в имплицативных переходах-ребрендингах, не может быть, чтобы любой концепт получил возможность трансформироваться

в любой другой (даже с помощью мощной грамматической поддержки): все равно обнаружатся запреты и ограничения.

Ограничения могут быть **семантические**. Так, русское *мешать* имеет очень общее значение, которое включает как деятельность (*кошка приходила в кухню и мешала варить суп*), так и внутреннее состояние (*само существование Мадагаскара мешало мне жить*) — но моделирующее его *вертеться под ногами*, будучи активным, соотносится только с первым, и никогда со вторым.

Наверное, есть какие-то **морфологические** ограничения. Сравним, например, два глагола звука с похожей семантикой, акциональностью и аргументной структурой: *грохнуть* и *загредить*. Первый почему-то в результате ребрендинга дает каузатив (*грохнул сервиз* = ‘уронил / бросил’⁴⁵), а второй — неконтролируемое событие (*загредел с лестницы* = ‘упал’). Чтобы неконтролируемое событие получилось из *грохнуть*, нужно обязательно использовать его медиальную форму, которая действительно будет тождественна ребрендингу от *загредить*: *грохнуть* = ‘упасть’. С чем точно связаны здесь морфологические ограничения, сказать непросто; обратим, однако, внимание, что в группе глаголов падения вообще много медиальных форм: *споткнуться*, *навернуться*, *сверзиться*, *бухнуться* и др.

Интересно было бы выявить и **синтаксические** ограничения. Поскольку аргументная структура создает «каркас конструкции», она играет важнейшую роль для определения таксономического класса и, как следует из нашего исследования зоны боли, редко меняется радикально. В подавляющем большинстве случаев изменения сводятся к относительно «безболезненным» для облика конструкции операциям, таким как опущение аргумента, добавление или перекодировка периферийного участника и др. Кстати, в том же ряду можно было бы отметить еще один способ «мягкой синтаксической перестройки»: фразеологические глагольные метафоры с заполнением (с семантической точки зрения часто почти «пустым») валентных мест, которые тоже позволяют сохранить иллюзию сходства аргументной структуры глагола-источника и результата сдвига. Ср., например, динамические двухместные глаголы *бить* или *валять*, которые в значении состояния (‘не

⁴⁵ Ср. также дальнейшее развитие в сленге в каузативное же ‘убить’.

заниматься полезной деятельностью') выступают с заполненным объектом: *бить баклуши* и *валять дурака*. Интересно было бы и вообще посмотреть на глагольные фраземы в этом ракурсе и оценить их роль в процессе ребрендинга.

Получается, что грамматический аспект ребрендинга охватывает почти все лингвистически значимые области — от собственно грамматики до фразеологии. Но есть еще и когнитивный аспект, который связан с базовой ролью имплицитного механизма. По-видимому, она существенно недооценена: видна только «верхушка айсберга», вроде процесса грамматикализации. На самом же деле это мощнейшее подводное течение, стимулирующее (может быть, даже все?) значительные изменения в языке.

§ 9. Выводы

В этой главе книги мы рассмотрели типологию преобразования конструкций на материале болевых предикатов, перестроенных из «не-болевых». Используя данные наших коллег по проекту, а также данные наших собственных исследований, мы представили подробный отчет о лингвистических изменениях, сопутствующих этому типу преобразований, и показали, что они имеют очень разнородный характер и касаются грамматических значений, частеречных характеристик, моделей управления, лексической семантики и т. д. Главный вывод, который мы сделали, проанализировав представленные данные, состоит в том, что все эти изменения происходят не случайно, а по определенному когнитивно прозрачному сценарию. Существенно, что каждой семантической зоне свойствен свой тип конструкций, и при переходе из одной зоны в другую нужно перестроить конструкцию так, чтобы ее внешний облик стал соответствовать приобретенной семантике. Масштаб перестройки зависит от «расстояния» между исходной и конечной семантическими зонами: чем они ближе, тем меньшими средствами достигается результат. Однако, в принципе, поскольку конструкция — сложный лингвистический объект, в ее перестройке могут участвовать все ее компоненты, даже если они являются единицами разных уровней.

Для болевой зоны наиболее характерным свойством, которое должно быть воспроизведено в новом значении и отражено в но-

вой конструкции, является стативность. Значит, обобщая, можно говорить о том, что преобразование болевой конструкции представляет частный случай стативизации предиката. Поэтому максимальной перестройки (ребрендинга) здесь требуют динамические предикаты, которые как раз создают очень мощный и типичный для языков мира источник болевых глаголов (обычно обозначающих острую внутреннюю боль). В этом сложном случае в самых разных языках мы наблюдали взаимозависимое изменение морфологии, морфосинтаксиса и синтаксиса глагола-источника и его исходной конструкции, которое свидетельствует о глубокой связи всех ее элементов, и это полностью соответствует принятому в СхG определению конструкции как целостного лингвистического объекта.

Особую значимость этим наблюдениям придает, как нам представляется, типологический подход, в отсутствии которого как раз часто упрекают СхG (см. Fried, Östman 2004): ведь каждый язык из тех, которые попали в поле нашего рассмотрения, использует свои средства стативизации. Однако богатство и разнообразие языковых средств не лишает процесс стативизации универсальности, при том что на чисто техническом уровне единообразие здесь недостижимо: в нашем материале фигурируют языки и болевые предикаты с дуративным, результативным и проспективным маркированием, болевые предикаты в адъективных, номинативных и глагольных конструкциях, переходные, непереходные, безличные и др. синтаксические варианты болевых конструкций, не говоря уже о разнообразии лексических источников выражения боли. Универсальность этого процесса проявляется не в технических деталях и средствах, как можно было бы предположить, опираясь на типологические исследования в русле *Radical Construction Grammar* (см. Croft 2001, 2004 и др.), а в единой когнитивной стратегии, которая для каждого конкретного языка объясняет, а в каких-то случаях даже предсказывает выбор конкретного технического решения — опираясь на специфику его конструкций. В этом мы видим вклад данного исследования в теоретическое развитие СхG и залог будущего успеха применения этой теории в лексико-типологических описаниях.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Заключение к этой книге будет коротким.

Согласно Ч. Филлмору, язык состоит из конструкций — так что их слишком много, чтобы считать работу хоть сколько-нибудь сделанной. Это только самое начало.

ЛИТЕРАТУРА

- Адаскина, Ю. В. 2007. Глаголы со значением боли в шокшинском диалекте эрзянского языка (с. Шокша Теньгушевского района республики Мордовия, 10—24 июля 2007).
- Алпатов, В. М. (ред.) 1990. Части речи: теория и типология. М.: Наука.
- Апресян, Ю. Д. 1967. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука.
- Апресян, Ю. Д. 1969а. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР, Серия литературы и языка, № 1.
- Апресян, Ю. Д. 1969b. О языке для описания значений слов // Известия АН СССР, Серия литературы и языка, № 5.
- Апресян, Ю. Д. 1974. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука. [2-е изд.: Апресян 1995а, т. I].
- Апресян, Ю. Д. 1980. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1) Wien. [2-е изд.: Апресян 1995а, т. II, 8—101.]
- Апресян, Ю. Д. 1985. Синтаксические признаки лексем // Russian Linguistics 9, № 2—3, 289—317.
- Апресян, Ю. Д. 1986. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28 (перепечатано в: Апресян 1995а, т. II., 629—650).
- Апресян, Ю. Д. 1995а. Избранные труды. Т. I—II. М.: Языки русской культуры.
- Апресян, Ю. Д. 1995b. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, № 1.
- Апресян, Ю. Д. 1995с. *Хотеть* и его синонимы: заметки о словах // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Апресян, Ю. Д. 1999. Семантическая мотивация несемантических свойств лексем // В. Tošović (ed.) Die grammatischen Korrelationen. Graz: Institut für Slawistik, 96—116.
- Апресян, Ю. Д. 2004. Синонимический ряд *ошибаться* I // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва, Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах, 752—757.
- Апресян, Ю. Д. 2006. Основания системной лексикографии // Апресян (ред.), 33—163.
- Апресян, Ю. Д. (ред.) 2006. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур.

- Апресян, Ю. Д. 2009. Исследования по семантике и лексикографии. Том 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур.
- Апресян, Ю. Д.; Ботякова, В. В.; Латышева, Т. Э. и др. 1979. Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык.
- Апресян, Ю. Д.; Богуславский, И. М.; Иомдин, Л. Л. и др. 1989. Лингвистическое обеспечение системы «Этап-2». М.: Наука.
- Апресян, Ю. Д.; Иомдин, Л. Л. 1989. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика, вып. 29, 34—92.
- Апресян, Ю. Д.; Медникова, Э. М. и др. 1993—1994. Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык (1993: т. I—II; 1994: т. III).
- Апресян, Ю. Д.; Палл, Э. 1982. Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Т. 1—2. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Арутюнова, Н. Д. 1976. Предложение и его смысл. М.: Наука.
- Арутюнова, Н. Д. (отв. ред.) 1988. Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука.
- Арутюнова, Н. Д. 1989. Предисловие // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука.
- Арутюнова, Н. Д. 1997. Бытийные предложения. // Энциклопедия «Русский язык». М.: Большая Российская Энциклопедия.
- Арутюнова, Н. Д.; Ширяев Е. Н. 1983. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М.: Наука.
- Архипов, А. В. 2009. Типология комитативных конструкций. М.: Знак.
- Архипова, А. С. 2003. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ.
- Асано, Ц. 1978, предисловие Киндаити Харухико. Giongo-gitaigo jiten (Словарь идеофонов). Токио: «Kadokawa».
- Баранов, А. Н.; Добровольский, Д. О. 2008. Аспекты теории фразеологии. М.: Языки славянских культур.
- Баранов, А. Н.; Добровольский, Д. О.; Киселева, К. Л.; Козеренко, А. Д. (при участии М. М. Вознесенской и М. М. Коробовой). 2007. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+.
- Барулин, А. Н. 2002. Основания семиотики. Знак, знаковые системы, коммуникация. М.: Спорт и культура-2000.
- Бирих, А. 1995. Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты). Slavistische Beiträge, Band 326. München: Otto Sagner.
- Богданов, А. В. 2009. Свойства глагольной основы, влияющие на возможность эпизодической интерпретации номинализаций композитов // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 42—64.

- Богуславский, И. М. 1989. О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением 'достаточно' и частицами. // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука.
- Богуславский, И. М. 1996. Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры.
- Бонч-Осмоловская, А. А.; Рахилина, Е. В.; Резникова, Т. И. 2007. Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива // Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). М.: Изд-во РГТУ.
- Бонч-Осмоловская, А. А.; Мерданова, С. Р.; Рахилина, Е. В.; Резникова, Т. И. 2008. «Частные типологии» в лексике: лексическое поле боли // Фонетика и нефонетика. Сборник статей к 70-летию С. В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур.
- Бонч-Осмоловская, А. А.; Рахилина, Е. В.; Резникова, Т. И. 2009. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Брицын и др. (ред.), 8—27.
- Борик, О. М. 1995. Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. ОТиПЛ, филологический факультет, МГУ.
- Борковский, В. И.; Кузнецов, П. С. 1965. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-е. М.: Наука. [3-е изд. — М.: КомКнига, 2006].
- Борщев, В. Б.; Кнорина, Л. В. 1990. Типы реалий и их языковое восприятие // Вяч. Вс. Иванов (ред.) Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М.: НСК, 106—134.
- Борщев, В. Б.; Парти, Б. Х. 1998. Бытийные предложения и отрицание в русском языке: семантика и коммуникативная структура // А. С. Нариньяни (ред.) Труды международного семинара Диалог '98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань: Хетер, 173—182.
- Борщев, В. Б.; Парти, Б. Х. 1999. Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.) Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 159—172.
- Борщев, В. Б.; Парти, Б. Х. 2002. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика, вып. 37.
- Борщев, В. Б.; Парти, Б. Х. 2010. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.) Слово и язык. Сб. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры.
- Борщев, В. Б.; Падучева, Е. В.; Парти, Б. Х.; Тестелец, Я. Г.; Янович, И. С. 2008. Русский родительный падеж: референтность и семантические типы // А. Б. Летучий, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова (ред.) Объект-

- ный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел-2000, 148—175.
- Брицын, В. М.; Рахилина, Е. В.; Резникова, Т. И.; Яворская, Г. М. (ред.) 2009. Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго.
- Булыгина, Т. В. 1982. К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (отв. ред.) Семантические типы предикатов. М.: Наука, 7—85.
- Бурас, М. М. 1985. Выбор числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении // ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 168. М.: ИРЯ АН СССР.
- Вайс, Д. 2000. Русские двойные глаголы. Кто хозяин, а кто слуга? // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.) Слово в тексте и в словаре: Сб. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 356—378.
- Василевич, А. П. 2003. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты. Диссертация в виде научного доклада, представленного к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.
- Виноградов, В. В. 1999. История слов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Всеволодова, М. В.; Владимирский, Е. Ю. 1982. Способы выражения пространственных отношений в русском языке. М.: Русский язык.
- Генитив 2008: Летучий, А. Б.; Рахилина, Е. В.; Резникова, Т. И. (ред.) Объектный генитив при отрицании в русском языке. М., Пробел-2000.
- Грунтов, И. А. 2007. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). М.: Изд-во РГГУ, 157—161.
- Дубровина, И. В. 2007. Конструкции с базовым пространственным значением *бить в* и *бить по* // Н. Р. Добрушина (ред.) Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. М.: ТЕИС, 109—121.
- Дудина, М. С. 2002. Признак неаккузативности глагола в итальянском и русском языках. Дипломная работа. Институт лингвистики, РГГУ.
- Дыбо, А. В. 1989. К истории традиционных антропометрических терминов // Советская тюркология, №1, 71—79.

- Дыбо, А. В. 1995. Пальцевые меры длины (пяди) в алтайских языках // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М.: Индрик.
- Дыбо, А. В. 1996. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки русской культуры.
- Журина, М. А. 1979. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 295—347.
- Журицкий, А. Н. 1971. О семантической структуре пространственных прилагательных // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М.: Наука, 96—124.
- Заичкова, И. 1972. Дательный беспредложный в современном русском языке. Прага.
- Зализняк, А. А. 1969. Краткий русско-французский учебный словарь. М.: Русский язык.
- Зализняк, А. А. 1973. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука.
- Зализняк, А. А. 1977. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык. (5-ое изд. — М.: АСТ-Пресс, 2008).
- Зализняк, А. А. 1990. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // Z. Saloni (red.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 109—114.
- Зализняк, А. А.; Падучева, Е. В. 1974. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Ю. А. Шрейдер (ред.) Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 4. М.: Изд-во ВИНТИ, 30—35 (перепечатано в: Семиотика и информатика, 1997. Вып. 35, 7—14).
- Зализняк, Анна А. 2001. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания № 2, 13—25.
- Зализняк, Анна А. 2006а. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур.
- Зализняк, Анна А. 2006b. Русские культурные концепты в европейской лингвистической перспективе: слово *проблема* // Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 152—156.
- Зализняк, Анна А. 2009. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: Изд-во РГГУ, 107—112.

- Зализняк, Анна А.; Шмелев, А. Д. 1997. Время суток и виды деятельности // Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (отв. ред.) Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик.
- Земская, Е. А. 1991. Относительные прилагательные как конструктивный элемент номинативной системы современного русского языка // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М.: Наука.
- Земская, Е. А. 1992. Словообразование как деятельность. М.: Наука.
- Зимовец, Г. В. 2009. Глаголы боли в украинском языке // Брицын и др. (ред.), 66—109.
- Золотова, Г. А. 1988. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука.
- Иомдин, Л. Л. 1990. Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету // Z. Saloni (red.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Иомдин, Л. Л. 1991. Словарная статья предлога *по* // Семиотика и информатика, вып. 32, 33—60.
- Иомдин, Л. Л. 2003. Большие проблемы малого синтаксиса // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2003» (Протвино, 11—16 июня), 216—222.
- Иорданская, Л. Н.; Мельчук, И. А. 1996. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ * С любви ~ ПО любви) // Московский лингвистический журнал. Т. 2, 162—211.
- Иорданская, Л. Н.; Мельчук, И. А. 2007. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур.
- Исаева, Е. В.; Резникова, Т. И. 2009. Предикаты боли во французском языке // Брицын и др. (ред.), 210—223.
- Ицкович, В. А. 1974. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. М.: Наука, 43—106.
- Карнап, Р. 1959. Значение и необходимость. [Пер. с англ.] М.: ИЛ.
- Кибрик, А. Е.; Кодзасов, С. В.; Оловяникова, И. П.; Самедов, Д. С. 1977. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1—3. М.: МГУ.
- Кибрик, А. Е.; Брыкина, М. М.; Леонтьев, А. П.; Хитров, А. Н. 2006. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания, № 1, 16—45.
- Кнорина, Л. В. 1985. Об интерпретации генитивных конструкций // Тезисы школы-семинара «Семиотические основы интеллектуальной деятельности». М.: ВИНТИ.
- Кнорина, Л. В. 1990. Нарушения сочетаемости и разновидности тропов в генитивной конструкции // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 115—124.

- Князев, Ю. П. 1989. Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989, 132—145.
- Кобрицов, Б. П.; Ляшевская, О. Н.; Шеманаева, О. Ю.: 2005. Поверхностные фильтры для разрешения семантической омонимии в текстовом корпусе // И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2005» (Звенигород, 1—6 июня, 2005 г.). М.: Наука, 250—255.
- Козлова, Е. В.; Хохлова, Л. В. 2009. Метафоры боли и неприятных ощущений в языке хинди // Брицын и др. (ред.), 229—280.
- Козлова, М. С. 2007. Семантика глаголов боли в русском и испанском языках. Дипломная работа. М., Институт лингвистики РГГУ.
- Константинова, О. А. 1968. Эвенкийский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л.: Наука.
- Кор-Шаин, И.; Рахилина, Е. В. 2009. Чего не хватает глаголу *хватать* // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик.
- Костыркин, А. В.; Панина, А. С. 2009. Лексика боли в японском языке // Брицын и др. (ред.), 365—392.
- Кравченко, А. В. 1996. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой интерпретации. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та.
- Крейдлин, Г. Е.; Рахилина, Е. В. 1981. Денотативный статус отглагольных имен // НТИ, сер. 2, № 12, 17—22.
- Кронгауз, М. А. 2001. Семантика: Учебник для вузов. М.: Изд-во РГГУ.
- Кронгауз, М. А. 2008. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур.
- Крысин, Л. П. 1976. Опыт лексикографического описания группы однокоренных глаголов (*резать* и его префиксальные производные). Предварительные публикации проблемной группы экспериментальной и прикладной лингвистики. Ин-т русского языка АН, вып. 85.
- Крысько, В. Б. 2006. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М.: Азбуковник.
- Кубрякова, Е. С. (ред.). 1996. Краткий словарь когнитивных терминов М.: МГУ.
- Кубрякова, Е. С. 1999. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН, Серия литературы и языка, т. 58, № 5—6, 3—12.
- Кузнецова, Ю. Л. 2007. Рец. на кн. Tomasello 2003 // Вопросы языкознания, № 1, 119—126.
- Кузнецова, Ю. Л.; Ляшевская, О. Н. 2010. Конструкции и трансформации // Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.) Слово и язык. Сб. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры.

- Кузнецова, Ю. Л.; Плунгян В. А. (в печати) Неаккузативность: миф или реальность?
- Кустова, Г. И. 1998. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика, вып. 36.
- Кустова, Г. И. 2004. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры.
- Кустова, Г. И. 2005а. Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 295—305.
- Кустова, Г. И. 2005b. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопросы языкознания, № 3.
- Кустова, Г. И. 2005с. Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2005» (Звенигород, 1—6 июня). М.: Наука, 316—320.
- Кустова, Г. И. 2006а. Нормы и семантические правила (относительные и качественные значения прилагательных) // Л. П. Крысин (отв. ред.) Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 171—186.
- Кустова, Г. И. 2006b. Валентности и конструкции прилагательных // Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 323—328.
- Кустова, Г. И. 2007а. Русские прилагательные: формы, конструкции, семантика // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Филологические науки. М.: Прометей, 85—97.
- Кустова, Г. И. 2007b. Полисемия временных прилагательных // Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). М.: Изд-во РГГУ, 343—348.
- Кустова, Г. И. 2008. Оценки истинности / ложности (на материале прилагательных *истинный* и *ложный*) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 159—170.
- Кустова, Г. И. 2009. Электронный семантический словарь глагольных прилагательных: структура и типы информации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: Изд-во РГГУ.
- Кустова, Г. И. 2010. Прилагательные в составе номинаций лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мате-

- риалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26—30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ.
- Кустова, Г. И.; Падучева, Е. В. 1994. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания, N 4.
- Лайонз, Дж. 2003. Лингвистическая семантика. [Пер. с англ.] М.: Языки славянской культуры.
- Левонтина, И. Б. 2004. Словарные статьи *куча, гора, груда, ворох и кипа* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах.
- Летучий, А. Б. 2008. Генитив, классы глаголов и пресуппозиция // А. Б. Летучий, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова (ред.) Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел—2000.
- Ли Су-Хён 2005. Когнитивный анализ русских конструкций с именными квантификаторами. Дисс. ... канд. филол. наук. М., РГГУ.
- Ли Су-Хён, Рахилина, Е. В. 2005. Количественные квантификаторы в русском и корейском: моря и капли // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 425—439.
- Лукина, Ю. В.; Цуканова, В. Л. 2009. Лексика боли в арабском языке // Брицын и др. (ред.) 314—328.
- Ляшевская, О. Н. 2004. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры.
- Ляшевская, О. Н.; Рахилина, Е. В. 2008а. Многозначность сквозь призму дискурса // А. Мустайоки, М. В. Копотев, Л. А. Бирюлин, Е. Ю. Протасова (ред.) Инструментарий русистики: корпусные подходы. Helsinki: Yliopistopaino, 217—233.
- Ляшевская, О. Н.; Рахилина, Е. В. 2008b. Онтология лексики в Национальном корпусе русского языка: обзор и поисковые возможности // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов: Доклады рос. делегации. М.: Индрик, 342—354.
- Ляшкевич, А. И. 1985. Именные сочетания со значением метафорического количества. Минск: Высшая школа.
- Майсак, Т. А. 2005. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур.
- Майсак, Т. А.; Рахилина, Е. В. 1999. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский (ред.) Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна: Межд. университет «Дубна», 73—66.
- Майсак, Т. А.; Рахилина, Е. В. (ред.) 2007. Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик.
- МАС 1981: Словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык.
- Мельчук, И. А. 1974. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Наука.

- Мельчук, И. А. 1995. Русский язык в модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст». (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39). М., Вена: Языки русской культуры.
- Мерданова, С. Р. 2009. Глаголы боли в агульском языке // Брицын и др. (ред.), 329—349.
- Мишурова, Г. И. 1968. Существительные с количественным значением в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград.
- Мустайоки, А. 2010. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры.
- Налимов, В. В. 1979. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. Изд. 2-е. М.: Наука.
- НОСС 1997—2003: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры. Вып. 1, 1997. Вып. 2, 2000. Вып. 3, 2003.
- НОСС 2004: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М., Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах (Изд. 2-е, исправленное и дополненное).
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. 1993. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ.
- Падучева, Е. В. 1982. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика, вып. 18.
- Падучева, Е. В. 1985/2010. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука. (6-ое изд. — М.: УРСС, 2010).
- Падучева, Е. В. 1992. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // Russian Linguistics 16, 53—63.
- Падучева, Е. В. 1996. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры.
- Падучева, Е. В. 1997. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания, № 2, 101—116.
- Падучева, Е. В. 1998. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика, вып. 36, 82—107.
- Падучева, Е. В. 2004. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры.
- Падучева, Е. В. 2008. Послеловие. Генитив отрицания: морфология, семантика, синтаксис // А. Б. Летучий, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова (ред.) Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел—2000, с. 123—147.
- Падучева, Е. В.; Розина, Р. И. 1993. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания, № 6, 5—16.
- Пайар, Д.; Плунгян, В. А. 1993. Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке // Russian linguistics 17, № 3, 263—277.

- Пайар, Д.; Плунгян, В. А. 2000. Предлог *над*: факты и интерпретации // Д. Пайар, О. Н. Селиверстова (ред.) Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 83—114.
- Панов, М. В. 1999. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука.
- Перетятко, Т. П. 1972. Лексические средства обозначения неопределенно-большого количества предметов. Дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата.
- Перцов, Н. В. 2006. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении, № 1(11), 227—245.
- Перцова, Н. В. 1988. Формализация толкования слова. М.: Изд-во МГУ.
- Плунгян, В. А. 1989. К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности?) // Вопросы языкознания, № 6, 55—63.
- Плунгян, В. А. 1997. Вид и типология глагольных систем // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: МГУ, т. 1, 173—190.
- Плунгян, В. А. 2000. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС.
- Плунгян, В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 50—88.
- Плунгян, В. А. 2004. Предлоги как ключ к поэтическому миру: *над* и *под* у Ахматовой // Ю. Д. Апресян (ред.) Сокровенные смыслы. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры. 319—332.
- Плунгян, В. А. 2010. Введение в грамматическую семантику. М.: Изд-во РГГУ.
- Плунгян, В. А.; Рахилина, Е. В. 1990. Сирконстанты в толковании? // Z. Saloni (red.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 201—210.
- Плунгян, В. А.; Рахилина, Е. В. 2000. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *под* // Д. Пайар; О. Н. Селиверстова (ред.) Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 115—133.
- Попов, А. В. 1881. Синтаксические исследования. Воронеж.
- Правдин, А. Б. 1956. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Ученые записки Института славяноведения, 13.
- Правдин, А. Б. 1957. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке // Труды историко-филологического факультета Тартуского государственного университета, вып. 51.
- Рахилина, Е. В. 1990. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Sagner. (см. также на сайте rakhilina.ru).

- Рахилина, Е. В. 1995. Семантика размера // Семиотика и информатика, вып. 34.
- Рахилина, Е. В. 1996. Семантика посессивности и вопрос о русской лексеме *чей* // НТИ, сер. 2, 1996, № 4, 21—26.
- Рахилина, Е. В. 1998. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика, вып. 36, 274—323.
- Рахилина, Е. В. 1999. О переносных значениях прилагательных размера (*глубокий ум — высокий интеллект*) // НТИ, сер. 2, № 10, 40—45.
- Рахилина, Е. В. 2000а. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари. (2-е изд. — 2008, см. на сайте rakhilina.ru).
- Рахилина, Е. В. 2000b. «Стой, кто идет?» // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.) Слово в тексте и в словаре: Сб. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 224—230.
- Рахилина, Е. В. 2001. Показатели посессивности и их функции в русском языке // С. А. Шубик (ред.). Исследования по языкознанию: К 70-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. СПб: СПбГУ, 197—207.
- Рахилина, Е. В. 2002. Функциональные и когнитивные теории // А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.) Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 370—389.
- Рахилина, Е. В. 2004. Контейнер и содержимое в русском языке: наивная топология // Языковые значения: Методы исследования и принципы описания (памяти О. Н. Селиверстовой). М.: МГПУ, 233—257.
- Рахилина, Е. В. 2007а. О семантике прилагательных цвета // А. П. Василевич (ред.) Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 29—39.
- Рахилина, Е. В. 2007b. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 76—105.
- Рахилина, Е. В.; Ли Су-Хён. 2009. Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания, №4, 13—40.
- Рахилина, Е. В.; Плунгян, В. А. 2007. О лексико-семантической типологии // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.), 9—26.
- Рахилина, Е. В.; Плунгян, В. А. 2009. Конструкция анекдота с точки зрения грамматики конструкций // Известия РАН, Серия литературы и языка, № 4.
- Рахилина, Е. В.; Плунгян, В. А. 2010. Ю. Д. Апресян как теоретик грамматики конструкций // Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.) Слово и язык. Сб. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры.
- Рахилина, Е. В.; Кобрицов, Б. П.; Кустова, Г. И.; Ляшевская, О. Н.; Шеманаева, О. Ю. 2006. Многозначность как прикладная проблема: Лексико-семантическая разметка в Национальном корпусе русского

- языка // Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 445—450.
- Рахилина, Е. В.; Резникова, Т. И.; Карпова, О. С. 2009а. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: Изд-во РГГУ, 420—425.
- Рахилина, Е. В.; Кустова, Г. И.; Ляшевская, О. Н.; Резникова, Т. И.; Шеманаева, О. Ю. 2009b. Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 215—239.
- РГ 1980: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) Русская грамматика. Т. 1—2. М.: Наука.
- Резникова, Т. И. 2009. Предикаты боли в немецком языке // Брицын и др. (ред.) 154—198.
- Резникова, Т. И.; Бонч-Осмоловская, А. А.; Рахилина, Е. В. 2008. Глаголы боли в свете Грамматики конструкций // НТИ, сер. 2, № 4, 7—15.
- Розина, Р. И. 2005. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: Глагол. М.: Азбуковник.
- Романова, Г. Я. 1995. О проекте словаря старинных русских мер // Г. А. Богатова (ред.) Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 89—101.
- Рубинштейн, М. Л. 2002. Именные группы в русских дистрибутивных конструкциях с предлогом «по» // А. С. Нариньяни (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2002». Т. 1. Теоретические проблемы. М.: Наука.
- Руднев, В. П. 1997. Словарь культуры XX века. М.: Аграф.
- Рудницкая, Е. Л.; Новичков, П. Ю. 2010. Конструкции с глаголами болевых и неприятных ощущений в английском языке: анализ с позиций лексико-семантической типологии // Вестник Воронежского университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, вып. 1.
- Рудницкая, Е. Л.; Хван, С. Г. 2009. Предикативные конструкции для обозначения болевых ощущений в корейском // С. О. Курбанов (отв. ред.) Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 11. СПб.: СПбГУ, 7—20.
- Садовникова, Р. И. 2002. Боль и части человеческого тела // А. С. Нариньяни (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2002». Т. 1. Теоретические проблемы. М.: Наука.

- Санников, В. З. 1999. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). В 10 тт. Т. 1—8—. М., 1988—2008—.
- Селиверстова, О. Н. 2000. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания, № 6, 12—27.
- СиИ 36: Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. М.: Русские словари.
- Терещенко, Н. М. 1973. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука.
- Тестелец, Я. Г. 2001. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ.
- Тихонова, М. Ю. 1971. Лексико-фразеологическая микросистема 'много' в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Самарканд.
- Тищенко-Монастырская, О. А. 2009. Метафоры боли в крымско-татарском языке // Брицын и др. (ред.), 281—313.
- ТКС 1984. Мельчук, И. А.; Жолковский, А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14). Wien.
- Толстая, С. М. 2008. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик.
- Толстой, Н. И. 1963. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I // Вопросы языкознания, №1, 29—45.
- Толстой, Н. И. 1966. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II // Вопросы языкознания, № 5, 1966, 16—37.
- Урысон, Е. В. 2003. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры.
- Успенский, Б. А. 1965. Структурная типология. М.: Наука, 1965.
- Успенский, В. А. 1979. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика, вып. 11 (перепечатано в: Семиотика и информатика, 1997, вып. 35).
- Фасмер, М. 1986. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М.: Прогресс.
- Филипенко, М. В. 1992. Об однородных и неоднородных ассоциированных множествах // НТИ, сер. 2, № 5.
- Филипенко, М. В. 2000. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Д. Пайар, О. Н. Селиверстова (ред.) Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 12—54.
- Фрумкина, Р. М. 1984. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука.
- Цейтлин, С. Н.; Елисеева, М. Б.; Доброва, Г. Р.; Казаковская, В. В.; Русакова, М. В.; Мурашова, О. В.; Ященко, М. А. (сост.) 2001. Сборник упражнений по детской речи. Пособие для студентов факультетов дошкольного образования и коррекционной педагогики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.

- Чвани, К. В. 1998. Вид как часть универсального набора семантических признаков // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 490—497.
- Чейф, У. 1975. Значение и структура языка. [Пер. с англ.] М.: Прогресс.
- Шведова, Н. Ю. 1960. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука.
- Шведова, Н. Ю. (ред.). 2000. Русский семантический словарь. М.: Азбуковник.
- Шеманаева, О. Ю. 2006. Точные и приблизительные оценки размеров предметов в русском языке // Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 567—572.
- Шеманаева, О. Ю. 2007. Конструкции измерения уровня с предлогом *по* в русском языке // НТИ, сер. 2, №4, 35—45.
- Шеманаева, О. Ю. 2008а. «Снег рыхлый по колено ей...»: Семантические особенности конструкции измерения уровня с предлогом *по* в русском языке // Московский лингвистический журнал, № 6, 120—157.
- Шеманаева, О. Ю. 2008b. Конструкции размера в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., РГГУ.
- Шеманаева, О. Ю.; Кустова, Г. И.; Ляшевская, О. Н.; Рахилина, Е. В. 2007. Семантические фильтры для разрешения многозначности в Национальном корпусе русского языка: прилагательные // Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). М.: Изд-во РГГУ.
- Шмелев, А. Д. 1998. Типы «невывраженных валентностей» // Семиотика и информатика, вып. 36, 167—176.
- Шмелев, А. Д. (в печ.) О применении корпусных данных для анализа русской лексики // Русский язык в научном освещении.
- Шмелева, Е. Я. 1988. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). Дисс. ... канд. филол. наук. М.
- Шмелева, Е. Я.; Шмелев, А. Д. 2002. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры.
- Эльсбутас, Ю. В. 1967. Дательный падеж заинтересованного лица в современном русском и литовском языках // Филологические науки, № 3.
- Эршлер, Д. А. 2008. Генитив отрицания и непациентные значения аккумулятива: феноменология и семантика // А. Б. Летучий, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова (ред.) Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел—2000.

- Яворская, Г. М. 2009. К этимологии праславянского **bolěti* // Брицын и др. (ред.) 413—417.
- Яворская, Г. М.; Хайдер, Т. В. 2009. Глаголы боли в польском языке // Брицын и др. (ред.) 110—134.
- Якобсон, Р. О. 1972. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука.
- Якушкина, Е. И. 2009. Глаголы боли в сербском и хорватском языках // Брицын и др. (ред.) 135—153.
- Янко, Т. Е. 2001. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры.
- Ackerman, F.; Moore, J. 2001. A Theory of Argument Structure. Stanford, Calif.: CSLI.
- Aikhenvald, A. Y. 2000. Classifiers: a typology of noun categorization devices. Oxford: Oxford University press.
- Alexiadou, A.; Anagnostopoulou, E.; Everaert, M. (eds.) 2004. The Unaccusativity Puzzle. Explorations of the Syntax-Lexicon Interface. Oxford: Oxford University Press.
- Andersen, E. 1978. Lexical universals of body-part terminology // J. Greenberg (ed.) Universals of human language. Stanford: Stanford University Press, 335—368.
- Ardid-Gumiel, A. 2001. The syntax of Depictives, Subjects, Modes of Judgements and I-L/S-L Properties // Nina Zhang (ed.) ZAS Papers in Linguistics 26.
- Babby, L. 1980. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor: Caroma Publishers.
- Babby, L. 2000. The genitive of negation and unaccusativity. Ms. Princeton University.
- Babyonyshev, M. 1996. Structural Connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese. Ph.D. Dissertation, MIT.
- Bach, E.; Jelinek, E.; Kratzer, A.; Partee, B. H. 1995. Introduction // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.) Quantification in Natural Languages. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Bailyn, J. 2001. The syntax of Slavic predicate Case // ZAS Papers in Linguistics 22, 1—26.
- Barbiers, S. 2000. On the Interpretation of Movement and Agreement: PPs and Binding // H. Bennis, M. Everaert, E. Reuland (eds.) Interface Strategies. KNAW Series. Amsterdam: Elsevier.
- Barcelona, A. (ed.) 2003. Metaphor and metonymy at the crossroads: a cognitive perspective. Berlin: Mouton.
- Berlin, B.; Kay, P. 1969. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: Univ. of California press.
- Bhat, D. N.S. 1994. The adjectival category: criteria for differentiation and identification. Amsterdam: Benjamins.

- Bhat, D. N. S. 1999. Intransitive / adjectival predication (review article) // *Linguistic typology*, 3.1, 111—125.
- Blank, A. 1999. Co-presence and Succession: A Cognitive Typology of Metonymy // K.-U. Panther, G. Radden (eds). *Metonymy in Language and Thought*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 169—191.
- Blaszczak, J. 2002. Ergativität in „nicht-ergativen“ Sprachen. www.ling.uni-potsdam.de/kurse/Ergativitaet/3Sitzung.pdf
- Bolinger, D. 1967. Adjectives in English: attribution and predication // *Lingua* 18, 1—34.
- Bonch-Osmolovskaya, A.; Rakhilina, E.; Reznikova, T. 2009. Conceptualization of Pain: A Database for Lexical Typology // P. Bosch; D. Gabelaia; J. Lang (eds.) *Logic, Language, and Computation. LNCS, LNAI, Vol. 5422*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 110—123.
- Borschev, V. B.; Partee, B. H. 2001. Genitive modifiers, sorts, and metonymy // *Nordic Journal of Linguistics* 24, 140—160.
- Borschev, V. B.; Partee, B. H. 2002. Genitives, types, and sorts. Paper presented to the Workshop “Semantics / Syntax of Possessive Constructions”. University of Massachusetts, Amherst, May 6—8.
- Borschev, V. B.; Partee, B. H. 2004. Genitives, types, and sorts // Ji-Yung Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (eds.) *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. Amherst (MA): GLSA Publications, 29—43.
- Borsley, R. D.; Newmeyer, F. J. 2009. On Subject-Auxiliary Inversion and the notion “purely formal generalization” // *Cognitive linguistics* 20(1), 135—143.
- Bourdin, Ph. 1997. On Goal-bias across languages: modal, configurational and orientational parameters // B. Palek (ed.) *Proceedings of LP' 96. Typology: prototypes, item orderings and universals*. Prague: Charles University Press.
- Brown, C. 1976. General principles of human anatomical partonomy and speculations on the growth of partonomic nomenclature // *American Ethnologist* 3, 400—424.
- Brugman, C. M. 1988. *The story of ‘over’: Polysemy, semantics and the structure of the lexicon*. New York: Garland.
- Brugman, C. M.; Lakoff, G. 1988. Cognitive topology and lexical networks // G. W. Cottrel, S. Small, M. K. Tannenhouse (eds.) *Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence*. San Mateo (CA): M. Kaufman, 477—508.
- Burt, M. K. 1971. *From Deep to Surface Structure*. New York: Harper Row.
- Burzio, L. 1981. *Intransitive Verbs and Italian Auxiliaries*. Ph. D. thesis, MIT, Cambridge, MA.
- Burzio, L. 1986. *Italian Syntax. A Government Binding Approach*. Dordrecht: Reidel.
- Bybee, J. L. 2007. *Frequency of Use and the Organization of Language*. Oxford: Oxford University Press.

- Bybee, J. L.; Dahl, Ö. 1989. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in language*, 13.1, 51—103.
- Bybee, J. L.; Perkins, R.; Pagliuca, W. 1994. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Cadiot, P. 1994. Représentations d'objets et sémantique lexicale: qu'est-ce qu'une boîte? // *French language studies*, 4, 1—23.
- Carlson, G. N. 1977/1980. *Reference to Kinds in English*. Ph.D. dissertation, University of Massachusetts, Amherst. Published 1980 by Garland Press, New York.
- Cetnarowska, B. 2002. Unaccusativity Mismatches and Unaccusativity Diagnostics from Derivational Morphology // P. Boucher (ed.) *Many Morphologies*. Somerville, MA: Cascadilla Press, 48—81.
- Chomsky, N. 1981. *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris.
- Chvany, C. 1975. *The Syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge, MA Slavica.
- Cienki, A. 1989. *Spatial cognition and the semantics of prepositions in English, Polish and Russian*. München: Sagner.
- Comrie, B. 1976. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Corbett, G. G. 1991. *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Corbett, G. G. 2000. *Number*. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Corbett, G. G.; Morgan, G. 1988. Colour terms in Russian: Reflections of typological constraints in a single language // *Journal of Linguistics* 24, 31—64.
- Crain, S.; Thornton, R.; Khlentzos, D. 2009. The case of the missing generalizations // *Cognitive linguistics* 20(1), 145—155.
- Croft, W. 1991. *Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information*. Chicago: The Univ. of Chicago Press.
- Croft, W. 1993. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymy // *Cognitive Linguistics*, 4, 335—370.
- Croft, W. 2001. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Croft, W. 2004. Logical and typological arguments for Radical Construction Grammar // M. Fried, J.-O. Östman (eds.) *Construction Grammar(s): Cognitive and cross-language dimensions (Constructional Approaches to Language, 3)*. Amsterdam: John Benjamins, 273—314.
- Croft, W. 2006. On explaining metonymy: comment on Geeraerts and Piersman, "Metonymy as a prototypical category" // *Cognitive Linguistics* 17(3), 317—26.
- Croft, W. 2009. *Constructions and generalizations* // *Cognitive linguistics* 20(1), 157—165.
- Croft, W.; Cruse, D. A. 2004. *Cognitive Linguistics*. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) Cambridge: Cambridge University Press.

- Cruse, A. 1986. *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dahl, Ö. 2004. The growth and maintenance of linguistic complexity. *Studies in Language Companion Series*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. [в рус. пер.: Даль, Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М.: ЛКИ, 2009.]
- Dirven, R. 2002. Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation // R. Dirven, R. Pörings (eds.) *Metaphor and Metonymy in comparison and contrast*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 75—111.
- Dobrovolskij, D.; Piirainen, E. 2005. *Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam; Heidelberg: Elsevier.
- Doenninghaus, S. 2001. Море людей и пропасть цветов. Метафоры неопределенного количества // А. Киклевич (ред.) *Количественность и градуальность в естественном языке*. München: Sagner, 61—75.
- Dowty, D. R. 1979. *Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel.
- Dowty, D. R. 1989. On the semantic content of the notion 'thematic role' // G. Chierchia, B. H. Partee, R. Turner (eds.) *Properties, types and meaning*. Dordrecht: Kluwer.
- Erteschik-Shir, N. 1979. Discourse constraints on dative movement // T. Givón (ed.) *Discourse and Syntax: Syntax and Semantics 12*. New York, San Diego & London: Academic Press, 441—487.
- Fagan, S. 1992. *The syntax and semantics of middle constructions: A study with special reference to German*. (Cambridge Studies in Linguistics 60.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Fauconnier, G. 1985. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Fauconnier, G. 1997. *Mappings in thought and language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fauconnier, G.; Turner, M. 1996. Blending as a central process in grammar // A. Goldberg (ed.) *Conceptual structure, discourse and language*. Stanford: CSLI, 183—203.
- Fauconnier, G.; Turner, M. 1998. Conceptual integration networks // *Cognitive science*, 22, 133—187.
- Feyaerts, K. 1999. Metonymic Hierarchies: The Conceptualization of Stupidity in German Idiomatic Expressions // K.-U. Panther, G. Radden (eds.) *Metonymy in Language and Thought*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Filip, H. 2001. The Semantics of Case in Russian Secondary Predication // R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky (eds.) *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) XI*. Ithaca: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 192—211.
- Fillmore, Ch. J. 1966. Deictic categories in the semantics of *come* // *Foundations of language* 2, 219—227.

- Fillmore, Ch. J. 1968a. The case for case // E. Bach, R. Harms (eds.) *Universals in linguistic theory*. New York: Harper and Row.
- Fillmore, Ch. J. 1968b. Types of lexical information // *Working papers in linguistics* (Ohio) 2.
- Fillmore, Ch. J. 1969. Types of lexical information // F. Kiefer (ed.) *Studies in Syntax and Semantics*. Dordrecht: Reidel, 109—137.
- Fillmore, Ch. J. 1971. Verbs of judging: an exercise in semantic description // Ch. J. Fillmore, D. Langendoen (eds.) *Studies in Linguistic Semantics*. New York: Holt, Rinehart & Winston. 272—289.
- Fillmore, Ch. J. 1975. Santa Cruz lectures on deixis. Bloomington: IULC.
- Fillmore, Ch. J. 1982. Frame Semantics // *Linguistics in the morning calm*. Hanshin Publishing Co., Seoul, South Korea, 111—137.
- Fillmore, Ch. J. 1983. How to know wheather you're coming or going // G. Rauh (ed.) *Essays on deixis*. Tübingen: Narr, 219—227.
- Fillmore, Ch. J. 1985. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*, 6.2, 222—254. [в рус. пер.: Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XXIII. М.: Прогресс. 1988.]
- Fillmore, Ch. J. 1986. Varieties of conditional sentences // *Proceedings of the Third Eastern States Conference on Linguistics*. Columbus, Ohio: Ohio State University, Department of Linguistics, 163—182.
- Fillmore, Ch. J. 1988. The mechanisms of 'Construction Grammar' // *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* 14, 35—55.
- Fillmore, Ch. J. 1989. Grammatical Construction Theory and the familiar dichotomies // R. Dietrich, C. F. Graumann (eds.) *Language Processing in Social Context*. Amsterdam: North-Holland/Elsevier, 17—38.
- Fillmore, Ch. J. 1992. "Corpus linguistics" vs. "Computer-aided armchair linguistics" // *Directions in Corpus Linguistics*. Proceedings of Nobel Symposium 82, Stockholm, 4—8 August 1991. Berlin: Mouton de Gruyter, 35—66.
- Fillmore, Ch. J. 1996. The pragmatics of constructions // D. I. Slobin, J. Gerhardt, A. Kyratzis, J. Guo (eds.) *Social Interaction, Social Context and Language*. Essays in honor of Susan Ervin-Tripp. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.
- Fillmore, Ch. J. 1997. Lectures on Deixis. Stanford, CA: CSLI (1-е изд. — Fillmore 1975).
- Fillmore, Ch. J. 1999. Inversion and constructional inheritance // G. Webelhuth, J.-P. Koenig, A. Kathol (eds.) *Lexical and constructional aspects of linguistic explanation*. Stanford, CA: CSLI. 113—128.
- Fillmore, Ch. J. 2008. Border Conflicts: FrameNet meets Construction Grammar. Plenary Lecture at EURALEX XIII, Barcelona, Spain.
- Fillmore, Ch. J.; Atkins, B. T.S. 1992. Towards a Frame-based Lexicon: the Semantics of RISK and its Neighbors // A. Lehrer, E. F. Kittay (eds.)

- Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 75—102.
- Fillmore, Ch. J.; Atkins, B. T.S. 1994. Starting where the dictionaries stop: the challenge for computational lexicography // B. T.S. Atkins, A. Zampolli (eds.) *Computational Approaches to the Lexicon*. Oxford: Oxford University Press, 349—393.
- Fillmore, Ch. J.; Atkins, B. T.S. 2000. Describing Polysemy: The Case of 'Crawl' // Y. Ravin, C. Leacock (eds.) *Polysemy. Theoretical and computational approaches*. Oxford: Oxford University press, 91—110.
- Fillmore, Ch. J.; Kay, P. 1992. *Construction Grammar Course Book*. Berkeley: Univ. of California.
- Fillmore, Ch. J.; Kay, P. 1997. *Berkeley Construction Grammar Textbook*, electronic version: <http://www.isci.berkeley.edu>.
- Fillmore, Ch. J.; Kay, P. 1999. Grammatical construction and linguistic generalization: The *What's X doing Y* construction // *Language*, Vol. 75, 1—33.
- Fillmore, Ch. J.; Kay, P.; O'Connor, M. C. 1988. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *LET ALONE* // *Language*, 64.3, 501—538 (также в сб.: M. Tomasello (ed.) 2003. *The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*, v. 2. Mahwah, New Jersey: Erlbaum, 243—270).
- Franckel, J.-J.; Paillard, D. 1998. Les emplois temporels des prépositions: le cas du *sur* // A. Borillo, C. Veters, M. Vuillaume (eds.) *Variations sur la référence verbale (Cahiers Chronos 3)*. Amsterdam/Atlanta: Rodopi, 199—211.
- Fried, M.; Boas, H. C. (eds.). 2005. *Grammatical Constructions: Back to the Roots*. Amsterdam: John Benjamins.
- Fried, M.; Östman, J.-O. (eds.). 2004. *Construction Grammar in a Cross-Language Perspective*. Amsterdam: John Benjamins.
- Frumkina, R. M.; Mikhejev, A. V. 1996. *Meaning and Categorization*. New York: Nova Science Publishers.
- Givón, T. 1984. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. I. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, C. (ed.). 2006. *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Goddard, C. (ed.). 2008. *Cross-Linguistic Semantics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, C.; Wierzbicka, A. (eds.) 2004. *Intercultural Pragmatics* 1(2). Special issue on "Cultural scripts".
- Goldberg, A. 1995. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Goldberg, A. 2002. *Construction Grammar* // *Encyclopedia of Cognitive Science*. London: Macmillan Reference.
- Goldberg, A. 2003. *Constructions: A new theoretical approach to language* // *Trends in Cognitive Sciences*, 7.5, 219—224.

- Goldberg, A. 2006. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
- Grewendorf, G. 1989. Ergativity in German. Dordrecht: Foris.
- Gries, S. Th.; Stefanowitsch, A. 2004a. Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on 'alternations' // *International Journal of Corpus Linguistics* 9(1), 97—129.
- Gries, S. Th.; Stefanowitsch, A. 2004b. Co-varying collexemes in the into-causative // M. Achard, S. Kemmer (eds.). *Language, Culture, and Mind*. Stanford, CA: CSLI, 225—36.
- Grimshaw, J. 1990. *Argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Gropen, J.; Pinker, S.; Hollander, M.; Goldberg, R.; Wilson, R. 1989. The learnability and acquisition of the dative alternation in English // *Language*, 65(2), 203—257.
- Guiraud-Weber, M. 1984. *Les propositions sans nominatif en russe moderne*. Paris: Institut d'Etudes Slaves.
- Halliday, M. A.K. 1998. On the grammar of pain // *Functions of Language*, 5.1, 1—32.
- Harves, S. 2002. *Unaccusative Syntax in Russian*. Ph.D. Dissertation, Princeton University.
- Haspelmath, M.; Buchholz, O. 1998. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.) *Adverbial constructions in the languages of Europe*. (Empirical Approaches to Language Typology/EUROTYP, 20—3). Berlin: Mouton de Gruyter, 277—334.
- Hawkins, B. W. 1988. The natural category MEDIUM: An alternative to selection restrictions and similar constructs // B. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 231—270.
- Heine, B. 1989. Adpositions in African languages // *Linguistique Africaine* 2, 77—127.
- Heine, B.; Kuteva, T. 2002. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heine, B.; Reh, M. 1984. *Grammaticalization and reanalysis in African languages*. Hamburg: Helmut Buske.
- Herskovits, A. 1986. *Language and spatial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Himmelman, N. P.; Schultze-Berndt, E. 2005. *Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives*. Oxford: Oxford University Press.
- Hinterhoelzl, R. 2001. Semantic constraints on case assignment in secondary adjectival predicates in Russian // *ZAS papers linguistics* 22: 99—112.
- Hoffmann, W. 1956. *Schmerz, Pein und Weh: Studien zur Wortgeographie deutschmundartlicher Krankheitsnamen*. Giessen: Schmitz.
- Holvoet, A. 1991. *Transitivity and clause structure in Polish: A study in case marking*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.

- Hopper, P. J.; Traugott, E. C. 1993. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ikegami, Y. 1987. 'Source' vs. 'goal': A case of linguistic dissymmetry // R. Dirven, G. Radden (eds.) *Concepts of case*. Tübingen: Narr.
- Iordanskaja, L.; Paperno, S. 1996. *A Russian-English Collocational dictionary of the human body*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers.
- Jachnow, H. 2005. *Graduierungssphraseologie — Wesen und Funktion, dargestellt an einem bosnischen/kroatischen/serbischen Korpus* // H. Jachnow, A. Kiklevič, N. Mečkovskaja, B. Norman, M. Wingender. *Kognition, Sprache und phraseologische / parömiologische Graduierung*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag.
- Jackendoff, R. 1990. *Semantic structures*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jackendoff, R. 1991. Parts and boundaries // B. Levin, S. Pinker (eds.) *Lexical and Conceptual Semantics*. Oxford: Blackwell, 1—45.
- Jackendoff, R. 1997. *The Architecture of the Language Faculty*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jakobson, R. 1936. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 6. [в рус. пер.: Якобсон, Р. О. К общему учению о падеже // Р. О. Якобсон. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985, 133—175].
- Janda, L. 1993. *A Geography of Case Semantics: The Czech Dative and the Russian Instrumental*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Janda, L.; Clancy, S. 2001. *The Case Book for Russian*. Amsterdam: John Benjamins.
- Jensen, P. A.; Vikner, C. 1994. Lexical knowledge and the semantic analysis of Danish Genitive constructions // S. L. Hanse, H. Wegener (eds.) *Topics in knowledge-based NLP systems*. Copenhagen: Samfundslitteratur, 37—55.
- Jensen, P. A.; Vikner, C. 2002. The English Prenominal Genitive and Lexical Semantics. Paper presented to the Workshop "Semantics / Syntax of Possessive Constructions". University of Massachusetts, Amherst, May 6—8.
- Jespersen, O. 1949. *A Modern English Grammar on Historical Principles*, Vol. 7: *Syntax*. Copenhagen: Munksgaard.
- Keenan, E. L. 1976 Towards a universal definition of subject // C. N. Lee (ed.) *Subject and topic*. New York: Academic Press, 303—333. [в рус. пер.: Кинэн, Э. Л. 1982. К универсальному определению подлежащего // *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XI. М.: Прогресс, 236—276.]
- Kennedy, G. 1991. Between and through: The company they keep and the functions they serve // K. Aijmer, B. Altenberg (eds.) *English corpus linguistics*. London: Longman, 95—110.
- Koptjevskaja-Tamm, M. 2008. Approaching Lexical typology // M. Vanhove (ed.) *From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 3—52.
- Kor Chahine, I. 2008. Le verbe impersonnel хватать / хватить: de la syntaxe à la sémantique // Ch. Zaremba, R. Roudet (eds.) *Questions de linguisti-*

- que slave. Études offertes à M. Guiraud-Weber. Aix-en-Provence: Université de Provence, 149—168.
- Krasovitsky, A.; Long, A.; Brown, D.; Baerman, M.; Corbett, G. 2008. Predicate nouns in Russian // *Russian Linguistics* 32, 99—113.
- Kuznetsova, Ju.; Rakhilina E. 2010. Russian Depictives and Agreeings // G. Zybatow, Ph. Dudchuk, S. Minor, E. Pshehotskaya (eds.) *Formal Studies in Slavic Linguistics. Proceedings of Formal description of Slavic Languages 7.5*. Frankfurt (Main), Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
- Lakoff, G. 1970. *Irregularity in Syntax*. New York: Holt, Reinhart & Winston.
- Lakoff, G. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about The Mind*. Chicago, London: The University of Chicago Press [в рус. пер.: Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.].
- Lakoff, G.; Johnson, M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press [в рус. пер.: Лакофф, Дж.; Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004].
- Lakoff, G.; Johnson, M. 1999. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought*. New York: Basic Books.
- Lakoff, G.; Turner, M. 1989. *More than cool reason: A field guide to poetic metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Langacker, R. W. 1969. On Pronominalization and the Chain of Command // D. A. Reibel, S. A. Schane (eds.) *Modern Studies in English*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 160—186.
- Langacker, R. W. 1973a. Predicate Raising: Some Uto-Aztecan Evidence // B. B. Kachru, R. B. Lees, Ya. Malkiel, A. Pietrangeli, S. Saporta (eds.) *Issues in Linguistics: Papers in Honor of Henry and Renée Kahane*. Urbana: University of Illinois Press, 468—491.
- Langacker, R. W. 1973b. French Interrogatives Revisited. J. Casagrande, B. Saciuk (eds.) *Generative Studies in Romance Languages*. Rowley, MA: Newbury House, 36—69.
- Langacker, R. W. 1987. *Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
- Langacker, R. W. 1988a. A view of linguistic semantics // B. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 49—89.
- Langacker, R. W. 1988b. A Usage-based model // B. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 127—161.
- Langacker, R. W. 1991a. *Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter.

- Langacker, R. W. 1991b. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 2: Descriptive application. Stanford: Stanford University Press.
- Langacker, R. W. 1999. *Grammar and Conceptualization*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Langacker, R. W. 2005. Integration, grammaticalization and construction meaning // M. Fried, H. C Boas (eds.) *Grammatical Constructions: Back to the roots*. Amsterdam: John Benjamins, 157—186.
- Langacker, R. W. 2009. Cognitive (Construction) Grammar // *Cognitive Linguistics* 20(1), 167—176.
- Lascaratou, Ch. 2007. *Language of Pain: Expression or Description*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Lee Su Hyoun 2000. The understanding of grammaticalization theory // *Cognitive linguistics*. Seoul: Korean culture press, 255—296.
- Lee Su Hyoun 2005. The Nominal Quantitative Construction in Russian // S. Franks, F. Y. Gladney, M. Tasseva-Kurktchieva (eds.) *Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting*. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 195—207.
- Lee Su Hyoun, Rakhilina E. V. 2005. MORE IS UP? More Kinds of More: Evidence from Russian and Korean // 9th International Cognitive Linguistic Conference. Seoul.
- Lehmann, Ch. 1990. Towards lexical typology // W. Croft, K. Denning, S. Kemmer (eds.) *Studies in Typology and Diachrony for Joseph H. Greenberg on his 75th birthday* (Typological Studies in Language 20). Amsterdam: John Benjamins.
- Levin, B.; Rappaport Hovav, M. 1995. *Unaccusativity*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Levinson, S. C. 2003. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levinson, S. C.; Meira, S. and The Language and Cognition Group. 2003. 'Natural Concepts' in the spatial topological domain — adpositional meanings in crosslinguistic perspective: An exercise in semantic topology // *Language* 79, 485—516.
- Levinson, S. C.; Wilkins, D. P. (eds.) 2006. *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Libš, J. 1981. *Syntax der sorbischen Sprache in der Oberlausitz*. Bautzen: Domowina.
- Lidz, J.; Williams, A. 2009. Constructions on holiday // *Cognitive linguistics* 20(1), 177—189.
- Lindner, S. 1981. *A Lexico-Semantic Analysis of Verb-Particle Constructions with Up and Out*. Ph.D. diss., University of California, San Diego.
- Lindner, S. 1982. What Goes Up Doesn't Necessarily Come Down: The Ins and Outs of Opposites // *Papers from the Eighteenth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 305—23.

- Lindner, S. 1983. A lexico-semantic analysis of English verb-particle constructions with UP and OUT. Trier: LAUT.
- Lowe, J. B.; Baker, C. F.; Fillmore, Ch.J. 1997. A frame-semantic approach to semantic annotation // Proceedings of the SIGLEX workshop "Tagging Text with Lexical Semantics: Why, What, and How?" held April 4—5, in Washington, D. C., USA in conjunction with ANLP—97.
- MacLaury, R. E. 1991. Social and cognitive motivations of change: Measuring variability in color semantics // *Language* 67 (1), 34—62.
- MacLaury, R. E. 1997. *Color and Cognition in Mesoamerica: Constructing Categories as Vantages*. Austin: University of Texas.
- MacLaury, R. E. 2000. Linguistic relativity and the plasticity of categorization // M. Pütz, M. Verspoor (eds.) *Explorations in Linguistic Relativity. (Current Issues in Linguistic Theory 199.)* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 251—293.
- MacWhinney, B. 2005. The emergence of grammar from perspective taking // D. Pecher, R. Zwaan (eds.) *The Grounding of Cognition: The Role of Perception and Action in Memory, Language, and Thinking*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Majid, A.; Bowerman, M. (eds.) 2007. Cutting and breaking events: A cross-linguistic perspective. Special issue of *Cognitive Linguistics*, 18(2).
- Majid, A.; Enfield, N.; van Staden, M. 2006. Parts of the body: Cross-linguistic categorization // *Language Sciences* 28 (2—3), Special issue, 137—360.
- Marmaridou, S. 2006. On the conceptual, cultural and discursive motivation of Greek pain lexicalizations // *Cognitive Linguistics*, 17 (3), 393—434.
- McCawley, J. D. The role of semantics in grammar // E. Bach, R. T. Harms (eds.) *Universals in linguistic theory*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968.
- Mel'čuk, I. A. 1988. *Dependency syntax: theory and practice*. Albany: SUNY Press.
- Mel'čuk, I. A. 2004. Actants in semantics and syntax, I: Actants in semantics // *Linguistics*, 42.1, 1—66.
- Mel'čuk, I. A.; Iordanskaja, L. N. 1995. **Glaza Maši golubye* vs. *Glaza u Maši golubye*: Choosing between two Russian constructions in the domain of body parts // И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39) М., Вена: Языки русской культуры, 135—164.
- Melzack, R. 1975. The McGill Pain Questionnaire: major properties and scoring methods. *Pain* 1, 277—299.
- Michaelis, L. A. 2004. Type shifting in construction grammar: An integrated approach to aspectual coercion // *Cognitive Linguistics*, 15(1), 1—67.
- Michaelis, L. A. 2005. Entity and event coercion in a symbolic theory of syntax // J.-O. Östman, M. Fried (eds.). *Construction Grammars: Cognitive*

- Grounding and Theoretical Extensions. Amsterdam: John Benjamins, 45—88.
- Mikaelian, I.; Roudet, R. 1999. Русский датив: от адресата к субъекту // *Russian Linguistics* 23, 11—40.
- Miklosich, F. 1868—1874. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Bd. 4: Syntax. Wien: Wilhelm Braumüller.
- Miller, G. A.; Johnson-Laird, Ph.N. 1976. *Language and perception*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Nedjalkov, V. P. (ed.) 2007. *Reciprocal constructions*. [Typological Studies in Language 71]. Vols. 1—5. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Newman, J. (ed.) 1998. *The Linguistics of Giving*. [Studies in Typological Linguistics 36]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Newman, J. (ed.) 2002. *The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying*. [Studies in Typological Linguistics 51]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Newman, J. (ed.) 2009. *The Linguistics of Eating and Drinking*. [Studies in Typological Linguistics 84]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Nicholls, S. 2003. *The semantics of pain and suffering*. BA (Hons) thesis. University of New England.
- Nichols, J. 1981. *Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian* (University of California publications in linguistics, vol. 97). Berkeley: University of California Press.
- Oh, S.-Y. 2000. *Actually and in fact in American English: A data-based analysis* // *English Language and Linguistics*, 4(2), 243—268.
- Östman, J.-O.; Fried, M. 2005. The cognitive grounding of Construction Grammar // Östman, Fried (eds.), 1—16.
- Östman, J.-O.; Fried, M. (eds.) 2005. *Construction Grammars: Cognitive Grounding and Theoretical Extensions*. Amsterdam: John Benjamins.
- Panevová, J. 1994. Valency frames and the meaning of the sentence // Ph.A. Luelsdorff (ed.) *The Prague school of structural and functional linguistics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Partee, B. H. 1983/1997. Uniformity vs. versatility: the Genitive, a case study (appendix to T. Janssen, 1997, *Compositionality*) // J. van Benthem, A. ter Meulen (eds.) *The handbook of logic and language*. Amsterdam: Elsevier.
- Partee, B. H. 1986. Noun phrase interpretation and type-shifting principles // J. A. G. Groenendijk, D. de Jongh, M. Stokhof (eds.) *Studies in Discourse Representation Theory and the Theory of Generalized Quantifiers*. GRASS 8, Dordrecht: Foris, 115—143.
- Partee, B. H. 1995. Lexical semantics and compositionality // L. Gleitman, M. Liberman (eds.) *Invitation to cognitive science, part I: Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 311—360.
- Partee, B. H. 2007. Compositionality and coercion in semantics: The dynamics of adjective meaning // G. Bouma et al. (eds.), *Cognitive Foundations*

- of Interpretation. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 145—161.
- Partee, B. H.; Borschev, V. 1998. Integrating lexical and formal semantics: Genitives, relational nouns, and type-shifting // R. Cooper, Th. Gamkrelidze (eds.) Proceedings of the 2nd Tbilisi Symposium on Language, Logic, and Computation. Tbilisi: Tbilisi State University, 229—241.
- Partee, B. H.; Borschev, V. 2000a. Genitives, relational nouns, and the argument-modifier distinction // C. Fabricius-Hansen, E. Lang, C. Maienborn (eds.) Approaching the Grammar of Adjuncts. ZAS Papers in Linguistics 17. Berlin: Humboldt University, 177—201.
- Partee, B. H.; Borschev, V. 2000b. Possessives, *favorite*, and coercion // A. Reihl, R. Daly (eds.) Proceedings of ESCOL 99. Ithaca, New York: CLC Publications, Cornell U, 173—190.
- Partee, B. H.; Borschev, V. 2006. Information structure, perspectival structure, diathesis alternation, and the Russian genitive of Negation // B. Gyuris, L. Kálmán, Ch. Piñón, K. Varasdi (eds.) Proceedings of Ninth Symposium on Logic and Language (LoLa 9), Besenyőtelek, Hungary, August 24—26, 2006. Budapest: Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Theoretical Linguistics Programme, Eötvös Loránd University, 120—129.
- Partee, B. H.; Borschev, V. 2007. Existential sentences, BE, and the Genitive of Negation in Russian // I. Comorovski, K. von Stechow (eds.) Existence: Semantics and Syntax. Dordrecht: Springer, 147—190.
- Payne, D. L.; Barshi, I. (eds.) 1999. External possession. Amsterdam: John Benjamins.
- Peirsman, Y.; Geeraerts, D. 2006a. Metonymy as a Prototypical category // Cognitive Linguistics, 17(3), 269—316.
- Peirsman, Y.; Geeraerts, D. 2006b. Don't let metonymy be misunderstood // Cognitive Linguistics, 17(3), 327—336.
- Perlmutter, D. 1978. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 157—189.
- Pesetsky, D. 1982. Paths and Categories. Ph.D. Dissertation, MIT.
- Pinker, S. 1989. Learnability and Cognition: The Acquisition of Argument Structure. Cambridge, MA: MIT Press.
- Podlesskaja, V. I.; Rakhilina, E. V. 1999. External possession, reflexivization and body parts in Russian // D. Payne, E. Barshi (eds.) External possession and related noun incorporation constructions. [Typological studies in languages]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 505—521.
- Pustejovsky, J. 1993. Type coercion and lexical selection // J. Pustejovsky (ed.) Semantics and the Lexicon. Dordrecht: Kluwer, 73—94.
- Pustejovsky, J. 1995. The generative lexicon. Cambridge, MA: MIT Press.
- Pustejovsky, J. 2001. The Generative Lexicon // Computational Linguistics, 17.4.

- Quine, W. V. 1956. Quantifiers and Propositional Attitudes // *The Philosophical Review* 53, 177—187.
- Radden, G.; Kövecses, Z. 1999. Towards a Theory of Metonymy // K.-U. Panther, G. Radden (eds.) *Metonymy in Language and Thought*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 17—59.
- Rakhilina, E. V. 2002. Semantics of possession and stability. Paper presented to the Workshop “Semantics / Syntax of Possessive Constructions”. University of Massachusetts, Amherst, May 6—8.
- Rakhilina, E. V. 2003. The case for Russian Genitive case reopened // W. Browne, J. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.) *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst meeting 2002*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 433—450.
- Rakhilina, E. V. 2004. On genitive and ‘stability’: evidence from Russian // Ji-Yung Kim, Yu. A. Lander, B. Partee (eds.) *Possessives and beyond: Semantics and syntax*. (UMOP 29). Amherst, MA: GLSA Publications, 45—58.
- Rakhilina, E. V.; Reznikova, T. I.; Shemanaeva, O. Yu. 2009. Dealing with Polysemy in Russian National Corpus: the case of adjectives // P. Bosch, D. Gabelaia, J. Lang (eds.) *Logic, Language, and Computation*. LNCS, LNAI, Vol. 5422. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 69—79.
- Rakhilina, E. V.; Tribushinina, E. (in press) *The Russian instrumental-of-comparison: constructional approach*.
- Rakhilina, E. V.; Weiss, D. 2002. Forgetting one's roots: Slavic and Non-Slavic elements in possessive constructions of modern Russian // *STUF* 55.2, 173—205.
- Reznikova, T. I.; Rakhilina, E. V.; Bonch-Osmolovskaya, A. A. (in press) *Towards a typology of pain predicates* // M. Koptjevskaja-Tamm (ed.) *Linguistics. A special issue on Lexical Typology*.
- Ross, J. R. 1970. On declarative semantics // R. A. Jacobs, P. S. Rosenbaum (eds.) *Readings in English transformational grammar*. Waltham, MA: Ginn.
- Roudet, R. 2003. *Syntaxe des cas et processus de grammaticalisation: l'exemple du datif russe* // *La Grammaticalisation, La Terminologie*. CLAIX, Cercle linguistique d'Aix-en-Provence, sous la dir. de Christian Touratier. Aix-en-Provence: Université de Provence.
- Rudzka-Ostyn, B. 1988. Semantic extensions into verbal communication // B. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 647—677.
- Schott, G. D. 2004. Communicating the experience of pain: the role of analogy // *Pain*, vol. 108(3), 209—212.
- Stefanowitsch, A.; Gries, S. Th. 2003. Collocations: investigating the interaction between words and constructions // *International Journal of Corpus Linguistics* 8.2, 209—43.
- Stefanowitsch, A.; Gries, S. Th. 2005. Covarying collexemes // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 1.1, 1—43.

- Stefanowitsch, A.; Rohde, A. 2004. The goal bias in the encoding of motion events // K.-U. Panther, G. Radden (eds.) *Motivation in Grammar*. Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 249—268.
- Strigin, A.; Demjjanow, A. 2001. Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics* 25, 1—79.
- Stump, G. 1985. *The Semantic Variability of Absolute Constructions*. Synthese Language Library. Dordrecht: Reidel.
- Svorou, S. 1994. *The Grammar of Space*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Sweetser, E. 1990. *From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Talmy, L. 1975. Semantics and syntax of motion // J. Kimball (ed.). *Syntax and semantics*, 4. New York: Academic press, 181—238.
- Talmy, L. 1978. Figure and ground in complex sentences // J. H. Greenberg (ed.) *Universals of human language*, vol.4. Stanford: Stanford University Press, 625—649.
- Talmy, L. 1985. Lexicalization patterns. Semantic structure in lexical form // T. Shopen (ed.) *Language typology and syntactic description*, vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press.
- Talmy, L. 1988. The relation of grammar to cognition // B. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 165—205.
- Talmy, L. 2000. Lexicalization patterns // L. Talmy, *Toward a cognitive semantics*. Vol. 2: Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA: MIT Press.
- Taylor, J. R. 1988. Contrasting Prepositional Categories: English and Italian // B. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 300—326.
- Thompson, S. A. 1990. Information flow and dative shift in English discourse // J. A. Edmondson, C. Feagin, P. Mühlhäusler (eds.) *Development and Diversity: Language Variation across Time and Space*. A Festschrift for Charles-James N. Bailey. Dallas, TX: SIL & University of Texas at Arlington, 239—253.
- Thompson, S. A.; Koide, Y. 1987. Iconicity and 'indirect objects' in English // *Journal of Pragmatics*, 11(3), 399—406.
- Timberlake, A. 2004. *A Reference Grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tomasello, M. 2003. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tuggy, D. 2007. *Getting the Joke; Humor, Cognitive grammar, encyclopedic meaning and the semantics/pragmatics interface*. Presentation for the International Cognitive Linguistics Conference X, Kraków, Poland.
- Ullman, S. 1967. *Semantics: an introduction to the science of meaning*. Oxford: Blackwell.

- Ungerer, F.; Schmidt, H.-J. 1996. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London: Longman.
- Vandeloise, C. 1988. Length, width and potential passing // B. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 647—677.
- Vandeloise, C. 1991. *Spatial prepositions: A case study from French*. Chicago: Univ. of Chicago.
- Vandeloise, C. 1994. Methodology and analyses of the preposition // *Cognitive linguistics* 5(2), 157—184.
- Vendler, Z. 1957. Verbs and times // *The Philosophical Review*, 66(2), 143—160.
- Verspoor, M.; Dirven, R.; Radden, G. 1999. Putting concepts together: Syntax // R. Dirven, M. Verspoor (eds.) *Cognitive Exploration into Language and Linguistics* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 87—115.
- Vondrák, W. 1908/1928. *Vergleichende slavische Grammatik*. Bd. 2: *Formenlehre und Syntax*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Weinreich, U. 1966. Explorations in semantic theory // Th.A. Sebeok (ed.) *Current trends in linguistics, III. Theoretical foundations*. The Hague / Paris: Mouton.
- Wierzbicka, A. 1972. *Semantic primitives*. Frankfurt (M): Athenäum, 1972.
- Wierzbicka, A. 1979. Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar // *Studies in Language*, 3.3, 313—383.
- Wierzbicka, A. 1980. The Case for Surface Case. Ann Arbor: Karoma
- Wierzbicka, A. 1986. What's in a noun? (Or: How do nouns differ in meaning from adjectives?) // *Studies in Language* 10(2), 353—389.
- Wierzbicka, A. 1998. The semantics of English causative constructions in a universal-typological perspective // M. Tomasello (ed.) *The New Psychology of Language. Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 113—153.
- Wilkins, D. P.; Hill, D. 1995. When *go* means *come*: Questioning the basicness of basic motion verbs // *Cognitive linguistics* 6(2/3), 209—256.
- Zalizniak, Anna A. 2008. A Catalogue of Semantic Shifts: towards a Typology of Semantic Derivation // M. Vanhove (ed.) *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam: John Benjamins, 217—232.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Абсолютная ориентация** 125
абстрактное движение 96, 374
абстрактные глаголы 89
абстрактные имена 202, 355, 359, 361, 363, 365, 370—371, 373, 375, 377—378, 380—381, 390—391, 399—400, 411—412, 414—415, 419, 436, 438—439, 504
адресат / адресатное отношение 40, 254, 256—257, 280, 291, 293—294, 301—302
актанты и сирконстанты 78, 307, 416, 421
антропоцентричности свойство 58, 97—98, 114, 121, 124, 135, 221, 231, 366, 371
аспектуальные характеристики имен деятеля 261—262
ассерция 25—26, 68, 213—214, 311—312, 316
ассоциированное множество 197
атрибутивные конструкции 398—455
- Бытийные глаголы / бытийное употребление глагола** 102—103, 204, 214—216, 218, 353
- Взаимодействие компонентов / взаимозависимость ограничений в конструкции** 20—22, 30, 34, 52—53, 137, 165—166, 174—176, 179—180, 186, 217—218, 317, 540
врожденность языка 22, 47, 57, 69, 71—72
вынужденный сдвиг значения, см. coercion
- Генитив при отрицании** 56, 189—190, 215, 218
генитивная конструкция 219, 222, 238—246, 247—286, 290, 323, 335, 347, 352—354, 358—359, 361, 369, 380—381, 393, 396
— изображения 252, 278—282, 284
— меры 222, 238—246, 252, 269—272, 284, 369
— с временным значением 252, 272—274, 284
— с именами деятеля 252—268, 284
— с пространственным значением 252, 276—278, 284
— части-целого 252, 274—276, 284
глаголоцентричность в описании конструкций 30—32, 34
глаголы адресации 298, 301—302
глаголы болевых ощущений 456—540

- глаголы восприятия / оценочного восприятия 171—176, 178, 181—182, 298, 302
- глаголы горения 477, 484—485, 487—488, 492, 496—498, 510, 516, 529
- глаголы движения 26, 102—106, 150, 309—311, 328—329, 366, 373, 386, 403, 409—410, 450, 457, 461, 480—481, 492—494, 496—498, 500, 509, 516, 529
- глаголы горизонтального движения 103
 - глаголы каузации движения 32—33, 150, 309—311, 458, 480—481, 497, 519
 - глаголы прибытия 104—105
- глаголы звука 31, 437, 458, 479—481, 485—486, 492—494, 496, 503, 506, 509—510, 516, 522, 538
- глаголы контакта 31, 102, 105—106, 318
- глаголы ликвидации результата 313—315
- глаголы личного отношения 210—211
- глаголы мены состояния 171—176, 178, 181
- глаголы каузации мены состояния 173
- глаголы мнения 173
- глаголы неудавшегося действия 315—317
- глаголы обработки объекта 176
- глаголы плавления 410, 425
- глаголы погружения 102—104
- глаголы позиции / локативные глаголы 102—103, 143, 212—214, 353, 373, 439, 452, 143
- глаголы «полного охвата» 314
- глаголы потери функциональности 476, 481—483, 486, 492—501, 503, 528
- глаголы приобретения 298, 302—306
- глаголы психической / механической каузации 298—302
- глаголы психоэмоционального состояния 403, 433, 437, 465, 483—485
- глаголы с презумпцией обладания 209—211, 213
- глаголы саморазрушения 479, 483, 486, 490, 500, 506, 509, 516
- глаголы создания объекта 441
- глаголы физического воздействия / разрушения / деформации 289, 299, 458, 461, 476, 478—479, 483, 485—486, 489—490, 493—494, 497—498, 534
- грамматикализация 23, 353, 357—361, 395, 402, 450—455, 531—533, 535, 539
- степень грамматикализованности 352, 357—361, 364—365, 370—371, 374—375, 377, 380—384, 386, 391, 393, 395
- Дейксис в квантификаторах большого количества 383—386
- дейктические глаголы 26—27, 310—311, 385
- декатегоризация 358, 454
- делимитативные глаголы 90
- депиктивная конструкция (DepC) 76, 159—183

динамические глаголы 212—213, 215—216, 494, 507, 509, 523, 534, 538, 540
дистрибутивная конструкция 77, 184—218
квантитативная дистрибутивная конструкция 191—192, 194—199
дитранзитивная конструкция VS. конструкция с *to* в английском 39—41
домен 402—404, 406, 408, 410—414, 431, 445—446, 458
доменная матрица 402, 408
дополнители 498
дополнительный аргумент при отрицании 326—329

Заинтересованности признак 291—294, 301, 303, 307

Имена деятеля 252—268, 271, 273, 278, 284
импликатура / импликативное отношение 446—449, 451, 453, 455, 531—532, 536—537, 539
индивидные предикаты, см. *individual-level predicates*
интенциональное употребление / интерпретация 206, 208, 215, 265, 323, 326—327, 329, 331, 342

Каламбурные эффекты в конструкциях 138—155
каузативные конструкции 19, 23, 32, 56
— конструкция каузации движения 33, 458
— каузативная конструкция с *into* в английском 42—45
кваликативная структура, см. *qualia structure*
квантификаторы 352—397
— квантификаторы малого количества 354—357, 373, 386, 395—397
— квантификаторы большого количества 352—354, 357—397
классификаторы 369—370, 394—395
классификация лексики 53, 180, 237
ковариация колексем 35, 41—45
Когнитивная грамматика (Cognitive Grammar, CG) 58—66, 96, 407
колексемный анализ 35—39
количественная группа с *один* 196—199
коллокационный анализ 34—46
комитативная конструкция 222, 229—236, 245—246
композиции с ситуативным значением 189
композициональности принцип 22, 59—60, 66, 77, 328—329
конативности значение 87, 92—93
конструкции боли 79, 456—535, 539—540
— конструкции психоэмоциональной боли 465, 471, 475—476, 483—484, 518
— непереходные болевые конструкции 468—470, 473—474, 515—518, 520—522, 527
— переходные болевые конструкции 470—475, 515, 518—520, 522—523, 527

- конструкции «лексической множественности» 78, 352—397
 конструкции с глаголом *хватать* 78, 318—331
 конструкции с инверсией подлежащего в английском 67—69
 конструкции с удвоением 76, 84—94
 конструкции уровня 76, 95—137
 — атрибутивные 107, 115—121
 — номинализованные 119—120
 — рефлексивные 99—100, 102—104, 116
 конструкция *беда с* 348—350
 конструкция *вопрос с* 346, 349—350
 конструкция *затруднения с* 347, 349—350
 конструкция множественного действия 189
 конструкция *проблема с* 78, 335—351
 конструкция проникновения 130—132
 конструкция с дательным посессивным 78, 289—308
 конструкция с согласованным определением (AgтC) 159—162, 164—166, 176—179, 181—182
 конструкция *трудности с* 347, 349—350
 конструкция *хлопоты/заботы с* 347—348, 350
 конструкция *let alone* 20—21, 58, 66—67

Лексическая типология 29, 135—137, 404, 410, 426, 456, 460—463, 540
 локативная инверсия 189

Малый синтаксис 55, 351

- метафора 24, 62, 64, 79, 139, 267—268, 285, 356, 401, 402—406, 408, 410, 445—446, 448—449, 452—453, 457—458, 462, 470, 527, 532, 536—538
 — абстрактные сущности как источники метафоры 367—368
 — метафора ‘бесконечно’ → ‘много’ 367
 — метафора ‘большое вместилище’ → ‘большое количество’ 369
 — метафора ‘выше’ → ‘больше’ 225, 362, 369
 — метафора ‘движущиеся массы’ → ‘большое количество’ 374—382
 — метафора ‘ниже’ → ‘больше’ 364, 383—384
 — метафора ‘ниже’ → ‘меньше’ 364
 — метафора ‘последовательность’ → ‘большое количество’ 382
 — метафора ‘размер’ → ‘возраст’ 414—415
 — метафора ‘размер’ → ‘длительность’ 414—415
 — метафора ‘размер’ → ‘объем множества’ 414—415
 — метафора ‘физич. св-во лица’ → ‘физич. св-во предмета’ 413, 415
 — метафора ‘физич. св-во предмета’ → ‘нефизич. св-во абстрактного объекта’ 412—413, 415
 — метафора ‘физич. св-во предмета’ → ‘нефизич. св-во лица’ 411—412, 415
 — метафора ‘физич. св-во предмета’ → ‘св-во цвета / звука’ 413, 415

- метафора 'шире' → 'больше' 363, 372, 384
- метафора большого количества 110—111, 125—126, 362—384, 395
- метафора в болевых конструкциях 457, 470, 477, 480, 483—484, 506, 528—531
- метафора в прилагательных 225, 411—415, 424—428, 430—431, 433—436, 438—442
- метафора в уровневых конструкциях 104, 108—111, 113, 125—127, 129—134
- метафора высокой степени / интенсивности 108, 113, 125—127, 130—133
- метафора контейнера 226, 233—234
- метафора одушевления 414, 425, 434
- метафоризация инструментов как людей 446
- метафоризация организаций как индивидуумов 446
- метафоризация эмоций как жидкостей 359, 361, 372, 403
- метонимия 24, 64—65, 79, 96, 116, 118, 131, 134, 247—248, 259, 269, 344, 378—379, 401—403, 406—410, 445—449, 453, 459, 470, 501—502, 527, 531, 534, 536
- аргументная метонимия 406—408, 410, 416—422
- метонимия 'контейнер' / 'вместилище' → 'поверхность, закрывающая контейнер' / 'поверхность вместилища' 228, 372
- метонимия 'признак состояния' → 'признак его каузатора' 420, 436
- метонимия 'признак состояния' → 'признак его результата / следствия' 420
- метонимия 'признак' → 'время его реализации' 420
- метонимия 'признак' → 'место его реализации' 420
- метонимия 'признак' → 'проявление признака' 421, 436
- метонимия 'размер' → 'дистанция' 421—422
- метонимия 'часть' → 'целое' 228, 372, 409, 416—420, 422, 502
- метонимия 'шкала' → 'верхушка шкалы' 101
- метонимия в прилагательных 415—432, 434—436, 438—440, 442—443
- метонимия сдвига сферы действия 422
- проспективная метонимия 501—502
- результативная метонимия ('процесс → результат', end-point metonymy) 103, 105, 374, 406, 408—410, 411, 416, 420—422, 447—449, 470, 501—502, 531, 534
- транскатегориальная метонимия 423—435, 438—443
- модель «Смысл ↔ Текст» 13, 54, 253, 312, 317, 504
- мультипликативные глаголы 152, 487

Наблюдатель (viewer, observer, vantage point) 26—28, 99, 125, 182, 268, 310—311, 376, 378, 383—386, 394, 421

наследование валентностей 252—253, 309, 313—315, 317

неаккузативность / неэргативность 77, 186—195, 211—212, 217—218
— диагностики неаккузативности 186—192, 195, 199, 217
нисходящее следование (downward entailment) 73—74

Образная схема, см. *image schema*

ограниченные / неограниченные признаки 163—164, 168—170
ориентир (landmark, LM) 61—62, 96—99, 102, 106, 111, 116—117, 121, 137
опущение посессора 296—297, 302
«отталкивание» элемента от конструкции 35, 37—39, 43
отторжимые / неотторжимые части 274—275, 284, 340
оценка / оценочный компонент 131, 148, 352—353, 365, 371, 376—378, 387—389, 394, 412, 426, 428, 432—433, 437—438, 441—445, 449—451, 453, 455
— отрицательная оценка 131, 148, 365, 371, 377—378, 387—389, 394, 412, 428, 433, 441—444, 449, 455
— положительная оценка 376, 387—388, 394, 432—433, 437, 443—444
— сдвиг оценочного значения 426

Параметрические прилагательные 101, 118

«пастушеская» модель мира 124
перестройка конструкции 24, 51, 53, 79, 448—449, 453—454, 458—460, 472, 486—527, 537—540
— морфологическая 486—503
— морфосинтаксическая 503—511
— синтаксическая 472, 512—527, 532, 538
подъем посессора 290—291
потенциальная посессивность (принадлежность) 151, 281, 304—305, 323
предикатные имена 54, 206, 297, 338—341, 343, 345, 348, 350, 436, 508
предметные имена 77, 202, 222, 224, 346, 348—349, 352, 358—361, 363, 365—366, 393, 400, 411—415, 438
презумпция (пресуппозиция) 25—26, 176, 206, 208—211, 213, 216, 311—317, 340, 345
презумптивность множества / ресурса 329, 388, 394
принцип С 70—73
«притягивание» элемента к конструкции 35—44, 46
причинные конструкции 149
прогрессивная конструкция в английском 35—39
проекция, см. *tapping*
просодия в конструкции 85, 143—144
профилирование (profiling) / перепрофилирование 60—61, 63—64, 362, 407—408, 411, 536

Различительный колексемный анализ 35, 39—41

ребрендинг 79, 319, 402, 416, 428—455, 506, 527—528, 530—532, 535—540

реляционность / реляционное имя 77, 203—210, 213—215, 217, 247—249, 251, 254—255, 266, 268—269, 283, 294, 296, 306, 353, 417—418
родительный падеж при отрицании, см. *генитив при отрицании*
роль грамматики в семантике конструкции 153—154, 244, 254—255, 260, 277—278, 341
роль контекста в семантике конструкции 180, 214—218, 244, 260, 264—266, 268, 271, 277

Салиентность 232

сверка признаков, см. *feature checking*

связанное согласование 189

сдвиг типа, см. *type-shifting*

семантика дательного падежа 151, 280—281, 323, 327, 329

семантика творительного падежа 164—165, 181—182

семейство конструкций 23, 69, 78, 135, 137, 282, 349—350

символические структуры, см. *symbolic structures* 60

синхрония и диахрония 23

совмещение ментальных пространств, см. *blending*

сочетаемость заимствованных слов 345—346

сравнительная дименсивная конструкция 97

сравнительная конструкция с творительным 181—182

стадиальные предикаты, см. *stage-level predicates*

стативизации процесс 448—449, 454, 486—527, 534, 540

— дуративная стратегия стативизации 487—500, 502

— проспективная стратегия стативизации 499—502

— результитивная стратегия стативизации 487—500, 502

стативные предикаты / стативности свойство 37—38, 120, 215, 416, 441,

467—468, 472—473, 475, 486—489, 491, 493—494, 497, 499, 502—

504, 507—509, 512, 515, 523, 529—530, 534, 537, 540

стирание / выветривание значения, см. *bleaching*

Терминатив 106—107, 114

топологический тип 'выступ' 122, 124

топологический тип 'контейнер' 77, 109, 219—246, 248, 269—270, 369, 371, 393, 395, 407

топологический тип 'линия' 122

топологический тип 'свод' / 'купол' 110—111

точный критерий Фишера 35—37, 41, 43

траектор (trajector, TR) 61—62, 96, 99, 116

Усвоение конструкций детьми 46—49, 69—72

устойчивости свойство 252, 255—282, 284—286

Фасадность 28, 124—125

фигура 97

-
- фиксированность партиципанта 309—314, 317
фон 97
фонетический компонент конструкции 21, 85—86, 144
фразеосхема (синтаксическая фразема) 55
фрейм 25, 29, 42, 44—45, 98—99, 136—137, 402—408, 417, 423—424, 446, 448, 459, 536
 — болевой 512, 515
 — поступательного движения 422
 — измерения уровня 99
- Х**абитуальная интерпретация глагола 216—217
- Эталоны (маркеры) размера / уровня 98, 114, 116—117, 119, 121—137
- B**leaching (стирание / выветривание значения) 358, 361, 450
Blending (совмещение ментальных пространств) 62, 138—139, 404—405
- C**oercion (вынужденный сдвиг значения) 32, 51, 53—54, 63, 400, 406, 411, 419, 515, 536
Cognitive Grammar (CG), см. *Когнитивная грамматика*
- D**ownward entailment, см. *нисходящее следование*
- E**mbodiment 367, 371
- F**eature checking (сверка признаков) 53
FRAMENET 22, 29, 75, 464
- G**oal-bias 409
- I**mage schema (образная схема) 220, 237, 367
individual-level predicates (индивидуальные предикаты) 163, 174, 177
- L**andmark (LM), см. *ориентир*
- M**apping (проекция) 404
- O**bserver, см. *наблюдатель*
- Q**ualia structure (кваликативная структура) 248
- S**tage-level predicates (стадиальные предикаты) 163, 174, 181
symbolic structures (символические структуры) 60

Trajector (TR), см. *траектор*
transitive common noun (TCN), см. *реляционное имя*
type-shifting (сдвиг типа) 219

Uusage-based model 63

Vantage point, см. *наблюдатель*
vantage theory 526
viewer, см. *наблюдатель*

SUMMARY

This book examines lexical and syntactic phenomena in Russian (in several cases in comparison with other languages) within the framework of Construction Grammar theory (CxG). CxG is a rapidly developing approach to linguistic analysis that makes it possible to comprehensively analyze a variety of linguistic phenomena. The book reveals that many fundamental features of Construction Grammar, such as explicative force and semantic analysis of syntactic effects, have direct parallels in the Russian linguistic tradition.

The book consists of an introduction and four parts, which are further subdivided into chapters. Each chapter focuses on a particular linguistic phenomenon. The complete list of the chapters is given below:

Introduction. Construction Grammar: Theories, Adherents, Similar Approaches

Part I. Constructions at work

Chapter 1. Verb Doubling in Russian: The Grammar of a Verbal Construction

Chapter 2. *Up to the knee*: Constructions of Level in a Typological Perspective

Chapter 3. The “Joke” Construction

Part II. Construction Grammar and Language Models

Chapter 1. Russian Depictives

Chapter 2. A Russian Construction with the Preposition *po* and the Unaccusativity Hypothesis

Chapter 3. Container and Contents in Russian

Chapter 4. The Russian Genitive Construction and its Formal Interpretation

Part III. Constructions and Argument Structure

Chapter 1. The Possessive Dative Construction

Chapter 2. The Eternal Puzzle of the Russian Verb *promaxnut'sja* 'overshoot'

Chapter 3. The New Puzzle of the Russian Verb *xvatat'* 'grasp / be sufficient'

*Part IV. Grammaticalization, Lexicalization, and Rebranding:
Pathways for Deriving New Constructions*

Chapter 1. Old Constructions are New Again

Chapter 2. On the Concept of Lexical Plurality

Chapter 3. Semantic Shifts in Attributive Constructions: Metaphor, Metonymy, and Rebranding

Chapter 4. A Typology of Construction Modifications: Pain Predicates

Научное издание

Лингвистика конструкций

Редактор Т. И. Резникова
Художник Н. В. Плунгян
Компьютерная верстка В. Ю. Гусев

ООО «Издательский центр «Азбуковник»
119180, г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 50/1,
стр. 2

Подписано в печать 01.09.2010 г.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,5 Тираж 800 экз.
Заказ №